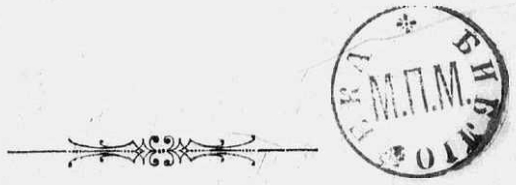
А 158
735
801-14
2154
Q 144

Г. А. Арандаренко

ДОСУГИ
ВЪ
ТУРКЕСТАНѢ

1874—1889.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1889.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
	Отъ автора	I
I.	Между туземцами степного уѣзда	1
II.	Малоизвѣстные города Зеравшанскаго округа . . .	33
III.	Статистическія свѣдѣнія по городамъ Пенджекенту и Ургуту.	69
IV.	Скотоводство въ Зеравшанской долинѣ	81
V.	Село Кишлакъ-карнакъ.	143
VI.	Халифа Хасанъ (біографическій очеркъ).	154
VII.	Народный судъ у туземцевъ	166
VIII.	Цистерны въ Каршинской степи	244
IX.	Замѣтки объ ирригаціи въ Зеравшанской долинѣ. .	250
X.	О метеорологическихъ познаніяхъ туземцевъ . . .	285
XI.	Замѣтка о мостахъ на Зеравшанѣ	295
XII.	Замѣтка по сельскому хозяйству въ Зеравшанской долинѣ	303
XIII.	О кредитѣ у туземцевъ.	340
XIV.	Роль населенія въ довольствіи войскъ	366
XV.	Эксплоатація горнаго лѣса въ Зеравшанскомъ округѣ.	384
XVI.	Въ горахъ Дарваза-каратегина (на верховьѣ Аму-дарьи).	427
XVII.	Дарвазъ и Каратегинъ (этнографическій очеркъ) . .	437
XVIII.	Афганскій Туркестанъ въ 1878—1880 годахъ (очеркъ политическихъ событій).	480
XIX.	Бухарскія войска	538
XX.	Лѣсной вопросъ	571
XXI.	Нѣсколько дней на озерѣ Курчукъ-ата	653

ОТЪ АВТОРА.

Слишкомъ двадцать лѣтъ моей службы въ Туркестанѣ, по административному управленію, доставили мнѣ возможность близкаго знакомства съ жизнью и нуждами мѣстнаго населенія въ разныхъ частяхъ края.

По мѣрѣ знаній, я дѣлился своими наблюденіями и изслѣдованіями въ статьяхъ, которыя печатались въ періодическихъ изданіяхъ. Въ свое время такія изслѣдованія по разнымъ вопросамъ обращали на себя вниманіе и не оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Разсчитывая на снисхожденіе читателя, я рѣшился издать этотъ сборникъ, какъ слабый плодъ многолѣтняго досуга на далекой окраинѣ.

При этомъ считаю обязательнымъ для себя долгомъ принести мою душевную благодарность старожилу Туркестана, капитану Ніазу Саліевичу Кулчанову, знаніями котораго я нерѣдко пользовался при изученіи восточныхъ языковъ и жизни кочевника.

Самаркандъ.
1889 г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Читать:*
155	16 сверху	120 году	163 году
155 прим.		1832 г.	1865 г.
71		гидрезъ	дигрезъ
119	24 „	джурса	джурга
318	30 „	за 1887	за 1877

МЕЖДУ ТУЗЕМЦАМИ СТЕПНОГО УѢЗДА [1]).

Путевыя замѣтки эти относятся къ 1876 году. Можетъ быть съ того времени въ степномъ уѣздѣ многое измѣнилось, многое усовершенствовалось,—мнѣ это неизвѣстно. Но кто же усомнится въ томъ, что этотъ короткій періодъ никакого ассимилирующаго вліянія на жизнь туземцевъ не оставилъ, что общій строй этой жизни, коллективный характеръ населенія остался тотъ же, что и былъ въ давно минувшія времена, что тѣ отрицательныя стороны этого характера, которыя представлялись наблюденію, хотя бы десятилѣтней давности, удержались до сего дня, удержатся и еще нѣсколько генерацій...

Мнѣ представился удобный случай познакомиться съ жизнью туземцевъ степного уѣзда во время четырехмѣсячной поѣздки въ кочевья и осѣдлости, въ качествѣ простого туриста и притомъ въ обществѣ знатоковъ этой жизни, моихъ спутниковъ.

Приготовленія мои къ этому путешествію, зимою, были не особенно сложны и не особенно продолжительны. Къ дорожному комфорту я никакой склонности не имѣлъ, да и гнаться за нимъ было совершенно невозможно по ограниченности средствъ. Къ тому же надо было имѣть въ виду, что, обставляя себя въ кочевой жизни удобствами обстановки бая (богача), я теряю шансы сближенія съ народомъ, который-то и нуженъ былъ для цѣлей моей поѣздки. Рѣшено было такимъ образомъ придерживаться мнѣнія моего доброхотнаго спутника, киргиза Алтынъ-бая, и пуститься въ странствованіе по образу и на

[1]) Напечатано въ 1880 г.

правахъ *джалоучи* (путешественника), пользующагося, по народному киргизскому обычаю (занъ), гостепріимствомъ и участіемъ въ каждомъ аулѣ, гдѣ придется остановиться. Благодѣтельный обычай этотъ существуетъ вѣка и поддерживается разумными требованіями зана не напрасно; онъ устанавливаетъ въ народѣ принципы взаимоодолженія, взаимоучастія, и обезпечиваетъ каждаго путника степного отъ случайности умереть среди сытыхъ людей голодною смертью.

Степному путнику, кто бы онъ ни былъ, не зачѣмъ даже брать съ собой, какъ многіе свычны къ тому, разныхъ бездѣлицъ въ подарки за гостепріимство. Это совершенно не принято, и у родовитыхъ киргизовъ всякая отплата за угощенье деньгами или подарками считается оскорбленіемъ, такъ что предложенную монету вы рискуете возвратить въ свой карманъ съ простодушнымъ приглашеніемъ быть гостемъ и на будущее время. Преданность такому обычаю въ киргизскомъ народѣ такъ развита, что нерѣдко приходилось получать даже отъ бѣдняковъ рѣшительный отказъ принять плату, и только распредѣленіе нѣсколькихъ монетъ между дѣтьми юртовладѣльца давало возможность помочь гостепріимному бѣдняку.

Не то у осѣдлыхъ *сартовъ*. Здѣсь, если и дадутъ вамъ пріютъ въ мигманханѣ (комната для пріема гостей, проѣзжающихъ), то прежде всего постараются распознать подробнымъ образомъ по вашей внѣшности, и даже безцеремоннымъ разспросомъ вашей прислуги и васъ самихъ, какого вы достоинства гость. Если признаки къ полученію щедраго вознагражденія за угощеніе, деньгами или протекціей, достаточны, хозяинъ самолично будетъ лебезить на всѣ лады, встрѣтитъ васъ у воротъ, поможетъ сойти съ коня, поддержитъ васъ слегка за локоть, когда вы будете переступать порогъ воротъ или двери, скажетъ вамъ привѣтливо пѣвучее „хошь-килип-сизь“ (добро пожаловать), когда вы усядетесь въ мигманханѣ; непремѣнно самолично подложитъ вамъ круглую подушку (люля), когда вы выкажете тѣлодвиженіемъ намѣреніе расправить усталые члены, тщательно обѣими руками преподнесетъ вамъ первую чашку чаю и, пока вы будете пить слѣдующія, преподносимыя вамъ также подобострастно приставленнымъ для этой цѣли братомъ, сыномъ или хорошенькимъ батчею, самъ хозяинъ станетъ хлопотать о снаряженіи достархана (угощенья).

Если вы попали къ человѣку состоятельному, если вы имѣете въ особенности какое-нибудь значеніе для интересовъ сарта, въ такой мигманханѣ предъ вами разстелятъ не одну, а нѣсколько полотенцообразныхъ скатертей (также зовется достарханъ), сшитыхъ изъ тику, ситцу съ адрясовыми бордюрами, уставятъ на этихъ полотенцахъ такое количество разныхъ сластей и фруктовъ, что ими могъ бы досыта упитаться весь сластолюбивый гаремъ съ домочадцами любого азіатскаго владыки. Продѣлавши самолично всю церемонію разставленія предъ вами угощенія, хозяинъ развернетъ приторно-сладкую, какую-то особенную, запасную улыбку, пояснитъ, что онъ и дѣти его счастливы служить всею душею такому гостю, и затѣмъ усядется противъ васъ, какъ будто для услажденія бесѣдой, а въ сущности совсѣмъ съ другою цѣлью: его интересуетъ судьба достархана.

Если вы сколько-нибудь знаете характеръ сартовъ вообще, вы и не станете, конечно, заходить въ область „цѣннаго“ достархана, а постараетесь поскорѣе успокоить хозяина своею скромностью, попросите унести все обратно.

Если вамъ удалось окончательно охранить унесенный достарханъ отъ распредѣленія частью, согласно „сквернóму“ обычаю, между вашею прислугою, вы останетесь для хозяина незабвеннымъ гостемъ, о васъ промолвятъ хорошее словечко даже на женской половинѣ, гдѣ интересуются судьбою достархана никакъ не меньше, чѣмъ турецкій султанъ цѣлостью своей имперіи. Вамъ, въ этомъ случаѣ стоической неприкосновенности къ леденцамъ и патокѣ, предстоитъ слушать щебетанье хозяина за своеручно поданнымъ заключительнымъ пилавомъ, которому въ важныхъ случаяхъ предшествуетъ шурпа (супъ изъ рису и моркови), пельмени и ширъ-брюнчь (густая молочная каша).

Послѣ ужина, прошептавъ молитву и погладивъ бороду въ знакъ благодаренія Аллаха, хозяинъ подаетъ вамъ снова и въ послѣдній разъ кукъ-чай (зеленый чай), чрезъ полчаса спроситъ васъ, по принятому этикету, не утомляетъ ли онъ васъ своими разговорами, и затѣмъ, пожелавъ вамъ доброй ночи, пошлетъ, кого нужно, помочь вамъ раздѣться.

Если вы съ вечера остались незабвеннымъ гостемъ, то на утро вы навѣрное будете обставлены тѣмъ же достарханомъ, усиленнымъ еще каймакомъ (сливки густыя) къ чаю, разнаго діаметра лепешками и, пожалуй, отваренной бараньей головой и холоднымъ бараньимъ мясомъ; а по особенному усердію, предъ вами могутъ поставить даже цѣльнаго копченаго барана (ширганъ-кой), что считается уже вѣрнѣйшимъ признакомъ имущественной состоятельности хозяина и высокаго вниманія къ гостю, соображеннаго, конечно, какъ выше отмѣчено, съ возможностью такъ или иначе обработать дорогого путешественника въ разныхъ дѣлишкахъ, напримѣръ, на счетъ мѣста волостного управителя, казія, члена податной коммиссіи (здѣсь называется думъ), на счетъ какого ни на есть прибыльнаго подряда, на счетъ спокойной для души сдачи въ казну подрядной поставки [1]) и т. п.

Наконецъ прошла послѣдняя фаза гостепріимства; гомерическій достарханъ снятъ безъ малѣйшаго ущерба на всѣхъ берегахъ, и отпробованный по крупицѣ малыми и большими женской половины, плотно улегся въ сундукахъ, шкатулкахъ и ящикахъ, чтобы съ такимъ же успѣхомъ принять и слѣдующаго дорогого гостя; на женской половинѣ, по докладѣ аргуса о вашей благовоспитанности и скромности предъ угощеніями, васъ навѣрное не особенно ѣдко обругали, а пожалуй только сказали: „онъ ничего не смыслитъ въ сладкомъ; чего съ нимъ церемонится хозяинъ, отправлялъ бы поскорѣе“. Желаніе хозяина поскорѣе сплавить васъ не трудно замѣтить и самому:

[1]) Туземцы устраиваютъ почему-то завтраки до пріема поставки, но при этомъ стараются обмолвиться, что такая же тамоша (угощеніе), часто съ шампанскимъ, будетъ и послѣ пріемки, чего, однако, никогда не исполняютъ.—*Авт*

онъ не показывается къ вамъ, а если предстанетъ по вызову, то съ такою, точно усталою отъ непосильной работы физіономіей, что вы сразу почувствуете необходимость утѣшить его и объявите намѣреніе ѣхать, на что услышите притворное упрашиваніе остаться и такое сладко-протяжное извиненіе за плохой пріемъ, изъ-подъ котораго такъ и звучитъ „ужъ какъ я радъ, что такъ удачно отъ тебя отдѣлался; пожалуйста не вздумай остаться“.

Оставляя такого важнаго зажиточностью сарта, вы, конечно, стѣснитесь предложить ему денежную плату за пріемъ, за угощеніе, а ограничитесь или предложеніемъ какого-либо подарка, въ десять разъ болѣе стоющаго чѣмъ угощеніе, или же передадите счастливому цѣлостью достархана хозяину соотвѣтствующую сумму для распредѣленія между его дворовыми работниками. Какъ бы въ торопяхъ, усердный мигмандаръ-хозяинъ опуститъ врученное въ карманъ и, увѣряю васъ, не передастъ работникамъ, а сочтетъ не противнымъ корану оставить все это у себя.

Выходя за порогъ сакли, чтобы сѣсть на лошадь и ѣхать, вамъ предстоитъ, наконецъ, выслушать послѣднее извиненіе за неумѣнье, яко бы, угостить и рабскую просьбу осчастливить принятіемъ, на память о посѣщеніи, подведенную лучшую дворовую лошадь, осѣдланную на этотъ случай лучшимъ сѣдломъ съ шитымъ шелкомъ чепракомъ. Вы, конечно, оцѣните по достоинству интонацію голоса, игру улыбочки любезнаго хозяина и успокоите его, предложивъ ему поставить эту лошадь къ себѣ въ конюшню, или, въ крайности, отдаривъ ее, къ общему восторгу, тутъ же на мѣстѣ, малолѣтнему сыну хозяина.

Васъ наконецъ „сплавили“; ковры, одѣялы, подушки и сандали [1]) выносятся на внутреннюю (ичкоре) половину; хозяинъ выслушиваетъ отъ женъ, сколько, по ихъ разсчету, съѣлъ отъ достархана гость и сколько урвали въ недосмотрѣ работ-

[1]) Сандали — табуретъ, поставленный въ комнатѣ, въ углубленную полужаровню и прикрытый одѣялами, служатъ у сартовъ для отогрѣванія ногъ.—*Авт.*

ники, принимавшіе отъ нихъ яства; сообща разсчитывается, сколько бы гость съѣлъ, если бы самъ хозяинъ не сидѣлъ все время въ гостиной, воздается за это женами похвала „разумному, находчивому“ мужу, посылается гостю въ догонку „дурака“, „не понимающаго“, закрѣпленное какой-нибудь циинической, глупой остротой и общимъ дикимъ хохотомъ.

Счастливый, расхваленный, довольный мужъ выходитъ въ наружный (тошкоре) дворъ, подшучиваетъ надъ батчею по поводу гостя, разбираетъ, кто изъ работниковъ урвалъ что-либо изъ подававшихся яствъ, подводитъ счетъ скормленному лошадямъ ячменю и клеверу, напоминаетъ работникамъ не давать дворовымъ лошадямъ много корму, а недоѣдки клевера задать ишаку и коровѣ, запираетъ михманхану, откуда выскочила полуголодная, тощая дворовая собака, и отправляется на улицу или къ мечети поговорить съ сосѣдями.

Вотъ она, эта сидящая подъ стѣной, поджавши ноги, свободная теперь отъ полевыхъ работъ серія своихъ людей, съ упоеніемъ глотаетъ каждое слово сельскаго креза-михмандара, принимаетъ на вѣру самую беззастѣнчивую, хвастливую ложь о томъ, какъ съ нимъ учтивъ былъ важный гость до того, что при входѣ его, хозяина, въ михманхану, вставалъ съ мѣста, какъ заигрывалъ гость съ батчею и какъ этотъ послѣдній относился къ нему пренебрежительно, какъ удивлялся гость, его, хозяина, находчивости въ собесѣдничествѣ, его знаніямъ, его богатству, его устроенному хозяйству.

Важный разсказчикъ не упуститъ передать съ небрежностью, какъ-бы между разговоромъ, сколько стоитъ пріемъ гостя и, конечно, достарханъ будетъ изображенъ такимъ многообильнымъ, что если бы теряющаяся въ такихъ случаяхъ сообразительность слушателей прикинула,—получилась бы возможность ублаготворить этими, воображеніемъ нарисованными яствами всѣхъ сельчанъ. Въ соотвѣтственной съ достарханомъ пропорціи усиливается разсказомъ хвастуна количество яствъ кулинарныхъ, и выходитъ, что гость уничтожилъ столько, сколько не отпускается на дневное довольствіе цѣлой бухарской арміи. Слушатели только причмокиваютъ, покачиваютъ головами и въ патетическихъ мѣстахъ разсказа поддерживаютъ общее вниманіе протяжнымъ удивленіемъ: „бой, бой, бой“. Поощренный вниманіемъ, крезъ идетъ въ своемъ хвастливомъ враньѣ дальше и разсказываетъ разныя измышленныя сокровенности бесѣды съ гостемъ, въ родѣ того, напримѣръ, куда въ этомъ году, въ какой числительности, пойдутъ войска, какія предстоятъ перемѣны начальства, сколько разные начальники получаютъ годового содержанія, какъ предполагается начальствомъ измѣнить размѣръ податей и пріемы сбора ихъ. И все это слушается съ затаеннымъ вниманіемъ, съ періодическимъ „бой, бой, бой“ въ знакъ удивленія.

Договорился, наконецъ, лгунъ-сартъ и объявилъ, что ему обѣщано „такое-то“ прибыльное мѣстечко, „такое-то“ доходное предпріятіе. Всѣ выпучили глаза, привстали съ мѣста, протянули крезу руки въ знакъ поздравленія и пожеланія осуществиться ожиданіямъ (илаи шундакъ булсунъ), у всѣхъ расправились физіономіи въ праздничный, довольный типъ. Сдѣлали затѣмъ омовеніе, отправились въ мечеть, посидѣли тамъ съ $^1/_4$ часа на молитвѣ и потянулись къ михмандару большой вереницей доканчивать оставшіяся отъ вчерашняго угощенія кулинарныя яства, включительно съ пилавомъ и шуръ-брюнчемъ. Здѣсь сосѣдямъ пришлось выслушать отъ гостепріимнаго „счастливца“ повтореніе вкратцѣ того же вранья, какое они прослушали часъ тому назадъ въ улицѣ. Разсказъ сопровождался только поясненіемъ, гдѣ сидѣли и важный гость, и самъ онъ, хозяинъ, и его батча, присутствующій также и на этотъ разъ, при другихъ уже условіяхъ, когда съ нимъ довольный собой хозяинъ не стѣсняется, а отпускаетъ такіе хушаметы (любезности), отъ которыхъ вся угощающаяся публика приходитъ въ дикій восторгъ, поддерживая изліяніе своихъ нѣжныхъ чувствъ къ хорошенькому мальчику кто какъ можетъ. Одни, романтическіе, таютъ сладкими вздохами, посылаютъ заученыя любезности въ родѣ такихъ: „болѣзни твоего несчастья да ударятъ меня; да растаетъ братъ твой; обер-

нусь вокругъ глазъ твоихъ"; прозаики только подмигиваютъ, облизываютъ то мѣсто, къ которому прикоснется пригожій мальчикъ рукой, подаютъ батчѣ кальянъ, вдыхаютъ съ особеннымъ упоеніемъ дымъ, выпущенный имъ, преподносятъ обѣими руками чашку съ кукъ-чаемъ (зеленый чай), а болѣе близкіе къ хозяину по своимъ отношеніямъ, по равенству состоянія, даже протягиваютъ къ батчѣ руки, чѣмъ вызываютъ его на утонченное жеманство и поощрительныя пощечины нескромному гостю, принимаемыя при общемъ восторгѣ публики такъ, какъ будто бы на него опустилось самое высокое блаженство.

И какая это общеспасительная для сартовъ соціальная принадлежность „батча", при условіяхъ совершенной замкнутости женщинъ, при отсутствіи въ жизни средне-азіатскаго люда даже тѣни интеллектуальныхъ человѣческихъ интересовъ. Что оставалось бы дѣлать этому многочисленному классу праздныхъ городскихъ туземцевъ, поклонниковъ батчи? Имъ оставалось бы или закупориться въ кельяхъ медрессе, погрузиться въ схоластическую, отупляющую премудрость мусульманской учености, или, какъ многіе предаются, услаждать себя чарующими видѣніями подъ опьянѣніемъ гашиша, или броситься въ азартныя игры (кумаръ), въ наблюденіе ристалища голубей, боя куропатокъ, перепеловъ, барановъ (кошкаръ) и верблюдовъ.

Природѣ человѣка, на какой бы низкой ступени духовнаго развитія онъ ни стоялъ, свойственны соотвѣтствующія этому развитію потребности чувственныхъ отвлеченій; какъ дикимъ обитателямъ Африки, неграмъ секты Воду, или мексиканскимъ индійцамъ секты Наугаль—доставляютъ высокое наслажденіе неистовыя вакханаліи въ празднество заклинанія змѣй, такъ средне-азіатскому мусульманину, при современномъ складѣ жизни, совершенно естественно упиваться изліяніемъ чувствъ пригожему мальчику, плясуну и пѣвцу.

Когда эта одуряюще монотонная жизнь будетъ поставлена, путемъ духовнаго, умственнаго перевоспитанія народа, въ другія формы, тогда она вызоветъ другія, соотвѣтствующія этическому состоянію, потребности мусульманскаго общества; а до тѣхъ поръ ему суждено коснѣть въ невѣжествѣ, въ вѣковыхъ грубыхъ, извращенныхъ наклонностяхъ.

Еще много генерацій унесутъ въ вѣчность тѣ же типичныя особенности характера сартовъ, со всѣми его недостатками, какія мы наблюдаемъ въ немъ теперь.

Его жизнь сосредоточена вся на низменныхъ стремленіяхъ такъ или иначе обдѣлать выгодное дѣло, обработать, при случаѣ, ловкимъ образомъ простяка; другихъ отличительныхъ принциповъ у массы этого народа пока нѣтъ. Да и откуда имъ, этимъ принципамъ, было пробиться чрезъ полную подавленность политическимъ рабствомъ, варварствомъ трехтысячелѣтней давности.

Посмотрите на того же богача, гостепріимнаго михмандара, въ его отношеніяхъ къ своимъ работникамъ, въ знойные лѣтніе дни сгинающимъ, по страшной нуждѣ, спины за полевыми работами и получающимъ по одному рублю въ мѣсяцъ жалованья, да поношенный хозяйскій халатъ и рубаху со штанами; посмотрите на него, отпускающаго деньги киргизамъ подъ разбойническіе 160 процентовъ. Какими увертками, обсчитываніемъ, выманиваніемъ придачи „ничтожнаго барашка, жеребенка, кошмы (войлока)", какими запугиваніями въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ опутываетъ свою жертву, чтобы вытянуть отъ нея все, чѣмъ можно воспользоваться.

А этотъ богачъ-хлѣбосолъ въ своихъ отношеніяхъ пріятельства, дружбы (досъ) къ богачу простодушному и всегда естественному киргизу? Вотъ онъ намѣтилъ выгодность подружиться съ богатымъ киргизомъ, пригласилъ его въ первый разъ къ себѣ на ашь (угощенье), наговорилъ ему льстивыхъ похвалъ, наудивлялся его достоинству, родовитости и знатности, непремѣнно налгалъ о существовавшей въ давнія времена дружбѣ между ихъ прадѣдами, отпустилъ даже увѣреніе въ существовавшемъ родствѣ по женской линіи, предложилъ навсегда услуги своего денежнаго кармана, надѣлъ, въ заключеніе, дружбу завязывающій халатъ, обнялся съ киргизомъ въ

знакъ союза, выпроводилъ за ворота съ самой сіяющей физіономіей, вернулся въ свою саклю и тотчасъ же отмѣтилъ по записи, что „такому-то“ другу (досту) „тогда-то“ далъ халатъ.

Степной рыцарь, другъ, не позволитъ себѣ остаться въ долгу и отплатитъ сарту, при случаѣ близкаго кочеванья, угощеніемъ и подаркомъ хорошей лошади или верблюда. Полученіе будетъ отмѣчено по другой записи, послѣдуетъ затѣмъ еще угощеніе и еще подарокъ, еще отвѣтъ киргиза и такъ далѣе, пока дружба не закрѣпится окончательно годичной давностью и ссудою другу денегъ подъ дружескій 120% вмѣсто 160. Тогда сартъ обращается въ Тартюфа и уже не выжидаетъ подарка, но прямо требуетъ, а во время непрошеннаго посѣщенія аула безъ всякихъ церемоній выбираетъ изъ домашнихъ вещей или скота то, что ему понравится, и назойливостью вынуждаетъ друга уступить. Въ концѣ-концовъ, чрезъ 2—3 года, при малѣйшемъ неисполненіи киргизомъ требованія, дружба ликвидируется судебнымъ разбирательствомъ, на которое сартъ-другъ является во всеоружіи записей даннаго, а степной рыцарь, на всѣ упреки, укоризны, напоминанія, отвѣчаетъ лишь ироническими подшучиваніями надъ жадностью сарта, надъ трусостью, способностью къ измѣнѣ, подобно рабу, и если онъ не окончательно обработанъ другомъ, то все-таки раздѣлается за дружбу такъ, какъ будетъ назначено судебнымъ опредѣленіемъ.

А этотъ святоша по наружности и богачъ дѣйствительный, саповитый шейхъ (блюститель вѣры) при знаменитой, по своему значенію для правовѣрныхъ, мечети надъ гробницей Ахмета-Ясави? Спросите, сколько онъ удѣляетъ, какъ бы обязанъ былъ, на ремонтъ мечети отъ громадныхъ доходовъ, простирающихся, со всѣми пожертвованіями и съ покупкою при мечети мѣстъ для погребенія, до 18 тыс. рублей въ годъ? Вы сами можете легко рѣшить этотъ вопросъ отрицательно, если взглянете на это древнее зданіе, угрожающее паденіемъ, на его никогда не метущійся и заваленный всякими нечистотами и падалью дворъ, на повалившуюся мѣстами ограду.

Посмотрите на этихъ шейховъ, распредѣляющихъ между собою и сополучателями-родственниками доходъ отъ жертвованій въ годовые праздники курбанъ-байрамъ и гайтъ-ураза. Это картина очень эффектная, это цѣлый турниръ, гдѣ „защитники правовѣрныхъ“, напоминая одинъ другому свою генеалогію, отстаиваютъ не долгъ справедливости, не честь, не принципъ помощи неимущимъ потомкамъ Пророка, хоть будь они ихъ родственники, а свои карманы, свои денежные интересы, ради которыхъ всякій святоша, средне-азіатскій мусульманинъ-сартъ, готовъ сбросить въ разъ все свое напускное благочестіе, готовъ, въ нарушеніе шаріата, изъ шейха превратиться въ полицейскаго сыщика, изъ казія—въ сборщика податей, изъ раиса—въ палача.

„Гдѣ больше даютъ, туда мы и тянемъ“, вотъ девизъ сартовъ, для которыхъ нѣтъ другого кумира, кромѣ рубля. Она, эта формула жизни — общая для всѣхъ классовъ, для всѣхъ состояній, для всѣхъ соціальныхъ положеній, и только различаются пріемы выполненія ея. Богачъ-горожанинъ, задумывая обработать то или другое прибыльное дѣльце, устраиваетъ, для кого слѣдуетъ, завтракъ съ шампанскимъ, съ русскимъ поваромъ, съ приличной сервировкой стола. Онъ постигъ бытовыя наклонности чужестранцевъ, ихъ податливость, отзывчивость на все за хорошимъ, винообильнымъ угощеніемъ, завелъ комнату съ европейской обстановкой и не прочь бросить 1000 руб. въ годъ на нѣсколько завтраковъ, отъ которыхъ можно ждать подряда въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей.

Знатный шейхъ охотно вызовется быть шпіономъ, предателемъ своихъ же сородичей, если получитъ обѣщаніе оставить за нимъ главенство въ дѣлежѣ доходовъ мечети.

Ученый казій будетъ надоѣдать вамъ слезливыми жалобами на незначительность доходовъ отъ судебной и требоисполнительной практики, и просіяетъ до отвратительнаго униженія цѣлованія руки, если ему предложатъ совмѣстное и противошаріятное исполненіе обязанностей сборщика податей, гдѣ перепадаютъ очень и очень значительныя крупицы.

Благочестивый (суфи) мулла, имамъ, духовный наставникъ правовѣрныхъ согласится быть въ то же время и разсыльнымъ за нѣкоторое вознагражденіе.

Муфтій-юриспрудентъ подыщетъ на данное тяжебное дѣло, сколько погребуете, толкованій закона, одно другое исключающихъ, и за каждый такой ривоятъ (извлеченіе) возьметъ съ кліента гонораръ.

Торговецъ норовитъ приписать кредитору лишнее и униженно будетъ просить у киргиза надбавки нѣсколькихъ копѣекъ или уступки, знакомства ради, „ничтожнаго жеребенка“.

Процентщикъ, открывая эту лавочку, вопреки корану, назначающему вѣчный адъ тому мусульманину, который возьметъ пользу на денежную ссуду, не ограничивается вытягиваніемъ 160% на занятый капиталъ, а непремѣнно обойдетъ киргиза неправильнымъ высчитываніемъ процентовъ и періодическихъ платежей.

Достаточный земледѣлецъ не подаритъ работнику и одного часа, а при разсчетѣ перегрызетъ его сначала упреками за нерадивую работу и, только при невозможности обидѣть условленной платой, броситъ ему пренебрежительно 8—12 рублей, да старое бѣлье и ношеный халатъ за 9 мѣсяцевъ непрерывной работы въ полѣ, на землепашествѣ.

Родители продаютъ своихъ пригожихъ малолѣтнихъ сыновей для профессіи батчи; отцы, матери и братья живутъ въ проституціонныхъ домахъ, при своихъ дочеряхъ, сестрахъ, которыя ими же и запроданы; мужья предоставляютъ своимъ женамъ зарабатывать и „по секрету“, и открытой проституціей въ домахъ терпимости, куда ихъ посылаютъ на время, безъ отчужденія, или же на началахъ купли и продажи, совершающейся нотаріальнымъ порядкомъ у казія.

А эти ишаны, проститирующіе свое благочестіе духовное, свою мнимую преданность строгой жизни, выдающіе себя за прямыхъ потомковъ пророка Магомета и являющіе простодушнымъ киргизамъ разные фокусы, для укрѣпленія въ нихъ

прозелитизма, съ которымъ связана полная возможность ободрать прозелита какъ липку!

Вотъ онъ, этотъ непризнанный еще ишанъ, прощающійся съ своими родственниками, чтобы пуститься сегодня въ мытарство. Два года тому назадъ онъ, этотъ предназначающій себя въ духовные наставники (ишаны) молодой сартъ-мулла, родной братъ городского казы-каляна (старшій казій), укралъ лошадь у одного горожанина и отдѣлался только присрамленіемъ [1]). Онъ пошелъ бы навѣрное по этой профессіи и дальше, если бы не вліяніе на него старшаго брата, казія изъ рода хожей, вразумившаго молодого муллу-вора идти въ отдаленную при-чуйскую степь и, по примѣру многихъ одногородскихъ хожей, объявиться между киргизами ишаномъ.

Дѣло выгодное, конечно, сообразилъ младшій братъ-хожа, и медлить нечего. Его путевые сборы несложны: онъ беретъ съ собою фунтъ зеленаго чаю, мѣшочекъ катушекъ (боворсакъ) изъ муки, двѣ-три смѣны бѣлья, 5—8 старыхъ, по наружности, духовныхъ книгъ, кусокъ грязной тряпки, который можно было бы выдать за рубаху Пророка, сотни двѣ написанныхъ на лоскуткѣ бумаги молитвъ, свернутыхъ въ трубочку (тумаръ) и двухъ слугъ-сотрудниковъ.

Скромно ѣдетъ этотъ плутовской тріумвиратъ по кочевьямъ киргизовъ, ближайшимъ къ родному городу. Мулла не разсказываетъ пока о цѣли своего путешествія на р. Чу, а какъ бы подготовляясь къ предстоящей дѣятельности, упражняется во время остановокъ въ аулахъ въ закидываніи степныхъ, ничего не вѣдающихъ слушателей, цитатами изъ корана, изъ сборника Нофакатъ о подвигахъ ишановъ, въ прочитываніи духовныхъ стиховъ. Его слуги-соучастники ведутъ себя во все время пути въ аулахъ благопристойно, скромно; необходимаго для джалаучи (путника) не требуютъ, а просятъ, не упуская при этомъ напомнить, что мулла ихъ очень ученый, набожный (такуа), благочестивый (суфи), мудрый (хакимъ) и происходитъ

[1]) Здѣсь и во всемъ очеркѣ излагаются дѣйствительные факты, безъ обозначенія именъ дѣятелей.—*Авт.*

отъ Пророка. При случаѣ, въ пути, мулла не отказывается попрактиковаться въ аулѣ и надъ исцѣленіемъ больного разными ничего не стоющими намазываніями носа, отчитываніемъ, пошептываніемъ и привѣшиваніемъ къ болящимъ мѣстамъ бумажныхъ лоскутковъ съ отрывками молитвъ. Чѣмъ ближе къ цѣли путешествія, къ тѣмъ отдаленнымъ кочевьямъ, въ которыхъ мулла, по совѣту другихъ ишановъ, намѣтилъ предложить себя въ духовные наставники (пиръ, ишанъ, халифа) простоватымъ киргизамъ, тѣмъ онъ усерднѣе разыгрываетъ въ аулахъ притворную набожность, знаніе корана, умѣнье исцѣлять чудесными, ему одному вѣдомыми средствами отъ самыхъ тяжкихъ недуговъ. Однако въ кочевьяхъ, на которыя разсчитывалъ мулла, онъ, при своей относительной молодости, не съумѣлъ расположить къ себѣ богатыхъ киргизовъ, заполучившихъ уже раньше по нѣскольку ишановъ, и потерпѣлъ такое фіаско высказаннымъ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ его родовитости хожи, что счелъ болѣе практичнымъ скромно, безъ притязаній, ретироваться тѣмъ же путемъ, чтобы, чрезъ нѣсколько переѣздовъ свернуть въ сторону, въ другія болѣе надежныя кочевья.

Но вотъ, на первомъ переѣздѣ возвратнаго пути, Аллахъ посылаетъ проходимцу заступника, въ образѣ знакомаго пройдохи-татарина, пробирающагося въ эти кочевья не въ первый разъ съ ситцами и разной мелочью (иголки, наперстки, зеркала и шнурки), вымѣниваемой на скотъ и лисьи шкурки. Обмѣнялись они задушевной келейной бесѣдой о неудачахъ муллы въ попыткахъ сдѣлаться ишаномъ, и пріятель-татаринъ вызывается, за условленное вознагражденіе, поправить дѣло. Унылый мулла остается, по условію, въ аулѣ, гдѣ ему ниспосланъ заступникъ, а торгашъ-татаринъ пробирается дальше, разсказываетъ вездѣ, какую онъ имѣлъ счастливую встрѣчу съ знаменитымъ ученымъ муллой, прямымъ потомкомъ Пророка, рисуетъ его достоинства, знатность самыми яркими красками, и говоритъ въ заключеніе, какъ бы по секрету, что онъ давалъ ему руку, т.-е. по примѣру очень многихъ, сдѣлался его ученикомъ (муридъ).

Слушатели, тѣ самые киргизы, которые сказали вчера муллѣ: „у насъ есть ишаны свои и вамъ тутъ нечего дѣлать“, осовѣли отъ этихъ разсказовъ татарина и отъ воспоминаній о такомъ сухомъ пріемѣ „святого человѣка“. Многіе впали въ уныніе, начались взаимные упреки за неумѣніе принять такого достойнаго человѣка, на многихъ напало раскаяніе, заговорилъ, раньше внушенный, страхъ отвѣтственности за неуваженіе къ благочестивому родственнику Пророка. Татаринъ все это подмѣтилъ, высказалъ со слезами сожалѣніе о такой печальной случайности съ его „высоко всѣми почитаемымъ наставникомъ“, пожурилъ тѣхъ, которые казались ему виновными въ такомъ неучтивомъ отношеніи къ достойному муллѣ и, какъ бы въ искупленіе, предложилъ нѣсколькимъ почетнымъ людямъ немедленно ѣхать въ догонку и просить муллу возвратиться къ нимъ въ кочевья.

Компромиссъ, разумѣется, принятъ единогласно, съ особеннымъ восторгомъ, и 5—10 человѣкъ скачутъ по слѣдамъ отступившаго муллы, напутствованные пожеланіемъ успѣха. Вотъ они пріѣхали къ цѣли, въ аулъ, гдѣ мулла успѣлъ уже понравиться, навѣшалъ больнымъ молитвы (тумары) и готовился ѣхать дальше. Начинается комедія упрашиванія посланными киргизами, извиненія ихъ, развертывается притворная нерѣшительность муллы возвратиться туда, гдѣ ему сказали, что въ немъ надобности нѣтъ. Съ утонченной ловкостью продѣлываетъ здѣсь свою роль бывшій воръ и, наконецъ, соглашается ѣхать съ депутатами. И какая же это отвратительная картина вторичной встрѣчи муллы въ аулѣ, гдѣ ему уготовалъ мѣстечко заступникъ. Подкупленный обѣщаніями, татаринъ и его слуги ползаютъ у ногъ муллы, называя его чудеснымъ, благочестивымъ; нѣкоторые, плаксивые по природѣ киргизы прослезились въ извиненіяхъ, что не разобрали въ немъ столь важной особы, каждый по очереди прикасается къ его одеждѣ, въ знакъ высокаго почитанія, все взрослое мужское собраніе въ разслабленно-умильномъ настроеніи и только аульныя бабы остаются чужды этого дивертисемента, такъ удачно разыгран-

наго, съ одной стороны, плутами, а съ другой—простодушными киргизами.

На-завтра мулла уже ишанъ. Ему протянули руки нѣсколько важныхъ киргизовъ, призывая Аллаха и его пророка Магомета въ свидѣтели постоянной вѣрности этому новому наставнику, безграничной преданности ему до готовности пожертвовать ишану все—„и свое тѣло, и свою жизнь“. Такова первая заповѣдь, издаваемая ишанами для неофитовъ. Ею они всемогущи.

Ишанъ приводитъ до падучей болѣзни, до помраченія разсудка киргиза, выбиваніемъ изъ него злого духа посредствомъ повседневныхъ выкрикиваній особеннымъ напряженіемъ груди: „я ху! я хакъ!“, причемъ очищающемуся дается какой-то напитокъ, очевидно дѣйствующій на мозговые центры. Для вящей убѣдительности въ своемъ творчествѣ чудесъ (керамента), ишанъ отсѣкаетъ шашкой киргизу руку, съ намѣреніемъ якобы исцѣлить [1]).

Ишаны облачили при-чуйскихъ и при-сыръ-дарьинскихъ киргизъ въ чалмы, настроили въ степи мечети, насадили муллъ.

Ишаны подстрекнули въ 1868 году акмолинскихъ киргизовъ не принимать знаковъ, установленныхъ вводившимся тогда новымъ положеніемъ для должностныхъ біевъ, волостныхъ управителей и старшинъ [2]).

Ишаны не безучастны, какъ мы имѣемъ положительныя данныя, въ прискорбныхъ событіяхъ 1868 года непринятія оренбургскими киргизами новаго Высочайше утвержденнаго положенія объ управленіи кочевымъ народомъ.

Словомъ, ишанъ всесиленъ, всевластенъ въ своей паствѣ, и отвергать громадное вліяніе этого духовнаго ордена на соціальныя отношенія младенческаго среднеазіатскаго народа могутъ только тѣ изъ доморощенныхъ оріенталистовъ, которые видѣли народъ лишь на почтовой дорогѣ и даже не задали

[1]) Случай былъ на рѣкѣ Арысѣ.

[2]) Я не помню теперь тотъ № „Голоса“ 1875 г., въ которомъ была корреспонденція объ этомъ.

себѣ труда прочесть прекрасную 180 страницу „Очерковъ Средней Азіи“ Арминія Вамбери. Вотъ что говоритъ этотъ оріенталистъ: „въ Бухарѣ и Кокандѣ въ каждомъ обществѣ, какъ бы оно ни было мало, кромѣ обычныхъ муллы и рейса, всегда есть одинъ или нѣсколько ишановъ (орденскихъ священниковъ), и я не могъ достаточно надивиться, какое слѣпое повиновеніе, какое почтеніе оказываютъ этимъ ишанамъ всѣ члены братства. *Понятно, что часто эти вліятельные ишаны становятся поперекъ дороги правительству*, но оно никогда не осмѣливалось сдерживать ихъ, ибо ордена эти считаются неразрывно связанными съ исламомъ. Самъ ханъ, министры его и многіе улемы, искренно ненавидящіе ишановъ, какъ могучихъ соперниковъ, въ угоду общественному мнѣнію носятъ внѣшніе атрибуты того или другого ордена“.

У киргизовъ, недавно лишь окрѣпшихъ въ исламизмѣ, не имѣющихъ достаточно муллъ, ишаны пользуются особенно большимъ значеніемъ, и общимъ комплотомъ столько же способны возбуждать массы, сколько сдерживать ихъ.

Вліяніе ишановъ на своихъ мюридовъ отражается на всемъ складѣ жизни этихъ послѣднихъ: они носятъ чалмы, аккуратно отбываютъ намазы, строго соблюдаютъ посты (ураза), устраиваютъ сообща въ кочевьяхъ мечети, отдаютъ своихъ дѣтей въ городскія духовныя школы, гдѣ въ десятокъ лѣтъ ихъ накрѣпко напичкаютъ всякимъ вздоромъ мусульманской учености, превратятъ въ ханжей и, такимъ образомъ, поколѣніе за поколѣніемъ переродится киргизскій народъ въ такомъ пагубно извращенномъ воспитаніи.

Но помимо такого значенія ишановъ, невыгоднаго во всѣхъ отношеніяхъ для успѣховъ цивилизаціи, ихъ дѣятельность вредна одинаково для народа и въ экономическомъ отношеніи. Эти паразиты, начинающіе свою профессію, подобно вору-муллѣ, изъ побужденій чисто корыстныхъ, положительно обираютъ народъ, продавая прозелитамъ и свое благословеніе (фатифа), и свое „дыханіе“ (нафазъ), и свои собесѣдничества (согботъ), для здоровыхъ людей, для любимыхъ хозяевами домашнихъ животныхъ.

Совершенно овладѣвъ въ нѣсколько лѣтъ волей своего мюрида, ишанъ безъ всякой церемоніи, съ типичной жадностью, съ ненасытностью, свойственной въ такихъ размѣрахъ только природѣ сарта, тянетъ съ своей жертвы все, начиная отъ домашнихъ, разумѣется лучшихъ животныхъ, до пригожихъ киргизскихъ дѣвушекъ, которыхъ ишаны или берутъ въ жены себѣ, или отдаютъ родственникамъ также спокойно, какъ и лошадь.

Киргизъ-мюридъ не въ состояніи отказать своему пиру (духовному учителю) въ какомъ бы то ни было требованіи. Если у бѣдняка отъ частыхъ посѣщеній ишана не осталось уже скота, онъ, подъ благословеніемъ ишана, сдѣлаетъ отдаленную кражу и принесетъ деньги. Землепашцы, при неимѣніи денегъ, несутъ ишану хлѣбное зерно, муку, домашнія издѣлія, ковры и кошмы. Окончательно бѣдные поступаютъ къ ишану, разумѣется безъ всякаго вознагражденія, въ работники на хлѣбопашество, и намъ не разъ приходилось встрѣчать ишановъ, важно ѣдущихъ верхомъ въ бѣломъ халатѣ, съ огромнымъ тюрбаномъ на головѣ, сопровождаемыхъ за сотни верстъ вереницей оборванныхъ, босыхъ бѣдняковъ-мюридовъ, посильно расплачивающихся съ своимъ жаднымъ наставникомъ личнымъ трудомъ.

Посмотрите на этого возвращающагося изъ кочевьевъ, чрезъ девять мѣсяцевъ, знакомаго новичка-ишана, пропагандированнаго татариномъ. По чуйскимъ степямъ и дальше, чрезъ хребетъ Кара-тау, онъ ѣдетъ уже не самъ-третей и не верхомъ, а въ тарантасѣ, который далъ ему какой-то богатый акмолинскій киргизъ, причислившійся къ мюридамъ; за этимъ кортежомъ изъ 10—20 человѣкъ верховыхъ киргизъ, сопровождающихъ своего пастыря за 1000 верстъ, тянется караванъ верблюдовъ съ навьюченными кибитками, коврами, кошмами и всякой всячиной; на самомъ лучшемъ бѣломъ верблюдѣ, въ позѣ не совсѣмъ живописной, возсѣдаетъ 16-лѣтняя дочь киргиза, отданная, безъ всякаго конечно калыма, въ жены ишану; за караваномъ гонятъ десятокъ хорошихъ лошадей и двѣ сотни барановъ. Все это, въ сложности съ собранными за „дыханіе“ и благословенія деньгами, составляетъ капиталъ тысячи въ четыре. И вотъ ишанъ—воръ-мулла, по количеству собраннаго, не составляетъ исключенія: каждый приноситъ изъ степи домой, если не больше, то и не меньше 4000 рублей.

Сообразивъ общее число ишановъ-сартовъ, отпускаемыхъ при-сыръ-дарьинскими городами, безъ вѣдома конечно администраціи, въ киргизскія степи, не трудно вычислить стоимость кочевому народу этихъ паразитовъ тунеядцевъ-развратителей. Мы не станемъ заниматься подведеніемъ такого интереснаго итога, по неподысканію въ архивахъ и „текущихъ дѣлахъ“ какихъ бы то ни было свѣдѣній объ ишанахъ, едва ли даже извѣстныхъ нѣкоторымъ „стражамъ народной жизни“. Но придетъ время, и гг. хакимы сгруппируютъ эти свѣдѣнія по вопросу, столь интересному съ экономической и нравственной стороны жизни туземцевъ.

У осѣдлаго населенія, ишаны пользуются сильнымъ вліяніемъ только въ классѣ земледѣльческомъ, сельскомъ, стоящемъ, сравнительно съ горожанами, на низкой ступени умственнаго развитія и легко потому поддающемся на всякую эксплуатацію, не только духовенствомъ, но самыми обыкновенными пройдохами. Здѣсь ишаны такъ же назойливы, какъ и у кочевниковъ.

Наводняя каждогодно, послѣ снятія хлѣбовъ съ полей, долину Сыръ-дарьи, самозванные ишаны изъ Бухары, Шахрисябза, Куляба и Самарканда ограничиваютъ свою дѣятельность исключительно собираніемъ по кишлакамъ (селеніямъ) доброхотной дани, поголовно со всѣхъ. Обыкновенно, по давнишнему установленію, каждый кишлакъ имѣетъ 2—3 такихъ данесобирателей, своего рода сюзереновъ.

Являясь въ селеніе, по снятіи хлѣбовъ, одинъ послѣ другого, ишанъ продѣлаетъ обыкновенно въ одинъ вечеръ молитвенный сеансъ съ неистовымъ хоровымъ, продолжительнымъ выкрикиваніемъ: „я ху! я хакъ! ла иллахи илла ху!“ [1]), по-

[1]) Да, это онъ! Онъ—справедливый! Нѣтъ другого Бога, кромѣ его!

толкуетъ съ жителями о разныхъ мірскихъ дѣлахъ, наговоритъ увѣреній, что начальство сократило подать, по ихъ, ишановъ, молитвѣ, и на другой день соберетъ чрезъ мѣстнаго аксакала (сельская полицейская власть) деньгами то количество, какое имъ давали здѣсь прежде, плюсъ та часть, на которую въ данный годъ сокращены подати. Выходитъ, такимъ образомъ, что облегченіе сельскаго туземнаго населенія отъ казенныхъ податей идетъ въ прокъ не народу, а ишанамъ, вымогающимъ у бѣдняковъ сытныя крупицы съ неслыханной смѣлостью, съ угрозами ниспослать на неподатливаго мюрида, на его семью и скотъ болѣзни и моръ. Пессимисты могутъ провѣрить это мое наблюденіе ишанизма, и навѣрное откроютъ въ дѣятельности ишановъ еще болѣе пагубнаго для благосостоянія и нравственности народа, но никакъ не менѣе того, что́ я сообщилъ здѣсь.

Мы лично смотримъ на ишановъ, какъ на продуктъ, съ одной стороны, крайней умственной неразвитости народа, вѣрующаго въ кереметы, чудеса ишановъ, а съ другой—какъ на результатъ полнѣйшаго равнодушія всѣхъ къ вопросу, кто имѣетъ право на ишанизмъ духовный: всякій ли проворовавшійся мулла, встрѣчающій въ татаринѣ свыше посланнаго заступника, всякій ли работникъ ишана, котораго посылаетъ онъ, въ качествѣ своего намѣстника (халифа), для собиранія дани, всякій ли казанскій татаринъ, афганецъ и константинопольскій грекъ [1]), или же право быть ишаномъ остается за прямыми потомками какого-нибудь духовнаго ордена, или, наконецъ, ишаны должны вытереть свои глаза той страницей корана Магомета, гдѣ сказано: „Ла рухбанитумъ филь исламъ“ (въ исламѣ нѣтъ монаховъ) и прекратить обирательство и развращеніе народа [2]).

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ограничиваться однимъ перечисленіемъ количества выпущенныхъ канцеляріей нумеровъ, и на серьезные вопросы по улучшенію матеріальнаго и нравственнаго быта населенія смотрѣть съ такою же апатической важностью, съ какою ишаны смотрятъ на свою дѣятельность и происхожденіе, чрезъ мудрое двухстишіе:

Османы оссія шаботы борсаръ
Азъ сулухи шююхи осантаръ,
т.-е. въ переводѣ:
Легче обратить небо въ мельницу,
Чѣмъ выполнить обязанности ишана.

Годъ путешествія моего съ Алтынъ-баемъ въ степной уѣздъ, былъ особенно удачнымъ для насъ столько же встрѣчею со многими ишанами, доставившею матеріалъ для наблюденій, сколько и тѣмъ, что онъ былъ кануномъ слѣдующаго трехлѣтія новыхъ выборовъ на должности волостныхъ управителей, біевъ (судей), аульныхъ старшинъ у кочевниковъ, аксакаловъ (полицейская, городская и сельская власть), казіевъ (судей), членовъ хозяйственнаго управленія, вѣдающаго раскладку и сборъ податей у осѣдлыхъ туземцевъ.

Мнѣ недолго, всего три недѣли, пришлось ждать избирательной процедуры и за это время я познакомился съ нѣсколькими, весьма толковыми киргизами рода конградъ, а разспросами пополнилъ свои свѣдѣнія о многомъ, касающемся самоуправленія, суда и податного дѣла у кочевниковъ.

Я узналъ, между прочимъ, также, что киргизы имѣютъ счастіе видѣть своихъ гг. хакимовъ только одинъ разъ въ трехлѣтіе, когда имъ дается „предписаніе“ сдѣлать очередные выборы. Въ это-то счастливое для народа время гг. хакимы выѣзжаютъ въ 3—4 пункта ввѣренныхъ имъ владѣній, собираютъ десяточныхъ (унъ-баши) и пятидесяточныхъ (илю-баши) избирателей, выслушиваютъ жалобы просителей по разнымъ дѣламъ, передаютъ немедленно эти жалобы на разбирательство біевъ и, само собою разумѣется, освѣдомляются потомъ, какъ рѣшено то или другое дѣло, причемъ конечно стараются отклонить вліяніе постороннихъ, напримѣръ переводчиковъ, на

---

[1]) Вспоминаю корреспонденцію „Голоса“ изъ Семипалатинска за 1875 г. *Авт.*

[2]) Въ спеціальномъ изслѣдованіи объ ишанахъ, приготовляемомъ къ печати, мы надѣемся доказать возможность избавить населеніе отъ этой язвы безъ малѣйшихъ послѣдствій неудовольствія народа на такую мѣру.— *Авт.*

рѣшеніе суда. Но вотъ—я на выборахъ въ той самой степи, въ которой встрѣтилъ „счастливаго“ ишана вора-муллу возвратившимся изъ кочевьевъ акмолинскихъ киргизовъ. Народа собралось отъ трехъ волостей, которымъ назначенъ здѣсь сборный пунктъ, до 2000 человѣкъ. Въ назначенный день, съ примѣрной аккуратностью, безъ просрочки, такъ утомляющей кочевниковъ въ другихъ случаяхъ, подъѣзжаетъ къ ставкѣ изъ 12-ти кибитокъ джувашъ-хакимъ, т.-е. скромный начальникъ, верхомъ на скромной лошади, съ скромнымъ кортежемъ, состоявшимъ изъ коршуновиднаго кичкине-наиба (въ переводѣ: младшій помощникъ) и пяти джигитовъ (конные разсыльные). Киргизы выстраиваются въ одну линію и привѣтствуютъ пріѣзжающихъ низкимъ поклономъ, съ легкимъ приподниманіемъ шапокъ и съ приговариваніемъ „здрышка“ (искаженное „здравствуй“).

— Сегодня отдыхъ, — объявляетъ отъ имени хакима наибъ:—завтра разборъ жалобъ, а послѣзавтра выборы.

Однако программа эта не вполнѣ прошла: жалобъ предъявлена была такая масса, что джувашъ-хакимъ, при всей старательности своей, не успѣлъ выслушать въ одинъ день даже половины ихъ. Здѣсь были и преобладающіе иски по дѣламъ кражъ, и иски женъ и невѣстъ о расторженіи брака или брачнаго условія съ нелюбимымъ мужемъ или женихомъ, и иски жениховъ, обманутыхъ невѣстами, и вышедшихъ замужъ за другихъ безъ воли родителей, и споры о неполной уплатѣ калыма за невѣсту, и споры поземельные.

Какъ я сказалъ выше, самою большею серіею жалобъ были иски по кражамъ, со всѣми варіаціями ихъ: воровство чрезъ угонъ изъ табуна нѣсколькихъ десятковъ лошадей, среди бѣлаго дня, въ виду табунщиковъ, которымъ шайка пригрозила дубинами, кражи изъ табуна ночью, отнятіе лошади грабежемъ въ степи или въ городѣ, кража скота изъ аула, искъ за невыполненіе обязательства открыть украденный скотъ за полученное отъ потерпѣвшаго вознагражденіе (сюунчи), искъ двухъ киргизъ, по дѣлу кражи, за неправильное взысканіе

біями, при участіи кичкине-наиба [1]), огромнаго штрафа въ 860 рублей, неизвѣстно куда поступившаго, обвиненіе нѣкоторыхъ волостныхъ управителей и ихъ кандидатовъ въ тѣсной солидарности съ ворами.

По всему видно было здѣсь, да я зналъ это и раньше, что воровство въ киргизской степи, по своимъ размѣрамъ и организаціи, составляетъ страшное хроническое зло, разъѣдающее и благосостояніе народа, и его нравственность.

Вслушавшись въ судебные процессы по дѣламъ кражъ, во мнѣніе населенія кочевого и отчасти осѣдлаго, я пришелъ къ тому убѣжденію, что воровство у киргизовъ совершается вовсе не по нуждѣ, а такъ сказать по баловству вначалѣ, жадности впослѣдствіи и привычкѣ въ заключеніе. Нѣсколько молодыхъ людей вполнѣ состоятельныхъ родителей, также подвизавшихся въ былое время въ кражахъ, сводятъ знакомство съ однородичемъ, опытнымъ, закоренѣлымъ-воромъ, уговариваются сдѣлать кражу изъ „такого-то“, отдаленнаго за 30 верстъ, табуна, разставляютъ на пути, куда предположено сбыть украденное, станціи у союзниковъ вора-учителя и въ томъ городѣ, въ который отправляютъ лошадей для продажи, дѣлаютъ удачно кражу изъ табуна, бродившаго безъ всякаго присмотра, выручаютъ за украденное порядочную сумму денегъ, миролюбиво дѣлятъ выручку по трудамъ и заслугамъ каждаго, не обходя, конечно, и станціи держателей и аульнаго, бія и волостного, если они провѣдали о кражѣ; каждый соучастникъ получаетъ нѣкоторый кушъ денегъ и тѣмъ поощряетъ себя на дальнѣйшіе подвиги. Пока хозяинъ табуна случайно очнется, украденныя лошади въ пять дней сдѣлаютъ 400 верстъ. Начинаются розыски разспросами, объявленіемъ такого-то (смотря по размѣру кражи) вознагражденія (сюунчи) тому, кто укажетъ воровъ или украденное. Доказчики въ большинствѣ слу-

[1]) Знакомый съ жизнью туземнаго населенія, съ его злобою дня, не по отчетамъ, не по даннымъ канцелярскихъ архивовъ, а непосредственнымъ наблюденіемъ, я отвѣчаю увѣреніемъ, напоминая характеристику сартовъ, что помощники изъ туземцевъ такая аномалія, которая приноситъ русскому дѣлу въ краѣ одинъ вредъ.

Авт.

чаевъ выискиваются, получаютъ отъ потерпѣвшаго назначенную сюунчу въ 20—100 рублей и затѣмъ уже объявляютъ, гдѣ надо искать украденное. Если оговоръ окажется неосновательнымъ, доказчикъ возвращаетъ полученную сюунчу, изъ которой урветъ все-таки нѣкоторую частицу, въ 5—10 руб. При несомнѣнности доказательствъ къ обвиненію такого-то въ кражѣ, потерпѣвшій, если не покончитъ съ ворами миролюбиво, при содѣйствіи однородичей, отправляется на разбирательство къ біямъ, возсѣдающимъ всегда почему-то и вопреки положенію въ центральной резиденціи хакима, за 300—500 верстъ отъ кочевьевъ своихъ родовичей, нуждающихся часто въ ихъ юриспруденціи. Избранные истцомъ біи дѣлаютъ вызовъ отвѣтчику, который, по явкѣ, избираетъ также и съ своей стороны равное число біевъ. Эта коллегія судей отбираетъ для формы подписку отъ тяжущихся въ томъ, что они согласны предоставить имъ разбирательство дѣла. Публичный судъ открывается разспросами истца и выслушиваніемъ возраженій отвѣтчика, затѣмъ спрашиваются подъ присягою свидѣтели, если они представлены истцемъ. Въ случаѣ отсутствія свидѣтельскихъ доказательствъ, дѣло рѣшается очистительною присягою одного родовича-отвѣтчика въ неповинности его кліента во взводимомъ обвиненіи. Выборъ одного или двухъ человѣкъ для очистительной присяги (джамга-устамганъ) предоставляется въ большинствѣ случаевъ истцу. Неявка къ присягѣ избраннаго, въ назначенный срокъ, въ указанное мѣсто, рѣшаетъ дѣло въ пользу истца. Явившійся, выбранный для присяги, собравъ свѣдѣнія о достоинствѣ обвиненія, даетъ клятву на алкоранѣ или, при непониманіи догматовъ вѣры, на возвышенномъ курганѣ, что на основаніи собранныхъ свѣдѣній и по внутреннему убѣжденію онъ не признаетъ „такого-то“ виновнымъ въ взводимомъ на него „такимъ-то“ обвиненіи. Такой присягой посторонняго родовича обвиняемый освобождается отъ всякой отвѣтственности, а обвинитель платитъ судебныя издержки.

Въ случаѣ доказаннаго обвиненія въ воровствѣ, не имѣющемъ у киргизовъ подраздѣленія на простое и квалифицированное, отвѣтчикъ обязанъ уплатить истцу, сверхъ стоимости украденнаго, по два животныхъ за каждое изъ украденныхъ (муйне кусокъ кутене-теркау) и приговаривается также къ возвращенію судебныхъ издержекъ (чигинъ), исключительно съ сюунчей (плата доказчику), и къ платежу штрафа (аипъ), назначаемаго біями, въ противность обычаю (зану), въ произвольномъ размѣрѣ, иногда до того отяготительномъ, что одна такая доказанная кража 4—6 лошадей окончательно разоряетъ и отвѣтчика, и его родственниковъ, привлекаемыхъ почему-то къ платежу всего штрафа, въ случаѣ несостоятельности обвиненнаго. Обыкновенно, постановивъ обвиняющее рѣшеніе, біи, не уклоняясь отъ назначенія штрафа, сводятъ тяжущихся къ мировой (ала-джипъ), для сокращенія имущественной отвѣтственности обвиненнаго. Бійликъ, т.-е. вознагражденіе біевъ, участвовавшихъ въ рѣшеніи дѣла, принято уплачивать здѣсь въ размѣрѣ произвольномъ, но не обидномъ для судей, обѣимъ сторонамъ, избиравшимъ біевъ.

Въ основаніи киргизскаго суда по зану (обычаю), съ очистительной присягою посторонняго за отвѣтчика при отсутствіи въ искѣ прямыхъ доказательствъ, лежатъ два начала: одно—непосредственно вытекающее изъ условій быта кочевниковъ и связанной съ этими условіями невозможности представлять на каждое дѣло свидѣтелей; другое—тѣсная солидарность киргизовъ во взаимномъ поддержаніи, при случаѣ, интересовъ отдѣльныхъ лицъ и обществъ. Первый факторъ такого судопроизводства остается въ неизмѣнномъ существованіи теперь, и останется такимъ надолго, пока степь будетъ степью, а кочевники—кочевниками; о второмъ можно сказать, что онъ утратилъ свое значеніе съ того времени, какъ, съ пониженіемъ нравственнаго уровня массы, присяга и по алкорану, и простымъ обѣщаніемъ говорить въ дѣлѣ сущую правду потеряла свое обаяніе; съ того времени также, какъ солидарность киргизскаго народа искусственно ослаблена положеніемъ, задавшимся цѣлью подорванія потомственнаго начала (чингиръ-га-

таръ) въ кочевомъ народѣ. Теперь, если очистительная присяга падаетъ на родовичей обвиняемаго, солидарныхъ съ нимъ въ разныхъ грѣшкахъ, они поспѣшатъ явиться по вызову и не колеблясь подойдутъ къ могилѣ родовитаго киргиза или выпьютъ чашку воды [1]) въ оправданіе своего кліента, отъ котораго получатъ условленный гонораръ; а киргизъ дѣйствительно нравственный, пользующійся нѣкоторымъ уваженіемъ общества, и при близкомъ родствѣ съ отвѣтчикомъ, въ большинствѣ случаевъ, откажется дать въ оправданіе его очистительную присягу, съ которою связано собраніе свѣдѣній о нравственности обвиняемаго вообще и о достоинствѣ обвиненія его въ данномъ искѣ.

При такихъ анохроническихъ началахъ судопроизводства, при отсутствіи у біевъ до сего времени письменнаго сборника узаконеній обычнаго суда (занъ), неизвѣстнаго большинству біевъ, въ практикѣ этихъ судовъ единоличныхъ и коллегіальныхъ (съѣзды) встрѣчаются такія крайнія аномаліи, которыя указываютъ на дѣйствіе въ судахъ скорѣе полнаго, безотчетнаго произвола, чѣмъ началъ справедливости.

Изъ множества имѣющихся у насъ примѣровъ печальныхъ рѣшеній киргизскаго суда той части степного уѣзда, гдѣ я засталъ очередные выборы, приведемъ два, наиболѣе рельефные и совершенно достовѣрные, какъ оберегаемые и по сей день архивомъ областного правленія.

Киргизъ чулакской волости, Кулманъ Кулджановъ, предъявляетъ біямъ, въ центральной резиденціи джувашъ-хакима, искъ къ киргизу Берды-беку Кулмагометову о двухъ украденныхъ верблюдахъ. Восемь біевъ принимаютъ къ разбирательству дѣло и подаютъ истцу рѣшительный совѣтъ требовать съ отвѣтчика, кромѣ двухъ верблюдовъ своихъ, еще 2-хъ верблюдовъ и 2-хъ лошадей, по слухамъ, будто бы украденныхъ у кого-то Берды-бекомъ. За непредставленіемъ свидѣтелей, истцу предоставлено право привлеченія кого-либо изъ родствен-

[1]) Въ прошлыя времена дѣйствовали только эти роды присяги; алкорана не знали. – *Авт.*

никовъ отвѣтчика для очистительной присяги. Выборъ палъ на Татыма-Караева и Батыръ-бека Бей-Битова, которые не явились въ судъ въ назначенный срокъ, чрезъ 6 дней отъ времени извѣщенія ихъ, и тѣмъ подали поводъ къ постановленію рѣшенія въ пользу истца. Первоначальнымъ рѣшеніемъ отвѣтчикъ присужденъ къ платежу 720 рублей, но затѣмъ біи какъ бы опомнились и сбавили съ этой суммы 400 рублей, будто бы по родству (оганчилыкъ), существующему между тяжущимися. Такимъ образомъ, Кулману слѣдовало получить 320 рублей, вмѣсто которыхъ одинъ изъ біевъ, киргизъ Тыншибай, приводившій въ исполненіе рѣшеніе и взысканіе съ отвѣтчика 3-хъ верблюдовъ и 200 рублей, занятыхъ за 100 р. въ процентъ, отдалъ истцу 3-хъ верблюдовъ и 40 рублей; но изъ 3-хъ верблюдовъ одного пришлось тогда же отдать въ бійлыкъ (вознагражденіе) Тыншибаю,—итого Кулманъ остался при 2-хъ верблюдахъ и 40 рубляхъ, которые конечно не покрыли его потери, включительно съ судебными издержками. Онъ однако былъ бы счастливъ вмѣстѣ съ біями и отъ такого чудеснаго рѣшенія, если бы въ отвѣтчикѣ не проявился задоръ доказать свою невинность.

Берды-бекъ, проигравшій искъ только потому, что родственники не хотѣли потрудиться явкою въ срокъ для очистительной присяги, воспользовался проѣздомъ по почтовому тракту начальника области и подалъ письменную жалобу. Разсмотрѣніе дѣла привело къ тому, что истецъ Кулманъ возвратилъ Берды-беку отвѣтчику 40 рублей и 2-хъ верблюдовъ, дѣйствительно полученныхъ отъ бія Тыншибая, и 48 рублей за третьяго верблюда, оставшагося у Тыншибая въ видѣ бійлыка.

Такимъ образомъ отъ этого дѣла истецъ понесъ убытку: 2-хъ украденныхъ верблюдовъ—80 руб., расходовъ по розыскамъ и судбищу—60 рублей и 48 рублей, оставшіеся у бія, а всего — 188 рублей. Отвѣтчикъ поплатился 250 рублями, которые однако были взысканы впослѣдствіи съ Тыншибая, оборудовавшаго это дѣло по праву бія и силою вліянія своего, какъ брата кичкине-наиба.

Въ этомъ дѣлѣ замѣчательно также обозначилось замѣстительство отсутствовавшихъ при постановленіи рѣшенія біевъ посторонними, совершенно уже некомпетентными киргизами, пойманными на базарной площади. Въ судоговореніи они участія никакого не принимали, а къ постановленному письменному рѣшенію приложили и свои печати, на-ряду съ печатями дѣйствительныхъ біевъ.

Въ примѣрѣ второмъ—пять біевъ, въ отсутствіе отвѣтчика, киргиза Нолибая, не получившаго своевременно вызова въ судъ, опредѣлили взыскать съ него 200 рублей въ пользу истца сююндука и 300 рублей въ штрафъ за украденныхъ будто бы 4-хъ верблюдовъ. За отсутствіемъ у Нолибая, дѣйствительно закоренѣлаго вора, всякой собственности и даже юрты, взысканіе пало, въ силу какихъ-то мѣстныхъ распоряженій, на двухъ родственниковъ его—Мергеня и Колдыбая, которые и разорились вслѣдствіе такого страннаго рѣшенія, даже не подававшагося на совершенно основательные доводы возраженія, что родственникъ ихъ, Нолибай, при крайней испорченности, никакихъ отношеній къ нимъ не имѣетъ и уже три года никто не знаетъ, гдѣ онъ скитается.

Таковы образчики рѣшеній киргизскаго суда „по обычаю“, истолковываемому каждымъ біемъ и вкривь, и вкось, съ одной стороны, вслѣдствіе отсутствія для руководства кодекса обычнаго права, съ другой—вслѣдствіе ввода очередными выборами въ институтъ народнаго суда элементовъ, не только незнакомыхъ съ обычаями, но и совершенно неспособныхъ къ судебной практикѣ по своему крайнему неразвитію.

Нельзя не сказать, что одною изъ причинъ такой неудачной организаціи туземнаго суда служатъ, безъ сомнѣнія, особенные пріемы выбора на должности не открытымъ голосованіемъ, а баллотировкой со всѣми ея атрибутами, какіе могла только канцелярія джувашъ-хакима и другихъ ввести въ степь.

Представьте себѣ вольныхъ сыновъ степи, не знающихъ ни чернилъ, ни бумаги, тѣмъ паче канцелярскихъ „столовъ“, собравшихся на выборы и выслушивающихъ пространныя истолкованія о шарахъ черныхъ и бѣлыхъ и о расположеніи избирательной урны въ видѣ перегороженнаго на-двое короба, накрываемаго чернымъ сукномъ, торжественно поддерживаемымъ за концы самимъ джувашъ-хакимомъ и его кичкине-наибомъ.

Надо слишкомъ много времени и терпѣнія, чтобы выдрессировать такихъ избирателей въ отчетливомъ пониманіи всей этой баллотировочной механики, на которую туземцы смотрятъ пока просто какъ на забаву (тамаша), неизвѣстно почему претендующую на непогрѣшимость выборовъ такимъ ухищреніемъ.

Туземцы и не могутъ иначе относиться къ баллотировкѣ такимъ способомъ, по замѣчаемымъ каждымъ при выборахъ разнымъ курьезамъ, напримѣръ: опусканію въ одно отдѣленіе короба обоихъ шаровъ, или поползновенію киргиза-избирателя забраться подъ сукно съ головою, и т. п.

Да и можетъ ли киргизъ уяснить себѣ право на баллотировку такимъ утомительнымъ способомъ только 4—6 человѣкъ его волости въ то время, когда претендентовъ на эту должность имѣется полтораста человѣкъ?

Естественно отсюда нерѣдкое изумленіе народа, получившаго сюрпризомъ для самихъ избирателей такого волостного или бія, котораго они никогда не желали видѣть на этой должности и открытымъ голосованіемъ ни за что не избрали бы.

— То ли дѣло,—говорилъ своему родовичу толковый киргизъ Бекбай:—первые выборы въ „такомъ-то“ уѣздѣ

— Да, то было отрадное время,—соглашался Бектемиръ.—Я живо его припоминаю. Открытымъ совѣщаніемъ 50-ти юртовладѣльцевъ назначался тогда одинъ избиратель (юлю-баши—пятидесятенный). Въ устраненіе интригъ и подкуповъ, здѣсь же, въ присутствіи начальника, въ отдѣленіи отъ массы народа, избиратели, тотчасъ по назначеніи народомъ, садились въ кружокъ среди степи и начинали толковать, кто къ какой должности пригоденъ. Долго, часа по три иногда, длились оживленные, крикливые, съ привѣтованіемъ избирателей съ мѣста своего, эти выборы, и въ концѣ-концовъ результаты получа-

лись такіе отрадные, что народъ привѣтствовалъ ихъ подбрасываніемъ на радостяхъ своихъ малохаевъ (шапки зимнія). Если при выборахъ избирательные голоса распадались поровну, дѣло рѣшалось здѣсь же, въ кругу, подъ надзоромъ въ такихъ случаяхъ хакима, жребіемъ (чекъ),—и споровъ затѣмъ никогда не возникало. Всякій видѣлъ, что дѣло дѣлалось на чистоту, вліянія на избирателей не имѣлъ ни народъ, ни претенденты на должности, ни начальникъ и его окружающіе. Со всею отчетливостью, безъ малѣйшаго повода для народа къ подозрѣніямъ въ пристрастіи, такіе выборы всѣхъ должностныхъ лицъ, аульныхъ старшинъ, біевъ, управителей 2—3 волостей, оканчивались обыкновенно въ одинъ день и никакого никогда смѣхотворства, подобнаго раздающемуся всякій разъ надъ коробомъ, не возбуждали въ народѣ.

При такихъ выборахъ народу предоставляется широкій просторъ смѣлой критической оцѣнки прошлой дѣятельности и способностей избираемаго лица, а при нестѣсненіи избирателей назначеніемъ претендентовъ, какъ это дѣлаетъ коробъ, дѣйствительная способность не будетъ затерта и явится на службу обществу.

Совсѣмъ не то выходитъ съ коробомъ: народъ толкомъ не смыслитъ значенія бѣлыхъ и черныхъ орѣховъ, исправляющихъ должность шаровъ, процессъ опусканія въ одну изъ половинъ ящика избирательнаго орѣха вводитъ всей обстановкой въ ажитацію киргизъ, и подготовленный пустить избирательный шаръ кладетъ въ волненіи и по неловкости неизбирательный, и наоборотъ.

Интригамъ открывается широкій, хотя и не совсѣмъ надежный просторъ возможностью переговоровъ съ избирателями, нѣсколько разъ призываемыми къ баллотировочному столу. Вся эта затаенность, важная торжественность, всѣ эти часто происходящія случайности опусканія двухъ шаровъ въ одну половину, останавливанія избирателя какимъ-нибудь назиданіемъ въ самый моментъ намѣренія его сплавить поскорѣе свой орѣхъ и отдѣлаться, производятъ на живой, нетерпѣливый киргизскій

народъ крайне дурное впечатлѣніе и вызываютъ во всѣхъ, даже въ бабахъ киргизскихъ, не совсѣмъ выгодные для короба толки.

Въ общемъ слѣдуетъ признать баллотировочные, посредствомъ шаровъ, выборы неправильными уже потому, что они ограничиваютъ избирательное право народа назначеніемъ предъ баллотировкой претендентовъ на должности.

Я того мнѣнія, что выборы открытымъ голосованіемъ, сохраняя за народомъ всеполное избирательное право, гарантируютъ успѣхъ избранія въ должности соотвѣтствующихъ лучшихъ людей, и главное—способствуютъ здоровому воспитанію массы соревнованіемъ и свободнымъ критицизмомъ, чѣмъ траурный коробъ не отличается.

Дѣйствительно, по многимъ весьма поучительнымъ аргументамъ, представляющимся каждому, кто присматривался къ развитію народной жизни, нельзя не согласиться, что in agora киргизской степи имѣетъ больше смысла и практической пользы, чѣмъ канцелярскій столъ, перерождающійся на время въ избирательное бюро со своими типичными атрибутами.

Каждый, всматривавшійся сколько-нибудь въ организацію, путемъ закрытыхъ выборовъ, туземной администраціи и суда, могъ всегда подмѣтить, по результатамъ дѣятельности должностныхъ лицъ, преобладаніе въ нихъ элементовъ нравственно и умственно слабыхъ, но крѣпкихъ настойчивостью добиться званія волостного управителя или бія, какими бы то ни было путями и прежде всего подкупомъ избирателей, вызывающимъ иногда претендентовъ на большія матеріальныя затраты.

Естественно ли ждать добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей отъ должностного киргиза, добивавшагося на трехлѣтіе мѣста затратою годичнаго [1]) содержанія? Конечно—нѣтъ, если сообразить, что киргизъ настоящаго времени цѣнитъ почетъ прибыльный, а не бездоходный, убыточный, и при собственныхъ средствахъ добиваться хлопотливой долж-

[1]) Волостной управитель получаетъ 800 рублей

ности волостного управителя не станетъ, не имѣя въ виду возвратить съ лихвою всѣ затраты на выборы, на русскіе сапоги, вино и стуколку, устраиваемые каждымъ степнымъ рыцаремъ съ полученіемъ должности управителя.

Да, забрались-таки и къ номадамъ эти піонеры цивилизаціи и, нечего сказать, шлифуютъ податливыхъ сыновъ природы весьма быстро.

Конечно, никто не станетъ утверждать, что эти три ассимилирующіе фактора—вино, карты и русскіе сапоги—находятся въ одинаковомъ прогрессивномъ взаимодѣйствіи у всѣхъ туземцевъ; до этого еще не дошло дѣло цивилизаціи, но что они охватили уже нѣкоторую часть кочевого и осѣдлаго населенія, это не откажутся, вѣроятно, признать и гг. стражи народной жизни.

Нельзя не сказать, что эти два печальные одухотворителя—вино и карты, проникаютъ въ кочевой народъ не стимулами потребностей самой жизни, а къ сожалѣнію, тѣми низменными путями подражанія, гаерства, которые оказываютъ на свои жертвы двойное нравственно разслабляющее вліяніе. Это видятъ сами, не пріобщившіеся еще такой цивилизаціи, номады, прекрасно анализирующіе факты жизни; это видитъ каждый посторонній наблюдатель, это должны бы видѣть всѣ, надѣленные природою органами зрѣнія и пониманія.

Не ясны ли также для каждаго, справедливо относящагося къ явленіямъ жизни, прямыя послѣдствія такого одухотворенія: ослабленіе нравственности и упадокъ благосостоянія со всѣми безотрадными варіаціями.

МАЛОИЗВѢСТНЫЕ ГОРОДА ЗЕРАВШАНСКАГО ОКРУГА.

Въ общественной физіологіи городовъ Зеравшанскаго округа, насколько она опредѣляется постепеннымъ образованіемъ бытовыхъ и хозяйственныхъ особенностей ихъ, общимъ складомъ жизни и соціальными отношеніями населенія, проглядываетъ столько своеобразнаго, типичнаго, что уясненіе вопросовъ: изъ какихъ элементовъ составилось населеніе города, какъ оно живетъ, чѣмъ занимается, что потребляетъ, какъ и откуда добываетъ средства для удовлетворенія своихъ потребностей, каковы нравственныя свойства его—представляетъ плодотворное поле и для статистическихъ изслѣдованій, несомнѣнно имѣющихъ огромное значеніе научное (антропологія, соціологія) и практическое, какъ правильное опредѣленіе размѣра богатствъ городовъ и платежныхъ силъ населенія.

Въ Ургутѣ [1]).

По переписи начала 1877 года исчислено 948 домовъ съ населеніемъ 2,879 мужчинъ, 2,626 женщинъ, таджиковъ иранской расы; евреевъ: 2 мужчинъ, 5 женщинъ; индійцевъ — 32 мужчины, всего 5,543 души. Часть ургутскаго населенія, домовладѣльцы, исчислена поименно, съ обозначеніемъ про-

[1]) Въ 35-ти верстахъ на югъ отъ Самарканда, у подножія Зеравшанскаго кряжа.

фессій и соціальнаго положенія каждаго; остальная часть исчислена перечневымъ порядкомъ, безъ отмѣтки возраста, но съ обозначеніемъ степени участія каждаго въ совмѣстномъ съ домовладѣльцами трудѣ. Такимъ образомъ, получается:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
1) Населенія зарабатывающаго . .	2,130	1,508
2) Населенія, не отбывающаго самостоятельнаго труда, а живущаго на средства другихъ	765	1,139
3) Населенія, не имѣющаго опредѣленныхъ средствъ къ жизни	18	2

Первую группу составляютъ домовладѣльцы съ членами своего семейства, совмѣстно трудящимися и зарабатывающими средства къ жизни.

Ко второй группѣ причислены:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
1) Старики, дѣти, увѣчные, получающіе средства отъ главъ семействъ, самостоятельно трудящихся	742	1,120
2) Ученики медрессе, живущіе не при родителяхъ	20	—
3) Призрѣваемые въ пріютахъ . .	3	—
Всего . . .	765	1,120

Въ третью группу вошли:

1) Нищіе.	8	2
2) Календери, живущіе благотворительностью	10	—
Всего . . .	18	2

По отношенію къ общей цифрѣ населенія, процентное отношеніе трехъ этихъ группъ представляется такимъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Классъ, самостоятельно живущій. .	72%	57%
Живущій на средства другихъ . .	27,25%	42,8%

Неимѣющіе опредѣленныхъ средствъ къ жизни	Мужчинъ. 0,75%	Женщинъ. 0,11%

Преобладающій классъ населенія, самодѣятельный, группируется:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
1) въ живущихъ промышленнымъ трудомъ	2,816	37
2) живущихъ нематеріальнымъ трудомъ	410	60
3) прислуга	165	—
Всего . . .	3,391	97

А по отношенію къ общей цифрѣ населенія это составитъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Классъ промышленный	94 3/4 %	1 1/2 %
Классъ труда нематеріальнаго . .	14 5/8 %	2 1/4 %
Прислуга	5 7/8 %	—

Распредѣленіе это указываетъ на отсутствіе въ населеніи г. Ургута класса, живущаго доходами безъ всякаго промысловаго занятія, какъ-то: владѣльцевъ эксплоатируемой недвижимой собственности, лицъ, живущихъ капиталомъ. Такого класса никогда и не было здѣсь, такъ какъ съ одной стороны условія жизни въ Ургутѣ не таковы, чтобы они могли привлекать изъ другихъ осѣдлостей туземцевъ, достаточно обезпеченныхъ средствами, съ другой—особенности характера туземцевъ, прирожденная склонность къ увеличенію матеріальныхъ средствъ, обращаетъ всѣхъ ихъ въ классъ промышленный, распредѣляющійся такъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Торговая промышленность	290	—
Сельско-хозяйственная промышленность	1,840	—
Обрабатывающая промышленность . .	680	37
Перевозочная промышленность . . .	6	—
Всего . . .	2,816	37

Исключительныя условія общественнаго положенія мусульманской женщины, устранивъ ее окончательно отъ такихъ, по-

видимому, сподручныхъ производствъ, какъ сельско-хозяйственное или торговое, оставили ей доступъ единственно къ раздѣленію труда въ обрабатывающей промышленности и то настолько, насколько участіе ея можетъ ограничиваться работою дома; внѣ своего двора она не имѣетъ занятія и въ этой отрасли промышленности. Оттого въ классѣ промышленномъ Ургута мужской элементъ составляетъ около 100% общаго населенія мужского пола, женскій—только 1,4%.

Процентное же отношеніе выше отмѣченныхъ отраслей промышленности указываетъ на большое, сравнительно, развитіе сельскаго хозяйства, распадающагося на садоводство, клеверовоздѣлываніе и полеводство въ тѣсномъ значеніи слова. Въ садоводствѣ преобладаетъ виноградарьство, дающее съ 1,020 танаповъ (255 десятинъ) 420 собственникамъ 31,460 рублей годового дохода. Затѣмъ слѣдуетъ доходъ съ 9-ти танаповъ фруктовыхъ садовъ (урюкъ, яблоки, груши, персики, сливы, вишни, винныя ягоды, гранаты, орѣхи), дающій въ сложности 60 руб. на 30 собственниковъ. Далѣе, доходъ въ 480 рублей на 96 собственниковъ отъ 120 танаповъ пустопорожней земли (мазрага) при садахъ, обрабатываемой подъ овощи (петрушка, лукъ, морковь, рѣпа). Всего отъ виноградниковъ, садовъ и прилежащей къ нимъ непосредственно земли 420 собственниковъ получаютъ дохода 32,000 рублей. Плантаціи, люцерны (клеверъ) въ количествѣ 139 танаповъ (34¾ десятинъ) приносятъ дохода 200 владѣльцамъ 1,390 рублей. Хлѣбопашество, заключающееся въ посѣвахъ озимыхъ (ячмень, пшеница) и яровыхъ (ленъ, индау, просо) на 2,174 танапахъ пригородной земли, приноситъ 300 земледѣльцамъ 10,870 руб. ренты. Вся же сельско-хозяйственная промышленность представляетъ годовой оборотъ 42,260 рублей или 32,78% отъ всей суммы вырабатываемой всею промышленностью.

Слѣдующею, по размѣрамъ годовыхъ оборотовъ, стоитъ торговая промышленность, распадающаяся на группы:

	Мужчинъ хозяевъ.	Доходъ годовой.
1) Торговля баранами	2	6,980
2) „ мясомъ	20	640
3) „ мануфактурой, ситцами, тикомъ, шелковыми издѣліями	8	1,900
4) Мелочныхъ торговцевъ обуви и проч.	12	681
5) Торговля бумажными тканями мѣстнаго произведенія и издѣліями изъ нея .	24	802
6) Торговля сельско-хозяйственными продуктами	53	1,640
7) Торговля шерстью и издѣліями изъ нея	4	110
8) Торговля хлопкомъ, ватой и пряжью	28	670
9) Торговля желѣзомъ и издѣліями изъ него	13	385
10) Торговля деньгами (ростовщичество)	32	60,000
Всего . . .	222	74,120

Послѣ торговцевъ сельско-хозяйственными продуктами, наибольшій оборотъ въ этой отрасли промышленности дѣлаютъ торговцы баранами, которымъ приходится среднимъ числомъ по 997 руб. дохода на человѣка, а въ года дороговизны барановъ на бухарскихъ рынкахъ, доходъ этотъ даже утраивается. Торговля мануфактурой имѣетъ только 12 представителей, вмѣсто 22 купцовъ 2-й гильдіи и мелочниковъ, объявившихся въ первый годъ (1875 г.) введенія торговаго положенія. Зато торговля мѣстными бумажными тканями (бязь, алача, подкладочныя ткани, пояса, чалмы) и издѣліями изъ нея (халатами, одѣялами) усилилась подъ вліяніемъ столько же спроса на нее вмѣсто ситца, сколько и незначительности торговыхъ четырехрублевыхъ пошлинъ. Торговля хлѣбомъ занимаетъ совершенно незначительное мѣсто по размѣрамъ оборотовъ, въ силу, съ одной стороны, изолированности Ургута отъ другихъ большихъ рынковъ Зеравшанской долины, съ

другой — по ограниченности размѣра полеводства мѣстнаго, покрывающаго всего лишь $^2/_5$ мѣстной потребности, удовлетворяемой, такимъ образомъ, въ остальномъ количествѣ подвозомъ хлѣбныхъ продуктовъ (пшеница, мука, нахутъ, ячмень) изъ ближайшихъ селеній трехъ большихъ волостей (ургутской, кара-тюбинской, яны-казанъ-арыкской) и отчасти изъ Фараба, получающаго очень много хлѣбнаго зерна отъ яровыхъ посѣвовъ, группирующихся по склонамъ горъ Зеравшанскаго кряжа.

Эти незначительные обороты хлѣбной торговли сосредоточены на $^3/_4$ общаго количества въ рукахъ индійцевъ, получающихъ сельско-хозяйственные продукты въ уплату долговъ по займамъ, значительно развившимся въ послѣднія 8 лѣтъ, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, неурожая 1870 года, и по другимъ причинамъ, вытекающимъ изъ экономической немощи народа, и т. д. Въ рукахъ же индійцевъ находится также и вся торговля желѣзомъ, съ общимъ оборотомъ въ 365 руб., понизившимся съ 1865 года, что отразилось на вздорожаніи издѣлій изъ желѣза (лемехи, топоры, подковы) и той обуви „татарской“ (ногаи) осѣдлыхъ туземцевъ, которая требуетъ много гвоздей (мэхъ).

Теперь торговцевъ „щегольской“ обувью (ногаи) совершенно не осталось, а простою (маехи) торгуетъ 1 человѣкъ.

Довольно видное мѣсто составляетъ въ Ургутѣ торговля мясомъ, имѣющая 20 представителей, т.-е. по одному мяснику на 277 человѣкъ мѣстнаго населенія. Годовой оборотъ этихъ торговцевъ 640 рублей или 32 руб. на каждаго мясника. Зато представителей разносной торговли совершенно не встрѣчается, что вполнѣ естественно въ этомъ жаркомъ климатѣ, располагающемъ къ торговлѣ сидя, но не въ разносъ. Причисляя къ торговому классу 7 человѣкъ посредниковъ въ торговлѣ скотомъ (это маклера-даляль, помогающіе въ сдѣлкахъ), получающихъ 160 руб. годового заработка, подведемъ итогъ оборотовъ промышленности *торговой* въ 74,280 руб., что составитъ 57,25% общей суммы, вырабатываемой всѣмъ промышленнымъ классомъ.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію промышленности *обрабатывающей*, имѣющей, какъ выше сказано, всего 717 представителей (680 мужчинъ, 37 женщинъ), отмѣтимъ естественное распредѣленіе ея на двѣ главныя группы: а) производства для покрытія потребностей исключительно мѣстнаго населенія, б) производства, разсчитывающія на внѣшній сбытъ. Въ первую категорію входятъ:

	Производителей хозяевъ.	Доходъ годовой.
1) хлѣбопеки	5	105
2) мельники.	14	830
3) содержатели маслобоенъ . . .	14	86
4) кондитеры	3	86
5) мыловары	7	138
6) свѣчедѣлатели	1	18
7) починщики старой обуви . . .	1	120
8) выдѣлыватели деревян. ложекъ .	1	16
Всего . .	56	1,903

Это составляетъ 56 производителей на 98 потребителей; далѣе, къ этой же группѣ относятся промышленныя занятія по содержанію въ чистотѣ тѣла:

	Производителей.	Доходъ годовой.
содержатели бань . . .	1	120
цирюльники	5	Причислены къ классу нематеріальнаго производства.
Итого . .	6	120

всего 62 человѣка во всей категоріи или по одному производителю на 58 человѣкъ. Такое отношеніе производителей къ потребителямъ въ этой группѣ не должно представляться неутѣшительнымъ на томъ основаніи, что такія потребности, какъ приготовленіе хлѣба (лепешекъ), поддержаніе чистоты тѣла удовлетворяются домашними приспособленіями, къ которымъ населеніе незначительныхъ городовъ болѣе склонно, чѣмъ къ общественнымъ занятіямъ этого рода.

Во вторую категорію обрабатывающей промышленности входятъ:

	Производителей хозяевъ.	Годов. зараб.
1) строители жилищъ . . .	8	330
2) токари и дѣлатели станковъ хлопко-очистительныхъ, ткацкихъ, веретенъ.	8	146
3) ткачей бумажныхъ . . .	153	6268
4) красильщики пряжи бумажной.	15	345
5) дѣлатели красокъ, пряжи красящихъ	7	106
6) набойщики	10	390
7) кожевники	3	120
8) дѣлатели обуви (сапоги, галоши)	9	250
9) гончары	3	90
10) дѣлатели вьючныхъ сѣделъ и уздечекъ	2	40
11) мѣдниковъ	1	30
12) серебряныхъ дѣлъ мастеровъ	1	60
13) медоваровъ	—	—
14) кузнецовъ.	4	120
15) хлопко-очистителей . . .	—	—
16) приготовляющихъ сушеные фрукты (абрикосы, персики, кишмишъ).	—	—
17) дѣлателей земледѣльческихъ желѣзныхъ орудій (сошники) . . .	—	—
Итого . .	130	8295
Всего . .	386	10,318

Большое относительное число ($2^1/_2\%$ отъ всей группы) строителей жилищъ и плотниковъ находитъ достаточный зара-

ботокъ въ самомъ Ургутѣ, въ селеніяхъ и отчасти въ Самаркандѣ, вслѣдствіе характерныхъ особенностей туземныхъ построекъ (сакель) съ земляными плоскими крышами, требующихъ замѣны потолочныхъ балокъ (баларъ) чрезъ каждыя 15 лѣтъ, и обращающихъ здѣшнюю балочную тополь (Populus) въ трухлякъ. Многіе туземцы впрочемъ перестраиваютъ свои каркасныя сакли, крайне легкой архитектуры, и чаще, чрезъ 8—10 лѣтъ, въ видахъ дезинфекціи, потребность въ которой всякій европейскій носъ ощущаетъ и гораздо раньше того періода, какой побуждаетъ сарта къ чистому воздуху. Въ этомъ случаѣ наша мѣстами прорывающаяся заботливость — пропустить въ туземные города отечественную избу съ неизбѣжной, конечно, печкой, похожа на то, если бы мы принялись въ хивинскихъ пескахъ, съ ихъ алтыкудуками и адамъ-крылганами, строить хлопчато-бумажныя фабрики. Зачѣмъ понадобилась среднеазіатскому туземцу русская изба, когда ее не изъ чего строить, когда сама природа оформливаетъ ее въ лепешку, не допуская высокостроительныхъ крышъ, когда по условіямъ жизни при экономической обездоленности народа со всѣми ея варіаціями, и въ устройствѣ жилищъ, и въ жилищѣ, и въ образѣ жизни туземцу приходится наблюдать самую строгую бережливость. Зачѣмъ сарту русская теплая изба, когда онъ проводитъ 8 мѣсяцевъ въ году подъ открытымъ небомъ, въ саду или въ полѣ, когда, по волѣ великаго Пророка, онъ обязанъ жить такъ, чтобы внутренній міръ его двора былъ извѣстенъ только семьѣ и никому болѣе. Да и чѣмъ приглядѣе плоскокрышей сакли, обезпеченной совершенно отъ „краснаго пѣтуха“, русская изба? Нѣтъ, пока сарты остаются мусульманами-сартами, пока солнце позволяетъ проводить 8 мѣсяцевъ въ году на воздухѣ, пока растительная природа такъ скудна, что мало даетъ топлива даже русскимъ обитателямъ, а туземцамъ позволяетъ довольствоваться для пищеприготовленія хворостомъ и бурьяномъ (хосъ), пока экономическое положеніе населенія будетъ такимъ, какъ оно теперь—до тѣхъ поръ, въ туземномъ городѣ останется сакля, классическій халатъ, гало-

ши, ермолка и казанъ. Никакіе проекты, никакое чиновничье усердіе не въ силахъ навязать туземцамъ русскую избу и печь наперекоръ географическому положенію Туркестана и климатическимъ особенностямъ его.

Остается теперь сказать о промышленности *перевозочной*, не имѣющей въ Ургутѣ достаточнаго развитія, съ одной стороны, вслѣдствіе обособленности его въ торговлѣ отъ остальныхъ рынковъ, а съ другой — и потому, что при дешевизнѣ содержанія домашнихъ животныхъ, каждый, мало-мальски состоятельный производитель, имѣетъ лошадь или ишака, которые служатъ ему и въ полевыхъ работахъ, и въ перевозкѣ на вьюкѣ тяжестей, хотя бы на значительное разстояніе и на конныхъ играхъ (кокъ-бури, байга). Вслѣдствіе этихъ-то особенностей дешевизны покупки лошади или ишака (стоимость первой 40—12 р., второго—10—3 р.), дешевизны содержанія ихъ (отъ 24 руб. для лошади, до 7 р. въ годъ для ишака), а также вслѣдствіе неудобства въ зимнее время колеснаго пути отъ Самарканда и отсутствія даже арбяного пути въ Пенджакентъ, въ Ургутѣ встрѣчаются только извозчики-вьючники на лошадяхъ (кирокеши) 3 человѣка съ такимъ-же числомъ лошадей, и на ишакахъ—1 человѣкъ съ 4 ишаками, всѣ съ общимъ заработкомъ 80 рублей годовыхъ.

Вывести отношеніе между этими предпринимателями и спросомъ затруднительно, такъ какъ послѣдній даже гадательно опредѣлить нельзя. Съ достаточной вѣроятностью можно сказать только, что спросъ на извозчиковъ конно-вьючныхъ увеличивается поздней осенью, при отправленіи въ Шахрисябзъ и Самаркандъ виноградnаго меда (ширны) и сушенаго кишмишу. Цѣна же остается постоянною для всѣхъ временъ года, а именно:

За вьючную лошадь:

Плата до Самарканда (36 верстъ) . . .	50 к.
„ „ Пенджакента (36 верстъ) . . .	60 к.
„ „ Шахрисябзя (60 верстъ) . .	1 р. 60 к.

За вьючнаго ишака:

Плата до Самарканда	20 к.
„ „ Пенджакента	20 „
„ „ Шахрисябзя	60 „

Подводя итогъ всѣмъ 5-ти разсмотрѣннымъ нами категоріямъ промышленности, находимъ, что по числу трудящихся она составляетъ 92% мужского самодѣятельнаго населенія и 1,4% женскаго; что валовой годичный оборотъ ея составляетъ 129,328 рублей, распредѣляющихся между непосредственными производителями - хозяевами (1678 мужчинъ), сотрудниками-членами семейства (1072 мужчинъ, 47 женщинъ) и работниками (165 мужчинъ), наибольшій процентъ которыхъ (98 челов.) участвуетъ въ сельско-хозяйственной промышленности, 45 человѣкъ въ промышленности обрабатывающей и остальные 22 человѣка въ торговой промышленности. Абсолютныя цифры числа рабочихъ, разсматриваемыя по отношенію къ классу самостоятельному, объясняютъ незначительнымъ процентомъ (1%) несамостоятельныхъ, весьма слабый спросъ на трудъ, какъ слѣдствіе, во-первыхъ, черезчуръ мелкаго земледѣлія [1]), во-вторыхъ, слабаго развитія торговли, имѣющей всего на 229 хозяевъ и 13 приказчиковъ, въ-третьихъ, наконецъ, какъ слѣдствіе простоты организаціи ремесленныхъ кустарныхъ производствъ, не имѣющихъ артельныхъ складовъ даже для тѣхъ произведеній (алача, ситецъ для одѣялъ), которыя вырабатываются въ значительномъ количествѣ для отпускной торговли. Эти же цифры показаній о числѣ рабочихъ свидѣтельствуютъ о совершенномъ отсутствіи въ группѣ несамостоятельныхъ женщинъ и дѣтей до 18-ти лѣтъ, на наемный трудъ которыхъ нѣтъ спроса, въ силу вышеотмѣченныхъ причинъ соціальныхъ и экономическихъ.

Присматриваясь къ положенію рабочаго у туземцевъ Ургута и Пенджакента, встрѣчаемъ повсюду: крайне низкую заработ-

[1]) Крупнымъ земледѣльцемъ считается здѣсь собственникъ 12-ти десятинъ пахоты; мелкимъ — владѣлецъ 1-й десятины. Земельное положеніе туземцевъ будетъ уяснено въ отдѣльной статьѣ.

ную плату, какъ факторъ несоотвѣтствія отношеній между спросомъ и предложеніемъ, сильное вліяніе хозяевъ на нравственную природу работника, какъ результатъ взаимности труда и простоты отношеній, дѣлающихъ наемщика какъ бы членомъ семьи.

Наибольшій контингентъ рабочихъ даютъ въ Ургутѣ мѣстные малоземельные горожане, въ Пенджакентѣ—безземельные горцы Фальгара, Магіана, Кштута. Тѣ и другіе получаютъ: за однодневный, 12-часовой трудъ на полевыхъ работахъ—8—12 коп. и хозяйскую пищу; за рабочій лѣтній сезонъ въ 8 мѣсяцевъ (начиная съ половины февраля) 12—20 р., одну пару нижняго бѣлья, халатъ алачевый, сапоги и хозяйскую пищу; за полугодовой трудъ по пастьбѣ барановъ 46 руб., одну пару нижняго бѣлья, 2 халата алачевые, 3 пары сапоговъ. Въ нѣсколько лучшемъ положеніи туземцы, нанимающіеся въ работники къ индійцамъ, которые платятъ въ годъ 60 рублей безъ продовольствія и одежды. А самая счастливая доля рабочихъ, нанимаемыхъ русскимъ населеніемъ, о щедрости котораго, иногда совершенно неблагоразумной, у туземцевъ составилось такое представленіе, что и при достаточной конкурренціи въ классѣ малосостоятельномъ, дневной работникъ (мардекеръ) стоитъ 20—40 копѣекъ годовой (дворовая прислуга), обходится съ одеждой и пищей minimum 82 руб. и maximum 200 руб. Принимая въ разсчетъ сравнительную незначительность труда работника, исполняющаго обязанности дворовой прислуги, съ трудомъ работника-пахаря, находимъ, что русское населеніе платитъ за трудъ туземца въ 10 разъ дороже, чѣмъ сколько платятъ сами туземцы. За эту щедрость, въ первые годы занятія края, мы носили неидущее къ намъ названіе богачей (бай), а теперь, при той же въ привычку обратившейся щедрости, считаемся просто „небережливыми“ (сарифкоръ) и даже нѣсколько хуже.

Обращаясь затѣмъ ко второй группѣ самодѣятельнаго населенія, къ классу „нематеріальныхъ производителей“, мы находимъ въ немъ не мало составныхъ элементовъ:

Туземная администрація.

	муж.	жен.	годов. заработ. всѣхъ.
Волостной управитель	1	—	700 р.
Джигиты, разсыльные	2	—	240 „
Аксакалы, старосты	3	—	450 „
Курбашъ, полиціймейстеръ . .	1	—	240 „
Шабгары, стражники	5	—	480 „
Итого . .	12	—	2110 р.

Туземный судъ:

Казій, судья	1	—	2500 р.
Муфтій, законникъ	3	—	460 „
Разсыльные джигиты	2	—	200 „
Итого . .	6	—	3160 р.

Врачебный персоналъ:

Табибъ, лѣкарь	1	—	80 р.
Саткакчи, знахари	12	9	230 „
Азаимъ-ханъ, отчитывальщики .	3	—	130 „
Итого . .	16	9	470 р.

Воспитательный учебный персоналъ:

Мудариссовъ — профессоровъ, преподающихъ въ медрессе высшія мусульманскія науки	2	—	200 р.
Мектебаровъ, обучающихъ въ низшихъ школахъ	20	2	600 „
Итого . .	22	2	800 р.

Духовенство:

Хотыпъ, старшій мулла, священнодѣйствующій въ мечетяхъ по пятницамъ	5	—	150 р.

	муж.	жен.	годов. заработ. всѣхъ.
Имамъ, священникъ приходскій .	32	—	840 „
Ишанъ, священникъ орденскій .	3	—	?
Муазинъ, призывающій на молитву	11	—	120 „
Кари, читающій на память коранъ	4	—	40 „
Итого . .	55	—	

Погребальный персоналъ:

Мурда-шуй, омывальщики . .	5	7	50 р.
Гурькау, могильщики	10	—	28 „
Гуянда, плакальщики	—	4	8 „
Ходымъ, раздаватели поминальныхъ угощеній	10	6	36 „
Искотъ-бардаръ, молельщики .	19	8	60 „
Пай-коль, созыватели на похороны	3	2	12 „
Всего . .	47	27	194 р.

Всматриваясь въ эти цифры, находимъ, что классъ нематеріальныхъ производителей составляетъ 14% по отношенію къ мужскому населенію, $2^3/_8$%—къ женскому населенію и 8,75% по отношенію къ населенію обоего пола. По численности, въ первой категоріи должно быть поставлено духовенство, составляющее 1% общаго населенія и $1^7/_8$% по отношенію къ мужскому населенію, для котораго исключительно и существуетъ духовенство мусульманское, ограничивающее свои пастырскія отношенія къ женщинѣ прочтеніемъ молитвы при вѣнчаніи (никохъ) и сопровожденіемъ трупа ея на кладбище.

Какъ матеріальное, такъ и соціальное положеніе ургутскаго духовенства довольно жалкое: имамъ (приходскій мулла) получаетъ съ прихожанъ до 28 рублей [1]) въ годъ и рѣши-

[1]) Въ Ургутѣ приходской мулла получаетъ въ годъ до 28 руб., хатынъ получаетъ до 30 руб., муазинъ—12 руб., каруи—10 руб. годовыхъ.

тельно никакимъ вліяніемъ на свою паству не пользуется. Это происходитъ оттого, что бѣдные, не имѣющіе въ большинствѣ случаевъ никакой недвижимой собственности, кое-какъ вызубрившіе элементарную книжную мудрость муллы никакого участія въ дѣлахъ общественныхъ не принимаютъ, съ прихожанами связаны только лишь интересами молитвы (намазъ), да исполненіемъ обрядовъ вѣнчанія и погребенія, по приказу казія; учительскую практику имѣютъ только нѣкоторые, съ дѣтьми не старше 12-лѣтняго возраста, и при этомъ, не выдаваясь нисколько изъ общаго уровня слабаго умственнаго развитія, мулла естественно чуждъ какого бы то ни было вліянія на дѣла общества и на индивидуумовъ его. Этимъ вліяніемъ на нравственную природу туземца, на религіозныя и даже политическія убѣжденія, конечно, пользуются орденскіе священники, ишаны, пастырская дѣятельность которыхъ, направленная къ поддержанію въ чистотѣ вѣры, захватываетъ всѣ слои общества и обращаетъ въ покорнаго прозелита (мюридъ) и знатнаго, и богатаго, и пресмыкающагося (тиричылыкъ кылатугонь), и голодающаго бѣдняка. „Клянись быть мнѣ вѣрнымъ и преданнымъ до готовности пожертвовать своею жизнью“ требуетъ отъ новичка мюрида его наставникъ (пиръ) ишанъ, и затѣмъ уже протягиваетъ ему руку въ знакъ братства (бародарлыкъ), бесѣдуетъ съ нимъ (согбатъ) о дѣлахъ духовныхъ и мірскихъ, совмѣстно упражняется до одуренія и падучей болѣзни въ продолжительномъ выкрикиваніи грудью „я ху! я хокъ! Ла иллахи иллаху!“ [1]), учится дѣлать чудеса (керемет), т.-е. фокусы, и, наконецъ, за долготерпѣніе и абсолютную податливость мюридъ получаетъ благословеніе (фотиха) и посвященіе (иршатъ) въ ишаны. Здѣсь не мѣсто распространяться подробностями о дѣятельности ишановъ, насколько она отражается вліяніемъ на соціальныя отношенія среднеазіатскихъ мусульманъ вообще и горцевъ съ Уртугомъ въ частности; будетъ достаточно отвѣтить оптимистамъ, не видящимъ этого

[1]) Да, это онъ! Онъ—справедливый! Нѣтъ другого Бога, кромѣ Его!

вліянія и утверждающимъ, что ишаны—то же, что „россійскіе юродивые“—предложеніемъ прочесть стр. 180 книги А. Вамбери „Очерки Средней Азіи“, статью гр. Кутайсова „О магометанскомъ религіозномъ движеніи“, въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1873 годъ. Мы скажемъ только, что въ смыслѣ экономическомъ ишаны обходятся населенію очень дорого, что свободная совершенно пропаганда, которую они такъ усердно ведутъ въ средѣ осѣдлаго и кочевого населенія, для успѣховъ цивилизаціи, приноситъ отрицательную пользу, поддерживая въ народѣ грубое фанатическое невѣжество, отвращеніе къ полезной новизнѣ и подрывая положительно благосостояніе многочисленной паствы. При случаѣ, мы скажемъ изъ книги жизни больше объ этихъ ретроградныхъ учителяхъ мусульманскаго общества, а теперь перейдемъ къ слѣдующимъ категоріямъ разсматриваемой группы, и прежде всего скажемъ, что администрація составляетъ $^1/_6{}^5/_4{}^0/_0$ общаго населенія, туземный судъ $^5/_3{}^1/_2{}^0/_0$. Эти цифры нельзя считать высокими, имѣя въ виду, что туземная администрація (волостной управитель, аксакалы) исполняетъ обязанности полицейскія и сборщиковъ податей, а юрисдикція суда распространяется не только на Ургутъ, но и на три волости съ 16,000 жителей. Насъ въ большой мѣрѣ поражаетъ численный составъ туземнаго врачебнаго персонала, въ которомъ самое видное мѣсто занимаютъ озаимъ-ханы — отчитыватели, соткакчи—знахари и затѣмъ уже эскулапъ, табибъ—лѣкарь, терапевтическая практика котораго мало чѣмъ разнится отъ пріемовъ врачеванія, употребляемыхъ знахарками. Эти пріемы заключаются главнымъ образомъ въ рѣзаніи чернаго пѣтуха надъ головою больного, въ окуриваніи, въ поплевываніи въ затылокъ, въ обливаніи больного, несмотря на время года, холодной водой на берегу источника, въ накалываніи шиломъ изображенія луны на спинѣ одержимаго ревматизмомъ.

Всѣ эти невѣжественные, дикіе способы лѣченія стоятъ населенію не мало денегъ, не мало данниковъ смерти, не мало жертвъ заблужденія, столь естественнаго, однако, при условіи,

когда страждущему, погибающему туземцу знахарка или отчитывальщикъ представляются якоремъ спасенія. Нечего удивляться такому невѣжеству населенія, нечего негодовать на муллъ, туземныхъ эскулаповъ, захватившихъ врачебную практику не силою, конечно, знанія, не вліяніемъ на народъ, а единственно нашей собственной пассивностью. Пока образованный врачебный персоналъ будетъ представлять по отношенію къ населенію $0^0/_0$, какъ въ нагорномъ раіонѣ, пока профессіональные порицатели невѣжества туземцевъ будутъ только подсмѣиваться надъ практикой табибовъ и ругать больныхъ за приглашеніе отчитывальщика, до тѣхъ поръ будутъ гибнуть ни за что, ни про что черные пѣтухи, будутъ практиковать знахарки, табибы, будутъ навѣшиваться муллами правовѣрнымъ тумары—молитвы отъ всѣхъ и отъ вся. И это вовсе не потому, какъ думаютъ многіе, что туземцы невѣжественны до неспособности видѣть даже явственные благотворные результаты лѣченія болѣзни русскимъ врачемъ. Упираться на такой аргументъ крайне несправедливо. Кто же рѣшится отвергать присутствіе въ туземцѣ здраваго смысла настолько, чтобы не распознать, что даровое и полезное лѣченіе выгоднѣе и для здоровья, и для кармана лѣченія дорогого и плохого. Это могутъ утверждать только господа, предпочитающіе покой дѣятельности, а такіе врачи, какъ бывшій ташкентскій городовой врачъ, покойный Абдіевъ, всегда успѣютъ стяжать себѣ имя „благодѣтеля“ (рахимлыкъ) и въ населеніи осѣдломъ Туркестанскаго края, и у кочевниковъ. Было бы въ краѣ больше Абдіевыхъ, было бы нѣсколько больше русскихъ школъ для туземцевъ—и эти „дикари“ заявили бы себя достойными послѣдователями чистой цивилизаціи. Но при условіяхъ вліянія на народъ ишановъ и притупленія нѣкоторой части населенія книжной мудростью мусульманской учености, народу суждено коснѣть въ невѣжествѣ и оставаться на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи. Слѣдуетъ пользоваться временемъ, пока противодѣйствующіе факторы и вліяніе духовенства не совершенно еще охватили туземцевъ.

Однако, насколько бодро работаютъ муллы, можемъ судить

отчасти по состоянію школьнаго дѣла, несомнѣнно развивающагося въ туземномъ осѣдломъ и кочевомъ населеніи подъ руководствомъ духовенства. Въ Ургутѣ на учительскомъ поприщѣ состоитъ 22 учителя для 190 мальчиковъ и юношей, учащихся въ низшей школѣ (мектебъ) и въ медрессе (20 челов.), и 2 учительницы для 18 дѣвочекъ, проходящихъ только низшій курсъ. По отношенію къ мужскому населенію, воспитаніе составляетъ 8%, по отношенію къ женскому — 0,75%. Въ Пенджекентѣ, какъ мы увидимъ ниже изъ сравнительной таблицы, эти отношенія представляются еще болѣе отрадными для мусульманства вообще и для муллъ-преподавателей въ частности. Нельзя сказать, чтобы эти послѣдніе отдавались педагогическому дѣлу съ ущербомъ для своихъ интересовъ. Напротивъ, профессія учителя (мектебдоръ) даетъ заработокъ сравнительно довольно значительный. Въ Ургутѣ учитель получаетъ съ каждаго ученика отъ 1-го до 2-хъ рублей деньгами и по одной лепешкѣ въ недѣлю, что составитъ въ сложности до 20 руб. за годовое занятіе (каникулъ, какъ въ медрессе, нѣтъ въ школѣ) съ 10 учениками. Гонораръ учительницы ограничивается 1 р. 40 коп. въ сложности въ годъ, съ каждой ученицы. Такимъ образомъ, зубреніе въ мектебъ-ханѣ, въ теченіе 5-ти лѣтъ, краткихъ руководствъ познанія религіи, начальныхъ правилъ общежитія, поэзіи и усвоеніе несовершеннаго правописанія обходится туземцамъ по 10 рублей за каждаго мальчика-ученика и по 6 руб. за дѣвочку-ученицу.

По отношенію къ Ургуту остается сказать нѣсколько словъ о классѣ самодѣятельномъ пришломъ, объ индійцахъ, составляющихъ въ числѣ 32-хъ мужчинъ (женщинъ нѣтъ) 15% въ группѣ торгово-промышленной. Этотъ случайный элементъ, имѣя единственнымъ занятіемъ процентированіе денегъ раздачею туземцамъ ссудъ, ведетъ свои дѣла настолько келейно, чему способствуетъ имъ полная обособленность отъ аборигеновъ, что подвести положительный итогъ ихъ годовымъ доходамъ—значитъ перейти Сциллу и Харибду. Мѣриломъ къ опредѣленію выгодности ростовщичества между туземцами обыкновенно служатъ здѣсь данныя о капиталѣ индійца при началѣ дѣятельности и при полной ликвидаціи дѣлъ чрезъ періодъ 5—10 лѣтъ, на который обыкновенно пріѣзжаютъ въ Туркестанскій край эти желтолицые сыны Будды. Такими проблематическими данными нельзя, конечно, получить правильнаго вывода о размѣрахъ оборотовъ каждаго ростовщика-индійца или еврея (въ гг. Туркестанѣ, Чимкентѣ), но что обороты эти значительные, что чрезъ руки индійцевъ-сосуновъ (сутъ-хуръ), какъ называетъ ихъ народъ, уплываетъ въ Индію каждогодно порядочная часть русскаго золота тѣхъ 40 милліоновъ, которые незримо устремляются ежегодно „за-границу“, что подъ дѣйствіемъ такого классическаго кредита благосостояніе населенія значительно слабѣетъ,—въ этомъ могутъ сомнѣваться только тѣ, которые плохо видятъ. Уже самый фактъ значительнаго наплыва индійцевъ въ послѣднія 8 лѣтъ, при сопоставленіи его съ несомнѣнными данными, что въ своей спеціальной профессіи ростовщичества индійцы взимаютъ 120 проц., что деньги выдаются большею частью подъ урожай, что туземцы, при своей похвальной склонности къ своевременному взносу податей, не брезгаютъ и такимъ возмутительнымъ кредитомъ, лишь бы разсчитаться съ казною,—это уже достаточно иллюстрируетъ роль и значеніе для края индійцевъ, этого несимпатичнаго во всѣхъ отношеніяхъ промышленнаго элемента.

Для возможнаго выполненія программы этого очерка, который мы считаемъ только опытомъ статистическаго изслѣдованія, перейдемъ къ цифровымъ даннымъ о населеніи *Пенджекента*, сопричисленнаго къ городамъ единственно, кажется, за то, что прежде въ немъ жилъ бекъ, а нынѣ пребываетъ управляющій нагорными тюменями, съ канцеляріею и мѣстной командой. Благодаря этому обстоятельству, Пенджекентъ имѣетъ теперь 4 дома полу-европейской архитектуры съ русскимъ населеніемъ 38 мужчинъ и 4 женщинъ, всего 42 души, и 382 двора туземнаго города съ населеніемъ 1140 мужчинъ, 624 женщины таджиковъ, 9 мужчинъ пришлыхъ индійцевъ, 1 мужчина и 3 женщины евреевъ, всего 1819 душъ.

Русское населеніе группируется въ классъ „нематеріальныхъ производителей“.

	Мужчинъ.
Гражданская администрація . . .	5
Фельдшеръ	1
Военные казаки.	30
Итого. . .	36

и лицъ, живущихъ на счетъ самостоятельно трудящихся, мужчинъ 2 и 4 женщинъ, всего 42 души, что, по отношенію къ туземному населенію, составляетъ 2,5% общей цифры [1]).

Туземный городъ имѣетъ въ 15-ти кварталахъ: 382 дома, занимающіе съ надворными строеніями 10½ десятинъ земли, 15 мечетей, 4 медрессе, 9 низшихъ школъ (мактабъ), 1 баня, 1 общественная купальня, 2 странноприимные дома (такія), одна тюрьма (миршабъ-хана), 3 караванъ-сарая (постоялые дворы), 1 базаръ съ двумя площадями, застроенными по окраинамъ 140 лавками запирающимися (тахта-барлыкъ), 106 лавками открытыми (айванча), для пріѣзжающихъ торговцевъ, и 7-ю городскими навѣсами (каппанъ), подъ которыми взвѣшиваются хлѣбные и другіе продукты сельскаго хозяйства, привозимые каждонедѣльно въ базарные дни (въ четвергъ) для продажи исключительно внутренней, имѣющей годовой оборотъ въ 38000 руб. приблизительно. Окружная линія города имѣетъ протяженіе около 3 верстъ, а сады—въ количествѣ 72 десятинъ и плантаціи люцерны (клеверъ)—въ количествѣ 37-ми десятинъ частью врѣзываются въ раіонъ города, частью окаймляютъ его по восточной и южной сторонѣ, представляющей твердую мергелевую почву подгорья отроговъ Зеравшанскаго кряжа. Пенджекентъ отстоитъ въ 61 верстѣ на востокъ отъ Самарканда, на меридіанѣ Ауліе-ата, и этой частью лѣваго берега Зеравшана, по которому группируются рисовыя плантаціи города, возвышается надъ уровнемъ моря на 3200 фу-

[1]) Съ іюня мѣсяца 1877 года русское населеніе Пенджекента увеличилось на 150 нижнихъ чиновъ Пенджекентской мѣстной команды съ двумя офицерами и на 350 чел. „переселенцевъ“ уральцевъ.

товъ. Санитарное положеніе какъ этой подгорной осѣдлости, такъ и другихъ меньшихъ селеній, густо группирующихся въ боковыхъ ущельяхъ по берегамъ рѣкъ Кштута, Магіана, весьма удовлетворительное, что обозначается незначительной годовой заболѣваемостью горожанъ простудными болѣзнями (лихорадки, ревматизмы и накожныя болѣзни) и сравнительной жизнепродолжительностью туземцевъ, о которой имѣются слѣдующія данныя:

Возрастъ.	Лѣта.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Процентное отношеніе къ взрослому населенію. Мужчинъ.	Женщинъ.
61	70	41	42	3,75%	6,75%
71	80	23	21	2%	3%
81	90	6	5	0,5%	0,78%
91	94	2	2	0,2%	0,4%

Къ сожалѣнію, при отсутствіи точной регистраціи, мы не можемъ пока дать свѣдѣній о годовой смертности въ туземномъ населеніи, о распредѣленіи его по возрастамъ, какъ въ самомъ Пенджекентѣ, такъ равно и въ Ургутѣ, гдѣ продолжительность жизни нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ осѣдлостяхъ, лежащихъ на востокъ отъ него. А именно въ Ургутѣ на общее число жителей (мужчинъ и женщинъ) имѣется:

Возрастъ.	Лѣта.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Процентное отношеніе къ взрослому населенію. Мужчинъ.	Женщинъ.
61	70	49	29	1,625%	1,2%
71	80	26	27	$^{15}/_{16}$%	1%
81	90	6	9	$^{65}/_{64}$%	0,375
91 и выше		3	2	$^{15}/_{128}$%	0,1

Заболѣваемость здѣсь и смертность, насколько мы знаемъ о нихъ по разспросамъ жителей во время частыхъ посѣщеній города, также сильнѣе чѣмъ въ Пенджекентѣ. Причины этого явленія надо искать въ чрезмѣрной скученности шеститысячнаго населенія на 20-ти десятинахъ, загроможденныхъ глиняными каркасными постройками 942 дворовъ, въ плохомъ

питаніи того многочисленнаго бѣднаго класса поденщиковъ, прислуги, частью ремесленниковъ, годовой заработокъ котораго ограничивается 20 рублями на всю семью.

Въ Пенджекентѣ, при равномѣрномъ распредѣленіи земельной собственности, при высшей, сравнительно какъ мы увидимъ дальше доходности земель, обрабатываемыхъ подъ злаками, экономическое положеніе населенія лучше, а потому гигіеническія и бытовыя условія его жизни несравненно благопріятнѣе, чѣмъ въ Ургутѣ и въ другихъ меньшихъ осѣдлостяхъ нагорнаго раіона.

Съ другой стороны, это хозяйственное довольство кореннаго населенія, притянувъ къ себѣ довольно многочисленный классъ рабочихъ, повліяло на характерно рѣзкое отношеніе половъ населенія, выражающееся цифрами такъ: на 100 мужчинъ—56 женщинъ. Намъ кажется также, на основаніи цифровыхъ показаній о количествѣ холостыхъ горожанъ, что этотъ фактъ столь значительнаго перевѣса мужского элемента надъ женскимъ находится въ связи съ особенностями соціальнаго положенія въ городахъ Средней Азіи, класса зажиточнаго, отвлекающагося отъ семейной жизни страстнымъ поклоненіемъ Афродитѣ, которую представляютъ здѣсь пригожіе мальчики (батчи). Мало-мальски денежно состоятельная молодежь пенджекенцевъ, предварительно поклоненія Гименею, до 30-лѣтняго возраста предается вполнѣ кутежу, проводитъ всѣ вечера зимы внѣ своего дома, въ сообществѣ батчей, содержимыхъ на артельныхъ началахъ довольно оригинальнаго устава. Компанія пріятелей-сверстниковъ, человѣкъ 10 — 20 уговаривается открыть на зимній сезонъ гостиную (михманъ-хана) на условіяхъ равномѣрнаго платежа расходовъ единовременныхъ и періодическихъ. Никакая гостиная у осѣдлыхъ туземцевъ Средней Азіи немыслима безъ пригожаго „розѣ подобнаго“, какъ восхищаются сарты, мальчика—и найти его не трудно. Компанія высмотрѣла уже въ селеніяхъ нѣсколько экземпляровъ „красавцевъ“ „сладкопѣвцевъ“, „эфирныхъ юношей“ и отправляетъ въ перегонку другой артели своего депутата съ ангажементомъ. Отецъ или мать торгуются съ антрепренеромъ съ такимъ же циническимъ спокойствіемъ, съ какимъ тянутъ за хвостъ продаваемаго на базарѣ бычка, совершаютъ у казія (судьи) запродажный актъ: получаютъ 40 рублей за 6 мѣсяцевъ наемки и отпускаютъ „розѣ подобное“ дѣтище съ пожеланіемъ успѣха. Если мальчикъ надѣленъ бѣлизною и чистотою лица, правильными перламутровой бѣлизны зубами, тонкими бровями, выразительными черными глазами, двумятремя родинками на пухлыхъ щекахъ, если онъ обладаетъ звучнымъ, какимъ ни на-есть голосомъ, если главное, онъ достаточно строенъ тѣлосложеніемъ и вообще выразительностью формъ, если ноги у него гибки „какъ талъ (ива)“, настолько, чтобы исполнить самое трудное эротическое па, долу повергающее правовѣрныхъ созерцателей, ему „даровитому, счастливому созданію“ предстоитъ слава и почитаніе такія же, какія воздаются въ Европѣ первой балеринѣ; ему и всей компаніи предстоитъ торжество въ соперничествѣ, апофеозомъ котораго нерѣдко бываетъ кража „эфирнаго сладкопѣвца“, побоища между дольщиками. Родители, обладающіе такимъ сокровищемъ, считаютъ себя вполнѣ счастливыми полученіемъ каждогодно 60 рублей ангажементныхъ, и въ періодъ съ 12 до 20-лѣтняго возраста сына ихъ, возносятъ Аллаху и пророку Магомету теплыя молитвы за сохраненіе дѣтищу „долголѣтія, здоровья и красоты“. Минуло 20 лѣтъ, отъ безсонныхъ вакханальныхъ ночей болѣзненно пожелтѣло лицо, ввалилась грудь отъ ранней привычки сосать кальянъ, горловыя связки захлябали, поблекло „даровитое чадо“ и обратилось въ настоящаго блуднаго сына, неспособнаго по непривычкѣ къ труду, по слабому здоровью, кормить не только Богу усердныхъ родителей, но и себя самого. Куда преклониться такому произведенію страшнаго соціальнаго недуга, если бывшіе почитатели прогнали его съ такимъ же спокойствіемъ, съ какимъ гоняютъ надоѣдливую голодную собаку; если дорогіе родители отправились обозрѣвать рай (бигишь), къ которому особенно расположены правовѣрные, или если ближайшіе родственники не могутъ накор-

мить несчастнаго по неимѣнію кормяжки и для себя? Ему, этому бывшему тихому мальчику, пожинателю затѣмъ славы „танцора“, „пѣвца“ (созанда), рѣшающему посреднику въ турнирахъ состязанія поклонниковъ въ каламбурахъ и восточныхъ, античныхъ комплиментахъ, предстоитъ прямой путь изъ заштатныхъ батчей въ банги-хуры (опіекурители), прозябаніе которыхъ въ городахъ Туркестана ничѣмъ не отличается отъ пресмыкательства индійскихъ паріевъ.

Записные батча-базы (почитатели), при матеріальномъ довольствѣ, услаждаясь оргіями на артельныхъ началахъ до 35 лѣтъ, успѣваютъ до 30 рублей каждогодной затраты на очередныя угощенія (гаштакъ) и подарки батчѣ спровадить въ вертепы 5—6 розовидныхъ юношей и затѣмъ уже отдаются степенности, только по разсчету завести хозяйку—работницу въ домѣ, чтобы продолжать родъ „славныхъ предковъ“, которыхъ, при такихъ условіяхъ жизни „остепенившагося“ слѣдующія генераціи получаются не совсѣмъ славныя. Обыкновенно, остепенившійся чрезъ 12 лѣтъ отъ праздности и дикаго разгула сартъ вноситъ въ семью самую дурную нравственную атмосферу неугасающаго почитанія батчей, возбуждающаго въ женѣ сначала ревность со всѣми варіаціями ея, а затѣмъ апатическое равнодушіе съ супружеской невѣрностью, постоянныя отлучки изъ дома, вопреки одной изъ суръ Корана, растраты на подарки обожаемому послѣднихъ средствъ остатковъ отъ мотовства мужа, недосмотръ за дѣтьми, изъ которыхъ получаются сначала воришки, а потомъ рецидивисты. Таковы послѣдствія, общія почти для всѣхъ членовъ персонала батче-почитателей, довольно многочисленнаго въ Пенджекентѣ, вслѣдствіе, съ одной стороны, неправильно развитыхъ исторически духовныхъ потребностей народа, однообразія жизни, отсутствія облагороженныхъ удовольствій, а съ другой—вслѣдствіе хозяйственной обезпеченности его.

Въ зиму 1877 года было открыто въ Пенджекентѣ 60 дольщиками 7 гостиныхъ (михманъ-хана) съ 10 батчами, 20 музыкантами (дайрадасъ) и затрачено на пятимѣсячный

сезонъ приблизительно 1400 рублей, что составляетъ по 22 рубля на каждаго члена артели.

Нельзя сказать, чтобы рядомъ съ этимъ увлеченіемъ къ тратамъ на удовольствіе созерцать батчу, въ характерѣ сартовъ обозначалась небережливость, въ другихъ случаяхъ или щедрость въ благотворительности, въ доставленіи себѣ и семейству жизненнаго комфорта. Совсѣмъ нѣтъ; первый богачъ способенъ носить безсмѣнно по мѣсяцамъ бязевую, грубой бумажной ткани рубаху, способенъ валяться со всей семьей въ саклѣ на дырявыхъ войлокахъ (кошма), прикрываясь ночью ежедневно самымъ засаленнымъ халатомъ или 2—3 халатами, смотря по температурѣ и времени года, способенъ жевать двѣ лепешки въ день, прихлебывая супъ изъ муки (атала) на зигирномъ (льняномъ) маслѣ, способенъ содержать въ-проголодь не только своихъ рабочихъ, „осчастливливаемыхъ“ выдачею по 8 копѣекъ въ день на человѣка, но и свою семью, способенъ оторвать мимоходомъ голову сосѣдской курицѣ, и за спиною, при всей честной компаніи, неуклюже стянуть огурецъ отъ приготовляемаго хозяиномъ угощенія (достарханъ). Самый знатный сартъ способенъ низкопоклонничать у вліятельнаго чиновника, чтобы получить доходное мѣсто волостнаго, казія, чтобы придержать подрядъ. Самый набожный сартъ способенъ продать за 5 рублей тайно изъ мазарета голову святаго (Аульэ). Словомъ, и въ наши дни зеравшанскій сартъ остался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ во времена поэта *Мавлау-Джами* (1476 г.), который высказался въ стихахъ о самаркандцахъ такъ:

Если хочешь видѣть богатство,
Иди въ Индію.
Если хочешь видѣть благочестіе,
Иди въ Мекку.
Если не хочешь видѣть ни того, ни другого,
Не выѣзжай изъ Самарканда.

Ошибаются, жестоко ошибаются тѣ изъ многочисленныхъ нашихъ любителей покушать и паче испить, которые, садясь за столъ въ саклѣ какого-нибудь богатаго сарта, провидятъ

въ такомъ явленіи созыванія на тамашу (угощеніе) нравственный метаморфозъ, стремленіе „одухотвориться въ цивилизаціи путемъ постепенности и умѣренности“. Ничуть не бывало. Бывшій въ 1866 — 1871 г. самаркандскій казій, Камаль-Этдинъ, этотъ „новаторъ“, разыгрывалъ два года комедію передовика, пилъ шампанское, держалъ коляску, устраивалъ частые парадные тамаши (обѣды) „съ барынями“ подъ вліяніемъ идеи „одухотворенія?“ Нѣтъ, только по индуктивной наклонности къ испиванію и потому, что получалъ отъ судейской практики прямого дохода около 20 т. рублей. Утѣшались многіе, и начальство, конечно, въ особенности, что казій понялъ требованіе времени, понялъ обязательность для себя быть примѣромъ для своихъ сородичей, и только этими стимулами стремился дать образованіе своему сыну въ русской школѣ. Каково же было удивленіе и разочарованіе для всѣхъ, когда смѣщенный за служебныя злоупотребленія Камаль-Этдинъ немедленно вытребовалъ изъ Ташкента своего сына, не давъ ему окончить школу,—продалъ коляску, сервизы, мебель и выбросилъ изъ своего дома все европейское (даже рамы оконныя), позаимствованное подражаніемъ только для обмана властей, снисходившихъ ко всѣмъ недостаткамъ этого туземца въ полномъ невѣдѣніи, разумѣется, что ловкій сартъ сразу понялъ какъ надо дѣйствовать. Въ приведенномъ примѣрѣ заблужденія зиждителей ранняго, торопливаго насажденія между сартами цивилизаціи нѣтъ ни малѣйшей субъективности и мы позволяемъ себѣ считать Камаль-Этдина передовикомъ единственно за то, что онъ понялъ знаменіе времени и, оставаясь воплощеннымъ сартомъ, приносилъ прямымъ и косвеннымъ путемъ нѣкоторый доходъ акцизу, что и требовалось доказать. Но вѣдь на такихъ рельсахъ можно добраться только къ крайнему полюсу цивилизаціи, къ вырожденію духовному и физическому — ни больше, ни меньше. Кто же въ самомъ дѣлѣ рѣшится нелицемѣрно утверждать, что вино братьевъ Елисѣевыхъ, обѣды по-европейски и сладкая улыбка цивилизованныхъ барынь въ поощреніе лукаваго гостепріимства отжирѣвшаго подрядчика „зо-

лотыхъ дѣлъ“ способны выполнить миссію развитія въ краѣ здоровой гражданственности. Нѣтъ, не это требуется для такой задачи, а нѣчто совсѣмъ другое.

Доканчивая характеристику туземнаго населенія Ненджекента, въ порядкѣ распредѣленія группъ, въ сдѣланной ниже сводкѣ, мы должны свести сначала счеты съ воспитательнымъ персоналомъ и съ духовенствомъ, какъ такими профессіями, которыя, находясь въ тѣсной связи между собою, имѣютъ несомнѣнно огромное вліяніе на весь строй жизни правовѣрныхъ, на нравственныя и интеллектуальныя функціи ея. Цифры современнаго состоянія школьнаго дѣла здѣсь уясняютъ, что мѣстное духовенство какъ будто бы чуетъ близость западнаго, окнодѣлательнаго топора цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, процентное отношеніе учащихся къ населенію таково здѣсь, что ему могли бы позавидовать (конечно только не качеству элемента) даже многіе города и селенія ближняго запада.

Въ Ненджекентѣ имѣются 4 медрессе съ тремя старшими профессорами (мударисы) съ 4-мя помощниками ихъ (ша-гиръ) и съ 80-ю студентами (талибъ-ильмъ); элементарныхъ школъ (мактабъ) 6 мужскихъ съ 6 учителями, съ 135 учениками и 3 женскихъ съ 3 учительницами, съ 40 учениками.

Курсъ ученія въ мактабъ-ханѣ, начинаясь съ азбуки (алифъ), проходя затѣмъ склады (абджатъ), далѣе на 2-й годъ гофтіокъ ($4^1/_2$ главы корана), суры кулгу-воалагу-агадъ и ина-атайна, заканчивается правописаніемъ (саватъ) и прочтеніемъ въ одинъ годъ всего корана и чаръ-китабъ сочиненій Хафиза, Мантыка, Бидиль и Новои. Прилежный и памятливый ученикъ обыкновенно проходитъ всю эту премудрость въ четыре года, но большинство сидятъ въ мактабъ-ханѣ по 6 лѣтъ. Дѣвочки, начиная посѣщать школу съ 7-ми лѣтъ, заканчиваютъ ученіе въ 13 лѣтъ, не заходя дальше гофтіокъ и 2—3 суръ-корана. Въ низшихъ школахъ каникулъ (тагтилъ) никакихъ не полагается. Круглый годъ ежедневно, исключая пятницы, дѣти отсиживаютъ въ мактабъ-ханѣ, поджавши ноги и покачиваясь подъ нѣвучее зубреніе, съ 5-ти часовъ утра до 3-хъ ч. дня.

Учитель съ желѣзнымъ терпѣніемъ также исправно ритмически отбываетъ свое дѣло, терпѣливо утолковывая дѣтямъ начальную книжную мудрость. Наказанія никакія не практикуются, и успѣхи ученика поощряютъ не его, а виновника-учителя добавочной лепешкой къ одной, приносимой еженедѣльно по четвергамъ каждымъ ученикомъ. Богатые родители, впрочемъ, торжественно награждаютъ смиреннаго учителя алачевымъ двухрублевымъ халатомъ за успѣхи дѣтища въ гофтіокѣ, и второй разъ при окончаніи курса. Учитель мулла знаетъ, конечно, съ какими учениками ему усерднѣе надо заняться и успѣваетъ заполучить въ годъ два халата. Въ сложности годовой заработокъ мектабдара при 20 ученикахъ составляетъ: изъ 10—16 руб. (отъ 40 к. до 1 руб. доброхотнаго съ каждаго школьника) изъ 1000 лепешекъ—13 руб. въ 48 недѣль, изъ 2-хъ халатовъ—4 рубля, а всего 27 рублей, т.-е. по 7 коп. за дневной или по $^2/_3$ к. за часовой трудъ. Существовать съ семьей на два рубля въ мѣсяцъ даже тѣмъ порядкомъ жизни, который называется тиричилыкъ (прозябаніе), конечно, нельзя, и мулла учитель не прожилъ бы и съ удвоеннымъ комплектомъ подносимыхъ лепешекъ, если бы на выручку не представлялось совмѣстное исполненіе обязанностей имама (священника) мечети. Эта должность приноситъ хотя также не особенно много, но съ гонораромъ учителя даетъ сумму 47 рублей годовыхъ, на которую съ грѣхомъ пополамъ прожить можно. „Не согрѣшишь, не проживешь“ говоритъ бѣднякъ имамъ-мулла и усердно лебезитъ предъ зажиточными прихожанами, чтобы вмѣсто 20 коп., платимыхъ ежегодно каждымъ домовладѣльцемъ, получить 30 коп., чтобы при общей раздачѣ въ годовой праздникъ Уразы по 5 фунтовъ хлѣба съ каждаго члена семьи домовладѣльца - прихожанина урвать большую долю на счетъ бѣдняковъ, которымъ удѣляютъ въ эти дни (фитири-руза) отъ восточной poor low. Еще болѣе безотрадно матеріальное положеніе низшей братіи духовной, муазиновъ—созывателей на молитву, трудъ вниманія которыхъ къ солнечному зодіаку оцѣнивается всего 4-мя рублями годовыми,

$^1/_3$ хлѣба отъ фитири-руза 4 руб. и больше ни лепешки, ни простого халата. Есть ли возможность прожить на эту гомеопатическую ленту—усердные къ молитвѣ прихожане такимъ вопросомъ вовсе не задаются, а норовятъ молиться на даровщинку, что̀ многимъ, стоически потчующимъ муазина крохотной лептой, и удается. Бѣднякъ отказывается отъ профессіи, и прихожане, между которыми могутъ быть и Загребай-Азимы, подымаются на лѣстницу муазинъ-хана 5 разъ въ день для призыва на молитву поочередно. Достается духовенству всякихъ упрековъ и при послѣднемъ актѣ человѣческаго земнаго скитальчества, при сопровожденіи покойника на кладбище (кабистонъ). Какъ въ актѣ вѣнчанія (никохъ) внятное отчетливое чтеніе молитвы (худба-никохъ) рѣшаетъ вопросъ между 20 коп. maximum и 10 к. minimum поощренія, такъ на похоронахъ только вдохновенная, прочувствованная молитва (джаноза) снисполетъ муллѣ 12 к., а то могутъ насытить пророческимъ „Богъ пошлетъ“ (Худай биреде) и выпроводятъ, даже не давъ поминальнаго куска бязи, обязательно раздаваемаго каждому присутствующему на похоронахъ, въ память (иртышь) о покойникѣ, будь то мужчина, женщина или двухмѣсячный ребенокъ. Городскимъ туземцамъ три главныя эти событія жизни: вѣнчаніе, обрѣзаніе (хотъ-насыръ), похороны обходятся не особенно дорого, но зато шумно. Прокричать сарту призывъ на той, праздникъ обрѣзанія, особенно чтимый правовѣрными, ничего не стоитъ, но онъ съ большимъ еще спокойствіемъ способенъ прирѣзать къ празднику больного барана, напоить публику отваромъ миндальныхъ листьевъ вмѣсто чаю, дать цирюльнику (сарторашъ) за операцію 40 коп. вмѣсто обѣщанныхъ 4 рублей, способенъ выставить въ скаковый призъ совершенно больную лошадь, слѣпого на оба глаза быка, старый поношенный халатъ. Ни одинъ той не оканчивается у сартовъ безъ сильной перебранки, если не между хозяиномъ и гостями, иногда смиренно увлекающими съ турнира слѣпого бычка, то непремѣнно при разсчетѣ съ товаромъ (ошь-пазъ) съ созывателями (пайкаль) на пиръ, получающими обыкно-

венно отъ 2 до 3 коп. за каждое торжество. Такія же перебранки, такое же торгашество сопровождаютъ и свадьбу, гдѣ сарту средняго состоянія приходится расходовать въ сложности 20 рублей, и похороны, гдѣ непремѣнно обдѣлять тѣломывателя (мурда-шуй), могильщика (гурькау), плакальщицу (гуянда), подносителя поминальнаго угощенія (ходымъ) и не поколеблются иной разъ проводить на сухую искотъ-бардаровъ (нищихъ).

Въ Самаркандѣ, гдѣ кичливые сарты, при вѣнчаніи, традиціонно несутъ, кромѣ 2 рублей казію—судьѣ, доброхотные расходы на 2-хъ имамовъ, 2-хъ музимовъ, 2-хъ аксакаловъ, 2-хъ пайколовъ (созывателей), 3-хъ свидѣтелей невѣсты, 2-хъ посаженныхъ отцовъ (подарь-вокиль), на раздачу старшимъ гостямъ 20 — 10 копѣекъ, всего въ сложности 60 рублей, каждая почти свадьба оставляетъ непріятное впечатлѣніе во всѣхъ, начиная отъ жениха, получившаго со стороны родныхъ невѣсты не такой халатъ, на какой онъ разсчитывалъ, и кончая почетнымъ гостемъ, получившимъ вмѣсто 20 коп. только 10 копѣекъ.

Теперь приходится возвратиться къ воспитательному персоналу высшему, къ мудорисамъ и студентамъ.

По отношенію ко всему учащемуся классу, эта группа высшей мусульманской учености составляетъ въ Пенджекентѣ 37% учениковъ и въ Ургутѣ 9,78%, а по отношенію къ элементу взрослому, насколько имѣются о немъ приблизительныя свѣдѣнія изъ разспросовъ, весь учащійся классъ составитъ 24% въ первомъ городѣ, 5%—во второмъ. Сравнительно слабое развитіе школьнаго дѣла въ Ургутѣ объясняется ни чѣмъ инымъ, какъ лишь упраздненіемъ въ началѣ 1875 г. одного большого медрессе и произведеннымъ послѣ безпорядка нѣкоторымъ давленіемъ на духовенство, комплектъ котораго съ тѣхъ поръ значительно сократился.

Въ другихъ городахъ не малое вліяніе на сокращеніе числа учащихся въ медрессе оказало отчужденіе въ казну, на основаніи сложныхъ соображеній, части доходовъ отъ недвижимой собственности (вакуфъ) этихъ учрежденій, завѣщанной въ разное время мусульманскими правителями и частными лицами по праву владѣнія обѣленными землями, т.-е. свободными отъ податей (милькъ-халысъ).

Со времени такой секуляризаціи части доходовъ, правовѣрные придержались въ своей щедрости воспроизведенія вакуфовъ изъ милькъ-халысъ, и штаты медрессе значительно сократились. Теперь стипендіаты, т.-е. имѣющіе ярлыкъ мударисы и студенты, получившіе откупнымъ порядкомъ у предмѣстниковъ келію (хужру) въ медрессе, получаютъ въ Пенджекентѣ, первые 50 рублей, вторые — 4 руб. годовыхъ и въ Ургутѣ мударисъ 100 руб. и студентъ 10 рублей. Этихъ средствъ было бы, конечно, недостаточно, если бы на выручку не явились съ одной стороны матеріальная поддержка студентовъ ихъ домашними, съ другой—корпоративность ихъ быта и тѣсная солидарность какъ между собою, такъ и съ профессорами, никогда почти не оставляющими своихъ келій въ медрессе. Какъ мы выше сказали, порядокъ вступленія въ медрессе самый простой, не сопровождающійся никакими формальностями опредѣленія, возраста претендента и познаній его. Домогающійся знаній преклоннаго возраста мулла или юноша абонируетъ за условные 20—40 рублей келью у студента, готовящагося выйти изъ медрессе въ свѣтъ и, усѣвшись съ поджатыми ногами на плетенку (буйра), въ теченіе 8 лѣтъ терзаетъ стѣны своей квадратной 3-аршинной комнатки громкимъ зубреніемъ разной мудрости, начиная съ мушкилета, масаля (положеніе о молитвахъ) и кончая книгой Мушкаты-шарифъ, содержащей каноническія преданія. Предъ окончаніемъ курса студентъ, посвящающій себя профессіи мударисса, казія, муфтія, подвергается испытанію (имти-ханъ) изъ всего пройденнаго восьмилѣтняго курса конференціей нѣсколькихъ профессоровъ другихъ медрессе и получаетъ не дипломъ, а только благословеніе (фатифа), открывающее ему, по назначенію власти, или учительское, или судейское поприще.

Учащееся духовенство здѣсь никакимъ вліяніемъ на массы

не пользуется. Ихъ, включительно съ мударисами, считаютъ людьми божьими, не имѣющими никакихъ отношеній къ интересамъ міра свѣтскаго. Они достаточно понимаютъ свою роль и держатъ себя всегда и во всѣхъ случаяхъ совершенно пассивно на удивленіе тѣмъ страннымъ прозерцателямъ, которые, отворачиваясь отъ ишановъ, отыскиваютъ въ самыхъ спокойныхъ элементахъ населенія общества массоновъ.

Теперь мы считаемъ возможнымъ покончить съ разсмотрѣніемъ другихъ бытовыхъ и экономическихъ сторонъ жизни населенія Пенджекента пріемомъ сравнительнымъ, которому не предпосылаемъ здѣсь составленный сводъ свѣдѣній о населенности, о числѣ зданій и заведеній и о промышленности потому собственно, что имъ пришлось бы отвести въ статьѣ этой очень много мѣста.

Въ этотъ сводъ, сообщенный нами ранѣе въ „Туркестанскія Вѣдомости“, не могли войти данныя о количественномъ отношеніи производителей къ потребителямъ, о количествѣ производимыхъ продуктовъ, но мы имѣемъ возможность сказать, что въ Ургутѣ преобладаетъ промышленность торговли деньгами (ростовщичество индійцевъ) надъ всѣми остальными, что по размѣрамъ производства цѣнностей и численности производителей ихъ, въ городѣ этомъ во второй группѣ стоитъ сельскохозяйственная промышленность, въ которой виноградство занимаетъ самое видное мѣсто (31.460 р. годов. дохода), затѣмъ обрабатывающая промышленность, гдѣ приготовленіе хлопчатобумажныхъ тканей (бязь, алача, каляма, хаса и остаръ) стоитъ по числу производителей и размѣрамъ доходовъ на первомъ мѣстѣ. Въ Пенджекентѣ же, гдѣ населеніе распредѣляется по классамъ такъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Самостоятельно живущій классъ. . .	73,7%	51%
Живущіе на чужія средства. . . .	24%	48,5%
Неимѣющіе опредѣленныхъ средствъ къ жизни	2,3%	0,5

Самое видное мѣсто занимаетъ промышленность сельскохозяйственная, съ интенсивной культурой, дающей 20 — 50 рублей ренты съ одной пахотной десятины, а затѣмъ уже идутъ въ цифровомъ порядкѣ промышленности торговая, обрабатывающая и прислуга, контингентъ которой и общій заработокъ въ 1¼ разъ болѣе нежели въ Ургутѣ, уступающемъ Пенджекенту въ интенсивности полеводства вслѣдствіе слабой ирригаціи, не позволяющей воздѣлывать рисъ и огороды.

Въ детальномъ разсмотрѣніи мы видимъ, что въ Ургутѣ на 253 человѣка, занимающихся производствомъ бумажныхъ простыхъ тканей (бязь, каляма и алача), приходится 24 торгующихъ этими произведеніями въ суррогатѣ и въ издѣліи (алачевые халаты) 6 человѣкъ, что наибольшое число рукъ 70% всего числа производителей занято обработкой волокнистыхъ веществъ, съ приготовленіемъ пряжи, тканьемъ, окраской, набойкой, что при самой упрощенной ремесленной организаціи производства продуктовъ на дому, при участіи членовъ семейства и работниковъ (320 и 45 челов.), чрезъ всѣ отрасли занятій кустарей прошло раздѣленіе труда, давшее по обработкѣ волокна дѣлателей хлопко-очистительныхъ ручныхъ станковъ (чархчи), прялокъ (парыкъ), веретенъ (дукчи), красильщиковъ пряжи (кукчи), вымачивателей окрашенной пряжи (огаръ-пазъ), въ смѣси, приготовленной изъ отвара мездры и древеснаго клея. Также точно и раздробительная торговля спеціализируется на 35 отдѣловъ въ Ургутѣ, на 33 въ Пенджекентѣ, включая сюда и посредниковъ (джалафъ, далляль) торговли, которыхъ не много.

Нельзя сказать, чтобы эти экономическія явленія были случайными, не связанными съ другими факторами ихъ и съ соціальнымъ положеніемъ населенія, съ историческими условіями его жизни, съ типичными особенностями его культуры. Садоводство (виноградство) развелось подъ вліяніемъ благопріятныхъ почвенныхъ (известковыя почвы) и климатическихъ условій до того, что, какъ мы видѣли выше, поглотило всѣ под-

городныя земли Ургута, а въ Пенджекентѣ оставило люцерноводству только 73 десятины, дающія всего 1960 руб. дохода 100 собственникамъ. Посѣвы злаковъ занимаютъ всего 388 десятинъ, обрабатываемыхъ исключительно подъ пшеницей, ячменемъ, рисомъ, огородами и приносящихъ 200 собственникамъ 16540 руб. годовой ренты, а землевладѣніе раздроблено до maximum 16 десятинъ у богатаго собственника и minimum 1/4 десятины.

Естественнымъ слѣдствіемъ этого обстоятельства (малоземелія) и также ограниченности у мусульманъ праздничныхъ дней—всего до 60 въ году—было обращеніе всѣхъ свободныхъ и пищи ищущихъ рукъ въ классы ремесленный, торговый и, какъ послѣдняя фаза борьбы за существованіе—въ могильщиковъ, тѣлоомывателей, плакальщицъ и т. п. той номенклатуры, которая занимаетъ видный столбецъ рубрики „нематеріальныхъ производителей“.

Упреки туземнаго городского населенія въ праздности оказываются совершенно неосновательными и вытекающими изъ непониманія экономическихъ явленій жизни и характера туземцевъ, склоннаго къ наживѣ, къ базарной суетѣ. Праздныхъ здѣсь мало. Праздновать нельзя—окоченѣешь съ голоду. Праздноветъ тотъ, у кого нѣтъ и вершка земли, чтобы ее вспахать, у кого нѣтъ копѣйки, чтобы ее провести не безплодно чрезъ всю суету жизни. Да успокоятся такимъ образомъ псевдо-ревнители народнаго матеріальнаго и нравственнаго блага, и, выбросивъ изъ памяти гильдіи, цехи, мѣщанство и прочихъ домочадцевъ запада, обезпечатъ промышленности и торговлѣ совершенно свободное развитіе.

Для ясности приведемъ изъ свода нѣсколько данныхъ: въ промышленности обрабатывающей маслобойни, имѣющіе годовой заработокъ въ 50 руб. maximum, уплачиваютъ пошлинъ 5 руб., т.-е. 10%, кузнецы платятъ 10%, мельницы—12%, въ промышленности торговой съ годового заработка платятъ: мясники—12%, продавцы бакалейныхъ товаровъ—10%, продавцы русской мануфактуры—30%, продавцы лѣкарствъ, иголокъ и мелочи—12%. Самая развитая промышленность, торговля деньгами (78000 руб.) и торговля скотомъ (7220 руб.) совершенно свободны отъ всякихъ пошлинъ. Легко судить по этимъ достовѣрнымъ цифрамъ, въ какой степени родственно малымъ городамъ положеніе о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, дѣйствующее „въ видѣ опыта“ съ 1875 года по теоріи „благожеланія“ и одновременной заботливости объ интересахъ „казны“ мануфактуристовъ и торговцевъ!

То же самое можно сказать и относительно сельскаго хозяйства (полеводства), которому нѣкоторые рекомендуютъ американскія системы съ машиннымъ инвентаремъ. Эти очень щедрые благожелатели нисколько не обдумываютъ, что завести туземцу, получающему наибольшее 300 рублей годовой ренты, улучшенный инвентарь не такъ легко. Имъ нѣтъ дѣла до того, что туземецъ Зеравшанской долины получаетъ съ одной десятины: пшеницы 130 пудовъ, проса 140 пудовъ, рису 190 пудовъ, джугары 160 пудовъ, клеверу 130 пудовъ и винограду 800 пудовъ. Они видятъ въ этомъ только сказочную плодородность почвы, отвергаютъ очевидную интенсивность мѣстнаго полеводства и кричатъ съ апломбомъ, что земледѣльческія орудія туземцевъ никуда не годны, что плугъ не пашетъ, а скребетъ, что Туркестанскому краю угрожаетъ отъ этого судьба древняго Рима и Греціи, что единственнымъ спасеніемъ было бы устройство образцовыхъ фермъ, школъ для приготовленія изъ туземцевъ агрономовъ и, наконецъ, какъ альфа и омега, машинный инвентарь. Легко говорить, но неохота вѣрно подумать, что туркестанскій туземецъ работаетъ своимъ „первобытнымъ плугомъ“ нѣсколько тысячъ лѣтъ и получаетъ урожаи въ 2 1/2 раза больше, нежели какія даетъ хозяйство машиннаго инвентаря, хотя бы, напримѣръ, въ черноземной Курской губерніи, что самый богатый туземецъ, владѣющій всего 20 десятинами пахоты, приносящими 500 рублей годовой ренты,

не въ состояніи дать на инвентарь болѣе того, сколько онъ даетъ, т.-е. всего 16 руб. въ годъ maximum.

Простымъ наблюденіемъ каждый можетъ удостовѣриться, что туркестанскому туземцу нужны не англійскій плугъ, не русская изба, а раньше всего сила мысли, сила духа, съ которыми онъ и самъ познаетъ Америку.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ ПО ГОРОДАМЪ ПЕНДЖЕКЕНТУ И УРГУТУ.

Открытыя въ декабрѣ 1876 года, по оффиціальному почину бывшаго начальника Зеравшанскаго округа, генералъ-маіора Абрамова, работы, по приведенію въ извѣстность населенія городовъ округа, увѣнчались, какъ кажется, во всѣхъ трехъ отдѣлахъ полнымъ успѣхомъ; намъ извѣстны теперь, съ достаточною точностью, численные этнографическіе элементы населенія городовъ, экономическое, соціальное положеніе туземцевъ и отличительныя нравственныя свойства населенія.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ только данныхъ регистраціи смертности, заболѣваемости, рождаемости, но для приблизительной характеристики санитарнаго положенія городовъ приведены цифры жизнепродолжительности горожанъ-туземцевъ, поставившіе осѣдлости нагорныхъ тюменей, Пенджекентъ и Ургутъ, въ первыхъ столбцахъ этой рубрики.

	Пенджекентъ.		Ургутъ.	
Возрастъ.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
61 — 70	41	42	49	29
71 — 80	23	21	26	27
81 — 90	6	5	6	9
91 — 94	2	2	3	2

Пока мы только имѣемъ возможность подѣлиться сообщеніемъ свода статистическихъ свѣдѣній по этимъ двумъ городамъ Зеравшанскаго округа, не приводя цифръ отношенія числа производителей къ числу потребителей, не сообщая данныхъ о количествѣ производимыхъ продуктовъ, не разбирая вліянія распредѣленія, въ частности, промысловъ на бытовой и хозяйственный складъ жизни населенія. Все это будетъ предметомъ отдѣльной, болѣе пространной статьи, а теперь ограничимся только сообщеніемъ таблицы населенности и положенія промышленности въ городахъ нагорныхъ тюменей.

Названіе заведеній и предпріятій.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.					УРГУТЪ.				
	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общ. число производит. цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.
		Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.		Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Домовъ частныхъ лицъ	386	Русск. 38 4 Таджик. 1140 624 Индѣйц. 9 — Евр. 1 3 Вс. 1188 631 1819		—	—	948	Таджик. 2879 2625 Индѣйц. 32 — Евр. 2 5 Вс. 2913 2630 5543		—	—
Молитвенныхъ домовъ (мечетей).	15	—	—	—	—	33	—	—	—	—
Высшихъ школъ (медрессе).	4	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Низшихъ школъ (мектебъ)	м. ж. 6 3 9	—	—	—	—	м. ж. 20 2 22	—	—	—	—
Мѣстъ заключен. (миршабхана).	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Станціонный д.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Баня (хамамъ).	1	1	—	2	80	1	1	—	4	120
Купальн. (торотъ-хана)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пріютовъ орденскихъ (календ.-хана)	—	—	—	—	—	1	10	—	—	—
Пріютовъ блудн. сыновей (дивонабача)	2	8	—	—	—	1	3	—	—	—
Базаровъ	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Базарныхъ навѣсовъ для продуктовъ (коппанъ).	7	—	—	—	—	11	—	—	—	—
Лавокъ, запирающихся (тохтабарлыкъ)	140	—	—	—	—	305	—	—	—	—
Лавокъ, открыт. (айванъ).	106	—	—	—	—	245	—	—	—	—
Караванъ-сараевъ.	3	3	—	6	30	5	5	—	12	1000
Всего	676	—	—	—	—	1577	—	—	—	—

Названіе заведеній и предпріятій.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.					УРГУТЪ.				
	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общ. число производит. цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.
		Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.		Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Промышленность обрабатывающая.										
Мельницъ (осія).	5	5	—	5	200	14	14	—	14	820
Круподеренъ (абджуазъ)	2	2	—	2	80	—	—	—	—	—
Маслобоенъ (джуазъ-хана)	10	10	—	20	400	14	14	—	42	600
Кожевенныхъ заводовъ (чарымъ-геръ).	—	—	—	—	—	3	3	—	9	120
Кузницъ (огонь-геръ).	8	8	—	20	220	4	4	—	8	120
Чугун.-плавилен. (гидрезъ).	1	1	—	2	60	—	—	—	—	—
Гончаренъ (кулялъ).	2	2	—	4	50	3	3	—	9	90
Пекаренъ (новой).	1	1	—	3	30	5	5	—	15	105
Мыловаровъ (сабунъ-геръ)	—	—	—	—	—	—	7	—	26	138
Свѣчедѣлателей (шамъ-геръ).	—	—	—	—	—	—	1	—	2	18
Лѣсныхъ складовъ (агачъ-сарай).	1	1	—	2	60	—	—	—	—	—
Плотниковъ (наджаръ)	—	5	—	10	280	—	8	—	19	330
Токарей (хоротъ)	—	—	—	—	—	—	2	—	2	40
Изготовителей деревянныхъ ложекъ (кашыкъ-торашъ).	—	—	—	—	—	—	1	—	2	16
Ткацкихъ станковъ (тихъ-бордоръ)	—	—	—	—	—	—	1	—	1	26
Прядокъ и станковъ хлопкоочистительныхъ (чархчи).	—	2	—	2	50	—	2	—	2	40
Дѣлаютъ веретена (дукчи)	—	—	—	—	—	—	3	—	3	40
Ткутъ простую бумажную ткань (бозъ-бофъ)	—	8	—	8	135	—	52	—	52	1040

Названіе заведеній и предпріятій.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.					УРГУТЪ.				
	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общ. число производит. цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.
		Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.		Мужч.	Ж	М.	Рубли.
Красильщики пряжи (кукчи) .	—	2	—	2	86	—	15	—	30	345
Приготовляют. варево изъ мездры и древеснаго клея для вымочки пряжи (огоръ-позъ).	—	—	—	—	—	—	7	—	7	106
Ткуть бумажную ткань изъ окрашенной пряжи (алача-бофъ) . .	—	—	—	—	—	—	177	—	354	4800
Ткуть полосатую бумажную ткань для бѣлья (камями-бофъ) . . .	—	—	—	—	—	—	—	18	ж. 29	300
Ткутъузкую ткань для подкладокъ (остаръ-бофъ). .	—	—	—	—	—	—	2	—	4	40
Ткуть широкую ткань для подкладокъ (хосъ-бофъ)	—	—	—	—	—	—	—	4	ж. 8	88
Набойщики ситца для одѣялъ (читгаръ).	—	1	—	3	40	—	10	—	30	390
Починяютъ старую обувь (кунадозъ)	—	4	—	4	37	—	11	—	11	120
Шьютъ калоши (каошъ-дозъ) . .	—	3	—	3	55	—	6	—	18	160
Шьютъ сапоги (чарикъ-дозъ). .	—	8	—	12	240	—	3	—	6	90
Дѣлаютъ уздечки (сорачь)	—	1	—	1	20	—	—	—	—	—
Шьютъ вьючныя сѣдла (токумдозъ)	—	1	—	1	20	—	2	—	4	40
Мѣдныхъ дѣлъ мастера (мисъгеръ).	—	1	—	1	22	—	1	—	2	30
Серебрян. дѣлъ мастера (зеръгеръ).	—	—	—	—	—	—	1	—	2	60

Названіе заведеній и предпріятій.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.					УРГУТЪ.				
	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.	Числа домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общ. число производит. цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.
		Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.		Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Кандитеры (хальвагеръ)	—	1	—	2	10	—	3	—	6	86
Пиротехники (мушанчи)	—	2	—	2	30	—	—	—	—	—
Всего . .	30	69	—	109	2125	43	358	22	680 ж.37 717	10198
Промышленность сельско-хозяйственная.										
Садоводство (богдоръ)	тан. 288	180	—	540	4620	тан. 1149	420	—	840	32000
Клеверовоздѣлываніе (утъ) . .	146	100	—	260	1960	139	200	—	200	1390
Хлѣбопашество (дыконъ).	1553	200	—	800	16540	2174	300	—	800	10870
Всего . . .	1987	480	—	1600	23120	3462	920	—	1840	42260
Промышленность торговая.										
Продавцы чугунныхъ сошниковъ (тышъ-фрушъ) .	—	2	—	2	50	—	1	—	1	25
Продавцы полосового жедѣза (тимуръ-фрушъ) . .	—	1	—	1	40	—	инд. 12	—	инд. 12	360
Продавцы муки (алафъ)	—	6	—	6	140	—	7	—	14	260
Торговцы баранами (кой-джалафъ)	—	4	—	4	240	—	7	—	18	6980
Мясники (касапъ)	—	11	—	11	260	—	20	—	40	640
Продавцы соли (тузъ-фрушъ) . .	—	1	—	1	20	—	6	—	6	90

Названіе заведеній и предпріятій.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.					УРГУТЪ.				
	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общ. число производит. цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.
		Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.		Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Продавцы моркови(сабзы-фрушъ)	—	1	—	1	20	—	2	—	2	30
Продавцы рису (шалы-копъ) . .	—	4	—	4	110	—	—	—	—	—
Продавцы растительнаго масла (зыгиръ - майфрушъ)	—	7	—	7	280	—	8	—	8	230
Продавцы вареныхъ бараньихъ головъ(коля-пазъ)	—	1	—	1	30	—	—	—	—	—
Продавцы сушеныхъ фруктовъ (маисъ-фрушъ) .	—	1	—	1	25	—	5	—	5	150
Продавцы виноградnаго меда (ширны-фрушъ).	—	—	—	—	—	—	7	—	7	140
Продавцы тертаго жвачнаго табаку (насъ-фрушъ)	—	3	—	3	120	—	5	—	5	180
Продавцы курительнаго табаку (тамаку-фрушъ).	—	1	—	1	40	—	2	—	2	70
Продавцы сухаго чаю(чай-фрушъ)	—	2	—	2	30	—	3	—	3	165
Продавцы расиночнаго чаю (самоварчи)	—	2	—	4	200	—	3	—	6	180
Продавцы колоніальныхъ товаровъ (бакаль). .	—	13	—	13	530	—	17	—	17	580
Продавцы дровъ (утунчи).	—	7	—	12	170	—	19	—	19	280
Продавцы древеснаго угля (кумырчи).	—	5	—	8	65	—	2	—	2	28
Продавцы алебастру (гаджъ-фрушъ)	—	1	—	2	50	—	—	—	—	—
Продавцы неочищеннаго хлопка (гуза-фрушъ) . .	—	8	—	8	160	—	16	—	16	240
Продавцы ваты (пахта-фрушъ) .	—	1	—	1	20	—	—	—	—	—

Названіе заведеній и предпріятій.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.					УРГУТЪ.				
	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общ. число производит. цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.
		Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.		Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Продавцы бумажной пряжи (калява-фрушъ) . .	—	—	—	—	—	—	10	—	10	370
Продавцы бумажной основы (гуля-бардаръ). . .	—	—	—	—	—	—	2	—	2	60
Продавцы бѣлой бумажной ткани (бозь-фрушъ) . .	—	5	—	5	200	—	—	—	—	—
Продавцы полосатой бумажной ткани (калямафрушъ)	—	5	—	5	200	—	—	—	—	—
Продавцы бумажной окрашенной ткани для простыхъ халатовъ (алача-фрушъ) .	—	—	—	—	—	—	21	—	21	656
Продавцы халатовъ простыхъ, (тунъ-фрушъ) . .	—	2	—	2	80	—	3	—	3	150
Продавцы мануфактуры(ситецъ, адрясъ, шелковыя ткани) бязь	—	4	—	8	860	—	6	—	12	1800
Продавцы обуви (итыкъ-фрушъ)	—	—	—	—	—	—	1	—	1	26
Продавцы шелковой пряжи(ипакъ-фрушъ).	—	евр. 1	—	1	40	—	евр. 2	—	евр. 2	100
Продавцы минеральныхъ и растительныхъ красокъ(ранги баръ-фрушъ)	—	1	—	1	30	—	1	—	1	40
Продавцы мелочи (лѣкарства, иголки, смола, бумага, перецъ (оттаръ)	—	4	—	4	60	—	8	—	8	180
Продавцы шерсти (джюнъ-фрушъ).	—	1	—	1	40	—	1	—	1	20
Продавцы войлока (кошмъ)—намать-фрушъ. . .	—	—	—	—	—	—	1	—	1	30

Названіе заведеній и предпріятій.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.					УРГУТЪ.				
	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общ. число производит. цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.
		Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.		Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Продавцы мѣшковъ, веревокъ (шаль-фрушъ). .	—	1	—	1	40	—	2	—	2	60
Барышники рогатымъ скотомъ и ишаками (малъ-джалафъ)	—	1	—	2	40	—	—	—	—	—
Барышники лошадьми (аспъ-джалафъ)	—	1	—	1	30	—	1	—	2	20
Маклера въ торговыхъ сдѣлкахъ (далляль)	—	1	—	1	16	—	4	—	4	60
Мѣнялъ (сорафъ).	—	—	—	—	—	—	2	—	2	80
Ростовщики(сутъхуръ т. е. сосуны)	—	инд. 9	—	12	18000	—	инд. 32	—	36	60000
Всего . . .	—	118	—	131	22235	—	229	—	290	74280
Промышленность перевозочная.										
Извозчики на арбахъ (арба-кеши)	—	5	—	5	250	—	2	—	2	50
Извозчики вьючныхъ лошадей (кирокеши) . . .	—	1	—	1	10	—	4	—	4	80
Извозчики вьючныхъословъ (ишанчи)	—	5	—	5	135	—	—	—	—	—
Всего . . .	—	11	—	11	395	—	6	—	6	130

Названіе заведеній и предпріятій.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.					УРГУТЪ.				
	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общ. число производит. цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.
		Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.		Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
Прислуга.										
Приказчики (гумашта)	—	2	—	2	80	—	13	—	13	520
Постоянные работники(итымъ).	—	148	—	148	2960	—	22	—	22	440
Поденщики (мардекеры)	—	31	—	31	480	—	130	—	130	1500
Всего . .	—	181	—	181	3520	—	165	—	165	2460
Классъ нематеріальныхъ производителей. (а)										
Проституція(джаланъ)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мальчики(батчи).	—	8	—	8	240	—	4	—	4	160
Музыканты (дойродосъ)	—	6	—	6	60	—	2	—	2	20
Увѣчные (натабанъ)	—	17	—	17	20	—	13	2	15	—
Юродивые (дивона)	—	2	—	2	—	—	7	—	7	—
Нищіе (гадай). .	—	6	3	9	—	—	8	2	10	—
Общественный поваръ(ошъ-пазъ).	—	1	—	1	10	—	2	—	2	30
Цирюльники(сорторашъ)	—	2	—	4	80	—	5	—	5	120
Всего . .	—	42	3	47	410	—	41	4	45	330

Названіе заведеній и предпріятій.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.					УРГУТЪ.				
	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общ. число производит. цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.
		Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.		Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
б) Администрація—полиція.										
Волостной управитель	1	1	—	1	700	—	1	—	1	700
Старосты (аксакалы)	—	1	—	1	150	—	3	—	3	450
Разсыльные (джигиты	—	2	—	2	240	—	2	—	2	240
Полиціантъ (миршабъ)	—	1	—	1	240	—	1	—	1	240
Старшины (шабгары)	—	4	—	4	384	—	5	—	5	480
Всего . . .	—	9	—	9	1714	—	12	—	12	2110
в) Судебный персоналъ.										
Судья (казій) . .	—	1	—	1	700	—	1	—	1	2500
Стрнчіе (муфтіи)	—	2	—	2	160	—	3	—	3	460
Разсыльные (джигиты)	—	2	—	2	180	-	2	—	2	200
Всего . . .	—	5	—	5	1040	—	6	—	6	3160
г) Врачебный персоналъ.										
Лѣкарь (тобибъ).	—	2	—	2	130	—	1	—	1	80
Знахари (соткакчи).	—	—	1	1ж.	8	—	12	9	27	230
Отчитыватели (заимъ-ханъ). . .	—	2	—	2	60	—	3	—	3	160
Всего . . .	—	4	1	5	218	—	16	9	31	470

Названіе заведеній и предпріятій.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.					УРГУТЪ.				
	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общ. число производит. цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.
		Мужч	Ж.	Мужч.	Рубли.		Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
д) Воспитательный персоналъ.										
Профессоровъ высшихъ школъ (мударисы) . . .	—	3	—	3	150	—	2	—	2	200
Студенты (толибъ-ильмъ).	—	80	—	80	320	—	20	—	20	200
Учителей низшихъ школъ (мектебдоръ	—	6	3	9	200	—	20	2	22	600
Учениковъ —мектебъ-ханъ	—	135	40	175	—	—	190	18	208	—
Всего . . .	—	224	43	267 43 ж.	670	—	232	20	252	1000
е) Погребальный персоналъ.										
Омывальщики (мурда-шуй). . .	—	—	—	—	—	—	5	7	12	50
Плакальщицы (гулянда)	—	—	3	3	6	—	—	4	4	8
Молильщики (искотъ-бордоръ) .	-	6	4	10	20	—	19	8	27	60
Созыватели гостей (пайкаль). .	—	—	1	1	6	—	3	2	5	12
Подносители поминальныхъ угощеній (ходымъ).	—	—	1	1	3	—	10	6	16	36
Могильщики — (гурькау)	—	2	—	2	6	—	10	—	10	28
Всего . . .	—	8	9	17	41	—	47	27	74	194

Названіе заведеній и предпріятій.	ПЕНДЖЕКЕНТЪ.					УРГУТЪ.				
	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общее число производителей цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.	Число домовъ, обществ. зданій, частныхъ завед.	Число хозяевъ - производителей цѣнностей.		Общ. число производит. цѣнностей.	Общій годовой заработокъ.
		Мужч.	Ж.	Мужч.	Рубли.		Мужч.	Ж.	М.	Рубли.
ж) Духовенство.										
Приходскій священникъ (имамъ)	—	15	—	15	300	—	32	—	32	840
Старшій мулла, священнодѣйствующій по пятницамъ (хотыпъ)	—	1	—	1	30	—	5	—	5	150
Призывателей на молитву моазимъ)	—	5	—	5	40	—	11	—	11	120
Читающихъ на память (кораншкари)	—	2	—	2	30	—	4	—	4	40
Орденскихъ священниковъ (ишаны)	—	1	—	1	—	—	3	—	3	—
Всего . . .	—	24	—	24	400	—	55	—	55	155
Весь классъ нематер. производителей (а, б, в, г, д, е, ж.)	—	316	56	374	4493	—	409	60	475	8414
Вся промышленность съ классомъ нематер. производителей.	—	1175	56	2350 ж. 56 2406	55888	—	2087	97	3390 97 3487	137742

СКОТОВОДСТВО ВЪ ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНѢ [1]).

Каждому, безъ сомнѣнія, извѣстно, какую важную роль играетъ скотоводство въ земледѣльческомъ хозяйствѣ населенія, въ особенности тамъ, гдѣ всѣ сельско-хозяйственныя операціи выполняются живой силой, гдѣ паръ и шестерня не получили еще своего примѣненія,—тамъ, гдѣ земледѣльческая культура не перешла въ высшую фазу своего развитія сложнаго, плодопеременнаго сѣвооборота со всѣми признаками интенсивной культуры.

Въ такой земледѣльческой полосѣ, какъ Зеравшанскій округъ, богатство ирригаціи котораго поддерживаетъ производительность его на самомъ высокомъ уровнѣ, позволяя собирать мѣстами двойную жатву, скотоводство составляетъ, безъ сомнѣнія, главный рычагъ сельскаго хозяйства. Насколько оно представляется серьезнымъ факторомъ въ смыслѣ удовлетворенія потребности пахаря, настолько же почти оно сохраняетъ свое значеніе въ другихъ, зависимыхъ отъ первой отрасляхъ хозяйства—и какъ средство въ передвиженіяхъ по торговлѣ, и какъ такой пищевой элементъ, котораго замѣнить нечѣмъ.

Какъ эти, такъ и другія потребности создали изъ скотоводства, въ обширномъ значеніи его, отрасль торговли и промышленности, размѣры которой обусловливаются для каждой данной мѣстности количествомъ предложенія и качествомъ его. Такимъ образомъ, скотоводство въ странѣ земледѣльческой со-

[1]) Напечатано въ 1880 и 1881 гг.

ставляетъ такое же могучее основаніе благосостоянія народа, какъ и земледѣльческая производительность. На этомъ основаніи *изученіе* состоянія *скотоводства* въ краѣ и *розысканіе средствъ развитія* его въ количественномъ и качественномъ отношеніи заслуживаетъ такого же участія, такой же отзывчивости, какъ и каждая отрасль народнаго хозяйства.

Если такимъ образомъ въ настоящемъ очеркѣ намъ удастся сгруппировать болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о современномъ положеніи скотоводства въ Самаркандскомъ отдѣлѣ, объ отличительныхъ качествахъ и недостаткахъ домашняго скота, объ условіяхъ питанія и ухода, о значеніи разныхъ видовъ скотоводства въ промышленности и торговлѣ туземнаго населенія Зеравшанской долины, — мы сочтемъ нашу задачу выполненною для общей пользы, такъ какъ положеніе скотоводства въ здѣшней полосѣ находится въ тѣхъ же совершенно условіяхъ, какъ и въ оазисѣ *Сыръ-дарьи*, какъ и на *Амударьѣ*.

Прежде чѣмъ говорить, какъ мы ставимъ себѣ программой, о каждой породѣ скота отдѣльно, необходимо пояснить, хотя кратко, тѣ особенности топографическія, климатическія, почвенныя и сельско-хозяйственныя, которыми въ большей степени обусловливается скотоводческое хозяйство. Начнемъ съ описанія территоріи Самаркандскаго отдѣла, съ опредѣленія его границъ.

Сопровождающій отъ ледниковъ Щуровскаго и Зеравшанскаго правый берегъ этой рѣки горный хребетъ, названный, со времени экспедиціи 1870 года генералъ-маіора Абрамова, *Туркестанскимъ кряжемъ*, раздѣляя долины *Сыра* и *древняго Согда*, опредѣляетъ границу Самаркандскаго отдѣла на сѣверѣ, со стороны Джизакскаго раіона, отрогами невысокой возвышенности *Гудунъ-тау* (3600 фут.), продолженіе которой, съ отрогами *Карача-тау*, замыкаетъ долину Зеравшана и на *западѣ*. Другой горный массивъ, тянущійся по лѣвому берегу и получившій названіе *Зеравшанскаго* кряжа, продолженіемъ своимъ, носящимъ также мѣстное названіе *Чашмаобъ*, замыкаетъ долину и территорію отдѣла на *югѣ* со стороны Шахрисябзскаго бекства, бухарскихъ владѣній и Катта-курганскаго отдѣла, въ которомъ граница самаркандская проходитъ отъ *Кондогоръ-тюпе* на почтовомъ трактѣ къ *Джаму*, а отсюда подножіемъ Чашмаобъ и далѣе близъ Каратюбе на Китабскомъ трактѣ. На *востокѣ*, со стороны Пенджекентскаго раіона (нагорныя тюмени), граница отдѣла обозначается крайними селеніями: Джума-базаръ (ю.-в.), Гульба, Форманъ-тюпе и Чуянъ-тюпе.

Этимъ орографическимъ очертаніемъ часть Зеравшанской долины, занятая территоріей Самаркандскаго отдѣла, представляетъ собою котловину, возвышающуюся надъ уровнемъ моря на 1600 футовъ и имѣющую протяженія экваторіальнаго до 80 верстъ, меридіальнаго до 70 верстъ.

Вся площадь котловины, занимая пространство 4000 кв. верстъ, открыта для господствующихъ вѣтровъ: сѣвернаго — изъ ущелья *Джиланъ-ута* (открытое къ Голодной степи) и восточнаго—изъ тѣснины *Фольгара*, которою начинается двухсотверстное ущелье Зеравшана.

Кромѣ Зеравшана, главной оросительной артеріи, прорѣзывающей всю территорію отдѣла посредствомъ сорока магистральныхъ каналовъ (арыковъ), для водоснабженія служатъ также и небольшіе ручьи, вытекающіе изъ горъ, на *западѣ:* Даніаръ-булакъ, Норкуль, Учагатъ, Бадамгали, Табакъ-булакъ, Комычлаклы, Холь-бекъ, Кызылъ, Тулали, Ташбулакъ, Кульмеръ-булакъ, Турибулакъ, Кувандыкъ, Курбанзауръ, Тохторъ, Хаитбай, Нуръ, Болыкши-кара-ташъ; на *югѣ*: Алты-булакъ, Тулганъ-булакъ, Каратай-булакъ, Казакъ-булакъ, Ташкарбай-булакъ, Ингичке-булакъ, Тутли-булакъ, Кудукча-булакъ, Саукъ-булакъ, Шигауль-булакъ, Терсъ-булакъ, Анжирли-булакъ, Ибрагимъ-ата-булакъ, Ишанъ-булакъ, Башъ-булакъ, Илансай-булакъ, Санги-булакъ, Чалъ-ата-булакъ, Талъ-булакъ, Кипакуль-булакъ, Кутуръ-булакъ, Табакъ-булакъ; на *сѣверѣ*: Акташъ-булакъ, Кутчи-сай-булакъ, Алмалы-булакъ, Алкарташъ-булакъ, Усматъ-булакъ, Бурласъ-булакъ, Ташъ-булакъ, Шуръ-булакъ,

Курукъ-булакъ, Майда-булакъ, Янбашъ-булакъ, Мухамедъ-Назаръ-булакъ, Бахты-гуль-булакъ, Джидали-булакъ.

Такъ какъ Зеравшанъ снабжаетъ орошеніемъ всю Зеравшанскую долину съ значительной частью Бухарскаго ханства, то удѣляемаго имъ, а также и перечисленными горными источниками (чашма-су), количества воды далеко оказывается недостаточно для необходимаго, по условіямъ интенсивнаго хозяйства, орошенія всей площади, занимаемой территоріею отдѣла. Такой недостатокъ искусственнаго орошенія обозначается весьма рельефно пустынностью окраинъ отдѣла—сѣверной, западной и южной, занятыхъ незначительнымъ числомъ узбекскихъ осѣдлостей, живущихъ на счетъ дождевого орошенія для посѣвовъ яровыхъ (богары, ляльми) и скотоводства, которому благопріятствуетъ и близость горъ, и типичная пустынность степного характера съ обильными травами, но безъ всякой древесной растительности.

Зато центральная часть отдѣла, занятая также узбекскимъ населеніемъ 22,485 дворовъ волостей Тюя-тартарской, Челекской, Дюрткульской, Янкурганской, Шахабской, Джой-диванинской, Дагбитской, Ишимъ-аксакской, Кабутской, Хальваинской, Махалинской, Сіобской, частью Ангарской и Даульской, вмѣщаетъ на своемъ обильномъ искусственномъ орошеніи такую богатую земледѣльческую культуру, что для скотоводства въ ней положительно нѣтъ мѣста.

Въ этомъ оазисѣ, богатомъ разнообразіемъ засѣваемыхъ хлѣбовъ, подъ вліяніемъ жаркаго климата съ лѣтнимъ гормъ-силемъ (горячій вѣтеръ), умѣряющимся растительной полосою, съ суглинистою и мѣстами мергелевою почвою, земледѣліе заняло все пространство, способное принять какой бы то ни было посѣвъ или древесное насажденіе.

Въ этой островной части долины, занятой 250,000 танаповъ богато воздѣланной земли, остающейся съ очень давнихъ временъ въ частномъ владѣніи, для скотоводства остались только незначительные клочки выгоновъ (подаятанъ), имѣющихся при каждомъ почти селеніи, осталась ничтожная площадь въ 130 танаповъ приблизительно, побережья камышевыхъ озеръ *Дюртъ-куль*, *Кули-могіянъ*, *Ванъ*, *Лашинъ*, да узенькія полоски доступной для скота пастьбы по берегамъ арыковъ.

Условія пользованія пастбищами таковы, что выгоны изъ неудобной къ обработкѣ водообильной (вахъ) земли состоятъ на общинномъ правѣ каждаго селенія; побережьемъ озеръ пользуются, исконнымъ правомъ, ближайшіе кишлаки, а пастьбищами по арыкамъ довольствуются тѣ селенія, у которыхъ земледѣліе поглотило, съ общаго согласія, даже скудные выгоны.

Если отмѣтить еще, что, по мѣрѣ уборки хлѣба въ теченіе августа и сентября мѣсяцевъ, скотъ выгоняется на освободившіяся отъ жатвы поля, а лошади выпускаются нѣкоторыми хозяевами въ сады и рощицы (чакалокъ) съ весьма слабой пастбой, то этимъ и ограничиваются крайне ничтожные размѣры площадей подножнаго корма, съ весьма небольшимъ разнообразіемъ травъ, имѣющихъ у туземцевъ слѣдующія названія и распредѣленія:

а) *для рогатаго скота*: лола-кизакъ, шури, бугдоякъ, аджрикъ, когора, соукъ-кувокъ, камгакъ, лота-хоръ, вошвоши, пудино, хорхоръ, бутрокъ, гуль-хойри; б) *для лошадей*: аджрикъ, бугдоякъ, соукъ-кувокъ, кунакъ; в) *для верблюдовъ*: коррокъ, янтакъ, исмалокъ, читеръ, кокро, шура, камгакъ; г) *для овецъ*: чатыръ, исмалакъ, куррокъ, шивакъ, коррокъ, кизъ-кулакъ, ляля-кизакъ, акъ-чипоръ, таранъ, ривачъ, акъ-башъ, бурганъ, саганъ, акъ-куйро, джузганъ, балыгъ-кузы, тортманъ, кошка-ситаки.

Конечно, этихъ кормовыхъ средствъ, не всегда одинаково обильныхъ вслѣдствіе бездождій, было бы весьма недостаточно и на самое ограниченное количество скота, если бы въ подспорье не служили случайныя пастбища, какъ паръ (шудгоръ), жнивье и также искусственное травосѣяніе клевера (бида), поздней джугары (кукбошъ). Но размѣры травосѣянія въ Зеравшанской долинѣ, почти повсюду, соображены не столько

съ потребностью для скотоводческихъ цѣлей, сколько какъ существенная потребность въ сѣвооборотѣ, увеличивающая размѣръ ренты.

Словомъ, собственно территорія Самаркандскаго отдѣла, та котловина, границы которой опредѣлены нами выше, представляетъ такую бѣдность кормовыхъ средствъ, при которой скотоводство возможно въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, съ самымъ стѣснительнымъ выборомъ породъ скота. Естественно, что при такихъ условіяхъ скотоводство является уже не какъ средство промысловое въ торговлѣ, въ эксплуатаціи, а только какъ подспорье въ хозяйствѣ, опредѣляющее самое узкое назначеніе каждому виду скота. Въ самомъ дѣлѣ, мы замѣчаемъ, что подъ вліяніемъ такихъ естественныхъ условій здѣсь нѣтъ ни крупныхъ скотовладѣльцевъ, ни коннозаводчиковъ, ни верблюдодержателей; здѣсь мало и овцеводовъ, встрѣчающихся только между узбеками по окраинамъ отдѣла, замыкающимъ котловину горами, въ которыхъ и держатъ почти круглый годъ небольшія стада барановъ. Однако, и эта отрасль скотоводства не имѣетъ того разработаннаго широкаго промысловаго значенія, какимъ оно представляется у кочевниковъ, у такихъ землевладѣльцевъ (Ургутъ, Фарабъ, Магіянъ, Кштутъ), которые, имѣя возможность пользоваться пастбищами въ дальнихъ зеравшанскихъ горахъ, а зимою въ долинѣ Сыръ-дарьи, ведутъ дѣло изъ года въ годъ съ оборотами въ нѣсколько тысячъ.

Точно также и разведеніе верблюдовъ стоитъ въ самомъ ограниченномъ количественномъ размѣрѣ, въ самомъ узкомъ примѣненіи этихъ прекрасныхъ животныхъ преимущественно для цѣлей хозяйственныхъ, да изрѣдка для перевозки тяжестей не далѣе Карши, откуда верблюдохозяева привозятъ на продажу соль. Точно также, какъ и овцеводство, верблюдоводство ограничивается ничтожнымъ пространствомъ въ тѣхъ окраинахъ на западѣ (волости Челекская, Хоча-мукурская), на сѣверѣ (волость Осматъ-катартальская), на югѣ (волости Даульская, Ангарская), гдѣ, при слабой сравнительно культурѣ земледѣльческой, встрѣчаются безводные пустыри (халы), поросшіе

колючкой (янтакъ), травами исмалокъ, кокра и другими необходимыми пищевыми ингридіентами верблюда.

Если лѣтомъ, во время уборки хлѣбовъ, встрѣчаются верблюды и на культурномъ островѣ Акъ-корьи-дарьи, то это никакъ не мѣстныя животныя, а принадлежащія преимущественно бухарцамъ, которые являются сюда каждогодно въ періодъ уборки хлѣба, зарабатывая въ день съ однимъ верблюдомъ 40 коп.

Всѣхъ верблюдовъ въ отдѣлѣ насчитывается только до 1000 штукъ, а потому мы и не станемъ говорить объ этомъ животномъ подробностями. Отмѣтимъ только самыя общія достовѣрныя свѣдѣнія.

Преобладающая здѣсь порода верблюдовъ — одногорбые, рослые, ширококостные, курчаво-коротко-шерстые *нары*, подымающіе 16 пудовъ караванной тяжести. Верблюженокъ-наръ, оставаясь при матери неотлучно до двухлѣтняго возраста, съ этого времени получаетъ общее названіе—буталокъ и начинаетъ работать, выдерживая въ пятилѣтнемъ возрастѣ тяжести до 12-ти пудовъ.

Зимою животное, кромѣ полевого корма, получаетъ еще съ вечера саманъ (измельченная пшеничная или ячменная солома), довольствуясь жвачкою (каушанъ) на цѣлую ночь, когда ихъ укладываютъ, окутывая въ холодное время въ войлочные попоны (джигазъ).

Здѣшній наръ, требуя заботливаго ухода на мѣстѣ и въ пути, способенъ оставаться лѣтомъ безъ водопоя не долѣе трехъ сутокъ, способенъ, при нормальныхъ условіяхъ содержанія и передвиженія, проходить въ день съ 12 часовъ утра до 5 часовъ вечера, безъ приваловъ, обыкновеннымъ караваннымъ ходомъ, до 18 верстъ [1]).

При нормальныхъ условіяхъ воспитанія, содержанія и экс-

[1]) Распорядокъ движенія каравана обыкновенно такой: съ 2 часовъ ночи до 7 часовъ утра проходятъ 24 версты; давъ затѣмъ пяти-часовой отдыхъ, идутъ съ полдня до 5 часовъ вечера 16 верстъ, т.-е. проходятъ въ сутки 40 верстъ (1 монзиль).

плуатаціи, наръ живетъ среднимъ числомъ до 20 лѣтъ, причемъ самка даетъ за этотъ періодъ приплодъ въ 5 штукъ. Стоимость лучшаго, среднихъ лѣтъ, нара-самца 90—120 руб., самки 60—80 руб.

Немного мы скажемъ здѣсь и объ *ишакахъ* (ослы), которыхъ насчитывается въ отдѣлѣ до 7000 штукъ.

Маленькое вьючное животное это, при своей способности подымать почти такія же тяжести (въ шесть пудовъ), какія подымаетъ и лошадь, издавна получило въ хозяйствѣ земледѣльца такое универсальное примѣненіе, которое отводитъ ему даже больше дѣла, чѣмъ остальнымъ вьючнымъ животнымъ, и приземистый, длинноухій, тонкокопытный ишакъ, съ такою же терпѣливостью къ пинкамъ своего обладателя, съ такимъ же стоическимъ нахмуреннымъ усердіемъ тащится изъ Бухары въ Оренбургъ, съ какимъ карабкается подъ тяжестью въ пять пудовъ по скалистымъ снѣжнымъ переваламъ Зеравшанскихъ горъ.

Вездѣ почти въ здѣшней полосѣ, какъ горной, такъ и равнинной, ишакъ одинъ и тотъ же. Ростъ его отъ холки 1 арш. 8 верш., длина отъ холки до рѣпицы 1 арш. 6 верш., въ обхватѣ по животу 2 арш. [1]). Голова несообразно велика, скулиста, хвостъ пропорціональный, цвѣтъ шерсти—мышистый съ крестообразными черными полосами на хребтѣ; рѣдко цвѣтъ шерсти черный, еще рѣже бѣлый, столь высоко почему-то цѣнимый сартами. Замѣчательно терпѣливое животное это, служа исключительно какъ средство передвиженія и подъема тяжестей, имѣется у каждаго почти землевладѣльца, нерѣдко и у совершенно безземельныхъ, промышляющихъ однимъ лишь *тиричилыкомъ*, то-есть прозябаніемъ.

Туземецъ находитъ выгоднымъ для себя держать ишака, потому что онъ дешевъ (8—15 р.), потому что достаточно долговѣченъ (средняя продолжительность жизни 14 лѣтъ), а главное потому, что, при ничтожномъ уходѣ и пищепотребленіи, онъ работаетъ не меньше лошади, и при способности оставаться лѣтомъ безъ воды 2 дня, проходитъ съ караваномъ 40 верстъ въ 11 дневныхъ часовъ времени.

[1]) Не мало встрѣчается ишаковъ роста 1 арш. 15 вершк.

Ишакъ немногимъ довольствуется: онъ получаетъ въ сутки зимою у хорошихъ хозяевъ до 15-ти фунтовъ саману, до трехъ фунтовъ ячменя и никакой подстилки, никакой покрышки, кромѣ плоскихъ подковъ для продолжительной горной ходьбы.

Съ трехлѣтняго возраста ишакъ поступаетъ уже въ работу, сначала таская уличныхъ ребятишекъ, а затѣмъ выдерживая на своемъ острокостномъ хребтѣ тяжести до шести пудовъ.

При полной ненаблюдательности туземцевъ за случкою домашнихъ животныхъ, кромѣ лошадей, ишаки вступаютъ въ нее съ трехлѣтняго возраста и самка способна принести въ свой вѣкъ до 12-ти штукъ полезнаго потомства.

Если мы еще скажемъ, что такъ-называемые *мулы-хачиръ* —метисы отъ кобылы и осла встрѣчаются вообще въ Зеравшанскомъ оазисѣ весьма рѣдко, цѣнностью не дешевле 120 р., то этимъ мы и покончимъ съ домашними *вьючными* животными, существующими у туземцевъ.

Выше было сказано, что успѣхъ той или другой отрасли скотоводства существенно обусловливается прежде всего могучими факторами природы вообще (климатъ, почва) и количествомъ кормовыхъ средствъ въ данной странѣ въ особенности. По отношенію къ Зеравшанской долинѣ мы и видимъ, напримѣръ, что скотъ горный, пользующійся прекрасной пастбой въ теченіе всего лѣта, имѣющій сухой травяной кормъ и въ пятимѣсячный зимній періодъ, значительно выдается своими лучшими качествами типичности, бодрости и тѣми особенностями вообще, которыя дѣлаютъ его сравнительно продуктивнымъ. Каждому наблюдателю, присмотрѣвшемуся къ *рогатому скоту* въ долинѣ, наружность скота горнаго представляется несравненно привлекательнѣе и общимъ типомъ, и однообразіемъ масти черной, бурой, рыжей, сѣрой.

А между тѣмъ для спеціалиста породы скота горнаго и скота долины кажутся одинаковыми, происшедшими, какъ при-

знаетъ профессоръ *Чернопятовъ*, отъ помѣси крупнаго рогатаго скота съ породою зебу (Bos indiens), распространенною въ долинѣ Сыръ-дарьи. Естественно, что при совершенно одинаковыхъ примитивныхъ условіяхъ воспитанія скота, ухода за нимъ, безъ малѣйшихъ стремленій у туземцевъ къ улучшенію породъ подборомъ и другими заботами, горный скотъ выработалъ въ себѣ лучшія качества единственно вліяніемъ природы. Скудна природа долины, поддерживающей растительную жизнь однимъ лишь искусственнымъ орошеніемъ, едва достаточнымъ для землепашества, и нѣтъ въ ней условій для лучшаго скотоводства, нѣтъ въ долинѣ и хорошаго рогатаго скота, ибо *пастбища* — главное для него средство. Въ долинѣ же пастбищными выгонами для рогатаго скота служатъ мѣста окончательно неудобныя для земледѣлія,—мѣста, на которыхъ, по условіямъ жаркаго, сухого климата, кое-какая рѣдкая низкая трава держится только до половины мая мѣсяца; остальной четырехмѣсячный періодъ лѣта, до снятія жатвы, несчастный скотъ понуро бродитъ за нѣсколько верстъ отъ своихъ селеній положительно впроголодь, не получая ни стебля клевера или соломы отъ своихъ хозяевъ и по возвращеніи съ поля. Только въ теченіи четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ туземцы какъ будто-бы проявляютъ нѣкоторую заботливость о рогатомъ скотѣ, ровно настолько, насколько требуется для поддержанія существованія бѣднаго животнаго, получающаго въ теченіе года общую кормовую дачу по крайней мѣрѣ на половину менѣе нормальной дачи.

Смотря на скотъ только какъ на рабочую силу, какъ на средство для полученія навоза, туземцы вовсе не озабочиваются не только объ улучшеніи породы для полученія большей продуктивности (молочность, сыровареніе), но и о поддержаніи силъ животныхъ — своихъ, такъ-сказать, кормильцевъ и полевой работой, и молокомъ, и мясомъ. Держится быкъ или корова на ногахъ—ладно, хозяинъ не внемлетъ реву животнаго, не подброситъ ему больше корму, сколько обыкновенно дается, не подстелетъ ему соломы на зиму, не удѣлитъ ему

въ своемъ дворѣ особый загонъ, какъ то дѣлаютъ горные туземцы. Хозяйкѣ все равно—сколько ни дастъ корова молока, все равно—когда, съ какихъ лѣтъ она должна отходиться съ быкомъ (наубостъ). Пять-шесть какихъ-нибудь штукъ рогатаго скота даютъ навозъ для удобренія полей, для приготовленія кизеку-топлива,—этого туземецъ считаетъ достаточно для себя. Только лишь рабочіе кастрированные быки (гукузъ) пользуются нѣкоторымъ вниманіемъ со стороны своихъ владѣльцевъ, но и то передъ рабочей порой, чтобы не отстать обработкой поля, уборкой жнива; въ остальное время ихъ житье—та же голодовка, та же зависимость желудка отъ весеннихъ травъ, отъ количества остатковъ на поляхъ послѣ уборки хлѣбовъ, то есть отъ такихъ условій, которыя далеко не всегда одинаковы, какъ зависимыя отъ количества весеннихъ дождей, отъ степени полевой урожайности.

Прежде чѣмъ говорить о порядкѣ содержанія туземцами рогатаго скота, о кормленіи его въ зимній періодъ, когда хозяевамъ приходится выгонять скотъ со двора только для прогула, необходимо вспомнить общеподмѣченные выводы по вопросу о нормальномъ питаніи животныхъ.

Спеціалисты говорятъ, что для правильнаго хода процесса пищеваренія необходимо, чтобы суточная порція корма имѣла объемъ, соотвѣтственный вмѣстимости органовъ пищеваренія, такъ что изъ опытовъ среднее количество сухого вещества въ кормѣ должно равняться $^1/_{40}$ части живого вѣса животнаго, причемъ питательныя вещества азотныя (бѣлковыя) и безъазотныя должны бы быть въ равныхъ отношеніяхъ. Для соблюденія такой нормы питанія требовалось бы отпускать въ сутки обыкновенной коровѣ, при живомъ вѣсѣ въ 800 фунтовъ, около 35 фунтовъ саману или 25 фунтовъ клевера и 8 фунтовъ льняныхъ жмыховъ. Въ дѣйствительности же, туземная корова получаетъ всего-на-всего 10 фунтовъ пшеничной или ячменной мякины (саманъ)—и больше ничего, кромѣ прогулки по улицамъ, въ садикахъ, гдѣ бѣдное животное наби-

ваетъ себѣ желудокъ древесными листьями, да обгладываніемъ коры, что̀ не всѣ хозяева позволяютъ.

Принявъ, на основаніи сдѣланныхъ нами опредѣленій, живой вѣсъ здѣшней семилѣтней коровы въ 680 фунтовъ, находимъ, что она получаетъ на $^3/_4$ меньше того, сколько ей требуется для укрощенія голода.

Рабочіе быки нѣсколько въ лучшихъ условіяхъ: имъ выдается зимою въ сутки около 20 фунтовъ саману и до шести фунтовъ льняныхъ жмыхъ (кунджала); но все же эта дача далеко не нормальная для животнаго, имѣющаго живой вѣсъ въ 900 фунтовъ.

При такомъ печальномъ содержаніи скота, можетъ ли быть какой-нибудь вопросъ о его типичности, о его породистости, объ улучшеніи, какъ нѣкоторые теоретики задаются, этой отрасли народнаго хозяйства?

По неимѣнію кормовъ, бѣднотѣ, малоземелію, здѣшняя корова, здѣшній быкъ останется съ тѣми же поразительными недостатками, съ какими мы ихъ застали придя въ край, съ какими мы ихъ встрѣчаемъ теперь. Никакое усердіе и помышленіе объ образцово-превосходныхъ породахъ скота не въ состояніи измѣнить и упрочить типъ здѣшняго рогатаго скота наперекоръ фактамъ природы, нами отмѣченнымъ и всѣмъ, конечно, видимымъ. Пока физическія и климатическія условія останутся тѣми же, каковы они теперь, пока недостатокъ травяного и сухого корма будетъ также ощутителенъ какъ въ настоящее время, до тѣхъ поръ рогатый скотъ будетъ оставаться въ томъ же жалкомъ состояніи, въ какомъ онъ теперь, съ тѣми же уродливостями и недостатками продуктивности, какія выдѣляютъ его даже предъ туземнымъ горнымъ скотомъ.

Отличительныя, бросающіяся въ глаза, наружныя формы туземныхъ коровъ долины, это—угловатость костнаго скелета, вызываемая торчащими изъ-подъ кожи костями, отвислость брюха, заостренность спины и малость вѣса, недостатокъ пропорціональности въ частяхъ, доходящій до видимой уродливости, тощій, изнуренный видъ, взъерошенная шерсть, поразительно разнообразная масть съ преобладаніемъ пестроты, печальный взглядъ, слезящіеся глаза, шаткая походка. Характеристическіе признаки черепа слѣдующіе: лобъ значительно длиннѣе своей ширины, между глазными впадинами онъ сильно вдавленъ; начиная отъ уровня верхнихъ частей глазныхъ впадинъ, по шву лобныхъ частей идетъ возвышеніе, которое, по мѣрѣ приближенія къ макушечному гребню, постепенно дѣлается шире и выше, опускаясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ обѣ противоположныя стороны вогнутыми плоскостями. У макушечнаго гребня средина лба значительно выдается впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно опускается съ обѣихъ сторонъ вогнутыми плоскостями къ основанію роговъ и вискамъ. Надглазныя борозды у выходныхъ отверстій артеріи весьма глубоки и узки, но къ носовымъ костямъ сказанныя борозды быстро расширяются, дѣлаясь вмѣстѣ съ тѣмъ все мельче и мельче, такъ что ихъ почти совсѣмъ не замѣтно у шва лобныхъ костей съ носовыми. Рога сидятъ на шероховатыхъ удлинненіяхъ лобныхъ костей. Роговые стержни, имѣя почти круглую форму, при выходѣ своемъ отъ удлинненій лобныхъ костей, расходятся въ обѣ стороны, постепенно поднимаясь надъ макушечнымъ гребнемъ и мало-по-малу загибаясь впередъ. Рога короткіе, съ тонкими концами, слегка загнутыми впередъ. Беззубая передняя часть нижней челюсти нѣсколько длиннѣе ряда коренныхъ зубовъ. Задняя беззубая часть нижней челюсти короче передней. Коренные зубы длинны и узки [1]).

Таковъ типъ здѣшняго рогатаго скота по описаніямъ спеціалистовъ, типъ очень непригожій для коровъ вообще и достаточно сносный для рабочихъ быковъ, оставляемыхъ изъ лучшихъ телятъ и содержимыхъ въ лучшихъ сравнительно условіяхъ.

[1]) Это описаніе черепа сдѣлано профессоромъ Чернопятовымъ по тѣмъ экземплярамъ череповъ, которые доставлены были изъ Туркестанскаго края въ Москву А. П. Федченко. Размѣры черепа коровы изъ Самарканда такіе: длина черепа—37 сант., длина лба—18 сант., длина лицевыхъ костей — 24 сант., длина ряда коренныхъ зубовъ—12 сант., длина черепа по горизонтали—42 сант; ширина лба наибольшая—15$^1/_2$ сант., длина лба наименьшая—13 сант.

У хорошихъ хозяевъ, крупныхъ землевладѣльцевъ (дикондоръ) встрѣчаются быки и крупнаго склада и рѣзко типичной наружности, съ короткими расходящимися рогами; у такихъ быковъ голова легкая, глаза большіе съ кроткимъ выраженіемъ, затылокъ хорошо развитый, шея средней длины съ широкимъ гребнемъ и мало развитымъ подгрудкомъ, холка широкая; спина прямая, широкая; крестецъ достаточно длинный, полный, мускулистый; хвостъ присаженъ довольно высоко; грудь глубокая; плечи правильные; переднія ноги широко поставлены; реберный сводъ крутой; шерсть короткая, блестящая, плотно прилегающая къ тѣлу; преобладающая масть черная, безъ отмѣтинъ. Вѣсъ такихъ быковъ 1200 фунтовъ; размѣры ихъ: отъ холки до начала хвоста 1 арш. 15 верш., подпруга кругомъ туловища 3 арш. 2 верш., вышина отъ холки до земли 2 арш. 1 верш. Такихъ быковъ встрѣчается однако не много въ здѣшней долинѣ, куда они попадаютъ умѣлымъ выборомъ или изъ горнаго скота или же изъ степного киргизскаго скота, имѣющаго нѣсколько лучшія качества и продуктивность, чѣмъ скотъ сартовскій.

Хотя осѣдлые туземцы и пріурочили для рогатаго скота названія по возрасту: однолѣтній теленокъ — кусоля бузоу, двухлѣтній—тана, трехлѣтній — инекъ: корова, гукузъ быкъ, но скотъ ихъ имѣетъ такой видъ, что часто трехлѣтняго тана можно принять за бузоу и никогда за инека, преобладающій ростъ которыхъ 1 арш. 11 верш.

Въ полной зависимости отъ описанныхъ морфологическихъ недостатковъ, отъ недостатка корма, отъ предоставленія случки животныхъ случаю, отъ обращенія вообще туземцами рогатаго скота въ средство унавоживаться и отапливаться, отъ всѣхъ исконныхъ условій, зависитъ и малая продуктивность здѣшняго скота. Въ сутки корова даетъ въ два удоя, утромъ и вечеромъ, до 10 фунтовъ молока, сохраняя удойность 6—7 мѣсяцевъ въ году; однолѣтній теленокъ даетъ 70 фунтовъ мяса; быкъ, оканчивающій свою рабочую службу въ 16 лѣтъ (съ 4-хъ лѣтъ) и поступая затѣмъ на бойню, даетъ тушу въ 460

фунтовъ = 23 р., голова и ноги 2 п. = 1 р., кожа 4 р., всего 28 руб.

Это, конечно, далеко не та продуктивность, какую даетъ европейскій скотъ, наприм. корова аульгоусская—170 ведеръ въ годъ молока, крестьянская корова тверская, тульская — отъ 100 до 150 ведеръ молока и до трехъ пудовъ масла въ годъ. Зато тамъ, въ барскихъ имѣніяхъ, годовое воспитаніе теленка обходится въ 70 руб. до году, въ 180 р. до трехъ лѣтъ, а коровы такого воспитанія продаются по 300—400 рублей [1]).

Ясно, что при условіяхъ слабаго спроса въ краѣ на молочные продукты, слабаго потребленія скотскаго мяса, почти одними только русскими и бѣдняками-туземцами, нечего и ожидать, что туземцы когда-нибудь примутся за улучшеніе этихъ домашнихъ животныхъ правильнымъ воспитаніемъ, которое вѣдь инстинктомъ и не дается, а требуетъ все-таки знаній. Когда эти знанія установятся, когда, съ проведеніемъ желѣзнаго пути, потребность въ продуктахъ здѣшняго сельскаго хозяйства откроется хотя для ближайшаго запада, тогда

[1]) Вмѣсто параллельнаго вычисленія ничтожной стоимости содержанія у туземцевъ телятъ и коровъ, скажемъ, что посторонней издержкой является только плата 60 коп. съ каждой головы рогатаго скота пастуху (падачи) за шестимѣсячный лѣтній періодъ. Для русскаго населенія *Самарканда*, содержащаго въ своемъ убогомъ хозяйствѣ коровъ съ тою же небрежностью, какъ и туземцы, затрата на пастбу въ теченіи лѣта обходится 4 рубля съ коровы, единственно по неумѣнію освободиться отъ эксплуатаціи, сказывающейся также и на животныхъ, оставляемыхъ пастухами на самыхъ неудобныхъ, ближайшихъ къ городу мѣстахъ. Наши хозяйки, почивающіе обыкновенно до восьми часовъ и гораздо позже, нисколько не озабочиваются выпускать коровъ со двора раннимъ утромъ и совершенно также покойны увѣренностью, что бѣдныя животныя бѣгутъ къ семи часамъ съ поля сытыя. Неудивительно, что мы и платимся за нашу неумѣлость хозяйничать безсильнымъ протестомъ мясникамъ, продающимъ намъ по 2 р. 40 к. за пудъ мясо отъ старыхъ, тощихъ, негодныхъ уже къ работѣ быковъ. Небрежность такъ всесильна, что русское населеніе не можетъ бороться съ туземными мясниками, даже такимъ простымъ и обязательнымъ казалось бы средствомъ, какъ освидѣтельствованіе всякій разъ скота, отправляемаго на бойни. Мясники благодушествуютъ, конечно, заработывая огромные барыши поставкою мяса въ войска и городскому люду. Чтобы наше заключеніе не показалось голословнымъ, даемъ читателямъ слѣдующій, вполнѣ достовѣрный, точный разсчетъ: съ быка, стоимостью мяснику 10 рублей, получается въ продажѣ мяса 11 пудовъ—26 р., голова и внутренности (ичкома) — 1 р., шкура—4 р., всего — 31 р. или чистой выручки, за вычетомъ 1 р. расхода, 20 рублей съ одной штуки.

степной киргизскій и горный скотъ начнетъ улучшаться въ своихъ качествахъ, а скотъ долины Зеравшана все же останется тѣмъ же жалкимъ скотомъ, какимъ мы видимъ его теперь.

Отложимъ, слѣдовательно, нашу щедрую платоническую заботливость объ улучшеніи того, что не поддается улучшенію по условіямъ природы, и ограничимся спокойнымъ созерцаніемъ примѣненія циркуляровъ къ поддержанію чистоты въ мясныхъ лавочкахъ, гдѣ правила практикуются пока очень и очень невзрачно, наводя на размышленіе по вопросамъ: что полезнѣе— оставлять мясо преждевременно разлагаться подъ грязнымъ сартовскимъ халатомъ, который нисколько не защищаетъ отъ мухъ и пыли, или же держать его по-прежнему открытымъ для провѣтриванія. Если мы желаемъ послѣдовательности и настойчивости въ проведеніи для туземцевъ разныхъ заботливыхъ мѣръ, ласкающихъ нашъ глазъ, такіе вопросы далеко не лишніе, и мы намѣтили ихъ, чтобы закончить съ рогатымъ скотомъ и побесѣдовать затѣмъ о другихъ домашнихъ животныхъ.

Ни одна отрасль скотоводческой промышленности не сосредоточиваетъ на себѣ столько относительнаго вниманія, столько заботъ и труда, какъ *овцеводство*. Можно сказать, что это единственный видъ промышленности, заставляющій предпринимателей напрягать все вниманіе и стараніе къ удержанію его на той степени развитія, съ которой только и возможно полученіе значительныхъ прибылей, какими въ дѣйствительности и пользуются изучившіе это дѣло туземцы. Для Зеравшанской долины это именно та промышленность, на которой совершаются самые большіе обороты (Ургутъ, Магіянъ, Кштутъ), для туземцевъ долины это—самое оживляющее, ажіотирующее занятіе, такъ какъ оно обогащаетъ старательныхъ и совершенно сразу разоряетъ начинающихъ безъ подготовки и мало заботливыхъ. Примѣровъ сдѣланному опредѣленію мы приводить не станемъ, но скажемъ, что нашему наблюденію не мало представлялось фактовъ быстраго обогащенія въ два-три года, не мало представлялось и случаевъ совершеннаго разоренія въ

одну суровую зиму, когда непредусмотрительность того или другого хозяина-промышленника оставляла этотъ скотъ въ степи, такъ-сказать, на авось, въ надеждѣ на милость Божію.

Такъ какъ наши цифры, имѣющіяся въ виду для общей сводки, въ концѣ статьи, данныхъ о скотоводствѣ, касаются только Самаркандскаго отдѣла,—объ Ургутѣ же съ Магіяномъ и Кштутомъ, административнаго нагорнаго раіона, упоминается вскользь,—то мы и не можемъ дать здѣсь подтверждающаго вышесказанное цифроваго вывода для всего Зеравшанскаго округа; но должно сослаться на таблицу въ „Туркестанскомъ Ежегодникѣ“ за 1879 годъ, въ которой годовой доходъ овцеводствъ одного Ургута вычисленъ въ 7000 рублей. Полагаемъ, на основаніи тщательнаго изученія нами этого дѣла, что приведенная цифра нисколько не преувеличена, и что на долю каждаго ургутскаго овцевода приходится среднимъ около 3000 рублей чистаго дохода, а это для туземца считается значительнымъ заработкомъ. Размѣръ оборотовъ этой промышленности въ нагорномъ раіонѣ для насъ еще точнѣе уяснится, если скажемъ, что взятая изъ „Ежегодника“ цифра, какъ намъ извѣстно, относится къ тому году, когда, вслѣдствіе разныхъ причинъ, четыре большихъ промышленника-туземца потеряли значительную часть своего огромнаго состоянія, приносившаго имъ отъ овцеводства до 1000 р. годового дохода.

Если сдѣланное въ началѣ этой замѣтки опредѣленіе представитъ для кого-нибудь вопросъ: что сдѣлано туземцами для усовершенствованія овцеводства, то намъ придется отвѣтить, что сдѣлано ими то, что позволяла сдѣлать природа со своими скудными климатическими и физическими условіями вообще. Въ самомъ дѣлѣ, слышать упрекъ туземцамъ, почему они держатъ исключительно киргизскую-курдючную овцу, а не какую-нибудь мериносовую, электораль или негрети, было бы такъ же странно, какъ и услышать удивленіе, почему въ Иркутскѣ не существуетъ шелководства. Мы этимъ высказали достаточно, чтобы увѣрить сомнѣвающихся, что въ здѣшнемъ краѣ единственно возможны породы овецъ киргизская-курдючная и ка-

ракульская (арабская коротко-хвостая), не существующая, впрочемъ, въ Самаркандскомъ отдѣлѣ. Обѣ эти породы овецъ прекрасно выносятъ климатъ, довольствуются скуднымъ въ зимнее время подножнымъ кормомъ, чрезвычайно быстро откармливаются въ теченіи лѣта и даютъ такіе продукты, которые покрываютъ всѣ потребности мѣстнаго населенія, удовлетворяютъ и широкому спросу ближайшаго запада на каракульскую мерлушку. Надо желать, слѣдовательно, чтобы здѣсь держались именно эти двѣ породы овецъ, дающія такія разнообразныя произведенія: шубы, войлокъ, шерстяныя ткани, мѣшки, арканы и продукты: мясо, сало, молоко и хорошее удобреніе для полей. Мы именно желаемъ здѣшнему овцеводству полнѣйшаго status quo, оцѣнивая и условія совершенной невозможности ввести сюда южно-европейскія породы овецъ, и ту громадную пользу, которая поддерживаетъ жизненное и матеріальное существованіе всего средне-азіатскаго люда, не напрасно воздающаго щедрыя жертвоприношенія баранами, а не другими домашними животными, какъ ошибочно было декорировано на „могилѣ самаркандскаго воина“ (московская антропологическая выставка въ 1879 г.): съ неправильнымъ толкованіемъ, что „лошадиная голова выставляется (никогда не выставляется, смѣемъ увѣрить) какъ эмблема обозначенія, что лошадь — неразлучный спутникъ войны“.

Занимаясь изслѣдованіемъ современнаго состоянія овцеводства только лишь въ Самаркандскомъ отдѣлѣ, намъ и не придется говорить съ подробностями о породѣ овецъ каракульской, существующей въ южной части Зеравшанскаго округа и въ Бухарскихъ бекствахъ; но мы отмѣтимъ, что эта овца дастъ только мерлушку барашковъ и вообще несравненно менѣе продуктивна, несравненно менѣе распространена въ одномъ и томъ же оазисѣ, чѣмъ овца курдючная. Область наибольшаго распространенія въ Самаркандскомъ отдѣлѣ этой послѣдней породы — подгорныя окраины отдѣла, представляющія условія, необходимыя для овецъ: сухія, возвышенныя пастбища, покрытыя нѣжными злаками и клеверными породами, перемѣшанными, какъ въ горахъ, съ тысячелистникомъ, тминомъ и другими обильными разнообразіемъ пахучими породами. Въ островной, центральной части отдѣла, занятой высокоинтенсивнымъ землепашествомъ, овцеводства совершенно не существуетъ, такъ какъ для него нѣтъ здѣсь и мѣста среди густой обработки, нѣтъ и необходимыхъ условій, соотвѣтствующихъ пастбищъ. Однако и здѣсь можно встрѣтить въ каждомъ почти селеніи одного-двухъ промышленниковъ, откармливающихъ десятокъ-другой барановъ только въ зимнее время, для продажи на мясо въ ближайшихъ базарныхъ пунктахъ. Но мы не станемъ принимать въ разсчетъ этихъ единичныхъ исключеній, а поговоримъ подробнѣе о характерѣ и размѣрѣ промышленности овцеводства у туземцевъ окраинъ, гдѣ промышленность эта составляетъ занятіе преобладающее во всемъ надъ остальными отраслями сельско-хозяйственнаго труда. Такъ какъ промышленность овцеводства выражается здѣсь въ болѣе или менѣе постоянномъ содержаніи гуртовъ овецъ для полученія приплода и продуктовъ, въ откармливаніи барановъ (бурдаки) для рѣзниковъ, то по тѣсной связи ея кромѣ того съ промышленностью торговли, составляющей всю сущность этого дѣла, намъ приходится начать ознакомленіемъ интересующихся съ ходомъ этой послѣдней операціи.

Съ давнихъ временъ, населеніе Зеравшанской долины включительно до Бухары, поддерживая болѣе частыя отношенія съ кочевымъ населеніемъ при-аму-дарьинскимъ, чѣмъ присыръ-дарьинскимъ, ведетъ съ нимъ дѣятельную торговлю сбытомъ произведеній обрабатывающей промышленности (шелковыя, бумажныя ткани, обувь, шубы) и пріобрѣтеніемъ, въ свою очередь, скота. Наибольшимъ вниманіемъ скотопромышленниковъ пользуются, какъ замѣтно, подгорныя восточнѣе мѣстности лѣваго берега Аму-дарьи бекства: *Кундузъ*, *Хулмъ*, *Рустекъ* въ Афганскомъ Туркестанѣ (Чаръ-вилайетъ), гдѣ, по общему мнѣнію, у кочевниковъ-котагановъ существуютъ лучшія породы и мелкаго и крупнаго скота.

Отправивъ чрезъ приказчиковъ изъ Бухары красный то-

варъ, алачу и бязь (мата) съ верблюжниками (тюячи), которые приходятъ обыкновенно въ Кундузъ чрезъ Келифъ на восьмнадцатый день, скотопромышленники выѣзжаютъ въ январѣ мѣсяцѣ сами, имѣя ночлеги попутные въ слѣдующихъ пунктахъ: Шахрисябзъ, Гузаръ, Чашма-Хофизонъ, Сайрабъ, Ширъ-абадъ, Шуръ-базаръ, Талли-каршіянъ, Мазари-шерифъ, Ташкурганъ, колодцы-Чули-Урта Аудокъ, и на одиннадцатый день въ *Кундузъ*. Оставаясь въ Кундузскомъ бекствѣ до половины марта мѣсяца, бараноскупщики вступаютъ въ сдѣлки съ туземцами, обмѣнивая товаръ и прибавляя нѣкоторую долю бухарскаго серебра, пріобрѣтаемаго размѣномъ сарафовъ (мѣнялъ) исключительно на русскіе полуимперіалы. Пріобрѣтаемые такимъ образомъ бараны-самцы обходятся на мѣстѣ, четырехлѣтки—3 р. 20 к., а двухлѣтки—(туклы) по 1 р. 80 к. Распредѣливъ все количество барановъ по 1000 штукъ въ каждый гуртъ, въ концѣ марта гонятъ ихъ въ Ургутскія и Каратюбинскія горы такимъ путемъ: изъ Кундуза въ Бошъ-ивдонъ (сардоба, цистерна), Урта-овдонъ (сардоба), Янги-арыкъ (арычная вода), Ташкурганъ, Ханабатъ (арыкъ), Мазари-шерифъ, Карадужуль (арыкъ), Каракумъ (пески безъ воды), Келифъ (переправа на Аму) и далѣе семь дней степью съ резервуарами снѣжныхъ стоковъ (силява) до Карши чрезъ Кеникъ-типе. Дѣлая въ сутки отъ 16 до 24 верстъ, весь этотъ путь гуртъ проходитъ подъ наблюденіемъ 3-хъ пастуховъ въ 26 дней. Запаздывающіе выступленіемъ изъ Кундуза гонятъ гурты не каршинской степью, а чрезъ Ширабатъ, Чашма-хофизанъ, Сайрабъ, Карахаваль, Кальта-миноръ, Гузаръ, Чиракчи, Джамъ. Этотъ путь хотя и ближе, но имъ стараются не пользоваться, потому что онъ значительно каменистый и, кромѣ хромоты, бараны заболѣваютъ кашлемъ (упка), карауначомъ и самой губительной болѣзнью—учмой. По приходѣ въ ургутскія горы (Зеравшанскій хребетъ), всѣхъ барановъ отдаютъ въ стрижку особымъ стригачамъ (кыркичи), получающимъ за $1^1/_2$ дня работы 80 коп. со 100 штукъ. Въ эту весеннюю (умокъ) стрижку получаемая шерсть съ 40 барановъ 60 фун.=4 р. связывается, подвѣшивается и служитъ для приготовленія каповъ (мѣшки), куржумовъ (переметныя сумы), попонъ, аркановъ, чекменей (зимнихъ халатовъ). Вторая лѣтняя стрижка (кузь) даетъ шерсти въ половину менѣе и притомъ низшихъ качествъ, для приготовленія кошмы (войлокъ).

Покончивъ первую стрижку, хозяева сами распредѣляютъ въ горахъ всѣхъ своихъ барановъ въ гурты, по 500 штукъ (сурукъ) въ каждомъ, что считается необходимымъ для правильной пастбы. Къ каждому такому суруку назначается старшій пастухъ, съ жалованьемъ 20 руб. за четыре мѣсяца, и подпастухъ — на 10 руб. Бараны остаются въ горахъ до 1 іюля, получая для болѣе скораго прокормленія по *одному* пуду соли въ недѣлю на 500 штукъ. Въ началѣ августа, хозяинъ снова отправляется въ горы, выдѣляетъ изъ каждаго сурука худыхъ, не откормившихся слабыхъ барановъ и, оставляя этихъ еще на поправку, всѣхъ остальныхъ гонитъ въ Бухару чрезъ Хазретъ-ша, Катта-курганъ, Сары-булакъ, Миръ-тогай-рабатъ, въ Читъ-арыкъ (12 верстъ отъ Бухары), всего 9 дней пути. Въ Бухарѣ промышленники входятъ въ сдѣлки съ капиталистами мясниками (кассапъ), которые и расплачиваются, обыкновенно чрезъ 15 дней, передавая скупленныхъ барановъ джалофамъ (барышникамъ), распродающимъ по базарамъ. Закупивъ на наличныя и отчасти шестимѣсячнымъ кредитомъ краску (ниль), ситцы, адрясъ, тикъ, бараноторговцы возвращаются домой, чтобы весной слѣдующаго года снова приняться за то же выгодное дѣло.

Бухара, съѣдающая, какъ говорятъ, каждодневно до 6000 барановъ, служитъ такимъ образомъ главнымъ скотопригоннымъ рынкомъ въ Зеравшанскомъ оазисѣ, получающимъ также не малую массу барановъ и съ береговъ Сыръ-дарьи.

Въ Зеравшанскомъ округѣ дѣло этой промышленности стоитъ довольно твердо, поддерживая въ значительной мѣрѣ благосостояніе не только одиночныхъ городскихъ капиталистовъ, но и сельскаго населенія. По условіямъ выполненія

всей этой промышленной операціи, каждый почти капиталистъ-предприниматель ведетъ дѣло не одинъ, а въ компаніи съ сельскими узбеками-скотоводами (гумашта), которые, принимая на себя всѣ заботы и расходы по откормленію хозяйскихъ барановъ и совмѣстной продажѣ ихъ, получаетъ $^1/_3$ чистой пользы по объявленной заранѣе хозяиномъ цѣнѣ стоимости каждаго барана въ покупкѣ.

Съ баранами, выдѣленными предъ угономъ въ Бухару, распоряжаются такъ: окончательно слабыхъ гонятъ на зиму въ джизакскую степь, а достаточно поправившихся въ теченіи лѣта назначаютъ для откорма въ зимнихъ загонахъ. Для этого, подкармливая этихъ барановъ, ранней осенью, по пригонѣ изъ горъ, въ садахъ, рощицахъ (чекалокъ), на поляхъ хлѣбныхъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ отдѣляютъ по 40 шт. въ каждый просторный крытый загонъ (агыхъ-хана) съ устроенными глиняными яслями (ахуръ). Остригши предварительно всѣхъ барановъ, назначенныхъ къ откормленію (бордокъ), получивъ съ 40 штукъ $1^1/_2$ пуда шерсти, ихъ запираютъ въ такой теплый загонъ на четыре зимнихъ мѣсяца, подъ наблюденіемъ одного человѣка, обязанность котораго не малая. Съ утра и до утра баранамъ-бордокамъ приходится подкладывать безъ перерывовъ сѣчку изъ клевера, въ полдень—головки обмолоченнаго льна (тупонъ), къ вечеру $2^1/_2$ фунта на каждаго барана ячменя, а на ночь снова тупонъ и клеверную сѣчку. При этомъ ставятся въ одномъ углу агылъ-ханы корыто съ водою, въ другомъ—корыто съ солью, никогда совершенно не опоражнивающееся сколько бы бараны ни пожирали. Всю ночь въ овчарнѣ горитъ свѣча и караульщикъ остается въ ней неотлучно.

Такъ откармливаютъ бордоковъ съ сентября по февраль мѣсяцъ, расходуя на 40 барановъ слѣдующее количество корма: ячменя 300 пудовъ—126 руб., льняныхъ головокъ-тупанъ съ саманомъ 240 мѣшковъ — 120 р., 1000 сноповъ клевера (180 пуд.) — 26 р., соли 4 пуд. — 1 р., свѣтильное масло 3 пуда — 12 р., работнику 25 рублей и кромѣ того 1 чекмень, 1 рубаха со штанами (5 р.) и хозяйское продовольствіе. Покупая обыкновенныхъ четырехлѣтокъ (чоры) съ живымъ вѣсомъ 130 фунт., за 5 руб., чрезъ 6 мѣсяцевъ нагула и содержанія въ овчарнѣ получаютъ огромныхъ барановъ (бурдоки) роста 1 ф. 2 вершка, при живомъ вѣсѣ 220 фунтовъ.

Такіе откормленные бараны даютъ наименьшее: мяса 80 ф. и сала 80 фун. и продаются мясникамъ по 20 руб. за штуку, т.-е. при расходѣ въ 13 руб., на каждомъ баранѣ, купленномъ на мѣстѣ безъ прогона, получается 7 руб. чистой прибыли, которою туземцы вполнѣ довольствуются. Однако бываютъ года, когда бурдоки продаются и по 26 рублей за штуку.

По нашимъ приблизительнымъ свѣдѣніямъ, всего въ Зеравшанскомъ округѣ каждогодно откармливается городскими и сельскими туземцами до шести тысячъ барановъ-бурдокъ на капиталъ затраты 78000 рублей, на сумму чистой прибыли 42000 руб. Затѣмъ для насъ интересно будетъ также подвести хотя приблизительный итогъ годовымъ оборотамъ баранотворцевъ, прибыли которыхъ могутъ быть уяснены подробнымъ и точнымъ перечисленіемъ всѣхъ издержекъ, вызываемыхъ этой промышленностью. Издержки по этой операціи распадаются на четыре отдѣла: а) стоимость пріобрѣтенія барановъ въ Кундузѣ; б) издержки прослѣдованія въ Зеравшанскія горы, в) издержки прослѣдованія въ Бухару для продажи; г) расходы найма пастуховъ, довольствія ихъ и барановъ, а также расходы личные хозяина. Мы попытаемся сдѣлать все вычисленіе по точнымъ даннымъ для каждый *тысячи барановъ* и перечислимъ сначала путевые расходы, такъ какъ они дѣйствуютъ въ афганскихъ и бухарскихъ владѣніяхъ изъ года въ годъ: зякетъ въ *Кундузѣ* 60 р., баджъ въ Ташкурганѣ 24 р., баджъ въ Мазари-шерифѣ 22 р. 40 к., за переправу чрезъ Аму 20 р. 60 к., зякетъ въ Гузарѣ-бухарскомъ 62 руб., аминь-она (вознагражденіе аксакалу) въ Чиракчи 5 р., всего по этой рубрикѣ 194 руб. + 20 рублей непредвидѣнно-случайныхъ расходовъ. При отправленіи затѣмъ чрезъ нѣсколько

мѣсяцевъ въ Бухару, заплатившіе пошлину въ Гузарѣ хотя и не платятъ зякета вступая въ Бухарскія владѣнія, но все же несутъ слѣдующій неизбѣжный расходъ: подарокъ пастухамъ—5 р., обычное подношеніе (сурукъ) бухарскому зякетчію два барана—10 руб., аминь-она—12 р., расходы личные и на посредниковъ-маклеровъ (долляль) 60 руб., всего 87 р. + 15 р. непредвидѣнныхъ. Далѣе слѣдуетъ назвать расходы, такъ-сказать, внутренніе или путевые. Нанимая на 1000 барановъ трехъ пастуховъ отъ *Кундуза* до *Уратта*, на нихъ расходуютъ: жалованье—45 руб., 3 чекменя—8 р., 3 рубахи со штанами—3 р. 60 к., 3 пары чорики (сапоги)—4 р. 80 к., носовой-жвачный табакъ—1 р., по 10 фунтовъ муки въ день—8 р. 60 к., а всего на трехъ съ собаками—71 р.

Остаются трехмѣсячные расходы прокормленія барановъ пастбою: въ горахъ 4 пастуха получаютъ—60 р., 4 чекменя—10 р., 4 рубахи—5 р., 4 ичеговъ—6 р., 4 кожаныхъ штановъ—6 р., 5 пудовъ муки—22 р., табакъ—3 р., за 2 пуда соли въ недѣлю для барановъ—6 р., на 3 мѣсяца, а всего 118 р.; общая сумма расходовъ путевыхъ и содержанія = 500 р.

Принявъ въ разсчетъ, что 100 р., вырученные за шерсть, должны покрыть утрату отъ падежа барановъ и уничтоженія волками (на 1000 шт. нормальная утрата 30 шт.), беремъ для вычисленія прибылей цѣну продажи барановъ въ Бухарѣ среднимъ по 6 р. за штуку, а всего 6000 р. за 1000 барановъ. Вычитая изъ этой суммы затрату въ 4000 р. на покупку барановъ и 500 р. на расходы, предпринимателю остается 1500 рублей чистой прибыли за 6 мѣсяцевъ, что составитъ 24% на затраченный капиталъ.

Для полноты этого очерка о скотоводствѣ, мы должны сказать еще, что кромѣ того количества овецъ и барановъ, которое нами будетъ показано цифрами въ концѣ этого очерка, постоянно почти имѣющимися въ хозяйствѣ туземцевъ [1],—

[1]) Не останавливаясь въ этомъ очеркѣ изложеніемъ подробностей о скотоводствѣ разведеніемъ *козъ*, скажемъ все же, что мелкая порода этихъ животныхъ,

кромѣ каждогоднаго обращенія въ продажѣ до 60 тыс. штукъ этого скота по всему Зеравшанскому округу,—чрезъ горы Зеравшана проходитъ въ Самаркандъ и далѣе въ Бухару и Ташкентъ не менѣе 100 тыс. барановъ, принадлежащихъ собственно бухарскимъ подданнымъ, ведущимъ торговлю эту съ оазисомъ Сыръ-дарьи, въ обмѣнъ на разные товары.

Вся эта масса облагалась до 1874 года государственной пошлиной зякета, которая была признана затѣмъ неудобною и окончательно повсюдно отмѣнена съ введеніемъ въ дѣйствіе общаго торговаго положенія. Такая же значительная масса скота вообще, какъ крупнаго, такъ и мелкаго, прежде облагалась еще и базарной пошлиной, дававшей фондъ городскимъ доходамъ, которые пополняются [1]) теперь единственно процентнымъ уравнительнымъ обложеніемъ вѣсовой пошлиною всѣхъ продуктовъ земледѣльческаго хозяйства.

Такимъ образомъ, стремясь повидимому къ развитію и поддержанію въ краѣ земледѣльческой культуры, прикрѣпляющей населеніе къ осѣдлости, мы практикуемъ такія фискальныя положенія, которыя представляются поощряющими также и скотоводство, не обложенное, какъ земледѣліе, государственными податями, составляющими въ общей суммѣ по Самаркандскому отдѣлу 366,572 р. годовыхъ съ 350,000 танаповъ ирригаціонной, неизмѣренной впрочемъ земли.

Послѣ сдѣланныхъ въ предыдущей статьѣ выводовъ о значеніи для Зеравшанской долины овцеводства, какъ промышленности, охватывающей милліонные годовые обороты, какъ такой торгово-сельско-хозяйственной и теперь, въ сосѣднихъ бухарскихъ владѣніяхъ, сотни тысячъ—*саваимъ зякетной* пошлины, намъ остается сообщить здѣсь подробныя свѣдѣнія объ овцѣ *каракульской*, снабжающей почти всю Европу и Персію пре-

будучи особенно распространена въ горахъ верхняго Зеравшана (Фарабъ, Магіянъ, Кштутъ, Фальгаръ, Фанъ, Матча, Ягнобъ) и немного въ долинѣ, даетъ прекрасный пухъ (тибытъ) для лучшихъ тканей и шерсть (джюны) для арканов.

[1]) Въ 1880 году арендныя вѣковыя пошлины съ 20 базарныхъ пунктовъ приносятъ 45000 руб. городского дохода.

восходной черной и сѣрой мерлушкой, имѣющей огромное примѣненіе для различныхъ зимнихъ костюмовъ.

Обѣщаемыя подробности объ этомъ овцеводствѣ, собранныя нами въ Бухарѣ, будутъ нелишними полагаемъ также и потому, что при очевидной выгодности этой промышленности, многимъ, какъ намъ приходилось слышать, представляется возможнымъ перенести ее изъ бухарскихъ степей въ другія степныя мѣстности не только Туркестана, но даже южной Россіи.

Чтобы судить, въ какой степени практичны такія попытки, выразившіяся уже кое-гдѣ совѣтами недовѣрчивымъ туземцамъ, требуется прежде всего познакомиться въ точности съ физическими особенностями тѣхъ мѣстностей въ Бухарскомъ ханствѣ, гдѣ издавна пріютилась промышленность каракульскаго овцеводства, требуется изучить въ точности пріемы этого овцеводства и условія самой промышленности: обработки мерлушки и сбыта ея.

При такой программѣ этого очерка мы не станемъ доискиваться, хотя было бы нелишнее, точныхъ разъясненій о томъ, когда началось каракульское овцеводство въ долинѣ Зеравшана, такъ какъ вопросу не отвѣчаютъ ни письменныя источники, ни тѣмъ болѣе разсказы мѣстныхъ туземцевъ, отъ которыхъ только и приходилось слышать, что занятіе это перешло къ нимъ отъ дѣдовъ (ата-бабаданъ-калганъ); на вопросъ, а откуда впервые доставлены овцы этой мало распространенной породы,— каждый отвѣчалъ незнаніемъ или же весьма вѣроятною догадкою, что арабы привели барановъ изъ степей „Арабистана“.

Какъ бы ни было, но мы отмѣчаемъ тотъ фактъ, имѣющій отношеніе къ поставленному вопросу, что овцеводствомъ каракульскимъ занимаются преимущественно арабы, которые, утративъ уже и родовую рѣчь, и обычаи, а удержавъ только свой характерный типъ, считаются, съ полнѣйшею основательностью, потомками первыхъ арабовъ, распространителей въ Азіи религіи Магомета, вторгнувшихся въ 666 году чрезъ Мервъ въ Балхъ и въ Бухару.

Арабы долины Зеравшана, почти слившіеся теперь съ

преобладающей массой охватывающаго ихъ населенія узбекскаго или таджикскаго, хотя и разбросаны спорадически по всей долинѣ, гдѣ мѣстами (Самаркандскій отдѣлъ) они живутъ отдѣльными селеніями, но овцеводствомъ занимаются не вездѣ, какъ бы подчиняясь мѣстнымъ условіямъ, разграничившимъ занятія населенія сообразно количеству орошенія, свойствамъ почвы, количеству степного пространства и характеру климата.

Несомнѣнно, что лишь подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ, несмотря на всю несложность пріемовъ, несмотря на значительную выгодность, каракульское овцеводство, съ очень давнихъ временъ, ограничивается весьма небольшимъ раіономъ въ Бухарскомъ ханствѣ, тюменемъ *Каракуль*, въ пятидесяти верстахъ на юго-западъ отъ Бухары, слабо орошенномъ водою теряющагося здѣсь Зеравшана.

Впервые, вѣроятно, возникнувъ въ этомъ обильномъ озерами раіонѣ, получивъ отъ него и названіе, каракульское овцеводство дальше и не распространялось, если не считать десятка такихъ же овцеводовъ-арабовъ, промышляющихъ въ сосѣднихъ съ каракульскимъ тюменемъ кишлакахъ Катта-курганскаго отдѣла.

Существуютъ, слѣдовательно, въ растительной природѣ и въ климатѣ описаннаго раіона такія, не встрѣчающіяся въ другихъ степяхъ, особенности, которыми въ значительной степени и обусловливается эта скотоводческая промышленность.

Въ какой мѣрѣ справедливъ этотъ выводъ, основанный только въ подмѣченной замкнутости промышленности каракульскаго овцеводства, предоставляемъ судить спеціалистамъ,—мы же ограничимся здѣсь сообщеніемъ общихъ свѣдѣній объ этомъ овцеводствѣ.

Пояснивъ выше, что не всѣ арабы Зеравшанской долины занимаются овцеводствомъ, мы должны отмѣтить также, что у арабовъ каракульскихъ и отчасти каршинскихъ этотъ видъ скотоводства составляетъ занятіе спеціальное, господствующее, по затратѣ труда, времени и средствъ, надъ остальными—земледѣліемъ, торговлею, ремеслами.

Овцеводы-каракульцы ведутъ полукочевой образъ жизни, проводя бо́льшую часть года, съ марта мѣсяца, въ степи на пастбѣ барановъ, и только въ зимніе мѣсяцы зажиточные промышленники укрываются съ своими семействами въ кишлакахъ, оставляя барановъ въ степи, подъ наблюденіемъ надежныхъ пастуховъ.

Пастбищами барановъ каракульской породы служитъ въ Зеравшанской долинѣ *Урта-чуль*, срединная степь, замыкающаяся на югѣ Бухарою, на востокѣ Карши, на сѣверѣ селеніемъ Джамъ, на западѣ обработаннымъ побережьемъ Зеравшана.

Все это огромное степное пространство, въ 2500 квадратныхъ верстъ приблизительно, съ давнихъ временъ остается въ личномъ владѣніи скотопромышленниковъ, получившихъ потомственное право на опредѣленные участки — одни путемъ наслѣдства, нѣкоторые куплей.

Степные участки носятъ названія или по именамъ бывшихъ владѣльцевъ (Дашты-Фарменъ, Дашты-Ніязъ, Дашты-Курванъ) или же по колодцамъ, существующимъ на нихъ (Дультали-кудукъ, Ярмочи, Карлыкъ-Чуби, Аширъ-Кари). Величина участковъ различна—отъ пяти и до ста десятинъ.

Количество всѣхъ такихъ выгоновъ въ Урта-чулѣ съ самостоятельными хозяевами намъ не удалось узнать, но общее число постоянно пасущихся на нихъ каракульскихъ барановъ опредѣляютъ въ четыреста тысячъ.

При отсутствіи въ этой степи искусственнаго орошенія, каждый почти значительный участокъ имѣетъ колодецъ. Весьма немногіе колодцы западной части Урта-чуля съ прѣсной водою, въ остальныхъ—солоноватая вода, при глубинѣ колодцевъ отъ пяти аршинъ до четырехъ сажень. Владѣльцы участковъ, не имѣющіе колодцевъ своихъ, пользуются водопоемъ у сосѣдей по соглашенію и всегда безвозмездно.

Нѣкоторые участки выгона отдаются хозяевами за плату, полностью или же частями въ эксплуатацію нуждающимся. Размѣръ аренды отъ 20 до 200 рублей, сообразно величинѣ выгона и количеству колодцевъ на немъ.

Не зная совершенно флоры этой Урта-чуль, отмѣчаю со словъ туземцевъ слѣдующія названія травъ, встрѣчающихся на ней: хиччи, тарабузь, чукчи, илякъ, испанокъ (весеннія); шувакъ, чакичь, донашуръ, хоръ-динданъ (осеннія).

Пастба барановъ въ названной степи продолжается круглый годъ и зимою, отчего, при несуществованіи вообще у туземцевъ заготовленій корма для мелкихъ домашнихъ животныхъ, пасущихся въ степи, въ холодныя и многоснѣжныя зимы бываетъ значительный падежъ барановъ отъ снѣжныхъ бурановъ и, главное, отъ безкормицы (джутъ).

По невозможности держать каракульскихъ овецъ въ горахъ, какъ то практикуется съ другими породами барановъ (зигды, курдючные), многіе хозяева пасутъ ихъ въ лѣтніе мѣсяцы на поляхъ, кончившихъ уборку хлѣба.

Распредѣляя съ весны барановъ въ стада (суркна), по 500 штукъ въ каждомъ, при двухъ пастухахъ (чупанъ), скотопромышленники несутъ личныя, активныя заботы только во второй половинѣ февраля, когда получается приплодъ; зимою же стада ввѣряются пастухамъ, которые составляютъ обыкновенно артели, устраиваютъ при колодцахъ загоны (котанъ) съ полуаршинной глиняной стѣнкой для каждаго сурка, и, выгоняя стада на пастбу въ солнечные дни, оставляютъ ихъ въ загонѣ при малѣйшихъ признакахъ ожиданія бурана. Собирая барановъ на ночь, тщательно разравниваютъ въ зимніе мѣсяцы навозъ въ загонахъ, чтобы животныя не поморозились.

Невзыскательные къ удобствамъ пастухи устраиваются обыкновенно съ своими караульщиками-собаками въ самомъ загонѣ, укрываясь отъ холода шалашемъ изъ полевого хвороста (хасъ), да выдаваемой хозяйской кошмой. За годовой трудъ старшій чупанъ получаетъ 20 рублей, младшій (водоноситель, объ-кошъ)—10 рублей, да шапку, сапоги, калоши, двѣ рубахи, штаны и халатъ. При каждомъ суркнѣ обязательно полагаются двѣ собаки и два ишака для возки провизіи. На каждаго пастуха, кромѣ жалованья, отпускается въ мѣсяцъ 2 пуда

муки и 1 фунтъ соли; собакамъ полагается 1 пудъ муки, а ишаку 2 пуда ячменя или джугары ежемѣсячно.

При хорошемъ досмотрѣ, убыль барановъ отъ волковъ совершенно не бываетъ, а эпизоотія здѣсь совсѣмъ неизвѣстна.

Кромѣ исчисленнаго расхода на содержаніе пастуховъ, овцеводы несутъ еще незначительный расходъ на *соль* для барановъ, которую даютъ въ кускахъ (минеральная каршинская соль, по 20 к. за пудъ) въ неограниченномъ количествѣ только въ теченіи одного мѣсяца, ранней весной, когда появится молодая травка; зимою же соль вовсе не выдается.

Утверждаютъ, что бараны, не получающіе весною должнаго количества соли, плохо откармливаются, безпокойно кричатъ, избѣгая пастбы, пока не найдутъ солончаковистыхъ котловинъ, встрѣчающихся въ каршинской степи, какъ остатки прежнихъ озеръ.

Не забудемъ также отмѣтить, что заботливые хозяева откармливаютъ исхудалыхъ зимою барановъ въ теченіе февраля мѣсяца ячменемъ, выдавая по $1^1/_4$ фунта на каждаго барана ежедневно. Въ лѣтніе мѣсяцы барановъ гонятъ къ водопою каждодневно, а въ зимніе чрезъ 2—3 дня.

Съ началомъ весны открывается дѣятельность овцеводовъ и скупщиковъ мерлушки. Въ февралѣ мѣсяцѣ, когда появляется приплодъ, всѣ хозяева собираются поближе къ своимъ стадамъ и управляются съ дѣломъ при помощи своего семейства или же только съ рабочими. Дѣло, впрочемъ, и несложное: оно состоитъ въ томъ, что изъ новорожденныхъ барановъ (козы-бара) оставляютъ на приплодъ всѣхъ самокъ (угречи), самцовъ же (иркекъ) рѣжутъ или въ тотъ же день, или же черезъ 3—4 дня, если барашекъ слишкомъ хилый.

Оставленныя молодыя самки (бора) ходятъ, получая молоко, масло и крутъ, а подростающіе затѣмъ однолѣтки (шишакъ) соединяются въ сурки, получая на каждое стадо въ 500 шт. *восемь* взрослыхъ самцовъ (кошкаръ), которые, послѣ нѣкотораго соревнованія съ боемъ, распредѣляютъ себѣ подругъ такъ, что на каждаго приходится 63 штуки.

Обыкновенно, хорошо выходившіяся лѣтомъ токлы даютъ первый приплодъ на второмъ (чары) году, то-есть въ возрастѣ восемнадцати мѣсяцевъ. Объ этомъ крайне заботятся овцеводы, такъ какъ здѣшняя овца, въ періодъ своей жизни, приноситъ отъ пяти до семи ягнятъ, а на восьмомъ году, потерявъ уже зубы, матки (кой) продаются мясникамъ, не дороже обыкновенно одного рубля за штуку, потому что мясо ихъ невкусно и даже считается вреднымъ. При мелкомъ ростѣ каракульской овцы она даетъ мяса всего одинъ пудъ и сала отъ лепешкообразнаго курдюка съ коротенькимъ хвостомъ получается только 10 фунтовъ. Весьма незначительное же количество мяса новорожденныхъ самцовъ поѣдается хозяевами-пастухами, и продается тѣми промышленниками, которые имѣютъ стада на окраинѣ степи, ближайшей къ большимъ осѣдлостямъ.

Самокъ стригутъ, когда имъ исполнится пять мѣсяцевъ. Въ двѣ стрижки, въ первой половинѣ апрѣля и во второй половинѣ августа, каждая каракульская овца даетъ 5 фунтовъ шерсти.

Молочные овечьи скопы сбываются приготовленіемъ изъ нихъ масла, а шерсть скупается по 1 руб. 40 коп. за 20 фунтовъ (дунуменри) узбеками, выдѣлывающими паласы (полуковры) изъ шерсти весенней стрижки и кошмы (войлокъ) изъ шерсти осенней стрижки [1]).

Исполнивъ свое дѣло, выдѣливъ новорожденныхъ самокъ съ продажею ненужныхъ, какъ опредѣляется размѣрами хозяйства и урожаемъ травъ, по четыре рубля со штуки, промышленники (илю-баи) ожидаютъ бухарскихъ скупщиковъ (джалафы) мерлушекъ.

Въ этой промышленности осень составляетъ, такимъ образомъ, огромный ажіотажъ и для или-баевъ и для скупщиковъ, вѣдающихъ особый видъ занятій, и для отправителей въ Россію, чутко прислушивающихся всегда къ биллютеню стоимости этого товара на главномъ рынкѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ.

[1]) Лучшіе паласы выдѣлываются въ сел. *Камаши*, Каршинскаго бекства, населенномъ (до 3000 дворовъ) арабами и узбеками.

Являясь изъ Бухары въ степь Урта-чуль въ мартѣ мѣсяцѣ, джалафы скупаютъ невыдѣланную мерлушку по 2—3 рубля штуку за черную (дусбаи) и по 1—2 рубля за сѣрую (ширази).

Набранныя партіи мерлушекъ отдаются скупщиками для сырой обработки, особымъ мастерамъ изъ туземцевъ *уста-пустъ-ашкунъ*. Это дѣло начинается съ того, что шкурку расправляютъ и кладутъ въ тѣни на полчаса, мездрою вверхъ, для просушки. Затѣмъ *уста* отправляется съ рабочими и со всею партіей мерлушекъ къ ближайшему озеру, мочитъ шкурки въ водѣ часа два и отмываетъ ихъ. Приготовленныя такимъ образомъ мерлушки, неплотно согнутыя вдвое, кладутъ по 1000—2000 штукъ въ большія глиняныя корчаги и отмачиваютъ ихъ въ продолженіе двѣнадцати сутокъ въ водѣ съ ячменною мукою и небольшимъ количествомъ соли (муки 3 пуда, воды 8 ведеръ, соли 2 фунта), послѣ чего снова промываютъ въ арычной водѣ и въ заключеніе кладутъ мездрою вверхъ часа на два въ сухой песокъ, чтобы мерлушка получила глянецъ (мауджъ), а завитки (джингля) окрѣпли бы.

Вся операція сырой обработки мерлушки оканчивается въ пятнадцать дней и выполняется обыкновенно для всей Бухары въ теченіе мая и іюля мѣсяцевъ.

Неся расходъ на муку и на соль, скупщики уплачиваютъ еще мастеру уста-пустъ-ашкуну 18 рублей съ каждой выдѣланной тысячи. Окончательно приготовленныя такимъ образомъ мерлушки каждый промышленникъ-торговецъ складываетъ въ особомъ караванъ-сараѣ (сарай Нау въ Бухарѣ), приглашаетъ спеціальнаго маклера (доляля), который и сортируетъ ихъ съ своими рабочими по десяткамъ.

Связанныя въ десятки мерлушки ждутъ въ сараѣ же или покупателей—бухарцевъ, евреевъ, татаръ, или же прямо отправленія въ Россію самимъ джалафомъ.

Вывозныхъ пошлинъ въ Бухарѣ не платится, но маклеръ, дѣятельно посредничая въ сбытѣ товара, озабочиваясь сортировкою и отправленіемъ, получаетъ, по установившемуся десять лѣтъ тому назадъ порядку, 24 копѣйки съ 20 рублей

продажной суммы, изъ которыхъ 8 копѣекъ остается въ пользу самого маклера, а 16 копѣекъ поступаютъ въ казну, какъ маклерская пошлина (алинь-ана).

Въ годы удачнаго приплода и хорошаго спроса, выдѣланная мерлушка продается въ Бухарѣ: черная—отъ 30 до 40 рублей за десятокъ, сѣрая—отъ 18 до 30 рублей за десятокъ [1]) и отправляется въ Россію въ количествѣ до 500,000 штукъ [2]), какъ выпущено было въ 1879 году. Принимая въ соображеніе, что крупнымъ промышленникомъ считается въ Бухарѣ владѣлецъ 3000 каракульскихъ барановъ, а такихъ иллюбаевъ весьма немного, слѣдуетъ считать по цифрѣ отпуска, что промышленность эта въ Бухарскомъ ханствѣ занимаетъ весьма значительное число рукъ самостоятельныхъ собственниковъ.

Теперь мы переходимъ къ сообщенію возможно полныхъ, возможно точныхъ свѣдѣній по изученію того отдѣла скотоводства въ краѣ, который, въ большей мѣрѣ чѣмъ другія отрасли хозяйства, сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе туземцевъ, платоническую, но безрезультатную заботливость администраціи и неудающіяся попытки нѣкоторыхъ практическихъ русскихъ людей. Мы будемъ говорить о *коневодствѣ* въ полномъ смыслѣ слова, понимая подъ этимъ опредѣленіемъ разведеніе лошадей безъ строго опредѣленной цѣли образованія породъ, преслѣдуемой *коннозаводствомъ* примѣненіемъ условій и данныхъ, дознанныхъ практикой и получившихъ научную силу.

Сдѣлавъ такое предпосланіе, мы этимъ отмѣчаемъ, что въ Зеравшанскомъ округѣ, да пожалуй и во всемъ Туркестанскомъ краѣ, существуетъ только разведеніе лошадей, такъ-сказать, инстинктивное, на удачу; правильнаго же коннозаводства,

---

[1]) Всѣ цифры стоимости исчислены по бухарскому курсу, удерживающему съ 1877 года нашъ бумажный рубль на пониженіи до 60 копѣекъ на бухарское серебро (тиньги).

[2]) По ярмарочнымъ прошлогоднимъ цѣнамъ это составитъ стоимость около двухъ милліоновъ. Въ минувшемъ году, вслѣдствіе гибели зимою барановъ и малаго спроса въ Россіи, ожидали отпуска изъ Бухары 200,000 штукъ мерлушекъ.—*Авт.*

которое вырабатывало бы желаемый типъ, здѣсь нѣтъ и никогда не было.

Проводя здѣсь такое заключеніе изъ тѣхъ данныхъ, которыя собраны нами путемъ неоффиціальныхъ, тщательныхъ разспросовъ туземнаго населенія и знающихъ край людей, мы были бы весьма признательны, если бы намъ объяснили, гдѣ можно встрѣтить у туземцевъ Туркестанскаго края правильное, раціональное коннозаводство.

Намъ, пожалуй, скажутъ, что существующія типичныя породы лошадей *карабаиръ*, *туркменская*, *арабская* [1]), не могли же выработаться и поддерживаться инымъ путемъ, какъ только правильнымъ коннозаводствомъ; скажутъ, что мѣстами встрѣчаются какъ бы самостоятельныя позднѣйшія породы, напримѣръ, *міанкальская* въ Зеравшанской долинѣ и Ура-тюбинская въ долинѣ лѣваго берега Сыра. Но такія поясненія не будутъ для насъ убѣдительными: намъ требуется видѣть коннозаводство ipso facto, требуется удостовѣриться, что существующія породы карабаира, міанкальская и др. получились раціональнымъ, сознательнымъ подборомъ и воспитаніемъ, что эти породы не вырождаются, а поддерживаются. Если намъ докажутъ въ особенности послѣднее положеніе, мы порадуемся такому открытію, пожелаемъ дальнѣйшаго ему развитія безъ всякихъ мѣръ, которыя каждый въ правѣ рекомендовать безкорыстнымъ желаніемъ добра краю и его цѣльному, неиспорченному, трудолюбивому населенію.

Но едва ли намъ отвѣтятъ на два эти вопроса непреложными доказательствами, едва ли докажетъ кто-нибудь, что въ послѣдній двадцатилѣтній періодъ количество породистыхъ лошадей у туземцевъ Туркестанскаго края увеличилось. Намъ никто этого не можетъ доказать, такъ какъ мы, съ своей стороны, намѣрены заявить, что *повсемѣстно, въ оазисахъ Сыра и Аму, коневодство идетъ къ упадку*, замѣтно утрачиваетъ количество представителей наиболѣе типичныхъ породъ.

[1]) Мы приводимъ здѣсь тѣ названія породъ, какія существуютъ у туземцевъ, утверждающихъ, что породы лошадей аргамакъ вовсе нѣтъ. Замѣтимъ еще, что арабская порода лошадей наиболѣе распространена въ Каршинскомъ раіонѣ.—*Авт.*

Если вы, читатель, потребуете отъ меня доказательствъ такого неутѣшительнаго для края вывода,—я, предполагая въ васъ здѣшняго старожила, рекомендую вспомнить, сколько встрѣчалось вамъ десять лѣтъ назадъ прекрасныхъ лошадей въ Ташкентѣ, Ходжентѣ, Самаркандѣ, и какое вы испытываете теперь затрудненіе въ пріисканіи *сносной* верховой лошади для похода или для городской ѣзды. Со мною вмѣстѣ вы скажете: „да, верховыя лошади перевелись; теперь съ трудомъ достаешь для Ташкента изъ Бухары за 200—300 р. такую лошадь, которая оцѣнивалась прежде въ 60—100 руб. наибольшее“.

Вотъ вамъ прямое доказательство, что коневодство идетъ къ упадку, что, въ случаѣ непринятія разумныхъ мѣръ, лѣтъ черезъ десятокъ, не далѣе, о прекрасной породѣ карабаиръ останется только одно смутное преданіе и намъ придется выписывать верховыхъ лошадей изъ Европы. Грустно это будетъ, очень грустно, скажетъ каждый, кто живетъ въ краѣ.

Если вы, читатель, дѣйствительно сочувствуете дѣлу коневодства въ Туркестанскомъ краѣ, то прослѣдите со мною причины упадка его, чтобы намѣтить, хотя приблизительно пока, мѣры къ поддержанію этой отрасли народнаго хозяйства.

Каждый вѣритъ, безъ сомнѣнія, экономической аксіомѣ: „предложеніе находится въ зависимости отъ спроса“, и вѣроятно не мало изумляется, наблюдая странное на первый взглядъ явленіе, что несмотря на спросъ хорошихъ лошадей русскимъ населеніемъ края, несмотря на высокія цѣны на лошадей, количество ихъ не прибавляется, а замѣтно уменьшается до того, что имѣющіяся въ русскихъ рукахъ десятка два хорошихъ лошадей въ краѣ извѣстны всѣмъ на перечетъ со всѣми подробностями способа ихъ пріобрѣтенія. Изъ этого слѣдуетъ, что въ дѣйствительности русскій строй вовсе не отвѣчаетъ размѣрамъ предложенія, что со времени замиренія края и укрощенія сосѣдей, съ переходомъ военнаго элемента къ

правильной осѣдлости, въ послѣднее десятилѣтіе спросъ на лошадей былъ только періодическій, вызывался потребностями военнаго похода.

Понятно, что на туземцевъ спросъ пріобрѣтенія русскими на базарѣ Ташкента 5—6 лошадей никакого впечатлѣнія не оставляетъ, не даетъ также и предсказанія дальнѣйшему развитію спроса въ будущемъ. Отсюда заключеніе, что русскимъ не нужны хорошія лошади; отсюда послѣдствіе, что хорошихъ лошадей стали сбывать туда, гдѣ есть спросъ, т.-е. въ бухарскія владѣнія и въ Афганистанъ; отсюда результатъ, что съ выбытіемъ изъ края хорошихъ производителей, коневодство теряетъ постепенно свою представительность въ количествѣ и качествѣ.

Этими выводами, о правильности которыхъ предоставляемъ судить другимъ, мы такимъ образомъ доказываемъ, что до завоеванія русскими войсками Туркестана, до упроченія въ краѣ русской осѣдлости, до погашенія въ сосѣднихъ ханствахъ воинственныхъ инстинктовъ, коневодство стояло во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо выше современнаго его состоянія. Отсюда слѣдуетъ, что въ оазисахъ осѣдлостей прошедшія войны настолько же способствовали развитію коневодства, насколько позднѣйшая мирная гражданственность способствовала развитію земледѣльческаго хозяйства, въ явный ущербъ скотоводству вообще.

Не трудно прослѣдить правильность этихъ выводовъ по даннымъ о состояніи культуры въ прошлое время и теперь, по наглядным данным о дѣйствительномъ сокращеніи туземцами скотоводческаго хозяйства.

Изъ сказаннаго сейчасъ естественно заключить, что въ прежнее время народный спросъ на лошадей былъ неизмѣримо больше чѣмъ теперь. То было время, когда каждый мусульманскій воинъ имѣлъ у себя завѣтными только коня и шашку; онъ дорожилъ своимъ конемъ, какъ въ былое время запорожскій казакъ дорожилъ люлькой и тютюномъ больше чѣмъ жинкой; онъ считалъ коня своею гордостью; онъ зналъ цѣну коню,

какъ неразлучному спутнику походовъ, набѣговъ, боевыхъ отличій, какъ спасителю въ преслѣдованіяхъ непріятеля.

Если вспомнимъ, что вся Средняя Азія, съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ, была постояннымъ поприщемъ войнъ религіозныхъ, династическихъ и просто войнъ азіатскаго хищничества, если констатируемъ дѣйствительность, что всѣ полчища эмировъ и хановъ совершали свои походы не иначе, какъ на коняхъ, то намъ сдѣлается окончательно понятнымъ, что войны были всегда главнымъ стимуломъ развитію и поддержанію коневодства. Тѣмъ же объясненіемъ для насъ уяснится и тотъ фактъ, что въ настоящее время въ Средней Азіи лучшія лошади удерживаются у туркменъ и отчасти у афганцевъ, какъ сохранившихъ еще то представленіе о конѣ, которое заставляло дорожить этимъ благороднымъ животнымъ воиновъ Чингисхана (1218 — 1363), Тимура (1363—1405), Абдулла-хана (1555 — 1597). То же припоминаніе прошлой исторіи Средней Азіи объяснитъ намъ, что кровь арабскихъ лошадей оставила свой блѣднѣющій теперь слѣдъ отъ временъ вторженія арабовъ (666—874), распространителей мусульманства, что образованію породы карабаировъ способствовали позднѣе нашествія ордъ Чингиса (1218—1226), наводнившихъ всю Среднюю Азію столько же своетипичными людьми, сколько и лошадьми калмыцкой, приземистой породы, распространившейся отъ предѣловъ Европейской Россіи съ одной стороны, до сѣвернаго подножья Гиндукуша съ другой.

И арабы, и калмыки, и тюрки, сдѣлавъ вторженіе большими массами, привели съ собою конечно не однихъ производителей, но и кобылицъ, черезъ что каждая изъ господствовавшихъ породъ держалась устойчиво, передавая свои природныя качества въ слѣдующія поколѣнія до тѣхъ позднѣйшихъ уже временъ, когда войны среднеазіатскихъ соперниковъ замкнулись въ разсчетахъ, потасовкой между собою, и пополненіе края лучшими лошадьми изъ Персіи и другихъ отдаленныхъ странъ не прекратилось.

Однако слѣдуетъ признать, что и въ позднѣйшіе періоды

существованія сосѣднихъ ханствъ, съ полною политическою самостоятельностью, частныя войны хановъ, то между собою, то съ мелкими вассалами, всегда способствовали къ поддержанію коневодства на той высотѣ въ количественномъ и качественномъ отношеніи, съ которой явственно обозначались типичныя породы выносливыхъ скаковыхъ лошадей не утратившейся арабской крови.

По отношенію къ Зеравшанскому округу мы знаемъ, напримѣръ, что въ самый поздній періодъ ханствованія въ Бухарѣ эмира *Насръ-Улла-хана* (1826—1860), впервые организовавшаго пѣхоту (сарбазы) и неугомонно воевавшаго съ своими сосѣдями, въ ханствѣ существовали въ большомъ количествѣ прекрасныя лошади, называвшіяся *міонкальской породою* (заты-міанкаль), а города Ургутъ, Ура-тюбе гордились своими мѣстными скаковыми породами лошадей точно такъ же, какъ славятся своими лошадьми и нѣкоторыя мѣстности Россіи (Ярославская, Донская, Вятская губерніи).

Такое превосходное состояніе коневодства въ позднѣйшіе періоды самостоятельнаго существованія ханствъ объясняется столько же бывшей потребностью въ хорошихъ лошадяхъ для цѣлей войны, сколько и заботливостью объ этомъ хановъ и самостоятельныхъ правителей, любившихъ щегольнуть лучшими лошадьми другъ передъ другомъ. Такъ, мы знаемъ, что въ конюшняхъ *Насръ-Улла-хана* содержалось правильнымъ уходомъ до 200 превосходныхъ жеребцовъ, которые служили производителями и для потребностей бухарскаго населенія.

Этимъ-то путемъ доставленія населенію свободной возможности случать своихъ матокъ съ лучшими ханскими жеребцами, получилась такъ-называемая міонкальская *подпорода*, какъ правильнѣе будетъ считать, скаковыхъ, рослыхъ, крѣпкихъ лошадей. Точно также *ургутская* подпорода скакуновъ произошла отъ лучшихъ производителей съ конюшенъ мѣстнаго бека *Аллаяръ-Парвоначи*, который держалъ въ горахъ Фараба на травяномъ лѣтнемъ корму до 300 матокъ и столько же жеребцовъ въ конюшняхъ. Въ свою очередь *ура-*

тюбинская подпорода произошла отъ лошадей вассальныхъ бековъ этого округа въ оазисѣ Сыръ-дарьи.

Справедливо будетъ такимъ образомъ считать, что вся Зеравшанская долина обязана своими, сохранившимися еще въ маломъ числѣ, прекрасными лошадьми заботливости эмировъ, хановъ и бековъ. Не то въ послѣднія года: нѣкоторыя ханства окончательно упразднились, обратившись въ области, другія опоясаны такими прочными поясами русскихъ крѣпостей, которыя совершенно заставляютъ самыхъ владѣтелей и подданныхъ забыть о существованіи въ нихъ когда-то военнаго азарта, забыть и самое слово война. Сообразно такому положенію продолжающихъ свое существованіе ханствъ, при отсутствіи въ нихъ коннаго, военнаго контингента, постепенно падаетъ заботливость о хорошихъ лошадяхъ въ ханахъ, бекахъ и въ самомъ населеніи.

Въ дѣйствительности мы и замѣчаемъ, что у бухарскаго эмира *Музафаръ-хана*, разъѣзжающаго по своимъ владѣніямъ въ колескахъ лучшаго московскаго фабриканта П. И. Шитова, содержится въ конюшняхъ всего 40 верховыхъ лошадей. Замѣчаемъ въ Бухарскомъ ханствѣ такой недостатокъ въ хорошихъ лошадяхъ, который не удовлетворяетъ даже потребности Самарканда, не только Ташкента; замѣчаемъ также, что вся знать бухарская постоянно стремится пріобрѣтать такихъ лошадей ходуновъ (джурса), на которыхъ можно было бы безъ устали слѣдовать въ кортежѣ своего повелителя во время каждогоднаго объѣзда имъ ханства.

Такимъ образомъ въ данное время и въ сосѣднихъ ханствахъ, и въ Туркестанскомъ краѣ спросъ на лошадей вообще замыкается, какъ замѣчаетъ конечно каждый слѣдующими довольно ограниченными потребностями: *извознымъ* арбянымъ промысломъ (джагудеры, арбакеши), *землепашествомъ* и *земледѣліемъ* вообще, народными забавами въ скачкахъ съ терзаніемъ козла на *кокъ-бури*. По характеру каждой изъ трехъ названныхъ потребностей, выработалось въ послѣднія десять лѣтъ, поддерживается теперь и обѣщаетъ держаться на одномъ

уровнѣ въ будущемъ могучая экономическая функція—предложеніе.

Мы и замѣчаемъ, что арбакеши (возчики), стараются пріобрѣтать лошадей тяжелыхъ, крѣпкихъ, хотя и некрасивыхъ; земледѣлецъ держитъ лошадь какую придется, такъ какъ, по условіямъ здѣшняго мелкаго паханія, лошадь бываетъ нужна въ хозяйствѣ для молотьбы, для уборки хлѣба, для отвоза продуктовъ на базаръ и рѣдко—для запашки; любителямъ бѣшенаго и безобразнаго ристалища на кокъ-бури (раздираніе козла) требуется лошадь никакъ не представительная, никакъ не скаковая, а только увертливая, сильная, чтобы пробить себѣ путь чрезъ плотное кольцо состязающихся.

Такъ какъ у здѣшняго народа, не имѣющаго обычая давать празднества (той), обрѣзанія и свадебныя съ конными скачками, остается затѣмъ одно развлеченіе на просторѣ *кокъ-бури*, то отсюда и естественно видѣть, что теперь лошадь цѣнится въ Зеравшанской долинѣ по способности къ этого рода бѣгу, по такой способности, которая не имѣетъ ничего общаго съ достоинствами скаковой лошади, но цѣнится чрезвычайно высоко: въ 100 — 300 рублей за хорошаго жеребца *кокбуриста*, причемъ любители розыскиваютъ такихъ лошадей за сотни верстъ.

Вотъ какими стимулами поддерживается въ здѣшней полосѣ, да и во всемъ кажется осѣдломъ оазисѣ Туркестанскаго края, столь прибыльное въ культурныхъ странахъ коневодство. Сами можете провѣрить, читатель, сдѣланные мною выводы, сами можете уяснить себѣ, что должно получиться чрезъ десять лѣтъ изъ благороднаго карабаира, если не явится на выручку коневодства русская культура, отъ которой мы вправѣ ожидать не меньше, сколько сдѣлали эмиры, ханы и беки склонившихся предъ русской цивилизаціей ханствъ.

Мы не пытаемся закончить этимъ наше изслѣдованіе; мы смотримъ на эту важную отрасль народнаго, а слѣдовательно и государственнаго благосостоянія съ желаніемъ ему правильнаго, раціональнаго развитія, желаніемъ, чтобы оно было со

временемъ гордостью края, заслугой, а не укоромъ русской культурѣ, русской цивилизаціи.

А потому мы сочтемъ для себя обязательнымъ довести нашъ трудъ до конца—уяснить подробности современнаго состоянія коневодства въ Зеравшанскомъ оазисѣ, привести точныя цифры отношеній количества лошадей къ общей массѣ хозяйствъ, отмѣтить выдающіеся недостатки пріемовъ коневодства, отмѣтить наиболѣе серьезныя существующія тормазы этому важному дѣлу.

Все это будетъ предметомъ слѣдующаго очерка, въ которомъ найдется, разсчитываю, мѣсто для безпритязательныхъ заключеній по вопросамъ: можно ли ожидать развитія хорошаго коневодства въ краѣ и при существующихъ условіяхъ, безъ всякаго активнаго стремленія къ тому со стороны администраціи, или же эта отрасль народнаго хозяйства нуждается въ такой же энергичной и притомъ всеобщей, гдѣ требуется, отзывчивости, какая удѣлена мѣстному дѣлу: шелководству, производству хлопка, садоводству и всевозможнымъ ученымъ изслѣдованіямъ.

Согласно программы предыдущей замѣтки, намъ слѣдовало бы начать эту статью подробнымъ описаніемъ типа лошадей господствующихъ здѣсь породъ карабаиръ, міонкальской, но мы этого не дѣлаемъ во-первыхъ потому, что не считаемъ себя спеціалистомъ въ гиппологіи, не имѣемъ даже въ рукахъ никакихъ руководствъ, кромѣ коротенькой нѣмецкой брошюры г. Аммона, а во-вторыхъ и потому, что считаемъ каждаго читателя достаточно знающимъ отличительныя особенности типа каждой изъ названныхъ конскихъ породъ.

По этому вопросу мы считаемъ, такимъ образомъ, совершенно достаточнымъ отмѣтить, что наилучшими скаковыми качествами, физической крѣпостью, выносливостью, способностью къ большимъ и продолжительнымъ передвиженіямъ отличается въ долинѣ Зеравшана *карабаиръ*. Лучшія скаковыя лошади этой породы проходятъ четырехверстный кругъ иподрома въ шесть минутъ, сохраняя способность скакать и на тридцать

верстъ, какъ испытывались эти лошади на скачкахъ степныхъ у киргизовъ. Карабаиры способны проходить подъ верхомъ по сто верстъ въ день, съ небольшими отдыхами для разстоянія въ 1000—1500 верстъ; эти лошади дѣлаютъ въ арбяной запряжкѣ съ тяжестью 30 пудовъ [1]) по 40 верстъ въ сутки и на большихъ разстояніяхъ [2]). Не обладая способностью бѣга рысью, карабаиры имѣютъ правильный галопъ, и часто большой шагъ, до $9^1/_2$ верстъ въ часъ.

Намъ удалось подмѣтить также, что горное ура-тюбинское и кулябское (въ Бухарскомъ ханствѣ) коннозаводство даетъ наибольшее, сравнительно съ другими мѣстностями, число хорошихъ лошадей съ аллюромъ, называемымъ здѣсь *хода* (джурга), т.-е. особенной иноходью, развивающейся у нѣкоторыхъ до способности бѣга этой спокойной для всадника переступью по шестнадцати верстъ въ часъ.

Представители этого неоцѣненнаго въ походѣ аллюра имѣютъ ростъ 2 арш. 1 вер., правильный крѣпкій складъ и оригинальный поставъ заднихъ ногъ подъ значительнымъ угломъ. У этихъ-то карабаировъ и встрѣчаются тѣ завитки шерсти на головѣ, на груди, на пахахъ и ягодицахъ, которыя обращаютъ нерѣдко вниманіе знатоковъ лошадей, какъ признаки, отличающіе хорошія качества лошади.

Что касается до лошадей обыкновенныхъ, имѣющихся у каждаго туземца для хозяйственныхъ собственно потребностей, то они хотя и не особенно красивы, не особенно высоки, не особенно развиты складомъ корпуса, какъ выродившаяся порода карабаировъ, тѣмъ не менѣе, эти лошади также выносливы въ продолжительныхъ передвиженіяхъ, какъ и вообще здѣшняя степная лошадь.

---

[1]) Мусульманскій кодексъ шаригатъ, предусматривая весь распорядокъ жизни правовѣрныхъ, опредѣляетъ, чтобы лошадь не обременяли тяжестью болѣе 7-ми пудовъ на вьюкъ и 24 пудовъ на арбу. Виновные, хотя и подвергаются по шаригату наказанію въ нѣсколько дней ареста, но каждый сплошь и рядомъ замѣчаетъ, что мусульмане не особенно исполнительны въ этомъ требованіи.

[2]) Арба съ полной кладью проходитъ въ запряжкѣ одной лошадью, отъ Бухары до Ташкента, 512 верстъ въ 10 дней.

Разумѣется, что типичность земледѣльческихъ лошадей не повсюду однообразна. У туземцевъ зажиточныхъ, хорошо подкармливающихъ дворовыхъ лошадей въ зимній періодъ и во время полевыхъ работъ, лошади бываютъ рослѣе, здоровѣе, чѣмъ у недостаточныхъ земледѣльцевъ, кое-какъ прозябающихъ тиричиликомъ. У этихъ послѣднихъ, встрѣчающихся впрочемъ въ ограниченномъ числѣ, отъ скуднаго питанія и плохого помѣщенія лошади истощаются въ теченіи зимы до такой степени, что едва передвигаютъ ноги; но съ появленіемъ первой травы, выпущенныя въ поле, они быстро поправляются и дѣлаются способными къ работѣ.

Чтобы покончить засимъ съ общими свѣдѣніями о типѣ и достоинствахъ лошадей Зеравшанской долины, мы считаемъ нелишнимъ сообщить результаты сдѣланныхъ нами измѣреній у пятидесяти скаковыхъ карабаировъ: длина отъ холки до рѣпицы 1 арш. 12 вер.; ростъ 2 арш. $3^1/_2$ вер., подпруга въ обхватѣ 2 арш. 10 вер.

Для полноты нашей замѣтки, предварительно выполненія послѣдующихъ пунктовъ программы, считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь практическія свѣдѣнія знатоковъ о наружныхъ признакахъ лошади, отличающихъ хорошія качества, породистость.

Подыскивая верховую лошадь, каждый конечно стремится найти въ ней и лучшія формы, и лучшія достоинства бѣга, выносливости. Это и не безошибочно, такъ какъ достоинство темперамента въ тѣсной связи съ наружными качествами, съ красотою лошади. Истинная красота лошади заключается въ округленности и пропорціональности частей ея тѣла, на что и слѣдуетъ обратить вниманіе.

Убѣдясь въ достаточной ширинѣ груди и зада осматриваемой лошади, надо приступить къ подробному ея осмотру, начиная съ головы. Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдуетъ осмотрѣть глазъ, ибо въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражается темпераментъ и наклонности лошади. Если глазъ смотритъ бойко, въ немъ выражается энергія, и наоборотъ, сонливый глазъ

обозначаетъ лѣность, вялость, болѣзненно мутный глазъ служитъ признакомъ коллера—припадковъ бѣшенства, а темный и мутный глазъ означаетъ слѣпоту, которую легко открыть, поднося потихоньку на полвершка палецъ къ глазу лошади, причемъ она не моргнетъ. Словомъ, по взгляду можно почти вѣрно опредѣлить наклонности лошади. Слѣдуетъ замѣтить, что впадины надъ глазами у лошадей означаютъ старость или же происхожденіе отъ престарѣлыхъ родителей, что конечно также имѣетъ значеніе.

Уши, по своему расположенію, также болѣе или менѣе вѣрно указываютъ на темпераментъ лошади. Лучшимъ расположеніемъ ушей считается, когда они параллельны; развислыя уши—признакъ лѣности, а сближенные своими верхушками и слишкомъ подвижные (шомпонъ-кулакъ) означаютъ щекотливость и пугливость. Злыя лошади обыкновенно прищуриваютъ уши, прицѣливаясь укусить.

О зубахъ лошадей, какъ опредѣляющихъ возрастъ, мы не будемъ говорить, считая наблюденія свои въ этомъ недостаточно полными.

Широкія ноздри лошади, съ такъ-называемыми отдушниками во внутренней полости ихъ, служатъ признакомъ скаковой способности такихъ коней.

Голова не мясистая, сухая, жилистая, отличаетъ высокую породу лошади. Шея должна быть поставлена нѣсколько наклонно, а расположеніе плечъ должно быть почти перпендикулярнымъ къ шеѣ. Грудь должна быть полная, хорошо округленная и по росту пропорціонально широкая, безъ впадинъ, служащихъ признакомъ слабости лошади. Подплечье должно быть сухое и мускулистое, а длина его должна равняться длинѣ остальной части ноги. Берцо должно быть умѣренно толстое, но сухое. Бабка, умѣренной длины, должна быть поставлена ни слишкомъ наклонно, ни слишкомъ прямо.

Слѣдуетъ обращать пристальное вниманіе на копыто: оно должно имѣть форму стаканчика, ровное, не слоистое, безъ продольныхъ трещинъ, не хрупкое, что подвергаетъ лошадь

хромотѣ, а иногда и совершенной негодности. Стрѣлка нижней поверхности копыта должна быть полная и широкая въ заднемъ концѣ, безъ трещинъ, служащихъ признакомъ гніенія стрѣлки, усиливающагося когда лошадь стоитъ на сыромъ мѣстѣ. Самое полотно копыта не должно быть выпукло, потому что тогда лошадь не можетъ смѣло ступать и ковка дѣлается затруднительной, подвергая лошадь наминкамъ.

При умѣренной холкѣ линія спины должна быть прямая, безъ горбинки, но съ маленькой изложинкой. Полезно, выбирая лошадь, провести по спинному хребту и если она вытягиваетъ его, чѣмъ отличается признакъ высокой крови, то дойдя до почекъ слѣдуетъ слегка подавить на нихъ, причемъ, если лошадь присядетъ, то это значитъ, что почки парализированы и заднія ноги слабы.

Крестецъ долженъ быть или совершенно прямой, составляя почти одну линію со спиною, или же округленный къ репицѣ, но никакъ не свислый, называемый свинымъ задомъ. У лучшихъ лошадей рѣпица хвоста, составляющая продолженіе крестца, слегка отдѣляется не только на ходу, но и на мѣстѣ.

Ребра лошади должны быть округлы, бока и пахи небольшіе. Задъ лошади долженъ имѣть яйцеобразную округленность, а ягодицы и портки должны быть мускулисты.

Длина ногъ должна быть пропорціональна длинѣ всего корпуса, а толщина—пропорціональна массѣ поддерживаемаго корпуса. Слѣдуетъ требовать, чтобы при осмотрѣ лошади спереди, заднія ноги совпадали съ передними; сбоку же—чтобы они были параллельны между собою и имѣли хорошій отвѣсъ.

Скаковой суставъ, смотря на него сбоку, долженъ быть широкъ, а сзаду наоборотъ; на немъ не должно быть никакихъ подкожныхъ шишичекъ, припухлостей и подтековъ, служащихъ вѣрными признаками худосочія, влекущаго за собою шпатъ и неизлѣчимую хромоту. Слѣдуетъ также избѣгать лошадей, у которыхъ переднія ноги выше заднихъ (замбаръ-бель), что способствуетъ утомленію всадника и непрочному держанію лошадью сѣдла, такъ замѣтному при ѣздѣ въ горахъ

Къ этимъ общимъ свѣдѣніямъ, извѣстнымъ безъ сомнѣнія всѣмъ знатокамъ и любителямъ лошадей, можно дать еще для нуждающихся наставленіе: покупать лошадей отъ туземныхъ барышниковъ (аспъ-джалофъ), непремѣнно заставляя послѣ осмотра сойти съ коня, провести его сначала шагомъ, а затѣмъ уже заставить пробѣжать рысью, безъ подщелкиваній и показыванія кнута; при этомъ, если послѣ пробѣжки рысью, поставленная на мѣсто лошадь тяжело дышетъ и судорожно водитъ боками, прекратите осмотръ, такъ какъ это означаетъ, что у лошади запалъ и она негодна.

Конечно, верховыхъ лошадей, одинаково удовлетворяющихъ всѣмъ требованіямъ, отмѣченнымъ выше, встрѣтить теперь трудно, а сойтись въ цѣнѣ при нашей привычкѣ здѣсь къ низкой оцѣнкѣ лошадей, еще труднѣе; но для знатоковъ лучшіе экземпляры бухарскихъ карабаировъ и туркменскихъ жеребцовъ оказались пригодными и для московскихъ скачекъ и для россійскихъ заводовъ. Такимъ любителямъ коннозаводства ничего разумѣется не составляетъ проѣхать изъ Оренбурга въ Бухару, для пріобрѣтенія, по очень умѣреннымъ цѣнамъ, хорошихъ производителей, вполнѣ какъ оказывается пригодныхъ для „освѣженія“ заводовъ.

Выиграетъ ли отъ этого и безъ того слабое коневодство Туркестанскаго края—это другой вопросъ, который и слѣдовало бы взвѣсить съ той же заботливостью, какая была удѣлена въ свое время шелковичной гренѣ, привлекшей не мало отечественныхъ доброжелателей, промышленниковъ всякихъ ранговъ.

Намъ слѣдуетъ перейти теперь къ группировкѣ свѣдѣній о содержаніи туземцами лошадей, объ уходѣ за ними, о правилахъ коневодства вообще. И конечно, этимъ свѣдѣніямъ должны предшествовать поясненія о порядкѣ воспитанія лошадей, такъ какъ извѣстно, что воспитаніе играетъ въ коневодствѣ великую непосредственную роль, давая возможность улучшать породу *въ самой себѣ*, безъ примѣси посторонней крови, какъ достигли того въ Англіи, Мекленбургѣ и Голштиніи.

Тамъ, гдѣ существуетъ сознательное коневодство, а не инстинктивное, случайное, порядокъ ухода за приплодомъ, въ особенности за первогодними жеребятами, считается такимъ же обязательнымъ условіемъ къ разведенію хорошихъ породъ, какимъ признается и подборъ хорошихъ производителей. Озабочиваясь получить хорошій приплодъ правильнымъ содержаніемъ жеребыхъ матокъ, умѣреннымъ кормленіемъ ихъ въ особенности во второй періодъ, обращаютъ затѣмъ все вниманіе на первоначальный уходъ за жеребятами, давая имъ на первомъ же году овесъ около фунта въ сутки на жеребенка, до отнятія отъ матки, а по отнятіи, на четвертомъ мѣсяцѣ, къ 4-мъ фунтамъ овса прибавляется еще и 8 фунтовъ сѣна.

Кромѣ правильнаго кормленія жеребятъ, въ правильномъ коневодствѣ обращается также вниманіе на уходъ за ними, требующій, чтобы жеребята не утомлялись большими переходами съ матками на поляхъ и на работѣ, чтобы по отнятіи отъ матокъ жеребята оставались бы въ движеніи, упражнялись бы свободнымъ бѣгомъ, который такъ развиваетъ весь станъ, поступь, походку, ловкость, въ особенности у жеребятъ, пасущихся на холмистыхъ мѣстахъ.

Жеребята, выросшіе съ такимъ воспитаніемъ, могутъ носить уже на второмъ году небольшія тяжести, для укрѣпленія хребта, а чрезъ три года ихъ пріучаютъ уже къ неслишкомъ утомительной верховой ѣздѣ, выдавая на четвертомъ году нормальную порцію для взрослой лошади 10 ф. овса и 12 ф. сѣна въ сутки.

Такимъ образомъ, за основаніе полученія хорошаго поколѣнія отъ породистыхъ производителей, правильное англійское коннозаводство принимаетъ кормленіе жеребятъ овсомъ, уходъ за жеребятами пока они при маткахъ и доставленіе надлежащаго упражненія въ возрастѣ отъ одного до трехъ лѣтъ. Знатоки замѣчаютъ, что несоблюденіе этихъ обязательныхъ условій воспитанія приплода предоставленіемъ его природѣ табунной жизни, потомки теряютъ свои формы, свои достоинства темперамента и наоборотъ, арабскія и азіатскія лошади, при за-

водскомъ воспитаніи, дѣлаются гораздо крупнѣе, не теряя своихъ кровныхъ скаковыхъ качествъ.

Отмѣтивъ выше, что полученіе хорошихъ потомковъ обусловливается въ большой степени подборомъ производителей, пояснимъ, что правильное коневодство обращаетъ также строгое вниманіе на *случку*. Кобылъ оставляютъ на племя преимущественно такихъ, которыя имѣютъ широкій задъ, правильное и пропорціональное строеніе костей, хорошія копыта и достаточно развитое вымя, съ симметрическимъ расположеніемъ ровныхъ сосковъ.

При подборѣ кобылъ обращаютъ вниманіе, чтобы они не имѣли какихъ-либо общихъ недостатковъ съ жеребцами, которыхъ пускаютъ въ случку не ранѣе возраста четырехъ лѣтъ и не старше возраста шестнадцати лѣтъ.

Для приплода оставляютъ жеребцовъ, имѣющихъ сухой складъ, хорошо развитую мускулатуру, крѣпкія сухожилія безъ всякихъ наростовъ, прозращеній, безъ сыпи, лишаевъ, подсѣдовъ. Жеребцамъ, идущимъ первый разъ въ случку, назначаютъ не болѣе пяти кобылъ; достигшимъ полнаго возраста можно отдѣлять до тридцати кобылъ. Во время случки съ руки, весною, въ періодъ сильнаго любовнаго жара животныхъ, жеребцамъ даютъ кормъ питательный, горячительный, увеличивая дачу овса до 6-ти гарнцевъ въ сутки.

Насколько важно соблюденіе этихъ условій случки, настолько же существенно и соблюденіе правилъ содержанія жеребыхъ кобылъ. Отдавая жеребыхъ кобылъ въ работу, столько же въ экономическихъ расчетахъ, сколько и для полученія, какъ дознано, болѣе крѣпкихъ жеребятъ, знатоки заботятся не пускать кобылъ до полдневнаго солнца на сырыя пастбы и не выгонять въ холодные осенніе дни въ поле, для предотвращенія выкидыванія плода.

Въ зимніе мѣсяцы, держа кобылъ въ теплыхъ помѣщеніяхъ, даютъ имъ кормъ легко варимый, питательный, занимающій небольшой объемъ, чтобы не стѣснить плодъ, что особенно важно во второй періодъ. Послѣ выжеребья, кобылу

оставляютъ въ теченіи девяти дней дома, давая ей достаточно сѣна, яровой соломы и до шести гарнцевъ овца въ сутки во время работы.

При соблюденіи этихъ условій подбора производителей, случки, содержанія жеребыхъ кобылъ и воспитанія жеребятъ, поколѣнія получаются вполнѣ достойныя своихъ родителей.

Мы изложили здѣсь общія основанія коннозаводства для того, во-первыхъ, чтобы свѣдѣнія эти послужили на пользу, кому они потребуются; во-вторыхъ и для этого, чтобы разница пріемовъ коневодства и содержанія лошадей у туземцевъ представилась бы для насъ нагляднѣе.

Мы не намѣрены начинать, по примѣру другихъ, порицаніемъ апатичности туземцевъ къ коннозаводству, упреками туземцамъ за варварское обращеніе съ животными плохимъ воспитаніемъ, плохимъ уходомъ, плохимъ содержаніемъ лошадей. Мы сочли бы это совершенно безцѣльнымъ, совершенно даже несправедливымъ, противорѣчащимъ дѣйствительности, не согласующимся съ общимъ экономическимъ закономъ, что источникъ всякихъ улучшеній есть благосостояніе.

Каждый знаетъ конечно, что нравственный, интеллектуальный ростъ восточнаго народа мѣряется никакъ не десятилѣтними періодами, и если порицателямъ встрѣчались массы заботливыхъ о лошадяхъ туземцевъ двадцать лѣтъ назадъ, если онъ встрѣчалъ тогда очень достаточно прекрасныхъ лошадей, а теперь въ затрудненіи пріискать себѣ посредственную верховую лошадь, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что современный туземецъ окончательно утратилъ и любовь къ лошади, и былое умѣнье въ коневодствѣ. Совсѣмъ нѣтъ: у туземцевъ есть и знаніе, и любовь, и желаніе держать хорошихъ коней, *но нѣтъ стимуловъ держать дѣйствительно скаковыхъ лошадей*, а не вертлявыхъ *кокбуристовъ*, нѣтъ *средствъ* поддержанія коневодства хорошими породами, замѣтно утратившими своихъ представителей съ того позднѣйшаго времени, когда ханскія и бековскія конюшни перестали быть распространителями породъ.

Современный туземецъ Зеравшанской долины, имѣя 5—6 посредственныхъ кобылицъ для приплода и для полевого хозяйства, часто бываетъ преданъ такой заботливости подвести ихъ для случки къ чужому хорошему жеребцу, которая стоитъ ему и расходовъ, и непріятностей.

Слѣдовательно, гг. порицатели, *первая причина застоя и даже упадка мѣстнаго коневодства — отсутствіе хорошихъ производителей.* Устраните эту причину и смѣло предоставьте туземцамъ воспитывать лошадей хотя бы даже ихъ способомъ, рекомендовавъ параллельно благоразумнымъ и европейскіе пріемы, съ дачею жеребятамъ овса, котораго здѣсь нѣтъ, и котораго не замѣняютъ для нихъ ячменемъ, какъ замѣнили его для лошадей, получающихъ въ шестимѣсячный періодъ, съ октября по апрѣль, 15 фунт. клеверу, 15 ф. мелкой соломы (саманъ), 10 ф. зерна въ сутки и кусокъ ископаемой соли на два мѣсяца [1]).

Замѣтьте гг. интенданты, полковые командиры, замѣтьте гг. порицатели всего туземнаго, что туземцы опередили насъ въ дѣлѣ содержанія лошадей, давая кормъ смѣшанный, изъ *клевера* и *саману*, а не изъ одного клевера, который, какъ дознано и эмперически и научно [2]), дѣлаетъ лошадь безсильною и развиваетъ разныя болѣзни. Полезно принять это къ свѣдѣнію и въ видахъ государственной экономіи.

Мы не станемъ вдаваться здѣсь въ подробности изложенія пріемовъ случки, ухода за кобылами, воспитанія жеребятъ [3]), завѣряя только, что у хорошихъ хозяевъ они, эти пріемы,

[1]) Такой порціей шестимѣсячнаго довольствія сухимъ кормомъ пользуются простыя сельскія лошади. Любители же горожане содержатъ коней на сухомъ корму круглый годъ.

[2]) Припоминаю „Руководство“ профессора Чернопятова.

[3]) У туземцевъ жеребята носятъ названіе по возрасту: однолѣтній — *тай*, двухлѣтній—*кальта-тай*, трехлѣтній съ остриженной гривой и хвостомъ—*гунакъ*, четырехлѣтній- *дунанъ*, пятилѣтній—*атъ*, т.-е. лошадь. Жеребятъ не отнимаютъ отъ матокъ до слѣдующаго приплода, не запираютъ ихъ даже во дворъ, предоставляя дѣтямъ сѣдлать *кальта-тая*. Цѣна хорошему гунаку 80—120 руб., цѣна кобылы отъ 80 до 60 рублей. Цѣна рабочей, простой лошади 16 руб., арбяной 50—80 р., вьючной (джагудеръ) 30—40.

совершенно раціональны, совершенно отвѣчаютъ мѣстнымъ условіямъ и во многомъ общіе съ пріемами европейскими. Это вполнѣ и доказывается встрѣчающимся мѣстами въ Зеравшанскомъ оазисѣ хорошимъ приплодомъ.

Что же касается до содержанія лошадей у зажиточныхъ городскихъ туземцевъ, то оно не оставляетъ желать ничего лучшаго, какъ отвѣчающее, закрываніемъ попонами и постоянной чисткою вѣникомъ, условіямъ жаркаго, сухого климата—какъ вырабатывающее *кактаромъ* [1]) стройныхъ поджарыхъ, чуткихъ, поворотливыхъ, мягкоуздыхъ скакуновъ, которымъ нѣтъ соперниковъ въ европейскихъ лошадяхъ на двадцативерстномъ ипподромѣ.

Заканчивая настоящее изслѣдованіе о скотоводствѣ, мы должны обратиться теперь къ цифровымъ даннымъ, вспомогательно разрѣшающимъ, при своей точности, всякіе экономическіе вопросы съ большей убѣдительностью, чѣмъ распростра-

[1]) Достаточно наблюдая уходъ туземцевъ за лошадьми, мы замѣтили такой порядокъ его: послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды, отпустивъ нѣсколько сѣдельныя подпруги, подтянувъ достаточно свободно голову закинутымъ на луку сѣдла поводомъ, вываживаютъ лошадь въ продолженіе полутора часа. Закрывъ затѣмъ теплой кошемной попоной сверху легкой покрышки, набрасываемой во время выводки, подтягиваютъ голову на уздечкѣ, привязывая такимъ образомъ лошадь на выстойку (кокъ-таръ) въ теченіи 4—6 часовъ смотря по усталости животнаго, причемъ многіе любители моютъ ноги лошади соленой водой. Задавъ послѣ выстойки рубленый клеверъ, чрезъ часъ или два часа напоивъ лошадь, даютъ ячмень или джугару (сорго) въ количествѣ на 3 ф. меньше противъ порціи ячменя. Вычистивъ вѣниками и тряпкою лошадь съ самаго утра, въ 5 часовъ даютъ клеверъ и въ 7 часовъ, напоивъ лошадь, ставятъ ее на кокъ-таръ до полудня зимой,— до 2½ часовъ лѣтомъ, давая въ это время клеверъ съ саманомъ и умѣренное количество воды, послѣ чего оставляютъ лошадь на выстойкѣ до восьми часовъ вечера въ лѣтній періодъ. Вычистивъ на ночь коня, давъ ему простоять нѣкоторое время безъ попоны, задаютъ клеверъ, поятъ и кормятъ полной суточной дачей ячменя въ 10 фунтовъ. Съ одиннадцати часовъ вечера и на всю ночь уздечка подтягивается слабо, поводъ отпускается свободно, чтобы лошадь могла ложиться, чѣмъ нерѣдко злоупотребляютъ конюхи (сонцы), оставляя лошадь съ подтянутой головою на всю ночь, чтобы избавиться отъ утренней чистки. При такомъ уходѣ за лошадью съ постояннымъ оставленіемъ ее на кокъ-тарѣ, она дѣлается чрезвычайно чувствительною къ поводу, чѣмъ, напримѣръ, казачьи лошади не отличаются; она свободна всегда отъ сонливости, и сохраняетъ станъ скаковой лошади. Отмѣтимъ здѣсь также, что на одну лошадь требуется въ годъ 2 торбы—40 коп., двѣ попоны—10 р. одинъ годовой конюхъ—26 руб. (у сартовъ), или отъ 80 до 150 руб. у русскихъ любителей лошадей.

ненное изложеніе, не подкрѣпленное такими данными. Для полноты изслѣдованія, мы приводимъ поэтому цифры только по Самаркандскому отдѣлу, изученіемъ которому во всѣхъ статьяхъ жизни туземнаго населенія, намъ пришлось заниматься два съ половиною года.

Не рѣшаясь приводить здѣсь цифровыя данныя о скотоводствѣ по всему Зеравшанскому округу, какъ не провѣренныя нами лично, ручаясь за точность цифръ ниже приводимыхъ, должны высказать, на основаніи достаточнаго знанія общаго благосостоянія населенія, что выведенныя цифровыя отношенія близко подходятъ и для остальныхъ мѣстностей округа.

Для большей наглядности, сочтемъ полезнымъ показать здѣсь количество скота въ каждой волости, соединяя ихъ въ группы, по характеру земледѣльческой культуры, такимъ образомъ:

Волости посѣва риса: (¹)

лошадей.

	Домовъ	Вербл.	Ословъ	Быковъ	Коровъ	Баран.	Кобылъ	Жереб.
1) Дагбитская	1335	2	200	820	780	500	150	500
2) Шахабская	1437	—	140	980	860	400	250	420
3) Джой-диванинская.	3007	—	380	2500	2700	1000	1300	1400
4) Хальваинская . . .	2395	18	400	3080	2780	1200	700	1300
5) Кобутская.	2030	10	520	2300	4200	2600	800	1500
6) Тюе-Тартарская . .	2021	120	480	1600	2800	8000	860	1100
7) Сіобская	1138	—	220	700	1060	120	300	800
8) Джума-базарская .	1250	—	300	700	1300	800	500	860
9) Ишимъ-аксакская .	1519	—	250	980	1700	400	340	800
Городъ Самаркандъ. .	4360	—	700	360	1050	300	28	1200
Итого. . .	20492	150	3590	14020	19230	15320	5228	9880

Въ девяти волостяхъ съ городомъ приходится на 100 домовъ: ишаковъ 17,5, рогатаго скота 162,2, барановъ 14.2, лошадей 73,7.

¹) Количество обрабатываемой земли въ отдѣлѣ извѣстно только приблизительно, а потому мы не пользуемся этими цифрами.

Волости посѣва пшеницы, ячменя, джугары:

лошадей.

	Домовъ	Вербл.	Ословъ	Быковъ	Коровъ	Баран.	Кобылъ	Жереб.
1) Яны-Курганская . .	1618	—	250	900	1200	—	600	750
2) Дюрткульская . . .	972	60	280	760	1020	6000	380	460
3) Челекская.	1630	60	600	1200	1700	5000	500	1020
4) Ангарская.	1472	40	500	1300	1600	500	560	700
5) Михалинская	2583	60	800	920	2300	700	400	860
Итого. . .	2875	220	2430	5080	7820	12200	2440	3790

Въ пяти волостяхъ средней культуры приходится на сто домовъ ишаковъ 29,3, рогатаго скота 155,8, барановъ 147,4, лошадей 75,2.

Волости подгорныя, низшей культуры яровыхъ посѣвовъ:

лошадей.

	Домовъ	Вербл.	Ословъ	Быковъ	Коровъ	Баран.	Кобылъ	Жереб.
1) Даульская.	1507	380	400	1060	2030	11000	700	800
2) Чашмаабская	1062	150	240	360	500	12000	280	320
3) Хоча-Мукурская. .	811	60	120	400	720	7000	300	420
4) Осматъ-Катартальская.	1028	16	60	260	420	4600	140	380
Итого . . .	4408	606	820	2080	4670	34600	1420	1920

Въ четырехъ волостяхъ низшей культуры посѣва пшеницы, ячменя, на сто домовъ приходится: ишаковъ 18,6, рогатаго скота 153,1, барановъ 807, 6, лошадей 77,3.

Всего по восемнадцати волостямъ отдѣла, съ городомъ Самаркандомъ, на 33175 домовъ, съ населеніемъ 200000 душъ обоего пола, приходится: верблюдовъ 976, ишаковъ 6840, рогатаго скота 52900, барановъ 62120, кобылъ 9088, жеребцовъ 15590.

Принимая для вычисленія обыкновенную среднюю оцѣнку верблюда въ 60 р., ишака въ 12 р., рогатаго скота въ 25 р., барановъ въ 5 р., кобылъ въ 18 р., жеребцовъ въ 26 р., получаемъ валовую стоимость скотоводства въ Самаркандскомъ отдѣлѣ въ 2,343,664 рублей, что составитъ по 70 рублей на каждый домъ или почти на каждое земледѣльческое хозяйство.

Хотя при несовершенствѣ вообще нашей оффиціальной регистраціи всѣхъ факторовъ экономической жизни населенія, мы рѣшились вывести здѣсь только цифровыя отношенія скотоводства къ хозяйствамъ, но не къ обрабатываемой землѣ, количество которой, по оффиціальнымъ даннымъ, совершенно гадательно,—тѣмъ не менѣе и такіе выводы наши показываютъ, что въ количественномъ отношеніи эта отрасль сельскаго хозяйства находится въ Самаркандскомъ отдѣлѣ въ хорошемъ состояніи. Что же касается до интенсивности скотоводства, то, какъ мы старались уяснить въ предыдущихъ замѣткахъ, оно наибольше проглядываетъ въ овцеводствѣ и отчасти въ коневодствѣ, но очень мало въ остальныхъ видахъ скотоводства, удерживаемыхъ климатическими и почвенными условіями почти въ примитивномъ состояніи.

Еслибы мы были одарены административнымъ талантомъ „улучшать“, мы, пожалуй, не пропустили бы въ этомъ очеркѣ разныхъ талантливыхъ разсужденій о необходимости „освѣжить“ мѣстныя породы испанскимъ осломъ, холмогорской коровой, овцой-электораль, съ открытіемъ конечно опытной школы съ очень опытными чиновниками; но мы не вѣримъ въ возможность какихъ бы то ни было улучшеній, кромѣ канцелярскихъ, разумѣется, чрезъ чиновниковъ; не вѣримъ рѣшительно въ продуктивность того административнаго огонька, который вспыхиваетъ только для извѣстныхъ случаевъ; еще менѣе вѣримъ въ возможность бороться съ климатическими условіями однимъ канцелярскимъ задоромъ, и не станемъ поэтому входить въ разборъ этихъ великихъ мнѣній, нами отмѣченныхъ только.

Оставивъ такимъ образомъ овецъ,ословъ и коровъ въ покоѣ, попытаемся однако разобрать: не представится ли какой нибудь возможности поддержать коневодство, эту самую существенную и благородную отрасль скотоводства, на которую почему-то было меньше обращено до сихъ поръ административнаго вниманія, чѣмъ на шелкъ, айлантусы, суходольный рисъ, американскій хлопокъ и пр.

Удѣляя, съ своей стороны, коневодству наше вниманіе, вѣря даже въ возможность скораго улучшенія его для поднятія благосостоянія края, безъ всякихъ чиновничьихъ подтолкованій, мы рѣшаемся подѣлиться съ читателями нашими взглядами на это дѣло, резюме которыхъ, года три тому назадъ, было даже представлено на „благоусмотрѣніе“.

Предварительно ознакомленія васъ, гг. читатели, съ тѣми основаніями, которыя мы считаемъ вполнѣ достаточными для осуществленія нашихъ пожеланій поддержанію коневодства, просимъ покорнѣйше, принявъ къ свѣдѣнію русскій афоризмъ: „чиновникъ не соха, земледѣлецъ не чернильница“, считать нашъ взглядъ на непригодность чиновниковъ къ улучшеніямъ чужого хозяйства безповоротнымъ взглядомъ для всѣхъ мѣстностей и на всѣ случаи.

Этимъ мы сразу опредѣляемъ, что намѣрены искать средство по вопросу о коневодствѣ въ самой сельско-хозяйственной жизни, въ самомъ народѣ, съ участіемъ разумѣется административнаго взгляда, разрѣшенія и даже поощренія, какъ то вообще „подобаетъ“.

Обратимся къ первымъ страницамъ о коневодствѣ. Мы говорили, что спросъ на лучшихъ скаковыхъ лошадей былъ наибольшій въ періодъ войнъ, что въ позднѣйшее время спросъ является только на лошадей вертлявыхъ, крѣпкихъ, способныхъ для безопаснаго, портящаго коней ристалища на кокъ-бури; говорили, что въ былое время конюшни хановъ и бековъ много способствовали распространенію хорошихъ породъ лошадей; отмѣтили мы также, что въ настоящее время осталась единственная стимулирующая коневодство сила: безкорыстная склонность туземца къ забавѣ раздиранія козла на празднествахъ обрѣзанія и свадебныхъ, къ забавѣ, стоющей нерѣдко жизни, увѣчья и всадникамъ, и лошадямъ, къ заботѣ нисколько не вознаграждающей побѣдителей матеріально и только поощряющей узбекскій задоръ самолюбія, гордости, возможностью похвалиться своимъ конемъ „побѣдителемъ въ столькихъ-то случаяхъ“. Вотъ, господа, гдѣ надо искать средство къ раз-

витію коневодства. Это средство надо искать въ характерѣ туземца, въ его тщеславіи, въ его склонности дорожить поощреніями, въ особенности въ скаковыхъ состязаніяхъ, въ его не выдохшейся еще любви къ лошади, въ его умѣньи обращаться съ хорошими лошадьми.

Второе средство будетъ въ помощи населенію пріискивать для своихъ довольно сносныхъ кобылъ производителей.

Выступаютъ, такимъ образомъ, всего два условія, отъ правильной разработки, твердой постановки которыхъ зависитъ вся будущность коневодства, а слѣдовательно и благосостоянія края. Стоитъ, слѣдовательно, порыться въ канцелярскомъ архивѣ, чтобы не поправлять очки, когда уже будетъ поздно. Мы не станемъ дожидаться этого тяжелаго дня подыскиванія и перелистыванія „дѣла“, а выскажемся, какъ по нашему мнѣнію представляются наивыгоднѣйшимъ образомъ оба условія, чтобы получить чрезъ десятокъ лѣтъ желаемые результаты на милліонъ оборотовъ.

Начнемъ со второго фактора: помощи населенію, которой пользовалось оно когда-то отъ азіатскаго правительства. Мы знаемъ, что эта помощь, при всей ограниченности ея размѣровъ, доставленіемъ возможности пользоваться ханскими лошадьми небольшому раіону населенія, оказала огромную услугу, закрѣпивъ за лучшими породами названія по мѣстностямъ, встрѣчающіяся, вѣроятно, и не въ одной Зеравшанской долинѣ.

Какихъ же результатовъ для коневодства можно было бы ожидать отъ правильной постановки такой активной помощи открытіемъ *случныхъ конюшенъ* въ разныхъ пунктахъ даннаго раіона. Для Самаркандскаго отдѣла мы указали бы такихъ пунктовъ *девять*, въ центральныхъ или соотвѣтствующихъ селеніяхъ волостей *Дагбитской* для Шахабской и Ишимъ-аксакской, *Джой-диванинской* для этой огромной волости, *Яны-курганской* для Дюртъ-кульской, *Челекской* для Хочамукурской, *Хольванской* для Кабутской, *Тюетартарской* для Осматъ-катартальской, въ *Сіобской* для города Самарканда и Махалинской волости, въ *Джумабазарской* для Чашмаабской, въ *Даульской* для Ангорской волости.

На первое время мы полагали бы держать въ каждомъ случномъ пунктѣ по три хорошихъ производителя породы карабаировъ и туркменской, считая этого вполнѣ достаточнымъ при разсчетѣ, что въ соотвѣтствующій періодъ каждый жеребецъ въ состояніи будетъ покрывать 20 кобылъ, т.-е. 60 кобылъ въ раіонѣ или 540 кобылъ каждогодно въ отдѣлѣ; эта цифра каждогоднаго приращенія можетъ удовлетворить дѣло коневодства при условіи, въ особенности, если къ случкѣ будутъ допускаемы лучшія, породистыя кобылы, которыхъ туземцы умѣютъ отличать отъ обыкновенныхъ, не имѣющихъ статей породы. Но конечно строгой придирчивости быть не должно, такъ какъ она могла бы повлечь за собою убѣжденіе въ населеніи, что конюшни покровительствуютъ только богатымъ и вліятельнымъ. Достаточно было бы поэтому, подготовивъ населеніе сообщеніемъ свѣдѣній о мѣстѣ открытія случныхъ пунктовъ для „такихъ-то“ раіоновъ, растолковать туземцамъ, что для такихъ хорошихъ производителей необходимы и породистыя, а не самыя простыя кобылы. Туземцы сами это уразумѣютъ и добиваться случки плохихъ кобылъ не станутъ, какъ не станутъ, ручаюсь, и злоупотреблять подведеніемъ кобылъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ и ханствъ, въ чемъ впрочемъ особенной бѣды мы не видимъ.

Повсемѣстно случка обязательно должна быть даровая, безъ всякихъ даже подношеній завѣдывающему конюшней; замѣнимъ однако это классическое слово „завѣдывающій“ болѣе опредѣленнымъ названіемъ „*надсмотрщикъ*“ (карай-турганъ), и поспѣшимъ успокоить подозрительность читателей, что надсмотрщикомъ будетъ не чиновникъ и даже не артиллерійскій бомбардиръ, а простой, знающій, зажиточный туземецъ или два туземца того селенія, въ которомъ случная конюшня будетъ открыта. Всякій согласится держать одну, двѣ такихъ хорошихъ лошадей, которыми онъ можетъ и пользоваться не для полевыхъ работъ, конечно, и кокъ-бури, а для скромной

ѣзды, для случки. Такимъ надсмотрщикамъ конюшенъ даже не требуется, полагаемъ, давать каждогодныхъ наградъ; они удовольствуются отпускомъ имъ на довольствіе лошадей клевера, саману, ячменя и будутъ счастливы, что имъ довѣрили такое важное дѣло.

Принимая нормальную кормовую суточную дачу для одной лошади въ 15 фунт. клевера, 15 фунт. самана, 10 фунт. ячменя, вычислимъ годовую стоимость содержанія трехъ лошадей случнаго пункта въ 440 р. на фуражъ, плюсъ 16 р. на попоны, недоуздки и арканы. Выдержать этотъ наибольшій годовой расходъ для населенія намѣченныхъ нами раіоновъ ровно ничего не значитъ, и если администрація растолкуетъ только цѣль открытія случныхъ пунктовъ, населеніе само поймeтъ пользу, само составитъ приговоры нести незначительный расходъ не только на содержаніе конюшенъ, но и на пріобрѣтеніе самыхъ лучшихъ производителей.

Принимая наивысшую оцѣнку одного хорошаго жеребца въ 240 рублей maximum, получимъ сумму всей затраты для девяти случныхъ пунктовъ въ 6480 рублей единовременныхъ.

Вотъ отъ какихъ ничтожныхъ денежныхъ цифръ находится въ рабской зависимости дѣло коневодства, дѣло народнаго благосостоянія, дѣло государственной пользы! Обращаюсь съ этимъ восклицательнымъ знакомъ ко всѣмъ, любящимъ край, ко всѣмъ, удѣляющимъ свой трудъ на его изученіе, ко всѣмъ преданнымъ желанію, чтобы русская цивилизація проявила себя въ Средней Азіи возможно активно.

Нашъ слабый трудъ изслѣдованія о коневодствѣ приближается къ концу. Осталось сказать еще о второмъ факторѣ вліянія на улучшеніе этой отрасли народнаго хозяйства — о поощреніи, которое повсюду служитъ до сихъ поръ началомъ, способствующимъ къ соревнованію, а слѣдовательно и къ улучшенію.

Если въ Европѣ поощренія выражаются преміями за выставки и призами экспонентамъ, выдержавшимъ своими лошадьми состязанія скаковыя и бѣговыя, то для Средней Азіи

можно сохранить одни скачки, которыя будутъ одновременно и выставками безъ всякихъ премій. Одни скачки будутъ гораздо цѣлесообразнѣе, по своему, соотвѣтственно народнымъ склонностямъ, народнымъ обычаямъ, чѣмъ отдѣльныя выставки, изумляющія иногда многихъ основательнымъ вопросомъ: за что „такому-то“ дали награду, когда онъ принималъ участіе только своимъ именемъ.

Считая такимъ образомъ скачки поощреніемъ вполнѣ достаточнымъ, вполнѣ отвѣчающимъ мѣстнымъ условіямъ бытовымъ и хозяйственнымъ, скажемъ, что они должны быть организованы на началахъ строго правильныхъ, а главное—устойчивыхъ навсегда, чтобы туземцы видѣли на ипподромѣ не одну тамашу, развлеченіе любителей зрѣлищъ, но дѣйствительное, справедливое мѣрило достоинствъ лошадей.

Мы не ставимъ себѣ задачею представить здѣсь подробныя детали того устава скакового общества, составленіе котораго, какъ мы давно слышали, поручено кому-то въ Ташкентѣ, но и не откажемся изложить здѣсь общія начала, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ быть приняты для конскихъ скачекъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что на первое пятилѣтіе, считая со времени учрежденія случныхъ пунктовъ, провести обязательное правило требованія отъ экспонентовъ-туземцевъ представленія на ипподромъ доморощенныхъ (хоназотъ) лошадей —будетъ положительно невозможно; придется допускать на состязаніе всѣхъ лошадей, безразлично, наблюдая однако, чтобы экспонентами были бы туземцы даннаго административнаго раіона и дѣйствительные собственники выставленныхъ лошадей. Удостовѣриться въ этомъ всегда легко будетъ чрезъ волостныхъ управителей и аксакаловъ, которымъ полагается присутствовать на скачкахъ.

Впослѣдствіи, съ развитіемъ коневодства, какъ ожидается, подъ вліяніемъ проектируемыхъ мѣръ, тѣ же должностныя лица, близко стоящія къ народу, безъ всякихъ формальностей будутъ также удостовѣрять посредникамъ происхожденіе каждой

лошади. Тогда и скачки установятся отдѣльно для доморощенныхъ лошадей и для покупныхъ.

На состязаніе могутъ быть допускаемы лошади не моложе пяти лѣтъ. Общее число лошадей скакового круга (даура), должно быть не болѣе двадцати семи, что рѣшается каждый разъ на самомъ ипподромѣ жребіемъ между экспонентами, если ихъ явится болѣе опредѣленнаго числа. Всѣ рѣшительно выставляемыя на состязаніе лошади должны быть подкованы на переднія ноги, должны имѣть наѣздниковъ не старше двадцати лѣтъ, не моложе пятнадцати лѣтъ, что опредѣляютъ посредники на мѣстѣ, при участіи трехъ добросовѣстныхъ туземцевъ. Опредѣленіе вѣса наѣздниковъ совершенно не требуется. Дистанція для состязанія назначается въ четыре версты, чѣмъ опредѣлится скаковая скорость для сравненія съ скаковыми способностями европейскихъ лошадей, и въ двѣнадцать верстъ для испытанія скаковой силы здѣшнихъ лошадей, которымъ извѣстна также и тридцативерстная скаковая дистанція [1]). Время скаковыхъ состязаній должно быть соображено въ каждомъ раіонѣ такъ, чтобы оно совпадало съ годовыми народными праздниками, съ окончаніемъ полевыхъ занятій. Въ этихъ видахъ самое удобное будетъ назначить скачки два раза въ году: ранней весной, въ дни мусульманскаго новаго года, т.-е. до 18 марта, и осенью въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Разъ навсегда это и должно быть всѣмъ извѣстно. Скачки предполагается открывать въ городѣ, резиденціи правительственныхъ учрежденій. Оцѣнка состязанія дѣлается пятью посредниками съ обязанностью для нихъ публиковать всякій разъ отчетъ, а призы раздаются старшимъ присутствующимъ на скачкѣ лицомъ, при звукахъ музыки.

Относительно призовъ я того мнѣнія, что они должны быть не вещевые, но прямо денежные, съ нѣкоторымъ количествомъ золотыхъ монетъ. Призами должны пользоваться только *три первыя лошади* независимо отъ того: въ какой промежутокъ времени они проскачутъ назначенную дистанцію. Ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ допускать одновременнаго съ туземцами состязанія казачьихъ, офицерскихъ и любительскихъ лошадей, полезность скачки для которыхъ намъ кажется болѣе чѣмъ сомнительною [1]).

[1]) Такихъ лошадей-призовиковъ киргизы, любители тридцативерстныхъ скачекъ, покупаютъ, случается, по 2000 рублей.

Размѣръ призовъ не долженъ быть слишкомъ большимъ, оттѣняющимъ расточительность (сарфкоръ), оставляющую впечатлѣніе на туземцевъ. Казалось бы возможнымъ назначать въ первое пятилѣтіе такіе призы: для четырэхверстной скачки первой лошади—240 р., второй—120 р., третій—60 р.; для двѣнадцативерстной скачки: первой лошади—420 р., второй—210 р., третьей—105 р.

Въ годъ для двухъ состязаній общая затрата на призы составитъ всего 2312 рублей. Содержаніе же открытаго ипподрома вѣроятно ничего не будетъ стоить скаковому фонду, такъ какъ предполагается, что русская публика, такъ отзывчивая на доставляемыя ей забавы разными, очень плохими гимнастами, фокусниками, карликами и великаншами, будетъ смотрѣть всякій разъ благородное скаковое состязаніе за установленную плату на эстрадѣ и безплатно, но и безъ стульевъ, внѣ эстрады.

Вычисленная нами цифра годовой стоимости скачекъ въ данномъ раіонѣ, конечно, скажутъ не велика, но откуда взять 25 т. руб. на десять такихъ раіоновъ, какъ слѣдовало бы ихъ открыть.

Вопросъ этотъ не такъ обременителенъ, какъ онъ кажется, по первому вычисленію. Избавляя отъ этого расхода государственную кассу и существующее въ Россіи управленіе государственнымъ коннозаводствомъ, надо обратиться за средствами къ мѣстной экономической силѣ; надо вспомнить, что у насъ дѣйствовала когда-то совершенно справедливая базарная пош-

[1]) Мы не отвергаемъ, однако, пользы скачекъ „любительскихъ“, для которыхъ требуется составить коротенькій уставъ, который бы предупредилъ также и любовь къ ухищреніямъ, наблюдавшуюся нами, когда такія скачки существовали въ Ташкентѣ, въ 1867—1869 года.

лина со скота, признанная почему-то несвоевременною; надо вспомнить, что если эта пошлина дѣйствительно была „неудобною“ восемь лѣтъ назадъ, когда мы не нуждались въ деньгахъ, то она своевременна теперь, когда въ европейскихъ городахъ берутъ пошлину не только со скота, но даже съ собакъ, справедливо мотивируя, что если взятое съ народа къ народу же и возвращается, то благосостояніе отъ этого нисколько не падаетъ, а напротивъ, подымается, какъ мы убѣдились бы въ томъ и въ разсмотрѣнномъ вопросѣ о коневодствѣ.

Программа моего слабаго очерка выполнена. Мнѣ остается просить довѣрія читателей къ сдѣланнымъ выводамъ о томъ, что коневодство въ краѣ *падаетъ*, что его *можно поддержать* и совершенствовать только тѣми мѣрами, которыя проектированы, тѣми незначительными денежными затратами, какія вычислены.

СЕЛО-КИШЛАКЪ КАРНАКЪ.

На южномъ предгорьѣ Кара-тау, въ 20 верстахъ отъ Туркестана, уютно расположился кишлакъ Карнакъ, исторія возникновенія котораго теряется въ древности, до магометанской эпохи. Такъ говоритъ устное преданіе мѣстныхъ жителей, указывая на могилу аулье (святого) имама Багали-Сагаба, какъ на доказательство существованія здѣсь осѣдлости въ первые годы магометанства. Присутствіе этого аулье, одного изъ первыхъ, какъ говорятъ туземцы, послѣдователей великаго пророка, привлекая и до днесь со всѣхъ сторонъ множество поклонниковъ, цементировало осѣдлость настолько прочно, что Карнакъ, испытавшій наравнѣ съ другими свирѣпое хозяйничаніе Чингиса и послѣдующія кровавыя эпохи, пережилъ однако своихъ современниковъ, города: Савранъ, Утраръ, Яссы, Джюнокъ, Карайчикъ, Ичкиле, Акъ-курганъ, Узикентъ, Сугнакъ, прежнее существованіе которыхъ на территоріи Туркестанскаго уѣзда подтверждается письменами и уцѣлѣвшими развалинами, при отсутствіи во всѣхъ изъ нихъ аулье, этого яркаго маяка, несокрушимаго оплота для мусульманской осѣдлости. Нѣтъ аулье въ древнемъ Савранѣ, Узикентѣ, и, при полныхъ мѣстныхъ удобствахъ, на берегахъ рѣкъ Сыра и Саврана они остаются незаселенными, привлекая однако сюда жителей Туркестана за 40 верстъ, для хлѣбопашества. Не будь въ Карнакѣ аулье Багала-Сагаба—то же было бы и съ нимъ; не выдержать бы и ему невзгодъ отъ калмыцкихъ войнъ (750 лѣтъ тому назадъ), отъ періодическаго подчиненія то

Бухарѣ, то Кокану (60 лѣтъ тому назадъ), то независимому Тогай-хану (70 лѣтъ тому назадъ) пытавшемуся закрѣпостить сартовъ киргизскимъ родоправителямъ. Да, уалье для туземцевъ—притягательная сила, нѣкоторымъ образомъ историческая дата, точно разграничивающая болѣе или менѣе важныя эпохи и весьма часто способствующая даже въ разрѣшеніи земельныхъ споровъ. Творитъ эти аулье давность времени, да усердіе ближайшихъ потомковъ святого, позаботившихся похоронить его на выдающемся мѣстѣ, у джангызъ-агача (единственное дерево), на верховьѣ воднаго источника, на горной возвышенности и исправно напѣвавшихъ современникамъ о добродѣтеляхъ и благочестіи (суфы) своего патрона, обращающагося такимъ образомъ въ аулье чрезъ столѣтіе и даже раньше, смотря по ловкости возводящихъ и по дѣламъ конечно возводимаго. Въ одномъ кишлакѣ Туркестанскаго уѣзда хорошо знакомый мнѣ ходжа разсказывалъ, что онъ потомокъ ишана Махзума-ходжа-шейха. Этотъ-де благочестивый шейхъ, и къ тому же дервишъ, переселился въ кишлакъ съ семьей изъ Нарвана (бухарскій кишлакъ) лѣтъ полтораста тому назадъ, выдалъ свою дочь за потомка Хазретъ-султана — Файзулла-ходжа, и похороненъ лѣтъ стодесять тому назадъ на Кызылъ-тюпе (горная возвышенность). Могила Махзума-шейха изукрашена приличнымъ для кишлака мазаромъ, въ которомъ по пятницамъ зажигаются свѣчи, а чрезъ какіе-нибудь 20 лѣтъ къ титулу Ишанъ-ходжа-шейхъ прибавится „аулье“. Въ этомъ даже совершенно увѣренъ знакомый мнѣ откровенный ходжа. Но каково бы ни было происхожденіе будущаго аулье Махзума, съ нимъ связана для кишлака цѣлая эпоха изъ ханствованія Контажи-хана, отъ жестокостей котораго разбѣжались всѣ жители и самъ Махзумъ, попытавшійся сопротивляться велѣніямъ хана, заморенъ былъ голодомъ, вмѣстѣ съ десятью своими сторонниками.

Мазаръ-махзума, какъ и аулье Гаибъ-ата, удостовѣряетъ теперь и навсегда принадлежность кишлаку Кызылъ-тюпе. Чтобы разгадать вообще происхожденіе аулье, достаточно разо-

брать, какъ самые отъявленные пройдохи-сарты, по большей части ходжи, обращаются среди киргизъ въ ишановъ. Эти самозванные потомки Хазретъ-султана привлекаютъ изъ степей тысячи прозелитовъ (мюридовъ), обирая у нихъ имущество и даже женъ, обращая своихъ учениковъ тевадюгомъ (моленьями) въ совершенныхъ безумцевъ (джазова), поучая притомъ бесѣдами (сагботъ), далеко не вяжущимися съ нашими интересами въ краѣ, какъ въ этомъ убѣдило всѣхъ въ 1871 году извѣстное дѣло ишана Шагдаръ. Разсудительные киргизы сами хорошо сознаютъ пустоту ученій ишановъ, зловредность ихъ сагботовъ, но пока, по разнымъ причинамъ, безсильны удержать своихъ родичей отъ пагубнаго вліянія на нихъ ишановъ, которые умножаются годъ отъ году, успѣшно разводя въ кочевьяхъ мечети, подавая благословеніе (нафозъ) и облачая легковѣрную массу киргизъ въ чалмы. Словомъ, плоды ишанизма въ степи замѣтны каждому, хотя поверхностно наблюдавшему бытъ кочевниковъ. Къ киргизамъ при-сыръ-дарьинскимъ эти пройдохи являются изъ Бухары и Кокана; сибирскую и чуйскую степь обираютъ туркестанскіе ходжи.

Въ отдѣльной статьѣ мы постараемся сообщить факты изъ дѣятельности этихъ паразитовъ, а теперь возвратимся къ Карнаку. Послѣднее десятилѣтіе положило замѣтные слѣды въ экономической жизни этого кишлака: полнѣйшее внѣшнее спокойствіе позволило собраться всѣмъ къ своимъ очагамъ и теперь Карнакъ насчитываетъ 423 двора съ 2000 жителей, а при Маля-ханѣ (11 лѣтъ назадъ) считалось здѣсь только 150 дворовъ съ 60 кошами запашки. Прежній избытокъ земли и орошенія теперь такимъ образомъ не покрываетъ всей потребности умножившагося населенія и это заставило земледѣльцевъ обратиться къ такой раціональной обработкѣ полей безъ искусственнаго орошенія, которая поддерживала бы землепашество въ постоянной нормѣ, пока достаточно обезпечивающей все кишлачное населеніе. Но, разумѣется, лѣтъ чрезъ десять, съ приращеніемъ населенія, карнакцамъ придется позаботиться о расширеніи своихъ полей, къ чему, при невыгод-

номъ топографическомъ положеніи, другихъ средствъ не представится, какъ возстановленіе правъ на участокъ земли по арыку Джюнекъ, до Ханъ-качканъ-тау, энергично оспариваемый туркестанцами, почувствовавшими недостатокъ въ землѣ только вслѣдствіе небрежнаго полеводства.

Прежде описанія обработки полей карнакцами и земельно-общиннаго устройства у нихъ, скажемъ объ ирригаціи. Главнымъ источникомъ орошенія Карнака служатъ рѣки Кара-су и Кульбашъ, вытекающія изъ возвышенности Чашъ-тупе, въ двухъ верстахъ на югъ отъ кишлака. Кара-су, сохраняя на шестиверстномъ извилистомъ теченіи свое названіе, выдѣляетъ на востокъ арыкъ Маклыкъ въ 45 кошей, Аргынъ-арыкъ въ 50 кошей и Кашкабыкъ въ 70 кошей. Пройдя Карнакъ, Кара-су принимаетъ названіе Аджіикъ-арыкъ, орошающій шесть кошей запашки. Почти на мередіанѣ Чашъ-тупе, восточнѣе Кульбаша, вытекаетъ Кайноръ-булакъ, иначе называемый Кызылъ-ата, съ запашкой въ 30 кошей. Еще восточнѣе Кайнара, таяніемъ весенняго снѣга орашоется обширная равнина Бургень, на которой, при достаткѣ разлива, обрабатываютъ исключительно яровые посѣвы (богара) всѣ жители, по возможности; годами здѣсь пашутъ даже мусафиры (пришлецы); но такіе разливы, въ достатокъ орашоющіе общую запашку, очень рѣдки и потому жители неохотно пашутъ на Бургенѣ, предпочитая держаться Кара-су съ ея арыками, очень обильными водой. Но какъ съ другой стороны площади, удобныя къ поливкѣ по этой системѣ, очень ограничены, то карнакцы обрабатываютъ на нихъ постоянно только озимые (кузга) посѣвы и чтобы не истощить почву каждогодной обработкой, пропахиваютъ ее три раза: въ мартѣ (куклямъ) послѣ поливки, въ половинѣ мая (джауза) и въ концѣ іюня (саратанъ) безъ поливки, а только увеличивая сошникъ для этой перекрестной пахотьбы. Наконецъ въ половинѣ сентября (мизамъ), послѣ обильной поливки, засѣваютъ и боронятъ слегка одинъ разъ за все лѣто. Достоинство такой обработки, усвоенной къ сожалѣнію единственно карнаками, говоритъ само за себя: первая мелкая

пахота съ поливкой и послѣдующія глубже, пролежавъ подъ дѣйствіемъ зноя все лѣто, насытившись воздухомъ, обогащаются чрезъ прогниваніе почвеннаго слоя нужными для растенія питательными веществами. Благодаря такой пахотьбѣ, карнакцы безъ удобренія получаютъ съ озими въ хорошій урожай самъ-10—7 ячменя, самъ-8—6 пшеницы, самъ-4 проса и рѣдкіе неурожаи бываютъ лишь вслѣдствіе горячаго вѣтра (гаримсиръ), дѣйствующаго на умолотъ; а яровое на Бургенѣ, съ одной ранне-весенней пахотьбой, никогда не даетъ больше самъ-5. По принятому искони положенію на каждомъ кошѣ высѣваютъ 16 пудовъ пшеницы, 5 пудовъ ячменя, 2 пуда проса и хлѣбъ жнутъ въ началѣ іюня.

Земельно-общинное устройство у карнакцевъ настолько же своеобразно, какъ и полеводство, представляя всѣ виды правъ собственности: полное на арыкѣ Кульбашъ съ землей Яна-иръ, неполное съ правомъ временной уступки пахатнаго участка (Кайнаръ-булакъ) и безусловно неполное. Первый видъ землевладѣнія обязанъ своимъ происхожденіемъ обращенію когда-то воднаго источника Кульбашъ съ землей Яна-иръ въ мюлькъ-хоръ одного лица. Дальнѣйшіе потомки такого собственника, распредѣливъ между собою участки Яна-ира, удержали постоянное и безусловное право на нихъ до нашихъ дней. Здѣсь, такимъ образомъ, не бываетъ, какъ на остальныхъ арыкахъ системы Кара-су и на Бургенѣ, каждовесенняго распредѣленія пашенъ по жребію, представляющаго и съ этой стороны своеобразнаго то, что самые арыки остаются въ постоянномъ пользованіи однихъ и тѣхъ же артелей (тыпе), а между членами оной распредѣляются весною одни лишь участки въ четыре земледѣльца каждый, съ суточнымъ пользованіемъ водою (биръ-су—одна вода). Кайнаръ-булакъ, какъ позднѣйшей разработки, состоитъ въ пользованіи всего капитальнаго общества, не исключая и обособившейся артели Яна-иръ. Но какъ запашка на немъ ограничивается только 30 кошами, то онъ служитъ для тѣхъ землепашцевъ, которымъ почему-либо, напримѣръ, по

случаю отобранія туркестанцами участка при арыкѣ Аргынъ [1]), не достало земли. На Кайнаръ-булакѣ пашутъ также и тѣ члены артели Яна-иръ, которые, какъ случается, навсегда отчуждаютъ свои участки на арыкѣ Кульбашъ [2]). Остаткомъ воды и земли по Кайнару, какъ бываетъ это годами многоводія Бургеня, пользуются, съ согласія общества и съ платою 12 рублей за обрабатываемый кошъ въ общую массу окладныхъ (ульпанъ) податей селенія, кочевые киргизы-джатаки и мусафиры, приписавшіеся къ кишлаку. Однако, наученные близкими и частыми примѣрами окончательнаго захвата участковъ временными землепашцами, карнакцы порѣшили не допускать болѣе на Кайнаръ киргизовъ, и съ будущаго года раздѣляютъ землю Кызылъ-ата между своимъ обществомъ для посѣва клевера. Такимъ образомъ постепенно карнакцы переходятъ къ безусловному праву пользованія землей, этой позднѣйшей и совершенно частной институціи, не мало впрочемъ не стѣсняющей ихъ экономическій бытъ. Можно съ увѣренностью сказать, что если не встрѣтится тормаза извнѣ, то вся земля по системѣ Кара-су перейдетъ въ безусловное пользованіе общинниковъ и только самые арыки останутся въ общинномъ владѣніи по артелямъ. Такой переходъ условливается, по мѣстности, съ одной стороны достаткомъ воды, а съ другой — однокачественностью почвы, благодаря раціональной пахотѣ, и въ общемъ — закрѣпленіемъ правъ землевладѣльцевъ. Въ Чулакъ-курганѣ [3]), напримѣръ, навсегда останется первобытная общественная форма владѣнія землей по маловодности и скудности землепашества, съ солончаковой почвой, побуждающей жителей оставлять подъ паромъ поля 3—5 лѣтъ. Въ Сузакѣ (въ Чуй-

[1]) Хотя земельный споръ этотъ Карнака съ джюнекцами и рѣшенъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ пользу послѣднихъ, но, по всей вѣроятности, рѣшеніе не будетъ утверждено уѣздными властями, какъ постановленное съѣздомъ трехъ казіевъ (два туркестанскихъ и одинъ карнакскій), непосредственно заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Процессъ этотъ вообще представляетъ много поучительнаго.

[2]) Пожизненная переуступка не требуетъ согласія общины и совершается за 40—60 тиллей (160—240 р.).

[3]) Кишлакъ въ Чуйской долинѣ.

ской долинѣ) земледѣльческой общинѣ на-долго, пожалуй, суждено сплачиваться въ одно цѣлое, для защиты своихъ полей и арыковъ отъ захвата киргизами, нерѣдко сопровождающагося ожесточенными драками и убійствами; но съ годами, по мановеніи этой аграрной потасовки, обезпечивъ себя, какъ сузакцы подумываютъ, каризомъ, начнется естественнымъ путемъ переходъ къ новой формѣ землевладѣнія.

Жители Карнака обрабатываютъ поля наемными киргизами. Каждый работникъ (кошчи) получаетъ за весь рабочій сезонъ, съ февраля и по ноябрь мѣсяцъ, $^1/_5$ часть урожая съ хлѣба и двѣ смѣны (ики сыпыръ) старой и новой одежды (халатъ, рубаха, сапоги, штаны). Получивъ въ началѣ работъ первую смѣну, работникъ подчиняется затѣмъ искони дѣйствующему положенію (расимъ), а именно: не долженъ оставлять своего хозяина до токсана (время совершеннаго окончанія работъ), завершающагося обязанностью кошчи привезти хозяину 5—3 арбы или верблюда джусану, т.-е. топлива; работникъ, прохворавшій болѣе трехъ дней, обязанъ на послѣдующее время замѣстить себя другимъ, соотвѣтствующимъ, а въ случаѣ незамѣщенія, подвергается возвращенію всего полученнаго отъ хозяина, даже и старой смѣны платья, и, такимъ образомъ, на основаніи расима, ничего не получаетъ, хотя бы отработалъ половину сезона. Съ своей стороны, хозяинъ обязывается тѣмъ же расимомъ хорошо обращаться съ кошчи (опредѣленіе весьма эластическое), кормить его три раза въ день (утромъ шурпа, въ полдень 2 лепешки и вечеромъ нарынъ, т.-е. лапша съ мясомъ), не отказывать безъ причины въ работѣ до истеченія токсана; въ противномъ случаѣ хозяинъ удовлетворяетъ работника сполна всѣмъ положеннымъ по расиму, хотя бы послѣдній прослужилъ только мѣсяцъ. Этотъ несложный кодексъ, обездолившій киргиза-работника до степени раба, часто не вырабатывающаго за лѣто количества, достаточнаго для зимняго существованія, дѣйствуетъ однако уже сотни лѣтъ и рѣдко вызывалъ несогласія между нанимателями и наемщиками. Это, впрочемъ, помимо общихъ причинъ — обѣднѣнія киргизъ отъ

частыхъ джутовъ (зимній падежъ скота) и превышеніи предложенія надъ спросомъ, обусловливается въ Карнакѣ, съ одной стороны, присутствіемъ здѣсь особеннаго класса полевыхъ рабочихъ жнецовъ изъ киргизъ (наукапчи), обращающихся при случаѣ въ замѣстителей, а съ другой—почти регулярной урожайностью почвы, чѣмъ и объясняется также назначеніе платы работнику не деньгами, а съ урожая (икиндонъ). Въ Туркестанѣ же, Сузакѣ, Чулакъ-курганѣ, при отсутствіи этого послѣдняго условія—постоянства урожаевъ, работникъ, за тотъ же девятимѣсячный трудъ, получаетъ 20 — 30 рублей, пищу и тѣ же двѣ смѣны. Оттого здѣсь расимъ нерѣдко игнорируется сторонами: то кошчи, получивъ по обыкновенію $^1/_2$ наемной платы впередъ, оставляетъ хозяина въ первые же мѣсяцы, скрываясь подальше, чтобы оттянуть возвращеніе полученнаго, то хозяева, порой неурожая, стараются отдѣлаться отъ наемника, заставить его дурнымъ обращеніемъ и голоднымъ кормленіемъ отказаться отъ работы. Частенько выслушиваются судьею такіе споры, мирно и скоро разрѣшаемые, если миролюбивы сами спорящіе. Наукайчи (жнецы) изъ бѣдныхъ киргизъ усаживаются своими аулами на мѣстахъ, обильно хлѣбородныхъ и получаютъ за одну лишь жатву (ураквилыкъ) двадцатый снопъ въ урожаѣ и шестой снопъ въ неурожайный годъ.

Мусафиры (переселенцы), изъявляющіе желаніе приписаться къ селенію, не пользуются у аборигеновъ особеннымъ гостепріимствомъ. Безупречной нравственностью, смиреніемъ единичные пришлецы заручаются сначала разрѣшеніемъ сильныхъ кишлачнаго міра приписаться къ общинѣ или же только числиться въ ней, если мусафиръ холостъ или вдовъ. Усердный и тяжелый трудъ открываетъ переселенцу право на дальнѣйшее здѣсь существованіе. Но долгое время, 3—6 лѣтъ, смотря по обстоятельствамъ, ловкости и, главное, усердію, они проходятъ сперва чистилище обыкновеннаго кошчи, затѣмъ получаютъ отъ какого-нибудь зажиточнаго земледѣльца часть огорода, бахчи или поля подъ обработку съ $^1/_5$ части урожая, и лѣтъ чрезъ пять допускаются на свободные участки по Бургеню, безъ платы, и на Кайнаръ-арыкѣ съ платою, какъ сказано выше, 12 рублей въ общую массу податей. Такое суровое отношеніе аборигеновъ къ мусафирамъ не заохочиваетъ переселенцевъ и потому ихъ насчитывается здѣсь только пять; а прожитое ими въ Карнакѣ десятилѣтіе не объединило ихъ съ кореннымъ населеніемъ и они долго еще будутъ считаться мусафирами. Мнѣ указывали на дегрезя, т.-е. чугунно-плавильщика, проживающаго въ Карнакѣ подъ видомъ бухарскаго мусафира уже 40 лѣтъ. Всѣхъ дегрезей, приготовляющихъ здѣсь небольшими вагранками казаны, кунганы и другія мелочи сартовскаго обихода, четыре. Они снабжаютъ своими произведеніями всѣ осѣдлые пункты Туркестанскаго уѣзда, а также и киргизъ. Карнакъ похваляется, что дегрези ихъ выписаны Тимуромъ изъ Тавриза и отливали знаменитый казанъ (сикая) Хазрета. Сами же дегрези знаютъ только, что конкурентовъ у нихъ нѣтъ ближе Ташкента и потому годовой заработокъ ихъ доходитъ до 80 рублей minimum на каждаго, а производство не совершенствуется, не разнообразится и до-днесь. Да и можетъ ли, правда, усовершенствоваться классическій казанъ; изъ него вкушалъ кажется самъ Адамъ, пророкъ Магометъ со своими сагабами, а теперь случается хлебать и намъ.

Ни одинъ кишлакъ, ни Туркестанъ не производитъ пшеницы такого высокаго качества, какъ карнакская пшеница; послѣ умѣренной промывки, смолотая на жерновахъ, добываемыхъ съ урочища Гокузьмышъ, въ Кара-тау, пшеница карнакская споритъ съ прославленной аулье-атинской и сбывается на мѣстныхъ базарахъ по высокой сравнительно цѣнѣ: 50 к. за пудъ въ хлѣбородъ и 1 р. 20 к. въ неурожай. Но затѣмъ больше Карнакъ ничего и не знаетъ: зигырь, индау, кунджутъ, гуза засѣваются по окраинамъ бахчей въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, по несвычности, какъ мнѣ сказывали, съ этой обработкой. Бахчи, дыни, арбузы, садовые фрукты, при совершенномъ отсутствіи винограда и персиковъ, значительно уступаютъ вкусомъ туркестанскимъ. Словомъ, Карнакъ

преданъ одному хлѣбопашеству, образцово устроенному и потому щедро вознаграждающему трудъ земледѣльца. Въ кишлакѣ насчитывается 13 мечетей, одно медрессе казія Абсамата съ 30 учениками и 3 мехтеба (низшія школы). Ремесла мало занимаютъ карнакцевъ, довольствующихся произведеніями Туркестана; есть впрочемъ 4 сапожника, 2 мыловара, 4 кожевенныхъ завода (кончи). Единственная базарная улица въ самомъ курганѣ, тѣсномъ и грязномъ, состоитъ изъ 10 лавокъ (баззазъ, баккаль) съ кукъ-чаемъ, плохими халатами, шелкомъ, разной мелочью и неизбѣжной аттаръ (аптекой). Да и для кого нужны, разсуждаютъ карнакцы, наши лавки, наши ремесла? Торговаго рынка кишлакъ нашъ не знаетъ со временъ имама Багали-Сагаба, забились мы въ сторону отъ большого почтоваго и караваннаго тракта, никто къ намъ и не заглядываетъ по старой отчужденности; даже превосходный хлѣбъ нашъ, не оставляемый въ амбарахъ болѣе двухъ лѣтъ, по случаю митая (червь), никого не привлекаетъ въ кишлакъ, а приходится тащиться на туркестанскій рынокъ, что для насъ, ограничивающихся въ перевозкѣ, по случаю каменистаго пути, верблюдомъ, а не арбой, не совсѣмъ удобно; да и главное— городъ устанавливаетъ цѣны на нашъ хлѣбъ. Другое дѣло, если бы Туркестанъ, гдѣ базары собираются ежедневно, медленно подымая его торговлю, удѣлилъ бы, какъ хлопочетъ также и Иканъ, хотя по одному дню въ недѣлю для рыночныхъ нашихъ сборовъ; тогда бы Карнакъ доказалъ, что торговое значеніе условливается не столько транзитомъ, сколько внутренней производительностью даннаго пункта [1]) и скоро обогатился бы отъ сбыта своихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Да, учрежденіе базарныхъ дней въ Карнакѣ и Иканѣ, съ сокращеніемъ ихъ въ Туркестанѣ, представляется по времени совершенно необходимымъ. Каждодневные сборы на городскомъ базарѣ, установленные съ незапамятныхъ временъ, вѣроятно,

[1]) Примѣръ тому кишлакъ Бабай-курганъ, лежащій на сибирскомъ караванномъ пути и при слабыхъ земледѣльческихъ производствахъ остающійся въ полной экономической неподвижности.

по малонаселенности другихъ осѣдлыхъ пунктовъ и по другимъ пожалуй причинамъ, извѣстнымъ лишь коканскимъ правителямъ, потеряли теперь свое значеніе для Туркестана и мало, особенно лѣтомъ, привлекаютъ кочевниковъ, преимущественнымъ образомъ оживляющихъ торговлю; а между тѣмъ Иканъ и Карнакъ теряютъ не мало, отвлекаясь для торговыхъ сдѣлокъ не свыше 20 рублей, за десятки верстъ и поставленные въ необходимость расходоваться на перевозку своихъ продуктовъ, для сбыта по цѣнамъ, устанавливаемымъ туркестанскими далгяль (маклерами), посредствующими вездѣ и при всѣхъ сдѣлкахъ въ интересѣ своемъ, но никакъ не потребителей и торговцевъ. Не слѣдуетъ опасаться неуспѣха въ торговлѣ названныхъ кишлаковъ только по невыгодности ихъ положенія, въ сторонѣ отъ узла торговыхъ путей Туркестана [1]), такъ какъ транзитное положеніе въ здѣшней торговлѣ имѣетъ пожалуй менѣе значенія, чѣмъ учрежденіе рынковъ въ пунктахъ, близкихъ къ киргизскимъ кочевьямъ и богатыхъ земледѣльческими продуктами. Кишлакъ Сузакъ, напримѣръ, выдающійся бѣдностью ирригаціи, едва обезпечивающей насущную нужду населенія, тихо поднимается экономически, несмотря на прохожденіе чрезъ него бухарско-сибирскаго караваннаго тракта, а Кара-булакъ и Сайрамъ (Чимкентскаго уѣзда), при одинаковомъ съ Карнакомъ положеніи въ сторонѣ отъ караванныхъ путей, процвѣтаютъ своей хлѣбной и скотной торговлей подъ вліяніемъ издавна учрежденныхъ въ нихъ рынковъ. Роль Карабулака въ хлѣбной торговлѣ, конечно, всегда будетъ шире той, какая ожидаетъ кишлаки Туркестанскаго уѣзда, неимѣющіе воднаго богатства долины Арыса, но, во всякомъ случаѣ, съ учрежденіемъ базарныхъ дней, и Карнакъ съ Иканомъ займутъ видное мѣсто въ торговлѣ съ кочевниками.

[1]) Чрезъ Туркестанъ проходитъ караванный трактъ ташкентско-оренбургскій, троицкій, сибирскій и бухарскій.

ХАЛИФА ХАСАНЪ. [1])

Біографическій очеркъ.

Не надо особенно пристально вглядываться, чтобы подмѣтить, что жизнь среднеазіатскаго осѣдлаго туземца, и въ особенности горожанина, до крайности монотонна, однообразна и, что всего прискорбнѣе — инертна, бѣдна способностью къ творческой дѣятельности. Насколько туземецъ выносливъ въ исполненіи законнаго дѣла, настолько же онъ неподвиженъ пока въ проявленіи самостоятельнаго почина въ каждомъ болѣе или менѣе сложномъ дѣлѣ. Этой косностью, преобладающей въ характерѣ туземца, и объясняется отчасти, что энергичная и производительная дѣятельность правительственной власти или частнаго человѣка составляетъ для данной мѣстности цѣлую эпоху, упрочивая въ потомствѣ за такимъ дѣятелемъ и славу и разные титулы, (*бадаулетъ*, *дуньядоръ*, *ихтыбарлыкъ*, и проч.) и святость (*аулье*, *бузрукъ ходжа*). Матчинцы, напримѣръ, съ благоговѣніемъ произносятъ имя своего правителя Батыръ-хожда (1840 г.), столько же за успѣшныя его войны съ сосѣдями, сколько за устройство мостовъ и крѣпостей, хотя этотъ бекъ звѣрски расправлялся со своимъ народомъ и выстроенная имъ на берегу рѣчки Оби-Риватъ крѣпость Кала-хана получила такое названіе потому, что фундаментомъ для нея послужили 50 головъ горцевъ, отказавшихся идти на работы. Фальгарцы не скоро забудутъ Канотъ-бека (1848 года), устроившаго дорогу по берегу Зеравшана,

[1]) Напечатано 1877 г.

въ обходъ неудобнаго по крутизнѣ своей подъема Джанъ-чигаръ (душа вонъ) на Урмитанской долинѣ. Жители Фана (бассейнъ рр. Ягнобъ и Искандеръ-дарьи) изъ рода въ родъ передаютъ легендарные разсказы о Сеидъ-Акрамѣ-Румлыкѣ, показавшемъ имъ въ незапамятное время пріемы обработки *зака* (каліевы квасцы), добычи сѣры и нашатыря.

Не отстали отъ горцевъ и туземцы долины съ Пенджекентомъ, возвеличившіе таджика Хасана чрезъ 10 лѣтъ послѣ смерти въ *халифа* (наставникъ), *ишана* (вѣрующій), *суфи* (благочестивый) и дальше, неизбѣжно, въ *аулье* (святой).

Объ этомъ Халифа-Хасанѣ мы и скажемъ нѣсколько словъ, такъ какъ минувшая дѣятельность его оставила нѣкоторый слѣдъ въ дѣлѣ ирригаціи нагорнаго раіона и въ развитіи здѣсь поселеній.

Туджикъ-Хасанъ, сынъ Магометъ-Латыфа, умершаго на 120 году, родился и провелъ все свое дѣтство [1]) въ Каратигенѣ, гдѣ учился до 20 лѣтъ въ разныхъ медрессе чубинъ (деревянное зданіе) кишлаковъ: Ярхичь, Фатъ-хабатъ и Шангличъ. Достаточно подготовившись къ обязанностямъ имама, Хасанъ, хотя и получилъ за свои способности это мѣсто при каратигенскомъ ша (правителѣ), недолго однако оставался въ этомъ званіи и затѣмъ — въ званіи *хатыпа* (проповѣдникъ). На 23 году жизни онъ отправился въ Мекку на поклоненіе и для усовершенствованія себя въ теологіи. Во время этого путешествія онъ былъ представленъ въ Бухарѣ своимъ наставникомъ (*пиръ*) ишаномъ Имля эмиру Магометъ-Рахиму, отъ котораго получилъ вспомоществованіе и приглашеніе остаться у него въ должности *мударриса* (профессора) одного изъ мѣстныхъ медрессе.

Однако Хасанъ не увлекся такой милостью Магометъ-Рахима, очевидно высоко цѣнившаго знанія молодого ученаго и отправился въ Мекку. На пути своемъ чрезъ Афганистанъ и Персію Хасанъ являлся ко всѣмъ извѣстнымъ въ то время

[1]) Онъ родился въ 1702 году, умеръ въ 1832 г.

мусульманскимъ ученымъ и ишанамъ, жилъ у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ, изучалъ подъ ихъ руководствомъ богословскія науки и „вдыхалъ благочестіе“ настолько успѣшно, что каждый ишанъ снабжалъ юношу разрѣшеніемъ (*хатъ-ирша*) на ишанизмъ, т.-е. на право поученія правовѣрныхъ. Своими вразумительными собесѣдованіями (*сохбатами*), Хасанъ, несмотря на свои молодые годы, пріобрѣлъ на пути также множество послѣдователей-*мюридовъ*. Даже сами правители тѣхъ странъ, въ которыхъ онъ оставался нѣкоторое время для поученій, просили у него благословенія (*фатиха*), опасаясь навлечь невниманіемъ къ нему неудовольствіе народа.

Добравшись въ Мекку, чрезъ $3^1/_2$ года послѣ оставленія своего дома въ Каратигенѣ, Хасанъ, не обнаруживая здѣсь никому своихъ дѣйствительныхъ познаній, принялся съ большимъ усердіемъ за изученіе элементарныхъ и высшихъ мусульманскихъ наукъ, и своими колоссальными успѣхами удивлялъ и товарищей по медрессе, и учителей своихъ, въ то время знаменитыхъ ишановъ: Сеедъ-Шарифа, Сеедъ-Касыма и Сеедъ-Агляма. Воздержной жизнью, благотворительностію и серьезнымъ знаніемъ наукъ Хасанъ пріобрѣлъ въ Меккѣ, въ десятилѣтнее пребываніе свое, уваженіе и извѣстность во всемъ мусульманскомъ обществѣ, наравнѣ со своими престарѣлыми тремя наставниками. Онъ имѣлъ и здѣсь много мюридовъ, хотя самъ считался ученикомъ. Наконецъ популярность Хасана достигла полнаго апогея, когда старшій мударисъ Сеедъ-Касымъ торжественно разсказалъ своимъ слушателямъ, что во снѣ явился ему Пророкъ, отвелъ его въ гумбазъ (мавзолей), наполненный духовными книгами, и указавъ на сидѣвшаго въ углу Хасана, сказалъ: „отпусти этого юношу въ его страну, на поученіе правовѣрныхъ“.

Въ тотъ же день Хасанъ, выслушавъ отъ всѣхъ меккцевъ поздравленія, закончилъ свое ученичество и получилъ дипломъ въ знаніи всѣхъ наукъ мусульманскихъ и хатъ-ирша (родъ ярлыка) на право поученія правовѣрныхъ.

Не долго послѣ этого оставался въ Меккѣ Хасанъ, и усло-

вившись съ товарищемъ по медрессе, татариномъ Магометъ-Селихомъ, предпринялъ обратное путешествіе чрезъ Кавказъ, гдѣ онъ прожилъ два года (1740—41 г.), Астрахань и Казань. Вѣрный своему призванію, Хасанъ не отказывался и здѣсь отъ поученія мусульманъ вѣрѣ и нравственной жизни, но кратковременное пребываніе, и въ особенности слабое знаніе мѣстныхъ нарѣчій, не упрочило здѣсь ни его ученія, ни его имени. Зато въ Бугурусланскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, гдѣ Хасанъ провелъ четыре съ половиною года, многіе татары, по преданію, съ благоговѣніемъ произносятъ его имя, называя его не иначе, какъ ишанъ Халифа Хасанъ. Отъ стариковъ татаръ этого уѣзда и теперь можно услышать сохранившіеся по преданію разсказы о благочестивой жизни Хасана, о благотворительной щедрости его, о заботливости въ распространеніи учености между татарами, изъ которыхъ многіе послѣдовали за нимъ въ Бухару для окончанія образованія своего въ мѣстныхъ медрессе.

Возвращаясь чрезъ 18 лѣтъ въ Среднюю Азію, Халифа Хасанъ направилъ своихъ 12 послѣдователей-татаръ въ Бухару, а самъ прошелъ въ Лагоръ индостанскій и поселился у ишана Мусса-хана.

Не безплодно провелъ Хасанъ 10 лѣтъ въ Лагорѣ; здѣсь онъ старательно изучалъ туземную медицину, а бесѣды его съ престарѣлымъ, извѣстнымъ въ то время всему востоку, ишаномъ Мусса-ханомъ, значительно расширили, какъ признавался самъ Хасанъ, его познанія.

Популярность молодого ученаго была въ то время такъ велика, что мѣстное общество относилось къ нему съ высокимъ уваженіемъ, а самъ ишанъ не замедлилъ дать согласіе на бракъ своей дочери съ Хасаномъ. Однако женитьба не привязала Хасана окончательно къ Лагору и на одиннадцатый годъ своего пребыванія здѣсь онъ возвратился въ Каратигенъ, одинъ, безъ семейства, оставленнаго у родственниковъ жены. Въ своемъ родовомъ кишлакѣ Туда, Хасанъ не засталъ уже въ живыхъ отца и двухъ старшихъ братьевъ, а хозяйство его

оказалось въ такомъ разстройствѣ, что потребовалось много времени и труда для возстановленія его.

Отвлекаемый ли практической дѣятельностью, или по другимъ причинамъ, Хасанъ, съ возвращеніемъ въ Каратигенъ, отказался навсегда отъ проповѣдничества и посвятилъ себя заботамъ о своемъ семействѣ отъ второй жены, взятой въ Гармѣ. Съ этого времени и до конца жизни Хасанъ вполнѣ предался культивированію такихъ свободныхъ участковъ земли, которые позволяли проведеніе по нимъ оросительныхъ каналовъ изъ естественныхъ водныхъ источниковъ. Каратигенъ, густо населенный уже въ то время, не представлялъ удобствъ къ такой дѣятельности, и на 24 году своего пребыванія дома, послѣ возвращенія изъ Лагора, Хасанъ отправился для этой цѣли въ Кокандское ханство.

Но ему не съ разу пришлось начать дѣло на Сыръ-дарьѣ: въ Кокандѣ Хасанъ встрѣтился на базарѣ (1798 годъ) съ Ша-Муратомъ-біемъ, бухарскимъ ханомъ [1]), путешествовавшимъ, какъ оказалось, подъ строгимъ инкогнито, въ видѣ каляндаря. Узнанный Ша-Муратомъ, Хасанъ согласился путешествовать вмѣстѣ съ нимъ къ могилѣ святого Тахта-Сулейманъ (за Андижаномъ) и оттуда въ Бухару. Никѣмъ не узнанный, Ша-Муратъ побывалъ въ рубищѣ каляндаря во дворцѣ кокандскаго хана, посѣтилъ всѣ священныя мѣста ханства и вмѣстѣ съ Хасаномъ вернулся чрезъ Ташкентъ въ самаркандскій Дагбитъ, гдѣ, оставаясь неузнаннымъ, выслушалъ отъ муллъ много порицаній своему правленію. Послѣ этого любознательный каляндаръ снялъ съ себя таинственность и, возсѣвъ на кокъ-ташъ въ Самаркандѣ, привелъ въ немалое смущеніе и самаркандцевъ и дагбитскихъ муллъ, сильно поплатившихся за злословіе противъ хана своего.

Въ признательность за сопутничество и услуги, Ша-Муратъ подарилъ Хасану хорошій домъ въ Самаркандѣ, въ кварталѣ Чаръ-су и далъ разрѣшеніе переселить сюда изъ Каратигена семейство и родственниковъ. Воспользовавшись вниманіемъ и расположеніемъ хана, Хасанъ, раньше возвращенія въ Каратигенъ за семействомъ, прошелъ въ Кокандъ и, заручившись разрѣшеніемъ Нарбута-хана, составилъ компанію изъ мѣстныхъ землепашцевъ для проведенія арыка на Кони-бадамъ и въ Пудивакъ. Предпріятіе это вполнѣ удалось, но Хасанъ началъ его очевидно не изъ корыстныхъ разсчетовъ, потому что, отказавшись отъ своей доли въ орошенной землѣ, возвратился на третій годъ въ Каратигенъ. На этотъ разъ онъ послѣдовалъ разрѣшенію Ша-Мурата и перевезъ все семейство свое въ Самаркандъ.

[1]) Въ то время владѣтели Бухары назывались еще ханами. Титулъ эмира принялъ Миръ-Гайдеръ.

Вѣрный своему стремленію вызвать къ производительной жизни участки земли, способные къ устройству на нихъ орошенія, Хасанъ, проходя изъ Каратигена въ Самаркандъ, чрезъ горы Фальгара и Пенджекентъ, обратилъ вниманіе на пустынность огромной долины, тянущейся отъ устья рѣки Кштутъ по Зеравшану, до земель кишлака Суджина на западѣ. По приходѣ въ Самаркандъ, первой заботой его было испросить разрѣшеніе властей на орошеніе пустынныхъ береговъ Зеравшана, за Пенджекентомъ. Поощренный согласіемъ и небольшимъ денежнымъ вспомоществованіемъ отъ Гайдера [1]), предпріимчивый Хасанъ открылъ сначала ирригаціонныя работы на юго-западѣ отъ Пенджекента, и искусно выведенными каналами изъ горной рѣчки Кыркъ-арча оросилъ площадь удобной земли въ 460 десятинъ, на которыхъ группируется съ тѣхъ поръ землепашество узбековъ рода тюяклы, кишлаковъ: Шурновъ, Ялакджаръ, Урта-кишлакъ, Камаръ-кишлакъ и Чимъ-курганъ.

Весьма удачное и довольно скорое двухгодичное исполненіе работъ по орошенію лощины Кыркъ-арча, поддержало авторитетъ Хасана въ мѣстномъ населеніи настолько, что онъ безъ труда составилъ въ 1820 году небольшое товарищество для проведенія арыка изъ западнаго берега рѣки Миндана, впадающей справа въ Зеравшанъ.

[1]) Эмиръ Гайдеръ (1801—1827), прозванный Сендомъ, т.-е. чистымъ, покровительствовалъ заселенію Зеравшанской долины и развитію въ ней ирригаціи.

Капитальная работа эта, потребовавшая вести арыкъ по склону горы, на протяженіи двухъ верстъ, въ обходъ частыхъ горныхъ разсѣлинъ, была окончена въ два лѣта, при содѣйствіи фальгарцевъ, разсчитывавшихъ имѣть здѣсь долю въ землепашествѣ. Этимъ арыкомъ обильно орошена была равнина Чокаронъ, вмѣщавшая на 500 десятинахъ землепашества 200 семействъ, получившихъ надѣлы въ постоянное, полное пользованіе, частію на правѣ дольщиковъ товарищества, частію выкупомъ у товарищества по 80 коп. и до 2-хъ рублей за танапъ.

Не долго, однако, пользовалось арыкомъ изъ Миндана-су товарищество Халифа Хасана. Путь арыка по разрушенной, водопроницаемой горной породѣ, при всѣхъ усиліяхъ искусственнаго поддержанія его желобами (*нау*) и затрамбовываніемъ трещинъ, годъ отъ году до того разрушался, что въ 1833 г. пришлось окончательно отказаться отъ него. Такимъ образомъ арыкъ этотъ прослужилъ товариществу всего 13 лѣтъ, едва окупивъ издержки на его проведеніе.

Гораздо удачнѣе было предпринято Халифа Хасаномъ въ 1828 году проведеніе арыка изъ небольшой горной рѣчки (въ Туркестанскомъ кряжѣ) Уй-бадамъ (жилище миндаля), вливающейся справа въ Зеравшанъ нѣсколько выше Пенджекента. Товарищество, составленное изъ вызванныхъ Хасаномъ каратигенцевъ, матчинцевъ и частію кштутцевъ, воспользовалось открытой, довольно обширной площадью земли по берегамъ р. Уй-бадамъ, и въ три лѣта оросило ее пятью небольшими арыками: изъ праваго берега Шингакъ, Дашты-Варваръ—для орошенія полей, и Чорбакъ—для поливки садовъ, а изъ лѣвой стороны арыками: Міона (средній) и Чорбакъ—для садовъ.

Всю землю, въ количествѣ 600 танаповъ, орошенную арыками, выведенными изъ Уй-бадама, Халифа Хасанъ получилъ отъ эмира Насръ-Улла въ потомственную, обѣленную отъ податей собственность (*мюлькъ-халысъ*). На этомъ правѣ онъ завѣщалъ ее въ вакуфъ своему потомству (*авладъ*) и открытому имъ въ Пенджекентѣ медрессе Чубинъ, состоящему изъ четырнадцати келій.

Оставшіеся съ тѣхъ поръ на берегу Зеравшана, при впаденіи въ него многоводной р. Уй-бадамъ, каратигенцы и другіе выходцы, надѣленные Халифа Хасаномъ землею, составили кишлакъ Хожа-паншъ (по имени 5 хожей, имѣющихъ здѣсь мавзолеи глубокой древности).

Теперь въ кишлакѣ Хожа-паншъ, уютно сгрупированномъ на высокомъ берегу Зеравшана, и картинно окаймленномъ роскошными садами, разбросанными террасами, насчитывается 36 домовъ съ 80 семействами, данниками вакуфа Халифа Хасана. Богатая, но къ сожалѣнію быстро истребляемая растительность ближайшихъ ущельевъ Шигнакъ, Уй-бадамъ, наполненныхъ разнообразными древесными породами (дикій орѣхъ, миндаль, фисташки, кленъ, рябина), тучная подгорная и побережная почва издавна привлекла сюда переселенцевъ, искателей земной благодати, и цѣны на землю поднялись здѣсь вслѣдствіе того чрезвычайно высоко: за танапъ побережья (*курукъ*) платятъ 60—80 рублей.

Хожа-паншъ, съ его зажиточными жителями, оставитъ навѣрно пріятное впечатлѣніе на каждаго, кто посѣтитъ этотъ кишлакъ.

Не въ такихъ, къ сожалѣнію, условіяхъ находится второй данникъ вакуфа Халифа Хасана, кишлакъ Миндана [1]), расположенный на лѣвомъ берегу рѣки того же названія, при впаденіи ея въ Зеравшанъ, въ 30-ти верстахъ выше Пенджекента. При достаточно плодородномъ и хорошо развитомъ землепашествѣ этого селенія, по системѣ арыковъ, проведенныхъ 70 лѣтъ тому назадъ изъ лѣваго берега немноговодной рѣки Миндана (въ Туркестанскомъ кряжѣ), жители этого селенія имѣютъ крайне печальный видъ отъ плохихъ санитарныхъ условій, скрывающихся въ самой природѣ. Надо надѣяться, что гг. врачи наши обратятъ когда-нибудь вниманіе на санитарныя особенности этого горнаго уголка и опредѣлятъ: что за болѣзнь такая „тагбатъ“ и чѣмъ она порож-

[1]) Часть земли этого селенія, на лѣвомъ берегу р. Миндана, назначена Халифа Хасану въ мюлькъ-халысъ эмиромъ Насръ-улла.

дается. Здѣсь не мѣсто описывать эту болѣзнь по разсказамъ о ней туземцевъ, но нелишнее будетъ сказать, что болѣзнь эта, чисто эпидемическая, имѣетъ тѣ же особенности, какъ гиссарская тагбатъ (ревматическая лихорадка) и сопровождается весьма сильной смертностью.

Изможденное органическими страданіями, населеніе этого кишлака (таджики, переселенцы изъ Фана), отдавая ежегодно 8% умершихъ и 60% проболѣвшихъ жертвъ тагбата, только вслѣдствіе присущей всѣмъ азіатцамъ неподвижности, не рѣшается оставить этотъ могильный кишлакъ, хотя по частямъ и устраивается въ другомъ мѣстѣ, оставивъ за собою земли по р. Миндана. И здѣсь нуженъ такимъ образомъ починъ власти, иначе минданцы, представляющіе теперь едва двигающіеся живые скелеты, дойдутъ до вырожденія, а кишлака своего не оставятъ по своей собственной иниціативѣ.

Но возвратимся къ предмету нашего очерка:

Ободренный полнымъ успѣхомъ орошенія земель, пріютившихъ кишлакъ Хожа-паншъ, Халифа Хасанъ, проживавшій уже въ это время въ Пенджекентѣ, задумалъ вызвать къ культурный жизни обширную равнину Даштъ-гусаръ, тянущуюся по лѣвому берегу Зеравшана отъ устья рѣки Кштутъ, чрезъ Маргидаръ за кишлакъ Гусаръ на западѣ.

Поддерживаемый правительствомъ эмира Гайдара, Халифа Хасанъ успѣлъ въ два года поднять воду р. Кштутъ на равнину закрытымъ арыкомъ (*каризъ*), вырубленнымъ на пространствѣ одной версты въ конгломератѣ. На орошенномъ прибрежьѣ Кштута товарищи Хасана, выселенцы изъ Кштута и Фальгара, не замедлили устроить кишлакъ Тогоби-халкъ (народъ ущелья), но не надолго: независимый въ то время магіяно-кштутскій бекъ Аллаяръ-инакъ, поддерживая ходатайство узбековъ—оставить Даштъ-гусаръ для кочевниковъ, запретилъ заниматься землепашествомъ на арыкѣ Халифа Хасана, и разоренные такимъ распоряженіемъ бека жители Тогоби-халкъ разошлись куда кому пришлось. Теперь въ кишлакѣ Шишкатъ, Кштутскаго ущелья, можно встрѣтить стариковъ,

съ горечью разсказывающихъ о напрасно положенныхъ усиліяхъ по проведенію арыка изъ устья р. Кштутъ. Но самъ Халифа Хасанъ не смутился этой неудачею и, воспользовавшись перемѣною правленія въ Магіяно-кштутѣ, заручившись разрѣшеніемъ и даже небольшимъ денежнымъ вспомоществованіемъ бека, въ 1840 году въ той же долинѣ Гусаръ заложилъ арыкъ изъ лѣваго берега Зеравшана.

Тучная мергелевая почва этого побережья, испытанная отчасти въ обработкѣ ея подъ посѣвы богарные (весенніе атмосферическаго орошенія), привлекла на совершенно удавшійся арыкъ Халифа Хасана безземельныхъ кштутцевъ, узбековъ рода туркъ. Скоро образовалось здѣсь поселеніе, кишлакъ Болясъ; 15 лѣтъ дѣйствовалъ этотъ арыкъ и поддерживалось богатое урожаями землепашество, но холерная эпидемія 1865 года частью разогнала населеніе кишлака Болясъ и теперь арыкъ этотъ остается заброшеннымъ.

Назовемъ еще арыки: Оби-рахматъ, съ кишлакомъ на немъ Ишанъ, въ Самаркандскомъ отдѣлѣ, противъ Чапанъ-ата, разработанный Халифа Хасаномъ незадолго до переселенія въ Пенджекентъ и завѣщанный имъ, по праву милька-халысъ, въ вакуфъ медрессе Халифа Хасанъ въ Самаркандѣ, въ кварталѣ Хожа-зумратъ.

Такъ работалъ Халифа Хасанъ до глубокой старости по проведенію арыковъ въ обезпеченіе чувствительно обезземеленнаго уже и тогда горнаго населенія. Улучшилось ли съ тѣхъ поръ землевладѣльческое положеніе горцевъ—скажемъ впослѣдствіи.

Въ домашней жизни Халифа Хасанъ отличался всегда умѣренностью во всемъ и особенною склонностью къ физическому труду. Разсказываютъ, что въ послѣдніе 30 лѣтъ жизни онъ спалъ всего два часа въ сутки и не иначе, какъ сидя и прислонившись къ стѣнѣ своей комнаты. Съ разсвѣтомъ его видѣли уже или работающимъ съ кетменемъ въ полѣ, или собирающимъ хворостъ (*хосъ*) на топливо для келій, построеннаго имъ въ 1821 году въ Пенджекентѣ, въ кварталѣ Халифа Хасанъ, медрессе Чубинъ.

Каждогодно, съ наступленіемъ весны, старикъ переѣзжалъ верхомъ изъ Пенджекента въ Хожа-паншъ и въ теченіи двухъ весеннихъ мѣсяцевъ собиралъ въ горахъ цѣлебныя травы (*гіл*), которыя раздавалъ обращавшимся къ нему больнымъ, съ наставленіемъ какъ употреблять ихъ въ каждой болѣзни.

Нерѣдко случалось Халифа Хасану приготовлять изъ травъ лѣкарства для эмира Насръ-улла, посылавшаго къ нему гонцовъ каждый разъ при заболѣваніи и при открытіи войны, на которую испрашивалось имъ благословеніе (фатиха) Хасана.

Не величая себя ни *пиромъ* (наставникомъ), ни *ишаномъ* (учителемъ), Халифа Хасанъ пользовался всегда уваженіемъ и высокимъ довѣріемъ къ каждому сказанному имъ наставленію.

Въ послѣдніе годы его жизни массы туземцевъ, пилигримовъ изъ Бухары, Коканда и Ташкента приходили въ Пенджекентъ на поклоненіе (зіаратъ) маститому старцу, не принимавшему никогда отъ почитателей никакихъ приношеній и поучавшему и словомъ и примѣромъ въ необходимости помогать неимущимъ.

Эмиръ Батыръ-ханъ (Насръ-улла) относился всегда къ Халифа Хасану съ предупредительнымъ вниманіемъ и посылалъ ему поздравленія по случаю каждаго праздника, а въ пріѣздъ свой въ Пенджекентъ, въ 1854 году, самъ отправился къ нему въ домъ за благословеніемъ.

Въ послѣдніе пять лѣтъ жизни Халифа Хасанъ никуда не выѣзжалъ изъ Пенджекента, но посѣщалъ аккуратно мечеть и при случаѣ высказывалъ всѣмъ свой эпикурейскій взглядъ на жизнь, уча относиться къ смерти съ равнодушіемъ, такъ какъ по его словамъ: „ни въ жизни, ни въ смерти нѣтъ зла“.

Этотъ философскій взглядъ на жизнь Халифа Хасанъ проводилъ практически, и когда домашніе плакали надъ трупомъ умершаго его сына, онъ пригласилъ въ домъ музыку и открылъ шумныя увеселенія съ пляской и съ *кокъ-бури* (скачка съ козломъ).

Въ исходѣ 1865 года, недѣлю спустя послѣ начала уразы (мусульманскій постъ), въ декабрѣ мѣсяцѣ Халифа Хасанъ,

оставаясь совершенно бодрымъ и съ виду здоровымъ, объявилъ своимъ родственникамъ и всѣмъ знакомымъ, что чрезъ недѣлю онъ долженъ умереть. Многіе конечно сомнѣвались въ справедливости его предсказанія и съ неохотой присутствовали на поминкахъ, открытыхъ по себѣ Халифа Хасаномъ еще при жизни.

На этихъ необыкновенныхъ поминкахъ, послѣ раздачи каждому на память по куску ситца и сукна, Халифа Хасанъ простился со всѣми, объявилъ, что онъ умретъ чрезъ недѣлю, въ понедѣльникъ, и просилъ не увѣковѣчивать его имя мавзолеями (мазаръ), а похоронить при дорогѣ, безъ обозначенія могилы, чтобы никто не зналъ, гдѣ онъ погребенъ. Въ этотъ же день прощанія съ пенджекентцами отправился къ эмиру Музафаръ-хану въ Гиссаръ гонецъ отъ Халифа Хасана, его сынъ Магометъ-Раджабъ, съ поминальнымъ сукномъ (*иртышг*) и съ извѣщеніемъ, что отецъ ожидаетъ смерти „въ такой-то день“. Эмиръ Музафаръ принялъ поминальный иртышъ въ тотъ самый понедѣльникъ, начала декабря 1865 года, когда Халифа Хасанъ отошелъ въ вѣчность на 163 году отъ рожденія.

Присутствовавшіе при послѣднихъ минутахъ жизни Халифа Хасана разсказываютъ, что онъ скончался тихо, безъ малѣйшихъ признаковъ страданія, сидя на своемъ обычномъ мѣстѣ.

Почитатели Халифа Хасана не исполнили завѣщанія своего учителя, похоронили его на видномъ мѣстѣ, на восточной сторонѣ Пенджекента, внѣ города, а явившійся въ 1873 году изъ Казани на поклоненіе своему наставнику татаринъ Махзумъ построилъ на могилѣ скромнаго учителя окромный гумбезъ (*мазаръ*), выдающійся своимъ ярко бѣлымъ куполомъ, съ неизбѣжнымъ бунчукомъ (*тугъ*).

Теперь въ этомъ мазарѣ горятъ по пятницамъ свѣчи почитателей, а чрезъ полсотни лѣтъ къ имени Халифа Хасана, безъ сомнѣнія, прибавится эпитетъ *ауліе*, т.-е. святой, и правовѣрные всѣхъ странъ будутъ ходить сюда на поклоненіе (*зіаратъ*) съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ посѣщаютъ могилу Ходжа-ахрара въ Ташкентѣ, Даньяра—въ Самаркандѣ, и другія.

НАРОДНЫЙ СУДЪ У ТУЗЕМЦЕВЪ [1]).

Кончившееся 2 мая 1878 года десятилѣтіе Зеравшанскаго округа даетъ случай и возможность отмѣтить тѣ свѣдѣнія о дѣйствіи народнаго суда у туземцевъ, о вліяніи его на соціально-экономическіе интересы населенія, которыя такъ или иначе иллюстрируетъ сама жизнь. Такія свѣдѣнія, если бы они отмѣчались возможно чаще людьми, знающими край, и въ другихъ частяхъ Туркестана, могли бы съ достаточною правильностью уяснить слѣдующіе вопросы, весьма важные, конечно, для успѣха правильной гражданственности, которою задается русская администрація: въ какой степени дѣятельность судовъ соотвѣтствуетъ тому идеалу, который имѣло въ виду законодательство (проектъ положенія объ управленіи въ Туркестанскомъ краѣ, дѣйствующій съ 1867 года),—не встрѣчаетъ ли практика народныхъ судовъ (у кочевниковъ судъ *біевъ* по *зану* — обычаю, у осѣдлыхъ туземцевъ судъ *казіевъ*, по шаригату) какихъ-нибудь затрудненій въ преслѣдованіи задачъ, поставленныхъ положеніемъ, и какимъ образомъ устранить такія препятствія? Въ какой степени взгляды суда на вопросы права, а также и рѣшенія судей осуществляютъ ту справедливость, которой домогается и законодательство, и современное общество? Наконецъ, какъ велика та сумма благъ или страданій, которая внесена въ народную жизнь новымъ строемъ судебнаго дѣла, и въ чемъ именно она заключается?

[1]) Напечатано въ 1879 году.

Всѣ эти вопросы, если они будутъ разобраны по даннымъ дѣйствительности, хотя отмѣткою аналогическихъ случаевъ изъ практики того или другого судебнаго органа, опредѣляютъ съ достаточной правильностью удѣльный вѣсъ мѣстныхъ законоположеній, т.-е. практическое ихъ значеніе для общества, а это, въ свою очередь, уяснило бы достоинство и недостатки организаціи народнаго суда.

Къ сожалѣнію, юридическіе вопросы и дѣятельность народнаго суда всего менѣе привлекали вниманіе лицъ, занимающихся изученіемъ Туркестана, и этотъ важный предметъ далъ до сихъ поръ только три изслѣдованія: „Разборъ русскаго и мусульманскаго законоположеній о находкѣ и о пригульномъ скотѣ, лѣкота“, въ № 18 Турк. Вѣд. за 1871 г., „Юридическій обычай киргизовъ“, статья г. Загряжскаго въ Туркестанскомъ Ежегодникѣ за 1876 г., и двѣ полемическія статьи гг. Рейнталя и Загряжскаго, въ вып. III (1874 г.) Туркестанскаго Ежегодника.

Полагаемъ, въ виду такой скудости матеріаловъ по вопросамъ права въ Туркестанѣ, что этотъ небольшой трудъ нашъ разбора дѣятельности народнаго суда въ Зеравшанскомъ округѣ будетъ нелишнимъ и здѣсь, и за предѣлами Зеравшана.

Обширная долина *Міонъ-кони*, отъ пограничнаго урочища *Хаузъ-тумлукъ* на сѣверѣ, со стороны Сыръ-дарьинской области, до сел. *Альчинъ* на югѣ, и горная территорія съ верховьями Зеравшана и Ягноба, составляя, по административному дѣленію въ 1868 году, отдѣлы: *Самаркандскій*—въ 18 волостей, *Катта-курганскій*—въ 10 волостей, и *Нагорные тюмени* — 10 волостей, какъ извѣстно, кочевого населенія не имѣютъ, а населены исключительно осѣдлыми туземцами преобладающей узбекской народности [1]).

[1]) Узбеками зовется тюркское населеніе средне-азіатскихъ провинцій. Въ Зеравшанскомъ округѣ всѣхъ узбековъ насчитывается *92* колѣна съ общимъ числомъ *320,000* душъ приблизительно. За исключеніемъ весьма небольшого

Въ силу этого, примѣнительно къ § 214 проекта положенія объ управленіи въ областяхъ Туркестанскаго края, въ Зеравшанскомъ округѣ искони дѣйствовалъ одинъ только судъ *казіевъ*, распредѣленныхъ въ судебные раіоны такъ: въ Самаркандскомъ отдѣлѣ казій *самаркандскій* для трехъ волостей съ населеніемъ 9,330 дворовъ, казій *аформнкентскій* для трехъ волостей — 5,709 двор., казій *ангарскій* для трехъ волостей — въ 4041 двор., казій *ширазскій* для трехъ волостей — 5079 двор., казій *сугутскій* для двухъ волостей — 3914 двор., казій *челекскій* для двухъ волостей — 2441 двор., казій *Яны-курганскій* для двухъ волостей — 2590 двор.; въ *Катта-курганскомъ отдѣлѣ*: казій *митанскій* для одной волости — 3240 двор., казій *наукинскій* для трехъ волостей — 6892 двор., казій *пеншембинскій* для трехъ волостей — 6636 двор., казій *Катта-курганскій* для трехъ волостей — 5733 двор.; въ *Нагорныхъ тюменяхъ* [1]); казій *пенджекентскій* двѣ волости — 2070 двор., казій *ургутскій* три волости — 4113 двор., казій *магіянскій* одна волость — 704 двор., казій *китутскій* одна волость — 625 двор., казій *фальгарскій* одна волость — 5000 двор., казій *янобскій* одна волость — 4300 двор., казій *матчинскій* одна волость — 4800 дворовъ.

Это дѣленіе отдѣловъ на судебные раіоны, установившееся въ первые годы присоединенія къ Туркестанскому краю Зеравшанской долины, какъ замѣтно, имѣло въ виду скорѣе территоріальныя основанія, чѣмъ степень населенности и другія [2]). Оттого казіи Самаркандскаго отдѣла, не успѣвая справ-

числа кибитокъ кочевыхъ узбековъ, занимающихъ стойбищами своими сѣверо-западный уголъ Самаркандскаго отдѣла, остальные живутъ осѣдло въ кишлакахъ, занимаясь исключительно хлѣбопашествомъ.

[1]) *Нагорные тюмени*, получившіе съ 1871 года свое существованіе какъ административная единица, равная уѣзду, въ составѣ своего населенія имѣютъ преобладающую *народность горныхъ таджиковъ*, болѣе извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ *Галча*.

[2]) Мы привели тѣ достовѣрныя цифры населенности судебныхъ участковъ, которыя получены точнымъ исчисленіемъ въ зиму 1877—1878 года особыми комиссіями, занимавшимися одновременно и введеніемъ выборнаго положенія.

На основаніи этихъ данныхъ, населенность Зеравшанскаго округа представляется такою: *Самаркандскій отдѣлъ—33,175* дворовъ (г. Самаркандъ *4,360*)

ляться съ массою дѣла, должны были дѣлить всегда и судебную практику, и громадные доходы отъ нея, дававшіе, напримѣръ, самаркандскому казію 15000 руб. годовыхъ сборовъ, съ своими муфтіями, число которыхъ съ мирзами доходило у нѣкоторыхъ до 22 человѣкъ. Зато казіи горныхъ волостей, слабо населенныхъ малозажиточными таджиками, имѣли всегда такую ограниченную, бездоходную судебную практику, которая однихъ побуждала къ прекращенію дѣятельности, другихъ—къ грѣховнымъ доходишкамъ, едва поддерживавшимъ единичное существованіе судьи-туземца.

Слѣдствіемъ такого распредѣленія судебныхъ раіоновъ и рѣзкой противоположности экономическихъ условій ихъ былъ всегда избытокъ кандидатовъ въ должности казіевъ въ долинѣ и ощутительный недостатокъ ихъ въ горахъ.

Такъ какъ выборы казіевъ и другихъ должностныхъ лицъ изъ туземцевъ въ Зеравшанскомъ округѣ до 1878 года, не практиковались, то первое изъ отмѣченныхъ явленій—достаточное число конкуррентовъ, давало возможность русской администраціи замѣщать должности казіевъ лучшими и преданнѣйшими нашимъ интересамъ людьми. Въ свою очередь, и казіи, обезпеченные достаточными доходами отъ судебной практики, дорожили мѣстами и, въ большинствѣ, исполняли свои обязанности превосходно, оставаясь въ должностяхъ по нѣсколько лѣтъ.

Это отчасти можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ полной основательности дѣйствовавшаго ранѣе въ Зеравшанскомъ округѣ начала организаціи туземныхъ административно-судебныхъ органовъ простымъ назначеніемъ по представленіямъ начальниковъ отдѣловъ, а не выборной системой, дѣйствующей въ другихъ областяхъ края уже второе десятилѣтіе.

Теперь, когда до нѣкоторой степени туземцы Зеравшана

× 6 душъ = *199,050* душъ. *Катта-курганскій отдѣлъ 22,500* дворовъ = *135,000* душъ. *Нагорный раіонъ 21.612* дворовъ = *129,672* душъ. Всего *77,287* дворовъ = *463,722* душъ обоего пола.

освоились съ практикой выборной системы въ сосѣдней Сыръ-дарьинской области, признано необходимымъ организовать на тѣхъ же началахъ и населеніе туземное Зеравшанскаго округа, предоставивъ ему выборъ сельскихъ аксакаловъ-старшинъ и казіевъ-судей подачей голосовъ избирателями, т.-е. представителями отъ каждыхъ 30 самостоятельныхъ хозяйствъ.

При этомъ суду дана та организація, съ правильнымъ дѣйствіемъ съѣздовъ, какая установлена § 215—244 проекта положенія.

Такимъ образомъ, со второй половины 1878 года, народный судъ получилъ такую организацію: въ *Самаркандскомъ* отдѣлѣ 12 казіевъ съ тремя съѣздами: первый съѣздъ изъ казіевъ самаркандскаго, махалинскаго, сіабскаго, джума-базарскаго; второй съѣздъ изъ казіевъ ангарскаго, джой-дивапинскаго, яны-курганскаго, дагбитскаго; третій съѣздъ изъ казіевъ челекскаго, сугутскаго, кабутскаго и ширазскаго; въ *Катта-курганскомъ* отдѣлѣ 6 казіевъ съ двумя съѣздами: первый изъ казіевъ катта-курганскаго, хожа-арыкскаго, кальгурганскаго; второй съѣздъ изъ казіевъ наукинскаго, пенджамбинскаго и митанскаго; въ *Нагорныхъ тюменяхъ* 7 казіевъ съ тремя съѣздами: первый ургутскій, пенджекентскій, магіяно-фарабскій; второй съѣздъ изъ казіевъ матчинскаго, фальгарскаго и искандеровскаго; третій съѣздъ изъ казіевъ пенджекентскаго, киштутскаго и магіяно-фарабскаго.

Такое устройство народнаго суда, на началахъ, вполнѣ отвѣчающихъ проекту положенія, дѣйствующему въ областяхъ Сыръ-дарьинской и Семирѣченской съ 1867 года, потребуетъ, равнымъ образомъ, установленія предѣловъ юрисдикціи суда казіевъ и съѣздовъ, такъ какъ предусмотрѣно §§ 133, 226—234 проекта положенія и послѣдующими разъясненіями Г. Главнаго Начальника края.

На основаніи этихъ узаконеній, суду казіевъ подлежатъ всѣ гражданскія дѣла, возникающія изъ правоотношеній туземцевъ одной народности (§§ 133 и 214 проекта положенія), и всѣ уголовныя дѣла, предусмотрѣнныя уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и уложеніемъ о наказаніяхъ, за исключеніемъ дѣлъ объ измѣнѣ, нападеніи на почты и военные транспорты, убійствѣ христіанъ, убійствѣ должностныхъ лицъ, разбояхъ, грабежахъ, нападеніи на купеческіе караваны, побѣгѣ въ чужія владѣнія, поджогахъ, явномъ сопротивленіи властямъ, дѣланіи и переводѣ фальшивой монеты, убійствѣ, похищеніи казеннаго имущества, — всѣ подсудныя военному суду и суду по общимъ уголовнымъ законамъ имперіи (§ 130 и 131 проекта полож.).

Такимъ образомъ, по смыслу § 131 и 133 проекта положенія, юрисдикція народнаго суда охватываетъ подсудностью и такія уголовныя дѣла (растлѣніе, насиліе мужеложствомъ, нанесеніе увѣчья, лжеприсяга, составленіе шаекъ), за которыя уложеніемъ о наказаніяхъ опредѣляется самое тяжелое наказаніе—каторжныя работы. При этомъ, по толкованію § 227 проекта положенія, всѣ уголовныя дѣла, не подлежащія русскому суду, разбираются съѣздами казіевъ, которые, въ силу этого, неминуемо должны обратиться изъ *періодическихъ* въ постоянные съѣзды, такъ какъ дѣлъ уголовныхъ маловажныхъ, влекущихъ за собою наказаніе отъ денежнаго штрафа до тюремнаго заключенія (оскорбленіе чести, угрозы, обиды, нарушеніе порядка и спокойствія, самоуправство, кражи, мошенничество), въ практикѣ народныхъ судовъ встрѣчается весьма много.

Казалось бы, въ виду этого, существенно необходимымъ считать подсудными періодическимъ съѣздамъ казіевъ только тѣ изъ уголовныхъ дѣлъ, которыя влекутъ за собою заключеніе въ смирительный домъ, отдачу въ исправительныя арестантскія роты, ссылку въ Сибирь, – остальныя же дѣла предоставить вѣдѣнію единоличнаго суда.

Съ другой стороны, изъ юрисдикціи народнаго суда слѣдовало бы изъять тѣ изъ уголовныхъ дѣлъ, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ, которыя, оставаясь подсудными казіямъ по смыслу § 131 проекта полож., влекутъ за собою ссылку въ каторжныя работы, т.-е. такую степень уголовной

ответственности, которую судъ казіевъ установить не можетъ въ силу § 232 проекта положенія. Между тѣмъ у осѣдлыхъ туземцевъ дѣла объ изнасилованіи растлѣніемъ, о нанесеніи ранъ тяжкихъ, встрѣчаются весьма часто и во всѣхъ почти случаяхъ оканчиваются полной безнаказанностью обвиняемаго, съ одной стороны по некомпетентности суда (§ 232), съ другой стороны потому, что судъ шаріата единственными доказательными данными въ дѣлахъ о растлѣніи считаетъ 4-хъ свидѣтелей такихъ, которые видѣли преступленіе ipso facto,—что равносильно конечно отказу въ правосудіи.

Изъ соображенія § 129—133 проекта полож. и § 232, расширившаго юрисдикцію народнаго суда до права назначать наказаніемъ за преступленія ссылку въ Сибирь, представляется также вопросъ о подсудности этому суду такихъ уголовныхъ дѣлъ (лжеприсяга, насиліе мужеложствомъ, разрытіе могилъ, составленіе шаекъ), наказаніе, по которымъ ссылка превышаетъ власть суда. По буквальному смыслу § 133 проек. полож. дѣла этого рода подсудны народному суду и притомъ въ такой градаціи однако, что совершеніе того или другого тяжкаго преступленія туземцемъ одной народности съ потерпѣвшимъ влечетъ слабую отвѣтственность предъ судомъ народнымъ, не имѣющимъ для руководства никакого уголовнаго кодекса (практика наказаній по шаригату упразднена § 232); совершеніе же того же преступленія надъ туземцемъ не одной народности съ обвиняемымъ влечетъ отвѣтственность предъ судомъ русскимъ по уложенію о наказаніяхъ.

Туземцы конечно не постигаютъ сокровеннаго смысла этого законоположенія, являющагося охранителемъ правъ одной народности отъ угнетенія другою народностью, и, по встрѣчающимся весьма часто примѣрамъ, задаются вопросами: почему напримѣръ киргизъ, изувѣчивъ своего сородича, отдѣлывается платежемъ въ его пользу одного верблюда (кунъ), а за то же преступленіе, совершенное надъ сартомъ и осѣдлымъ родственнымъ узбекомъ, подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы (ст. 1477 улож. о

наказ.)?—почему лжеприсяга, учиненная сартомъ по дѣлу сарта же, остается безнаказанною, по невѣдѣнію казіями — какимъ наказаніемъ она преслѣдуется, а случай лжеприсяги въ дѣлѣ сарта съ кочевникомъ оканчивается для обвиняемаго наказаніемъ десятилѣтнею каторжною работою (ст. 237 улож.)?—почему такъ часто встрѣчающіеся подлоги киргизовъ или сартовъ въ актахъ по дѣламъ между своими однородичами остаются совершенно безнаказанными, какъ такія дѣянія, которыя киргизскій обычай, занъ, не считаетъ преступными, шаріатъ же во всѣхъ случаяхъ назначаетъ наказаніе не свыше ареста, а случаи подлоговъ у туземцевъ, гдѣ обвиняемый и потерпѣвшій разныхъ народностей, подсудны русскому суду со всею процедурою слѣдственной, предварительнаго заключенія, и наказываются по уложенію о наказаніяхъ или тюремнымъ заключеніемъ или же ссылкою въ Сибирь? —почему въ дѣлахъ гражданскихъ, по искамъ сарта съ киргиза, дѣйствуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *десятилѣтняя* гражданская давность, а для исковыхъ дѣлъ сартовъ между собою остается въ полной силѣ давность *сорокалѣтняя* для исковъ о движимости, и *девяностолѣтняя* давность для дѣлъ о недвижимомъ имуществѣ?

Надъ всѣми этими вопросами, такъ существенно затрогивающими правовые, жизненные интересы народа, возвышается одинъ болѣе общій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый важный вопросъ: въ какой степени проявляетъ морализующее вліяніе на туземцевъ народный судъ, уменьшилась ли или увеличилась сумма преступленій въ туземномъ населеніи кочевомъ и осѣдломъ со времени организаціи народнаго суда на началахъ проекта положенія, стремившагося ввести въ юридическій бытъ туземцевъ новыя, прогрессивныя основы, болѣе удовлетворяющія современнымъ понятіямъ о справедливости, болѣе, казалось, достигающія прямой цѣли всякаго закона—охранять слабаго отъ эксплуатаціи его личности и имущества болѣе сильнымъ?

Отвѣчать цифровыми данными на вопросъ о степени вліянія юрисдикціи и народнаго суда на экономическій и нрав-

ственный строй жизни туземнаго населенія мы не можемъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія пока такихъ данныхъ.

Хотя попытки зеравшанской администраціи къ установленію контроля за дѣятельностью казіевъ проявились еще въ 1870 году, но онѣ повели лишь только къ уразумѣнію туземцами нашего желанія знать болѣе, нежели сколько разрѣшаетъ шаріатъ, такъ какъ отъ казіевъ требовались, рядомъ съ юридическими свѣдѣніями, и цифровыя данныя о рождаемости, смертности, о бракосочетаніяхъ въ туземномъ населеніи, т.-е. такая въ высшей степени полезная и желательная регистрація, которая требуетъ достаточной точности, невозможной однако при условіи всеобщаго отвращенія правовѣрныхъ къ подобнымъ свѣдѣніямъ.

Въ результатѣ такого усердія получить все сразу отъ неподготовленнаго къ правильной гражданственности народа было то, что повременные вопросы казіямъ контролирующей администраціи о числѣ совершенныхъ браковъ (поименно), о числѣ бракоразводовъ, о смертности и рождаемости, о числѣ нотаріальныхъ сдѣлокъ, о количествѣ случаевъ купли и продажи лошадей и недвижимости, о числѣ рѣшенныхъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, — оставались безъ отвѣта, и только трусливѣйшіе изъ казіевъ умудрялись представлять возвратно, на ревизію, шнуровыя книги, усердно испещренныя свѣдѣніями по всѣмъ вопросамъ, лишеннымъ разумѣется всякой достовѣрности.

Опираться такимъ образомъ на цифры этихъ книгъ въ вопросахъ юриспруденціи и статистики положительно нельзя, изъ опасенія впасть въ абсурдныя заключенія, и мы должны выразить желаніе, чтобы установленная недавно реорганизація зеравшанскаго округа въ административно-судебномъ отношеніи радикально коснулась этой важной стороны дѣла—охраненія туземныхъ органовъ управленія отъ излишняго канцеляризма, навсегда оставила бы казіямъ только одну книгу, въ трехъ раздѣлахъ, настоятельно обязательныхъ: для дѣлъ исковыхъ—гражданскихъ, для уголовныхъ дѣлъ, для отмѣтки сдѣлокъ нотаріальныхъ, бракосовершенныхъ, бракоразводныхъ.

Соотвѣтственно такому установленію и съѣзды казіевъ должны быть снабжены одною книгою съ реестрами дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Нельзя не пожелать также обновляющемуся народному суду полной свободы отъ подталкиваній со стороны русской администраціи, излюбившей мѣстами этотъ печальный и крайне вредный пріемъ до того, что судъ началъ терять необходимую для него самостоятельность, и казіямъ приходилось рѣшать большинство дѣлъ не только уголовныхъ, но и гражданскихъ, не по прямому заявленію истцовъ, а на основаніи „приказовъ“ администраціи отдѣла, отъ которыхъ обязательно еще было отписываться.

Дѣло дошло до того, что туземцы переставали считать судъ правосильнымъ и обращались по всѣмъ, самымъ ничтожнымъ искамъ, къ начальнику отдѣла, въ чаяніи получить приказъ (буйрюкъ) и судебное удовлетвореніе чрезъ него.

Въ результатѣ такого, болѣе нежели страннаго порядка, было полное ослабленіе значенія суда, крайнее утрудненіе туземцевъ необходимостью проходить въ каждомъ дѣлѣ лишнюю инстанцію съ такимъ преддверіемъ, чрезъ которое пробраться было не легко, загроможденіе канцелярій пустымъ безплоднымъ дѣломъ по выдачѣ приказовъ просителямъ, обремененіе казіевъ обязательствомъ „доносить“ объ исполненіи приказа разборомъ того или другого дѣла.

Въ свою очередь и туземная администрація, въ равной съ казіями степени, предвкушала этой чернило-истребительной системы до того, что волостной управитель ожидалъ всегда приказа на донесеніе о такихъ случаяхъ по дѣламъ преступленій, которыя требовали немедленныхъ мѣропріятій. Ни одна сельская полицейская власть (аксакалы, старшины, волостные управители) не считала себя въ правѣ пошевельнуться въ прямой своей обязанности по должности иначе, какъ чрезъ толчекъ приказомъ, который требовался и на предметъ исправленія дороги, моста, и для исполненія рѣшенія суда, и на предметъ оказанія содѣйствія потерпѣвшему отъ преступленія, ви-

новникъ котораго, часто односелецъ волостнаго, успѣвалъ увертываться, пока послѣдній ждалъ отвѣта на донесеніе.

Что же оставалось въ утѣшеніе любителей этой бумажной системы? Имъ оставалось право хвалиться высиживаніемъ въ канцеляріи отъ 9 до 4-хъ дневныхъ часовъ „въ ущербъ желудку“ (какое самоотверженіе!), имъ оставалось развлеченіе перепиской, развлеченіе пріемомъ изрѣдка просителей (гарз-чи), легіоны которыхъ толпились всегда у дверей управленій, не сознавая, конечно, что ихъ томитъ здѣсь напрасно *система*.

Къ сожалѣнію, приходится сказать, изъ наблюденій нашихъ за предѣлами Зеравшанскаго округа, что эта крапивная система канцеляризма баррикадируетъ путь къ правильному отправленію административно-судебнаго дѣла и въ другихъ частяхъ края. Не мало и тамъ встрѣчается дѣятелей, администраторовъ-строчилъ, потирающихъ къ концу года руки отъ удовольствія сказать сосѣду: „у меня 15000 номеровъ въ исходящемъ“.

Взгляните, пожалуйста, въ этотъ мѣритель дѣятельности нѣкоторыхъ уѣздныхъ администраторовъ—въ *исходящій*, взгляните въ груды дѣлъ по жалобамъ туземцевъ,—и всѣ недостатки этой странной системы опьянѣнія канцеляризмомъ представятся въ полномъ обнаженіи!

Внѣ Зеравшанскаго округа, намъ мало приходилось разсматривать исходящіе и входящіе, но тамъ мы видѣли болѣе,—мы видѣли жизнь туземцевъ въ качествѣ неоффиціальнаго, простого наблюдателя, которому, въ бесѣдахъ съ кочевниками, всѣ радости, всѣ скорби народа представлялись въ натуральномъ объемѣ. Тамъ, рядомъ съ предписаніями губернскихъ властей, съ мудрыми резолюціями уѣздной власти: „положить ко мнѣ на столъ“, „по запискѣ подать, хорошенько исполнить“, мы видѣли (въ 1874—1876 году) цѣлые ворохи донесеній управителей, казіевъ, подъ принаровленнымъ ко вкусу заголовкомъ *„рапуртъ“*.

Тамъ мы видѣли такое многообильное, безплодное строченье канцелярій, какое можно встрѣтить развѣ только въ

областяхъ Сибири, гдѣ какъ видно „гражданственность“ также прокладывала себѣ постепенно путь чернильной строкой и пріобщила туземцевъ къ канцеляріи настолько, что даже у кочевыхъ старшинъ, управителей, позавелись „исходящіе“, „входящіе“, „разносные“, съ количествомъ душеуспокоительныхъ номеровъ немногимъ менѣе того, какое въ уѣздныхъ управленіяхъ. Сибирскія управленія опередили остальныя еще тѣмъ, что тамъ формально существующими канцеляріями кочевыхъ киргизовъ правятъ русскіе толмачи (переводчики), которые и строчатъ безъ удержу, благо у волостного нѣтъ недостатка въ джигитахъ—разсыльныхъ для возки конвертовъ.

Въ частныхъ случаяхъ канцеляризмъ этотъ, вредный крайне по условіямъ жизни туркестанскихъ туземцевъ, проявляетъ много смѣхотворнаго даже для простыхъ киргизовъ.

— Удивительный это нашъ хакимъ (начальникъ),—бесѣдовалъ со мной *дустъ-бай* (дружище):—что ни слово тебѣ скажетъ, то перомъ скребнетъ. Давеча (тенеуки) я едва удержался отъ смѣха: жалуюсь на волостного, что онъ медлитъ исполненіемъ рѣшенія бія (судьи) по дѣлу моему съ *Буралки*. Хакимъ разспрашиваетъ волостного, слушаетъ его неосновательныя оправданія и, въ концѣ-концовъ, приказываетъ написать для меня предписаніе съ требованіемъ объясненія отъ того же волостного. Я, конечно, не въ первый случай этотъ видѣлъ мегкемэ (управленіе), знаю соль этихъ бумажныхъ порядковъ нашего хакима, и разсудилъ изорвать въ тихомолку это предписаніе, оставшись зато въ чистой потерѣ по иску. Не сообразилъ я, бѣднякъ, что надо было дать взятку управителю, а не жаловаться на него.

— А вы думаете, почтеннѣйшій *дустъ-бай*, что во многихъ случаяхъ мудрый (акыллы) вашъ хакимъ могъ бы безъ бумаги обойтись?

— Я не только утвердительно объ этомъ думаю, но, мой доброжелательный тюре [1]), я молю Аллаха избавить нашъ

[1]) Словомъ тюре называютъ здѣсь и офицера, и чиновника.

простой кочевой киргизскій народъ отъ канцелярской бумаги. Вѣдь ясно же и мы видимъ, и разсудительные ваши люди видятъ, что русская бумага мало приноситъ намъ пользы. Мы получаемъ нескончаемые „приказы“ (буйрюки) хакимовъ и терпимъ отъ воровъ,—терпимъ страшно, потому что, подъ покровительствомъ этой самой бумаги, управители и старшины покровительствуютъ ворамъ, скотокрадамъ, отъ которыхъ получаютъ соколиную долю. Мы страдаемъ отъ неправосудія біевъ, частью по недобросовѣстности ихъ, частью происходящаго оттого, что обычаевъ они не знаютъ, а сборника этихъ обычаевъ до сихъ поръ никто не далъ для руководства имъ. Мы платимъ, клянусь вамъ небомъ, каждогодно, болѣе того количества податей, какое утверждаетъ губернская администрація, потому что раскладка податей существуетъ только въ проектѣ положенія, а на самомъ дѣлѣ волостные берутъ сколько имъ вздумается, и только посмѣиваясь отписываются на вопросы хакима по нашимъ жалобамъ. Какъ видите, г. тюре, горечь дня наша не сложна: кражи, неправосудіе, податные поборы. Зачѣмъ же, вмѣсто исправленія этихъ золъ, насъ забрасываютъ бумагою и пишутъ, пишутъ, пишутъ. Жаль мнѣ, право, своего хакима, какъ взгляну на его отощавшую за канцелярскимъ столомъ фигуру, на его вытянутое пустотою дѣла лицо. Жаль мнѣ сердечно и тѣхъ *строчуновъ* (язучи), его наиба (помощникъ) и др., которые думаютъ, что исцѣляютъ наши общественные недуги своимъ строченьемъ и, сунувъ киргизу бумагу, чуть онъ откроетъ ротъ съ просьбой, считаютъ, что они дѣлаютъ дѣло. Нѣтъ, это не дѣло, а это нѣчто такое, чему надо бы поскорѣе положить конецъ, чтобы насъ, простыхъ степняковъ, совсѣмъ не потопили въ чернилахъ.

— Успокойтесь, откровенный *дустъ-бай*, эти самыя чернила можетъ быть и сдѣлаютъ для васъ, киргизовъ, то, что требуется сдѣлать, поставятъ быть можетъ преобладаніе практичности дѣла надъ канцеляріей, подвижность уѣздныхъ начальниковъ надъ косностью.

— Пусть сбудется полностью это предсказаніе ваше, добрый

тюре, пусть скорѣе утвердится и въ нашей степи тотъ порядокъ, тотъ славный пріемъ управленія туземцами, какой мнѣ случайно удалось прослѣдить недавно въ одномъ большомъ городѣ Зеравшанской долины. Былъ базарный день, когда я вошелъ съ караваномъ подъ казеннымъ транспортомъ въ этотъ привѣтливый своими окрестностями городъ, богатый архитектурными памятниками временъ тимуридовъ [1]). Я сдалъ въ полной исправности тяжести каравана, получилъ разсчетъ въ тотъ же день, но рѣшилъ простоять въ городѣ недѣлю, чтобы дать отдыхъ верблюдамъ и поклониться древностямъ. На другой день я началъ осмотръ съ древнихъ загородныхъ мечетей и мазаратовъ, которые такъ живописны своею окружающею, полною роскошной растительности мѣстностью, своими развалинами. Я перешелъ затѣмъ къ городскимъ массивнымъ медрессе, у воротъ которыхъ, на площади вымощенной камнемъ, тѣснилась порядочная толпа горожанъ-сартовъ и сельскихъ узбековъ, старавшихся протолкнуться къ тяжелой двери медрессе съ наклеенными листами, только что вышедшими изъ литографіи; это были дополнительныя распоряженія мѣстнаго хакима, объявляемыя во всеобщее свѣдѣніе выставленіемъ такихъ листовъ на базарныхъ площадяхъ, въ медрессе, на дверяхъ управленія, въ домѣ посольства. Когда толпа нѣсколько сократилась, я подошелъ къ дверямъ изъ любопытства и слушалъ чтеніе муллою одного листа за другимъ. Вотъ какія распоряженія—„наставленія“ отдавалъ хакимъ: „просьбы туземцевъ выслушиваю отъ 2 до 4 часовъ каждодневно, исключая пятницы и воскресенья. Требую однако, чтобы жители не осаждали меня напрасно жалобами, подлежащими разбору казіевъ, которымъ приказано мною, разъ навсегда, выслушивать просителей и творить безъ промедленій судъ самый справедливый, не ожидая отъ меня приказа (буйрюка) на каждый случай. Жители должны знать также, что въ каждомъ случаѣ грабежа, кражи, обиды, надо обращаться немедленно къ своему

[1]) Этотъ собесѣдникъ мой—киргизъ простой, но учившійся въ Троицкой народной школѣ и любящій чтеніе.

волостному управителю и аксакалу-старшинѣ, которые обязаны дать потерпѣвшему полное содѣйствіе, на основаніи изданныхъ для этихъ полицейскихъ лицъ правилъ". Далѣе, въ другомъ распоряженіи подтверждалось: „было отдано распоряженіе казіямъ принимать къ разбирательству дѣла, не ожидая отъ меня приказовъ, которыхъ я избѣгаю выдавать, потому что такое писательство приноситъ мало пользы. Такъ какъ жители по привычкѣ продолжаютъ осаждать меня просьбами о выдачѣ буйрюка казію или волостному, по каждому простому случаю, то я повторяю этимъ должностнымъ лицамъ мое требованіе—оказывать каждому содѣйствіе безъ понужденій и внушить жителямъ установленный для ихъ пользы порядокъ". Мнѣ показалось утѣшительною новинкою и слѣдующее распоряженіе: „приказываю всѣмъ волостнымъ управителямъ завести книгу для отмѣтокъ въ ней свѣдѣній о розыскиваемыхъ по моимъ предписаніямъ бѣглыхъ людяхъ и украденномъ скотѣ. По полученіи приказанія о розыскѣ, дѣлать немедленно распоряженіе, кратко записывать въ книгу – кто или что розыскивается и, въ случаѣ нерозысковъ въ теченіи двухъ недѣль, кратко, въ одномъ словѣ „розысканъ" или „не розысканъ", отвѣчать на самомъ предписаніи, которое и возвращать ко мнѣ. Но розыски этимъ не заканчиваются, а волостной управитель обязанъ почаще заглядывать въ книгу и давать напоминанія старшинамъ. Изъ получаемыхъ отъ меня предписаній хранить до времени только тѣ, которыя требуютъ продолженія исполненія, а остальныя немедленно *уничтожать*, дабы не накопилось много безполезной бумаги".

Какое кощунство, скажутъ любители архивовъ и разной бумажной гнили, сберегаемой нашими управителями подъ руководствомъ иной системы, а здѣсь это было привѣтствовано какъ залогъ къ осуществленію во всемъ полнаго порядка, активнаго, практичнаго дѣятельностью, а не путемъ „отписокъ", совершенно безсильнымъ.

Таковы новые пріемы, такова система управленія, давшая уже въ теченіи семи мѣсяцевъ своего дѣйствія прекрасные

плоды, что̀ подтверждается и общимъ мнѣніемъ населенія и посторонними правдивыми отзывами.

Мы не только не можемъ оспаривать основательность взглядовъ нашего почтеннаго собесѣдника изъ Сузакской степи на вредное преобладаніе, гдѣ оно проявляется, мертваго канцеляризма надъ дѣломъ, но поддерживаемъ взглядъ этотъ искреннимъ пожеланіемъ всѣмъ учрежденіямъ перехода къ раціональной системѣ управленія, которая избавила бы, въ особенности народный судъ, отъ подавляющаго бумажнаго гнета, избавила бы его отъ подталкиваній приказами.

Если отсутствіе положительныхъ данныхъ регистраціи лишаетъ возможности дать правильные цифровые выводы о вліяніи суда на уменьшеніе или увеличеніе преступленій между туземцами, о степени преобладанія преступленій квалифицированныхъ надъ простыми, о числѣ рецидивистовъ, подвергшихся осужденію, и проч. [1]), то и общественное мнѣніе по этому

[1]) Находимъ умѣстнымъ дать, хотя за этотъ годъ, свѣдѣнія однодневной переписи по Самаркандской городской тюрьмѣ, гдѣ 20 января содержалось всего арестантовъ гражданскаго вѣдомства: 161 муж. и 1 женщина (туземцевъ). По роду преступленій они распредѣляются:

	Самаркандскаго отд.	Канта-кургансkаго.	Нагорнаго раіона.	Бухарскихъ владѣній
	муж.	муж.	муж.	муж.
По убійствамъ	13	6	„	1
	1 жен.			
По грабежамъ	19	10	3	1
„ разбоямъ	36	31	„	5
„ кражамъ со взломомъ	9	„	„	„
„ кражамъ простымъ	17	„	„	„
Побѣгъ изъ тюрьмы	2	1	„	„
Побѣгъ изъ Сибири	1	3	„	„
За продажу въ рабство туземцевъ	2	„	„	„
За поддѣлку монеты	2	„	„	„
Итого	101	51	3	7

Примѣчаніе: 1) Наибольшая продолжительность заключенія: съ 1871 года — 5 подсудимыхъ по дѣламъ, находящимся на ревизіи въ окружномъ штабѣ; съ 1873 года — 6 подсудимыхъ; съ 1874 года — 4 подсудимыхъ. 2) По дѣламъ простыхъ кражъ заключены 3 человѣка по приговорамъ уѣзднаго судьи и 14 человѣкъ по приговорамъ народнаго суда.

вопросу, какъ ничѣмъ не подкрѣпленное, а основанное единственно на молвѣ, не можетъ имѣть серьезнаго значенія.

Поэтому всѣ воздыханія приверженцевъ старины о минувшемъ времени имущественнаго спокойствія, болѣе успѣшно обезпечивавшагося будто-бы карательными опредѣленіями шаригата, вродѣ заключенія въ клоповникъ, отрубанія рукъ, ногъ, рѣзанія ушей, чѣмъ приговорами современныхъ судовъ,—всѣ выводы такихъ суровыхъ криминалистовъ въ пользу необходимости удержанія строгихъ карательныхъ законовъ, какъ соотвѣтственныхъ грубой природѣ среднеазіатскаго туземца, чуждаго, яко-бы, распознаванія началъ гуманности, человѣчности,— всѣ такія сужденія, имѣющія не мало сторонниковъ и въ русскомъ элементѣ края, не заслуживаютъ никакого вниманія.

Эти фанатичные поклонники системы устрашенія, уклоняясь отъ подробнаго анализа извѣстныхъ явленій жизни, подчиненныхъ неизбѣжно опредѣленнымъ законамъ, строятъ свои безотносительныя заключенія подъ первыми впечатлѣніями и, указывая на наши многолюдныя тюрьмы, говорятъ, что подъ вліяніемъ слабыхъ наказаній количество преступленій въ наше время удесятерилось.

Насколько близко къ истинѣ такое соболѣзнованіе—судить трудно, потому что отъ жестокой карательной юриспруденціи мусульманскаго времени никакихъ слѣдовъ, кромѣ разсказовъ, не осталось; но что палачи и приставники клоповниковъ въ Бухарѣ имѣютъ широкую практику и теперь — это всѣмъ извѣстно, это каждый можетъ провѣрить. Извѣстно также многимъ, что, несмотря на частое дѣйствіе шаригата — побиваніемъ камнями женщинъ за прелюбодѣяніе, узы гименея также часто рвутся въ священной Бухарѣ, какъ и въ другихъ городахъ замкнутаго мусульманскаго общества.

Отсюда, да и по всѣмъ наблюденіямъ, слѣдуетъ, что никакой шаригатъ, никакія произвольныя жестокости повелителя, никакая суровая юриспруденція, ни безчисленное множество судовъ и слѣдователей, не уменьшатъ преступленій уголовнымъ кодексомъ, такъ какъ дѣло судовъ преслѣдовать и наказывать

совершившіеся факты, а дѣло общества—не допускать до этихъ фактовъ.

Слѣдовательно, могучими факторами исправленія нравственности каждаго общества должны остаться неизмѣнно не суды и тюрьмы, не система устрашенія вообще, а распространеніе грамотности, образованія и улучшеніе экономическаго состоянія.

Къ этому-то, а не къ доставленію практики судамъ и тюремщикамъ, должны стремиться всею силою своего вліянія радѣтели чистоты нравовъ, разсматривающіе часто зло по наружной оболочкѣ его, а не по внутреннему содержанію.

Мы не можемъ, однако, не сказать и послѣ такого вступленія, что у туземцевъ Зеравшанскаго округа и у кочевниковъ сосѣдней области самое серьезное, самое разорительное, хроническое бѣдствіе составляютъ преступленія кражи разныхъ видовъ и оттѣнковъ: скотокрадство — преобладающее, кражи имущества со взломомъ обиталищъ, кражи обрѣзываніемъ кармановъ (кисабури), проявляющіяся чаще всего въ городахъ во время базарныхъ съѣздовъ, грабежи, разбои, вооруженныя нападенія на жилища, дающія наибольшій процентъ случаевъ въ раіонахъ осѣдлаго населенія съ большимъ числомъ базарныхъ пунктовъ.

Мы не откажемся констатировать и тотъ всѣми усматриваемый фактъ, часто проявляющійся и приводимый туземцами, которыхъ онъ ближе всего касается, что большее или меньшее проявленіе случаевъ преступленій похищенія чужого имущества обусловливается, съ одной стороны, характеромъ дѣятельности полицейскихъ властей, а съ другой — правильнымъ, устойчивымъ въ рѣшеніяхъ отправленіемъ правосудія народнымъ судомъ.

Тамъ, гдѣ дѣятельность полиціи, какъ органа предупреждающаго совершеніе преступленій и разоблачающаго факты совершившіеся, обозначается наглядными результатами стремленія къ порядку радикальному, тамъ одно обаяніе на туземцевъ такой бдительной полиціи сдерживаетъ проявленіе преступной воли самыхъ отъявленныхъ людей. И, наоборотъ, по-

лиція разгульная, дѣйствующая безъ раціональной, твердой системы, немыслимой въ отсутствіи настойчивости и серьезной требовательности исполненія своего долга каждымъ членомъ этого учрежденія, такая полиція безсильна въ достиженіи цѣлей предупрежденія преступленій и успѣшнаго преслѣдованія ихъ для удовлетворенія интересовъ правосудія и лица потерпѣвшаго. Еще далѣе отъ этихъ насущныхъ цѣлей, еще губительнѣе разумѣется, дѣятельность такой полиціи, хотя бы изъ туземнаго персонала, къ сожалѣнію мѣстами встрѣчающейся, которая намѣренно уклоняется отъ исполненія своего долга, поощряя тѣмъ самымъ развитіе преступленій, оплачивающее, конечно, молчаніе такихъ недостойныхъ слугъ общества.

Ручаюсь суммою имѣющихся у меня фактическихъ данныхъ по этому вопросу, составляющему первую злобу дня туземнаго населенія, что развитіе преступленій кражи, въ каждомъ данномъ раіонѣ, обратно пропорціонально размѣрамъ дѣятельности мѣстной полиціи и степени ея нравственности.

Утверждаю, также изъ наблюденій, что даже при условіи испытываемыхъ населеніемъ повременныхъ экономическихъ невзгодъ, правильная, предупреждающая дѣятельность полиціи въ значительной мѣрѣ способна ограждать общество отъ проявленія преступленій.

Второй факторъ общественнаго порядка, спокойствія — правильное, скорое, устойчивое правосудіе, ограждая интересы общества возстановленіемъ нарушеннаго права и удовлетвореніемъ потерпѣвшихъ, въ такой же мѣрѣ какъ и дѣятельность полиціи, косвенно составляетъ начало, сдерживающее развитіе преступленій.

Тамъ, гдѣ судъ народный дѣйствуетъ скоро, правдиво, основывая приговоры свои на руководительныхъ законахъ и доставляя скорое и полное удовлетвореніе потерпѣвшимъ, тамъ юриспруденція подобная дѣйствуетъ морализующе и на все общество, тамъ, при условіяхъ одинаковаго экономическаго состоянія, одинаковаго умственнаго развитія общества, замѣчается менѣе преступленій вообще.

Наоборотъ, дѣятельность суда, не знающаго чѣмъ ему руководствоваться въ своихъ опредѣленіяхъ, основывающаго свои заключенія, какъ это дѣлаютъ всѣ казіи, на очистительной присягѣ обвиняемаго, никогда отъ нея не отказывающагося, — конечно, такая дѣятельность, освобождая виновнаго своимъ безсиліемъ отъ всякой отвѣтственности, приноситъ обществу отрицательную услугу.

Нечего и доказывать, что такъ часто встрѣчающійся въ степныхъ уѣздахъ народный судъ, жадно ищущій судейской практики только для того, чтобы ободрать и отвѣтчика, и истца, развращаетъ такою дѣятельностью общество и положительно способствуетъ развитію преступленій и за предѣлами раіона дѣятельности.

Къ сожалѣнію приходится сказать, что внѣ Зеравшанскаго округа, въ степной полосѣ, намъ случалось встрѣчать (1874—1876 г.) и въ туземной волостной полиціи, и въ народномъ судѣ такую дѣятельность, которая всегда и во всѣхъ случаяхъ преслѣдуетъ личные интересы въ явный ущербъ интересамъ общества.

Эти представители народнаго самоуправленія, заступивъ не совсѣмъ благовидными путями должности старшинъ, волостныхъ управителей, біевъ (судьи), и располагая свою дѣятельность по формулѣ „*не сопрешшь — не проживешь*“, дѣйствуютъ и по дѣламъ предупрежденія и преслѣдованія преступленій изъ побужденій собственной выгоды, но не интересовъ общества и лицъ потерпѣвшихъ. Имъ, усернымъ поклонникамъ рубля, нѣтъ никакого дѣла до общественнаго спокойствія, они нечувствительны къ представленію о нарушенномъ правѣ, они мало сохранили способности распознаванія нравственнаго отъ преступнаго, они неуклонно вѣрны лишь своему стремленію „поправить дѣлишки какими бы то ни было средствами“.

Въ приведенной характеристикѣ нѣтъ ни мало преувеличенности, нимало субъективности въ наблюденіи, усвоенномъ опять-таки не въ кабинетѣ, а частыми разъѣздами въ киргизской степи, которая навсегда останется самою правдивою, самою

разумною книгою для ознакомленія съ дѣятельностью разныхъ властей и учрежденій и примѣнимостью экспериментацій, надуманныхъ въ кабинетѣ.

Мы лично, по крайней мѣрѣ, въ высокой степени цѣнимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, мнѣніе разумныхъ, правдивыхъ туземцевъ, и ужъ конечно не станемъ провѣрять разсказы ихъ о злобѣ дня ни разспросами гг. преуспѣвателей, ни справками въ ихъ канцеляріяхъ и архивахъ.

Да повѣритъ каждый, что злоба дня туземнаго населенія, высмотрѣнная и выслушанная среди народа, совсѣмъ не похожа на ту злобу, которая нѣкоторыми господами называется *„все обстоитъ благополучно“*.

Въ этомъ я убѣдился долголѣтними наблюденіями, объ этомъ мнѣ часто сказывалъ мой другой собесѣдникъ въ степи, *Берды-бекъ*, и этому я вѣрю, потому что ни мои наблюденія, ни почтенный *у—скій* степнякъ никогда не обманывали меня.

Вотъ что мнѣ пришлось припомнить для этихъ очерковъ изъ разсказа *Берды-бека*, котораго я встрѣтилъ въ 187... году на перекочевкѣ въ одинъ изъ уѣздовъ Туркестанскаго края:

„Наша область, съ большою богатою рыбой рѣкой, называется У—скою. Слышали, что самый большой начальникъ нашъ живетъ постоянно въ городѣ и будетъ скоро объѣзжать область. Слышали еще, что самыя большія дѣла киргизскія и другихъ людей разбираетъ по бумагѣ областное правленіе. Нашъ уѣздъ, въ 500 верстъ длины и 300 верстъ поперечника, населенъ кочевыми киргизами рода альчинъ, найманъ, кипчакъ, и называется У—скій уѣздъ, по главной рѣкѣ У—лъ. Нашъ уѣздный начальникъ живетъ съ своимъ управленіемъ не въ центрѣ киргизскихъ стойбищъ, въ населенномъ русскими же городѣ У—скѣ, а въ областномъ городѣ, на краю уѣзда. Русскія власти не ѣздятъ къ намъ въ кочевья, и знаютъ ли онѣ что-нибудь о житьѣ нашемъ, намъ неизвѣстно. Начальникъ же нашъ, тихогласный (букпа), худощавый (аррыкъ), наѣзжаетъ въ кочевья чрезъ каждые три года, когда наступаютъ выборы: старшинъ для 200 ауловъ, волостныхъ управителей для 2000 ауловъ и біевъ-судей для каждой волости по четыре человѣка. О времени и мѣстѣ сходовъ для выборовъ даютъ знать настолько заблаговременно, что къ пріѣзду въ ставку уѣзднаго начальника все уже бываетъ подготовлено. Самое подготовленіе это состоитъ въ томъ, что искатели должности волостного управителя, — а такихъ бываетъ не мало, — въ продолженіи нѣсколькихъ дней, а иногда и по мѣсяцамъ, задобриваютъ избирателей, пятидесятниковъ (илю-баши) обильнымъ угощеніемъ и значительными подарками, какъ вещевыми, такъ и денежными, въ суммѣ до 30—40 рублей на каждаго избирателя. При этомъ идетъ всегда открытый торгъ подкупа голосовъ и такой же открытый, ничѣмъ не сдерживаемый обманъ избирателями своихъ кліентовъ, затрачивающихъ на подкупы отъ 600 руб. до 2000 руб. Самый выборъ всѣхъ должностныхъ лицъ производится въ присутствіи начальника уѣзда шарами, которые однако нисколько не предупреждаютъ избирательныхъ злоупотребленій. Избранные на трехлѣтіе аульный старшина и волостной управитель, получая всего содержанія: первый—120 руб. въ годъ, а второй—300 руб. годовыхъ, стремятся прежде всего возвратить сдѣланныя на выборахъ затраты, и средствъ къ достиженію цѣлей обогащенія конечно не разбираютъ. Въ результатѣ бываетъ такъ, что волостной покрываетъ съ избыткомъ свои расходы въ одинъ годъ отправленія должности, а состоящій при немъ писецъ (мирза) изъ русскихъ или татаръ (переписка съ уѣзднымъ начальникомъ, съ судьею и др., идетъ на русскомъ нарѣчіи), получая всего содержанія 10 руб. въ мѣсяцъ, живетъ не хуже уѣздныхъ властей. Нечего и говорить, что всѣ источники обогащенія этихъ жалкихъ дѣятелей—не чистые, и я воздерживаюсь отъ перечисленія ихъ, чтобы не обнажать грязь и вопіющую скорбь моихъ сородичей. Скажу только, что, несмотря на природныя богатства нашей степи, поддерживающія хорошее скотоводство, живется намъ плохо. Повальное воровство и невозможность найти правый судъ по самому правдивому дѣлу, развратили и одолѣли степняковъ нашихъ до такой сте-

пени, что нѣтъ житья, и волей-неволей приходится возстановлять свое право тѣмъ же единственнымъ средствомъ — захватомъ тайнымъ или открытымъ (баранта) имущества ближняго. Оттого воровство въ нашей степи повальное и неумолкаемое. Не спрашивайте: что же дѣлаютъ судьи-біи? Они, въ большинствѣ тѣ самые пятидесятники, которые такъ постыдно получали избирательную лепту, не имѣютъ у насъ рѣшительно никакого значенія и въ рѣшеніи дѣлъ руководствуются единственно волею волостного управителя. Не трудно понять: почему народъ почти и не ищетъ суда, предпочитая самосправу, которую легко всегда погасить открытымъ заявленіемъ волостному управителю о воровскомъ подвигѣ. Не трудно также догадаться, кому достается соколиная доля отъ всякаго преступленія, отъ всякаго исковаго дѣла, дающихъ средства представителямъ самоуправленія ободрать и истца, и отвѣтчика“.

Далѣе, изъ разсказовъ степняка можно было заключить, что дѣятельность выборныхъ судей-біевъ также небезукоризненна. Выяснилось также, что при томъ складѣ распорядковъ жизни злополучныхъ степняковъ, какой обрисовался изъ приведеннаго выше разсказа, другой дѣятельности и быть не можетъ, потому что все проникло однимъ стремленіемъ — сорвать во что бы то ни стало. Да и какой вообще дѣятельности можно ожидать отъ народнаго суда, которому назначено „руководствоваться въ рѣшеніяхъ дѣлъ существующими обычаями“, т.-е. такимъ началомъ права, которое даетъ возможность рѣшать каждое дѣло и вкривь, и вкось. Это потому такъ, во-первыхъ, что обычай—понятіе широкотолкуемое; во-вторыхъ потому, что не всѣмъ судьямъ обычаи извѣстны, а руководительнаго сборника ихъ нѣтъ; въ-третьихъ потому, что многіе обычаи устарѣли до невозможности примѣнять ихъ въ данное время склада жизни туземцевъ; иныхъ требованій русскаго законоположенія, очевидно направленнаго къ развитію въ народѣ началъ человѣчности и правды.

Поддерживая такимъ образомъ общее мнѣніе и нѣкоторыхъ, знакомыхъ съ народомъ административныхъ дѣятелей

и многихъ кочевыхъ туземцевъ объ отсталости и полномъ противорѣчіи, по мѣстностямъ, киргизскихъ обычаевъ, которыхъ, ручаемся, огромное большинство біевъ-судей и не знаетъ вовсе, припомнимъ, что и намъ лично приходилось выслушивать массу вопросовъ, недоразумѣній изъ судебной практики біевъ, интересовавшихся при введеніи организаціи въ степи дѣломъ, какъ новинкою.

Помнится, тогда же въ собраніи біевъ въ при-чуйской степи, былъ предложенъ вопросъ о возможности собрать въ какомъ-нибудь пунктѣ съѣздъ, лучшихъ по знанію обычаевъ, киргизскихъ біевъ всѣхъ уѣздовъ Туркестанскаго края и, обсудивъ основательно достоинство разныхъ обычаевъ, признать юридическую силу только за тѣми, которые не противорѣчатъ современному складу жизни народа и требованіямъ правительства.

Дополнивъ, если бы случились за отмѣною обычаевъ пробѣлы гражданскаго и уголовнаго права, извлеченіемъ въ должной, соотвѣтствующей мѣрѣ подходящихъ постановленій общихъ законовъ имперіи, легко было бы составить сводъ обычаевъ-положеній для руководства всего народнаго суда кочевыхъ туземцевъ.

Дѣло это весьма легко осуществимое: корифеи біи конечно не перевелись еще, жизнь киргизовъ, какъ и самыя правовыя отношенія, не сложна, и выработать кодексъ обсужденіемъ степени примѣнимости къ соціальному строю обычаевъ и законоположеній, съ которыми туземцы нѣсколько уже знакомы, не такъ трудно, какъ нѣкоторымъ кажется.

Гораздо обширнѣе, сложнѣе вопросъ о возможности введенія въ народный судъ, пользующійся и теперь весьма широкой санкціей, института присяжныхъ, какъ такого юридическаго общественнаго элемента, въ которомъ кроется та сила, которая и закону и приговорамъ суда даетъ жизнь, прогрессивность.

Мы не беремся судить окончательно, въ какой степени возможна и своевременна была бы повсемѣстно реорганиза-

ція киргизскаго народнаго суда на началахъ выше отмѣченныхъ, съ измѣненіемъ предѣловъ подсудности какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ, но и не лишаемъ себя права отмѣтить, что какъ всегда, такъ и теперь въ судѣ біевъ по обычаю преобладаетъ начало самой широкой гласности, такой гласности, которая позволяетъ принимать участіе въ обсужденіи самаго серьезнаго дѣла и постороннимъ, компетентнымъ разумѣется людямъ, — что само законодательство (т. XII, ч. 2) предоставило туземцамъ право суда общества по дѣламъ уголовнымъ надъ такими преступными своими одноаульцами или односельцами (у осѣдлыхъ), отъ которыхъ легко можно избавиться „общественнымъ приговоромъ объ удаленіи ихъ административнымъ порядкомъ“ (ст. 608—616, ч. 2, т. XII).

Правда, что ссылка административнымъ порядкомъ, по приговорамъ обществъ, практикуется въ степныхъ уѣздахъ весьма слабо, но это объясняется, съ одной стороны, относительнымъ добродушіемъ киргизовъ, склонныхъ прощать и повторяющіяся злодѣянія, а съ другой — неполнотою для Туркестанскаго края самаго закона, оставляющаго открытыми слѣдующіе вопросы: какое предѣльное число голосовъ общества достаточно для осуществленія приговора провѣркою его, какъ это установлено, и представленіемъ на утвержденіе высшей власти, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ выраженіемъ „объ удаленіи изъ своей среды“, т.-е. какой предѣлъ пространства считать для дѣйствительности приговора; предоставляется ли право киргизскому обществу — и какому именно, по характеру двухъ предшествующихъ вопросовъ, — составлять приговоры на такихъ преступныхъ сородичей, часто встрѣчающихся, которые намѣренно удаляются отъ общежитія и ютятся гдѣ-нибудь въ сторонѣ, за десятки верстъ отъ общихъ стойбищъ, которымъ отъ нихъ-то и достается. Наконецъ, немалозначущимъ долженъ оставаться и вопросъ о томъ, въ чемъ именно должна состоять провѣрка приговора: въ дѣйствительномъ ли, непринужденномъ злонамѣреннымъ постороннимъ вліяніемъ составленіи его обществомъ, или же, какъ это понимается и практикуется многими, провѣрка приговора требуетъ удостовѣриться въ справедливости обвиненія опросомъ и постороннихъ людей, на которыхъ сдѣлана ссылка какъ на потерпѣвшихъ, и даже окольнымъ дознаніемъ (повальный обыскъ по старой судебной терминологіи), обращающимъ общественный приговоръ въ формальное слѣдствіе.

Намъ кажется, что обставленіе дѣла общественныхъ приговоровъ слишкомъ полными требованіями собиранія всякихъ уликъ противъ осужденнаго общественною совѣстью умаляетъ, во-первыхъ, значеніе этого закона; во-вторыхъ, приравниваетъ приговоры къ формальнымъ слѣдствіямъ, въ коихъ примѣнимость повальныхъ обысковъ (окольныхъ дознаній), по всѣмъ даннымъ, представляется болѣе нежели сомнительною, вслѣдствіе исключительныхъ условій жизни туземцевъ, группирующихся осѣдлостями, наприм., въ кварталахъ, по родственнымъ связямъ — вслѣдствіе тѣсной солидарности родственниковъ, до готовности, постоянно проявляющейся, давать слѣдователю завѣдомо ложныя показанія, поощряемыя отчасти и одною изъ суръ корана.

Если такимъ образомъ низведеніе общественныхъ приговоровъ на степень слѣдствія представляется средствомъ, гарантирующимъ отъ ошибокъ въ примѣненіи административныхъ карательныхъ мѣръ, то, съ другой стороны, оно легально отнимаетъ отъ народа, нерасположеннаго какъ извѣстно къ бумажной процедурѣ, самое дѣйствительное средство охраненія общественнаго спокойствія и безопасности, — такое средство, которое значительно и совершенно правильно во всѣхъ случаяхъ (намъ по крайней мѣрѣ не встрѣчалось подтасовки въ приговорахъ) облегчаетъ задачи администраціи и суда, служа, равнымъ образомъ, къ исправленію нравственности общества.

Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить вліянія на соціальный бытъ населенія неполноты закона по вопросу: что дѣлать обществу селеній сосѣднихъ съ такимъ, обособленно стоя-

щимъ поселкомъ, который поголовной солидарностью, хотя бы и пассивною, съ преступными односельцами не только не расположенъ къ удаленію ихъ приговорами, но скрываетъ и самыя дѣянія ихъ.

Вопросъ этотъ безъ сомнѣнія весьма важенъ для интересовъ общества, именно по той суммѣ подобныхъ явленій солидарности цѣлыхъ селеній съ однообщенниками преступной воли, которая замѣчается въ особенности въ раіонѣ поселеній узбекскихъ.

Казалось бы, что оставленіе права приговоровъ за такими несвязанными родствомъ селеніями надъ туземцами сосѣднихъ кишлаковъ, не радѣющихъ о спокойствіи общемъ, еще въ большей мѣрѣ оградило бы населеніе отъ преступниковъ и упрочило бы общественную нравственность.

Вся эта, не совсѣмъ еще исчерпанная сумма вопросовъ, въ объясненіе правъ народа на легальную самозащиту имущественныхъ своихъ интересовъ путемъ произнесенія вердиктовъ, затрогиваетъ общій вопросъ, уже ранѣе намѣченный,— вопросъ слѣдующій: нельзя ли формулировать правоположеніе общественныхъ приговоровъ такъ, чтобы голосованіе о виновности, о закоренѣлой неисправимости голосуемаго, передавалось не всему напр. сельскому обществу, какъ теперь, а выборнымъ, хотя бы избирателямъ (пятидесятникамъ), какъ лучшимъ представителямъ общества.

Затѣмъ, далѣе, нельзя ли поставить дѣло такъ, чтобы такая серія избирателей, выбаллотированная на одинъ годъ, не болѣе, входила въ составъ судебныхъ съѣздовъ для выслушиванія судебнаго процесса по дѣламъ, влекущимъ отвѣтственность болѣе тюремнаго заключенія, и своимъ заключительнымъ „*да*“ или „*нѣтъ*“ рѣшала вопросъ о виновности или невиновности привлеченнаго къ народному суду туземца.

Не можетъ быть сомнѣнія, что воспріимчивый ко всему хорошему, ко всему новому, туркестанскій киргизъ, сартъ, узбекъ, скоро уразумѣлъ бы жизненное значеніе обновленія суда такой реорганизаціей, оставляющей судьямъ, біямъ, казіямъ

обязанность изучить сборникъ обычаевъ-законовъ, и къ *рѣшателямъ* (хукмъ-килгачи), какъ ближайшимъ охранителямъ своихъ интересовъ, отнесся бы съ полнымъ уваженіемъ, съ серьезнымъ довѣріемъ.

Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что правильно организованный на такихъ началахъ народный судъ ввелъ бы въ свой составъ „рѣшателей“ лучшихъ представителей общества, то есть такой элементъ, который служилъ бы всегда и регулярнымъ проводникомъ понятій о правдѣ, о законности, и примирителемъ проявленій соціальной жизни съ требованіями законовъ, представляющихъ, какъ шаріатъ, много и слабыхъ сторонъ.

Мы не смѣемъ, конечно, обобщать наши выводы распространеніемъ мнѣнія о возможности такой реорганизаціи народнаго суда и у тѣхъ туземцевъ Туркестанскаго края (Семирѣчье, Фергана и Аму-дарьинскій отдѣлъ), быть которыхъ и условія жизни намъ мало извѣстны; но по отношенію къ Зеравшанскому округу и къ уѣздамъ степнымъ, ближайшимъ къ нему, рѣшаемся сказать, что такая реорганизація была бы своевременна, была бы благодѣтельна во всѣхъ отношеніяхъ и для всѣхъ.

Она была бы своевременна какъ послѣдовательность десятилѣтняго дѣйствія въ степныхъ уѣздахъ системы самоуправленія, какъ мѣра, отвѣчающая отчасти и прецедентамъ прошлаго; она была бы благодѣтельна какъ заря юридическаго объединенія населяющихъ край всѣхъ народностей, представители которыхъ имѣли уже достаточно времени распознать всѣ невыгоды неравенства, въ разныхъ случаяхъ, предъ закономъ.

Мы не станемъ распространяться въ доказательствахъ необходимости такого юридическаго объединенія, такъ какъ они ввели бы въ повтореніе всѣхъ тѣхъ случаевъ по юриспруденціи, приведенныхъ выше, которыми наглядно уясняются неудобства и полныя несообразности, вытекающія изъ неравенства „народностей“ туземнаго населенія предъ закономъ, активнымъ охранителемъ нравственнаго и экономическаго порядка.

Однако считаемъ нелишнимъ дополнить число отмѣчен-

ныхъ примѣровъ аналогическимъ и часто практикующимся среди осѣдлаго населенія вопросомъ: какому суду, русскому или народному, подвѣдомы дѣла, вытекающія изъ *брачныхъ* правоотношеній (разводъ, требованіе магра—обезпеченія) татаръ, киргизовъ, персіянъ, афганцевъ съ сартами, а также и дѣла охранительнаго судопроизводства, и дѣла по наслѣдствамъ?

Хотя всѣ эти вопросы гражданскаго и уголовнаго права, близко затрогивающіе интересы туземнаго населенія, всегда и почти повсюдно, успокоительно для властей, рѣшаются часто у дверей управленія уступкою одной изъ спорящихъ сторонъ, но такое вѣковою придавленностью воспитанное миролюбіе вовсе не доказываетъ, какъ нѣкоторымъ кажется, неспособность народа къ возстановленію права, къ пониманію законности какъ выборными судьями, такъ и тяжущимися.

Напротивъ, всматриваясь подробнѣе въ ходъ жизни туземцевъ, нетрудно подмѣтить, что всѣ классы городского и сельскаго населенія и теперь уже достаточно подготовлены въ способности распознаванія своихъ правъ, пониманія законности, критической оцѣнки достоинствъ и недостатковъ суда, насколько они уясняются для каждаго, съ одной стороны, слабымъ въ нравственномъ отношеніи составомъ судебнаго персонала, съ другой—несоотвѣтствіемъ законовъ (обычай-занъ-адатъ, шаригатъ) современнымъ требованіямъ жизни.

Если недостатки организаціи народнаго суда у киргизовъ поясняются наглядными доказательствами полнѣйшей неподготовленности большинства біевъ къ судебной практикѣ, отсутствіемъ руководительнаго сборника обычаевъ и правилъ судопроизводства, отсталостью и противорѣчивостью обычаевъ до невозможности примѣняться къ нимъ въ рѣшеніяхъ, въ особенности по уголовнымъ дѣламъ, то судъ *казіевъ*, пополняясь системою выборовъ исключительно контингентомъ духовенства, какъ знакомаго съ юридической казуистикой шаригата, остается гдѣ можно такимъ же приверженцемъ мусульманскаго кодекса, какимъ застала его пояснительная записка къ проекту положенія, пожеланія которой—„обновленія народнаго суда сар-

товъ элементомъ свободнымъ отъ фанатизма, невѣжества“ (фанатизма собственно нѣтъ, а невѣжества много) могутъ осуществиться повсюду только тогда, когда параллельно выборному началу будутъ дѣйствовать мѣры распространенія въ народѣ юридическихъ знаній, какъ средства открытія доступа къ баллотировкѣ въ казіи каждому „знающему *сборникъ законовъ*“ и заслужившему довѣріе общества и правительства.

Осуществленіе этой мѣры требуетъ правильнаго развитія туземныхъ школъ полнымъ участіемъ школовѣдателей и администраціи, требуетъ обстоятельнаго изученія жизни народа, свойствъ его и нуждъ, насколько необходимо это для правильнаго рѣшенія впослѣдствіи вопроса: какія положенія гражданскаго и уголовнаго права отвѣчаютъ полнѣе современнымъ требованіямъ жизни туземцевъ.

Когда школы подготовятъ достаточно людей, способныхъ понимать цѣли и требованія правительства, готовыхъ проводить эти требованія въ жизнь простого класса, когда народъ, уцѣлѣвъ нравственно отъ вліянія водки и разной разности, проникнется довѣріемъ къ намъ какъ одинъ человѣкъ, когда практика русскаго суда дастъ наглядное, убѣдительное доказательство туземцамъ жизненности нашихъ законовъ, цѣлесообразности судопроизводства у насъ,—тогда вопросъ о реорганизаціи повсемѣстно народнаго суда и упраздненіи шаригата, какъ уголовнаго кодекса, не будетъ страшенъ ни для кого, тогда законъ, выработанный изъ условій жизни въ странѣ пустынь, безлѣсья, ирригаціи, гармъ-силей (самунъ), сдѣлается общимъ для всѣхъ народностей, для всѣхъ сословій, для всѣхъ элементовъ населенія, какъ постоянныхъ, такъ и пришлыхъ (мусафиры).

Мы не остановимся здѣсь на безплодномъ предугадываніи близости или отдаленности времени перевоспитанія туземцевъ вліяніемъ правильно устроенныхъ школъ, не станемъ до времени отмѣчать также свѣдѣнія объ успѣхахъ въ краѣ мирового суда, о вліяніи его на экономическій и нравственный бытъ населенія, о полномъ несоотвѣтствіи тѣхъ или другихъ

постановленій устава 20 ноября 1864 года и общихъ законовъ исключительнымъ условіямъ жизни кочевыхъ и осѣдлыхъ туземцевъ, насколько это уясняется практикою уѣздныхъ судей и мнѣніемъ народа, но считаемъ не безвременнымъ пожеланіе, чтобы школы скорѣе подготовили контингентъ для народнаго суда, чтобы выборная система вводила въ судебный институтъ эти прогрессивные элементы предпочтительно духовенству, дающему усердныхъ поклонниковъ старины и мѣстами упорныхъ приверженцевъ самой грубой отсталости, не раздѣляемой даже простымъ классомъ,—чтобы юридическіе вопросы встрѣтили поскорѣе изслѣдователей въ спеціалистахъ науки и знанія жизни туземцевъ Туркестана, для изысканія вполнѣ правильной и соотвѣтствующей особенностямъ края организаціи суда, потребность въ которой, смѣемъ утверждать, раздѣляется понимающимъ народомъ, значительной частью духовенства и многими казіями, ясно сознающими анахронизмъ уголовнаго шаригата и близость полнаго господства гуманности, прогресса.

Трудно и не сознавать этого народу, исполненному довѣрія, отличающему въ каждой мѣрѣ нововведенія залогъ улучшенія своего положенія—и только, нельзя не покориться требованіямъ времени и приверженцамъ старины, восторгающимся нашей терпимостью религіозныхъ установленій, обычаевъ, и спокойно взирающимъ уже десять лѣтъ на совершенную непримѣнимость многихъ постановленій шаригата, въ особенности по отдѣлу уголовному, потерявшему всякую силу вліяніемъ § 232 проекта положенія, упразднившаго практику наказаній по шаригату, приведшаго большинство казіевъ къ сознанію полной несообразности терпимости шаригатомъ присяги обвиняемаго въ дѣлахъ уголовныхъ, какъ доказательства невиновности,—къ сознанію полной основательности, утолкованнаго нѣкоторымъ принципа рѣшенія каждаго дѣла „по внутреннему убѣжденію, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ на судебномъ разбирательствѣ“.

При настоящихъ условіяхъ жизни туркестанскихъ туземцевъ и требованій русскаго правительства—бесѣдовалъ со

мною пожилой казій *Абдысаматъ-хожа*:—шаригатъ можетъ остаться въ полной силѣ своихъ постановленій: о правахъ наслѣдственныхъ включительно съ порядками охраненія имущества послѣ умершихъ и установленія опеки, не требующаго, какъ у васъ, „стола и журналовъ“ по дѣламъ этимъ, и дѣйствующаго правильно безъ бумажной процедуры; по дѣламъ, вытекающимъ изъ отношеній брачныхъ (брачный договоръ—нихохъ, бракоразводы—талакъ); по искамъ гражданскимъ, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ положенія о „давности“ и порядка доказательства иска свидѣтелями,—порядка отсталаго непринятіемъ въ свидѣтели женщинъ, иновѣрцевъ, гермафродитовъ, музыкантовъ, плакальщицъ, игроковъ въ шахматы, по дѣламъ самымъ обыкновеннымъ.

„Эти мусульманскія законоположенія, ясныя, опредѣленныя, устойчиво охраняющія право, если и страшны кажутся нѣкоторымъ изъ русскихъ своими *ривоятами* (справка толкованія), то единственно потому, что гг. порицатели не усвоили хорошенько значенія ривоята, упускаютъ также изъ виду существующія и въ другихъ странахъ, какъ я слышалъ, горы томовъ руководительныхъ рѣшеній законодательнаго *меджеме*—правленія, въ которыхъ противорѣчивость толкованій закона поразительнѣе всякихъ ривоятовъ, вполнѣ опредѣленныхъ, устойчиво обезпечивающихъ намъ спокойствіе уже второе тысячелѣтіе“.

Чтобы правильно оцѣнить достоинство записанныхъ сужденій казія, предсказывающихъ возможность спокойной реорганизаціи суда, необходимо вспомнить исторію мусульманскаго законодательства, необходимо затѣмъ сдѣлать сопоставленіе шаригата съ русскими законоположеніями, необходимо также уяснить значеніе ривоятовъ.

Обратимся къ исторіи происхожденія и распространенія исламизма, какъ явленія, составляющаго одно изъ чрезвычайнѣйшихъ происшествій въ лѣтописяхъ человѣчества.

Колыбель религіи *Магомета*, полуостровъ *Аравія*, въ древности былъ населенъ племенами *эль-арибъ*—туземцевъ перво-

жителей, *мутеарибъ* (сдѣлавшіеся арабами) и *мустарибъ*, (уподобившіеся арабамъ) съ племенной вѣтвью *корейшитовъ*, потомковъ Измаила, сына Авраама, отъ которой произошелъ *Магометъ*, родившійся въ долинѣ *Мекки* въ 569 г. по Р. Х. отъ *Абдуллы*, сына Абд-эль-Моталибо, и *Амины*, дочери Вагиба.

Всѣ эти племена разнаго происхожденія, говорившія разнымъ языкомъ, различались и разнымъ вѣроисповѣданіемъ; нѣкоторые исповѣдывали христіанство; въ колѣнахъ Коройца, Надгиръ, живших въ Мединѣ, преобладала религія Моисея; но огромное большинство было погружено въ язычество, поддерживавшее племенную рознь поклоненіемъ каждаго идолу своего племени.

До Магомета всѣ туземныя племена, населявшія Аравію, стояли на самой низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія: наука, искусства сосѣднихъ странъ Персіи и Восточной имперіи — едва были извѣстны по наслышкѣ; торговыя сношенія зимою съ Іеменемъ, а лѣтомъ съ Сиріей, установленныя *Гашимомъ* за полтора столѣтія до магометанской эры — слабо поддерживались одними корейшитами. Арабы пустыни не знали никакой письменности, не знали другихъ занятій, кромѣ войны, набѣговъ на сосѣдей, кромѣ своихъ генеалогій, старательно обсуждавшихся горячими спорами во время каждой сходки.

Всѣ заботы этого полудикаго народа, уединеннаго географическимъ положеніемъ отъ прочаго міра, состояли въ пастьбѣ овецъ, верблюдовъ, да въ изученіи своей поэзіи и собственнаго языка, благозвучнаго, гибкаго и весьма богатаго.

Отважныя игры, чрезмѣрное употребленіе вина, отвратительная неряшливость, полная неразборчивость въ пищѣ, порождавшая нерѣдко губительныя болѣзни, общее всѣмъ семитическимъ народамъ многоженство, обычай хоронить дочерей заживо, чтобы избавиться лишнихъ ртовъ во время голода, личная месть, порождавшая часто ожесточенныя войны между племенами, разбой и похищеніе, часто подготовленное гостепріимствомъ и отмѣннымъ великодушіемъ — таковы были страсти

и обычаи арабовъ, не имѣвшихъ ни правилъ общежитія, ни политическаго устройства.

Одно лишь племя корейшитовъ, охранявшее священный храмъ Каабы и поддерживавшее торговыя сношенія съ Сиріей, Месопотаміей и Египтомъ, пользовалось значительнымъ уваженіемъ на далекое разстояніе и сохраняло отъ временъ *Коссая* (440 г. по Р. Х.) простое гражданское устройство, состоявшее изъ общиннаго совѣта (*нодва*), гдѣ дѣла обсуждались публично, а главенствовалъ уважаемый старѣйшина племени, служитель Каабы,—изъ установленій налога *рифада* (помощь) на продовольствіе бѣдныхъ богомольцевъ, на веденіе войны, изъ поддержанія правильнаго порядка въ распредѣленіи воды (сикаія).

Насколько соплеменники Магомета, корейшиты, выдавались предъ остальными племенами Аравіи своимъ главенствомъ въ правахъ охраненія главныхъ идоловъ, своимъ относительнымъ устройствомъ быта, опредѣленностью власти, большею сравнительно чистотою нравовъ, какъ слѣдствіемъ частыхъ сношеній по торговлѣ съ цивилизованными сосѣдями, настолько же они оказались упорными противниками ученія восточнаго пророка. Серьезный и склонный къ уединеннымъ размышленіямъ, *Магометъ* почувствовалъ призваніе къ реформаторской дѣятельности, для исправленія нравственности общества и правильнаго гражданскаго устройства его, на сороковомъ году своей жизни, извѣдавшей опытность, наблюдательность во время путешествій съ караванами, упрочившей ему вліяніе на общественныя дѣла женитьбою на богатой вдовѣ *Хадиджѣ* и удачнымъ рѣшеніемъ ожесточеннаго спора корейшитовъ съ другими племенами при перестройкѣ главнаго храма *Каабы*, послѣ котораго предметъ спора, честь постановки въ храмѣ священнаго чернаго камня, была возложена на Магомета.

Въ первые годы проповѣдничества, начатаго изложеніемъ открытой пророку ангеломъ Гавріиломъ молитвы предъ омовеніемъ, послѣдователями Магомета были только его близкіе домашніе родственники: жена, *Али* (впослѣдствіи зять Магомета), его пріемышъ *Сеидъ*, вліятельный между корейшитами знаніемъ

генеалогіи и правдивостью *Абдалла* (служитель Бога) и *Абубекеръ* (отецъ дѣвицы) тесть пророка и первый преемникъ его (Халифа).

Эти близкія миссіонеру лица, принявъ основныя положенія новой религіи — единство Бога безъ Троицы и ниспроверженіе идоловъ, хранили ихъ въ тайнѣ въ теченіи трехъ лѣтъ, а затѣмъ эта партія, пополнившись такими важными прозелитами изъ корейшитовъ какъ *Омаръ*, *Абду-Телибъ* и другіе, сдѣлалась распространительницей исламизма и путемъ толкованій, и путемъ меча, къ которому пришлось прибѣгнуть сначала въ самозащитѣ, во время бѣгства Магомета съ послѣдователями (мугаджиры) изъ Мекки въ Медину, въ первой половинѣ іюня 622 г. по Р. Х.

Впослѣдствіи, на двѣнадцатый годъ миссіонерства, имѣвшаго уже достаточно сторонниковъ въ Ятрибѣ (Медина) и Меккѣ, война сдѣлалась необходимымъ средствомъ распространенія исламизма, то укрѣплявшагося одержанными побѣдами при *Бедрѣ*, въ Койбарѣ, то временно ослабѣвшаго вслѣдъ за пораженіемъ при *Огодѣ* и въ другихъ позднѣйшихъ сраженіяхъ, гдѣ Магометъ лишился 600 лучшихъ, ревностнѣйшихъ своихъ союзниковъ (анзары).

Наконецъ, послѣ удачной экспедиціи противъ Мосталика и подчиненія значительной части евреевъ съ пограничными сирійцами, послѣ мирнаго путешествія Пророка съ учениками въ Мекку, гдѣ онъ выказалъ въ этотъ разъ полную терпимость къ язычникамъ (629 г. по Р. Х.), послѣ похода противъ гасанидовъ, данниковъ римскаго императора — мусульмане насчитывали уже такъ много послѣдователей, что когда Магометъ задумалъ подчинить Мекку силою, подъ его знамена собралось 10 тысячъ отборныхъ воиновъ.

На этотъ разъ, разбивъ на голову (630 г. по Р. Х) многочисленное войско непокорныхъ корейшитовъ, Магометъ истребилъ всѣхъ идоловъ, разрушилъ языческіе храмы и, обративъ въ теченіи полумѣсяца всѣхъ меккцевъ и сосѣднія племена къ исламизму, потребовалъ на холмѣ *Софа* присяги въ вѣр-

ности, причемъ женщины обѣщались также не производить воровства, прелюбодѣянія, дѣтоубійства, а сверхъ того, не лгать и не клеветать.

Подчинивъ еще своему владычеству часть христіанъ и страны сѣверной Аравіи: Гадрамаутъ, Іемень, Неджь, и достигнувъ признанія себя посланникомъ Бога, Магометъ считалъ свое ученіе совершенно упроченнымъ и, чтобы освятить успѣхъ мусульманства, въ двадцатый годъ своего проповѣдничества предпринялъ путешествіе въ Мекку.

Здѣсь, на горѣ Арафотъ, стотысячной паствѣ, въ громкой рѣчи, которую сохранило преданіе, были пояснены главныя положенія корана: правосудіе, человѣколюбіе, снисхожденіе; братство со всѣми мусульманами, хорошее обращеніе съ женщинами, честность въ исправленіи общественныхъ должностей.

„Я вамъ оставляю, — говорилъ Магометъ: — законъ, ограждающій васъ отъ грѣха, законъ ясный и положительный, книгу ниспосланную свыше“. Но эта „книга“ безграмотнаго (омми) [1]), какъ назвалъ себя Магометъ, законодателя до послѣднихъ дней его жизни (скончался Магометъ на рукахъ своей жены Айши въ 632 г. по Р. Х., т.-е. 63 лѣтъ отъ роду) представляла отрывочные наброски его проповѣдей, поученій, записанные, какъ утверждаютъ всѣ мусульманскіе ученые, на лопаткахъ бараньихъ костей секретарями: *Али*, *Османъ*, *Сеидъ Обай* и *Моавія*.

Эта книга, коранъ, евангеліе мусульманъ, собранная воедино только вторымъ преемникомъ Магомета, Халифа Омаромъ, и написанная Османомъ на пергаментѣ куфическимъ шрифтомъ, — упразднивъ начавшіе было распространяться всѣ варіанты ученія, дало полный систематическій сводъ религіозныхъ постановленій, правилъ нравственныхъ и политическихъ [2]).

---

[1]) Всѣ ученые муллы, мударисы, на основаніи книжныхъ данныхъ (кн. Маснави), утверждаютъ, что Магометъ былъ неграмотный.

[2]) Подлинный коранъ Османа въ 200 листовъ, величиною 17 вершк. каждый, хранился въ Самаркандѣ, въ медрессе Хожа-ахраръ, а съ 1868 года составляетъ драгоцѣнное достояніе С.-Петербургской Императорской публичной библіотеки.

Но коранъ, какъ плодъ непродолжительной двадцатитрехлѣтней, исполненной при томъ борьбы, миссіонерской дѣятельности, не могъ естественно предусмотрѣть въ своихъ опредѣленіяхъ (сура) всѣ проявленія жизни разноплеменныхъ современниковъ и остался только источникомъ законовъ для магометанъ, послужившимъ послѣдующимъ кодификаторамъ (муштагитъ) канвой при разработкѣ права вообще [1]).

Такими главнѣйшими кодификаторами мусульманскаго права были по порядку времени: имамъ-*Ахзамъ*, нуиманъ сабитовъ (80 лѣтъ послѣ Магомета), разработавшій вмѣстѣ съ сотрудниками (шагыртъ) своими въ особенности положеніе о священнослуженіи (гибадатъ) и о правилахъ жизни; имамъ *Абу-Юсуфъ*, современникъ имамъ Ахзама, исполняя обязанности казія, трудился надъ разработкою и поясненіемъ гражданскаго и уголовнаго права (маамелятъ); имамъ *Магометъ*, также современникъ двухъ первыхъ муштагитовъ, при содѣйствіи имамъ *Зуфора* и *Абу-Ляйля* привелъ въ систему кодификаціонныя работы своихъ учителей и отдѣлъ гражданскаго права дополнилъ самостоятельнымъ трудомъ.

Имамъ-*Малекъ* и *Шафіи*, позже нѣсколько, составили книгу *Муата*, т.-е. сборникъ. Эти-то четыре имама, какъ ближайшіе къ эпохѣ восточнаго пророка, какъ ученики отчасти его собесѣдниковъ (сагоба), считаются корифеями мусульманскаго духовнаго и общаго права настолько, что составленныя ими толкованія (масаля) законовъ, начертанныхъ Магометомъ, остаются неизмѣнно авторитетными и служатъ руководствомъ въ жизни для каждаго правовѣрнаго, какъ откровеніе божіе—*шаригатъ*.

Послѣдующіе затѣмъ законовѣды, но уже не муштагиты, занимались только составленіемъ отдѣльныхъ уложеній, давая въ нѣкоторыхъ случаяхъ и свои истолкованія.

[1]) Слово коранъ или кур-анъ значитъ чтеніе. Онъ имѣетъ еще слѣдующія названія: Эль-китабъ—книга, Китабуллахъ—книга Божія, Килиметъ-уллахъ—слово Божіе, Эль-тензиль—книга сошедшая свыше, Эль-фикръ—увѣщаніе, Эль-форканъ—различіе (между позволительнымъ и непозволительнымъ, между добромъ и зломъ). Эль-мостофъ—томъ, сводъ (см. коранъ Магомета, перев. Казимирскаго).

Такъ 500 лѣтъ позже четвертаго кодификатора, *Вавляи-Махмутъ* составилъ *викоя*, т.-е. краткое извлеченіе законовъ, а современникъ его *Мавлон-Убайдула* издалъ сначала *мухтасаръ-викоя*—„сущность“ краткаго извлеченія, а затѣмъ поясненіе къ нему—*шархи-викоя*.

Хотя трудъ этихъ двухъ законовѣдовъ представляетъ только лишь компиляцію свода *хидоя* всѣхъ мусульманскихъ законоположеній, составленнаго послѣ Магомета *Бургинединомъ*, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ юридическихъ вопросахъ казіи обращаются за справками и къ книгѣ *викоя*.

Кромѣ всѣхъ вышеназванныхъ сводосоставителей и законотолкователей, признаются также авторитетными и позднѣйшіе труды по разработкѣ общаго права: имама *Казы-хана*, составившаго книгу этого же названія; муллы *Джалиль-Гури-Мири* и муллы *Джалиль-Дованы*, написавшихъ отдѣльныя толкованія законовъ о правѣ наслѣдственномъ и разъясненія по дѣламъ бракоразводнымъ.

Вся эта плеяда законотолкователей, включительно съ *Мулла Шамсидиномъ* издавшимъ, по заказу государя Бухары, благодѣтеля народовъ *Абдула-хана* (1538—1597 года), разъясненіе положеній мухтасари-викоя въ книгѣ *джамуль-рамузъ*, служащей руководствомъ казіямъ въ вопросахъ судопроизводства и друг., съ авторами книгъ *хуляса*, *мухитъ*, *захире*, *хизана-туль-муфтіинъ*, *мультакатъ*, *шубини*, *бахруль-манафитъ* и *алямъ-гири*, находила и почву и канву для своихъ трудовъ въ коранѣ, давшемъ только основныя начала законодательства и матеріалъ въ постепенномъ развитіи требованій жизни, и, наконецъ, поощреніе покровительствомъ, которое оказывали всѣ восточные государи и въ особенности Тимуръ, Абдулла-ханъ и Алямъ-Гири индустанскій, замѣчательный теологъ, составившій сборникъ толкованій гражданскихъ законовъ—*фатва Алямъ-Гири*.

Мы привели здѣсь только имена главныхъ, авторитетныхъ законотолкователей, и общее значительное число ихъ, наряду съ множествомъ изданій юридическихъ работъ, по характеру

ихъ, уясняетъ такимъ образомъ съ одной стороны, что мусульманское законодательство (шаригатъ) вовсе не оставалось неподвижнымъ отъ временъ пророка Магомета, а выработывалось постепенно изъ требованій жизни; съ другой—что оно удержало ненарушимо тотъ характеръ рѣзкой консервативности, какой отпечатался на жизни восточнаго народа вліяніемъ ученія, свергнувшаго языческихъ идоловъ, установившаго прочную религіозную систему, но и поставившаго книгою, „посланною свыше“ (коранъ), твердую точку развитію политической жизни правовѣрныхъ.

Мы не станемъ заниматься въ статьѣ этой, чуждой претензій на законченность, обработанность, оцѣнкою достоинствъ *корана*, какъ источника законовъ; воздержимся также и отъ критическаго разбора *шаригата*, какъ гражданскаго и уголовнаго кодекса, а сочтемъ достаточнымъ пока сдѣлать сопоставленіе мусульманскихъ и русскихъ законоположеній, для наглядnаго уясненія вопроса, если онъ будетъ когда-нибудь поднятъ, въ какой мѣрѣ они могли бы быть примѣняемы казіями и вообще судомъ при разборѣ правостолкновеній туземцевъ и другихъ элементовъ населенія Туркестанскаго края.

Предварительно, однако, приходится повторить высказанное выше, что всѣ законодательныя работы восточныхъ юристовъ давно минувшаго времени, давъ множество отдѣльныхъ рукописныхъ изданій комментаріевъ, остаются несгруппированными въ общій сводъ и имѣются въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ,—что такіе рукописные сборники законовъ мусульманскихъ, какъ мухтасаръ-викоя, шархи-викоя, хидоя и проч., не снабженные ни оглавленіями, ни алфавитомъ, доступны для скораго извлеченія изъ нихъ справокъ только опытнымъ, много практиковавшимъ судьямъ, муфтіямъ, но не казіямъ нашего времени, не только не подготовляющимся къ судейской дѣятельности теоретическимъ изученіемъ права, но, какъ немало встрѣчается, едва грамотнымъ и слабо знающимъ (въ Сыръ-дарьинской области) персидскій языкъ—этотъ

ключъ, безъ основательнаго знакомства съ которымъ нельзя быть хорошимъ казіемъ, законникомъ.

А кто же станетъ отрицать необходимость для казія, какъ судьи, знать настолько шаригатъ для примѣненія постановленій его въ возможныхъ по времени случаяхъ, чтобы не быть въ слѣпой зависимости отъ муфтіевъ и цитируемыхъ ими опредѣленій шаригата или ривоята, преподносимыхъ суду тяжущимся въ каждомъ почти дѣлѣ?

Къ сожалѣнію, такихъ отрицателей, не потрудившихся даже поверхностно познакомиться съ мусульманскимъ правомъ и судоустройствомъ, а вздрагивающихъ лихорадочно отъ однихъ звуковъ словъ „шаригатъ“, „ривоятъ“, встрѣчается немало и въ административномъ персоналѣ.

Большинство у насъ того мнѣнія, что лучше для успѣховъ гражданственности, культуры и т. д. имѣть въ судебномъ институтѣ туземцевъ совершенно невѣжественныхъ, чѣмъ оставлять судьями казіевъ, знакомыхъ съ порядкомъ судопроизводства по шаригату, этому источнику „косности“, „невѣжества“, какъ принято клеймить мусульманскій кодексъ, не отличая въ немъ отсталости, свойственной и другимъ законодательствамъ, отъ преобладающихъ началъ разумнаго и гуманнаго,—такихъ началъ, напр., въ податной идеально справедливой системѣ, о которыхъ ближайшій западъ начинаетъ теперь лишь мечтать, приговариваясь къ подоходной подати, родной сестрѣ подати *хераджной и закетной* [1]).

Не станемъ однако уклоняться отъ обѣщаній, приведенныхъ въ началѣ этой статьи, а скажемъ, на основаніи достаточнаго знанія жизни туземцевъ, что шаригатъ, казіи и ривоятъ вовсе не страшны для уготованной гражданственности, успѣхъ которой обусловливается не безотчетными вздрагиваніями предъ установленіями и традиціями, дѣйствовавшими тысячелѣтія, а основательнымъ, спокойнымъ изученіемъ страны во всѣхъ отно-

[1]) Хераджъ—поземельная подать, равная $^1/_5$ части урожая съ земель податныхъ. Закетъ—пошлина въ $2^1/_2$% съ торговаго капитала, какими бы операціями онъ ни обозначался.

шеніяхъ и оставленіемъ затѣмъ, хотя бы изъ шаригата, законоположеній, вполнѣ отвѣчающихъ исторической жизни, географическимъ условіямъ края и особенностямъ быта кореннаго населенія этого края.

Посмотримъ же, что такое судъ казіевъ у осѣдлыхъ туземцевъ, какія носитъ особенности судопроизводство по шаригату, что такое *ривоятъ*.

Въ мусульманское время, во всемъ Туркестанскомъ краѣ у осѣдлыхъ туземцевъ судебный персоналъ состоялъ изъ *казіясудьи* и *муфтіевъ*, въ такомъ числѣ, какое требовалось размѣрами судебнаго раіона и юридической практики въ немъ.

Какъ тѣ, такъ и другіе, вступали въ должности не по выбору народа, а по назначенію эмиромъ, или, въ небольшихъ раіонахъ, бекомъ, изъ муллъ, окончившихъ ученіе въ медрессе и выдержавшихъ испытаніе въ знаніи корана и шаригата.

Обязанность казіевъ была: наблюдать чрезъ своихъ мирзъ и муфтіевъ за правильнымъ дѣйствіемъ на всѣхъ базарахъ торговой мѣры, вѣса и проч., выслушивать просителей, разбирать гражданскія и уголовныя дѣла и постановлять рѣшенія, утверждать имущественныя сдѣлки и договоры на всякую сумму и по всѣмъ предметамъ, утверждать акты брачные, бракоразводные, завѣщательные, охранять имущество послѣ умершихъ и распредѣлять его (тахсимъ) между наслѣдниками (ворисъ), съ назначеніемъ, въ случаѣ надобности, опекуновъ (воси) къ малолѣтнимъ или неправоспособнымъ по физическимъ и духовнымъ недостаткамъ.

Обязанности муфтія состояли въ изложеніи письменно просьбъ истцовъ по дѣламъ всякаго рода, въ составленіи договоровъ, подлежащихъ утвержденію казіевъ, въ участіи съ казіемъ по дѣламъ охранительнымъ, въ распредѣленіи имущества послѣ умершихъ, въ составленіи письменныхъ рѣшеній казія, въ подысканіи въ шаригатѣ, для каждаго обращающагося, будь то истецъ или отвѣтчикъ, постановленій (ривоятъ), соотвѣтствующихъ положенію исковаго дѣла [1]).

[1]) Въ нѣкоторыхъ городахъ существовали и остались до настоящаго времени *аглямы*, компетентные юристы, назначеніе которыхъ—утверждать своею печатью, при возникновеніи сомнѣнія у казія, каждый правильный ривоятъ, дающій въ такихъ случаяхъ рѣшительное и обязательное направленіе рѣшенію.

Аттрибуты казія и муфтія—печать большого формата (отъ 2 до 1 дюйма въ діаметрѣ), изготовляемая на собственныя средства и дающая обязательную силу всякому правильно составленному акту.

Судебные участки устанавливались беками съ разрѣшенія эмира или хана, причемъ основаніемъ служили болѣе посторонніе разсчеты, чѣмъ территоріальность и степень населенности.

Поэтому въ каждомъ бекствѣ, наряду съ раіонами въ 200—80 т. душъ, въ которые назначались въ казіи, съ титуломъ *казыкалянъ* (старшій казій), любимцы властей, встрѣчались судебные участки съ незначительнымъ населеніемъ и съ ограниченной практикой.

Вездѣ почти однако замѣчалось преобладаніе большихъ судебныхъ раіоновъ надъ числомъ малыхъ.

Такъ какъ казіи рѣшительно не успѣвали исполнять судейскія и нотаріальныя обязанности во всемъ раіонѣ, то имъ предоставлялось назначать, по своему усмотрѣнію, помощниковъ (наибъ), пользовавшихся правами казіевъ въ дѣлахъ, которыя эти послѣдніе имъ передавали.

Всѣ же участковые казіи, не исключая и казы-каляна, пользовались одинаковыми юридическими правами.

Получивъ ханскій „*ярлыкъ*“ (дипломъ), казій становился вторымъ лицомъ въ городѣ, получалъ право сноситься письмами непосредственно съ эмиромъ, пользовался утонченно-вѣжливымъ обращеніемъ хана, недопускающимъ выраженія „ты“ въ сношеніяхъ съ казіями и учеными муллами; но, лишаясь своего званія, казій становился обыкновеннымъ смертнымъ и за неправильное отправленіе своихъ обязанностей подвергался по смѣнѣ съ должности тѣмъ же наказаніямъ, по усмотрѣнію эмира, какія назначались и остальнымъ правовѣрнымъ.

Насколько въ наше время выборная система легко открываетъ доступъ къ занятію должности казія каждому, хотя бы и не обладающему достаточными знаніями шаригата, но про-

нырливому, юркому муллѣ, не знающему другихъ принциповъ, кромѣ скорой наживы на счетъ правосудія, конечно настолько же были строги требованія къ кандидатамъ въ казіи въ тѣ времена, когда должности эти замѣщались по назначенію. Были разумѣется исключенія и тогда, но они встрѣчались, по нашему наблюденію, очень рѣдко.

Объясняется это тѣмъ, что казіи пользовались прежде высокимъ общественнымъ положеніемъ, сами стремились создать себѣ имя безупречной дѣятельностью, были подъ контролемъ вліятельнаго класса общества и властей, не упускавшихъ изъ вида книжныхъ положеній, требующихъ отъ казія знанія шаригата, высокихъ нравственныхъ качествъ, и обязанности жить скромной, несуетливой жизнью, слѣдовать которой можетъ не каждый правовѣрный.

Книга *хилоса* и др. опредѣляютъ все, касающееся частной жизни казіевъ, довольно положительно и приводятъ изреченіе *Халифа Алія*, что казіи подраздѣляются на три категоріи: „въ первой—знающіе шаригатъ и нарушающіе его, во второй—совершенные невѣжды казіи,—имъ назначенъ адъ; въ третьей—знающіе шаригатъ и неуклонно дѣйствующіе по немъ,—ихъ ожидаетъ рай".

Далѣе говорится: правители обязаны назначать въ должности казіевъ людей, твердыхъ отъ всякихъ соблазновъ, усвоившихъ хорошо науки, выдержавшихъ диспутъ (низагъ) съ законовѣдами.

Казій не долженъ быть безпечнымъ, гордымъ, вспыльчивымъ и несговорчивымъ (кн. шархи-канзидикалкъ).

Казій не долженъ заниматься другими дѣлами по должности общественной, кромѣ дѣлъ судейскихъ (полож. книги джамуль-рамузъ, соотв. ст. 42 учр. суд. уст. 1864 г.).

Казій не долженъ принимать ни отъ кого подарковъ, не долженъ ходить по гостямъ, но можетъ принимать участіе въ общественномъ празднествѣ и посѣщать больныхъ, уклоняясь однако въ обоихъ случаяхъ отъ всего соблазнительнаго.

На судѣ казій долженъ быть не суровъ, но серьезенъ.

Безъ улыбокъ, безъ шутокъ, онъ долженъ терпѣливо выслушивать тяжущихся, относясь одинаково и къ ученому и къ неучу, и къ богатому и къ бѣдному, и къ властному и къ безсильному, причемъ тяжущіеся должны сидѣть рядомъ насупротивъ казія, который обязанъ относиться къ нимъ вѣжливо, но не говорить по секрету и не угощать (кн. джамуль-рамузъ, іерухиль, конзи).

Казій, уличенный въ намѣренномъ неправосудіи, въ принятіи отъ кого-либо взятки, въ вымогательствѣ отъ тяжущихся платы больше той, какая установлена нормою въ употребленіи горячительныхъ (хамръ) напитковъ, въ развратномъ поведеніи—немедленно долженъ быть отрѣшенъ начальствующими отъ должности (кн. джамуль-рамузъ, ибрагимъ-шейхи).

Въ тѣхъ видахъ, чтобы казіи, занимаясь дѣлами судейскими, не теряли познаній въ наукахъ, правителямъ предоставляется оставлять ихъ въ должностяхъ не болѣе трехъ лѣтъ и затѣмъ опредѣлять на нѣкоторое время въ высшія школы мударисами, допуская впослѣдствіи вновь на судейскія должности.

Получившій должность казія взяткою, недостойнымъ ухищреніемъ, не можетъ оставаться въ этой должности, и всѣ дѣйствія его недѣйствительны настолько, что каждый правильно избранный казій въ правѣ перерѣшить опредѣленіе, постановленное лже-казіемъ (кн. джамуль-рамуль и татаръ-хана).

Каждому казію были подсудны только такія дѣла *уголовныя* и *гражданскія*, по которымъ отвѣтчикъ (мудаалай), какой бы онъ народности ни былъ, имѣлъ въ его участкѣ постоянное мѣстожительство (мокимъ) или временное пребываніе, хотя бы только нѣсколько часовъ, въ теченіи которыхъ онъ застигнутъ истцомъ (соотв. ст. 32 уст. гр. суд. 1864 г.). Въ силу этого основного положенія судопроизводства по шаригату, базарные пункты были всегда ареной судьбища, привлекавшей въ опредѣленный день или два дня въ недѣлю и судебный персоналъ ближайшихъ участковъ, и тяжущихся.

Въ такихъ искахъ, по которымъ отвѣтчиками являются

нѣсколько человѣкъ, живущихъ въ разныхъ судебныхъ участкахъ, истцу предоставляется имѣть дѣло съ каждымъ отдѣльно, по мѣсту жительства или временнаго пребыванія ихъ.

Въ уголовныхъ дѣлахъ отличительною особенностью судопроизводства по шаригату остается сужденіе преступленія, какое бы оно ни было, не по мѣсту совершенія его (ст. 36 уст. угол. суд.), а по мѣсту пребыванія преступника-отвѣтчика (кн. казы-ханъ), нарушителя правъ частнаго лица, а не государства, какъ мотивируетъ мусульманское законоположеніе, оставляющее вовсе безъ разслѣдованій тѣ случаи преступленій, по которымъ нѣтъ истца, а обвиняемый не сознается въ совершенномъ дѣяніи.

Хотя юрисдикція каждаго казія расширялась до предѣловъ разбирательства единолично исковъ неограниченно на всякую сумму, возбужденія дѣлъ преступленія по непосредственному усмотрѣнію, преслѣдованія собственною властью нарушителей торговыхъ обычаевъ, тѣмъ не менѣе правители-ханы позднѣйшихъ временъ нашли легальное (шарги) право ограничить судебную власть казіевъ по дѣламъ уголовнымъ, требованіемъ представленія на утвержденіе ихъ каждаго приговора, влекущаго наказаніе смертною казнью (катль). Въ остальныхъ дѣлахъ, приговоры отрубанія рукъ, ногъ, наложенія денежной отвѣтственности (діатъ) въ дѣлахъ неумышленнаго убійства, изувѣченія, тѣлеснаго наказанія отъ 3-хъ до 100 ударовъ, заключенія въ яму (ховсизиндонъ), хотя бы пожизненнаго,—получали силу постановленіемъ казія, и немедленно приводились въ исполненіе мѣстными административными властями.

Въ силу того широкаго права защиты на судѣ своихъ интересовъ каждымъ тяжущимся, которое, какъ будетъ выяснено позже, даетъ по шаригату дѣйствіе ривоята (извлеченіе закона), судъ казіевъ, оставаясь всегда единоличнымъ судомъ, впадалъ въ погрѣшности весьма рѣдко, только въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ, при запутанности обстоятельствъ дѣла, неправильно осужденная сторона не представила защитительныхъ ривоятовъ. Однако и въ такихъ случаяхъ судебная ошибка

вовсе не исправлялась, а рѣшеніе приводилось въ исполненіе, какъ бы въ послѣдовательность юридическому принципу: „сила судебныхъ рѣшеній важнѣе самой справедливости“.

Если случалась отмѣна судебнаго рѣшенія властью хана, то такое дѣло разбиралось вновь, внѣ всякихъ вліяній, другимъ казіемъ единолично.

Такимъ образомъ, на основаніи положительныхъ и точныхъ данныхъ, мы можемъ утверждать, что въ прежнее время коллегіальный судъ по шаригату вовсе не былъ извѣстенъ въ Туркестанскомъ краѣ, и заключеніе о существованіи будто бы такого суда, послужившее главнымъ аргументомъ къ учрежденію неприви вающейся судебной инстанціи *съѣздовъ казіевъ*, было ошибочнымъ, неизвѣстно на чемъ основаннымъ.

Складъ формы судопроизводства по шаригату, основной принципъ мусульманскаго законоположенія — предоставленіе тяжущимся полной, ничѣмъ рѣшительно не стѣсняемой свободы защиты своихъ правъ цитированіемъ (ривоятъ) соотвѣтствующихъ дѣлу законовъ, свобода судопроизводства отъ отяготительнаго канцеляризма, дѣлающая судъ казіевъ дѣйствительно „скорымъ“ судомъ, не оставляли мѣста коллегіальному суду (съѣздъ), ни какъ инстанціи апелляціонной (§ 232 проекта положенія), ни какъ высшему учрежденію для сужденія дѣлъ гражданскихъ на сумму свыше 100 р. (§ 227 пр. полож.) и дѣлъ уголовныхъ всякаго рода, отъ простой обиды частнаго лица до преступленій растлѣнія, нанесенія тяжкаго увѣчья, выключая однако, изъ подсудности, по § 131 проект. пол., дѣла по грабежамъ, разбоямъ, доставляющія наибольшую практику слѣдователямъ, отъ которой для туземцевъ остается одно впечатлѣніе безнадежнаго усердія чиновника раскрыть истину тамъ, гдѣ поперекъ его стремленій становятся особенности условій края, особенности невѣдомой жизни туземцевъ.

— „Я присмотрѣлся достаточно къ вашимъ порядкамъ,— разсказывалъ мнѣ киргизъ *Юлъ-Якши* (хорошая дорога), переводчикъ слѣдователя: — и въ слѣдственной практикѣ видѣлъ много удивительныхъ примѣровъ по исходу дѣлъ о грабежахъ,

о разбояхъ. Множествомъ данныхъ я остановился на такомъ заключеніи, что по дѣламъ этой категоріи, при полномъ усердіи слѣдователя, открытіе преступника, если онъ не оставилъ въ рукахъ потерпѣвшаго фактическаго доказательства виновности своей, въ большинствѣ случаевъ дѣлается невозможнымъ. Сошлюсь на недавніе примѣры: сарты *Кудратъ* и *Каримъ* заявляютъ объ ограбленіи ихъ днемъ, въ полѣ, пятью киргизами, причемъ одного изъ грабителей, нанесшаго Кариму ударъ шашкой, оба потерпѣвшіе узнаютъ на другой день на базарной площади. Возбуждается дѣло, и киргизъ, не разъ стоявшій предъ слѣдователемъ, освобождается на другой день отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія, такъ какъ потерпѣвшіе не могли конечно представить обличающихъ свидѣтелей, а со стороны обвиняемаго нашлись свидѣтели киргизы, развязно подтвердившіе присягою на коранѣ, съ прочтеніемъ непонятнаго имъ текста, что оговоренный въ „такіе-то часы“, „такого-то дня“ происшествія былъ неотлучно съ ними вмѣстѣ.

„Къ благополучію этихъ бѣдняковъ-сартовъ, соучастники грабежа, убоявшись вѣроятно за своего арестованнаго въ теченіе одного дня товарища, выпустили ограбленныхъ лошадей и они пришли во дворъ своихъ хозяевъ, что только и надо было сартамъ, извѣдавшимъ разспросы на „дознаніи“, четырехдневное томленіе на слѣдствіи, гдѣ разыгрывалась комедія привода къ присягѣ киргизъ, не признающихъ такой присяги [1]), комедія обильнаго бумагоистребленія. Чрезъ два

[1]) Слѣдователи Туркестанскаго края практикуютъ тотъ же обрядъ присяги, какой изданъ (прим. II къ ст. 218, кн. II, ч. V свода воен. пост.) для руководства слѣдователей и суда по дѣламъ магометанъ вообще.

Вотъ текстъ этой присяги:

„*Клятва*“.

„Я, нижепоименованный, предъ алкораномъ Всемогущаго, неимѣющаго себѣ равнаго, Великаго Бога, клянусь и обѣщаюсь, что все, о чемъ у меня спросятъ, несмотря ни на дружбу, родство, свойство, вражду, корысть и страхъ, безъ потворства какой-либо сторонѣ, безъ участья, прибавленія и умаленія и безъ утайки, съ точностью скажу самую сущую правду, дабы на страшномъ судѣ всеобщаго воскресенія, предъ самимъ всемогущимъ Богомъ, съ чистымъ лицомъ возмогъ дать отвѣтъ въ оной.

дня повторился такой же примѣръ съ иранцемъ *Фазылъбаемъ*. Днемъ въ полѣ четыре киргиза ограбили у него двухъ лошадей. Чрезъ двѣнадцать дней онъ узнаетъ въ городѣ одного изъ грабителей, стараго курносаго киргиза, узнаетъ на его лошади и свою ограбленную уздечку. Дѣло кончается тѣмъ, что киргизы свидѣтели подтверждаютъ присягою, будто бы типичный сородичъ ихъ купилъ эту уздечку въ „такомъ-то“ селеніи отъ неизвѣстнаго туземца. Въ результатѣ трехдневныхъ усилій слѣдователя — признаніе киргиза невиновнымъ. Съ формальной стороны, оба эти дѣла привели къ результатамъ можетъ быть и правильнымъ, но цѣлая цѣпь въ году такихъ дѣлъ, съ такими же результатами, производитъ на туземцевъ невыгодное для русскаго суда впечатлѣніе. Въ каждомъ слѣдственномъ процессѣ всѣ видятъ безнадежное усердіе чиновника раскрыть истину, и понять никто не можетъ, къ чему подымается столько шуму по поводу грабежа, разбоя, по поводу случаевъ смерти отъ нанесенной въ дракѣ раны, когда сложныя кражи и другія тяжкія преступленія оставлены въ вѣдѣніи народнаго суда“.

Вмѣсто безплоднаго рѣшенія этого, отовсюду раздающагося вопроса о такомъ разграниченіи подсудности уголовныхъ дѣлъ, направленномъ къ уничтоженію значенія единоличнаго суда, въ ущербъ правосудію, какъ этого конечно не ожидали, возвратимся къ описанію порядка судопроизводства по шаригату у казіевъ осѣдлаго населенія.

Въ подтвержденіе однако вывода, что дѣйствующее въ краѣ разграниченіе подсудности уголовныхъ дѣлъ отяготительно

„Билляги, Валлаги, Таллаги, буду отвѣчать по справедливости и покажу сущую истину!“.

Не буду предугадывать о томъ, какое религіозно-нравственное вліяніе оставляетъ прочтеніе текста этой присяги на татаръ и другія народности, но скажу, на основаніи знанія, что киргизы совершенно *игнорируютъ* этотъ обрядъ присяги, всегда оставшейся чуждымъ имъ, рыцарски уважающимъ простой обрядъ присяги по обычаю, обрядъ, требующій выпить въ подтвержденіе своихъ словъ обыкновенную чашку воды, подойти къ могилѣ уважаемаго сородича; сарты же, и въ особенности таджики и узбеки, считаютъ такую присягу неимѣющею *никакого значенія*, такъ какъ въ ней „все лишнее“ до слова Богъ, которое повторяется три раза въ нарушеніе шаригата и всѣхъ религіозныхъ обрядностей.

отзывается на правосудіи, можемъ сослаться на тотъ же проектъ положенія, поясняющій (§ 228), что время, мѣсто и число съѣздовъ опредѣляется военнымъ губернаторомъ. Что же получается?

При разбросанности осѣдлостей и, слѣдовательно, судебныхъ участковъ, назначеніе частыхъ съѣздовъ, хотя бы въ центральномъ пунктѣ, не представляется возможнымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ участки, подвѣдомственные призваннымъ на съѣздъ казіямъ, лишены были бы суда для самыхъ обыкновенныхъ исковыхъ дѣлъ, каждодневно возникающихъ. Областнымъ властямъ приходится поэтому назначать съѣзды очередями въ два мѣсяца одинъ разъ, на срокъ двухнедѣльный, и конечно тамъ, гдѣ дѣйствуютъ такіе, только и возможные сроки открытія суда коллегіальнаго, ему приходится обсуждать только свѣжіе случаи уголовныхъ дѣлъ; всѣ же происшествія и правостолкновенія, возникающія за два мѣсяца до открытія дѣйствій съѣзда, или предаются потерпѣвшими забвенію, или, какъ это часто бываетъ въ дѣлахъ преступленій кражи, погашаются возмездіемъ—саморасправой.

Такое судоположеніе о съѣздахъ, нисколько не достигая, какъ задавалась пояснительная записка (стр. 168), уничтоженія значенія одноличной власти казія, вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ населеніе скораго, правильнаго суда и, возбуждая часто самосуды, подрываетъ уваженіе къ законности. Это и нетрудно подмѣтить тамъ, гдѣ, какъ въ киргизской степи, съѣзды и біи-судьи возсѣдаютъ постоянно въ городѣ, резиденціи уѣздныхъ властей, за сотни верстъ отъ своихъ судебныхъ раіоновъ. Въ такихъ уѣздахъ самосуды кражей практикуются весьма часто, а *баранта*, не вмѣняемая въ наказаніе, какъ „рыцарскій поединокъ за нарушеніе правъ лица или рода“ (проектъ положенія и стр. 165 пояснительной записки), уже съ давнихъ временъ и мѣстами задолго до введенія положенія превратилась въ простой, отважный грабежъ открытымъ угономъ цѣлыхъ табуновъ скота, не имѣющимъ ничего общаго съ принципами древняго киргизскаго рыцарства.

Мы не станемъ приводить фактовъ, подтверждающихъ высказанное, а ограничимся завѣреніемъ, что все разсказанное въ статьѣ первой этихъ очерковъ о недостаткахъ киргизскаго народнаго самоуправленія и тяжкихъ послѣдствіяхъ отъ него для кочевого народа, совершенно вѣрно, нисколько не преувеличено. Вѣрно также и то, что учрежденіе съѣздовъ, какъ судебной инстанціи для суда у осѣдлыхъ туземцевъ, не вяжется съ обрядностью юриспруденціи по шаригату и не достигаетъ намѣченной положеніемъ цѣли ослабленія значенія единоличной власти казіевъ.

Повсюду съѣзды казіевъ открываются не только безъ участія уѣздныхъ начальниковъ, не имѣющихъ для такого дѣла свободнаго времени, но и въ отсутствіи, не имѣющихся въ составѣ уѣздныхъ управленій чиновниковъ, участіе которыхъ *безъ вмѣшательства въ рѣшеніе дѣла, но съ обязательствомъ слѣдить, чтобы съѣздъ не выходилъ изъ границъ законныхъ своихъ обязанностей*, требуется § 231 проекта положенія.

Такимъ образомъ въ съѣздахъ дѣйствуетъ тотъ же порядокъ судопроизводства по шаригату, какой практикуется и судомъ единоличнымъ, съ тою разницею, что сторона, выигравшая дѣло, платитъ гонораръ не одному казію, а тремъ-пяти, по числу приложенныхъ печатей, причемъ казій, въ участкѣ котораго собирается съѣздъ, обращается въ хозяина, а остальные—въ гостей его, готовыхъ утвердить своей печатью какое бы то ни было рѣшеніе.

Тамъ, гдѣ съѣзды составляются неуклонно по изданному росписанію, туземцы выносятъ всѣ неудобства и послѣдствія продолжительнаго ожиданія суда, и послѣдствія необходимости розыскивать судъ за сотни верстъ отъ своего селенія, — необходимости ждать часто безъ всякаго результата явки отвѣтчика,—и невыгоды двойныхъ судебныхъ издержекъ по дѣламъ самымъ обыкновеннымъ, рѣшаемымъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и каждымъ казіемъ единолично.

Этотъ порядокъ судопроизводства, основанный на требованіяхъ шаригата, остается неизмѣннымъ отъ временъ первыхъ

мусульманскихъ кодификаторовъ, разработывавшихъ законоположенія подъ вліяніемъ корана, не примѣняясь къ условіямъ страны и свойствамъ народа, населявшаго ее.

Посмотримъ же, въ чемъ состоитъ этотъ всѣхъ удовлетворяющій порядокъ судопроизводства (мурофига).

По всѣмъ дѣламъ, какъ гражданскимъ-исковымъ, такъ и уголовнымъ, истецъ (мудои) обращается къ казію по мѣсту жительства или временнаго пребыванія (джои-аманатъ) отвѣтчика (мудо-алай).

Возсѣдая на полу по всѣмъ правиламъ восточнаго этикета, окруженный муфтіями и мирзами, казій выслушиваетъ усѣвшагося съ поджатыми ногами просителя или просительницу при открытыхъ дверяхъ своей сакли, на порогѣ которой, соблюдая тишину, толпятся обыкновенно сторонники тяжущихся и праздные любители развлеченій.

Если оба тяжущіеся имѣются на лицо, казій, приступая безотлагательно къ разбору дѣла, предлагаетъ истцу обратиться къ одному изъ муфтіевъ для написанія прошенія, (махзаръ), передающаго только сущность дѣла: „я, *Узакъ-бай*, по сему прошенію, ищу *Мирза-Нуръ-Мухамедова*, проживающаго въ селеніи *Ривачъ*, Самаркандскаго отдѣла, принадлежащаго мнѣ быка, выкраденнаго и находящагося нынѣ въ рукахъ отвѣтчика. Почему прошу васъ, казій, приказать отвѣтчику возвратить мнѣ быка. Муфтій *Камалединъ*, приложившій къ махзару сему печать, прошу казія о допущеніи *Узакъ-бая* къ разбору этого дѣла и объ удовлетвореніи истца, если заявленіе будетъ доказано“ (книга эмоди).

Принявъ исковое прошеніе, оплаченное истцомъ 20—40 копѣйками, казій старается склонить тяжущихся къ миру, что весьма часто и достигается, какъ въ самой камерѣ (казы-хана), такъ и внѣ ея, при содѣйствіи родственниковъ и людей постороннихъ, авторитетныхъ.

При неуспѣхѣ въ примиреніи, казій, разбирая дѣло, выслушиваетъ возраженія отвѣтчика, требуетъ доказательствъ (далиль) отъ истца. Доказательствами въ каждомъ искѣ могутъ

быть документы, не оспариваемые въ подлинности, или два нравственныхъ, добросовѣстныхъ свидѣтеля (шагитъ) мужского пола (допускаются въ свидѣтели двѣ женщины вмѣсто одного мужчины, но съ тѣмъ, чтобы былъ также и одинъ свидѣтель мужескаго пола), или непринятіе отвѣтчикомъ принудительной (гамусъ) присяги (касамъ) въ опроверженіе иска.

Въ дѣлахъ незначительныхъ, казій, не доискиваясь особенно въ качествахъ свидѣтелей, назначаетъ одному изъ нихъ, а также истцу, присягу, если отвѣтчикъ настоятельно потребуетъ того, и на основаніи показаній составляетъ рѣшеніе (пишты махзаръ, т.-е. надпись на прошеніи), которое прописывается мирзою на оборотѣ искового прошенія по существу: „въ мѣсяцѣ джамадіаль-аввеля (май) 1295 г. (1878), въ камерѣ казія Сугутскаго участка, Самаркандскаго отдѣла, по дѣлу о быкѣ съ примѣтами: рыжій, рога короткіе, 6 лѣтъ, согласно шаригата, этотъ быкъ перешелъ въ собственность истца, хотя отвѣтчикъ и заявлялъ, что быкъ принадлежитъ ему, ибо онъ купилъ за деньги, но истецъ, въ доказательство сего иска, представилъ свидѣтелей, проживающихъ въ кишлакѣ Джуріатъ: Мулла-Бабаяра, смуглаго, съ малою бородой, и Мулла-Халь-Мухамеда, цвѣта пшеничнаго, съ козлиною бородой, средняго роста, кои люди добропорядочнаго поведенія, подтвердили искъ вмѣстѣ съ истцомъ подъ присягою. Почему казій рѣшилъ передать быка истцу, *Узакъ-баю*, а отвѣтчику предоставить право по сему документу *сиджилю* (удостовѣреніе) искать съ того, у кого онъ купилъ. За рѣшеніе взято 80 к. Приложены печати: казія *Мулла-Абдулъ-Хакима*, муфтія *Миръ-Магометъ-ходжа*. При этомъ присутствовали: *Сулейманъ Назибай*, *Ата-Авзаль*. Истецъ изъ селенія Баги-баляндъ, Сіабской волости, отвѣтчикъ—изъ кишлака Ривачъ“.

Такъ разрѣшаются въ полчаса времени всѣ почти мелкіе иски, когда истецъ является съ своими свидѣтелями, а отвѣтчикъ добровольно слѣдуетъ за нимъ къ казію.

Но иски сложные, по торговымъ разсчетамъ, по возстановленію правъ нарушеннаго владѣнія, по дѣламъ о наслѣд-

ствѣ, объ установленіи опеки (воси), по дѣламъ бракоразводнымъ (талакъ) и браковѣнчальнымъ (никохъ), продолжаются нѣсколько дольше и порядокъ судопроизводства дѣлается нѣсколько сложнѣе.

При неявкѣ отвѣтчика по иску, заявленному письменнымъ прошеніемъ (махзаръ), казій дѣлаетъ ему словесный вызовъ (чакру) чрезъ своего посыльнаго (мулязимъ), получающаго въ вознагражденіе съ призываемаго 80 коп. за каждыя 8 верстъ сдѣланнаго разстоянія.

Отвѣтчикъ или обвиняемый, не являющійся (мутаморидъ) и послѣ двухкратнаго вызова, приводится чрезъ полицейскую власть и можетъ быть наказанъ, по усмотрѣнію административной власти (хакима), арестомъ за ослушаніе казія (кн. джамуль-разумъ).

Обыкновенно такого ненадежнаго отвѣтчика, въ огражденіе интересовъ истца, казій съ перваго же дня судебнаго разбительства или отдаетъ на поруки (кафиль), или обязываетъ его ходить неотлучно съ истцомъ (мула-замотъ), или, при несогласіи на это отвѣтчика, подвергаетъ его аресту (ховзъ) (кн. мухтасаръ-викоя).

Заочныхъ рѣшеній не существуетъ по шаригату, исключая случаевъ: оставленія мужемъ жены своей безъ всякихъ средствъ, случаевъ иска къ имуществу безвѣстно отсутствующаго.

Въ большихъ и сложныхъ искахъ *примирительное* судопроизводство охраняется такой же широкой санкціей, какъ и въ малыхъ. Предварительно разбирательства, казій, совмѣстно съ муфтіями и съ посторонними, принимаетъ всѣ мѣры къ примиренію сторонъ, въ случаѣ осуществленія котораго мировая (сульхъ) излагается кратко на оборотной сторонѣ махзара и передается отвѣтчику, который и уплачиваетъ гонораръ [1]) казію.

[1]) Казіи Зеравшанской долины пользуются за исполненіе судебныхъ обязанностей вознагражденіемъ по такой таксѣ, установленной шаригатомъ: 1) брачный договоръ дѣвицы (хаты-никохъ-бокара) — 2 р.; 2) брачный договоръ вдовы (никохъ-саиба)—1 р.; 3) расторженіе брака (хаты-талакъ)—1 р.; (подъ двумя рубриками такое вознагражденіе установлено эмиромъ Насръ-Уллой (1850 г.) вдвое

При неуспѣхѣ примиренія, тяжебное судопроизводство открывается выслушиваніемъ сначала объясненій истца, а затѣмъ и возраженій отвѣтчика. Если послѣдній заявляетъ въ своихъ объясненіяхъ *встрѣчный* искъ, то онъ разбирается послѣ совершеннаго окончанія *первоначальнаго* иска, и тѣмъ же порядкомъ, какъ этотъ послѣдній.

Истецъ, доказывающій свое право свидѣтелями (шагитъ), обязывается доставить ихъ въ судъ лично, въ объявленный казіемъ срокъ, и безъ всякаго вліянія и участія послѣдняго настолько, что казій не въ правѣ даже предложить вопросъ: почему не явились свидѣтели, а обязанъ рѣшить дѣло по тѣмъ доказательствамъ, какія представятъ сами тяжущіеся (кн. казыханъ).

Въ каждомъ искѣ, исключая дѣлъ объ изнасилованіи, гдѣ свидѣтелями должны быть 4 человѣка, видѣвшіе самое дѣйствіе, требуется непремѣнно два свидѣтеля (двѣ женщины замѣняютъ одного мужчину свидѣтеля, какъ пояснено выше), вполнѣ добросовѣстные, не продажные, не безнравственные,

менѣе противъ назначеннаго шаригатомъ); 4) разводъ съ мужемъ по причинѣ безвѣстнаго отсутствія послѣдняго въ теченіе 7 мѣсяцевъ (хаты-амръ) — 2 руб.; 5) разводъ съ мужемъ съ обязательствомъ для послѣдняго давать содержаніе женѣ (хаты-фарзи-нафоха)—20 коп.; 6) возобновленіе брака послѣ развода (никохъ)—1 р.; 7) раздѣлъ наслѣдства (хоты-торихо)—$^1/_2$% съ стоимости наслѣдства; 8) назначеніе второго опекуна, въ случаѣ если первый растратитъ часть ввѣреннаго ему имущества (хоть-восоятъ)—80 к.; 9) довѣренности (вокль-хотъ)—20 к.; 10) закладная (бай-коть-байджа-исъ-гороу)—$^1/_2$% съ суммы стоимости заклада; 11) денежныя поручительства (кафиль-хотъ) — $^1/_2$% съ суммы сдѣлки; 12) отчужденіе недвижимости куплей и продажей (хаты-бои-котои) — $^1/_2$% съ стоимости отчужденнаго; 13) отчужденіе недвижимости путемъ залога — $^1/_2$% съ суммы залога; 14) засвидѣтельствованіе долговой росписки (хаты-ихраръ)—$^1/_2$% съ суммы, прописанной въ актѣ; 15) временное отчужденіе собственности въ аренду или въ наемъ (хаты-иджара)—$^1/_2$% съ стоимости аренды; 16) лишеніе дѣтей наслѣдства (хаты-бизаръ или махруми-мирозъ) — 40 к.; 17) рѣшеніе по иску гражданскому (хаты-ибра)—$^1/_2$% съ стоимости предмета иска; 18) рѣшеніе по дѣламъ уголовнымъ—40 к.; 19) свидѣтельство (саджиль)—1 р.; 20) повѣстка для вызова отвѣтчика въ судъ (хаты-ихзаръ)—5 коп.

Взиманіе уѣздными судьями платы за исполнительные листы и разныя судебно-нотаріальныя дѣйствія вполнѣ соотвѣтствуетъ понятіямъ туземцевъ объ обязательной оплатѣ всякаго разрѣшающаго право документа. Мы вспомнимъ объ этомъ подробнѣе, когда придется быть можетъ говорить о дѣятельности въ краѣ мирового суда.

исполняющіе намазы (пятикратная молитва). Поэтому, въ случаѣ возраженія отвѣтчика противъ доброкачественности свидѣтелей, казій обязывается провѣрить заявленіе обстоятельнымъ дознаніемъ (таскія), чрезъ одного лучшаго изъ своихъ муфтіемъ. Если заявленіе не подтвердится спросомъ околодочныхъ людей, выставленные свидѣтели допускаются къ разбирательству.

Казій спрашиваетъ каждаго свидѣтеля порознь объ извѣстныхъ имъ обстоятельствахъ дѣла, увѣщеваетъ говорить правду а затѣмъ *одному* изъ свидѣтелей, по своему выбору, а также и истцу, предлагаетъ присягу.

Присяга исполняется по шаригату (книга мухтасаръ-викоя) простымъ предложеніемъ казія принимающему присягу повторить за нимъ одно изъ словъ: Билаги, Талаги, Валаги „въ подтвержденіе сказаннаго“.

Дѣло, конченное такою присягой, вызываетъ рѣшеніе (хукумъ), которое, до введенія проекта положенія, считалось всегда окончательнымъ (мужма-алой), на какую бы сумму оно ни было, и если подвергалось въ весьма рѣдкихъ случаяхъ обжалованію эмиру, какъ лицу всевластному (имамъ), то вызывало только пересмотръ опредѣленія однимъ изъ казіевъ, по назначенію эмира.

Если въ обжалованномъ опредѣленіи обстоятельства дѣла изложены были согласно съ дѣйствительностью, безъ подлоговъ, то оно и приводилось немедленно въ исполненіе.

При невозможности доказать искъ свидѣтелями и неоспоримыми въ подлинности документами, такое дѣло рѣшается присягою отвѣтчика (кн. хидоя); причемъ молчаніе его или неотвѣтъ категорически на троекратный вопросъ казія—принимаетъ ли онъ присягу, считается отказомъ отъ присяги (радъ) и служитъ доказательствомъ правдивости иска (кн. хидоя).

Постановленное такимъ образомъ казіемъ рѣшеніе считается обязательнымъ къ исполненію (миннадаръ) властями и отвѣтчикомъ, для понужденія котораго къ платежу присужденнаго шаригатъ (кн. казы-ханъ) разрѣшаетъ примѣнять и мѣры

наказанія: водить неподчиняющагося рѣшенію по городу (тамиръ), заключить въ тюрьму (ховзъ) на срокъ, пока не уплатитъ долга, наказать тѣлесно (мина-зорба).

Однако, при достаточномъ миролюбіи туземцевъ и господствующей склонности разсчитываться съ долгами безъ понужденій, въ особенности по дѣламъ исковымъ, кончающимся у казіевъ, такія мѣры понужденій прежде практиковались весьма рѣдко, а въ наше время и вовсе оставлены.

Выше было отмѣчено, что иски сложные, съ участіемъ тяжущихся мало развитыхъ, несговорчивыхъ, каковы напримѣръ сельскіе туземцы-узбеки, продолжаются иногда довольно долго, не болѣе однако 3 — 5 мѣсяцевъ, въ силу неизмѣнно дѣйствующаго въ судопроизводствѣ по шаригату принципа представленія тяжущимся *всѣхъ средствъ* (барча-иляджь) защиты своихъ правъ (ихтіоръ). Каждый конечно этимъ и пользуется, насколько возможно и насколько по дѣлу требуется, чрезъ *муфтіевъ*, которые въ юрисдикціи по шаригату являются такимъ образомъ легальными защитниками (мадатъ) интересовъ тяжущихся, получающихъ отъ нихъ за ничтожное вознагражденіе [1]), кромѣ махзара—прошенія, нужныя указанія предъ судоговореніемъ, а главное—выписки (ривоятъ) изъ законовъ шаригата, соотвѣтствующія положенію дѣла.

Здѣсь-то, когда дѣло переходитъ въ фазу противопоставленія *ривоятовъ*—опредѣленій шаригата, оно и отдаляетъ постановленіе рѣшенія до времени, пока цитированіемъ корифеевъ мусульманскаго законодательства не выяснятся всѣ обстоятельства дѣла, не выяснится правильный для суда путь къ рѣшенію тяжбы.

Вслѣдствіе существованія при казіяхъ значительнаго числа муфтіевъ, которымъ надо же заработывать средства, хотя ничтожнымъ гонораромъ въ 20—40 коп. за приложеніе печати

[1]) Собственно, на основаніи шаригата (кн. баоруль-монафія, хозанотуль муфтіею), муфтіямъ предоставляется брать вознагражденіе „по размѣрамъ исполненнаго труда (мигноты) въ составленіи акта и по взаимному, непринужденному уговору съ кліентомъ“. Въ практикѣ дѣйствуетъ вознагражденіе для муфтіевъ отъ 10 коп. до 20 руб. за самый серьезный ривоятъ въ большомъ исковомъ дѣлѣ.

къ махзару—прошенію, за составленный ривоятъ,—послѣдніе въ значительномъ ходу повсюду, гдѣ только дѣйствуетъ судъ казіевъ. Но мы скажемъ, что отъ этого судопроизводство нисколько не страдаетъ, а напротивъ выигрываетъ. Казій, обязанный подчиниться правильному ривояту—указателю правильнаго (шарги) закона, активно сдерживается отъ неправосудія, въ народѣ поддерживается уваженіе къ законности устойчивостью принципа свободной защиты правъ, и развиваются познанія въ законахъ съ несравненно, смѣемъ утверждать, большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ судопроизводствѣ по уставамъ 20 ноября, чрезъ разсылаемыя судьями-чиновниками повѣстки съ текстами законовъ, отпечатанными только по-русски,—чрезъ истолкованіе туземцамъ законовъ разными ходатаями-обирателями (рибочиръ), какъ называетъ ихъ здѣсь народъ, у которыхъ взгляды на дѣло защитника совершенно конечно не тѣ, какіе у муфтіевъ, скромныхъ составителей краткихъ ривоятовъ—и только [1]).

Добровольно избираемый одною изъ сторонъ муфтій-защитникъ, узнавъ изъ разспросовъ въ какомъ положеніи дѣло, составляетъ защитительный ривоятъ: „если *Рахимъ-джанъ* продалъ 1 танапъ (¼ десятины) земли *Тагай-баю* за 475 тенегъ (95 р.) и, получивъ таковые сполна, не отдаетъ землю, то *казій*, по удостовѣреніи свидѣтелями, или признаніемъ продавца, или по внутреннему убѣжденію, приказываетъ ввести покупщика во владѣніе означенной землею. Торгъ считается дѣйствительнымъ по согласію сторонъ, а купленное переходитъ въ собственность покупщика. Книга никоя и хозанатуль-муфтойнъ. Къ ривояту сему приложилъ печать муфтій *Абдулъ-Кадыръ-хожа*“. Казій, совершившій незадолго актъ (васика) этой купли-продажи, убѣжденъ (ильми-кореръ) въ правильности поданнаго ривоята и исполняетъ заявленное въ немъ требованіе.

„Если при искѣ довѣреннымъ женщины *Курванъ-ай*,

[1]) На основаніи правилъ шаригата, муфтіи не принимаютъ никакого участія въ судоговореніи, отличающемся простотою, отсутствіемъ многословія.

Халыкъ-Назаромъ приводится еще ривоятъ о магрѣ [1]) съ *Ніязъ-Мухамеда*, послѣдній протестуя заявитъ, что она изъявила желаніе не получать съ него магръ и, обязавшись представить въ трехдневный срокъ свидѣтелей въ доказательство, не исполнитъ этого, то казій, согласно шаригата (кн. кидоя, хуласа, имамъ-казы, хона, алямъ-гири), вызвавъ *Курванъ-ай* долженъ дать ей присягу въ томъ, что она не говорила этого, и рѣшить дѣло въ пользу довѣреннаго *Халыкъ-Назара*. Печать приложилъ *Мусса-Хожа-муфтій*“.

Какъ и выше было сказано, ривояты составляются соотвѣтственно положенію дѣла, и обозначающимся неправильностямъ въ судопроизводствѣ, на которыя представляется возможность и поводъ для тяжущихся указать, чрезъ муфтіевъ, разъясненіемъ съ ссылкою непремѣнно на того или другого изъ авторитетныхъ законотолкователей.

Такой письменный ривоятъ имѣетъ обыкновенно форму полулиста писчей бумаги и составляется по существу весьма кратко, въ 4—10 строчекъ: „такъ какъ *Байджанъ и Алимджанъ* состояли между собою въ компаніи по торговымъ дѣламъ вообще, то *Бай-бекъ* имѣетъ полное право предъявить искъ за купленныя *Алимджаномъ* четыре шубы и къ *Байджану*. Если же послѣдній не признаетъ себя компаньономъ, то истецъ обязанъ доказать обратное свидѣтелями или можетъ дать присягу отвѣтчику въ подтвержденіе отказа (кн. шархи викоя, никоя)“. Приложили печати 5 муфтіевъ. Примѣръ еще: „если Джурабай изнасиловалъ дѣвочку *Ташъ-ай* (камышекъ), то она можетъ требовать магръ (обезпеченіе, выдаваемое женихомъ невѣстѣ при фактическомъ вступленіи въ бракъ) въ 200 рублей и онъ обязанъ уплатить, подвергаясь все-таки наказанію (кн. хуляса, джамуль-римузъ)“.

Но какое же наказаніе могутъ опредѣлить казіи?

По шаригату, за изнасилованіе растлѣніемъ несовершеннолѣтней дѣвочки виновный подвергается наказанію въ 100 уда-

[1]) Обезпеченіе въ 200 р., выдаваемое или поставляемое женихомъ въ пользу невѣсты при фактическомъ вступленіи въ бракъ.

ровъ плетей; но если изнасилованіе будетъ совершено надъ женщиною или дѣвицею не совсѣмъ чуждыми обвиняемому, напримѣръ надъ невѣстою, надъ укрывающеюся женою своею, то виновный не подвергается наказанію плетьми, а только платитъ дѣвицѣ магръ (кн. амрухалангсъ, алямъ-гири, багруль-мунафигъ).

По ст. 1523 улож. о наказ., растлѣніе несовершеннолѣтней дѣвицы насиліемъ влечетъ за собою ссылку въ каторжныя работы, отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ. Примѣнить это наказаніе судъ казіевъ не можетъ, какъ выходящее за предѣлы предоставленной ему власти (§ 232 пр. полож.). Примѣнить наказаніе, опредѣленное шаригатомъ, ни въ данномъ случаѣ и ни въ какомъ другомъ, судъ казіевъ не въ правѣ, потому что, во-первыхъ, руководительный проектъ положенія, въ отдѣлѣ 5-мъ: *„о народномъ судѣ у осѣдлыхъ туземцевъ“* (ст. 214—244), ни единымъ словомъ и намекомъ не упоминаетъ о шаригатѣ, отмѣтивъ его въ пояснительной запискѣ *„грубымъ“* (стр. 156); во-вторыхъ, потому, что давъ къ § 232 [1]) примѣчаніе объ отмѣнѣ наказаній по шаригату, которыя должны замѣняться *арестомъ*, штрафами и ссылкою въ Сибирь, не разъяснилъ, какая градація наказаній соотвѣтствуетъ извѣстнымъ преступленіямъ.

Можно ли удивляться, что при такой неопредѣленности и сбивчивости судоположенія, несмотря на поданные пострадавшею, въ приведенномъ случаѣ, стороною *ривояты*, съѣздъ рѣшилъ дѣло о растлѣніи девятилѣтней дѣвочки, изъ мести къ родителямъ ея, такимъ „окончательнымъ“ опредѣленіемъ: „главнаго виновника *Джурабая* выдержать подъ арестомъ 8 мѣсяцевъ, а трехъ пособниковъ его освободить отъ наказанія, взыскавъ съ нихъ въ пользу дѣвицы *Ташг-ай* 200 руб. въ магръ“.

[1]) § 232 проекта полож.: съѣздъ рѣшаетъ дѣло окончательно. Примѣчаніе: тѣлесныя наказанія, истязанія, отсѣченіе членовъ и смертная казнь, постановлявшіяся прежде рѣшеніемъ казіевъ, отмѣняются. Взамѣнъ означенныхъ наказаній полагается арестъ, штрафы, отдача въ заработки и ссылка въ Сибирь.

Эта несчастная должна, конечно, благодарить казіевъ и за такое рѣшеніе, такъ какъ они, чуждые фанатизма, чуждые приверженности къ буквѣ отжившихъ свой вѣкъ постановленій уголовнаго мусульманскаго кодекса, рѣшили дѣло не по статьѣ шаригата, требующей въ такомъ дѣлѣ четырехъ свидѣтелей мужчинъ, видѣвшихъ происшествіе въ положеніи ipso facto, а по внутреннему убѣжденію (Ильми-короръ), основанному на совокупности обстоятельствъ, вполнѣ доказывающихъ виновность *Джурабая*.

Можно ли удивляться и тому, что судъ мѣстныхъ евреевъ-аборигеновъ, имѣющій по нѣкоторымъ дѣламъ также свою особую юрисдикцію, разбирая дѣло объ изнасилованіи мужеложствомъ еврейскаго мальчика взрослымъ евреемъ же, обойдя талмудъ, опредѣляющій виновному смертную казнь, назначилъ въ наказаніе штрафъ въ 30 руб., который не трудно было разумѣется внести преступнику-богачу.

Не станемъ однако вдаваться въ припоминаніе, не мало встрѣчавшихся нашему наблюденію, грустныхъ во всѣхъ отношеніяхъ курьезовъ изъ судебной практики народныхъ судовъ Туркестанскаго края, блуждающихъ въ невѣдѣніи, что требуетъ отъ нихъ проектъ положенія 1867 года, какими законоположеніями руководствоваться имъ,—а возвратимся къ дальнѣйшему изложенію судопроизводства по шаригату.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что основное правило шаригата требуетъ отъ суда, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, оцѣнки заявленнаго иска по доказательствамъ, представленнымъ тяжущимися, и совершенно устраняетъ казія отъ собиранія такихъ доказательствъ или напоминанія тяжущимся обстоятельствъ, полезныхъ для дѣла. Положеніе это распространяется и на тѣ дѣла, въ которыхъ защитниками правъ тяжущихся являются ихъ *повѣренные* (уакиль).

Относительно повѣренныхъ мусульманское законоположеніе ограничиваетъ право тяжущихся требованіемъ, чтобы они передавали защиту своихъ правъ только въ опредѣленныхъ слу-

чаяхъ, предусмотрѣнныхъ шаригатомъ; случаи эти слѣдующіе: несовершеннолѣтіе, умственная и старческая немощь, неопытность и угнетенность, подмѣченная самимъ казіемъ, ненахожденіе на мѣстѣ, а также болѣзни, препятствующія явиться въ камеру суда. Только эти условія, при неоспариваніи ихъ другою стороною, допускаютъ замѣстительство тяжущихся на судѣ повѣренными ихъ.

Передача правъ повѣренному совершается или словеснымъ объявленіемъ объ этомъ подлежащему казію, или же письменной довѣренностью (хати-аукалятъ), засвидѣтельствованною какимъ бы то ни было казіемъ (кн. джамуль-рамузъ и др.). Каждому казію однако предоставляется отстранять и не допускать къ разбору дѣла такихъ повѣренныхъ, которые извѣстны въ обществѣ за людей сомнительной нравственности, за людей, живущихъ на счетъ обмановъ (фирибъ), хотя бы путемъ постояннаго предъявленія своихъ услугъ—ходатаевъ по дѣламъ. Равнымъ образомъ, казій обязанъ устранить и такого повѣреннаго, въ дѣйствіяхъ котораго по исковому дѣлу обозначилась злонамѣренность въ ущербъ интересамъ довѣрителя. Другихъ поводовъ устраненія повѣренныхъ для суда по шаригату не представляется.

Обязанности повѣреннаго ограничиваются поддержаніемъ правъ своего довѣрителя въ предѣлахъ довѣренности, причемъ довѣрителю предоставляется право устраненія повѣреннаго при всякомъ положеніи дѣла и безъ права для послѣдняго вступать повѣреннымъ противной стороны.

Снимая съ повѣренныхъ обязанность доказывать искъ присягою, которая въ случаѣ необходимости обязательно предоставляется довѣрителю истцу или отвѣтчику (кн. казы-ханъ богруль-монафія), мусульманское законоположеніе требуетъ отъ повѣренныхъ совершеннолѣтія, способности отвѣчать на вопросы судьи и полныхъ нравственныхъ качествъ, не помраченныхъ преступленіями, развратной и разгульной жизнью (кн. джамуль-рамузъ). Всѣ эти постановленія о повѣренныхъ, при всей своей ясности, опредѣленности, весьма часто служатъ

поводомъ къ осложненію процесса разными домогательствами сторонъ, также посредствомъ ссылки на шаригатъ и авторитетныхъ толкователей его.

Если *Назры-ай*—женщина хорошаго поведенія, не имѣла дѣлъ съ мужчинами (такъ составляется *ривоятъ*), то, какъ неопытная, она можетъ назначить съ своей стороны повѣреннаго (кн. фотвы-шейхъ-уль-исламъ, шархи-даруль, фотва нокшбонды). Если же истецъ будетъ заявлять, что она опытная женщина, а послѣдняя станетъ все-таки отвергать это, то по шаригату она обязана представить двухъ свидѣтелей, и за неимѣніемъ ихъ надлежитъ дать присягу истцу.

Нерѣдко заявляется протестъ и отводъ повѣреннаго уже къ исходу дѣла, и казій не можетъ отказаться выслушать основанія отвода, предъявляемыя словесно или письменно здѣсь же составляемымъ актомъ, не остающимся безъ отвѣта контръ-ривоятомъ: „два свидѣтеля со стороны *Халь-Мама*, явясь къ казію подтвердили, что она назначила своимъ повѣреннымъ *Кой-богара*; казій согласился съ заявленіемъ, выдалъ довѣренность, допустилъ къ судоговоренію безъ возраженія противной стороны, и на основаніи шаригата (кн. хуляса, алямъ-гири), не можетъ затѣмъ устранить этого повѣреннаго по требованію отвѣтчика“.

Сказавъ, что никакое заявленіе тяжущихся о намѣреніи представить *ривоятъ*, соотвѣтствующій положенію дѣла, не можетъ быть отвергнуто казіемъ, пояснимъ, что послѣднему предоставляется шаригатомъ (кн. казы-ханъ и др.) право назначать тяжущимся срокъ для исполненія заявленій, срокъ отъ одного дня до двухъ мѣсяцевъ, сообразно съ характеромъ дѣла и серьезностью доказываемаго или опровергаемаго ривоятами случая или довода.

Хотя поводовъ къ составленію защитительныхъ ривоятовъ, какъ извлеченій законоположеній, въ каждомъ исковомъ дѣлѣ, по характеру судопроизводства у казіевъ, можетъ представляться весьма много для каждой изъ сторонъ, тѣмъ не менѣе

никому и нигдѣ не приходится слышать, чтобы туземцы злоупотребляли этимъ правомъ свободной защиты на судѣ.

Какъ бы ни были настойчивы въ своихъ требованіяхъ тяжущіеся, какой бы ни былъ сложный споръ, онъ не останавливаетъ судъ въ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ юридическихъ достоинствъ каждаго ривоята, въ признаніи за ними доказательной силы, насколько опредѣляется она соотвѣтствіемъ цитированнаго постановленія шаригата обстоятельствамъ дѣла, послужившимъ поводомъ къ предупрежденію судебной ошибки. Не каждый ривоятъ конечно имѣетъ юридическія достоинства, не каждый получаетъ поэтому и рѣшающее значеніе, несмотря на приведенный въ концѣ текста источникъ извлеченія того или другого толкованія.

„При исковыхъ дѣлахъ (защищается повѣренный противъ денежнаго иска) отвѣтчикъ, не признавая иска въ первый разъ, можетъ послѣ опровергать искъ заявленіемъ объ уплатѣ, что и принимается казіемъ во вниманіе, даже по рѣшеніи дѣла въ пользу истца (кн. фотва мустафа)“. Казій находитъ правильное основаніе согласиться съ этимъ доводомъ защиты, отвергнувъ по неосновательности контръ-ривоятъ, доказывавшій, что отвѣтчикъ долженъ былъ воспользоваться правомъ опроверженія въ теченіи *трехъ дней* (кн. ловамигуль-баянъ).

„Если при искѣ *А* объ имуществѣ, доставшемся ему по наслѣдству, отвѣтчикъ *Б* протестуя заявитъ, что дѣло это онъ окончилъ однажды миромъ, то по шаригату истцу слѣдуетъ дать присягу въ томъ, что онъ не кончалъ миромъ, а потомъ уже приступить къ разбору“ (кн. казы-ханъ, хазинатуль-муфтеинъ). Казій подчиняется доводамъ этой защиты, несмотря на представленное опроверженіе, что „по исковымъ дѣламъ объ имуществѣ, доставшемся по наслѣдству, отвѣтчикъ можетъ не допустить истца къ присягѣ, опровергающей заключеніе ранѣе мировой, и казій обязанъ приступить къ разбору дѣла безъ такого вступленія“ (кн. даруль-мухтаръ, махтаруль-фатви).

„Свидѣтели, если люди честные, добросовѣстные, словомъ,

вполнѣ соотвѣтствующіе требованіямъ шаригата о свидѣтеляхъ, могутъ быть рѣшающими доказательствами *безъ приведенія къ присягѣ* (кн. даруль мухтаръ)“, — требуетъ одна изъ сторонъ, опасаясь, что свидѣтели, какіе-нибудь именитые сосѣди, уклонятся отъ свидѣтельства изъ опасенія присяги, которую туркестанскіе горожане принимаютъ вообще крайне сдержанно.

Казій однако не поддается на уступки, соглашаясь съ правильнымъ вполнѣ контръ-ривоятомъ, настаивающимъ на обязательствѣ для суда привести свидѣтелей къ присягѣ, хотя бы казій и былъ увѣренъ и убѣжденъ дознаніемъ (таскія) въ ихъ порядочности и соотвѣтствіи по образу жизни требованіямъ шаригата (кн. бахруль-монафинъ, шархи-канзь).

„По дѣламъ прелюбодѣянія вообще и изнасилованія женщинъ, обязательно должны быть четыре свидѣтеля мужского пола“ (кн. мухтасаръ, толкованіе шомуни, глава шагодотъ), съ чѣмъ и соглашается судъ, несмотря на поданное опроверженіе, что въ дѣлахъ объ изнасилованіи могутъ быть допущены три человѣка мужского пола и двѣ женщины (кн. мухтасаръ, толкованіе Шомуни).

„Исковыя дѣла о наслѣдствахъ, вакуфахъ и заложенномъ имуществѣ пользуются давностью *девяностолѣтнею*“ (кн. бахруль-монафинъ), правильно доказываетъ истецъ, отвергая неосновательное требованіе отвѣтчика примѣнить давность тридцатишестилѣтнюю (корнъ) [1]), согласно поясненію въ книгѣ бахруль-монафинъ.

„На основаніи шаригата и толкованій кн. бахруль-монафинъ, глава талакъ, кн. мухитъ-бурхани, фатва оскарія, этимъ ривоятомъ настаиваю на разводѣ съ мужемъ, какъ зараженномъ сифилитической болѣзнью, опасною для всего дома, для всей семьи“. Требованіе оказывается совершенно законнымъ, и казій безъ промедленія совершаетъ разводную (талакъ),

---

[1]) Давность тридцатишестилѣтняя распространяется на всѣ остальныя дѣла, за исключеніемъ дѣлъ о возстановленіи правъ вакуфовъ, объ отысканіи наслѣдства, объ имуществѣ, оставшемся въ закладѣ.

отклоняя сопротивленіе мужа, представившаго неправильный ривоятъ.

Мы съ намѣреніемъ привели здѣсь нѣсколько защитительныхъ протоколовъ изъ судебной практики зеравшанскихъ казіевъ, чтобы уяснить по нимъ и характеръ состязательнаго судопроизводства, крайне простого, не обремененнаго словопреніями, скоро разрѣшающаго тяжебныя дѣла, и пріемъ опредѣленія юридической силы каждаго ривоята или защитительнаго протокола.

Такъ какъ въ статьѣ этой приходится обращаться часто къ дѣйствующему въ краѣ съ 1867 года проекту положенія, выработанному трудами особой „степной коммиссіи“, то, предварительно окончательнаго заключенія о значеніи въ юрисдикціи по шаригату защитительныхъ ривоятовъ, мы считаемъ обязательнымъ для себя привести изъ пояснительной записки къ проекту положенія соотвѣтствующее мнѣніе по этому же вопросу.

„Для полноты юридической характеристики Ташкента (читаемъ на стр. 253) необходимо присовокупить нѣсколько словъ о способѣ, посредствомъ котораго правовѣрные и ихъ правительство *обходятъ постановленія шаригата. Лицо, желающее нарушить законъ, не выходя изъ предѣловъ строгой легальности*, проситъ обыкновенно извѣстнаго муфтія пріискать въ юридическихъ сочиненіяхъ случай, когда буквальный смыслъ шаригата былъ нарушенъ такимъ лицомъ или при такой обстановкѣ, что это нарушеніе можно считать не грѣховнымъ. Найдя подобный случай, муфтій выписываетъ его изъ шаригата или составляетъ „ривоятъ“. Засимъ ривоятъ подносится извѣстному казію или сбору казіевъ, и у нихъ испрашивается согласіе на то, что цитированный случай дѣйствительно былъ, что онъ легаленъ и что, слѣдовательно, имъ можно руководствоваться. Когда казій приложитъ къ ривояту печати, онъ становится „*фотвою*“, т.-е. сепаратнымъ постановленіемъ, имѣющимъ силу закона. При обиліи разнообразныхъ случаевъ, которые можно почерпать какъ изъ жизни *имамовъ* (?), такъ изъ многотомныхъ толкованій на коранъ, существуетъ всегда возможность обойти шаригатъ. Этого нельзя забывать всѣмъ тѣмъ, которые желаютъ бороться съ кораномъ“.

Мы не можемъ сказать положительно, на чемъ эти выводы пояснительной записки основаны; не беремся также доказывать, въ какой мѣрѣ удерживался въ тѣ времена такой взглядъ на шаригатъ въ судебномъ персоналѣ Ташкента, но и не отклоняемся отъ обязанности высказать, что эти выводы проекта положенія о значеніи ривоятовъ, какъ „*вылазки*“, дающія каждому легальное право бороться съ шаригатомъ, останутся совершенно оригинальными для всѣхъ, кто, выслушавши отъ какого-нибудь лукаваго муллы разсказы, между прочимъ, „о ничтожествѣ шаригата сравнительно съ русскими законами“, о „невѣжествѣ и *фанатизмѣ* казіевъ“, задастъ себѣ еще трудъ познакомиться съ мусульманскимъ законоположеніемъ по книжнымъ источникамъ, познакомиться съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ по шаригату. Въ самомъ дѣлѣ, если мусульманскій кодексъ представить себѣ слабымъ до возможности нарушать его во всѣхъ случаяхъ „легальнымъ путемъ“, подыскиваніемъ основаній нарушенія въ многотомныхъ толкованіяхъ на коранъ, то представляется и для простого наблюденія послѣдовательный вопросъ: почему же этотъ фиктивный кодексъ былъ стойкимъ охранителемъ правъ магометанскаго народа въ теченіе тысячи слишкомъ лѣтъ? Почему этотъ кодексъ представляется для массы осѣдлаго населенія Туркестанскаго края настолько соотвѣтствующимъ условіямъ ихъ жизни, что наблюдателю представляется повсюду одно правильное, стройное отправленіе правосудія казіями по дѣламъ *гражданскимъ*, тамъ въ особенности, гдѣ администрація не гнететъ судъ своимъ вторгающимся контролемъ, своимъ бюрократизмомъ, своей теоріей вводить въ судебный персоналъ элементы невѣжественные?

Если судъ шаригата дѣйствительно не удовлетворяетъ населеніе, то почему рѣшенія казіевъ и въ искахъ сложныхъ, значительныхъ, вызываютъ несравненно меньше обжалованій въ съѣзды, чѣмъ рѣшенія мѣстныхъ уѣздныхъ судей по дѣламъ

туземцевъ же, постановленныя на основаніи уставовъ 20 ноября и толкованій правительствующаго сената?

Почему десятилѣтніе архивы всѣхъ судей Туркестанскаго края загромождены „дѣлами“ и „настольными реестрами“ только по искамъ, возникающимъ изъ правостолкновеній „разныхъ народностей“, преимущественно индійцевъ, евреевъ-ростовщиковъ съ туземцами, и вовсе не встрѣчается случаевъ разбирательства судьями дѣлъ, на основаніи § 233 проекта положенія, „при изъявленіи тяжущимися обоюднаго желанія обратиться къ русскому суду?“

Почему въ параллель опасенія той же пояснительной записки, что казіи останутся такими же упорными проводниками невѣжества, фанатизма, какими они всегда были какъ представители духовенства, противопоставляется, даже на страницѣ 156 записки и изъ фактовъ гораздо позднѣйшихъ, полная, индифферентная терпимость тѣми же казіями чуждой имъ самимъ, чуждой всему среднеазіятскому народу, организаціи въ Ташкентѣ „въ видѣ опыта“, въ 1865—1866 годахъ, коллегіальнаго суда изъ казіевъ подъ предсѣдательствомъ русскаго чиновника, при переводчикѣ разумѣется,—противопоставляются факты десятилѣтняго періода терпимости всѣми казіями нарушенія шаригата, какъ уголовнаго кодекса, въ постановленныхъ ими же рѣшеніяхъ,—факты всегдашней преданности казіевъ изъ духовенства интересамъ русскихъ?

Потому,—слѣдуетъ прямой отвѣтъ,—что слово „*фанатизмъ*“ было нѣкогда въ Туркестанѣ моднымъ словомъ, потому, что заключенія голосъ имѣющихъ наблюдателей, „объ образѣ мыслей“ духовенства вообще и казіевъ въ частности, вышли вѣроятно изъ того же источника, какой послужилъ для заключеній о благодѣтельномъ для успѣховъ цивилизаціи значеніи ривоятовъ.

Что же такое однако ривоятъ?

Дабы покончить наконецъ съ этимъ юридическимъ терминомъ, уже нѣсколько уяснившимся для читателей изъ всего предыдущаго, ограничимся краткимъ поясненіемъ. Ривоятъ

есть письменная справка—указаніе судьямъ на законъ, соотвѣтствующій положенію тяжебнаго дѣла, поступившаго на разсмотрѣніе суда.

Ривоятъ, признанный казіемъ правильнымъ, получаетъ юридическую силу, даетъ требуемое направленіе дѣлу, вовсе не нуждаясь въ санкціонированіи его приложеніемъ печати казія; наоборотъ, справка, не соотвѣтствующая положенію разсматриваемаго судомъ дѣла, остается безъ всякаго на него вліянія и возвращается предъявителю ея.

Для составленія правильнаго ривоята, муфтію требуется хотя поверхностное знаніе обстоятельствъ даннаго дѣла, требуется, главное, знаніе шаригата. Такіе муфтіи, при добросовѣстномъ отношеніи къ обязанностямъ защитника, пользуются громадной популярностью въ обществѣ, имѣютъ огромную юридическую практику съ годовымъ доходомъ въ 800 рублей maximum, получаютъ отъ своихъ кліентовъ, являющихся иногда за сотни верстъ, и большій гонораръ, и подарки вещами.

Руководительнымъ началомъ къ отличію правильныхъ ривоятовъ, къ постановленію законныхъ опредѣленій, служитъ основное правило, по которому казіи и муфтіи, по каждому возбуждающемуся дѣлу, должны подыскивать подходящіе законы сначала въ книгахъ *матунъ* (коренные законы), какъ-то: мухтасаръ-викоя, никоя, кудури, ашба, канзуль-дакаскъ, тавируль-абзаръ, ваери и другихъ.

Если въ этихъ основныхъ законахъ разъясняющихъ статей не отыщется, въ такомъ случаѣ обязательно обращаться за справками къ поясненіямъ (шархи) основныхъ законовъ, кои изложены въ книгахъ хидоя, тарикатъ, шархи-викоя, Джамуль-рамузъ, абдулъ-алій, мулла алій-коры, шамуни, джалянъ гури-мири, фахридини-айни и другихъ. Если же и эти книги не дадутъ требуемыхъ разъясненій, въ такомъ случаѣ судьи должны подыскивать справки въ другихъ, болѣе авторитетныхъ судебныхъ книгахъ, какъ-то: хуляса, имамъ-казыханъ, мухитъ, захира, хизанатуль-муфтіинъ, мультакотъ, кинія, боззазія, бурхани алямъ-гири, съ тѣмъ, чтобы

разъясняющіе тексты въ этихъ послѣднихъ судебныхъ уставахъ были обозначены отмѣтками: „*биги-юфна*—въ этомъ было сдѣлано постановленіе“, „*вола-уль-фотво* — на ономъ постановлено“, „*хувалъ-сагихъ*— оно твердо, т.-е. правильно“, „*хувалъ-асхъ* — оно вполнѣ правильное“. Если однако на одинъ и тотъ же юридическій вопросъ въ книгахъ послѣдней категоріи встрѣтятся два различныя толкованія, то судъ обязательно отдаетъ предпочтеніе тому изъ нихъ, въ которомъ имѣется отмѣтка „биги-юфна“, и вообще предшествующій терминъ, въ порядкѣ выше постановленномъ, имѣетъ юридическую силу преимущественно надъ послѣдующимъ.

Все высказанное на этихъ послѣднихъ страницахъ, во-первыхъ, далеко расходится съ заключеніями проекта положенія о значеніи ривоята; во-вторыхъ, отводитъ мусульманскому законоположенію и судопроизводству по шаригату то уваженіе, которое принадлежитъ ему по праву, какъ законодательству, охранявшему право многочисленнаго народа нѣсколько вѣковъ,—какъ древнему законодательству, въ которомъ, наряду съ суровой жестокостью карательныхъ законовъ, наряду съ частными недостатками, сознаваемыми и мусульманскими юристами, встрѣчается и много прогрессивныхъ, много гуманныхъ началъ.

Теперь, для совершеннаго и послѣдовательнаго выполненія программы этой статьи, чуждой, повторяемъ, всякихъ претензій на законченность изслѣдованія по всѣмъ вопросамъ судоположенія, намъ остается цитировать уголовный кодексъ шаригата и сравнить его постановленія съ постановленіями законовъ Уложенія о наказаніяхъ. Въ предѣлахъ программы очерковъ постараемся выполнить это простымъ сопоставленіемъ двухъ законоположеній.

Въ шаригатѣ установлена слѣдующая лѣстница наказаній за преступленія (гунои-калянъ) и проступки (гунои-хурдъ): 1) смертная казнь (кетль) чрезъ повѣшеніе (сальпъ), чрезъ отрѣзаніе головы (кетль), чрезъ побіеніе камнями или сбрасываніе съ значительной высоты (сансаръ); 2) *кисоси-мадуни-*

нафсъ—лишеніе какой-нибудь части тѣла; 3) *ходъ*—тѣлесное наказаніе въ 100 ударовъ плетей; 4) *тахзиръ-аксами*—наказаніе тѣлесное отъ 3 до 39 и до 75 ударовъ плетью; 5) *хибсъ*—арестъ до 6 мѣсяцевъ или на срокъ по усмотрѣнію властей, сообразно обстоятельствамъ дѣла; 6) *кшондъ*—арестъ съ наложеніемъ кандаловъ; 7) замѣчаніе, выговоръ (субайсъ); 8) *тахзири-ашрафуль-ашрафъ*—приводъ въ камеру суда; 9) *раджиси-дахти*—арестъ на срокъ, до полнаго раскаянія преступника, и вѣчный арестъ.

Каждому преступленію и проступку соотвѣтствуетъ опредѣленное наказаніе (джаза), причемъ шаригатъ не различаетъ главныхъ виновныхъ (зачинщиковъ), сообщниковъ, пособниковъ, укрывателей, попустителей (ст. 13—15 улож.), назначая имъ наказаніе не по мѣрѣ участія, а по мѣрѣ содѣяннаго всѣми въ совокупности.

1) За умышленное убійство (куштъ) родного отца или дѣда, матери или бабушки, виновный приговаривается къ смертной казни (кетль) и лишается наслѣдства отца (ст. 1449 улож. опредѣляетъ каторжныя работы безъ срока).

2) За умышленное убійство своего сына или внука, дочери или внучки, виновные отецъ или мать, дѣдъ или бабушка не подвергаются наказанію, а только платятъ 2000 руб. въ *діатъ* (цѣна крови, уплачиваемая родственникамъ или близкимъ людямъ убитаго) и лишаются наслѣдства, оставленнаго пострадавшимъ. Кн. казы-ханъ, алямъ-гири, мухтасаръ-викоя. (По ст. 1451 улож. о наказ. соотвѣтствующее наказаніе—каторжныя работы безъ срока).

3) За умышленное убійство во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, кромѣ случая необходимой обороны, виновный наказывается смертною казнью. Кн. джамуль-рамузъ (ст. 1452—1459 улож. разграничиваютъ наказанія отъ двадцатилѣтнихъ каторжныхъ работъ до ссылки въ Сибирь).

4) За убійство неумышленное, нечаянное, виновный отвѣчаетъ только уплатою діата—вознагражденія за кровь. За мужчину діатъ назначается шаригатомъ въ 2000 р. или во

сто верблюдовъ; за женщину платятъ половину. Опредѣленіе размѣра діата зависитъ отъ казія, а срокъ платежа назначается три года. Кн. бахруль-мунафигъ, алямъ-гири, казыханъ (по ст. 1476 ул., убійство случайное не наказуемо).

5) Если кто-нибудь въ дракѣ *изувѣчитъ* своего противника, и потерпѣвшій лишится возможности работать, то обвиняемый долженъ, впредь до выздоровленія, кормить его и платить діатъ сообразно изувѣченной части тѣла, и во всякомъ случаѣ, кромѣ платежа вознагражденія, виновный подвергается наказанію—уничтоженіемъ соотвѣтствующей части тѣла (кисоси-мудони-нафсъ). Кн. джавагируль-фотво, бахруль-монафигъ, мухтаруль-фотво (ст. 1477—1496 улож. опредѣляютъ наказаніе отъ шестилѣтнихъ каторжныхъ работъ до тюремнаго заключенія, смотря по свойству увѣчья и обстоятельствамъ дѣла, причемъ изувѣченный получаетъ вознагражденіе и расходы леченія).

6) За изнасилованіе, хотя бы *растлѣніемъ* (зинокортъ), хотя бы несовершеннолѣтней и притомъ совершенно посторонней для обвиняемаго женщины или дѣвицы, не жены и не невѣсты, виновный подвергается наказанію—сто ударовъ плетью (дорга). Но если изнасилованіе будетъ совершено надъ невѣстою, то виновный не подвергается тѣлесному наказанію, а только платитъ *махръ*—обезпеченіе дѣвицы. Кн. бахруль-монафигъ, амруль-халамсъ, химодія (ст. 1523—1526 улож. соотвѣтственно опредѣляютъ наказаніе за растлѣніе и изнасилованіе—каторжныя работы до двѣнадцати лѣтъ).

7) Обвиняемый въ *сводничествѣ* (даюсъ) жены своей, дочери, родственницы, за плату, подвергается наказанію въ 79 ударовъ плетьми и арестовывается на время, пока не раскается. За повтореніе наклонности къ сводничеству и послѣ тѣлеснаго наказанія, виновный приговаривается къ смертной казни или къ высылкѣ въ другія мѣста, если сводничество вынуждено крайностью—недостаткомъ матеріальныхъ средствъ къ жизни. Кн. даруль-мухтаръ, джамуль-рамузъ, бахруль-монафигъ

(ст. 999—100 улож. назначаютъ наказаніемъ—ссылку въ Сибирь или отдачу въ арестантскія роты).

8) За насильственный *увозъ* чужой жены или невѣсты, виновный наказывается арестомъ на время, пока не выдастъ увезенной. Кн. бахруль-монафигъ и казы-ханъ (ст. 1530 уложенія наказываетъ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ до двухъ лѣтъ, смотря по обстоятельствамъ).

9) Совершеннолѣтняго мусульманина, замѣченнаго въ *прелюбодѣяніи* съ чужой женою или вообще съ женщиною, добровольно раздѣляющею такую связь, слѣдуетъ обвинять присяжными показаніями о самомъ фактѣ такихъ четырехъ свидѣтелей, которыхъ добросовѣстность подтвердилась дознаніемъ (таскія). Затѣмъ обвиняемыхъ выводятъ на площадь и побиваютъ каменьями (сансаръ), которые бросаютъ каждый изъ присутствующихъ при казіи. Такому же наказанію подвергаются и виновные, сознавшіеся въ четырехъ мѣстахъ въ совершеніи преступленія прелюбодѣянія. Если же оба совершившіе прелюбодѣяніе окажутся безбрачными, то, при тѣхъ же доказательствахъ 4-мя свидѣтелями, наказываются 100 ударами плетей. Кн. хдудъ, мухтасаръ-викоя (ст. 1584—1885 улож. опредѣляютъ наказаніемъ тюремное заключеніе до восьми мѣсяцевъ).

10) За *противоестественное* совокупленіе (ливота) съ женщиною или же съ мальчикомъ, доказанное двумя свидѣтелями, виновный подвергается аресту на срокъ пока не раскается. Если же обвиняемый втянулся въ этотъ развратъ и остался неисправимымъ и послѣ двухкратнаго наказанія, то онъ можетъ быть приговоренъ къ смертной казни, для примѣра прочимъ. Кн. хдудъ, даруль-мухтаръ (ст. 995—996 улож. назначаютъ наказаніе—ссылку въ Сибирь или каторжн. раб. до 12 лѣтъ, если преступленіе сопровождалось насиліемъ или же совершено надъ малолѣтнимъ).

11) За совершеніе *скотоложства* (ваты-багима) виновный подвергается наказанію до 39 ударовъ или аресту до одного мѣсяца, по усмотрѣнію начальствующихъ лицъ (хакима), а

животное убивается. Кн. хуляса, бахруль-монафигъ и канія (ст. 997 улож. опредѣляетъ наказаніемъ — ссылку въ отдаленныя мѣста Сибири).

12) За *присвоеніе* и растрату чужаго имущества и за самовольное срываніе чужихъ плодовъ виновный вознаграждаетъ потерпѣвшаго и подвергается только увѣщанію. Кн. бахруль-монафигъ, алямъ-гири (ст. 177 устав. о наказ., налаг. мир. судьями, опредѣляетъ за присвоеніе и растрату до 300 руб. заключеніе въ тюрьмѣ до одного года, а по ст. 1681 улож. высшая мѣра наказанія—ссылка въ Сибирь; за срываніе плодовъ денежное взысканіе до 10 руб. (ст. 145).

13) За *кражу* (дуздъ) простую или же осложненную взломомъ, подкопомъ и проч., на сумму болѣе двухъ рублей, виновный подвергается: въ первый разъ отрѣзанію правой руки по кисть (катчи-ядъ) съ прижиганіемъ; во второй разъ—отрѣзанію лѣвой ноги (катчи-раджль) по щиколку съ прижиганіемъ; въ третій разъ—тѣлесному наказанію до 100 ударовъ или аресту отъ 3-хъ мѣсяцевъ до одного года. Такимъ же наказаніямъ подвергаются всѣ безъ различія соучастники кражи, если, послѣ дѣлежа украденнаго, каждому досталось добычи на сумму болѣе двухъ рублей.

Шаригатъ предоставляетъ также правителю страны наказывать неисправимыхъ воровъ, изобличенныхъ въ третьей кражѣ, смертной казнью. Кн. мухтасаръ-викоя, джамуль-рамузъ, бахруль-монафигъ, хдудъ (ст. 170 уст. мир. суд. увеличиваетъ наказаніе за кражи до одного года, смотря по обстоятельствамъ дѣла, а по ст. 1644—1664 улож. высш. мѣра наказ. за кражи—квалифицированная ссылка въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири).

14) За покушеніе на *грабежъ*, не удавшееся по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, виновные наказываются тѣлесно до 100 ударовъ и, кромѣ того, арестомъ, на срокъ, пока не раскается. Кн. джамуль-рамузъ.

15) За *разбой* или грабежъ (толафъ) въ полѣ или въ домѣ, удавшійся вполнѣ, съ дѣлежемъ ограбленнаго, давшимъ

каждому добычу на сумму болѣе двухъ рублей, виновные подвергаются отрѣзанію до кисти правой руки и лѣвой ноги до щиколки. За повтореніе грабежа, разбоя, или же за убійство во время грабежа, хотя бы и неосуществившагося, виновные могутъ быть приговорены къ смертной казни. Кн. хидоя, сираджія, мхиты-бурхани (ст. 1627 — 1643 улож. опредѣляютъ за разбой высшее наказ. каторж. раб. безъ срока; за грабежъ высш. наказ. катор. раб. до 12 лѣтъ).

16) Человѣка, не навлекшаго на себя обвиненія, но слывущаго въ народѣ за вора или соучастника безнравственныхъ дѣлъ и преступленій вообще, шаригатъ, называя *мутахамъ*, т.-е. завѣдомо преступникомъ, предоставляетъ властямъ изъять изъ общества—арестованіемъ, хотя бы пожизненнымъ, безъ всякаго судебнаго преслѣдованія. Кн. хдудъ, бархуль-монафигъ.

17) За *поджогъ* (харкъ) умышленный и за истребленіе чужаго скота и имущества виновный отвѣчаетъ только уплатою вознагражденія потерпѣвшему. Кн. алямъ-гири (ст. 1606 — 1615 улож. о наказ., за поджогъ назначаютъ высш. мѣр. наказ. каторжныя работы до 12 лѣтъ).

18) За *подлогъ* (тольбизъ) въ документахъ, за поддѣлку монетъ и за мошенничество вообще, виновные подвергаются тѣлесному наказанію отъ 3-хъ до 39 ударовъ плетей, или же аресту до двухъ мѣсяцевъ. Книги алямъ-гири, джамуль-рамузъ (по улож. о наказ. высшая мѣра наказ. ссылка въ Сибирь).

19) За лжесвидѣтельство и *ложную присягу* (косами-гымусъ), виновный приводится къ раскаянію увѣщеваніемъ объ ожидающемъ его наказаніи въ вѣчномъ мірѣ. Кн. джамуль-рамузъ-захира (ст. 236 — 240 улож. опредѣляютъ высшую мѣру наказанія за лжеприсягу — катор. раб. до 10 лѣтъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла).

20) За неисполненіе законныхъ требованій властей виновный наказывается по усмотрѣнію власти (рои-хакимъ). Кн. бахруль-монафигъ (ст. 29 уст. мир. суд. опредѣляетъ наказ. денежное взысканіе не свыше 15 руб.).

21) На основаніи шаригата, начальствующія лица обязаны провѣрять ежемѣсячно правильность вѣсовъ и вообще торговыхъ мѣръ, а въ случаѣ замѣченнаго отступленія отъ таковыхъ или же обманной фабрикаціи и недоброкачественности продуктовъ, употребляемыхъ въ пищу, наказывать виновныхъ арестомъ до одного мѣсяца или наказаніемъ тѣлеснымъ отъ 3-хъ до 39 ударовъ плетей, требуя исправленія злоупотребленій и вознагражденія обманутыхъ. Кн. бахруль-монафигъ (ст. 173—175 уст. мир. суд. назначаютъ высшею мѣрою наказанія—тюремное заключеніе до 6 мѣсяцевъ для дѣлъ не выше 300 руб.).

22) За оскорбленіе кого-либо дѣйствіемъ или же ругательствомъ и вообще на словахъ, виновный, при доказанности проступка сознаніемъ или же двумя свидѣтелями, наказывается арестомъ до одного мѣсяца или же тѣлесно до 39 ударовъ. Но никто не преслѣдуется за оскорбленіе дѣйствіемъ или словомъ человѣка, застигнутаго при нанесеніи обиды дѣйствіемъ другому. Кн. джамуль-рамузъ и алямъ-гири (ст. 130 — 138 уст. мир. суд. назначаютъ высшею мѣрою наказанія—арестъ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ).

Необходимо замѣтить здѣсь, что преступленія и проступки вовсе не вмѣняются шаригатомъ въ вину несовершеннолѣтнимъ, т.-е. не достигшимъ 12 лѣтъ для муж. и 9 лѣтъ для женщ. Карательную власть надъ ними мусульманское законоположеніе оставляетъ родителямъ, слагая съ нихъ однако обязанность удовлетворенія потерпѣвшихъ вознагражденіемъ за ущербъ, нанесенный какимъ бы то ни было преступленіемъ, хотя бы убійствомъ.

Такое вознагражденіе взыскивается изъ собственности обвиненныхъ, при полученіи ими таковой по достиженіи совершеннолѣтія. Кн. алямъ-гири, нисабуль и ихникабъ (ст. 10 уст. мир. суд. не вмѣняетъ проступка въ наказ. малолѣтнимъ до 10 лѣтъ, а несовершеннолѣтнимъ до 17 лѣтъ наказаніе назначается въ половинномъ размѣрѣ. Ст. 136—146 улож. также смягчаютъ наказаніе несовершеннолѣтнимъ за преступленія).

При опредѣленіи наказаній за проступки, согласно шаригата (кн. казы-ханъ и алямъ-гири), казій сообразуется съ общественнымъ положеніемъ обвиняемаго, принимая за основаніе тотъ мотивъ, что людямъ развитымъ, людямъ высшаго общественнаго положенія, одно сознаніе о совершонномъ ими проступкѣ и въ особенности приводъ въ камеру суда составляютъ уже чувствительное наказаніе, равнозначущее съ тѣми карательными взысканіями, которыя налагаются, по установленной шаригатомъ градаціи, на простой классъ. Казію однако предоставляется отличать, при опредѣленіи наказаній, и въ высшемъ классѣ—людей совѣсти отъ безнравственныхъ людей. Кн. бахруль-монафигъ и шархиканзь (ст. 14 уст. мир. суд. признаетъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину между прочимъ, извѣстную степень образованности и болѣе или менѣе высокое общественное положеніе).

Приближаясь къ окончанію нашего труда, не упустимъ сказать нѣсколько словъ о порядкѣ дѣйствія по шаригату судопроизводства охранительнаго. Порядокъ этотъ, отличаясь простотою, ясностью, имѣетъ довольно близкое сходство съ правилами *охранительнаго* судопроизводства по уставу 1864 года.

Дѣйствія казія по охраненію имущества, оставшагося послѣ смерти проживавшаго въ его участкѣ собственника, открываются или по приглашенію одного изъ наслѣдниковъ, при сомнѣніи о безспорномъ исходѣ дѣлежа, или же по непосредственному усмотрѣнію чрезъ дошедшій слухъ объ оставшихся несовершеннолѣтнихъ наслѣдникахъ. Въ первомъ случаѣ, дѣйствія ограничиваются сперва приведеніемъ въ извѣстность, чрезъ одного изъ муфтіевъ, съ участіемъ не менѣе двухъ добросовѣстныхъ незаинтересованныхъ (халысъ) свидѣтелей, всего имущества наслѣдственнаго (миросы), а затѣмъ въ дѣлежѣ этого имущества на точномъ основаніи правилъ шаригата о наслѣдствѣ, изложенныхъ въ книгахъ: джамуль-рамузъ, алямъ-гири, мавляви-фохридинъ, фараизъ, даруль-мухтаръ.

При этомъ отсутствующимъ, гдѣ бы они ни были, вызовъ не дѣлается, а по выдѣленіи ихъ долей наслѣдственныхъ при

общемъ дѣлежѣ, какъ движимое (манкулать), такъ и недвижимое (акоро) передается казіемъ одному изъ односельцевъ, который и вступаетъ во владѣніе, какъ лицо довѣренное, со всѣми однако обязанностями опекуна. При неявкѣ наслѣдниковъ къ имуществу въ теченіе одного года для мѣстностей очень отдаленныхъ, оно дѣлается *выморочнымъ* (бойтульмаль) и, по опредѣленію казія, поступаетъ въ казну.

Во второмъ случаѣ, при оставшихся малолѣтнихъ наслѣдникахъ, по приведеніи въ извѣстность тѣмъ же порядкомъ всего имущества, совершается безъ промедленій полный раздѣлъ, съ передачею взрослымъ ихъ наслѣдственныхъ долей, а къ имуществу несовершеннолѣтнихъ (саби) назначается, по выбору казія, чрезъ совѣщаніе съ достовѣрными людьми, *опекунъ* (васи) изъ людей разсудительныхъ, добросовѣстныхъ и бережливыхъ. Назначенный опекунъ, принявъ по описи все имущество и капиталы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и дѣтей круглыхъ сиротъ (сагыръ), обязанъ, подъ страхомъ отвѣтственности, заботиться неупустительно о сохранности имущества и объ увеличеніи прибылей, въ чемъ онъ соображается чрезъ совѣщаніе съ *аминемъ*, назначаемымъ казіемъ изъ лучшихъ людей для наблюденія за дѣйствіями опекуна.

Общее охранительное наблюденіе за имуществомъ несовершеннолѣтнихъ или безумныхъ (мажнунъ), или безвѣстноотсутствующихъ (мафкутъ), принадлежитъ вполнѣ и обязательно участковому казію, который слѣдитъ за дѣйствіями опекуна, выслушиваетъ и провѣряетъ отчетъ его чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ, вписывая въ свою книгу послѣднія свѣдѣнія о прибыляхъ и убыткахъ и устраняя опекуна при малѣйшемъ нарушеніи имъ своей обязанности.

По мѣрѣ достиженія совершеннолѣтія каждымъ изъ наслѣдниковъ, имъ выдѣляются полностью ихъ доли съ прибылями, за вычетомъ соотвѣтственной части затратъ, отчисленной на уплату долговъ и погребеніе оставившаго наслѣдство.

Ни опекунъ, ни аминъ, хотя бы принудительно назначенные, къ чему уполномочивается казій правилами шаригата,

не пользуются опредѣленнымъ вознагражденіемъ, но могутъ получить его съ наслѣдниковъ, при согласіи ихъ на это.

Въ практикѣ такъ и бываетъ, что опекунъ получаетъ отъ вступившихъ въ права наслѣдниковъ добровольное вознагражденіе по размѣрамъ наслѣдственной доли, бывшей подъ опекою, и по размѣрамъ прибылей, принесенныхъ опекуномъ. Исковыя претензіи если и возникаютъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, то оканчиваются полюбовно, при содѣйствіи родственниковъ вступившаго въ права наслѣдника, а иногда и чрезъ примиряющее вліяніе казія.

Этимъ мы закончимъ наши замѣтки о народномъ судѣ у осѣдлыхъ туземцевъ, и не уклонимся передать здѣсь отовсюду раздающееся желаніе, чтобы этотъ судъ, съ полными задатками суда скораго и праваго,—суда вполнѣ удовлетворяющаго туземцевъ, — получилъ правильную и положительную организацію.

ЦИСТЕРНЫ ВЪ КАРШИНСКОЙ СТЕПИ [1]).

Междурѣчье Мовера-унъ-негръ, какъ называли его въ древности, тянущееся на пространствѣ пятисотъ верстъ отъ лѣваго берега Сыръ-дарьи до праваго берега Аму-дарьи, пересѣкается хребтомъ горъ Туркестанскаго кряжа, который и опредѣляетъ географическое очертаніе этихъ двухъ обширныхъ долинъ Средней Азіи.

Мы скажемъ въ этой замѣткѣ о голодныхъ степяхъ этихъ долинъ, Джизакской и Каршинской столько, сколько они заслуживаютъ, привлекая вниманіе путника своей безлюдностью, необработанностью и вообще тѣми рѣдкими качествами, которыя упрочили теперь за ними названіе „голодныхъ“ степей, хотя до посѣщенія Джизакской степи русскими, она этого названія не носила, а называлась туземцами просто Джизакъ-чуль, какъ вторая степь называется и теперь Карши-чуль. Очевидно, туземцы никогда не поражались тѣми типичными свойствами этихъ степей, которыя бросились вниманію первыхъ западныхъ гостей, какъ не поражаются и теперь кочевники безпредѣльными азіатскими равнинами, вмѣщающими ихъ огромныя стада скота и отчасти аулы. Все зависѣло только отъ правильнаго, своевременнаго пользованія номадами благами этихъ степей. Ранней весной и зимой обѣ названныя степи-чуль положительно благодѣтельствуютъ кочевника обиліемъ подножнаго корма для всевозможнаго скота; лѣто выгоняетъ ихъ

[1]) Напечатано въ 1881 г.

въ горы и горе тому, кто не поторопится отогнать свой скотъ съ этихъ степей до мая мѣсяца; тутъ-то запоздавшій и постигнетъ, что такое голодная степь, въ особенности въ тѣхъ частяхъ своихъ, гдѣ нѣтъ колодцевъ.

Разумѣется, такихъ чудаковъ-скотоводовъ не бываетъ, зато и не зачѣмъ было имъ давать своей привольной степи устрашающее названіе голодной степи.

Всякій скажетъ, что такъ-называемая голодная Джизакская степь не представляетъ и теперь ничего ужаснаго и не оправдываетъ такимъ образомъ своего названія уже потому, что по этой самой голодной степи неизмѣнно дѣйствуетъ почтовый и караванный трактъ и сотни тысячъ ежегодныхъ путниковъ отдаютъ единичныя свои жертвы разбойникамъ, но никакъ не физическимъ свойствамъ этой степи.

Совершенно то же самое мы можемъ засвидѣтельствовать и о Каршинской степи, имѣющей такое же протяженіе между окраинами культурной полосы бухарскихъ владѣній, какое имѣетъ Джизакская чуль отъ озеръ Малекъ до Учь-тюпе, въ десяти верстахъ отъ Джизака. Равнина каршинская носитъ степной характеръ своей невоздѣланностью и пригодностью только для скотоводства отъ селенія *Касанъ*, въ двадцати-двухъ верстахъ на юго-западъ отъ города Карши до *Кунджакъ-куля*, въ шестнадцати верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Бухары, откуда тянется сплошная, положительно образцовая, земледѣльческая культура. На этомъ сто-сорока верстномъ пространствѣ большого караваннаго тракта существуетъ всего одинъ жалкій кишлачекъ Хожа-мубаракъ, въ 80 дворовъ, имѣющихъ землепашество въ двадцати верстахъ на востокъ отъ селенія, и, конечно, не земля кормилецъ этой степной голи, а кое-какая торговля всякой мелочью, спрашиваемой каждымъ путникомъ. Оттого всѣ жалкія постройки въ Хожа-мубаракѣ представляютъ собою маленькіе заѣзжіе дворы, гдѣ каждый найдетъ себѣ кое-какой пріютъ безъ особой постойной платы, но ужъ зато съ обязательствомъ покупать необходимое для себя и лошадей непремѣнно у хозяина пріюта.

Нечего и говорить, что благодаря самой первобытной простотѣ этихъ дворoдержателей, незнакомыхъ съ монополіей, со стачками, эксплуатаціи путника не можетъ быть здѣсь никакой и каждый можетъ только удивляться: изъ-за чего хлопочетъ содержатель заѣзжаго сарая, получая за все тою же платою, какою разсчитываются путники и въ населенныхъ, полныхъ достатка мѣстахъ? Такъ, можемъ отмѣтить, что въ августѣ мѣсяцѣ въ Хожа-мубаракѣ продавали клеверъ по пяти рублей за сотню сноповъ, ячмень по 40 копѣекъ за пудъ, мясо 4 руб. за пудъ, и цѣны на эти предметы, по общему увѣренію, всегда согласуются съ цѣнами, существующими въ Касанѣ, хотя большой поселокъ этотъ расположенъ въ тридцати верстахъ отъ Хожа-мубарака и этотъ участокъ тракта имѣетъ трехверстную залежь довольно затруднительныхъ для колесной ѣзды песковъ.

Собственно говоря, на этотъ разъ Каршинская степь, а съ нею и голодная Джизакская степь, вызвала наше вниманіе и коротенькое поясненіе вовсе не своей угрюмостью и безпріютностью, о которыхъ нечего конечно и сокрушаться, тѣмъ болѣе, когда наши ирригаторы обѣщаютъ превратить ихъ въ сады, а вниманіе это, признаемся, сталкивается съ практическимъ вопросомъ, почему цистерны (сардабы) Джизакской степи превратились почти въ клоаки, тогда какъ нѣсколько такихъ же точно цистернъ въ Каршинской степи хорошо дѣйствуютъ и теперь.

Дѣйствительно достойно вниманія, съ одной стороны, обѣщаніе ирригаторовъ дать степи орошеніе, съ другой—лишеніе этой же степи того, что она раньше имѣла, безъ чего она дѣйствительно страдаетъ, потому что путникамъ или приходится везти воду изъ Сыръ-дарьи и Джизака, или же вода достается въ гомеопатическихъ дозахъ изъ мурза-рабатскаго и агачтинскаго колодцевъ, отъ которой заболѣваетъ скотъ, не только люди. Наоборотъ, намъ вовсе не приходилось замѣчать, чтобы путники везли съ собою воду чрезъ Каршинскую степь, изъ Бухары или Касана, не приходилось слышать, чтобы

умирали жаждою или отравленіемъ колодезной водою, имѣющеюся только въ Хожа-мубаракѣ, на глубинѣ двадцати-пяти аршинъ.

Теперь Каршинская степь, не имѣя воды арычнаго орошенія, въ отношеніи водоснабженія путниковъ находится въ условіяхъ несравненно лучшихъ, чѣмъ Джизакская степь.

Какъ извѣстно, обѣ эти однохарактерныя степи, съ самыхъ отдаленныхъ временъ не только проходились полчищами разныхъ азіатскихъ завоевателей, но и служили также кратчайшимъ путемъ для торговли Бухары съ Кокандомъ и Ташкентомъ.

Однако, потребность въ улучшеніи этого важнаго пути водоснабженіемъ была сознана и осуществлена впервые только въ 1578 году, въ ханствованіе *Абдулла-хана*, сына Искандеръ-хана. Какъ замѣчательный воинъ и администраторъ, этотъ эмиръ, удерживая бухарскія владѣнія въ границахъ отъ Мешхеда до Ташкента, считалъ разныя улучшенія въ своемъ ханствѣ такимъ же важнымъ дѣломъ, какъ и успѣшныя побѣды. Въ сорокатрехлѣтнее свое царствованіе Абдулла-ханъ успѣлъ дать много удачныхъ сраженій, но и построилъ болѣе тысячи разныхъ общественныхъ зданій.

Эти-то цистерны и при нихъ караванъ-сараи, которые останавливаютъ и теперь вниманіе каждаго въ Джизакской и Каршинской степяхъ, построены заботами вышеназваннаго Абдулла-хана.

Мы не станемъ доискиваться причинъ, почему заброшены цистерны Туркестанской степи, какъ не станемъ доказывать, какимъ образомъ ихъ легко можно было бы реставрировать, но передаемъ здѣсь нелишнія свѣдѣнія о сохранившихся еще цистернахъ (сардоба) Каршинской степи. Въ упрекъ бухарской апатичности мы также можемъ сказать, что славное дѣло рукъ Абдулла-хана мало встрѣчаетъ вниманія, заботливости въ современномъ правительствѣ и обществѣ. Это наглядно доказывается тѣмъ, что изъ шести цистернъ въ настоящее время вполнѣ дѣйствуютъ только двѣ, какъ самыя необходимыя: *Ке-*

киръ, въ 24-хъ верстахъ отъ Хожа-мубаракъ [1]), и *Караулъ*, въ 20-ти верстахъ отъ Кекира, по дорогѣ въ Бухару; остальныя промежуточныя цистерны: между этими двумя Кошъ-сардаба, Бузачи, Ашукъ, Уста-ачикъ, хотя заброшены отъ недосмотра, но легко могутъ быть реставрированы, потому что рука разрушенія разныхъ строителей станцій не добралась еще до нихъ.

Бухарцы утверждаютъ, что теперь, съ возникновеніемъ степного селенія Хожа-мубаракъ, нѣтъ надобности въ промежуточныхъ цистернахъ, а потому они, оставаясь безъ всякаго присмотра, время отъ времени заносятся, какъ и замѣтно, пескомъ и щебнемъ; но стоитъ только расчистить люки цистерны весною—и всѣ они наполнятся водою дождевыхъ стоковъ.

Какъ дѣйствующія, такъ и заброшенныя цистерны Каршинской степи той же архитектуры, какъ и цистерны Джизакской степи. Даже размѣры сводовъ и водопріемниковъ соблюдены тѣ же, да и характеръ кладки изъ жженаго, сартовской формы кирпича, безъ желѣзныхъ скрѣпленій, одинаковъ. Приблизительно радіусъ каждой такой цистерны имѣетъ 12 арш., а глубина до 16 арш. при каменной лѣстницѣ въ 25 ступеней. Два люка, діаметромъ въ полъ-аршина, обращены въ каждой цистернѣ въ направленіи наибольшей горизонтальной покатости, вливающей весенніе стоки (силь) въ сардабу въ такомъ количествѣ, что весь водопріемникъ наполняется въ теченіе семи часовъ времени. Задача строителей состояла именно въ томъ, чтобы обратить люки цистерны къ сторонѣ наибольшаго паденія, которое мѣстами пришлось сдѣлать искусственно и съ проведеніемъ къ люкамъ стоконаправляющихъ канавъ. Затѣмъ

[1]) Сардаба *Кекиръ* построена не при *Абдулла-ханѣ*, въ 16-мъ столѣтіи, а при отцѣ нынѣшняго эмира *Насръ-Улла-ханѣ*. Это легко замѣтить по совершенно свѣжему виду сардабы, сохранившей даже свою штукатурку. Лѣстница ея также не избита и не сглажена, тогда какъ во всѣхъ цистернахъ Абдулла-хана, дѣйствующихъ и понынѣ, пристройка надъ входомъ въ цистерну уже обрушилась, а лѣстница представляетъ собою одну щебневую покатость, безъ ступеней. Таковы сардабы: изъ Карши въ Бурдалыкъ (напр., Чуль-гумбезъ) изъ Бухары къ Чарджуй, за аму-дарьинскія сардабы, и т. д.

обязанность наслѣдниковъ всѣми чтимаго Абдулла-хана состоитъ въ наблюденіи, чтобы въ цистерну не гоняли животныхъ, чтобы хотя лѣстница поддерживалась бы въ порядкѣ, чтобы люки и водонаправляющія канавы расчищались каждогодно. Достаточно и такого незначительнаго досмотра для сохраненія еще на сотню лѣтъ этихъ грандіозныхъ сооруженій, исполненныхъ простыми мастерами безъ всякихъ проектовъ и смѣтъ.

Сказавъ, что въ Каршинской степи дѣйствуютъ теперь только двѣ цистерны, пояснимъ въ заключеніе, что они удерживаютъ воду круглый годъ, при огромномъ потребленіи войсками бухарскими (до 10 тысячъ), проходящими два раза ежегодно, и массою проходящихъ этимъ трактомъ каравановъ и разнаго скота, отправляемаго въ Бухару.

ЗАМѢТКИ ОБЪ ИРРИГАЦІИ ВЪ ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНѢ [1]).

Сколько извѣстно, въ первые же годы послѣ присоединенія къ Туркестанскому краю части Зеравшанской долины, мѣстную администрацію не переставалъ занимать вопросъ о положеніи въ округѣ ирригаціи. Условія пользованія водою изъ главной оросительной артеріи Зеравшана, какъ подвѣдомственнаго намъ населенія, такъ и сосѣдней дружественной Бухары, настолько оказались сложными, что представилось нужнымъ учредить особую ирригаціонную администрацію съ опредѣленнымъ штатомъ и правами.

Въ первые же годы принялись за изученіе сначала исторіи Зеравшанской ирригаціи, а потомъ и свойствъ ея. Были составлены, какъ сказываютъ, ирригаціонныя карты, были опредѣлены, кажется приблизительно конечно, площади пахоты, орошаемой каждымъ изъ большихъ арыковъ; пытались даже давать повременныя свѣдѣнія о количествѣ воды, приносимой Зеравшаномъ въ разные періоды года, издавались циркулярныя увѣдомленія о томъ, что, по показаніямъ водомѣрительныхъ знаковъ „въ такомъ-то мѣсяцѣ“, Зеравшанъ несетъ 39 кубическихъ сажень въ секунду и слѣдовательно воды должно быть достаточно вполнѣ на всѣ посѣвы.

Въ тотъ памятный годъ ирригаціонныхъ бюллетеней, благодаря значительному выпаденію зимою снѣга и продолжительной работѣ въ горахъ *гармъ-силя* (теплый вѣтеръ) въ срединѣ лѣта, дѣйствительно воды было достаточно въ Зеравшанѣ на-

[1]) Напечатано въ 1887 г.

столько, что недостатка не ощущалось даже въ низовыхъ бухарскихъ тюменяхъ. Половодье обозначилось тогда рельефно положеніемъ воды относительно береговъ и такихъ естественныхъ ничего не стоющихъ водомѣрителей, какъ большіе, побережные камни, которыми и пользуются туземцы для своихъ наблюденій, столь важныхъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ.

Помнится, что въ тотъ счастливый по урожайности годъ, какъ всегда, еще весною туземцы предсказывали многоводье Зеравшана изъ наблюденій разспросами горцевъ о характерѣ зимы въ горахъ.

Конечно, никто не могъ отгадать въ тотъ разъ сколько именно несетъ воды Зеравшанъ въ секунду, но всякій убѣждался отчетливо, простымъ глазомъ, что воды вдоволь и усилившіяся съ весною запашки рису (шалы) засухи не потерпятъ.

Такими наблюденіями изъ года въ годъ, отъ періода до періода лѣта, заняты всѣ землепашцы, безъ малѣйшаго утружденія себя поѣздками къ водомѣрителямъ, вычисленіями по формуламъ. И конечно, кому же какъ не пахарю лучше знать— больше ли или меньше несетъ воды Зеравшанъ въ данное лѣто. Онъ знаетъ это по признакамъ зимы и весны, по признакамъ береговымъ, по степени тѣхъ усилій, какія приходится прилагать ему каждое лѣто на поддержаніе начальныхъ плотинъ (*бандъ*) въ каждомъ изъ главныхъ арыковъ. Объ этихъ каждогодныхъ усиліяхъ населенія на поддержаніе ирригаціи въ данной мѣстности мы имѣемъ пока вообще очень мало свѣдѣній, такъ какъ прямыхъ, непосредственныхъ наблюденій не производилось, а туземцы, изстари привыкшіе ни во что не ставить напряженіе для такого дѣла своихъ спинъ и мышцъ, подавно не въ состояніи выяснить: во что обходится каждое-весеннее заложеніе плотины въ верховьяхъ большихъ арыковъ.

Приблизительно каждый скажетъ, что арыки Тюе-тартаръ, Мирза-арыкъ, Полванъ, вытекающіе изъ праваго берега Зеравшана, не требуютъ никакихъ почти усилій на поддержаніе постояннаго уровня въ нихъ воды, тогда какъ арыки лѣваго берега (Саразмъ, Яны-казанъ, Аязъ-абатъ), сопровождающіяся

мѣстами порогами (*нишибъ*), ставятъ въ крайнее затрудненіе земледѣльческое населеніе и поддержаніе начальныхъ плотинъ ихъ.

При отсутствіи точныхъ выводовъ стоимости плотинъ на всѣхъ арыкахъ лѣваго берега, мы можемъ привести здѣсь только совершенно вѣрныя цифры каждогодныхъ издержекъ жителей нагорнаго раіона на содержаніе плотинъ большихъ арыковъ Яны и Казанъ, берущихъ начало изъ Зеравшана почти на меридіанѣ города Ургута.

Оказывается, что орошеніе 5400 десятинъ земли, дающей валовой доходности 128200 рублей въ годъ, обходится населенію около 12000 р. ежегодно.

Огромная эта цифра, составляющая 10% доходности орошаемой земли, получается выводомъ изъ такихъ крайне умѣренныхъ и отвѣчающихъ дѣйствительности разсчетовъ: для удержанія начальной плотины системы Яны-казанъ-арыка и для расчищенія русла его, волость высылаетъ въ теченіи весны и лѣта 460 рабочихъ, 10 разъ, на 12 дней, что составитъ въ сложности 55900 поденныхъ рабочихъ, или считая по 20 коп. въ день за работника 11040 рублей.

Прибавляя къ этой цифрѣ, кажущейся незамѣтною при отбываніи этой обязанности натурою, 1000 рублей на наемъ лошадей для подвозки за 20 — 10 верстъ хвороста (*шохъ*), рисовой соломы, жердей — получимъ стоимость работъ этихъ въ 12040 рублей.

Цифра каждогодной затраты этой весьма внушительна въ сопоставленіи ея въ особенности съ незначительной земельной доходностью отъ крайне низкихъ цѣнъ на хлѣбъ и табакъ, съ громадными лишеніями рабочихъ туземцевъ въ періодъ работъ весною, когда приходится работать нѣсколько часовъ дня по грудь въ водѣ.

Необходимость однако поддерживать регулярно эту капризную ирригацію, прокармливающую слишкомъ 60 селеній, пріучила жителей этой юго-восточной части долины Зеравшана переносить безъ разсчета стоимости и такой гигантскій трудъ,

также точно, какъ переноситъ здѣшній туземецъ нелегкій трудъ земледѣльца.

Естественно однако ожидать, что тѣ же свычные къ труду туземцы всегда окажутся отзывчивыми ко всѣмъ мѣрамъ улучшенія ирригаціи путемъ устройства на главныхъ арыкахъ совершенныхъ плотинъ такого типа, какой соотвѣтствуетъ мѣстнымъ условіямъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что настолько же встрѣтилось бы и въ бухарцахъ матеріальной отзывчивости къ раціональному устройству плотинъ на Акъ и Кара-дарьѣ, противъ Самарканда, стоющихъ говорятъ Бухарѣ до 40000 рублей каждогодно.

Все это такъ, но пока бухарцы будутъ возлагать въ дѣлѣ ирригаціи всѣ надежды лишь на Аллаха, имъ не мало придется отчислить такихъ каждогодныхъ взносовъ на алтарь терпѣнія, инертности, неумѣнья; не мало послано будетъ еще челобитныхъ съ повременными воплями о томъ, что воды нѣтъ даже въ прудахъ, для питья.

„Бѣда — по заслугамъ“, сказали однажды бухарцамъ.

Что дѣлать? Таковъ удѣлъ всѣхъ обществъ, погруженныхъ въ апатію, всѣхъ предпріятій, сопровождающихся одной лишь трескотней фразъ, да бумагоистребленіемъ на отписки и отчеты.

Пока въ такомъ дѣлѣ, какъ ирригація, надъ практичностью, надъ строгимъ знаніемъ техники и проч. будутъ преобладать эти одолѣвающія особенности дѣятельности, до тѣхъ поръ участь всей долины Зеравшана останется въ зависимости отъ капризовъ стихій, отъ степени каждогоднаго напряженія труда обрабатывающимъ населеніемъ. Можно ждать такимъ образомъ, что съ пониженіемъ, напримѣръ, русла какого-нибудь арыка Аязъ-абатъ (называютъ его Даргамъ), проходящаго весьма рыхлыя породы, сотни селеній этой части лѣваго побережья кормилицы золотоноски, должны устремиться къ скитальчеству, и прекрасно культивированная теперь огромная полоса земли, помѣщающая тюмени Ангаръ и Шавдаръ, обратится въ такую

же пустыню, какъ и степь *(даштъ)* Джамъ, отжившая свой производительный вѣкъ единственно отъ истощенія ирригаціи.

Надо радоваться еще предпріимчивости нѣкоторыхъ туземцевъ въ сооруженіи арыковъ вновь, въ реставрированіи заброшенныхъ каналовъ, хотя тѣми небогатыми средствами простаго навыка, какимъ владѣютъ эти, по истинѣ богатыри-ирригаторы, успѣвающіе въ трудной работѣ этой безъ всякихъ теорій.

Можно ли въ самомъ дѣлѣ не отнестись съ уваженіемъ къ такому почтенному предпріятію по орошенію площади земли въ 400 десятинъ, на восточной сторонѣ Пенджекента, какое выполнилъ въ 1871 году пенджекентскій туземецъ Мулла-Каримъ Рязановъ.

Этотъ энергичный таджикъ безъ всякихъ знаній, съ однимъ навыкомъ и настойчивостью въ задуманномъ дѣлѣ, давно посматривалъ съ скрытой досадой на запустѣлую даштъ (степь) Соврakъ-суфіянъ, когда-то пользовавшуюся орошеніемъ, проведеннымъ туннелемъ изъ лѣваго берега рѣки Магіянъ. Долго онъ держалъ совѣтъ съ своими односельцами касательно возможности возстановленія этого арака, прорытаго впервые 950 лѣтъ тому назадъ нѣкіемъ Умаромъ Ахметовымъ, но къ активному сочувствію никого все-таки не вызвалъ, такъ какъ по разсчету работа эта требовала большой денежной затраты.

Наконецъ, потерявъ всякую надежду на успѣхъ у мѣстныхъ земледѣльцевъ въ задуманномъ дѣлѣ, Рязановъ обратился съ ходатайствомъ къ бывшему въ то время начальникомъ Зеравшанскаго округа генералъ-маіору Абрамову. Получивъ разрѣшеніе на возстановленіе орошенія изъ р. Магіянъ и поддержку въ 1000 рублей изъ мѣстныхъ общественныхъ суммъ, Рязановъ принялся за дѣло раннею весною 1871 года. Безъ всякихъ понуканій, безъ всякихъ дозорныхъ, часть жителей Пенджекента и ближайшихъ селеній Суджина, Суфіянъ и Кокъ-ташъ вышла на работы *кариса* [1]) въ мартѣ мѣсяцѣ

[1]) Названіе карисъ (сверленіе) прилагается ко всѣмъ арыкамъ, идущимъ закрытыми галлереями.

1871 года. Составили совѣщаніе, и подъ непосредственнымъ руководствомъ Мулла-Карима принялись отрывать начальные колодцы-арыки, отъ которыхъ послѣ трехсотлѣтняго бездѣйствія кариса остались лишь на поверхности одни слабые признаки. Распредѣлившись по десяти человѣкъ на каждый колодецъ, рабочіе сначала углублялись насколько требовалось по разсчету о положеніи дна арыка относительно берега рѣки Магіянъ, пропускали временами воду по мѣрѣ движенія впередъ и отрывали подземное сообщеніе между двумя рядомъ заложенными колодцами. Получилась такимъ образомъ въ конгломератѣ сплошная галлерея, протяженіемъ въ западномъ направленіи до двухъ верстъ и отъ поворота на сѣверо-западъ до выхода воды на поверхность, противъ кишлака Суфіянъ, одна верста.

Въ профили карисъ представляется такимъ: глубина начальныхъ колодцевъ, вытянутыхъ въ одну линію, 55 аршинъ, и среднихъ 40 аршинъ; ширина каждаго колодца 5 аршинъ; высота подземной галлереи-арыка $2^1/_4$ аршина, а ширина 3 аршина. Разстояніе между подошвами колодцевъ 55 аршинъ, что опредѣляетъ, по числу 80 колодцевъ, длину всей галлереи въ 1500 саж.

Безъ всякаго надзора чиновниковъ и техниковъ работы продолжались, съ перерывами въ холодные дни, до весны 1872 года, т. е. въ теченіе десяти мѣсяцевъ, и увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Отдыхавшая 300 лѣтъ безъ орошенія даштъ Соврakъ-суфіянъ, благодаря матеріальной отзывчивости генералъ-маіора Абрамова и настойчивости достопочтеннаго пенджекентца Мулла-Карима Рязанова, обогатившись притокомъ воды на 400 батмановъ запашки [1]), зажила съ тѣхъ поръ культурной жизнью и, благодаря бдительности въ каждогодномъ прочищеніи галлереи въ теченіе десяти дней, продолжаетъ благоденствовать высокими урожаями и въ наши дни. Нѣкогда пустынная, эта

[1]) Хотя имѣются кажется карты ирригаціи, но вопросъ о количествѣ воды, потребляемой извѣстными раіонами хлѣбопашества, остается открытымъ.

даштъ (степь) теперь даетъ пенджекентцамъ около 15000 рублей каждогоднаго дохода и представляетъ цѣнность пахатной земли и усадьбъ въ 26000 руб. minimum. И это сдѣлано по почину туземца, безъ чертежей и плановъ, безъ всякихъ смѣтъ, безъ понуканій. Да, посмотрѣвъ на пенджекентскій карисъ, на прекрасные арыки въ горахъ, проходящіе мѣстами длинные скалистые туннели и такіе разрыхленные горные склоны, по которымъ требуется вести арыкъ деревянными жолобами, справедливо признаешь въ незнакомыхъ съ нивеллирами туземцахъ практическихъ ирригаторовъ.

Надо всегда желать, чтобы они и остались исключительно на этой почвѣ практичности, настойчивости, и не пріобщались бы въ такомъ почтенномъ дѣлѣ къ сферамъ фразерства и самообмана бумажной механикой.

Надо поддерживать въ туземцахъ расположеніе къ ирригаціоннымъ работамъ хотя на старыхъ началахъ, безъ вмѣшательства смѣтъ и просвѣщенныхъ вычисленій о количествѣ кубическихъ футовъ воды, безъ содѣйствія которыхъ изрѣзанъ арыками весь Туркестанскій край, всѣ площади земли, оказавшіяся способными къ орошенію.

Нечего и говорить, что ирригаціонныя сооруженія, произведенныя самими туземцами безъ содѣйствія смѣтъ, обойдутся въ 10 разъ дешевле, по крайней мѣрѣ для спеціальнаго кредита. Въ этомъ убѣждаютъ многія прецеденты прошлаго и отчасти незначительность затратъ изъ зеравшанскихъ суммъ на реставрированіе кариса.

По точному разсчету, со словъ Мулла-Карима, это серьезное сооруженіе потребовало въ теченіе десяти мѣсяцевъ 150 каждодневныхъ рабочихъ, а слѣдовательно всего 45000 поденщиковъ, умудрившихся прокормиться на 600 рублей отъ казеннаго вспомоществованія въ 1000 руб., изъ которыхъ 400 руб. потрачено на масло зигирное, для освѣщенія галлереи, на арканы, торбы, на желѣзныя кирки (*митынъ*), на плетеныя носилки (*замборъ*) и на брусья для вѣнчаній колодцевъ.

По истинѣ изумительная дешевизна, недоступная конечно для другого способа подобныхъ работъ, такъ какъ стоимость однихъ рабочихъ, при поденной платѣ въ 20 коп., составляетъ уже 9000 рублей.

Зная также, что тотъ же Мулла-Каримъ, безъ всякаго денежнаго пособія отъ казны, 12 лѣтъ тому назадъ, реставрировалъ въ четырехъ верстахъ выше описаннаго подземнаго арыка еще другой карисъ, орошающій теперь 200 десятинъ земли Дашты-санги-марваръ, мы склонны допустить, что онъ вызывается на возстановленіе заброшеннаго арыка Кштудакъ, въ 40 верстахъ на востокъ отъ Пенджекента, съ полнымъ обдуманнымъ разсчетомъ, съ твердой увѣренностью въ успѣхѣ этого капитальнаго дѣла, для котораго онъ проситъ отъ казны только 1200 рублей.

Къ сожалѣнію, мотивомъ отказовъ на подобные просьбы туземцевъ служило до сего времени не столько отсутствіе средствъ на ирригаціонныя работы, сколько невозможность дать снова орошеніе заброшеннымъ долинамъ, напримѣръ, Дашты-казы, Дашты-гузаръ и Дашты-рабать-хожа, безъ чувствительнаго ущерба въ водѣ для Бухары.

Конечно, это совершенно послѣдовательно вытекаетъ изъ характера современнаго пользованія водою для поливки пашень, по которому $^5/_8$ приблизительно [1]) всего орошенія затрачивается съ крайней небрежностью на поливку рисовыхъ плантацій округа. Но съ приведеніемъ въ извѣстность, какъ предполагается кажется, общаго количества потребленія воды рисовыми полями, съ сокращеніемъ этого рода запашекъ хотя на $^2/_5$ остатокъ орошенія можетъ быть смѣло пущенъ на обработку всѣхъ пустырей, перечисленныхъ подробно въ № 51 Турк. Вѣд. за 1876 годъ.

Намъ кажется, что такое именно строго правильное пользованіе водою, съ ограниченіемъ по возможности обработки рису, и должно предшествовать всѣмъ проектамъ сооруженія

[1]) О кубическихъ футахъ воды туземцы не имѣютъ представленія.

для цѣлей ирригаціи цистернъ, въ родѣ Меридова озера. Иначе, пока будемъ разговаривать объ этомъ грандіозномъ проектѣ, Бухара подъ дѣйствіемъ засухъ и песковъ окончательно обратится въ пустыню.

Никто разумѣется не станетъ возражать, что мысль поддержанія ирригаціи запрудами водныхъ источниковъ на время зимы—мысль колоссальнаа, почтенная; но когда она ограничивается одними разговорами, разгадываніемъ только въ кабинетѣ о томъ, гдѣ такую запруду устроить — мечта останется мечтою.

Зная достовѣрно, что всѣ размышленія объ устройствѣ большого резервуара, для цѣлей усиленія орошенія Зеравшанской долины, сталкивались до сихъ поръ съ капитальнымъ вопросомъ—гдѣ то естественное ложе въ бассейнѣ Зеравшана, которымъ можно было бы воспользоваться безъ особенно большихъ затратъ, мы, не вдаваясь въ подробные выводы, рѣшаемся отвѣтить, что это ложе—озеро есть Искандеръ-куль [1]).

Топографическое положеніе этой огромной котловины и ясно очерченная на скалистыхъ берегахъ окружная линія прежняго уровня поверхности воды Искандеръ-куля не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что озеро это было когда-то замкнутое. Съ другой стороны, нагроможденной валунами выходъ изъ сѣверной окружности озера значительной рѣки Искандеръ-дарьи [2]) ясно указываетъ, что пониженіе уровня озера есть прямое слѣдствіе совершившагося когда-то частнаго геологическаго переворота, давшаго ходъ изъ озера значительной массѣ воды.

Такіе признаки образованія рѣкъ въ горахъ, чрезъ прорваніе замкнутыхъ озеръ, замѣчаются еще на притокѣ Искандеръ-дарьи, рѣкѣ Пасрутъ [1]), прорвавшейся изъ огромной также котловины Кули-аллаутдинъ чрезъ скалистую тѣснину Танги-іобанъ.

Такъ распорядилась когда-то природа, чтобы вызвать быть можетъ искусство къ осуществленію на этихъ мѣстахъ задачъ, важныхъ для экономическаго развитія долины Зеравшана отъ Самарканда до береговъ Аму-дарьи.

Огромная площадь земли въ 21370 танаповъ или 5342 десятины, занимаемая хлѣбопашествомъ 62-хъ селеній Яны-казанъ-арыкской волости, пользуется такимъ орошеніемъ системы арыковъ Яны съ вѣтвью Вотакъ и арыка Казанъ съ вѣтвью Рахматъ-бабатъ, которое, какъ свидѣтельствуетъ намъ давнопрошлое, при малѣйше нерадивомъ досмотрѣ за головою арыковъ въ періодъ прибыли въ Зеравшанѣ воды, [2]) разрушаетъ всю эту систему, оставляя волость безъ всякаго орошенія. Производительность немалой части долины Зеравшана находится такимъ образомъ въ полной зависимости отъ количества труда и усилій, положенныхъ каждый годъ населеніемъ на поддержаніе нормальнаго уровня воды въ Яны и Казанъ-арыкахъ, что строго обусловливается характеромъ теченія Зеравшана, въ высшей степени непостояннымъ. То онъ несетъ массу воды подъ самымъ берегомъ конгломерата Рабатъ-хожа, и разбивая начальную плотину, отступаетъ отъ русла Яны-казанъ-арыковъ, то онъ переносится къ правому берегу и тогда приходится закладывать плотину на протяженіи двухъ верстъ противъ Парманъ-тюбе. Въ первомъ случаѣ всѣ усилія 460

[1]) Озеро Искандеръ-куль лежитъ въ южной части Фана, на высотѣ 6800 футовъ надъ уровнемъ моря и образуется стокомъ въ котловину водъ рѣчекъ Обикантатъ, Хожа-пешваръ, Кара-куль, Арчъ, Хазармишъ, Сара-тагъ и Санги-деваль. Окружность озера 9 верстъ, наибольшая глубина озера 40 сажень. Окружающія озеро крутыя высоты достигаютъ 3500 футовъ надъ его уровнемъ.

[2]) Искандеръ-дарья выходитъ изъ озера водопадомъ, течетъ 17 верстъ въ сѣверо-восточномъ направленіи до моста Пули-туркменъ, гдѣ соединяется съ р. Ягнобъ-дарья, принимающею отсюда названіе рѣки Фанъ. Среднее паденіе Искандеръ-дарьи 53,8 футовъ на версту.

[1]) Пасрутъ-дарья беретъ начало у Кштутскаго перевала (11640), принимаетъ съ сѣвера 11 ручейковъ, а съ юга 6 притоковъ и вливается въ Фанъ-дарью у крѣпости Сорвада, нѣсколько ниже впаденія Искандеръ-дарьи. Длина теченія Пасрута 24 версты.

[2]) Рѣка Зеравшанъ испытываетъ каждогодно 3 періодическихъ разлива: первый отъ половины марта до половины апрѣля, второй, самый сильный разливъ отъ таянія вѣчныхъ снѣговъ, когда вода подымается до 15 футовъ, начинается въ послѣднихъ числахъ мая и продолжается до половины іюня, и третій разливъ въ сентябрѣ.

рабочихъ [1]) въ теченіи 20—16 дней направляются къ удержанію головы арыковъ плотиной, въ 240 аршинъ длины, изъ хворосту, древесныхъ вѣтвей, рисовой соломы и камня, и прочисткѣ отъ наносовъ части русла въ 380 аршинъ, непосредственно слѣдующей за плотиной; во второмъ случаѣ требуется закладывать плотину, хотя и небольшой профили, но на значительномъ протяженіи, что требуетъ также не менѣе 300 рабочихъ на 6—8 дней и то же количество матеріала.

Если взять въ разсчетъ, что при непостоянствѣ теченія Зеравшана, часто перемѣняющаго свое русло, для удержанія плотинъ, для направленія воды въ Казанъ-арыкъ и для прочищенія арыковъ, волости приходится высылать 10 разъ въ годъ по 460 рабочихъ на 12 дней, то, суммируя затраты на эти гидравлическія работы труда и матеріала, получимъ за 55200 поденныхъ рабочихъ, по 20 коп. въ день, 11040 рублей [2]), за 9600 лошадей для своза древесныхъ вѣтвей съ доставкой 960 руб., за 400 сноповъ рисовой соломы 40 руб., а всего 12040 рублей, затрачиваемыхъ каждогодно волостью на поддержаніе ирригаціи, что составитъ по 10 руб. съ дома, или по 57 коп. съ танапа обработываемой земли. Цифра эта тѣмъ болѣе внушительная, что рабочимъ приходится отрываться отъ своего хозяйства въ самое дѣловое, страдное время, когда вольнымъ наймомъ не достать рабочаго за 30 коп. Кромѣ того, ранняя весенняя и поздняя осенняя работа въ водѣ, въ теченіи всего дня, разрушительно дѣйствуетъ на здоровье, а хозяйства лишаются на время и лошадей, высылаемыхъ на подвозку вѣтвей (*шахъ*), хвороста (*хосъ*) и соломы (*похолъ*).

При всемъ этомъ необходимость добывать хлѣбъ и переносливость гигантскаго труда, подъ давленіемъ особенно приказаній, обезпечиваетъ постоянную исправность этой причудливой ирригаціи изъ Зеравшана въ хорошо развитыхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ 2168 семействъ Яны-казанъ-арыкской волости.

[1]) По дѣйствующему издавно порядку, каждый собственникъ коша земли (48 танаповъ) обязанъ высылать одного рабочаго съ кетменемъ.

[2]) Беремъ среднія цифры, припоминая года, когда по 460 рабочихъ высылались 16—20 разъ въ году на 20—30 дней.

И только тяжелые года эпидемическихъ болѣзней, какъ холера 1871 года, да переселеніе хотя части туземцевъ на другія водныя системы, могутъ разрушительно подѣйствовать на ирригацію Яны-казанъ-арыка и не болѣе какъ въ два года обратить въ пустыню эту прекрасно воздѣланную садами, табачными и рисовыми плантаціями, немалую полосу земли.

Чтобы избавиться отъ такихъ совершенно возможныхъ случайностей, которыя стоили бы краю потери производительности въ 120000 руб. каждогодно, надо заблаговременно обезпечить систему Яны-казанъ-арыковъ устойчивою головной плотиной, хотя въ той части русла, которая проходитъ подъ берегомъ Рабатъ-хожа. Вопросъ о направленіи плотины, о профили ея, о матеріалѣ для сооруженія,—слишкомъ спеціаленъ для этой краткой замѣтки, имѣвшей только цѣлью выяснить стоимость и характеръ современныхъ работъ по ирригаціи въ западной части нагорныхъ тюменей; тѣмъ не менѣе я отмѣчу здѣсь тѣ мнѣнія, которыя мнѣ пришлось слышать по вопросу: изъ какого матеріала должна быть устроена плотина. Вопросъ этотъ въ такой же степени важенъ какъ и вопросъ о направленіи гидравлическихъ сооруженій, такъ какъ онъ затрогиваетъ цифры 260000 руб. maximum'а и 15000 р. minimum'а стоимости работъ.

Противъ мнѣнія однихъ о необходимости заложенія для системы Казанъ-арыка плотины изъ рижскаго цемента, на протяженіи пяти верстъ отъ Парманъ-тюбе, съ цѣлью привлечь къ лѣвому берегу рѣки большую массы воды Зеравшана для увеличенія притока воды какъ въ Казанъ-арыкъ, такъ и въ Аязъ-абатъ (Доргамъ)-арыкѣ, возражаютъ не безъ основанія, что такая плотина изъ привознаго цемента обойдется въ сотни тысячъ, не менѣе, чего населеніе ни подъ какимъ видомъ дать не можетъ; кромѣ того, отводъ воды Зеравшана къ лѣвому берегу можетъ при сильномъ половодьѣ поднять уровень

Яны и Казанъ-арыковъ до выступленія изъ береговъ и слѣдовательно до затопленія засѣянныхъ полей и селеній.

Возражающіе противъ цементной плотины пятиверстнаго протяженія собственно за дороговизну ея, безъ обсужденія технической стороны дѣла, предлагаютъ ограничиться заложеніемъ въ началѣ Казанъ-арыка, на правомъ берегу его, противъ Рабатъ-хожа, плотины на сваяхъ изъ тута, съ запущенными въ пазы арчевыми досками. Принимая протяженіе такой плотины въ 150 сажень, исчисляютъ для нея потребность 180 тутовыхъ столбовъ съ желѣзными башмаками, 5800 арчевыхъ досокъ, а всего съ постановкой—13000 рублей.

Проектъ этотъ, при обсужденіи его на мѣстѣ, встрѣтилъ небездоказательныя возраженія туземцевъ: что такая плотина неосуществима, такъ какъ, во первыхъ, при сильномъ паденіи воды въ этой части Казанъ-арыка [1]) столбы не устоятъ, будутъ подмыты, а во вторыхъ, и при условіи устойчивости столбовъ, плотина можетъ быть загромождена камнями и галькою до затруднительности потомъ расчистить ее для освобожденія русла арыка отъ наносовъ. Какъ первое возраженіе туземцевъ противъ отвода воды Зеравшана къ лѣвому берегу, такъ и второе, противъ деревянной плотины, нельзя безусловно игнорировать въ виду совершенной основательности доводовъ, выработанныхъ многолѣтними наблюденіями и практикою надъ устройствомъ плотинъ.

Туземцы говорятъ, что въ годы уклоненія всей массы воды къ правому берегу Зеравшана и слѣдовательно оставленія Яны-казанъ-арыкомъ своего начальнаго русла подъ берегомъ Рабатъ-хожа, для нихъ вдвое менѣе работы по отводу воды въ арыки посредствомъ заложенія одноверстной небольшой плотины, чѣмъ когда Зеравшанъ несетъ воду чрезъ пороги (*нишибъ*) подъ лѣвымъ берегомъ, гдѣ образуются такіе промоины, что мѣстами профили плотины даютъ $5^1/_2$ аршинъ заложенія и 6 аршинъ высоты.

[1]) Нивеллировкой 1873 года опредѣлено паденіе въ 3 сажени на одну версту.

По мнѣнію туземцевъ, Яны-казанъ-арыкъ требуетъ устройства на правомъ берегу его, противъ Рабатъ-хожа, головной плотины такого типа (изъ вѣтвей, хворосту и камня), какой практикуется ими уже тысячи лѣтъ, но болѣе сильной профили и непремѣнно со шлюзами (*ништакъ*), которыхъ къ сожалѣнію они устраивать не умѣютъ, хотя и высказываются, что шлюзы должны быть сдѣланы такъ, какъ дѣлаются ворота, дабы сразу можно было отпирать ихъ и своевременно освобождать плотину отъ чрезмѣрнаго напора воды, составляющаго все бѣдствіе для ирригаціи Яны-казанъ-арыка.

Предоставляя спеціалистамъ разобрать эти недавно заявленныя намъ мнѣнія объ устройствѣ плотинъ на системѣ Яны-казанъ-арыка, мы не можемъ не выразить желанія, чтобы серьезный вопросъ этотъ: объ улучшеніи ирригаціи въ Зеравшанскомъ округѣ, озабочивающій теперь администрацію, былъ рѣшенъ на практикѣ возможно скорѣе и возможно цѣлесообразнѣе.

Надо имѣть въ виду, что кормилица Зеравшанскаго округа и Бухары, рѣка Зеравшанъ, причудливостью своего теченія, то развертывающагося въ небольшіе ручейки, то собирающагося въ одно срединное русло, вслѣдствіе недосмотра за ирригаціей, уже обратила въ безжизненную степь не мало культурныхъ земель и между ними—огромную полосу земли, тянущуюся отъ Рабатъ-хожа, на пенджекентско-самаркандскомъ трактѣ, за Джамъ, на протяженіи 130 верстъ.

Нѣкогда, какъ сказываютъ, 1200 лѣтъ тому назадъ, эта долина, орошавшаяся арыкомъ Манасъ, имѣла такую же роскошную культуру, какая существуетъ теперь въ долинѣ Міянкалъ [1]). О большихъ размѣрахъ заброшенной ирригаціи этой долины можно судить по тому, что даже чрезъ 1000 лѣтъ своего бездѣйствія арыкъ Монасъ сохранилъ профиль въ 7 аршинъ ширины и 6 аршинъ глубины. Начало его изъ лѣ-

[1]) Міянкаломъ или правильнѣе: Міянь-кани (въ переводѣ—средняя россыпь) считаютъ обработанную полосу земли, тянущуюся по обоимъ берегамъ Зеравшана, чрезъ Катта-курганъ до Кермине.

ваго берега Зеравшана, выше Яны-казанъ-арыка, между кишлаками Пенджекентской волости, Тигерманъ и Чукуръ. Огибая послѣдній кишлакъ съ востока и пересѣкая трактовую дорогу, слѣдъ арыка Монасъ поворачиваетъ на юго-западъ и въ такомъ направленіи проходитъ чрезъ кишлаки Ургутской волости, Гаибъ-ата и Бишъ-копа, гдѣ онъ теряется въ сгруппированномъ здѣсь землепашествѣ по системѣ горныхъ ручейковъ (*чашма-объ*): Чипъ-су, Гыждуванъ-су, Муминъ-абатъ-су и Гусъ-су.

Непрерывающійся на всемъ протяженіи хорошо обработанной сѣверной границы Ургутской волости, слѣдъ Монаса явственно сохранился также въ западной части Яны-казанъ-арыкской волости, гдѣ онъ представляется какъ бы низовьемъ арыка Казанъ.

Время первоначальнаго сооруженія, равно какъ и годъ разрушенія ирригаціи арыка Монасъ, никому неизвѣстны, такъ какъ никакихъ письменныхъ свѣдѣній о немъ не сохранилось. Поясняя, что арыкъ Монасъ былъ заброшенъ вслѣдствіе, какъ замѣтно и на мѣстѣ, значительнаго пониженія уровня воды лѣваго берега Зеравшана, туземцы разсказываютъ, что 25 лѣтъ тому назадъ пенджекентскій бекъ Мирза-Сабиръ, собравъ 600 человѣкъ узбековъ западной части бекства, поднялъ воду въ Монасѣ устройствомъ въ теченіи 35 дней дамбы на правомъ берегу южнаго рукава Зеравшана; но арыкъ дѣйствовалъ въ долинѣ (*даштъ*) Рабатъ-хожа всего двѣ недѣли. Независимый въ то время ургутскій бекъ Адиль-Парманачи просилъ эмира Насруллу воспретить пенджекентцамъ пользоваться для хлѣбопашества долиной Рабатъ-хожа, служившей ургутцамъ для пастьбы барановъ, и арыкъ Монасъ былъ брошенъ. Какъ бы ни было, поражающая теперь путника своей полной безжизненностью огромная долина въ 6000 десятинъ, простирающаяся отъ Яны-арыка на югъ и востокъ до предгорья Зеравшанскаго кряжа, была когда-то хорошо культивирована и густо населена, въ такой же вѣроятно степени, какъ и пастбищная теперь долина Джама, также орошавшаяся арыкомъ Монасъ. Считая приблизительно весь бассейнъ этого арыка, включительно съ долиной Джама, въ 260000 танаповъ земли и опредѣляя доходность одного танапа въ 6 руб., получаемъ потерю отъ непроизводительности этой долины въ 1560000 рублей.

А сколько еще наберется въ Зеравшанскомъ округѣ такихъ долинъ (*даштъ*), отжившихъ свой культурный вѣкъ!

По нагорнымъ тюменямъ мы отмѣтимъ также свѣдѣніе о заброшенной ирригаціи долины Гусаръ на лѣвомъ берегу и долины Дашты-казы на правомъ берегу Зеравшана.

Первая изъ этихъ равнинъ, превосходной тучной мергелевой почвы, тянется у подгорья Кштутско-магіянскихъ горъ Зеравшанскаго кряжа, полосою въ 26 верстъ длины и 8 верстъ ширины, начинающеюся отъ берега рѣки Кштутъ и замыкающеюся склономъ отроговъ Магіянскихъ горъ, за кишлакомъ Гусаръ. Въ глубокой древности эта населенная долина (теперь пастбищная степь) съ достаткомъ орошалась арыкомъ изъ лѣваго берега рѣки Кштутъ, впадающей въ Зеравшанъ. По какимъ причинамъ ирригація эта перестала дѣйствовать, куда исчезло земледѣльческое населеніе долины Гусаръ—ни книжные источники, ни народная память намъ не разъясняютъ этого. Можемъ догадываться только, что нахлынувшія въ тѣ времена въ долину Зеравшана орды кочевыхъ узбековъ вынудили земледѣльческій людъ укрыться въ горахъ Фальгара, Кштута, Фана, Матчи и Магіяна, гдѣ съ тѣхъ поръ и началась земледѣльческая жизнь, рядомъ съ которой въ низовьяхъ рѣки Кштута, на привольныхъ подгорныхъ мѣстахъ, осѣли со своими стадами узбеки колѣна Мингъ и Мангытъ, потомки коихъ остаются и теперь въ кишлакахъ Маргидаръ, Гусаръ, Турки-галвача и Зульфанбай.

Много позднѣе этого вторженія, всего 50 лѣтъ тому назадъ, предпріимчивый пенджекентскій таджикъ Халифа Хасанъ реставрировалъ этотъ безъимянный арыкъ, оросилъ прибрежье Кштута, положивъ начало кишлаку Тагоби-халкъ, но не надолго: независимый магіяно-кштутскій бекъ Аллаяръ-инаакъ,

поддерживая ходатайство узбековъ оставить дашты-Гусаръ для пастьбы скота, воспретилъ заниматься землепашествомъ на арыкѣ Халифа Хасанъ, и жители Тагоби-халкъ выселились обратно въ Кштутское ущелье (Тагоби), гдѣ составили кишлакъ Шашкетъ. Однако первая неудача эта, стоившая большихъ затратъ, не смутила Халифа Хасана, и чрезъ 20 лѣтъ онъ заложилъ въ той же долинѣ Гусаръ арыкъ изъ лѣваго берега Зеравшана. Арыкъ этотъ начинался выше кишлака Гусаръ подземнымъ каналомъ (*каризъ*), протяженіемъ 390 сажень, и орошалъ 800 танаповъ земли, разработанныхъ поселившимися здѣсь 50 семействами рода Туркъ колѣна Баласъ. Къ сожалѣнію, по смерти Халифа Хасана въ 1865 году [1]), въ холерную эпидемію, большинство жителей кишлака переселились въ Гиссаръ и теперь отъ этой осѣдлости остались на берегу Зеравшана, при началѣ заброшеннаго арыка, одни развалины. Съ тѣхъ поръ никто не пытался возстановить арыкъ Халифа-хасанъ-баласъ, хотя по мнѣнію знатоковъ-туземцевъ проведеніе этихъ арыковъ изъ Зеравшана и Кштута вполнѣ возможно и теперь.

Такимъ образомъ и степь Дашты-гусаръ, называемая иначе Чаръ-тутъ (4 тута), прокармливающая теперь стада узбековъ, ждетъ орошенія, которое могло бы поднять къ производительности 12000 танаповъ тучной земли.

О будущемъ долины Дашты-казы, тянущейся 5 верстъ по лѣвому берегу Зеравшана, отъ урочища Якъ-дарахъ на востокѣ до кишлака Дашты-казы на западѣ, и занимающей пространство въ 1500 танаповъ, мало можно сказать утѣшительнаго. Эта степь, когда-то густо населенная, орошалась арыкомъ, проведеннымъ по склонамъ горъ Туркестанскаго кряжа изъ рѣки Кштудакъ, впадающей въ Зеравшанъ. Проходя мѣстами рыхлыя горныя породы, арыкъ этотъ растрачивалъ на пути такое количество воды, что не удовлетворялъ всей потребности земледѣлія и былъ потому надолго заброшенъ. Но въ 1816 году урмитанскій правитель Абды-Шукуръ-бекъ заставилъ горцевъ Фальгара, терпѣвшихъ недостатокъ въ пахотной землѣ, возстановить арыкъ Кштудакъ, устройствомъ на водопроницаемыхъ мѣстахъ деревянныхъ желобовъ (*нау*). Фальгарцы недолго однако пользовались своими трудами. Бурныя распри между правителемъ Пенджекента и Урмитана, въ 1822 году положили конецъ существованію арыка Кштудакъ и съ тѣхъ поръ никто уже не пытался возстановлять его. Осмотръ въ прошломъ году пути этого арыка убѣдилъ въ невозможности воспользоваться имъ для орошенія Дашты-казы, такъ какъ сопровождающая его горная порода представляетъ во многихъ мѣстахъ такія разсѣлины и трещины, обойти которыя нельзя и желобами. Къ тому же осыпающійся съ крутыхъ покатостей мелкій щебень (*ризъ*) постоянно засыпаетъ арыкъ. Долинѣ Дашты-казы, въ 1500 танаповъ прибрежья Зеравшана, суждено такимъ образомъ остаться непроизводительною навсегда, и всякія попытки къ возстановленію арыка Кштудакъ могутъ повести только къ напраснымъ затратамъ большихъ денегъ и рабочей силы.

Вообще правый берегъ Зеравшана, выдающійся выше селенія Гарибакъ (противъ Пенджекента) своей рыхлой, водопроницаемой горной породой, не представляетъ удобствъ для проведенія арыковъ изъ обильныхъ здѣсь источниковъ. Такъ, арыкъ, выведенный 53 года тому назадъ изъ праваго берега рѣки Миндана, для орошенія прилежащей къ кишлаку Іори равнины Чокаранъ 3800 танаповъ, прослужилъ только два года и затѣмъ, при всѣхъ усиліяхъ Халифа Хасана поддержать его желобами, онъ кончилъ свою роль въ 1843 году, вѣроятно навсегда.

Для полнаго приблизительнаго опредѣленія размѣра площадей земли нагорныхъ тюменей, лишившихся искусственнаго орошенія по тѣмъ или другимъ причинамъ, остается сказать о другихъ лощинахъ, встрѣчающихся вверхъ по Зеравшану, въ горахъ Фальгара. Противъ Урмитана, на лѣвомъ берегу

[1]) Мы надѣемся сообщить въ скоромъ времени свѣдѣнія о жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго таджика, проведшаго 120 лѣтъ въ путешествіяхъ по разнымъ странамъ востока и умершаго въ Пенджекентѣ на 163 году отъ роду.

Зеравшана, Даштъ-аинъ (*аинъ*—слово арабское и значитъ *глазъ*) въ 120 танаповъ, была орошена впервые 28 лѣтъ тому назадъ изъ ручья Вошанъ и обрабатывалась 15 лѣтъ.. Со смертью урмитанца Мулла-Артыка, разработавшаго этотъ арыкъ, 12 лѣтъ тому назадъ, онъ совершенно брошенъ, по затруднительности поддерживать его. Прилегающая къ лѣвому берегу Зеравшана Дашты-варзъ въ 900 танаповъ, предшествующая кишлаку Варзиминоръ, была орошена 75 лѣтъ тому назадъ изъ рѣки Зироватъ фальгарскимъ правителемъ Абды-Шукуръ-бекомъ. Арыкъ этотъ дѣйствовалъ однако недолго, такъ какъ проведеніе его ослабило ирригацію кишлака Зироватъ, еще раньше заложившаго арыкъ на лѣвомъ берегу рѣки того же названія. Предъ кишлакомъ Засунь участокъ земли въ 50 танаповъ, орошенный впервые 40 лѣтъ тому назадъ арыкомъ Нугрокъ изъ рѣки Путхинъ, остается необработаннымъ 36 лѣтъ, вслѣдствіе открывшихся на днѣ арыка по склону горы трещинъ, поглощавшихъ всю воду.

Суммируя вышеприведенныя цифры показаній количества земли въ нагорномъ раіонѣ, лишившейся арычнаго орошенія, получимъ всего 42370 танаповъ или 10580 десятинъ, которые въ періодъ культурной жизни представляли производительность въ 22800 рублей. Изъ общаго количества такой земли 24000 танаповъ долины Рабатъ-хожа и 12000 танаповъ Дашты-Гусаръ, по мнѣнію свѣдущихъ туземцевъ, могли бы быть орошены и теперь.

Мы могли бы насчитать по верховьямъ Зеравшана еще до 10 небольшихъ, извѣстныхъ намъ въ верхнемъ Фальгарѣ и въ Матчѣ, земельныхъ участковъ, нѣкогда обработывавшихся арычнымъ орошеніемъ, прекратившимъ дѣйствіе по причинѣ разрушенія горныхъ породъ, которое серьезно угрожаетъ также будущему „Зеркала земли“ (Самарканду) съ его „срединной розсыпью“ долиной Міанъ-кони.

Тотъ же неудержимый законъ геологическихъ отложеній и перемѣщеній слоевъ, сдвинувшій на земномъ шарѣ не мало горныхъ массъ, скажется конечно и на Зеравшанѣ.

Прошлое постепеннаго развитія культуры въ долинѣ Зеравшана, по книжнымъ источникамъ остается неразъясненнымъ. Такія событія, какъ перемѣщеніе осѣдлостей съ одного обширнаго оазиса, лишившагося силъ къ земледѣльческой производительности, въ другой, поднятый къ жизни грандіознымъ искусственнымъ орошеніемъ, считались весьма обыкновенными и остались неотмѣченными даже тѣми мусульманскими лѣтописцами, которые съ полною обстоятельностью вели хронику кровавыхъ событій, измѣнявшихъ не только политическое положеніе страны, но часто и самый рельефъ отдѣльныхъ мѣстностей.

Мы напрасно стали бы искать поэтому въ разныхъ тарихи, матль-эсъ, содейнъ, шейбани-намахъ и др. книгахъ разъясненія вопросовъ о давности того или другого изъ капитальныхъ ирригаціонныхъ сооруженій, о причинахъ упадка земледѣльческой культуры въ разныхъ мѣстностяхъ и зависимаго перемѣщенія осѣдлостей изъ одного раіона въ другой.

Если путнику, во время разъѣздовъ его по долинѣ Міонъ-кони, представляются такимъ образомъ оголенныя отъ всякой древесной растительности даштъ—равнина—степь, онъ можетъ узнать приблизительно о ея прошломъ въ культурной жизни отнюдь не изъ книгъ, а прослѣдивши, хотя простымъ обозрѣніемъ, остатки существовавшихъ селеній, обозначающіеся рельефно отдѣльными возвышенными курганами, остатки арыковъ, удерживающихъ въ такихъ даштъ свои профили и чрезъ сотни лѣтъ.

Что такіе курганы, встрѣчающіеся въ долинѣ Зеравшана, и отдѣльными группами, и цѣпью тянущихся на равнинѣ бугровъ, ничто иное, какъ правдивые памятники существовавшихъ въ такихъ мѣстахъ кишлаковъ-осѣдлостей, это каждому легко провѣрить, всмотрѣвшись въ совершенный рельефъ равнины, тянущейся у подножья горъ Зеравшанскаго кряжа, отъ селенія *Чукуръ-кишлакъ*, близъ лѣваго берега *Зеравшана*, по *пенджекентской* дорогѣ, чрезъ *Кара-тюбе* на шахрисябской дорогѣ, за *Джамъ* до *Карши* и далѣе.

На этой равнинѣ, непосредственно обозначающейся своимъ степнымъ характеромъ за *Даргамомъ* и имѣющей въ длину до 300 верстъ, а въ поперечникѣ до 40 верстъ, тянутся непрерывной цѣпью группы кургановъ, характеризующихъ всю эту громадную площадь земли въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, какъ отжившую свой производительный періодъ вслѣдствіе причинъ, которыя и теперь представляются полнѣйшей, весьма интересной загадкой.

По всему трехсотверстному протяженію этой степной равнины, отъ *Тигерманъ*-кишлака на востокѣ, близъ Пенджекента, до селенія *Касанъ* въ Каршинскомъ бекствѣ, на юго-западѣ, можно прослѣдить со всею наглядностью дѣйствіе когда-то огромнаго арыка такой же профили какъ *Даргамъ*, или какъ ташкентскій *Боссу*. Арыкъ этотъ, одними называемый Монасъ, другими — *Кафиръ-арыкъ*, а нѣкоторыми — *Масъ-арыкъ* (шальной арыкъ), начинался, какъ намъ удалось прослѣдить, тонелью въ скалистомъ берегу Зеравшана, ниже селенія *Чукург*-кишлакъ, прорывался, пройдя шесть сотъ саженъ закрытаго пути, на поверхность вышеописанной равнины съ глинисто-песчаной почвой и несъ огромное, очевидно, количество воды за Карши.

Несомнѣнно, по тѣмъ признакамъ пониженія мѣстности въ раіонѣ кургановъ, которыми характеризуется въ здѣшней полосѣ продолжительность обработки почвы, что арыкъ Монасъ, оставившій чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ наглядную профиль даже боковыхъ оросительныхъ каналовъ, дѣйствовалъ на всемъ пространствѣ древней *Трансоксаніи* не одно столѣтіе.

Несомнѣнно, по встрѣчающимся остаткамъ корней виноградной лозы, что въ древности на всемъ пути теченія названнаго арыка существовала такая же богатая разнообразіемъ земледѣльческая культура, какая характеризуетъ долину *Монъ-кони* и теперь. Тѣмъ важнѣе представляется и вопросъ, куда, вслѣдствіе какихъ причинъ политическихъ, или же простого ослабленія дѣйствія ирригаціи, перемѣстились всѣ эти

десятки тысячъ осѣдлостей съ населеніемъ, бо́льшимъ навѣрное населенія Зеравшанскаго округа.

Къ сожалѣнію, какъ замѣчено и выше, никакіе книжные источники не разъясняютъ даже намекомъ этихъ и другихъ вопросовъ о прошломъ *Дашт-монасъ*, какъ слѣдуетъ называть описанную подгорную равнину, и только достовѣрное преданіе называетъ нѣкоторыя изъ бывшихъ здѣсь осѣдлостей тѣми именами *Нойза*, *Каракчи*, *Найманъ*, *Ханъ-чарбокъ*, которыя позволяютъ заключить, что въ отдаленный періодъ культурной жизни этой части долины Зеравшана въ ней проживало населеніе тюркской расы. Какъ это обстоятельство, такъ равно и близкое сосѣдство съ остатками названныхъ узбекскихъ осѣдлостей загородныхъ садовъ эмира *Тимура* (Тамерланъ) позволяетъ заключить, что въ описываемой мѣстности, ограниченной Даргамомъ на сѣверѣ и хребтомъ горъ Зеравшанскаго кряжа на югѣ, арыкъ Монасъ прекратилъ свое дѣйствіе нѣсколько позже эпохи *Тимуридовъ* (1500 г.).

Для рѣшенія хотя приблизительно вопроса о томъ, было ли перемѣщеніе населенія слѣдствіемъ паденія земледѣльческой культуры въ этой полосѣ лѣваго берега Зеравшана, или же оно вызвано было безпрерывными войнами того времени, надо вспомнить и событія исторіи послѣ Тимура, и ходъ развитія въ тотъ періодъ земледѣльческой производительности въ другихъ частяхъ Зеравшанской долины, насколько онъ обозначился значительными ирригаціонными сооруженіями.

По малочисленности еще данныхъ, мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, возможности разъяснить теперь хотя приблизительно постепенный и послѣдовательный ходъ развитія культуры въ долинѣ Зеравшана, послѣдовательное развитіе ирригаціи въ этой долинѣ, а должны ограничиться пока простымъ перечисленіемъ главныхъ оросительныхъ каналовъ Зеравшанскаго округа.

Какъ извѣстно каждому, главную оросительную артерію долины Міонъ-кони составляетъ рѣка Зеравшанъ, древній *Согдг*, берущая начало въ ледникахъ горнаго кряжа на высотѣ 8000

фут. надъ уровнемъ океана. Кромѣ множества мелкихъ арыковъ, выпускаемыхъ рѣкой-золотоноской до окончательнаго вступленія ея въ долину на меридіанѣ *Джизака*, Зеравшанъ, не доходя магистральнаго водораздѣла на *Акъ* и *Кара*-дарью у подножья возвышенности *Чупанъ-ата*, вблизи г. Самарканда, выдѣляетъ слѣдующіе большіе оросительные каналы: Тюя-тартаръ, Тайлянъ, Бишъ-арыкъ, Ташъ-арыкъ, Янги-арыкъ, Кара-арыкъ, Артукъ, Мирза, Акъ-арыкъ, Токузъ,—всѣ вытекаютъ изъ праваго берега и орошаютъ земли девяти волостей съ населеніемъ 16000 дворовъ. Арыки Янги-казанъ, Даргамъ, Баги-заганъ, Рабатъ, Ярымъ-тукъ, Гаръ-гуша вытекаютъ изъ лѣваго берега и орошаютъ земли тѣхъ же девяти волостей. Отъ водораздѣла, близъ Самарканда, установленнаго въ давнопрошедшія времена искусственной простой туземной плотиной, Зеравшанъ несетъ воду до предѣловъ *Бухары* двумя значительными вѣтвями (Акъ—западная, Кара—восточная), огибающими островъ длиною 46 верстъ, шириною 30 верстъ, который помѣщаетъ богатое землепашество семи волостей самаркандскаго отдѣла съ населеніемъ 19000 дворовъ. О размѣрахъ поглощаемаго землепашествомъ этого острова арычнаго орошенія можно составить приблизительное представленіе принявъ въ соображеніе, что площадь земли въ 40000 десятинъ приблизительно подъ рисовой обработкой поливается слѣдующими большими арыками: изъ *Акъ-дарьи*: Курбанъ-абатъ, Шахабъ, Кошъ-курганъ, Пасъ, Янги, Джіанъ-бекъ, Кіятъ, Норъ-кисякъ, Кутуръ-булакъ, Кори, Чаука, Акъ-курганъ, Урастай, Янги-курганъ, Катаганъ; изъ *Кара-дарьи*: Форошъ, Дарья, Канга, Чаръ-джуй, Раватъ, Джой-дивана, Нагмаль, Ала-бердыкара, Ябу, Кара, Джамалыкъ, Ханъ и Атамъ-хожа. Мы назвали здѣсь только тѣ изъ главныхъ арыковъ ирригаціонной сѣти, которые орошаютъ собственно земли самаркандскаго отдѣла и, не перечисляя арыковъ другихъ административныхъ раіоновъ, сообщимъ относящіяся къ вопросу историческія свѣдѣнія.

По тѣснымъ рамкамъ настоящаго очерка, перечислять послѣдовательно, подробности историческаго прошлаго Самарканда и всей области Міонъ-кони, мы конечно не станемъ. Достаточно напомнить, что непосредственно послѣ смерти Тимура, царствованіе (1363—1405 г.) котораго считается самымъ счастливымъ для культуры Трансоксаніи, начинается бурный періодъ междоусобныхъ войнъ за наслѣдство Цезаря востока. Единственный сынъ Тимура, *Шахъ-Рухъ-мирза*, правившій въ Хорасанѣ, принужденъ былъ вести продолжительныя войны съ своими родственниками *Пиръ-Магомедомъ*, управлявшимъ Кабуломъ, *Султанъ-Халилемъ*, правителемъ Ташкента, и только къ концу царствованія своего (1446 г.) ему удалось соединить подъ свой скипетръ владѣнія отца, за исключеніемъ Сиріи и Арабистана. Преемнику Шахъ-Руха, Улугъ-бегу, не имѣвшему вовсе наклонности къ войнѣ, пришлось однако защищать свои владѣнія отъ мятежнаго *Абдыса-Тара*, который, управляя провинціей Балха, стремился подчинить своей власти всю Трансоксанію, чего и достигъ кратковременнымъ однако правленіемъ, послѣ открытаго убійства своего отца въ 1449 г. Послѣдніе годы *Трансоксаніи* подъ владычествомъ династіи *Тимуридовъ*, продолжавшемся всего одно столѣтіе, закончились войнами *Абдулъ-Сеида* и его сына *Султанъ-Ахмета* съ знаменитымъ *Баберъ-мирзою*, который перенесъ свое владычество изъ Ферганы сначала въ Бухару и позже въ Индію. Въ этотъ періодъ наиболѣе истребительною войною была борьба *Шейбани-хана* (1500 г.), родоначальника этой династіи, сначала съ Бабером, а затѣмъ съ персидскимъ шахомъ *Исмаиломъ*, завоевательныя стремленія котораго, послѣ одержанной побѣды при Мервѣ, едва были остановлены *Обейдула-ханомъ* (1512), которому удалось даже овладѣть *Мешхедомъ*.

Сорокалѣтнее царствованіе затѣмъ (1553—1597 г.) величайшаго изъ шейбанидовъ Абдулъ-хана, хотя и не дало странѣ полнаго спокойствія, но оставило прочный слѣдъ разработкою дорогъ, постройками цистернъ и общественныхъ зданій, развитіемъ торговли. Послѣ Шейбанидовъ выступаетъ на сцену

династія Аштарханидовъ (1597 — 1680 г.), все царствованіе которой прошло въ постоянныхъ войнахъ, то искателями трона между собою, то съ персами шаха Абаса, огромныя полчища котораго доходили до Самарканда и были прогнаны наконецъ (1611 г.) Иманкули-ханомъ, тридцативосьмилѣтнее правленіе котораго считается самымъ счастливымъ для края.

Въ 1737 году умираетъ насильственной смертью послѣдній изъ фамиліи аштарханидовъ, *Эбулфеизъ-ханъ*, и на политическую арену выступаетъ изъ племени *Мангытъ-Рахимъ-бій*, съ котораго начинается періодъ царствованія династіи *Мангытъ*, понынѣ управляющей Бухарою.

Всѣ эти потрясенія *Трансоксаніи* постоянными войнами слишкомъ четырехсотлѣтняго періода, безъ сомнѣнія задерживали культурное развитіе, нерѣдко сдвигали коренное населеніе, уступившее свои земли и осѣдлости пришлымъ завоевателямъ, но такая перетасовка элементовъ населенія не лишала все-таки страну тѣхъ установившихся размѣровъ земледѣльческой производительности, какими обусловливалось наличное существованіе осѣдлостей съ ихъ населеніемъ. Можно считать такимъ образомъ, что войны имѣли упраздняющее вліяніе только на тѣ осѣдлости, которыя по какимъ-либо причинамъ не имѣли выгодныхъ естественныхъ условій для своего дальнѣйшаго существованія. Тѣ же города и селенія, которыя удержали доставленныя имъ природой и отчасти искусствомъ рукъ человѣка условія для земледѣльческой или торговой промышленности, продолжали свою хотя и незавидную жизнь, несмотря на самыя разрушительныя бури войнъ. Иначе и нельзя объяснить совершенное исчезновеніе однихъ древнихъ осѣдлостей, какъ Джендъ, Ашнасъ, Езкендъ, Сигнакъ, Товаисъ, Бейкендъ [1]), и твердую стойкость отъ всякихъ невзгодъ въ другихъ, какъ Самаркандъ, Дагбитъ, Челекъ, Пенджекентъ и проч., просуществовавшихъ уже нѣсколько тысячелѣтій подъ тѣми же тяжелыми испытаніями войнъ расовыхъ,

[1]) Остатки этихъ значительныхъ когда-то городовъ на сѣверо-западѣ отъ Бухары видны и теперь.

религіозныхъ и династическихъ, какія извѣстны всей долинѣ Зеравшана. Относительно вліянія войнъ вообще на культуру страны можно отмѣтить также, что оно было сильно, гибельно въ Трансоксаніи въ періодъ отъ вторженія *арабовъ* (666—714) включительно съ нашествіемъ *Чингизъ-хана* (1218) до окончательнаго изгнанія калмыковъ и воцаренія *Тимура* (1363), при которомъ, какъ и въ періодъ царствованія послѣдующихъ династій Тимуридовъ (1405 — 1500), Шейбанидовъ (1500—1597), Аштарханидовъ (1597 — 1680), культурное развитіе шло если и не особенно быстро, подъ вліяніемъ естественныхъ природныхъ условій, то и не регрессивно.

Можно отмѣтить напротивъ, что Самаркандъ обязанъ своими памятниками лучшихъ медрессе, своими окрестными прекрасными садами эпохѣ Тимура, какъ часть долины Зеравшана, вмѣщающая раіоны *Кабутскій*, *Ширазскій*, обязана своимъ плодородіемъ эпохѣ царствованія *Мирза-Улугъ-бека*, внука *Тимура*, украсившаго Самаркандъ обсерваторіей и обогатившаго *Трансоксанію* капитальными ирригаціонными сооруженіями, орошающими въ данное время каналами *Мирза-арыкъ* площадь земли въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ. Тоже самое можно сказать и объ эпохѣ царствованія *Абдулла-хана* изъ династіи Шейбанидовъ, много положившаго заботъ на проведеніе дорогъ, устройство цистернъ на всѣхъ караванныхъ путяхъ, на сооруженіе канала *Тюя-тартаръ*, который несъ когда-то воду лѣваго берега Зеравшана за Джизакъ, а теперь ограничиваетъ свое оросительное дѣйствіе семидесятиверстнымъ теченіемъ до селенія *Куяубашъ* близъ Челека.

Отмѣтивъ такимъ образомъ изъ совершенно точныхъ данныхъ (преданіе и надпись на плитѣ, открытой въ развалинахъ древняго кладбища на берегу Тюя-тартара) время проведенія арыка *Тюя-тартаръ* періодомъ 1575—1597 годовъ,—взявъ въ соображеніе, что голова этого канала въ лѣвомъ берегу Зеравшана, близъ селенія *Хурьми*, лежитъ выше на 5 верстъ головной части тонели арыка *Монасъ*,—можно заключить, что этотъ послѣдній арыкъ прекратилъ свое дѣйствіе, уступивъ

равное количество воды арыку *Тюя-тартаръ*, орошавшему еще 80 лѣтъ назадъ такую же площадь земли, какую орошалъ и Монасъ. Отмѣтивъ выше, что внѣшнія причины войнъ и неурядицъ періода послѣ изгнанія изъ Трансоксаніи монголовъ оказывали весьма слабое вліяніе на упадокъ культуры и смѣны однѣми осѣдлостями другихъ, скажемъ, что и занимающее насъ явленіе упраздненія однихъ ирригаціонныхъ системъ (Монасъ, низовье Тюя-тиртара въ Джизакѣ и мн. др.) и возникновенія другихъ на мѣсто первыхъ слѣдуетъ объяснять вліяніемъ только естественныхъ разнообразныхъ причинъ, выставляемыхъ самою природою и, отчасти, условіями земледѣльческаго хозяйства. Такъ, прослѣдивши въ головной части путь теченія нѣкоторыхъ заброшенныхъ большихъ арыковъ, не трудно усмотрѣть, что они покончили свое дѣйствіе и уступили воду другимъ или вслѣдствіе чрезвычайнаго пониженія русла своего, или же вслѣдствіе прорыва во многихъ мѣстахъ береговъ, дававшаго совершенно другое направленіе ирригаціи. Первое явленіе мы замѣчаемъ между прочимъ и на арыкѣ *Монасъ*, второе, рядомъ съ чрезвычайнымъ пониженіемъ русла, особенно замѣтно обозначилось на арыкѣ *Даргамъ*, прорѣзывающемъ на 8 верстъ сѣвернѣе арыка Монасъ ту же глинистопесчаную почву, которая сгубила и этотъ послѣдній арыкъ съ его многочисленными поселеніями. Замѣчая въ частныхъ случаяхъ на боковыхъ вѣтвяхъ *Даргама* (ар. Чандаръ, Арабъ-хана въ Даульской волости), какими усиліями проводится на поверхность вода названнаго арыка, имѣющаго высоту береговъ въ среднемъ теченіи до двѣнадцати сажень, оцѣнивая гигантскіе труды населенія двухъ волостей по укрѣпленію каждогодно береговъ Даргама, гдѣ они, противъ селенія *Міонъ-кау*, дали промоины (Толли-углопъ), измѣняющія совершенно положеніе этой системы орошенія, можно предсказать, что осѣдлости волостей *Даульской*, *Ангарской*, тянущіяся по обоимъ берегамъ средняго и нижняго теченія Даргама, чрезъ два-три десятка лѣтъ постигнетъ судьба осѣдлостей смежной Дашты-монасъ.

Признаки близкаго осуществленія опасеній населенія за будущее ирригаціи *Даргама* сказываются наглядно уже и теперь на той части *Ангара* въ низовьи названнаго арыка, начиная отъ селенія *Читъ-арыкъ*, которая, поддерживаясь одними колодцами, годъ отъ года уступаетъ свою древесно-растительную опояску непощадной засухѣ, годъ отъ года сокращаетъ запашки, свсдя сложный сѣвооборотъ озимыхъ посѣвовъ къ простой обработкѣ ярового съ прибавкою *ду-новша*, т.-е. яровой пшеницы, обрабатываемой съ поливкою.

Общій характеръ этой части Міонъ-каля, по Даргаму называемой теперь *Иски-Ангаръ* [1]) (старый заброшенный Ангаръ), крайне безотрадный своею пустынностью, своимъ отпечаткомъ безсилія борьбы культуры съ естественнымъ бичемъ ирригаціоннымъ—безводьемъ.

Тѣмъ обиднѣе представляется наблюдателю это явленіе вымиранія растительной природы и жизни вообще, что онъ видитъ въ немъ не только на Ангарѣ, но и въ другихъ мѣстахъ результатъ оскудѣнія ирригаціи низовьевъ оросительныхъ системъ отъ такихъ причинъ, борьба съ которыми кажется вполнѣ возможною.

Здѣшнему населенію, преобладающей узбекской, сравнительно примитивной расы, никогда не была извѣстна та строгая, освященная давностью опредѣленность правъ пользованія для орошенія полей арычною водою, какая практикуется, напримѣръ, безъ малѣйшихъ уклоновъ, въ оазисахъ маловодныхъ, какъ *Туркестанъ*, *Джизакъ*, *Ура тюбе*, *Ауліэ-ата*.

Въ этихъ и сопредѣльныхъ съ ними осѣдлостяхъ густого населенія порядокъ пользованія орошеніемъ настолько точный, настолько правильно выработанный, не силою канцелярскихъ требованій, разумѣется, а цѣлою сложностью разнообразныхъ факторовъ, изслѣдованіемъ которыхъ надлежало бы заняться, что арычная вода обходитъ каждый участокъ и въ сложности

[1]) Надо догадываться, что Ангаръ, какъ Ширазъ, Кабутъ, получилъ свое названіе со временъ Тимура, который далъ эти имена долинѣ Міонъ-каля въ память нанесеннаго имъ въ 1402 году пораженія султану Баязеду на равнинѣ Ангара, въ Малой Азіи.

десятки тысячъ десятинъ обрабатываемой земли съ замѣчательною точностью, соблюденіе которой не требуетъ ни ирригаторовъ, ни подталкивателей, а выполняется силою взаимнаго уваженія чужихъ правъ, замѣтнаго для каждаго въ туркестанской земледѣльческой общинѣ. Только этотъ конкретный стимулъ и можетъ удерживать, успѣшнѣе всякихъ инструкцій и устрашеній, такой скрупулезно точный порядокъ пользованія орошеніемъ, какой дѣйствуетъ въ оазисахъ густого населенія съ малыми водными источниками (Ура-тюбе, Нурата). Въ этихъ и подходящихъ къ нимъ бѣдностью орошенія оазисахъ, пользованіе арычною поливкою доведено исконными внутренними хозяйственными распорядками до такой правильности, что въ сезонъ обработки полей и садовъ ни одно ведро арычной воды не растрачивается непроизводительно, не уходитъ безвременно за предѣлы своего питающагося ею раіона, а совершаетъ въ немъ свой путь посѣщеніемъ каждаго участка въ соотвѣтствующій, установленный весеннимъ жребіемъ часъ. Въ такихъ мѣстахъ эта ирригаціонная аккуратность установила въ земледѣльческихъ обществахъ и соотвѣтствующій взаимный контроль пользованія, выражаемый терминами *биръ-су* — одна вода, *ярымъ-су* — полъ-воды, *черикъ-су* — четверть воды, *нимча-су* — одна восьмая воды. Такимъ образомъ, подъ выраженіемъ земледѣльца уратюбинца, напримѣръ: „у меня имѣется одна вода (биръ-су) слѣдуетъ разумѣть право этого собственника на пользованіе въ очередь чрезъ 15—20 дней, смотря по количеству собственниковъ-земледѣльцевъ, водою обыкновеннаго полевого арыка въ *теченіи однихъ сутокъ* (биръ-кича, биръ-кундузъ); *полъ-воды* составляетъ право поливки отъ восхода лѣтняго солнца до 5 часовъ пополудни (намазъ-дигеръ); *четверть воды* составляетъ поливку отъ восхода солнца до 12 часовъ (пишинъ); *восьмая воды* — трехчасовая поливка отъ восхода солнца. Право каждаго собственника извѣстной общины на пользованіе тѣмъ или другимъ количествомъ воды извѣстно однообщинникамъ: оно выражено тѣми же терминами биръ-су, ярымъ-су, въ завѣщательныхъ или въ купчихъ документахъ; оно и неоспоримо

иначе какъ въ порядкѣ судебнаго процесса. Оазисовъ такого своеобразнаго распорядка пользованія орошеніемъ встрѣчается въ Туркестанѣ не много, исключительно въ такихъ уѣздахъ, гдѣ при густотѣ населенія общее количество орошенія стоитъ въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи съ площадью всей обрабатываемой земли даннаго раіона. Въ силу условій полной зависимости земледѣльческаго производства отъ искусственнаго орошенія, въ такихъ раіонахъ обыкновенно право орошенія получаетъ такую цѣнность, что часто является совершенно самостоятельнымъ предметомъ купчей сдѣлки, отмѣчающей тогда въ хотъ-васика: отчуждается ли только биръ-су (одна вода), ярымъ-су, которая потребовалась быть можетъ для усиленія орошенія собственной земли покупщика, или же право орошенія уступается вмѣстѣ съ землею. Какъ первый, такъ и второй видъ отчужденія встрѣчается въ оазисахъ маловодья рядомъ съ временными—арендными отчужденіями одного только права орошенія. При этомъ замѣчается преобладаніе перваго вида отчужденія надъ вторымъ, какъ въ количествѣ случаевъ, такъ и въ размѣрахъ платы, доходящей какъ намъ извѣстно въ Уратюбинскомъ раіонѣ до 500 р. за суточное орошеніе (биръ-су) полнаго потомственнаго отчужденія. Размѣръ платы какъ за отчужденіе права на воду, такъ и поземельной, обусловливается конечно близостью отчуждаемой собственности къ городу и характеромъ земледѣльческой культуры даннаго раіона. Для полноты изложенія скажемъ еще, что очереди пользованія орошеніемъ изъ того или другого воднаго источника устанавливаются каждогодно въ февралѣ мѣсяцѣ, предъ открытіемъ посѣвовъ, и дѣйствуютъ до совершеннаго окончанія озимыхъ запашекъ, въ октябрѣ, когда въ поливкѣ полей, садовъ и виноградниковъ надобности не представляется. Для открытія очередей, въ условное время, составляются сельскіе сходы изъ всѣхъ наличныхъ собственниковъ орошенія, которые по истолкованіи аксакаломъ, какъ традиціоннымъ, а не казеннымъ выборнымъ старшиною, цѣли сходки, вынимаютъ изъ рѣшета помѣченныя палочки жребія, указывающаго — кому начинать

поливку и въ какомъ порядкѣ очереди стоятъ затѣмъ остальные землепащцы.

Если руководитель сходки—аксакалъ или заступающій его мѣсто одинъ изъ собственниковъ—пользуется уваженіемъ мѣстнаго населенія, вліяніемъ на него въ общественныхъ дѣлахъ, метаніе жребія оканчивается и скоро, въ нѣсколько часовъ, и безспорно, какъ въ опредѣленіи порядка очереди, такъ и въ присужденіи размѣра вознагражденія надсмотрщику за соблюденіемъ очередной поливки.

Обыкновенно вознагражденіе мирабу, надсмотрщику поливки, опредѣляется платою съ каждаго хирмана — вымолота или съ каждаго танапа садовъ. Если *мирабъ* исполняетъ свое дѣло усердно, добросовѣстно, общество расплачивается съ нимъ по уборкѣ хлѣбовъ аккуратно, безъ всякихъ напоминаній, безъ всякихъ оспариваній. Находясь въ такой зависимости отъ всего сельскаго общества, какъ условіемъ выбора открытымъ голосованіемъ, безъ всякаго къ счастію вмѣшательства властей, такъ и существеннымъ условіемъ полученія гонорара отъ самихъ земледѣльцевъ, каждый мирабъ несетъ свою обязанность съ отмѣннымъ усердіемъ. Совершенно обратное явленіе замѣчается тамъ, гдѣ мирабы обратились въ исполнителей приказаній чиновниковъ, гдѣ они назначаются разными „усмотрѣніями“. Такіе мирабы, потерявъ реальную связь съ тѣмъ обществомъ, къ которому они приставлены, дорожатъ естественно мнѣніемъ о нихъ „подлежащихъ“ властей, но не этого общества. Если сообразить затѣмъ, что подлежащая власть ирригаціи составляетъ органъ „управленія“ самостоятельный, не подчиненный ближайшей къ населенію власти административной, то и легко представить, чего стоитъ земледѣльческому классу избавиться отъ такого казеннаго мираба чрезъ „сношенія“ между собою подлежащихъ властей. Мы не стали бы заводить рѣчь объ этомъ предметѣ, если бы наблюденія внѣ Зеравшанскаго округа [1]) не привели насъ къ тому убѣжденію,

[1]) Мы съ особеннымъ удовольствіемъ обязательства отмѣчаемъ здѣсь наслушанную нами многократно признательность Бухарскаго и Зеравшанскаго населенія ирригатору Зеравшанскаго округа *З. Э. Жиженскому*, неутомимая дѣятельность котораго и правильный взглядъ на дѣло извѣстны всему краю.

что вторженіе приказовъ, казеннаго начала съ безконечнымъ бумагоистребленіемъ, съ аттрибутомъ формы и окладовъ, въ хозяйственные и прочіе распорядки сельскихъ обществъ, въ особенности въ дѣлѣ ирригаціи, приноситъ крайне слабые плоды, пріучая также населеніе къ автоматическому отношенію къ задачамъ самоуправленія.

Когда намъ приходилось говорить такими доводами опасеній, мы выслушивали отъ нѣкоторыхъ объясненія о неумѣлости туземцевъ въ дѣлѣ ирригаціи. Указывалось обыкновенно на отсутствіе у туземцевъ самаго элементарнаго представленія о нивеллировкѣ, на непроизводительную оттого въ частыхъ случаяхъ затрату силъ въ попыткахъ проведенія арыковъ тамъ, гдѣ „научный глазъ“ не допускаетъ возможности и думать о такой затѣѣ; говорилось о „несовершенствѣ“ рѣчныхъ и арычныхъ плотинъ, о преобладаніи вообще у туземцевъ въ дѣлѣ ирригаціи „инстинкта и опыта“, а не дѣйствительнаго знанія. Но я бы рекомендовалъ господамъ „спеціалистамъ“, отрѣшившись отъ ужасной болѣзни „административной гордости“, всмотрѣться въ положеніе ирригаціи въ горахъ верховьевъ Зеравшана, а затѣмъ отвѣтить на вопросъ: что же сдѣлано спеціалистами, не говоря въ горахъ, но въ долинѣ, гдѣ работа арыковъ технически проще, за все время управленія ими ирригаціей при помощи смѣтъ и широкихъ затратъ на ирригаціонный штатъ?

Можетъ быть этотъ вопросъ и встрѣтится когда-нибудь съ успокоительнымъ разъясненіемъ, а пока нашему наблюденію представлялось только слѣдующее: обильное словоизверженіе, размашистые проекты возможности осчастливить такой-то оазисъ, перебросивъ въ него чрезъ горные хребты, тонелью въ нѣсколько сотъ верстъ, „такую-то“ рѣчку,—проекты устройства цементныхъ плотинъ, стоимости, равной доходамъ всего Туркестанскаго края, попытки регулировать пользованіе водою повременными и крайне сомнительной достовѣрности

вычисленіями о количествѣ кубич. футовъ воды въ главной оросительной артеріи, неудавшіяся попытки устройства „постоянныхъ“ водомѣрительныхъ знаковъ, вовсе не дававшихъ показаній, и, наконецъ, унесенныхъ чрезъ 3—4 мѣсяца догадливой стихіей, неудавшіяся попытки устройства на счетъ зимнихъ и весеннихъ водныхъ стоковъ большого резервуара, названнаго однако туземцами *Курук-куль* (сухое озеро), потому что накопленная въ немъ вода продержалась только одну недѣлю и ушла затѣмъ въ подпочву аллювіальной горной породы. Предоставляя каждому дополнить эту лѣтопись фактическихъ неудачъ „спеціалистовъ“ воспоминаніемъ изъ личныхъ наблюденій въ краѣ, я задаюсь еще вопросомъ: гдѣ та искусственная ирригація въ *Самарской* и въ *Харьковской* губерніяхъ, надъ которою работалъ нѣсколько лѣтъ, съ большими затратами отъ земствъ, одинъ изъ туркестанскихъ спеціалистовъ горнаго, но не ирригаціоннаго дѣла?

Ни на одинъ изъ предложенныхъ вопросовъ отвѣта конечно не послѣдуетъ, потому что опровергать констатированные факты однихъ только дорого ставшихъ неудачъ невозможно, а доказывать благодѣтельное вліяніе на ирригацію канцелярскаго механизма и нарожденнаго имъ штата съ окладами, никто вѣроятно не рѣшится. Отъ нѣкоторыхъ защитниковъ системы досмотра за ирригаціей чрезъ спеціалистовъ-чиновниковъ намъ приходилось однако слышать, что подъ руководствомъ энергичнаго, добросовѣстнаго ирригатора-чиновника водоснабженіе можетъ идти правильнѣе, такъ какъ населеніе избавляется отъ тяжелой повинности платежа взятками мирабу за пропускъ воды,—повинности, такъ широко будтобы практиковавшейся въ мусульманское время. На такую одностороннюю аргументацію можно отвѣтить, что въ прежнее время мирабы окладовъ не получали и взятки подъ разными видами были легальной формою вознагражденія за труды и услуги какъ для нихъ, такъ и для каждаго, отъ бека до полицейскаго дагбаши (десятника). Въ первые годы занятія края русская администрація настолько этимъ поражалась, въ

особенности въ дѣлѣ податномъ, располагавшемъ къ воровству и взяточничеству, несовершенствомъ также и пріемовъ хераджной и закетной системъ, что мѣстами были даже попытки замѣны сборщиковъ податей туземцевъ-серкеровъ, амлякдаровъ, также русскими чиновниками и офицерами. Но уже одногодичный опытъ показалъ всю несостоятельность такой попытки, и возвращеніе къ тѣмъ же амлякдарамъ не только не ободрило ихъ этою неудачею къ злоупотребленіямъ, но время отъ времени, поступательно нашему изученію и края и народа, поставило ихъ въ условія невозможности злоупотреблять какимъ бы то ни было путемъ. Такъ было и съ мирабами, пока воспріимчивый къ хорошимъ началамъ туземецъ не уразумѣлъ, что онъ можетъ обороняться отъ разныхъ хапуновъ покровительствомъ русскихъ властей, русскихъ законовъ. Теперь проявленія злоупотребленій со стороны мирабовъ даже въ раіонахъ сложной ирригаціи (Ходжентъ, Уратюбе, Джизакъ), свободной пока отъ чиновничьяго досмотра, не замѣчается вовсе и водоснабженіе идетъ такъ стройно, правильно, безобидно, какъ и требуется. Оно иначе и быть не можетъ, потому что мирабы, выбранные обществомъ, получая опредѣленное вознагражденіе отъ него и становясь подъ контроль этого общества и властей, заинтересованы продолжительностью своей службы, а не временной подачкою, способною вызвать всякій разъ выборный сходъ для обсужденія проступка мираба и смѣны его. Въ параллель этому можно припомнить не мало случаевъ заявленія туземцами о злоупотребленіяхъ штатныхъ мирабовъ-надсмотрщиковъ,—случаевъ, остающихся часто не только не наказанными, но даже не разслѣдованными, въ особенности тамъ, гдѣ дѣло возбуждалось починомъ ближайшей къ населенію административной власти, имѣвшей непріятность стать въ „натянутыя отношенія“ къ власти ирригаціи.

Послѣ всего сказаннаго, какъ въ этой замѣткѣ, такъ и въ первой статьѣ, не имѣя ни малѣйшаго расположенія распространяться болѣе доводами и доказательствами необходимости оставить повсемѣстно населенію ихъ выборныхъ мирабовъ,

обязанныхъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ самому обществу, съумѣвшему устроить и правильно поддерживать ирригацію, безъ всякаго соглядатайства чиновниковъ, роль которыхъ въ дѣлѣ ирригаціи можетъ быть только техническая, мы должны сказать однако, что занимающій судьбы всей долины Зеравшана вопросъ правильнаго распредѣленія орошенія чрезъ регулированіе самимъ земледѣльческимъ обществомъ запашекъ— вопросъ сложный, вопросъ ищущій отвѣта правильнаго, безпристрастнаго для интересовъ всей долины Зеравшана, включительно съ ханствомъ Бухарскимъ.

Этотъ колоссальный вопросъ, взывающій къ народному голосу, къ знатокамъ дѣла всею сложностью очевидныхъ послѣдствій неравномѣрнаго пользованія орошеніемъ, конечно, сложнѣе трафаретной программы составленія „требованій“ на содержаніе мирабовъ, требованій наряда рабочихъ отъ населенія,—сложнѣе, безъ сомнѣнія, всякихъ смѣтъ на устройство дорогихъ водомѣрительныхъ знаковъ, смѣтъ на подрядное исправленіе плотинъ [1]),—но зато и результатъ правильнаго рѣшенія такого вопроса можетъ сказаться въ соотвѣтственной мѣрѣ капитальнымъ обогащеніемъ всей долины Зеравшана, чрезъ поднятіе на счетъ избытка орошенія къ производительной жизни нѣсколькихъ десятковъ тысячъ десятинъ степныхъ оголенныхъ даштъ.

Пожелаемъ же, чтобы этотъ вопросъ сталъ скорѣе въ очередь изученія и радикальной осторожной разработки [2]).

---

[1]) Да будетъ извѣстно всѣмъ отечественнымъ любителямъ подрядовъ, что Средняя Азія никогда не примѣняла ихъ къ дѣлу ирригаціи, не примѣняетъ и до нашихъ дней тамъ, гдѣ запахъ чиновника не распространился еще.

[2]) Съ крайнимъ удивленіемъ непониманія нуждъ туземнаго населенія, его свойствъ, мы встрѣчаемъ также и попытки нѣкоторыхъ гг. ирригаторовъ края передавать обязанности мирабовъ, бандъ-бановъ (надсмотрщиковъ за плотинами) безсрочно-отпускнымъ нижнимъ чинамъ. Только этого недоставало, чтобы въ конецъ исковеркать то грандіозное дѣло ирригаціи рукъ туземцевъ, которое началось, развилось, стройно поддерживалось безъ подталкиваній чиновниками, а силою практическихъ знаній, силою настойчивости и терпѣнія.

О МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ ПОЗНАНІЯХЪ ТУЗЕМЦЕВЪ [1]).

Извѣстно, что туземцы рѣшительно не имѣютъ никакого представленія о вліяніи разныхъ теллурическихъ условій на количество и на повторяемость дождей, не знаютъ теоріи о предсказаніяхъ погоды по склоненіямъ луны, незнакомы съ научными наблюденіями надъ распредѣленіемъ дождевыхъ дней по фазамъ луны такимъ образомъ, что наибольшее число дождей приходится на время отъ первой четверти до полной луны, а затѣмъ вліяніе луны уменьшается [2]), и т. п.

Туземцамъ невѣдома также классификація облаковъ; имъ неизвѣстны самые элементарные пріемы метеорологическихъ наблюденій надъ состояніемъ температуры воздуха, воды, надъ показаніями барометра, и проч.

Поэтому космическія воззрѣнія туземцевъ весьма скудны; по ихъ мнѣнію, вселенную (*дунія*) составляютъ земля, солнце, луна, небо съ большими и малыми звѣздами; земля въ два раза, а луна въ $1^1/_2$ раза менѣе солнца; земля представляетъ шаръ (*кури*), остающійся неподвижнымъ съ тѣхъ поръ, какъ Богъ нагромоздилъ на него горы, составляющіе такимъ образомъ приколъ (*казыкъ*) этого шара; солнце также неподвижно, но распространяетъ на землю свѣтъ и теплоту, оставленную тамъ Богомъ, чрезъ облака, которые обходятъ вмѣстѣ съ луною вокругъ солнца и земли по двѣнадцати колеямъ (*бурджа*);

---

[1]) Напечатано въ 1877 г.

[2]) Шюблеръ, Гаспаренъ, Гоуардъ.

оттого и бываетъ, что луна, очутившись позади земли, не свѣтитъ; затмѣніе же солнца посылается Аллахомъ за очень тяжкіе грѣхи людей.

О распредѣленіи на земномъ шарѣ суши и морей составляютъ представленіе бросая въ прудъ (*хаусъ*) тыкву: насколько тыква выдается изъ воды, столько на землѣ суши, остальное—моря: $^1/_4$ часть всей земли обитаема людьми (*рубій маскумъ*), а остальные $^3/_4$—пустынны (*джазифа*). Землетрясеніе производятъ ангелы (*малаика*), по приказанію Бога, за грѣхи людей; но ученые муллы допускаютъ однако, что оно бываетъ и вслѣдствіе стремленія подземныхъ испареній (*бухоротъ*) прорваться наружу; молнія (*чакмакакъ*) и громъ происходятъ отъ борьбы между собою облаковъ (*блудъ*); градъ (*джаля*) — явленіе необъяснимое.

И эту мудрость однако постигаютъ очень немногіе изъ туземцевъ, именно только тотъ классъ пытливыхъ людей, которые вопреки одной изъ суръ корана, дерзаютъ разбирать тайны міра, или самостоятельнымъ мышленіемъ, или по запрещеннымъ для мусульманъ книгамъ—*ильми-хикметъ*, *китаби-нуджумъ* (астрономія), встрѣчающимся въ Бухарѣ у нѣкоторыхъ муллъ какъ библіографическая рѣдкость, увернувшаяся отъ дозорнаго преслѣдованія раиса, казіевъ и прочаго сонма „блюстителей вѣры“.

Каждый почти городъ, каждое большое селеніе, каждый раіонъ кочевьевъ имѣетъ своего, не то метеоролога, не то астронома (у сартовъ—*хисапданъ*, у киргизовъ – *исыпчи*), который предсказываетъ погоду съ такой смѣлостью, какая внушается легковѣріемъ и суевѣрной податливостью однообщинниковъ.

У кочевниковъ, напримѣръ, интересующихся знать, къ какой зимѣ, суровой или легкой, они должны готовиться, исыпчи смѣло увѣряютъ въ непогрѣшимости ихъ метеорологическихъ предсказаній на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Обыкновенно исыпчи заботливо хранятъ въ тайнѣ секретъ предсказыванія погоды, и передаютъ эти знанія въ мужскую линію своего

потомства, отъ отца къ сыну. Вотъ отчего, и отчасти вслѣдствіе матеріальной обезпеченности, у кочевниковъ эта профессія имѣетъ мало адептовъ.

У сартовъ же, гдѣ познанія *хисапдана* (времяисчислителя) существенно необходимы для цѣлей религіозныхъ: правильнаго опредѣленія дней годовыхъ праздниковъ (рамазанъ, курбанъ, саиль), для точныхъ разсчетовъ землепашцами времени посѣва разныхъ хлѣбныхъ злаковъ, времяисчислители (они же бываютъ и предсказывателями погоды) встрѣчаются, кромѣ городовъ, почти въ каждомъ селеніи. Ихъ дѣятельность ограничивается точнымъ опредѣленіемъ по луннымъ склоненіямъ начала каждаго магометанскаго мѣсяца, наступленія праздниковъ, а предсказанія погоды основываются на заключеніяхъ стариковъ (*каряларъ*), выведенныхъ будто бы изъ долговременныхъ наблюденій.

Въ Пенджекентѣ, напримѣръ, можно услышать отъ хисапдановъ такую метеорологическую теорію: если въ послѣдніе часы мѣсяца сауръ (апрѣль), до полудня 9 мая по старому стилю, небо будетъ облачно, то надобно ожидать суровой, снѣжной зимы; если первые дни мая (*джауза*) дождливы, то будутъ дожди и въ ноябрѣ (*каузъ*), а въ противномъ случаѣ надо ожидать дождей въ началѣ октября (*окрапъ*). Если горячій вѣтеръ (*гармсиль*) начнется около 25 мая по старому стилю, то октябрь будетъ очень холодный; если же въ половинѣ октября разразится снѣгъ и холодъ, то надо ожидать очень многоснѣжной зимы.

По наблюденію пенджекентскихъ хисапдановъ, весеннему (въ мартѣ) дождю предшествуетъ западный (*кибла*) вѣтеръ; апрѣльскіе дожди предсказываются тучами на южной сторонѣ небосклона; молнія (*чакмакакъ*) и громъ (*мама-кулдракъ*) происходятъ отъ ударовъ плетью по облакамъ надсмотрщикомъ, ангеломъ Каркаилемъ; гроза никакихъ предсказаній не даетъ, а градъ (*джаля*) есть просто: „Алланы иберганъ офотъ“ (Богомъ посланная кара неба); *гармсиль* (горячій вѣтеръ), по общему заключенію прорывается въ Зеравшанскую долину изъ Голод-

ной степи, чрезъ ущелье Джеланъ-ута (въ Джизакскихъ горахъ), огибаетъ порою западные склоны Туркестанскаго кряжа на Зеравшанѣ и устремляется въ ущелья Фальгара, проникая также по пути въ боковыя горныя щели Магіяна и Кштута. Туманность горъ Фальгара въ маѣ и іюлѣ мѣсяцахъ служитъ, по наблюденіямъ туземцевъ, вѣрнымъ предсказаніемъ за нѣсколько дней впередъ движенія съ запада горячаго вѣтра, продолжительность котораго здѣсь не бываетъ болѣе трехъ порывовъ въ день, причемъ случается, что гармсиль дуетъ нѣсколько дней сряду, носится по вершинамъ горъ и это обозначается половодьемъ (*лойобъ*) Зеравшана, усиливающимся обыкновенно въ маѣ и августѣ мѣсяцахъ таяніемъ верхнихъ снѣговъ, подъ вліяніемъ жаркаго вѣтра.

Горцы Фальгара и Кштута замѣчаютъ еще, что сгущеніе облаковъ, наблюдаемое въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, предшествуетъ грозѣ (*раадъ*); что облака полосатыя (*алаблудъ*) или перистыя предвѣщаютъ въ апрѣлѣ дождь, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ — снѣгъ, что бездождная весна (съ 15 марта по 20 апрѣля) обѣщаетъ дожди въ іюнѣ, августѣ мѣсяцахъ и сильные, сухіе холода зимою.

Вотъ все, что можно услышать отъ зеравшанскихъ туземцевъ по части метеорологіи.

Если, оріентируясь по этимъ скуднымъ знаніямъ, основаннымъ на продолжительныхъ наблюденіяхъ, вы укажете хисапдану на какое-нибудь экстраординарное явленіе, какъ напр. утренникъ-морознякъ 1 мая (1875 г.), или крупный градъ въ теплый майскій вечеръ, то онъ, при очевидности доказательствъ на померзломъ винограде и побитомъ хлѣбѣ, не станетъ отвергать, что такія явленія случились, но скажетъ только, что „это—кара за грѣхи людей“. Больше никакихъ объясненій и не требуйте, чтобы не услышать искренняго признанія, съ воздыханіемъ, что познаніе міра вселенной (*дунія*) запрещено кораномъ, что за такое еретическое стремленіе шаріатъ назначаетъ тяжкое наказаніе, а общество считаетъ такихъ людей отверженными, неугодными мусульманству.

Таковы оковы, разобщающіе восточнаго человѣка съ міромъ разумности! Только школа и осмысленно-нравственное вліяніе на туземцевъ способны будутъ когда-нибудь извлечь этотъ младенческій народъ изъ умственнаго мрака на путь чистыхъ знаній, свободныхъ отъ вліянія религіи, суевѣрій и разныхъ фантастическихъ примѣсей.

Надо желать этого духовнаго обновленія туркестанскихъ туземцевъ, надо стремиться къ скорѣйшему выполненію его!

Только вліяніе русской школы и распространеніе истинныхъ знаній способно выполнить эту миссію надъ туземцами, погруженными въ невѣжество, мѣстами близкое къ фетишизму. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Матчи горцы умилостивляютъ природу къ ниспосланію снѣжной зимы, необходимой для того, чтобы озимая (*тиромаи*) пшеница (*гондумъ*) хорошо уродилась, слѣдующимъ дикимъ обычаемъ, аккуратно выполняемымъ каждогодно осенью, въ праздникъ рамазанъ: послѣ полдневнаго намаза, которымъ заканчивается мусульманскій 30-ти-дневный постъ, все населеніе кишлака прямо изъ мечети отправляется на площадь, куда выносятъ большое корыто (*корсанъ*), съ мѣшалкою изъ муки, называемой *атала*. Каждый изъ присутствующихъ, малые и большіе, долженъ попробовать пятерней это даровое угощеніе; затѣмъ толпа схватываетъ кого-нибудь изъ стариковъ, кладетъ его въ корыто, гдѣ онъ добровольно и лежитъ, пока эта оригинальная колыбель не будетъ раздавлена ногами всѣхъ присутствующихъ, умилостивляющихъ такою жертвою Аллаха.

Намъ не удалось пока выяснить, откуда и съ какихъ временъ забрался въ горы дикой Матчи этотъ странный обычай, не существующій у ближайшихъ ихъ сосѣдей, горцевъ Фильгара, Фана и Ягноба; но можно догадываться, что онъ есть грубое извращеніе установленія (угощенія бѣдныхъ), дѣйствующаго въ долинѣ. Въ Пенджекентѣ это дѣлается раза три въ годъ и имѣетъ цѣлью также умилостивленіе Аллаха къ ниспосланію дождя. Обыкновенно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, подъ впечатлѣніемъ бездождья, столь губительнаго для большинства посѣ-

вовъ, созыватели на молитву (*суфи*) всѣхъ мечетей города или селенія условливаются сдѣлать въ опредѣленный день угощеніе бѣднымъ. Извѣщенные объ этомъ прихожане мечети, отправляютъ добровольныя жертвованія деньгами, мукой, лепешками или овощами. Распорядитель покупаетъ припасы, приглашаетъ повара (*ошъ-пазъ*), приготовляетъ въ большомъ количествѣ пшеничную кашу съ мясомъ (*ходыса*) и въ назначенный часъ раздаетъ эту пищу чашками каждому прихожанину. Затѣмъ послѣ угощенія (*дарвишъ-ана*) молятся Богу о ниспосланіи дождя.

Отдѣльно дѣти до 11-ти-лѣтняго возраста, обнаживъ головы, умилостивляютъ Аллаха предъ каждымъ домомъ хоровою пѣснею:

„Янгуръ яксунъ
Сусь хатынъ.
Арпа пишсунъ
Сусь хатынъ.
Сіиръ ійсунъ
Сусь хатынъ".
Т.-е. въ переводѣ:
„Дождикъ иди,
Подай хозяйка.
Ячмень дозрѣвай,
Подай хозяйка.
Корова наѣдайся,
Подай хозяйка".

Каждый увѣренъ, что мольбы безгрѣшныхъ (*гунамзъ*) дѣтей будутъ услышаны Богомъ, высылаетъ такому разгуливающему по городу хору мальчиковъ, кто—одну чеку ($^1/_3$ коп.), кто—яичко, кто—лепешку, кто—горсть муки.

Въ осѣдлостяхъ Зеравшанской долины, во время продолжительной засухи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ практикуется также и такое средство умилостивленія Аллаха: мулла подвѣшиваетъ къ вѣтвямъ деревьевъ (обыкновенно на талѣ) *тумаръ*, т.-е. свертокъ молитвы, и безмолвно побрызгиваетъ на него *снизу* водою, по крайней мѣрѣ въ теченіе около получаса; это дѣлается въ увѣренности, что Богъ въ свою очередь окропитъ сверху дождемъ тумаръ, оставленный на деревѣ.

Конечно, эти и разныя другія умилостивленія Аллаха будутъ исполняться туземцами до тѣхъ поръ, пока представленіе туземцевъ о видимой природѣ и физическихъ явленіяхъ ея будутъ такими, каковы они теперь; пока архангелъ (*малаика*) *Каркаилъ* будетъ хлестать облака плеткой, чтобы вызвать молнію и громъ, пока радуга будетъ считаться *камони* (лукъ стрѣльчатый) *Хасанъ-Хусейнъ*. Въ цвѣтахъ радуги туземцы видятъ сочетаніе яда (зеленый цвѣтъ) съ кровью (красный цвѣтъ). Зеленый цвѣтъ — это ядъ, которымъ былъ отравленъ своею женою внукъ Магомета, Хасанъ, а красный цвѣтъ есть кровь второго внука пророка, Хусейна, убитаго Шибръ-Ляиномъ.

Къ сказанному о метеорологическихъ познаніяхъ туземцевъ-горцевъ, можно прибавить еще свѣдѣнія о наблюденіяхъ ихъ надъ вліяніемъ погоды на конечные результаты сельскохозяйственной дѣятельности даннаго года. Многоснѣжная зима (съ декабря по 15 февраля) считается земледѣльцами истиннымъ благодѣяніемъ, какъ покрывало (*курпе*) для озимыхъ посѣвовъ и источникъ лѣтняго половодья рѣкъ. Ранніе, весенніе (февраль и мартъ) дожди безусловно полезны для землепашества, но частые дожди въ первой половинѣ апрѣля неблагопріятны для злаковыхъ посѣвовъ на тучной, перегнойной почвѣ по берегамъ Зеравшана; отъ излишней сырости посѣвы эти подвергаются болѣзни, называемой *зерда* (родъ ржавчины).

Нераспознанная здѣсь еще болѣзнь эта, поражающая огромныя площади посѣвовъ ячменя и пшеницы, во время налива колоса, имѣетъ послѣдствіемъ окончательное истощеніе зерна. Каждый, кто пройдетъ по такой, зараженной пашнѣ, окрашивается оранжевымъ цвѣтомъ отъ пыли, спадающей съ больныхъ колосьевъ.

Разсмотренный нами въ лупу пораженный колосъ вмѣщалъ въ себѣ массу микроскопическихъ красныхъ, шестиногихъ насѣкомыхъ, вѣроятно и окрашивающихъ пораженное хлѣбное растеніе своими экскрементами. Несомнѣнно, что эти насѣкомыя высасываютъ зерно при наливѣ.

Не менѣе гибельно для густыхъ посѣвовъ пасмурное небо въ апрѣлѣ мѣсяцѣ: отъ недостатка солнечнаго свѣта (этіолированіе) клѣточки растенія вытягиваются, ткани дѣлаются мягкими и хлѣбъ полегаетъ тогда.

Дождевые ливни во второй половинѣ апрѣля крайне неблагопріятны для огородовъ, гряды которыхъ притоптываются до того, что всходы арбузовъ, дынь и овощей не пробиваются сквозь земляную, твердую кору.

Іюльскій дождь гибеленъ для дозрѣвающаго винограда, который лопается отъ него и быстро сгниваетъ.

Частые дожди въ послѣдней половинѣ сентября весьма неблагопріятны для дозрѣвающаго риса, который напитывается сыростью (*намъ*) и подъ пестомъ круподерни (*абджуазъ*) превращается въ муку. Гармъ-силь (горячій вѣтеръ) безусловно вреденъ для землепашества.

Такимъ образомъ много атмосферическихъ явленій, до самой почти жатвы, держатъ здѣшняго земледѣльца въ страхѣ за его урожай, опредѣляющійся только по обмолотѣ хлѣба. Поэтому задаваться съ февраля мѣсяца, какъ по заведенному порядку дѣлается, вопросами „о видахъ на урожай“, значитъ тратить напрасно бумагу и время и вводить себя въ обманъ въ такомъ важномъ для разныхъ цѣлей вопросѣ.

Много бѣдъ причиняетъ земледѣльцу этотъ гармъ-силь, сродственный аравійскому самуну, египетскому шамсину, южноевропейскимъ солоно (Испанія), сирокко (Италія) и фенъ (Альпы).

Не мало также причиняетъ бѣдствія для землепашцевъ такой безвременный градъ, какой разразился въ горахъ 5 мая. Этому, довольно рѣдкому здѣсь явленію, предшествовало нѣсколько вѣтряныхъ, облачныхъ дней, обѣщавшихъ, по наблюденіямъ, обильный дождь. Замѣчалось, что разорванныя съ вечера перистыя облака, опускались и собирались къ утру на южной сторонѣ небосклона въ облака кучевыя, въ видѣ коническихъ клубовъ, подымающихся на горизонтальномъ основаніи. Наконецъ, съ полдня 5-го числа, подъ дѣйствіемъ западнаго довольно сильнаго вѣтра, облака начали уплотняться,

перешли въ форму грозовыхъ облаковъ и, при неумолкавшемъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, въ $7^1/_4$ часовъ вечера, при температурѣ $+ 16^0$ R., разразились сильной грозой на юго-западѣ и градомъ, величиною съ голубиное яйцо, смѣнившемся чрезъ 6 минутъ легкимъ дождемъ.

Изъ разспросовъ оказалось, что грозовые осадки эти — градъ и дождь, прошли вечеромъ 5 мая полосами, начиная съ Ургута, гдѣ былъ только небольшой дождь, направившійся на сѣверъ чрезъ Яны-казанъ-арыкскую волость и повернувшій затѣмъ отъ Рабатъ-хожа на востокъ, по Зеравшанскому ущелью, чрезъ Пенджекентъ [1]). Здѣсь близость высокихъ горъ, при непрерывной грозѣ, способствовала превращенію дождя въ крупный градъ, тянувшійся полосою, въ 4 версты ширины и 40 верстъ длины, начиная отъ развалинъ селенія Рабатъ-хожа [2]) до селенія Іори. Одновременно былъ только слабый порывъ дождя въ селеніи Суджина, въ 7 верстахъ на востокъ отъ Пенджекента и въ одной верстѣ отъ южнаго края полосы града. Въ ближайшихъ же къ Пенджекенту горахъ, въ южныхъ селеніяхъ Зибанъ и Сауръ, прошла только гроза.

Дорого обошлось землепашцамъ нагорныхъ тюменей вообще, и Пенджекенту въ особенности, это необыкновенное здѣсь явленіе—градъ *(джаля)*, о которомъ самые умные мѣстные метеорологи могли только сказать, что это явленіе „Алланы иберганъ офотъ“ (Богомъ посланное наказаніе).

Немногіе русскіе дома въ Пенджекентѣ лишились 200 оконныхъ стеколъ. Озимые, злаковые посѣвы, фруктовые сады, виноградники, клеверъ сильно пострадали.

Захваченные полосою града уже налившіеся пшеница и ячмень, какъ будто срѣзаны во второй трети стебля серпомъ. Такіе посѣвные участки на нынѣшній годъ останутся совершенно бездоходными, такъ какъ не представляется возможности даже собрать солому, которая начинаетъ уже гнить.

---

[1]) Въ 22 верстахъ на востокъ отъ Пенджекента.

[2]) Двумя часами ранѣе пенджекентскаго града въ Самаркандѣ, въ западной части города, прошелъ сильный дождевой ливень.

Изъ посѣвовъ риса уцѣлѣли только тѣ, которые оставались еще подъ водою; ранніе же всходы, застигнутые открытыми, побиты градомъ до того, что пришлось снова ихъ подсѣвать.

Фруктовыя деревья (урюкъ, яблоки, груши, сливы, миндаль) и виноградники сильно порѣдѣли плодами.

Горе еще въ томъ, что вслѣдствіе поздняго времени невозможно теперь уже перепахать землю подъ рисъ, а при невыгодности обработать ихъ подъ дешевый тарыкъ (просо) или морковь, придется оставить поля подъ паромъ *(шудгаръ)* до осени. Тогда потерпѣвшіе земледѣльцы разсчитываютъ посѣять на этихъ земляхъ пшеницу.

ЗАМѢТКА О МОСТАХЪ НА ЗЕРАВШАНѢ [1]).

Въ Пенджекентскомъ раіонѣ, между кишлаками Суджина и Іоры, когда-то были устроены чрезъ рѣку Зеравшанъ три моста: бревенчатый-перекидной, каменный арочной системы Ду-пуля, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ перваго, и деревянный, накатной системы Туркменъ-пуля, въ 9-ти верстахъ выше второго. Всѣ три моста сооружены единичными средствами частныхъ лицъ, какъ бы въ жертву обществу, и даже говорятъ „худаи“, слѣдовательно изъ религіозно-филантропическихъ побужденій, и этими же жертвователями поддерживались.

Народная память говоритъ намъ, что мостъ бревенчатый выстроенъ 10 лѣтъ тому назадъ узбекомъ рода Туркъ, изъ кишлака Зульфанбай-джамои (на правомъ берегу Зеравшана) Зульфанбаемъ Нуровымъ; мостъ Ду-пуля сооруженъ 56 лѣтъ тому назадъ женой узбека рода Туркъ, Баба-бека, по имени Шарифа, изъ кишлака Зауронъ (на лѣвомъ берегу Зеравшана), и третій мостъ Туркменъ-пуля выстроенъ 20 лѣтъ тому назадъ жителемъ кишлака Дардаръ (въ верховьяхъ Зеравшана, на правомъ берегу) Шукурбаемъ Худай-Бердіевымъ. Съ пресѣченіемъ, лѣтъ 20 тому назадъ, прямыхъ потомковъ строительницы моста Ду-пуля, онъ никѣмъ не наблюдается и оттого, вслѣдствіе неремонтированія со временъ постройки, годъ отъ году приближается къ разрушенію. Уже въ настоящее время, отъ обрушенія лѣваго бока западнаго крыла этого моста, ѣзда

[1]) Напеч. 1875 г.

по немъ небезопасна и три года тому назадъ стоила жизни одному урмитанцу, упавшему въ Зеравшанъ вмѣстѣ съ ишакомъ.

Дальнѣйшее неремонтированіе этого моста повлечетъ чрезъ годъ совершенное его паденіе и мы лишимся дарового капитальнаго сооруженія, реставрація котораго путемъ инженерныхъ смѣтъ обойдется въ десятки тысячъ, никакъ не менѣе, а поддержаніе теперь, ремонтированіемъ посредствомъ туземныхъ мастеровъ, потребуетъ не болѣе 700 рублей и сохранитъ его еще на полвѣка.

О мостѣ Туркменъ-пули можно сказать еще менѣе утѣшительнаго: только торчащіе на обоихъ берегахъ Зеравшана громадные тополевые лежни свидѣтельствуютъ, что онъ когда-то существовалъ.

Постройка этого придаточнаго моста Туркменъ-пули вызвана, безъ сомнѣнія, прежде всего практически соображенной необходимостью обезпечить постоянную переправу чрезъ Зеравшанъ даже въ случаѣ ремонтировочныхъ работъ на Дупулѣ, или совершеннаго его разрушенія, а ближайшая цѣль сооруженія была открытіе скотопромышленникамъ кратчайшаго пути прогона барановъ съ пастьбъ одного берега на другой. Постройка магистральнаго моста Ду-пуля, хотя и исполненная частнымъ лицомъ, въ силу разумнаго безучастія правительства капиталомъ въ подобныхъ сооруженіяхъ, вызвана столько же экономическими, сколько и политическими соображеніями правительства эмира Гайдаръ-Сеида.

Мостъ этотъ необходимъ былъ и тогда, нуженъ и теперь, какъ для интересовъ сельско-хозяйственной промышленности, такъ и для укрѣпленія, чрезъ безпрепятственное сношеніе, связей съ нагорной стороной, которая иначе, при отсутствіи этого средства сообщенія, осталась бы совершенно изолированною отъ торговыхъ центровъ долины Зеравшана и по необходимости вошла бы сначала въ промышленное сношеніе, а затѣмъ и въ политическое сопряженіе съ торгово-административными центрами долины р. Сыръ-Дарьи: Ура-тюбе, Кокандомъ, Джизакомъ, чрезъ перевалы Аучинскій, Янги-собакскій и Санзарскій.

Въ наше время, если сношеніе населенія верховій Зеравшана съ долиной Сыръ-дарьи безразлично съ экономической стороны, то такія же промышленныя сношенія ихъ съ Каратегиномъ и Гиссаромъ, кромѣ того, что невыгодны для насъ въ меркантильномъ отношеніи, но и опасны въ политическомъ, какъ закрѣпляющія нежелательное тяготеніе этой окраины къ бухарскимъ провинціямъ, на постоянную дружбу которыхъ едва ли можно разсчитывать.

Прямой интересъ нашъ, слѣдовательно, обезпечить верховьямъ Зеравшана постоянное удобное сообщеніе съ Самаркандомъ, надѣляющимъ горцевъ русской мануфактурой и мѣстными произведеніями, въ обмѣнъ на закъ-квасцы, сѣру, а въ будущемъ вѣроятно и на каменный уголь, долженствующій со временемъ оживить экономически эту обездоленную окраину.

Въ виду того, что для горцевъ единственнымъ перевозочнымъ средствомъ служитъ и навсегда останется ишакъ, неспособный справляться при переправѣ съ теченіемъ глубокихъ и быстрыхъ рѣкъ, слѣдуетъ весь путь отъ Польдарака до Пенджекента обезпечить прочными, незатѣйливыми мостами (существующіе мосты — перекидной и накатной системы) и прежде всего реставрировать мостъ Туркменъ-пули, затѣмъ исправить Ду-пули и уже послѣ этого перенести работы по улучшенію пути за Урмитанъ. Все это можно и даже слѣдуетъ исполнить такъ, чтобы правительственное участіе было только наблюдательное; активное же, матеріальное содѣйствіе потребовать отъ народа, для интересовъ котораго производятся эти сооруженія, который свыкся исторически съ этой обязанностію до того, что породнилъ ее съ религіознымъ догматомъ и когда-то безъ понуканій строилъ мосты, цистерны и арыки также охотно, какъ и мечети. Ослабленіе этой благодѣтельной для народа и для правительства традиціи, утвердивъ въ населеніи ложное сознаніе права продавать намъ то, что немедленно къ нимъ же и возвращается, неизбѣжно по-

влечетъ за собою умышленное разрушеніе дорожныхъ, ирригаціонныхъ и другихъ сооруженій, изъ тѣхъ очень простыхъ разсчетовъ, чтобы при дополнительныхъ работахъ снова получить поденное вознагражденіе. Туземцы на этотъ счетъ смѣтливы и, при общей внимательности ко всѣмъ нашимъ распоряженіямъ, не замедлятъ воспользоваться средствомъ легкой наживы, лишь увидятъ возможность получить выгоды, оставаясь безнаказанными за совершенное преступленіе, которое не обнаружатъ тогда никакіе слѣдователи, если бы даже были поставлены мостовые будочники съ платою по 10 руб. въ мѣсяцъ. За доказательствами ходить не далеко: надо всмотрѣться только, какъ въ силу принятой въ началѣ системы разсадки по трактовымъ дорогамъ деревьевъ на отпускаемые каждогодно суммы, дѣло это подвигается медленно, и каждую весну приходится производить значительныя подсадки, по причинѣ истребленія деревьевъ частію умышленной порубкой, частію неполивкой, неуходомъ за молодняками изъ тѣхъ разсчетовъ, чтобы получить 5 коп. за таловый черенокъ, иногда просто выбрасываемый, и 20—30 коп. за поденщину. Наша щедрость въ этомъ случаѣ не можетъ быть названа благотворною, какъ отдаляющая искусственное облѣсеніе мѣстностей и деморализирующая все населеніе; да и къ чему она, когда туземцы свыклись уже и за наше время съ обязанностью отбыванія натуральной повинности, путемъ которой съ ничтожными денежными затратами въ 3—4 года обстроенъ такъ практично и благовидно весь Зеравшанскій округъ.

Денежное вмѣшательство наше въ дѣло устройства и поддержанія дорожныхъ и мостовыхъ сооруженій въ такихъ мѣстностяхъ, какъ участки Фанскій, Матчинскій, Фальгарскій и вообще верховья Зеравшана, можно назвать прямо гибельнымъ для горнаго населенія, такъ какъ въ концѣ-концевъ оставитъ ихъ совершенно безъ дорогъ, безъ мостовъ, а слѣдовательно и безъ хлѣба; намъ же это неумѣстное попеченіе будетъ обходиться каждогодно десятки тысячъ руб. (въ верхнемъ Зеравшанѣ всего 30 мостовъ) [1]), и столько же дознаній, донесеній о крушеніи „такого-то“ моста, „такого-то“ карниза *(пасхантая)*, „такого-то“ балкона. Прежніе правители хорошо сознавали необходимость оставленія за народомъ обязанности самопопеченія, и такіе дѣятели, какъ урмитанскій бекъ Коноатъ (1860 года) оставили въ народѣ добрую и прочную о себѣ память вовсе не денежнымъ участіемъ въ дѣлѣ сооруженія, напримѣръ, дороги въ Урмитанъ, въ обходъ труднаго подъема на Джанъ-чигаръ (душа вонъ), а распорядительностію, подвинувшею фальгарцевъ къ исполненію его плановъ. Для обезпеченія горцевъ дорогами отъ насъ требуется такимъ образомъ немного: каждогоднаго посѣщенія властями верховьевъ Зеравшана и неупустительнаго наблюденія за тѣмъ, чтобы горное населеніе отбывало наряды по исправленію дорогъ, мостовъ, карнизовъ тѣмъ же порядкомъ, по путевымъ участкамъ, какимъ исполняли они это дѣло всегда и прежде; затѣмъ непремѣнно потребовать отъ горцевъ разсадки тополей (въ верховьяхъ Зеравшана хорошо растетъ пирамидальный тополь) повсюду, гдѣ позволяетъ достатокъ воды и мѣстность, такъ какъ тополь составляетъ тамъ единственный строительный матеріалъ, особенно обильно истребляемый мостовыми сооруженіями. Поддержаніе же въ народѣ такой благодѣтельной старины, какъ сооруженіе частными жертвователями дорожныхъ участковъ, мостовъ, карнизовъ съ благотворительными разсчетами, для насъ положительно обязательно, какъ надежное ручательство за исправность тѣхъ путевыхъ сообщеній. Наша роль въ этомъ случаѣ должна быть наблюдательно-наставительная, безъ малѣйшей попытки къ поощренію такихъ благотворителей халатами и проч., а тѣмъ паче денежно,

[1]) Мосты эти слѣдующіе: Урмитанъ 2 м., Хойработъ 1 м., Дордоръ 1 м., Хишкентъ 1 м., Варзиминоръ 1 м., на Фанской дорогѣ 1 м., Сангистанъ 1 м., Зосунь 1 м., Рарзь 2 м., Пахутъ 1 м., Шоботки 2 м., Вишобъ 1 м., Самтичь 1 м., Фатьма 1 м., Томинь 1 м., Гузарибатъ 1 м.; всего въ Фальгарскомъ участкѣ 19 мостовъ. Матчинскіе мосты: Обурданъ 1 м., Комодонъ 1, Пастигау 1 м., Хозршааръ 1 м., Рогифъ 1 м., Римаутъ 1 м., Пудгифъ 1 м., Исизь 1 м., Лянгаръіозъ 1 м., Мадрушкотъ 1 м., Дифонъ 1 м., Рогъ 1 м.

иначе чрезъ какія-нибудь 2—3 года потребуется болѣе сильное средство къ поддержанію усердія благотворительности, а потомковъ жертвователей мы и ничѣмъ не пріохотимъ къ подражанію предкамъ въ этомъ общеблагодѣтельномъ дѣлѣ.

Безъ всякаго искуственнаго подогрѣванія, въ туземцахъ утвердилось сознаніе важности обязательствъ жертвователя по наблюденію за исправностью того или другого путеваго сооруженія настолько, что отказавшійся отъ такого обязательства подвергается всеобщему и постоянному порицанію, надолго упрочивающему о немъ народную память. Такое порицаніе громко раздается теперь въ Фальгарѣ и Фанѣ о жителѣ кишлака Пити, Шодманбаѣ, отказавшемся реставрировать карнизъ Пасхантай-магометъ-муминъ, длиною въ 15 сажень, на Варзиминаро-фанской дорогѣ, по правому берегу р. Фанъ.

Нарушеніе воли завѣщателя Магометъ-мумина, построившаго этотъ карнизъ 6 лѣтъ тому назадъ, настолько возмутило горцевъ, что нашлись соперники изъ другого, отдаленнаго кишлака *Дордорг*, вызвавшіеся исполнить всѣ работы по исправленію этого важнаго участка дороги собственными средствами и тѣмъ понудили Шодманбая принять участіе въ работахъ пожертвованіемъ лѣсу, желѣза и содержанія мастерамъ. Отклоненіе подобнаго обязательства потомками строителя по несостоятельности вызываетъ обыкновенно содѣйствіе родственниковъ и нерѣдко всего кишлака, оставляющихъ памятниками своего участія надписи на такихъ сооруженіяхъ, обозначающія время постройки, имена строителя, жертвователя и тѣхъ, которые участвовали впослѣдствіи въ исправленіи сооруженія. Такихъ надписей не мало встрѣчается на предмостныхъ скалахъ въ Матчѣ, что доказываетъ сооруженіе тамошнихъ мостовъ единичными средствами самихъ горцевъ, безъ малѣйшаго вмѣшательства правительства.

Оставаясь такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ соображеній, при томъ мнѣніи, что мосты Ду-пуля и Туркменъ-пуля слѣдуетъ исправить при матеріальномъ содѣйствіи населенія нагорныхъ тюменей безъ пособія отъ казны, полагаю, что участіе это должно быть справедливо уравнительное, соразмѣренное съ благосостояніемъ сельскихъ обществъ, съ величиной предшествующаго вклада ими труда и капитала на такое общественное дѣло, какъ дорожныя натуральныя и денежныя повинности, посадка деревьевъ и проч.

Проведеніе въ туземномъ населеніи, хотя бы путемъ податнаго обложенія, началъ справедливости, привычныхъ имъ по дѣйствовавшей ранѣе системѣ подоходнаго налога, укрѣпитъ надолго наше нравственное вліяніе на нихъ и уже во всякомъ случаѣ не расшатаетъ экономическій ихъ строй жизни.

Вглядываясь же въ порядокъ отбыванія населеніемъ податей, приходится остановиться на такомъ заключеніи, что вся масса налоговъ, повинностей ложится исключительно на бѣднѣйшій и наиболѣе трудящійся классъ—на земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ; скотопромышленники, самый зажиточный сельскій элементъ, остаются лишь въ положеніи созерцателей напряженнаго труда своихъ сородичей, связавшихся съ землей, и, со времени упраздненія зякета, ничѣмъ не раздѣляютъ участія въ пополненіи бюджетовъ, въ отбываніи повинностей. Такое положеніе скотовладѣльцевъ настолько соблазнительно для люда трудящагося, не чуждаго однако человѣческой слабости—лѣни, что они скоро сообразятъ всю его выгодность и отъ земледѣлія обратятся къ скотоводству, въ чемъ мы въ силахъ будемъ убѣдиться чрезъ 2 - 4 года наблюденій за поступленіемъ доходовъ съ земли.

Такимъ образомъ, казалось бы совершенно необходимымъ обложеніе осѣдлыхъ узбековъ и вообще туземцевъ, занимающихся скотоводствомъ, хотя имѣющихъ и землю (такіе землевладѣльцы скотоводы встрѣчаются во множествѣ), сборомъ если не „саваимъ зякета“, то подъ другой рубрикой, но исходящимъ изъ того же податнаго принципа—платежа по доходности имѣнія.

Основаніе къ такому обложенію—необходимость постройки мостовъ на Зеравшанѣ, исправленіе дорогъ вообще.

Узбеки никогда не были чужды этой дорожной повинности, какъ убѣждаемся изъ того, что всѣ три моста на Зеравшанѣ построены ими, и теперь только удивляются такому рѣзкому повороту къ нимъ судьбы въ ущербъ культурному развитію страны.

ЗАМѢТКИ ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ ВЪ ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНѢ [1]).

Въ прошломъ году въ Пенджекентѣ и въ Ургутѣ [2]) впервые были произведены опыты посѣва сѣмянъ американскаго хлопка, высланныхъ отъ начальника Зеравшанскаго округа. По неизвѣстности пенджекентскимъ жителямъ, никогда прежде не сѣявшимъ хлопокъ, пріемовъ воздѣлыванія его и ухода за нимъ, а отчасти и вслѣдствіе поздняго доставленія сѣмянъ, пришлось ограничиться раздачей ихъ только тремъ землевладѣльцамъ.

Собственно въ городѣ Пенджекентѣ посѣвомъ 15-ти фунтовъ сортовъ: Sea Island, Mai Shans, Holms prolitifis занялся безсрочно-отпускной Лебедевъ. Подъ посѣвъ былъ выбранъ за городомъ открытый со всѣхъ сторонъ участокъ въ два танапа глинисто-песчаной почвы, обработывавшійся въ предшествовавшіе года подъ пшеницу.

Пропахавъ землю три раза обыкновенной туземной сохой, разбивъ грядки, согласно наставленію книги Лаймана о воздѣлываніи хлопка въ Сѣв.-Амер.-Соед.-Штатахъ, Лебедевъ высѣялъ названнные сорта 26 апрѣля правильными рядами, не подвергая сѣмянъ искусственному пророщенію и оставивъ грядки безъ удобренія. Всходы, показавшіеся 22 мая, получились неровные, и большинство грядокъ, засѣянныхъ сѣмянами Sea Island, совершенно не давъ всходовъ, обильно

[1]) Напечатано 1875 – 1878.

[2]) Горные города Зеравшанскаго округа.

покрылись разновидными сорными травами. Поливка съ предварительнымъ окучиваніемъ хлопчатника и очищеніемъ плантаціи отъ сорныхъ травъ производилась всего пять разъ въ лѣто. Зацвѣтшіе въ началѣ августа кусты хлопка Mai Shans и Holms prolitific хотя и дали къ концу мѣсяца по 20 коробочекъ на каждый стволъ, поднявшійся до $2^1/_2$ футовъ высоты, но наступившіе въ концѣ сентября холодные дожди помѣшали окончательному дозрѣванію и такимъ образомъ Лебедеву не удалось снять ни одной, вполнѣ зрѣлой коробочки.

Въ Ургутѣ, на сѣверномъ склонѣ Зеравшанскаго хребта, въ 35 верстахъ западнѣе Пенджекента, посѣвы сортовъ Petit golf и Mai Shans были сдѣланы 22 апрѣля казіемъ Ишанъ-Джаномъ и мѣстнымъ жителемъ Ніязъ-Куломъ. Они выбрали въ городской окрестности бывшую подъ паромъ землю глинисто-известковой почвы и, удобривъ ее навозомъ, высѣяли искусственно пророщенныя сѣмена не по грядкамъ, а въ разбросъ, тѣмъ же способомъ, какимъ вообще засѣвается хлопокъ въ Зеравшанской долинѣ.

Поливка производилась въ первые два мѣсяца чрезъ 10—12 дней и всходы, показавшіеся 17 мая, тщательно охранялись все время отъ сорныхъ травъ. Въ началѣ августа на высокихъ кустахъ окончательно образовались коробочки, которыя и успѣли дозрѣть у Ишанъ-Джана къ концу сентября. Плантація же Ніязъ-Кула, какъ закрытая со всѣхъ сторонъ постройками и деревьями, не дала ни одного зрѣлаго плода. Собранный съ двухъ танаповъ въ количествѣ 16 фунтовъ хлопокъ *(пахта)* оказался высоко хорошихъ качествъ, такъ какъ на испытаніи волокно этого хлопка вытянулось до $4^1/_2$ дюймовъ, бухарскій же хлопокъ разрывается на 3-хъ дюймахъ. Къ сожалѣнію, Ишанъ-Джанъ не далъ свѣдѣній о времени перваго разцвѣтанія кустовъ, о величинѣ хлопковыхъ коробочекъ и о количествѣ ваты, полученной съ одного куста. А такъ какъ вслѣдствіе несовершенной обработки хлопка, безъ окучиванія, всходы получились рѣдкіе, самый сборъ ваты сдѣланъ, по разсказамъ, небрежно, то и нельзя вывести даже

приблизительнаго заключенія о доходности 2 танаповъ отъ посѣва 20 фунтовъ хлопка.

Высланныя въ этомъ году на испытаніе сѣмена сорта Petit golf, собранные въ 1874 году съ самаркандской казенной плантаціи, были розданы пяти туземцамъ, при наставленіи:

1) Выбрать для посѣва землю глинисто-песчаную или глинисто-известковую (въ возвышенной части города), свободную отъ щебня, мягкую и со всѣхъ сторонъ открытую къ солнцу.

2) Избранную для посѣва землю пропахать три раза и половину участка унавозить.

3) Чрезъ 6 дней послѣ вспашки слегка полить участокъ и на другой день начать посѣвъ тѣмъ же способомъ, какимъ сѣютъ хлѣбъ, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы на танапъ было высѣяно не болѣе 15 фунтовъ.

4) Половину сѣмянъ, отпущенныхъ для посѣва, вымочить два дня въ смѣси изъ золы и соли.

5) Чрезъ 10 дней послѣ всхода сѣмянъ пройти хлопковое поле и сорвать стебли тамъ, гдѣ они взошли густо, а также вырвать дикія травы.

6) Хлопокъ любитъ тепло и поливки частой не требуетъ. Послѣ поливки вода не должна застаиваться, такъ какъ можетъ вызвать болѣзнь хлопка, червей и вши. Болѣе частая поливка, въ недѣлю разъ, требуется когда хлопокъ зацвѣтетъ, чтобы онъ повыше поднялся.

7) Когда лопнутъ коробочки, надо выбрать изъ нихъ вату *(пахта)*, держать ее въ сухомъ мѣстѣ и не очищать отъ сѣмянъ ранѣе, какъ чрезъ 20 дней.

8) Время всходовъ, зацвѣтанія, образованія коробочекъ и выдѣленія отъ нихъ пахты рекомендуется помнить для доставленія своевременно этихъ свѣдѣній.

Примѣняясь къ этимъ наставленіямъ три землевладѣльца въ Пенджекентѣ высѣяли 4, 6 и 12 апрѣля 28 фунтовъ хлопка сорта Petit golf, причемъ сѣмена средняго посѣва проращивались въ теченіи четырехъ дней въ смѣси двухъ частей золы съ одной частью поваренной соли, и высѣяны въ раз-

бросъ на унавоженной, глинисто-песчаной почвѣ. Всходы этого посѣва показались 24 апрѣля и къ концу мѣсяца хорошо выровнялись, но послѣдовавшій 1 мая утренникъ (Реомюръ опустился тогда до 0) все поморозилъ. Этимъ же утренникомъ истреблены всходы хлопка и въ Ургутѣ, гдѣ было высѣяно 6 апрѣля 34 фунта Petit golf.

Посѣвъ 4 апрѣля, безъ удобренія почвы и пророщенія сѣмянъ, далъ первые всходы 3 мая, а посѣвъ 12 апрѣля взошелъ только 17 мая. Всходы обѣихъ посѣвовъ были ровные, но настолько густые, что пришлось вырывать лишніе стебли, а это, вмѣстѣ съ очисткой плантаціи отъ сорныхъ травъ, потребовало въ сложности три дня работы двухъ мальчиковъ-работниковъ на 4 танапахъ. Отъ каждонедѣльной поливки хлопокъ подымался скоро; къ 19 іюля кусты достигли 3-хъ футовъ и обильно зацвѣли, а 10 августа образовались коробочки, величиною въ большой грецкій орѣхъ. Подрѣзанные въ верхушкахъ кусты остановились въ ростѣ, скорѣе и обильнѣе покрывались коробочками (нѣкоторые дали по 50 коробочекъ), но ранніе сентябрскіе холода [1]) помѣшали полному созрѣванію ихъ, и съ четырехъ танаповъ было собрано только 30 коробочекъ, правильно лопнувшихъ и выдѣлившихъ совершенно бѣлую, нѣжную мягкую вату (*пахта*).

Наблюдавшееся подъ микроскопомъ волокно этого хлопка вытянулось до 4-хъ дюймовъ и до разрыва сохранило спирально-трубчатую форму. Эту длину волокна нельзя однако считать нормальною, такъ какъ вата очищалась отъ сѣмянъ неумѣлыми руками и притомъ очень рано, чрезъ 5 дней послѣ сбора ея.

Такимъ образомъ и въ этомъ году, вслѣдствіе случайныхъ неблагопріятныхъ условій погоды (такіе апрѣльскіе утренники и ранніе сентябрскіе холода бываютъ чрезъ десятки лѣтъ и оставляютъ слѣды истребленія на всей садовой растительности),

[1]) Температура понижалась такъ: 10 сентября въ 6 ч. утра Реом.+12; 15 сент. Р.+13,5°; 18 сент. Р.+11,5°; 22 сент. Р.+8°; 24 сент. Р.+6, 5; 26 сент. Р.+5°.

опыты посѣва американскаго хлопка не дали такихъ полныхъ результатовъ, которые позволяли бы заключить о выгодности воздѣлыванія хлопка въ нагорной части Зеравшанскаго округа. Но оставлять эти опыты, не требующіе никакихъ денежныхъ затратъ, не слѣдуетъ, такъ какъ неудача двухъ посѣвовъ нисколько еще не доказываетъ неспособности американскаго хлопка акклиматизироваться въ этой полосѣ. Напротивъ, глинисто-песчаная и глинисто-известковая почва въ Пенджекентѣ и Ургутѣ оказываются весьма удобными для культуры хлопка сорта Petit golf (надо бы еще испытать сортъ Upland „нагорный“), а дальнѣйшіе опыты потребуютъ только рѣшительно отказаться отъ американскихъ пріемовъ посѣва его и ухода за нимъ, какъ совершенно не соотвѣтствующихъ мѣстнымъ условіямъ.

Слишкомъ рѣзкія метеорологическія колебанія въ горахъ заставятъ, кажется, отказаться отъ продолженія опытовъ культивированія въ нагорныхъ тюменяхъ американскаго хлопка. Включительно съ настоящимъ годомъ, трехлѣтніе опыты посѣва Petit golf и другихъ сортовъ Upland'а, дали отрицательные результаты единственно подъ вліяніемъ раннихъ весеннихъ и осеннихъ холодовъ: то майскій утренникъ-морознякъ (въ 1875 году) уничтожалъ всходы, то раннее (28 августа 1876 года) выпаденіе снѣга въ ближайскихъ горныхъ высяхъ Кштута и Магіяна, мѣшало дозрѣванію хлопчатника, и въ концѣ-концовъ затраты на воздѣлываніе не окупались нисколько. Что же остается дѣлать? Остается отказаться отъ попытокъ, хотя бы и ничего не стоющихъ администраціи, проведенія такой культуры, которая не сродни ни климатическимъ, ни почвеннымъ условіямъ данной мѣстности. Здѣшній туземецъ-горецъ знакомъ съ своей землей-кормилицей настолько, что ему удается получать урожаи самъ 15 пшеницы, самъ 26 ячменя, самъ 40 шалы [1]) (рисъ).

Туземцы, надо отдать имъ справедливость, настолько сооб-

[1]) Въ Зеравшанской долинѣ принято высѣвать на одинъ танапъ 2 пуда сѣмянъ хлѣбныхъ продуктовъ, отъ 10-ти до 20-ти фунтовъ малопроизводящихъ.

разительны, отзывчивы ко всякому дѣлу, способному реализироваться въ капиталъ, что съ готовностью испытываютъ и потомъ принимаютъ всякую новинку, если она даетъ сравнительные выгоды; но они враги всего декоративнаго, дорого стоющаго, и потому, какъ ни старайтесь провести въ ихъ земледѣльческое хозяйство машинный инвентарь, они отвѣтятъ вамъ такъ же, какъ одинъ фермеръ отвѣтилъ въ Техасѣ русскому путешественнику (см. № 18 Земледѣльческой Газеты, за 1875 годъ) на вопросъ о допущеніи въ хозяйство уродливой „бреши“ (щетки) [1]) вмѣсто бороны или смыка: „смыкъ дорого стоитъ и у насъ непримѣнимъ“. Но если показать здѣшнему туземцу, рядомъ опытовъ, при дешевизнѣ обработки въ посѣвѣ, превосходство того или другого хлѣбнаго, злаковаго, овощнаго, маслодающаго растенія—и они охотно начнутъ его воздѣлывать, хотя бы пробная культура и потребовала отступить отъ ихъ традиціонныхъ пріемовъ обработки почвы. Это отсутствіе косности въ туземцахъ въ дѣлѣ сельскохозяйственныхъ операцій, можно прослѣдить отчасти на томъ разнообразіи сѣвооборотовъ, какое замѣчается въ ихъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Вотъ перечень хлѣбныхъ, злаковыхъ и огородныхъ растеній, воздѣлываемыхъ жителями нагорнаго раіона, отъ Пенджекента (3200′ надъ уровнемъ моря), внизъ по долинѣ Зеравшана:

1) пшеница озимая (*трамаи*), арычнаго орошенія (*оби*).

2) пшеница яровая (*богары*) атмосфернческаго орошенія (*ляльми*).

3) пшеница озимая красная, крупно-зернистая (*хабытъ, сурхакъ*); засѣвается въ Магіянѣ и Фарабѣ.

4) ячмень-трамаи.

5) ячмень-богары.

6) просо обыкновенное (*тарыкъ*).

7) „ мелкое (*кунакъ*).

[1]) Большое срубленное, вѣтвистое дерево, положенное комлями на двухколесный ходъ; употребляется мѣстами въ Америкѣ для выравниванія почвы, какъ борона.

8) мелкій плоскій горохъ (*машъ*).

9) крупный бѣлый горохъ (*лубія*).

10) рисъ (*шалы*).

11) джугара.

12) кукуруза (*макка-джугара*).

13) нахутъ.

Маслодающія растенія:

1) ленъ (*зыгирь*).

2) конопля (*бангъ*).

3) индау.

4) кунжутъ.

5) мокасаръ.

Наркотическія растенія:

1) бангъ.

2) макъ (*кукнаръ*).

3) табакъ.

огородныя:

1) лукъ (*піазъ*).

2) морковь (*сабзы*).

3) огурцы (*бодрингъ*).

4) свекла (*лябля-би*).

5) рѣпа (*шалганъ*).

6) рѣдька (*турпъ*).

7) капуста (*карамъ*).

8) арбузы (*тарбузъ*).

9) дыня (*кавунъ*).

10) тыква продолговатая для посуды и издѣлій (*ташъ-каду*).

11) тыква съѣдобная (*ашъ-каду*).

Отъ Пенджекента, вверхъ по Зеравшану, въ горахъ Фальгара (крайнее селеніе Урмитанъ 4100′ и Самтичъ 6000′ высоты надъ моремъ) сѣютъ: озимую и яровую пшеницу, озимыя ячмень, нахудъ, купчь (Lathyrus sativus), бакаля-бобы (Vicia faba), машъ (мелкій, синій горохъ), тарыкъ (просо), итальян-

ское просо Setaria italica), индау, зыгирь, арбузы, дыни, лукъ, морковь, тыква, рѣпа.

Въ Матчѣ, на истокахъ Зеравшана, воздѣлываютъ (крайнее селеніе Оббурданъ 6020 фут. и Польдаракъ 7960 футовъ высоты надъ моремъ), озимую пшеницу и ячмень, бакаля (бобы), горохъ сладкій *(мулкъ)*, купчь, наскъ (мелкій горохъ), тарыкъ (просо) и зыгирь. Предѣлъ воздѣлыванія двухъ послѣднихъ продуктовъ—Мадрушкатъ, 7000 фут. надъ уровнемъ моря. Кромѣ того, здѣсь воздѣлываютъ: черный овесъ (ласичъ), который сѣютъ вверхъ отъ кишлака Пакшифъ (7890 фут. надъ моремъ).

Отъ селенія Хршотапъ (7560′ надъ моремъ), вверхъ по Ягнобу, до селенія Кириóнте сѣютъ озимую пшеницу, озимый ячмень, яровыя: бурчакъ, бакала, наскъ, индау, зыгирь.

По долинѣ Кштутъ, отъ селенія Куляли до сел. Пенджрутъ (5620′ надъ моремъ) воздѣлываютъ: пшеницу-трамаи и богары, ячмень-трамаи, зыгирь, арбузы, дыни, лукъ, морковь.

По рѣкѣ Искандеръ-дарьѣ отъ селенія Саратагъ (7100′ надъ моремъ) до сел. Анзобъ (6700′ надъ моремъ), на рѣкѣ Ягнобъ, не далеко отъ соединенія ея съ Искандеръ-су, обрабатываютъ посѣвы: озимые: ячмень, пшеницу, яровые: зыгирь, индау, нахутъ, бурчакъ, морковь и лукъ въ небольшомъ количествѣ.

Съ 1873 года испытывается въ посѣвѣ, въ сел. Іорд. въ 20 верстахъ отъ Пенджекента, меккское крупно-зернистое просо съ стеблями въ 9 футовъ высоты, а въ самомъ Пенджекентѣ въ настоящемъ году испытывался посѣвъ французскаго такъ-называемаго суходольнаго риса, изъ сѣмянъ, полученныхъ отъ военнаго губернатора Сыръ-дарьинской области, ген.-лейт. Головачева; 30 фунтовъ этого риса были высѣяны 16 мая на ½ танапѣ тучной почвы прибрежья *(курутъ)* Зеравшана, выдерживающей уже много лѣтъ такой сѣвооборотъ: послѣ весенней запашки дынь, на обильно удобренной навозомъ и перегноемъ рисовой плантаціи въ августѣ мѣсяцѣ на смѣну засѣваютъ безъ удобренія трамайную пшеницу, по снятіи которой, въ іюлѣ мѣсяцѣ, запахиваютъ въ первой половинѣ мая слѣдующаго года шалы (рисъ).

Почва подъ суходольный рисъ была приготовлена такъ какъ обыкновенно приготовляютъ ее для посѣва туземнаго шалы (риса): земля, испытавшая пропашку при посѣвѣ дынь 14 разъ въ продолженіи апрѣля и въ посѣвъ пшеницы 1 разъ, предъ посѣвомъ шалы пропахивается въ апрѣлѣ мѣсяцѣ еще 3 — 4 раза, причемъ въ послѣдній разъ употребляется при обработкѣ земли сошникъ и борона *(маля)*; затѣмъ посѣвъ производится въ напускной водѣ (сѣмена бросаются въ воду), не спускаемой въ продолженіи всего лѣта до окончательнаго созрѣванія шалы во второй половинѣ сентября.

Въ этомъ году, вслѣдствіе ранняго выпаденія въ горахъ снѣга, какъ шалы, такъ и суходольный рисъ не вполнѣ созрѣли; тѣмъ не менѣе отъ 30 фунтовъ посѣва получено чистаго урожая 12½ пудовъ, т.-е. 25 пудовъ съ одного танапа или 10 руб. валового дохода, тогда какъ рядомъ и одновременно высѣянный обыкновенный рисъ далъ урожай только 23 пуда съ танапа въ Пенджекентѣ и 16 пудовъ съ танапа въ узбекскихъ селеніяхъ Хурьми, Чангаль, Чубатъ, Саразмъ, гдѣ ведется еще хищническое хозяйство, безъ удобренія, съ каждогодней запашкой тучнаго побережья только рисомъ, безъ отдыха для полей.

Сбрасывая стоимость обработки одного танапа: 2-хъ однодневныхъ рабочихъ для пропашки три раза — 40 коп., двѣ пары быковъ на одинъ день 1 р. 20 к., 200 каповъ или 700 пудовъ навоза (пару) 4 р. и за доставку навоза на плантацію (4 версты) 2 руб., 1 рабочій для удобренія навозомъ за одинъ день 20 к., 1 рабочій на одинъ день для высѣва сѣмянъ и бороны *(маля)* 20 к., за очищеніе въ іюнѣ мѣсяцѣ одного танапа земли отъ сорныхъ травъ 15-ти мальчикамъ всего 60 копѣекъ, за жнитву *(урокка)* и уборку на токъ *(хурманг)* 2 рабочимъ однодневнымъ 40 коп., за обмолотъ и уборку въ амбаръ *(яньчимакъ)* двумъ однодневнымъ рабочимъ 40 к., и за двѣ пары быковъ для молотьбы 1 р. 20 к., аренда одного

танапа 12 р. поземельной подати 1 р. 65 к., всего расхода 22 р. 60 к. Вычитая отсюда 12 руб. стоимости въ данное время 40 пудовъ, получимъ, при среднемъ урожаѣ, чистаго убытка съ одного танапа 10 р. 60 к. Приведенный разсчетъ совершенно наглядно доказываетъ во что можетъ обходиться воздѣлываніе земли въ долинѣ Зеравшана на арендныхъ началахъ, съ наемнымъ скотомъ, съ покупкой удобренія и т. д. Земледѣльческое хозяйство здѣсь возможно только для тѣхъ собственниковъ, которые обходятся безъ наемныхъ рабочихъ, ведутъ его своей семьей, имѣютъ рабочій скотъ, не расходуются на пріобрѣтеніе удобренія. Такіе хозяева, дѣйствительно получаютъ чистой ренты съ одного танапа, напримѣръ, шалы, при наилучшемъ *(аґла)* урожаѣ съ 80 пудовъ 20 рублей [1]), отъ средняго урожая *(аусатъ)*, въ 32 пуд. получаютъ они 8 руб., а отъ низшаго *(адна)*, въ 16 пудовъ—3 р. 20 коп.

Принявъ въ разсчетъ тотъ громадный трудъ въ продолженіи 220 дней въ году, который требуется отъ земледѣльца для полученія достаточнаго урожая, справедливо задаешься вопросомъ: почему тяжелая доля платежа податей, въ размѣрѣ $10^0/_0$, падаетъ исключительно на земледѣльческій классъ, а скотовладѣльцы ничего не платятъ отъ своихъ огромныхъ капиталовъ ни въ государственную казну, ни на общественныя нужды?

Изъ опыта перваго года надъ культурой суходольнаго риса, по степени его урожайности, туземцы вывели заключеніе о высокихъ качествахъ этого злака, дающаго въ колосѣ до 50 крупныхъ, превосходно обдирающихся зеренъ, и многіе собственники рисовыхъ плантацій, какъ въ самомъ Пенджекентѣ, такъ и въ побережныхъ селеніяхъ, заявили желаніе сдѣлать въ будущемъ году пробные посѣвы, въ чемъ конечно имъ будетъ оказано полное содѣйствіе.

Значительный сборъ зерна суходольнаго риса отъ посѣва

[1]) Принимая стоимость 1 пуда 30 к., получимъ всего 24 руб., изъ которыхъ 1 р. 65 к. на уплату податей и 2 р. 35 к. на случайный расходъ.

1876 года позволилъ продолжить [1]) опыты надъ этимъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходнымъ злакомъ и въ настоящемъ году.

На этотъ разъ въ Пенджекентѣ представилась возможность прослѣдить весь процессъ культивированія нѣкоторой части посѣва именно такъ, какъ того требуетъ главная цѣль введенія этого риса въ сѣвооборотъ, т.-е. съ уменьшеніемъ затраты арычнаго орошенія на рисовыя плантаціи.

Дѣйствительно, если бы удалось краю вытѣснить *заливной* рисъ суходольнымъ, требующимъ ровно въ половину меньше орошенія, положеніе землепашества Зеравшанской долины и въ особенности низовой (*паянъ-объ*) ея части, съ Бухарою, значительно облегчилось бы.

Такъ или иначе, введеніемъ ли въ сѣвооборотъ злаковъ, требующихъ меньше орошенія, сокращеніемъ ли запашекъ рисовыхъ, развившихся въ послѣдніе четыре года до крайнихъ, неизвѣстныхъ въ точности предѣловъ, усиленіемъ ли водою главной артеріи орошенія, но ирригація постоянно нуждается въ поддержкѣ тѣмъ или инымъ путемъ, для регулярнаго обезпеченія матеріальнаго существованія Бухары.

Такимъ образомъ вопросъ о введеніи въ туземный сѣвооборотъ суходольнаго риса, по связи своей съ вопросомъ ирригаціоннымъ, представляется вдвойнѣ важнымъ, и тѣмъ съ большимъ интересомъ можно слѣдить за развитіемъ этого благого дѣла.

Посѣвъ суходольнаго риса былъ сдѣланъ въ Пенджекентѣ туземцами *Мулла-Каримомъ-Рязаповымъ* и *Мулла-Абдухалыкомъ-Халимбаевымъ* въ низовой, сѣверной части городскихъ окрестностей, называемой *курукъ* (осушенная) въ обозначеніе того, что побережная полоса эта, лѣтъ 30—50 тому назадъ, представляла затонъ (*тогай*) Зеравшана, поросшій лиственными древесными породами и кустарникомъ [2]).

[1]) Отчетъ въ № 42 Туркест. Вѣд. за 1876 г.

[2]) Расхищеніе горнаго лѣса, съ одной стороны, и стремленіе населенія къ развитію землепашества, съ другой, сдѣлали то, что всѣ тогаи исчезли и все правое и лѣвое побережье Зеравшана, отъ селенія Дашты-казы, чрезъ Пенджекентъ, къ Самарканду обрабатывается подъ рисомъ (шалы).

Почва для посѣва подготовлена была такъ, какъ подготовляется обыкновенно и для шалы. У обоихъ туземцевъ на этихъ избранныхъ для суходольнаго риса клиньяхъ, въ 1/4 танапа величиною каждый, воздѣлывалась въ 1876 году пшеница, по снятіи которой земля оставалась на отдыхъ (*шудгаръ*) съ іюня прошлаго года. Въ этотъ девятимѣсячный періодъ шудгарныя, т.-е. выгонныя земли пользуются нѣкоторымъ удобреніемъ отъ пастьбы на нихъ скота.

Но для такой обработки какъ огороды, клеверныя и рисовыя плантаціи, оставляемаго выгономъ навоза весьма недостаточно, а приходится подбавлять на каждый танапъ до 860 пудовъ (200 каповъ навознаго удобренія [1]). Такъ было сдѣлано и для пробныхъ посѣвовъ суходольнаго риса. Ранней весною (*руи-багаръ*) на каждый участокъ въ 1/4 танапа выброшено 220 пудовъ экскрементовъ рогатаго скота и лошадей отъ трехгодичной заготовки.

Разбросавъ удобреніе вровень, прошли первой вспашкой обыкновеннымъ туземнымъ плугомъ (*умачь*) 10 апрѣля и повторили эту сухую крестообразную вспашку еще два раза чрезъ каждые четыре дня. Оставивъ затѣмъ достаточно перебитый почвенный слой подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей въ теченіе десяти дней, сглаживали тѣмъ временемъ выдававшіяся неровности (*гальтокъ*) и приподымали на 1/4 аршина берега плантаціи, въ обѣихъ случаяхъ для удержанія напускной воды въ одинаковомъ постоянно уровнѣ. На одиннадцатый день послѣ третьей вспашки приступили къ окончательному раздробленію почвенныхъ комковъ четвертой, рѣдкой вспашкой (*лой-умачь*) тѣмъ же плугомъ и послѣ зубчатой бороной (*донданамаля*), пущенными въ напускной до глубины полуфута водѣ. Одновременно съ постепеннымъ окончаніемъ своего дѣла боронаторомъ, другой рабочій высѣвалъ въ разбросъ сѣмена и тѣмъ законченъ былъ послѣдній актъ обработки. Послѣ этого

[1]) Рисовыя плантаціи, удабриваемыя только перегнойной землей, снимаемой съ береговъ арыковъ, обильно заростаютъ камышемъ, чего совершенно не бываетъ при навозномъ удобреніи.

пришлось держать плантаціи въ теченіе 26 дней до всходовъ подъ водою, не столько для ускоренія проростанія зерна, сколько для предохраненія его отъ птицъ [1]).

Когда всходы проглянули изъ воды, пришлось, къ немалому удивленію туземцевъ, осушить плантацію неполивкою въ теченіе четырехъ дней, повторяя такой пріемъ также и во все время до 25 іюля, когда рисъ началъ колоситься. Съ этого времени поливка была уменьшена до пятидневныхъ промежутковъ.

Высѣянный одновременно съ посѣвомъ шалы суходольный рисъ проглянулъ изъ воды своими ровными всходами шестью днями раньше, и хотя ростомъ соломы отсталъ отъ шалы на три дюйма, но окончательно дозрѣлъ 28 августа, отвѣдавъ такимъ образомъ того благодѣтельнаго вѣтерка (*симбуля-шамаль*), который, по замѣчанію землепашцевъ, необходимъ для ускоренія дозрѣванія всѣхъ посѣвовъ *кокъ* поздняго сбора (шалы, джугара, бангъ и просо) включительно съ камышемъ.

Давъ простоять суходольному рису на корню до 12 сентября, начали одновременно жатву, и по обмолотѣ чрезъ 10 дней, обыкновеннымъ способомъ топтанія быками, получили съ каждой четверти танапа 12 пудовъ на 20 фунтовъ высѣянныхъ сѣмянъ.

Имѣя въ виду, что въ этой же полосѣ урожайность шалы получилась въ самъ-22, результаты посѣва суходольнаго риса надо считать вполнѣ удовлетворительными.

Превосходныя же качества легкообдирающагося крупнаго зерна и совершенно бѣлой крупы суходольнаго риса признаны туземцами еще въ прошломъ году, послѣ перваго пробнаго посѣва. Тѣми же пріемами обработки почвы, но съ болѣе усердной традиціонною поливкою, культивированъ въ первый разъ суходольный рисъ въ Яны-казанъ-арыкской волости, что въ 35 верстахъ на югъ отъ Самарканда. Здѣсь результаты получились нѣсколько слабѣе: каждый изъ восьми земледѣльцевъ получилъ съ 10 фунтовъ посѣвныхъ сѣмянъ по четыре

[1]) Туземный рисъ (шалы) заливается по тѣмъ же причинамъ водою на сорокъ дней.

пуда, т.-е. самъ-16, тогда какъ шалы дала въ этой полосѣ самъ-26.

Съ полною вѣроятностью можно допустить, что слабый урожай суходольнаго риса въ Яны-казанъ-арыкской волости, на тучной почвѣ, есть слѣдствіе обильной поливки.

Введеніе въ сѣвооборотъ мѣстнаго землепашества суходольнаго риса встрѣчаетъ трудности, съ одной стороны, въ приверженности туземцевъ ко всѣмъ пріемамъ воздѣлыванія шалы, заливного риса, а съ другой—и въ нѣкоторомъ недовѣріи къ устойчивости этого новаго продукта отъ перерожденія. Мѣстные земледѣльцы разсуждаютъ, что рисъ не выдержитъ безводья и выродится по тому же будто бы закону, по которому сѣмена озимыхъ продуктовъ не даютъ всходовъ будучи высѣяны въ яровое, и наоборотъ. Пока перерожденія такого не замѣчено и во второй годъ опытовъ надъ сѣменами, собранными въ Пенджекентѣ въ 1876 году, а что будетъ дальше, посмотримъ.

Нелишнимъ будетъ, полагаемъ, подѣлиться съ читателями и свѣдѣніями о стоимости всѣхъ издержекъ по обработкѣ $^1/_4$ танапа ($^1/_{16}$ десятины) подъ суходольный рисъ и по уборкѣ урожая съ поля. Предварительно слѣдуетъ оговориться однако, что обработка земли и расходы всѣ ведены самими туземцами, безъ всякаго посторонняго вліянія, безъ всякой поддержки субсидіей, которая въ подобномъ дѣлѣ является всегда только помѣхою. Этимъ невмѣшательствомъ въ хозяйственные распорядки опытопредпринимателей и можно объяснить, что обработка плантаціи суходольнаго риса вызвала ровно столько же затратъ, сколько и обработка шалы, а именно:

За 50 каповъ = 220 пуд. навоза заплачено на мѣстѣ 1 р. 25 к.; за перевозку 50 каповъ на плантацію, на разстояніи четырехъ верстъ 40 к.; за трехкратную вспашку $^1/_4$ танапа [1]) 26 к.; за вспашку лай-умачь въ водѣ, за бороньбу и высѣвъ 12 к.; за наемъ одной пары быковъ (*джуфъ-кашъ*) на

[1]) Въ Зеравшанской долинѣ одной парой быковъ одинъ рабочій вспахиваетъ въ одинъ день 4 танапа (1 десятина).

два дня 1 р. 20 к.; за $^1/_2$ дня жнитвы одному рабочему 8 к.; за одинъ день молотьбы одному съ тремя быками 75 к.; за $^1/_2$ дня провѣйки и уборки въ капы одному рабочему 8 к., а всего расхода 4 р. 14 к.

Вычитая цифру расхода изъ базарной стоимости 11 пуд. 20 фунт., собранныхъ (посѣвныя 20 фунт. зерна отброшены) получимъ въ остаткѣ 4 р. 60 к., не очищенныхъ еще податями.

Значитъ, въ дѣйствительности на долю мѣстнаго землепашца остается отъ полеводства весьма немного и земледѣльческое хозяйство немыслимо потому для собственника, лишившагося почему-либо рабочаго скота.

Туземцамъ, производившимъ опытные посѣвы и осталось на 2 р. 65 к. больше прибыли только потому, что навозъ у нихъ не покупной, а быки были не наемные.

Въ этомъ же году были сдѣланы впервые въ Пенджекентѣ опыты посѣва кукурузы; $^1/_4$ фунта американскихъ сѣмянъ сортовъ конскій зубъ (желтая крупнозернистая) и сахарной (бѣлая мелкозернистая) были выданы узбеку *Бай-Магомету-Абдырахимову*, извѣстному по весьма удачнымъ опытамъ надъ культивированіемъ метельчатаго проса (*мекка-тарыкъ*). Бай-Магометъ распорядился и въ этотъ разъ очень практично: онъ посадилъ сѣмена кукурузы 18 апрѣля по грядкамъ огородины дынь, арбузовъ, обыкновенной тыквы. Какъ вообще и для этого огорода, въ $^1/_4$ танапа величиною, земля была приготовлена десятикратной вспашкою, съ разбиваніемъ комковъ кетменемъ и зубчатой бороною. Для удобренія былъ взятъ изъ ближайшаго кладбища земляной перегной. По высадкѣ сѣмянъ, заборонили обыкновенной досчатой бороною (*маля*) и въ продолженіи трехъ недѣль не обильно поливали арыкомъ, чрезъ каждые четыре дня.

2 мая проглянули повсюду всходы, ростъ которыхъ шелъ замѣтно быстро подъ вліяніемъ очевидно частой поливки, остановленной потому. Это и не было еще поздно: первое зацвѣтаніе кукурузы началось 10 іюня, а чрезъ 12 дней обо-

значились уже початки. Но та часть грядъ, которая по своему окрайному положенію продолжала напитываться влагою изъ близко проходившаго здѣсь арыка, подняла ростъ кукурузы до 4 1/2 аршинъ и такіе стебли выпустили по два початка только 20 іюля, причемъ много экземпляровъ было свалено вѣтромъ, что не помѣшало имъ однако продолжать жить.

Съ того времени, когда початки окрѣпли, поливка была прекращена совершенно; лишнія листья подламывались и отдавались рогатому скоту, пожиравшему ихъ съ большой охотою.

10 августа было снято нѣсколько десятковъ дозрѣвшихъ початковъ сорта конскій зубъ [1]), а окончательная уборка запоздавшаго дозрѣваніемъ сорта сахарной кукурузы протянулась до 30 августа.

Съ 1/4 фунта сѣмянъ, высѣянныхъ очень рѣдко на 1/4 танапа, между огородиной, собрано всего зерна кукурузы 6 1/2 пуд. и стеблей около 30 пудовъ [2]). Цифры урожайности этой на землѣ, давшей двойную доходность отъ злаковыхъ и овощныхъ продуктовъ, понятны сдѣлались туземцамъ настолько, что съ будущаго года посѣвы кукурузы на огородинѣ усилятся, надо ожидать, въ 20 разъ.

Я ожидаю этого тѣмъ съ бо́льшею увѣренностью, что туземцы отчетливо уразумѣли весьма простые пріемы воздѣлыванія кукурузы и пользованія ею для цѣлей хозяйственныхъ. Въ день уборки кукурузы съ огорода Баймета, приглашеннымъ мѣстнымъ земледѣльцамъ были уяснены поразительно хорошіе результаты посѣва этого злака, дающаго съ одного зерна 2—5 початковъ въ 400 зеренъ каждый.

Закончивъ четырьмя рабочими уборку въ теченіе двухъ часовъ, отрыли яму и заквасили стебли способомъ, описаннымъ подробно въ № 11 Турк. Вѣд. за 1887 г.

---

[1]) Початки этого сорта кукурузы получились величиною до 6 вершк. съ 480 зернами. Сахарная же кукуруза дала на каждомъ початкѣ только до 100 зеренъ, а многіе только по 10 –20 зеренъ. Это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что лишніе початки не обламывались своевременно.

[2]) Такимъ образомъ, при нормальномъ урожаѣ одна десятина можетъ дать отъ посѣва между огородиной 120 пудовъ зерна и около пятисотъ пудовъ стеблей.

Здѣсь же на мѣстѣ, и старые и малые съ бо́льшимъ удовольствіемъ пробовали отваренную въ водѣ сахарную кукурузу и въ каждомъ проглядывало удивленіе прекраснымъ качествамъ вкуса и питательности ея.

Всѣ присутствовавшіе на уборкѣ поспѣшили запастись сѣменами обоихъ сортовъ кукурузы, и ясно каждый понялъ, что заботливость о введеніи кукурузы въ сѣвооборотъ не праздная забава, а дѣло живое, вполнѣ производительное.

Сообщая эти свѣдѣнія о пробныхъ посѣвахъ въ Пенджекентѣ риса французскаго и кукурузы, остаемся въ увѣренности, что и будущіе отчеты о культурѣ этихъ прекрасныхъ продуктовъ будутъ строго отвѣчать дѣйствительности, будутъ имѣть въ виду общее желаніе безъ большихъ денежныхъ затратъ дать краю все то полезное, что̀ сродни климатическимъ, почвеннымъ и бытовымъ условіямъ жизни туземцевъ.

Если вѣрна примѣта туземцевъ, что при обильномъ выпаденіи дождей ранней весною, лѣто должно быть сухое, то нагорному раіону надобно этого ожидать въ нынѣшнемъ году, со всѣми послѣдствіями такихъ явленій природы для полеводства. Въ противоположность безводной веснѣ прошлаго года, сопровождавшейся холоднымъ, влажнымъ лѣтомъ, въ нынѣшнемъ году весна у насъ необыкновенно дождливая. Едва юго-восточный теплый вѣтеръ, называемый за свое свойство оживленія растительности, „золотою лопаткою“ (*алтынъ-курекъ*), очистилъ въ долинѣ и на предгорьяхъ обильный снѣгъ, какъ начались въ послѣднихъ числахъ января сильные дожди, повторяющіеся и до настоящаго времени чрезъ небольшіе промежутки.

24 февраля утренній проливной дождь, понизившій температуру до 0° R, смѣнился частымъ, хлопьевиднымъ снѣгомъ, продолжавшимся 4 часа, въ теченіе которыхъ горы совершенно покрылись снѣгомъ, а подгорное низовье достаточно напиталось влагой. Все это было бы хорошо, если бы за выпаденіемъ снѣга не послѣдовалъ ночной морозъ (въ 2 часа ночи на 25 февраля Реомюръ показывалъ—3°), отъ кото-

раго пострадали нѣсколько яровые *(богарные)* посѣвы и отчасти сады. Потери впрочемъ должны быть не особенно велики, такъ какъ яровые хлѣба недавно лишь, дней 20, высѣяны и побитыхъ всходовъ не можетъ быть много, а въ садахъ потерялъ свои рано раскрывающіеся почки *(муджа)* только миндаль, на который въ нынѣшнемъ году можно предвидѣть неурожай. Сборъ миндаля доставляетъ обыкновенно до 4 руб. дохода за 30 фунтовъ, отъ пятнадцатилѣтняго большого дерева.

Дожди послѣднихъ десяти дней принесли для полеводства однако же и много пользы: озимые посѣвы (ячмень, пшеница), поднявшіеся уже на полчетверти, напитавшись влагой, не потребуютъ поливки до налива колоса; высѣянный на днѣхъ ленъ скорѣе взойдетъ, а яровые—ячмень и пшеница, питающіеся въ нашей нагорной полосѣ только атмосферною влагою *(ляльми)*, успѣютъ раньше пустить колосъ и будутъ урожайны, если въ періодъ налива зерна *(донъ)*, въ послѣдней половинѣ апрѣля, раза два выпадетъ хотя небольшой дождь.

Отъ характера погоды въ апрѣлѣ зависитъ также и урожай тѣхъ озимыхъ хлѣбовъ, высѣянныхъ въ большомъ количествѣ на предгорьяхъ Зеравшанскаго кряжа, къ востоку отъ Пенджекента за Кара-тюбе, которымъ недостаетъ искусственнаго *(оби)* орошенія. Апрѣльскіе дожди также крайне необходимы и для проса—кунакъ (Setaria italica), посѣвы котораго обыкновенно начинаются въ концѣ апрѣля.

Бѣда землепашцу зеравшанскому, если первые мѣсяцы лѣта (апрѣль и май) будутъ чрезмѣрно знойные, совершенно безъ дождей: озимыя низовыя пашни потребуютъ тогда еженедѣльной поливки, озимые нагорные посѣвы нальются слабо, дадутъ тощее *(аррыкъ)* зерно, яровыя поля могутъ не дать ни зерна, ни соломы, красные злаки (просо, кунакъ, джугара) взойдутъ плохо. Такими же послѣдствіями отзывается апрѣльское бездождіе и на землепашествѣ горцевъ Магіяна и Фараба, (6000′ надъ уровнемъ моря) по южному склону Зеравшанскаго кряжа, начинающихъ вспашку полей во второй половинѣ марта, посѣвъ въ началѣ апрѣля и снимающихъ хлѣбные злаки въ сентябрѣ

мѣсяцѣ. Въ годы достаточно влажнаго лѣта горцы Фараба снимаютъ на этой плодородной, черноземной почвѣ до 150 пудовъ яроваго зерна съ одной десятины, а при малоснѣжной зимѣ, при весеннемъ бездождіи, урожай ограничивается только 60 пудами съ десятины [1]).

Въ настоящемъ году, независимо продолженія культивированія *суходольнаго риса* [2]), землепашцами Пенджекента и Яны-казанъ-арыкъ (въ долинѣ, на меридіанѣ Самарканда) будутъ сдѣланы въ первой половинѣ апрѣля опытные посѣвы кукурузы (сахарной и „конскій зубъ“) американскихъ сѣмянъ, полученныхъ отъ В. В. Самолевскаго.

При несложныхъ пріемахъ воздѣлыванія этого растенія, весьма сходственныхъ съ пріемами культуры распространенной здѣсь джугары, туземцамъ, подъ руководствомъ данныхъ имъ наставленій, и на первый годъ нетрудно будетъ довести опытные посѣвы и примѣненіе культуры до такихъ желательныхъ результатовъ, которые дали бы этому благодатному растенію подобающее ему сельско-хозяйственное и промышленное значеніе.

Въ послѣдніе годы, въ полеводствѣ южныхъ провинцій Франціи, въ Испаніи, въ Италіи и въ южной Россіи кукурузѣ отведено столько мѣста, примѣненіе ея для корма рогатаго скота, лошадей, свиней и овецъ получило такое ши-

[1]) Въ Херсонской губерніи средній урожай пшеницы 46 пудовъ съ одной десятины.

[2]) Наибольшее количество сѣмянъ суходольнаго риса, до 3 пудовъ, роздано землепашцамъ Яны-казанъ-арыкской волости, гдѣ, при достаточно интенсивномъ полеводствѣ, и при несовершенствѣ ирригаціи (См. Турк. В. № 51-й, 1876 г.), количество воды, приносимое изъ Зеравшана двумя главными арыками, не удовлетворяетъ всей потребности землепашества и рисовыя поля страдаютъ отъ безводья. Мы еще разъ указываемъ на необходимость неотложнаго усовершенствованія ирригаціи въ нагорномъ раіонѣ и пониженія податныхъ окладовъ въ тѣхъ волостяхъ (Яны-казанъ-арыкской и Ургутской), гдѣ земледѣльцу приходится нести двойные платежи отъ полеводства. Надо имѣть въ виду, что выселеніе хотя небольшой части туземцевъ изъ такихъ капризныхъ системъ орошенія, въ два года можетъ обратить въ пустыню высоко культурную полосу земли, въ 3000 десятинъ. Судьба заброшеннаго арыка Манасъ, съ развалинами нѣкогда большаго города Рабатъ-хожа (при устьѣ Яны-арыка, на берегу Зеравшана) и безжизненная степь *(дашт)* Джамъ, могутъ служить тому живымъ доказательствомъ.

рокое развитіе, что этому растенію вѣроятно суждено вытѣснить собою остальныя кормовыя растенія, какъ болѣе требовательныя къ почвѣ, не выдерживающія засухъ и уступающія кукурузѣ по степени питательности. Какъ кормовое растеніе, кукуруза можетъ давать два продукта: зерно (въ среднемъ урожаѣ до 360 пудовъ съ десятины) и стебли съ листвой (до 3000 пудовъ съ десятины). Зерна кукурузы, содержащія питательныхъ веществъ болѣе нежели овесъ на 10% (по Вольфу), могутъ идти въ кормъ лошадямъ, а заквашенные стебли составляютъ превосходный, питательный кормъ для рогатаго скота и овецъ.

Кукурузу слѣдуетъ задавать лошадямъ нѣсколько меньше овса, и непремѣнно раздробленною, такъ какъ выяснено, что скормливаніе цѣльными зернами производитъ различнаго рода разстройства пищеварительныхъ органовъ, а съ другой стороны, слишкомъ измельченная, мучнистая кукуруза обращается въ кишкахъ животнаго въ плотные, липкіе комки и производитъ засореніе кишекъ. Поэтому раздробленіе должно быть умѣренное, чтобы каждое зерно разбилось на 3—6 кусковъ.

По дороговизнѣ плющильныхъ машинъ Рансома и Willcher (стоимость которыхъ на мѣстѣ изготовленія = 150 р.), на первое время приходится испробовать для этой цѣли мѣстныя туземныя круподерни толчеи (*объ-джуазъ*), а впослѣдствіи могли бы быть легко устроены и настоящія зерноплющильни.

Замѣчено наблюденіями ветеринара, д-ра Клейна, въ Берлинѣ [1]), что рабочія лошади, вскормленныя кукурузою взамѣнъ овса, „держали лучше тѣло, уставали гораздо рѣже, а послѣ работы казались бодрыми, питаніе мускуловъ было замѣтно лучшее, волосъ отличался гладкостью, глянцовитостью и сравнительной короткостью даже зимою“. Кромѣ того, кормленіе кукурузой оказывало благопріятное вліяніе на здоровье лошадей; колики были рѣже, чѣмъ при кормленіи овсомъ и смертность отъ этой болѣзни была гораздо меньше. Изъ числа

[1]) Земледѣльческая газета, 1876 годъ, № 28.

лошадей Берлинскаго общества извощичьихъ экипажей, въ пятимѣсячный періодъ, при кормленіи овсомъ, пало отъ колики 3,10%, а при кормленіи же кукурузою, въ тотъ же періодъ пало только 0,90%. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что кукурузный кормъ не только удобоваримѣе овса, но и гораздо питательнѣе для организма, какъ это видно и изъ того, что неработающія животныя въ короткое время округляются въ формахъ, достигаютъ откормленнаго состоянія. Для скаковыхъ лошадей кукуруза также представляетъ благопріятный кормъ, способствующій выдѣленію воды чрезъ кожу и легкія при усиленной мускульной работѣ.

Хозяйственное значеніе второго продукта кукурузы—стеблей, также не малое. Превосходство этого корма, по питательности, предъ такими кормовыми средствами какъ бурьянъ, камышъ, ячменная и пшеничная солома, не подлежитъ сомнѣнію, послѣ многихъ наблюденій, произведенныхъ въ послѣдніе три года между прочимъ и на югѣ Россіи.

Въ Зеравшанской долинѣ, не изобилующей какъ извѣстно хорошими выгонами для рабочаго и мелкаго скота, при дороговизнѣ льняныхъ жмыховъ (*кунжала*), скормливаемыхъ рабочимъ быкамъ, квашеная кукуруза была бы важнымъ въ хозяйствѣ кормовымъ подспорьемъ.

Приготовленіе квашеной кукурузы совершенно простое, доступное туземцамъ. Вотъ одинъ изъ способовъ, практиковавшійся въ Херсонской губерніи [1]): въ глинистомъ грунтѣ была вырыта яма, шириною и глубиною въ три аршина и длиною въ три сажени. Въ видахъ предупрежденія непосредственнаго соприкосновенія заквашеннаго корма съ землею, бока и дно ямы были цементированы слоемъ извести, почти въ одинъ футъ толщиною (у насъ вмѣсто цементированія можно обшивать бока ямы рисовой соломой, выбрасываемой и не идущей въ кормъ скоту, вслѣдствіе своего свойства производить у животныхъ изнурительное мочеиспусканіе). Стебли куку-

[1]) См. Земледѣльч. Газет. № 13, за 1876 годъ.

рузы были сняты въ полномъ соку и ихъ наплотно утискивали слоями въ яму, пересыпая каждый слой солью (на 1000 пудовъ стеблей 8 пудовъ соли; озерная, джизакская = 60 коп.).

По совершенномъ наполненіи ямы, верхній слой, возвышающійся на одинъ аршинъ надъ берегами, слѣдуетъ прикрыть достаточно соломой, присыпать слоемъ земли въ одинъ аршинъ толщиною и сверху смазать, какъ дѣлаютъ это туземцы съ запасами самана (соломы) и льда.

Чрезъ два мѣсяца, когда окончится броженіе, по мѣрѣ потребности, можно задавать заквашенную такимъ образомъ кукурузу въ кормъ скоту и даже лошадямъ. Но при этомъ не слѣдуетъ раскрывать всю яму, чтобы не подвергнуть весь запасъ корма гніенію, отъ соприкосновенія съ воздухомъ, а можно вынимать стебли чрезъ отверстіе, которое и закрывать чѣмъ-либо по минованіи надобности.

Во Франціи, гдѣ приготовленіе квашенаго корма получило въ послѣдніе годы очень большое распространеніе, нѣкоторые хозяева, для корма скота и свиней, прибавляютъ къ заквашенной кукурузѣ соломенную рѣзку, мякину, небольшое количество соли и измельченные жмыхи. Такой кормъ оказывался чрезвычайно питательнымъ и его охотно ѣли всѣ домашнія животныя, не исключая овецъ и телятъ.

Такимъ образомъ, при условіи нетребовательности къ почвѣ, способности переносить засуху, при значительной сравнительно урожайности и при высокихъ кормовыхъ качествахъ, кукурузѣ предстоитъ огромное распространеніе не только въ Америкѣ и Европѣ, но навѣрно и въ Азіи.

Воздѣлываніе кукурузы въ Туркестанскомъ краѣ могло бы получить широкое развитіе въ особенности въ тѣхъ уѣздахъ (Туркестанскій, Ходжентскій, Зеравшанскій округъ), гдѣ ирригація не удовлетворяетъ всей потребности землепашества и гдѣ мѣстами почвенныя условія (глинисто-песчаныя, сухія почвы) мало благопріятны для хлѣбныхъ растеній. Въ первый годъ надо лишь истолковать туземцамъ пріемы культуры незнакомаго имъ растенія [1]), руководить ихъ въ примѣненіи этихъ пріемовъ на практикѣ, уяснить результаты его воздѣлыванія по сравнительной урожайности, истолковать примѣненіе этого кормоваго растенія, превосходство его зерна и стеблей предъ зерномъ и соломой ячменя.

Такая задача нетрудна, и рядомъ съ отправленіемъ служебнаго дѣла, она можетъ быть успѣшно выполнена безъ всякаго ущерба для канцелярской механики.

Своевременно замѣчавшаяся и туземцами недостаточность атмосферическихъ осадковъ въ горахъ въ началѣ зимы 1877 года обозначилась прежде всего сравнительно низкимъ уровнемъ воды въ Зеравшанѣ, повліявшимъ въ теченіи лѣта прошлаго года на хлѣбные посѣвы Зеравшанской долины вообще и Бухары въ особенности.

Уже въ началѣ минувшаго лѣта, при изслѣдованіи послѣдствій градобитія въ нагорномъ раіонѣ для земледѣльческаго хозяйства туземцевъ [2]), на основаніи общихъ выводовъ наблюденія характера зимы въ горахъ, пришлось отмѣтить эмпирическія предсказанія для Бухары тяжелыхъ послѣдствій полной зависимости ея низовыхъ на Зеравшанѣ земель отъ слабаго уровня воды въ этой рѣкѣ, кормилицѣ густо населенной долины Міонъ-кони (Міянкаль).

Дѣйствительно, въ то время, когда добрая половина всей площади воздѣлываемой земли средней части Зеравшанской долины, весь отдѣлъ Самаркандскій и часть нагорныхъ тюменей, благодаря неизмѣнному все еще дѣйствію нерацiональнаго распорядка хозяйства земледѣльческаго, была сплошь залита на все лѣто водою, для укрытія рисовыхъ (шалы) посѣвовъ, низовыя бухарскія бекства и самый рисообильный городъ Бухара, томясь отъ безводья, посылали усердные арзы (просьбы) удѣлить воды для спасенія посѣвовъ, для спасенія

---

[1]) Кукурузу (*макка-джугара*) сѣютъ подъ Ташкентомъ, въ Бухарскомъ ханствѣ, Гиссарѣ, и въ особенности много — въ Ферганской области у подошвы Южно-Кокандскихъ горъ.

[2]) См. № 22 Туркест, Вѣд. за 1877 годъ.

здоровья населенія, довольствовавшагося гнилой водою изъ прудовъ (хаузъ), не освѣжавшихся по три недѣли.

Въ Зеравшанскомъ округѣ къ просьбамъ подобнымъ были всегда одинаково отзывчивы, и въ теченіи лѣта прошлаго года не разъ дѣйствовали распоряженія о закрытіи на 5—6 дней плотинъ арыковъ Зеравшана для предоставленія воды Бухарѣ.

Но естественно, что, при всей старательности, бдительности, зоркости гг. ирригаторовъ, мирабовъ и надсмотрщиковъ, вода Зеравшана просачивалась въ низовье долины лишь въ количествѣ остатка отъ громадной, непроизводительной затраты ее въ выше отмѣченной земледѣльческой полосѣ для экстенсивной (это относится къ Самаркандскому отдѣлу) обработки заливнаго риса, которому въ противномъ случаѣ отъ недостатка орошенія грозилъ бы сплошной неурожай.

Результаты такого исконнаго порядка вещей въ Зеравшанской долинѣ сказались къ концу сельско-хозяйственнаго 1877 года отчетливыми, наглядными послѣдствіями неурожая позднихъ посѣвовъ (джугара, тарыкъ, кунакъ, гуза и кунджутъ) въ бухарскихъ владѣніяхъ и, съ другой стороны—переполненія рисомъ всѣхъ рынковъ Самаркандскаго и др. отдѣловъ. При этомъ обозначилось въ Самаркандскомъ отдѣлѣ, что при хорошемъ въ самъ-22 прошлогоднемъ урожаѣ риса (шалы) плантаціи загромождены были до того, что хозяева, при всемъ коллективномъ напряженіи усилій, не успѣли его убрать заблаговременно съ полей и огромное количество зерна погибло.

При всемъ этомъ, прошлый годъ, обильный урожаемъ въ Зеравшанскомъ округѣ всѣхъ злаковъ вообще, при крайне ограниченной обработкѣ посѣвовъ пшеницы, ячменя, далъ такой значительный сборъ риса, что еще въ октябрѣ и декабрѣ мѣсяцѣ на всѣхъ рынкахъ округа стояли такія цѣны на хлѣбные продукты:

	За 1 пудъ.
а) Мука	55 коп.
б) Пшеница озим.	50 „
в) Пшеница яровая	55 „
г) Ячмень	34 „
д) Просо	30 „
е) Кунакъ	30 „
ж) Машъ	40 „
з) Джугара	40 „
и) Шалы-рисъ	32 „
к) Крупа рисовая	70 „

Одновременно въ Бухарѣ продавались: пшеница 70 к. за пудъ, ячмень 42 к., джугара 42 к., рисов. крупа 80 к. за пудъ.

Сопоставленіе приведенныхъ цифръ ясно обозначаетъ: 1) что въ 1877 году земледѣльцы Зеравшанскаго округа выработали риса въ количествѣ, значительно превышающемъ потребности населенія всей долины включительно съ Бухарою; 2) что воздѣлываніе риса въ такихъ размѣрахъ пошло въ ущербъ обработки другихъ злаковыхъ продуктовъ, общая потребность въ которыхъ осталась непокрытою на очень значительное количество; 3) что такою неправильною системою хозяйства, при большей сравнительно затратѣ труда на обработку заливнаго риса, чистый доходъ плантацій рисовыхъ получился почти на половину менѣе дохода отъ воздѣлыванія полей подъ пшеницей,—объ этомъ нельзя, конечно, не пожалѣть сочувствіемъ и землевладѣльцамъ, значительно проигравшимъ отъ усердія въ расширеніи запашекъ риса, и, еще болѣе, класса безземельныхъ горожанъ промышленниковъ (харида-хуръ), для которыхъ гораздо важнѣе всегда дешевизна пшеницы, чѣмъ рисовой крупы.

Всѣ эти однако ненормальныя условія хозяйства на Зеравшанѣ перетерпѣлись бы и земледѣльцами, и горожанами, если бы осеннія и зимнія атмосферическія явленія природы были нѣсколько умѣреннѣе.

Къ сожалѣнію, рано установившіеся безснѣжные (карасоукъ) морозы, доходившіе въ началѣ ноября мѣсяца пр. гд. до—12° по Реом., убили всходы значительной части озимыхъ (терамаи) посѣвовъ пшеницы и ячменя въ особенности, какъ въ Зеравшанскомъ округѣ, такъ отчасти и въ бухарскихъ бекствахъ.

Еще болѣе неблагопріятнымъ вліяніемъ подѣйствовали на посѣвы сильные дожди въ первой половинѣ января настоящаго года, сдвинувшіе сразу массы снѣжныхъ накопленій, которые и устремились потоками на равнину. Гибельныя послѣдствія разливовъ ручьевъ и горныхъ потоковъ (силь) сказались почти одновременно разрушеніемъ 3-хъ селеній въ Самаркандскомъ отдѣлѣ и 22 кишлаковъ въ западныхъ бекствахъ бухарскихъ владѣній. При этомъ пострадала и значительная часть посѣвовъ равнины, задавленныхъ осадками разлива потоковъ.

Такимъ образомъ, когда вліяніе двухъ вышеотмѣченныхъ атмосферическихъ явленій начало обозначаться съ полною опредѣленностью плохими предсказаніями на урожай озимыхъ посѣвовъ, съ первыхъ чиселъ февраля мѣсяца началось рѣзкое возвышеніе цѣнъ на всѣ хлѣбные продукты, на фуражъ и на мясо, какъ слѣдствіе усилившагося спроса на этотъ послѣдній продуктъ подъ вліяніемъ дороговизны хлѣба.

Чрезмѣрному возвышенію цѣнъ въ Самаркандѣ и на рынкахъ другихъ торговыхъ пунктовъ отдѣла способствовалъ въ особенности значительно усилившійся въ январѣ мѣсяцѣ вывозъ хлѣбныхъ продуктовъ въ Бухару и Карши, поднявшій къ февралю мѣсяцу цѣны въ округѣ такъ:

	За 1 пудъ.
Мука	1 р. 30 коп.
Пшеница озим.	1 „ 12 „
Пшеница яров.	1 „ 20 „
Просо	70 „
Кунакъ	70 „
Машъ	90 „

	За 1 пудъ.
Джугара	80 „
Шалы-рисъ	50 „
Ячмень	80 „
Клеверъ	46 „
Солома	22 коп.

Мѣстные хлѣбоскупщики (амбордоры), сдѣлавшіе заблаговременно большіе заготовленія, потирали конечно руки въ ожиданіи большихъ дѣлъ, воздерживались нѣкоторое время отъ сбыта хлѣбныхъ запасовъ и тѣмъ еще болѣе усилили дороговизну. Нѣсколько дней первыхъ чиселъ февраля мука продавалась по 1 р. 50 к. за пудъ, а цѣны на остальные продукты поднялись въ такомъ же соотвѣтствіи. Къ счастію городского населенія, этихъ тяжелыхъ дней было не много. Разобравъ своевременно причины чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ подъ вліяніемъ отчасти стачки хлѣбоскупщиковъ, бухарское правительство пустило немедленно въ ходъ карательныя мѣры и регламентаціи, скоро понизившія цѣны съ 15 р. до 10 р. за 1 батманъ муки въ 8 пудовъ. Объявленное въ то же время въ Зеравшанскомъ округѣ, по распоряженію высшей власти, запрещеніе вывоза хлѣбныхъ продуктовъ изъ Самарканда въ бухарскіе бекства косвенно ослабило жадность амбордоровъ и къ 10 февраля цѣны понизились на 30%.

Эти благодѣтельныя мѣры, выручившіе своевременно изъ тяжелой бѣды наиболѣе нуждающійся классъ городской-промышленный, не могли однако повліять на пониженіе цѣнъ на ячмень, такъ какъ земледѣльцы окончательно убѣдились въ несомнѣнности признаковъ предсказанія слабаго урожая. Равнымъ образомъ непонижаются въ цѣнѣ и пшеница яровая (богары), вслѣдствіе, съ одной стороны, значительнаго сравнительно расхода на нее для хлѣбопеченія у туземцевъ (изъ пшеницы озимой лепешки получаются и черныя и невкусныя), съ другой—подъ вліяніемъ большаго спроса на это зерно для весеннихъ посѣвовъ.

Эта послѣдняя потребность ощущается населеніемъ въ такой степени, что землевладѣльцы подгорныхъ мѣстностей, не позволяющихъ обрабатывать рисъ вслѣдствіе слабаго орошенія, обращаются ко всевозможнымъ попыткамъ пріисканія зерна. Къ сожалѣнію, успѣхи ихъ въ этомъ не особенно велики: администрація не можетъ пока [1]) помочь обращающимся съ просьбами туземцамъ-земледѣльцамъ ни деньгами, по неимѣнію той вспомогательной кассы, которая могла бы сослужить здѣсь дорогую услугу, ни тѣмъ болѣе зерномъ, по неимѣнію хлѣбныхъ магазиновъ, которые, правда, и не могутъ существовать здѣсь на тѣхъ началахъ, на которыхъ дѣйствуютъ они въ Европейской Россіи [2]); индусы, прижатые еще съ ноября прошлаго года радикальными мѣрами противъ хищничества ихъ въ дѣлѣ предлагаемаго ими кредита туземцамъ, заканчивая дѣла, чтобы отправиться, какъ большинство разсчитываетъ, въ Кашгаръ, не даютъ болѣе въ ссуду ни денегъ, ни зерна; нисколько не уступающіе индійцамъ въ пріемахъ обирательства простоватаго туземнаго населенія, мѣстные евреи также воздерживаются пока отъ большихъ дѣлъ кредита, какъ бы въ ожиданіи, что мѣры ограниченія денежнаго хищничества съ индійцевъ перейдутъ вскорѣ и на нихъ. Зажиточные сельскіе хозяева, приберегшіе достаточно зерна, благодаря большому земельному хозяйству, не рѣшаются давать его въ ссуду съ условіемъ процента, потому что дѣло это отмѣчено кораномъ „не чистымъ“ (харамъ), отказываютъ бѣднякамъ и въ безпроцентной ссудѣ въ опасеніи возможности неурожая богары и потери такимъ образомъ розданнаго зерна.

Тяжелая и трудная доля ждетъ тѣхъ бѣдняковъ, которые, поддерживаясь искони только лишь хозяйствомъ яровыхъ посѣвовъ, не раздобудутъ зерна къ 10 марта, когда заканчивается запашка богары. Имъ, этимъ и безъ такихъ экстраор-

[1]) Представленіе объ отпускѣ на этотъ предметъ денегъ сдѣлано и есть надежда, что потребность будетъ удовлетворена своевременно.

[2]) При существованіи вспомогательной кассы не были бы затрудненія, въ предвидѣніи такой потребности въ посѣвномъ зернѣ, пріобрѣсти его своевременно и раздавать нуждающимся.

динарныхъ явленій кое-какъ прозябающимъ (тыричилыкъ) труженикамъ, для спасенія жизни останется собрать пожитки, бросить домъ и отправиться на заработки жнитвой въ хлѣбородную полосу, будь она хоть за сотни верстъ.

Нельзя сказать, конечно, чтобы значительный отплывъ изъ данной мѣстности земледѣльческаго трудящагося класса не отзывался въ ней самыми невыгодными экономическими послѣдствіями, и устраненіе потому такихъ явленій желательно въ общихъ интересахъ.

Смѣемъ высказаться, что такія явленія сдѣлаются невозможными, когда доступъ туземцамъ къ кредиту будетъ облегченъ правильнымъ дѣйствіемъ *вспомогательной кассы*, устроенной на такихъ началахъ, отвѣчающихъ требованіямъ жизни туземцевъ, какія намѣчены въ статьѣ: „Замѣтки по Зеравшанскому округу“, помѣщенной въ № 44 и 45 Турк. Вѣд. за 1877 годъ.

Повторяемъ открыто, что только правильное дѣйствіе такого кредита, имѣющее въ виду спеціально интересы туземцевъ, способно принести ожидаемую пользу, обращеніе же кассы въ фондъ для удовлетворенія разныхъ прихотливыхъ потребностей гг. чиновниковъ, волостныхъ управителей и другихъ лицъ служебнаго персонала сослужитъ земледѣльческому классу самую неблагодарную службу, да и неправильную въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ этимъ обозначилось бы, что деньги, собственность населенія-вкладчиковъ, употребляются не по прямому ихъ назначенію.

Какъ въ каждомъ дѣлѣ, если оно выполняется не для успокоенія только предержащихъ властей, не для одного удовлетворенія модѣ, не для убаюкиванія трескотней фразъ любителей послушать, результаты должны обозначиться соотвѣтственные цѣли, такъ и въ дѣлѣ открытія народу организованнаго кредита, преслѣдуя одну цѣль—интересы населенія, можно достигнуть со временемъ полнаго улучшенія благосостоянія его.

Къ вопросу, вызвавшему эту корреспонденцію, мы должны добавить мнѣніе, уже высказанное ранѣе, что экономическое

развитіе Зеравшанской долины стоитъ въ такой же зависимости отъ правильнаго доступнаго кредита, въ какой и отъ системы полеводства; что Бухара съ ея бекствами томится въ засухѣ, часто испытываетъ неурожаи, какъ послѣдствіе недостатка орошенія, вовсе не подъ вліяніемъ метеорологическихъ причинъ, такъ или иначе дѣйствующихъ на колебаніе уровня въ главной оросительной артеріи, а вслѣдствіе небрежнаго, нераціональнаго пользованія водою въ срединной части долины Зеравшана, превратившейся въ сплошную рисовую плантацію.

Поэтому, вопросъ о регулированіи правъ пользованія водою изъ Зеравшана для землепашества составляетъ вопросъ экономической жизни или смерти Бухары.

Этотъ вопросъ настолько капитальный, настолько сложный, настолько широко затрогивающій интересы земледѣльческаго класса, что рѣшить его правильно, радикально можетъ только добросовѣстное, основательное изслѣдованіе, но никакъ не предписанія уменьшить огульно на $^1/_5$ запашки риса, дать „такія-то и такія-то“ свѣдѣнія къ вопросу о размѣрахъ пользованія водою для орошенія рисовыхъ полей и т. п.

Нѣтъ, канцеляріямъ надо предоставить посильныя дѣла, а изслѣдованія экономическихъ вопросовъ края отдать лицамъ знающимъ край, лицамъ преданнымъ дѣлу не для прожектерства, не для фразы, не для отличій; надо отдать этотъ вопросъ изслѣдователямъ, которые были бы заинтересованы въ своихъ трудахъ не слабенькимъ газетнымъ гонораромъ, едва окупающимъ вечернее кабинетное освѣщеніе, а солидной преміей.

Нерѣдко приходится слышать и читать неподдѣльныя сѣтованія разныхъ благожелателей на плохое будто бы состояніе сельскаго хозяйства, какъ прямое слѣдствіе отсутствія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и отсутствія агрономическихъ знаній у туземцевъ. Всѣ такіе упреки подкрѣпляются обыкновенно доводами исключительно первыхъ впечатлѣній о неблаговидномъ, правда, *омачѣ* (плугъ) и прочихъ примитивныхъ мѣстныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ. Нимало не отстаивая внѣшность этихъ первобытныхъ орудій, мы однако рѣшаемся сказать, что прежде чѣмъ проводить примѣненіе такихъ утонченныхъ лѣкарствъ, какъ образцовыя фермы и сады, какъ введеніе въ хозяйство туземцевъ машиннаго инвентаря, послѣдовательно было бы разобрать слѣдующіе вопросы: 1) какой получается результатъ обработки земли „первобытными“ орудіями, приводящими въ ужасъ знатоковъ сельскаго хозяйства; 2) сколько истрачиваетъ каждогодно туземецъ на поддержаніе въ надлежащей исправности сохи, бороны и проч.; 3) позволяютъ ли условія хозяйства у туземцевъ мечтать объ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ; 4) что въ состояніи сдѣлать образцовая ферма для сельскаго хозяйства, достаточно интенсивнаго и лишеннаго возможности заводить и держать гогенгеймскіе плуги и прочее?

Если бы гг. благожелатели разобрали предварительно и совершенно спокойно эти вопросы, порывы ихъ къ прописыванію лѣкарствъ для мѣстнаго сельскаго хозяйства навѣрное значительно ослабѣли бы и къ допотопному омачу они отнеслись бы съ бо́льшимъ уваженіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разбирая первый вопросъ по даннымъ дѣйствительности, мы видимъ, что при обработкѣ земли существующими у туземцевъ орудіями получаются урожаи отъ самъ-шесть до самъ-двадцать, т.-е. съ одной десятины можно получить 96 пудовъ пшеницы или ячменя, 160 пудовъ риса (*шалы*), 80 пудовъ проса (*тарыкъ*), 200 пуд. джугары (*сорго*), 60 пуд. табаку, 50 пуд. льну (*зыгирь*), 140 пуд. дженушки (*люцерна*), 800 пуд. винограда, 60 пуд. хлопка.

Антагонисты туземнаго плуга могутъ сказать, пожалуй, что главнымъ факторомъ такой урожайности служитъ баснословная плодородность почвы съ одной стороны, а съ другой—нечеловѣческое усердіе туземнаго пахаря въ подниманіи подпочвы до четырехъ разъ.

Но допуская даже полную основательность этихъ доводовъ, съ отмѣткою, однако, фактовъ полученія лучшихъ урожаевъ только на земляхъ, хорошо обработанныхъ троекратною вспашн-

кою и удобренныхъ навозомъ, мы не можемъ не задаться, въ свою очередь, вопросомъ: зачѣмъ же туземцу англійскій плугъ? Почему ему не работать своимъ простымъ плугомъ?

Знатокъ сельскаго хозяйства улыбнется, ожидаю, такому невѣдѣнію основныхъ положеній земледѣльческаго производства: меньшей затраты труда для полученія одинаковыхъ результатовъ, и скажетъ въ защиту англійскаго плуга, что одна вспашка имъ равняется, для цѣлей паханія, четыремъ вспашкамъ туземнаго плуга, что послѣдній не пашетъ, а роетъ землю, оставляя массу огрѣховъ, что, напримѣръ, борона въ работѣ заставляетъ боронатора выдѣлывать самыя причудливыя позы, и т. п.

Не будучи совершенно спеціалистомъ, я и не стану доказывать, способенъ ли какой бы то ни было плугъ замѣнить въ здѣшнихъ мѣстностяхъ, съ своими рѣзкими особенностями климата и почвы, одной вспашкой, о которой ратуютъ знатоки, то число вспашекъ: отъ трехъ — для пшеницы, до шести — для рису, которое принято въ земледѣльческомъ хозяйствѣ туземцевъ.

Эмпирически мнѣ кажется, однако, что урожаи въ здѣшней полосѣ глинисто-песчаныхъ почвъ обусловливаются именно неглубокимъ паханіемъ и частымъ, отъ 4 до 7 разъ, переворачиваніемъ почвеннаго слоя, для насыщенія его воздухомъ и обогащенія этимъ путемъ нужными для растенія питательными веществами.

Насколько такимъ образомъ загадочна способность англійскаго плуга замѣнить омачъ въ меньшей затратѣ времени на паханіе, настолько же очевидна неудобопримѣнимость этого плуга при ограниченномъ, слабосильномъ мѣстномъ скотѣ, при совершенномъ бездорожьѣ въ раіонѣ хлѣбопашества, не затрудняющемъ однако пахаря теперь, когда плугъ свой, вѣсомъ въ $1\frac{1}{2}$ пуда, онъ навьючиваетъ на ишака и свободно переправляется такимъ образомъ чрезъ рытвины, чрезъ канавы, нерѣдко за десятокъ верстъ отъ своего дома.

Если бы гг. рецептаріусы всмотрѣлись хорошенько: въ какомъ видѣ, съ какимъ жалкимъ рабочимъ скотомъ возвращается каждый разъ съ поля пахарь-туземецъ, они конечно разсчитали бы, что при такихъ размѣрахъ хозяйства мѣстному землевладѣльцу нечѣмъ поднять благодѣтельный западный плугъ, пригодность котораго отъ этого въ здѣшнемъ краѣ болѣе нежели сомнительна.

Если порицатели туземнаго плуга и бороны усомнятся въ достовѣрности вышеприведенныхъ цифръ урожайности въ Зеравшанскомъ округѣ, получаемой плодоперемѣнной системой хозяйства съ паромъ и навознымъ удобреніемъ только для риса и огородовъ, они повѣрятъ вѣроятно или убѣдятся опросомъ, что косвенный виновникъ такихъ результатовъ, туземный плугъ или омачъ стоитъ всего 1 р. 10 к. въ первоначальномъ обзаведеніи и отъ 40 к. до 4 р. 20 к., смотря по размѣрамъ хозяйства, каждогодно на перемѣну чугуннаго башмака (*тыш*) [1]; остальныя земледѣльческія орудія: борона изъ доски (*малля*), ярмо (*муюнъ-турукъ*), борона съ желѣзными зубьями (*дондона*) стоятъ 5 р. 40 к. и служатъ, какъ и плугъ, 3—6 лѣтъ.

Выходитъ, такимъ образомъ, что земледѣлецъ съ одной парой быковъ затрачиваетъ на хозяйственный инвентарь около 7 р. при обзаведеніи и отъ 60 до 80 коп. на каждогодное исправленіе.

Отвѣчая на третій вопросъ, скажемъ, что туркестанскій земледѣлецъ не въ состояніи и мечтать объ улучшенныхъ западныхъ орудіяхъ, такъ какъ отдѣлить изъ полученной ренты необходимую сумму на такой инвентарь онъ рѣшительно не можетъ.

При условіи до крайности мелкаго землевладѣнія, при условіи поразительной дешевизны продуктовъ сельскаго хозяйства, вслѣдствіе отсутствія возможности сбыта хлѣба на отдаленные рынки, здѣшнему туземцу приходится сдерживать порывы къ комфорту домашнему, хозяйственному, и строго сообразовать затраты съ количествомъ ртовъ своей семьи.

[1]) На вспашку каждой десятины земли требуется два тыша = 15 коп., съ придачей стараго сошника.

Пока такія условія останутся неизмѣнными, пока пустыри Туркестанскаго края будутъ оставаться въ неспособности принять на свою новь огромный числомъ безземельный классъ, предлагающій свои услуги земледѣльцамъ по 8—12 коп. за четырнадцати-часовой трудъ въ полѣ, до тѣхъ поръ ни одинъ туземецъ не шевельнется къ предпочтенію дорогихъ земледѣльческихъ орудій весьма дешевымъ, но выполняющимъ свое назначеніе вполнѣ удовлетворительно.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ для примѣра хотя бы въ Самаркандскомъ раіонѣ хозяйство въ 80 танаповъ — крупнаго землевладѣльца и въ 8 танаповъ—малаго состоянія.

Изъ общаго количества земли первый земледѣлецъ оставитъ по установленному порядку 26 танаповъ подъ паромъ (*шудіарг*); остальные 54 танапа онъ засѣетъ: пшеницею озимою — 16 танаповъ, ячменемъ озимымъ — 6 танаповъ, подъ ленъ (*зыгирг*)—4 танапа, подъ рисъ (*шалы*)—26 танаповъ, подъ огороды—2 танапа.

Допустимъ, что при хорошемъ урожаѣ такой землевладѣлецъ соберетъ пшеницы 360 пудовъ, ячменя 100 пудовъ, льну 46 пудовъ, рису 1040 пудовъ, арбузовъ и дынь до 1000 штукъ, соломы (*саманг*) 1000 каповъ. При существующихъ, напримѣръ, въ данное время цѣнахъ на продукты, это составитъ всего 700 рублей.

Для полученія чистой прибыли отъ такого хозяйства, вычтемъ изъ 700 р. годовую стоимость поддержанія обрабатывающихъ орудій—12 р., стоимость самой обработки пятью годовыми рабочими (*итымъ*)—160 р., за жнитву поденнымъ жнецамъ — 40 р., стоимость навоза для удобренія рисовой плантаціи—94 р., стоимость содержанія трехъ паръ быковъ (*3 коша*)—10 р., а всего расхода 396 р.; получимъ въ остаткѣ 304 р. Выдѣлимъ отсюда: 100 р., т.-е. 33% въ подати окладныя, поземельныя, земскія и общественныя, 4 рубля по количеству зерна, получаемаго приходскимъ муллою съ каждаго *хирмана* (токъ) въ знакъ превращенія тѣмъ хлѣба изъ *харамъ* (отъ помета быковъ при обмолотѣ) въ *халялъ* (очищенный),

4 р., по количеству хлѣба, получаемаго орденскимъ ишаномъ, не опускающимъ случая посѣтить, по снятіи хлѣбовъ, каждый кишлакъ и насказать простодушнымъ жителямъ, что подати сокращены по его, ишана, молитвѣ.

Такимъ образомъ, за всѣми обыкновенными расходами, у собственника 80 танаповъ, т.-е. 20 десятинъ, останется 196 р. чистой годовой ренты отъ хозяйства.

При самомъ умѣренномъ образѣ жизни, съ семьей изъ двухъ женъ, изъ четырехъ дѣтей, изъ трехъ родственниковъ, этой суммы едва достаточно, чтобы прокормиться согласно требованіямъ гигіены, чтобы одѣться всѣмъ въ халаты такъ, какъ требуютъ этого отъ *бадавлета* (богатый и могущественный) общественныя установленія и обычаи.

Если принять къ вычисленію доходности такого хозяйства также и стоимость аренды 80 танаповъ земли 600 руб., то останется только одинъ вопросъ: почему же туземцы не отдаютъ безхлопотно свою землю въ аренду, а предпочитаютъ обрабатывать сами, чтобы получить доходъ въ $1^1/_2$ раза меньше.

Потому, отвѣчаютъ землевладѣльцы, что нѣтъ такого обыкновенія (*тагомула*) давать землю, такъ какъ каждый разсчитываетъ на повышеніе цѣнъ, кормится отъ земли хлѣбомъ, овощами и, въ-третьихъ, наконецъ, земля, отданная въ аренду, приходитъ скорѣе въ запустѣніе, истощается.

Туземцы разсчитываютъ изъ этого, что малое хозяйство въ 20—28 танаповъ (4—7 десятинъ), обработываемое бо̀льшею частью съ членами семейства, съ помощью родственниковъ, при маломъ числѣ рабочаго скота, приноситъ относительно большій доходъ.

Каково же, благодаря условіямъ дешевизны продуктовъ, положеніе мелкаго землевладѣльца?

При 8 танапахъ, не оставляя ничего подъ паромъ, а обработывая все съ удобреніемъ подъ рисомъ и пшеницей, онъ, при условіи обработки этого клина съ помощью своихъ родственниковъ, безъ наемныхъ рабочихъ, можетъ получить наи-

большее 60 р. годового дохода, очищеннаго податями, мулами и ишанами.

Можно ли тутъ думать о гогенгеймскомъ плугѣ, объ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ, для которыхъ неизбѣжно нужны усовершенствованныя руки, усовершенствованныя дороги, усовершенствованный рабочій скотъ, усовершенствованная достаткомъ жизнь? Конечно нѣтъ, отвѣтитъ всякій, вѣрующій въ приведенныя цифры доходности большихъ и малыхъ хозяйствъ здѣшней полосы.

Рьяные поклонники фермъ и всякихъ усовершенствованій безъ опредѣленія ихъ практичности, выгодности, скажутъ пожалуй, что, со введеніемъ „раціональныхъ“ пріемовъ обработки почвы, туземныя хозяйства реорганизируются и существующее теперь раздробленное до minimum'а одной десятины мелкое землевладѣніе будетъ поглощено крупнымъ, которое позволитъ держать машинный инвентарь. Но такія мечтанія граничатъ уже прямо съ галлюцинаціями. Проводить въ этомъ краѣ, изъ какихъ бы то ни было видовъ, теоріи развитія крупнаго земледѣлія на счетъ сокращенія мелкихъ собственниковъ — значитъ стремиться къ созданію аграрной путаницы, къ низведенію значительной доли туземцевъ на степень паріевъ или рабовъ зажиточнаго класса, къ извращенію всего общественнаго строя жизни туземнаго населенія.

Намъ кажется, на основаніи нѣкотораго знанія быта туземцевъ и экономическаго положенія края, что подобное стремленіе, какими бы то ни было путями, не можетъ обойтись безъ упорной, продолжительной борьбы между неравенствомъ состояній, такъ какъ эта борьба будетъ борьбою за существованіе въ тѣсномъ смыслѣ этого опредѣленія.

Приходится заботиться такимъ образомъ о развитіи размѣровъ земледѣльческихъ хозяйствъ не на счетъ утонченнаго захвата, а путемъ развитія ирригаціи, для обращенія къ производительной жизни того огромнаго количества необработанной земли, которое сопровождаетъ берега Сыра, Аму и отчасти Зеравшана.

Слѣдовательно, въ настоящей фазѣ экономическаго положенія края и населенія, требуются прежде всего мѣры увеличенія благосостоянія народа чрезъ возможное расширеніе сельско-хозяйственной, кустарной, торговой, фабричной промышленности, требующихъ соотвѣтственнаго сбыта, невозможнаго однако безъ дорогъ, и быстраго сообщенія съ отдаленными рынками.

О КРЕДИТѢ У ТУЗЕМЦЕВЪ [1].

Каждому, безъ сомнѣнія, приходилось слышать давно изреченную аксіому, что экономическія препятствія дѣйствуютъ вообще не только въ матеріальномъ отношеніи, создавая нищету и голодъ, но и ставятъ почти неодолимыя преграды развитію умственному и нравственному.

Было доказано неоднократно изслѣдованіями и наблюденіями, что явленія, препятствующія свободному развитію народнаго благосостоянія, происходятъ съ одной стороны отъ вліянія внѣшнихъ силъ природы, съ другой—отъ условій общественнаго строя, составляющихъ историческій результатъ жизни цѣлаго народа.

Хотя препятствія, поставляемыя человѣку природою, являются въ самыхъ разнообразныхъ видахъ до того, что приходится бороться съ силами природы за свое существованіе, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ туземцамъ, безъ труда они могутъ быть отмѣчены съ бо́льшей или меньшей точностью. Кто не знаетъ, напримѣръ, какихъ постоянныхъ усилій стоитъ мѣстному земледѣльцу поднятіе земли къ производительности, какихъ періодическихъ затратъ труда и капитала требуетъ отъ земледѣльца поддержаніе искусственнаго орошенія, безъ котораго немыслима накакая производительность почвы! Извѣстны также безчисленныя метеорологическія явленія, какъ-то безвременный холодъ, весенніе морозняки-утренники, лѣтній градъ

[1]) Напечатано 1877.

безвременная облачность неба, іюльскій горячій вѣтеръ,—дѣйствующія въ разной степени на урожайность и лишающія нерѣдко труженика-пахаря жатвы. Столько же, если не больше, приходится выдерживать земледѣльцу усиленной борьбы въ охраненіи полей отъ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ, какъ-то гусеницъ, краснаго шестиногаго насѣкомаго *зарда* и въ особенности отъ саранчи (Pachytylis migratorius).

Какія изъ этихъ явленій: силы стихій или представители міра насѣкомыхъ держатъ въ бо́льшей зависимости земледѣльца—опредѣлить трудно. Можно сказать только, что появленіе такихъ насѣкомыхъ, какъ саранча, зарда, случающееся и въ здѣшней полосѣ чрезъ періоды 10 — 12 лѣтъ, захватываетъ бѣдствіемъ огромный раіонъ населенности, тогда какъ дѣйствіе метеорологическихъ явленій—большею частію мѣстное, ограниченное незначительнымъ раіономъ. Послѣднія явленія, какъ напримѣръ: зимнія стужи, бураны и гололедицы гораздо въ бо́льшей мѣрѣ губительны для скотоводческаго класса, лишающагося весьма часто всего своего состоянія. Но вообще довольно трудно сказать, какая отрасль хозяйства: земледѣльческая или скотоводческая менѣе подвержена разнымъ роковымъ случайностямъ.

По отношенію къ Зеравшанской долинѣ извѣстны, напримѣръ, повсюдное истребленіе злаковъ саранчею въ 1869 году и безснѣжною холодною зимою въ 1870 году; но также памятны и для скотоводовъ суровыя зимы 1856, 1868 и 1871 годовъ, истребившія буранами, въ Джизакской степи, весь мелкій скотъ.

Однако слѣдуетъ засвидѣтельствовать изъ тщательно провѣренныхъ разспросовъ, что бѣдствія населенія отъ неурожаевъ и истребленія посѣвовъ, были всегда несравненно серьезнѣе потерь скотоводовъ. Такъ, напримѣръ, неурожаи 1870 года повлекли за собою такое возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ, до трехъ рублей за пудъ зерна пшеницы, что населеніе всей Зеравшанской долины, включительно съ Бухарою и ея бекствами, жило впроголодь почти два года. Приходилось туземцамъ или

закабаливать себя на нѣсколько лѣтъ въ должники разнымъ благодѣтелямъ, или, какъ большинство распорядилось, довольствоваться малопитательной мукой изъ проса, джугары *(завара)*, а также смѣсью тертой соломы, кислаго растенія ривачь съ весьма небольшимъ количествомъ какой попало муки. Не всѣмъ впрочемъ доставалась даже такая порція; нѣкоторые питались дикими луковицами *замбарукъ*, растущими въ поемныхъ мѣстахъ, или корнемъ растенія *татинъ*, откапываемаго въ горахъ Магіана, и тотъ годъ повсюду было не мало жертвъ скорбута, не мало преступленій, вынужденныхъ борьбою съ нуждой за себя лично и за цѣлую семью.

Тотъ несчастный годъ памятенъ населенію общими, самыми ужасными бѣдствіями, памятенъ округу вторженіемъ голодныхъ людей, шайками преступниковъ и партіями рабочихъ, предлагавшихъ услуги дневнаго труда за 3 горсти муки, за нѣсколько лепешекъ.

Въ Бухарѣ каждодневно разыгрывались тогда, на городскихъ площадяхъ и въ оградахъ мечетей, самыя ужасныя драмы. Голодный народъ, съ женами и дѣтьми, съ утра собирался предъ дворцомъ эмира, предъ домами знатныхъ, богатыхъ людей и просилъ хлѣба. На глазахъ властей родители запродавали за нѣсколько чашекъ муки своихъ дочерей, пригожихъ мальчиковъ. Оборвавшійся до наготы людъ отогрѣвался зимою, среди площадей, предъ даровыми кострами и все-таки каждодневно было нѣсколько умершихъ жертвъ голода. Частная благотворительность не въ силахъ была уже помогать бѣднымъ. Правительству пришлось изыскивать средства къ уменьшенію бѣдствія. Громадныя толпы голодныхъ были отправлены въ одинъ день на арбахъ въ ближайшіе мазары, гдѣ поддерживались нѣсколько мѣсяцевъ на счетъ вакуфныхъ средствъ. Въ то же время, остальнымъ неимущимъ, махрамы [1]) раздавали каждодневно чашками пищу въ оградѣ главной городской мечети *Калянъ*, и все-таки голодающіе вопили, оставляли украдкою своихъ дѣтей у дверей богатыхъ, у воротъ цитадели.

[1]) Придворная прислуга.

Пришлось издать строгія запрещенія противъ дороговизны хлѣбныхъ продуктовъ и установить, чрезъ раисовъ, преслѣдованія оптовыхъ торговцевъ *(альбордары)* за нарушеніе постановленій таксы. Эти регламентаціи, однако, и мѣры конфискованія, въ пользу голодныхъ, запасовъ нѣкоторыхъ жадныхъ хлѣботорговцевъ принесли пользу только раисамъ, полицейскимъ чиновникамъ, но не народу. Къ концу кризиса, глухой сначала ропотъ населенія началъ принимать характеръ открытаго голоднаго волненія. Явилась необходимость усилить размѣры раздачи пищи на счетъ правительства, но въ то же время пришлось воспретить исконный обычай отчитыванія предъ главной мечетью погребаемыхъ мусульманъ.

Можно представить себѣ, что было бы затѣмъ, если бы неурожай продолжался, и если бы всегда услужливая въ такихъ случаяхъ холера *(воба)* не спровадила въ 1872 году доброй части изможденныхъ голодомъ людей.

То было тяжелое время, памятное бѣднякамъ активными страданіями, а наблюдателямъ — потрясающими картинами бѣдствій. Тогда не извѣдали роковыхъ бѣдствій только горцы всегда богатаго хлѣбомъ Фараба и Магіана, да желтолицые сыны Будды, пировавшіе насчетъ всеобщаго несчастія. Первые сняли въ тотъ годъ хорошую жатву и продавали хлѣбъ зерномъ на мѣстѣ, въ своихъ кишлакахъ, отъ 1 р. 40 к. до 2 р. за пудъ, индійцы же открыли свои амбары и сбывали хлѣбное зерно по 3 руб. за пудъ на наличныя деньги, или въ долгъ, подъ документальное условіе, по которому рубль превращался чрезъ 10 мѣсяцевъ въ 4 р., чрезъ 14 мѣсяцевъ въ 4 р. 80 коп, чрезъ два года въ 7 руб. 60 коп.

Чтобы судить, насколько для жителей Самаркандской долины было тяжело время послѣдняго неурожая, насколько поживились тогда отъ этого всеобщаго бѣдствія ростовщики, достаточно убѣдиться въ томъ, что большая часть населенія и теперь, чрезъ 6 лѣтъ обильныхъ урожаевъ, въ значительномъ долгу у индійцевъ.

Чтобы судить, съ другой стороны: въ какой мѣрѣ отвѣ-

чаетъ нуждамъ народа и интересамъ края вообще тотъ единственный пока кредитъ, который находитъ каждый у процентщиковъ-индійцевъ (долина Зеравшана, Ходжентъ и Ташкентъ) и у бухарскихъ евреевъ (Чимкентъ, Ауліе-ата и Туркестанъ), необходимо разобрать этотъ вопросъ детально, не отклоняясь ни на іоту отъ дѣйствительныхъ фактовъ, доступныхъ каждому къ провѣркѣ.

Прежде всего надо сказать, что неопровержимой, типичной особенностью характера всего осѣдлаго сельскаго населенія края служитъ скромность, воздержность въ обыденномъ образѣ жизни, въ потребностяхъ пищи, одежды и домашней обстановки.

Кому неизвѣстна стойкость туземца въ перенесеніи всевозможныхъ лишеній, включительно съ прародительскими нуждами—голодомъ и холодомъ? Кому не приходилось наблюдать геройски терпѣливое превращеніе, вслѣдствіе житейскихъ неудачъ, богача туземца, задававшаго тонъ на доходной должности, въ совершеннаго нищаго? Кто не видѣлъ домашней обстановки зажиточныхъ туземцевъ, мало чѣмъ отличающейся отъ такой же обстановки его односельца съ весьма ограниченнымъ состояніемъ? Кому не приходилось наблюдать, и вѣроятно удивляться, способности туземнаго земледѣльца или работника-мардекера отбывать каждодневно четырнадцатичасовой тяжелый трудъ, оплачиваемый къ тому же, точно въ шутку, 8—12 коп. у сартовъ, 20—25 коп. на работахъ у русскихъ?

А трудовая, полная лишеній жизнь горцевъ Фальгара, Матчи и Ягноба—что это такое, какъ не самая рельефная борьба за существованіе, какъ не геройская выносливость, опредѣляющая крѣпость физической и отчасти духовной природы таджика?

Съ этими-то особенностями характера, отчасти прирожденными, отчасти выработавшимися условіями исторической жизни народа, стоятъ въ прямомъ отношеніи наклонности туземцевъ къ накопленію состоянія, достаточная скупость, доходящая у многихъ до жадности, замѣтная обособленность интересовъ и, какъ слѣдствіе также замкнутости быта, совершенная неспособность къ солидарности въ предпріятіяхъ, къ корпоративному труду.

При такихъ отличительныхъ свойствахъ этической природы туземнаго осѣдлаго населенія, естественно видѣть прямыми и единственными поводами кредитоваться—нужду, во всѣхъ ея разнообразныхъ оттѣнкахъ включительно съ традиціонными и податными обязательствами. Въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь къ общему голосу, разспросите людей правдивыхъ, близко стоящихъ къ народу, разспросите казіевъ, совершающихъ долговые акты—и вы услышите отовсюду, что туземецъ прибѣгаетъ къ кредиту не ради прихотливыхъ затѣй, а „*башига ишь тушеретуганъ*“, т.-е. подъ давленіемъ какихъ-нибудь житейскихъ невзгодъ. „Хлѣбушка нѣтъ, валится домъ“—надо добыть денегъ, чтобы успокоить рты, прикрыться отъ непогоды. Пропалъ быкъ—надо добыть денегъ, чтобы не остаться безъ пахоты, безъ хлѣба. Украли лошадь—надо купить другую, чтобы при постоянной надобности не одолжаться у сосѣдей. Умеръ кто-нибудь въ семьѣ—надо добыть денегъ, чтобы справить поминки, такъ какъ требуетъ того обычай, т.-е. съ роздачею на могилѣ поминальнаго *иртыша* (аршинъ ситцу, алачи, бязи) съ угощеніемъ, чрезъ три дня послѣ погребенія, знакомыхъ. Пришло время выдавать замужъ дочь, женить сына или совершить обрѣзаніе подростку—нужно не мало на все это денегъ, чтобы отбыть празднества эти такъ, какъ принято обычаемъ, какъ требуетъ того давно установившійся порядокъ жизни. Наѣхали ишаны, пристаетъ приходской мулла и мектебъ-даръ (учитель)—надо ублаготворить перваго, чтобы избавиться отъ проклятій, надо дать лепту и двумъ послѣднимъ, по долгу прихожанина, по долгу обязательства платежа за обученіе дѣтей грамотѣ. Пришло время, иногда слишкомъ не въ пору, платежа податей—надо добыть денегъ, чтобы сбросить съ себя, цѣною какихъ бы ни пришлось жертвъ, долгъ казнѣ, котораго туземцы боятся больше всего.

Вотъ какія единственно обстоятельства вынуждаютъ туземца-землевладѣльца, торговца и кустаря, при неимѣніи ни-

чего къ продажѣ, при отсутствіи поддержки у родныхъ, обращаться къ кредиту, который встрѣчается исключительно у индійцевъ и евреевъ, въ силу существованія первой суры корана, предрекающей вѣчный адъ тому правовѣрному, который воспользуется процентомъ отъ ссуды.

Нельзя сказать однако, чтобы эта предусмотрительная сура дѣйствовала на всѣхъ сартовъ одинаково сдерживающе. Какъ противъ каждаго положенія шаригата можно найти толкованіе *(ривоятъ)*, исключающее его, такъ и противъ суры находятъ душуотпускающую вылазку, и я знаю не мало правовѣрныхъ въ Туркестанѣ и Чимкентѣ, обирающихъ простодушныхъ киргизовъ съ тою же жадностью, съ тѣмъ же нахальствомъ въ обманахъ, съ какими грабятъ степныхъ рыцарей пришлые евреи-ростовщики. Въ этомъ случаѣ для сарта, еврея и индійца служитъ неизмѣнно общая заповѣдь: „забудь все, но помни, что есть деньги и загребай ихъ безъ разбора средствъ“. Такъ ростовщики Туркестанскаго края и дѣйствуютъ. Требуется, напримѣръ, бѣдному земледѣльцу зерно для посѣва, и если онъ взялъ у индійца 8 пудовъ, то чрезъ четыре мѣсяца возвращаетъ 16 пудовъ, а при невозможности разсчитаться полностью въ срокъ, индіецъ тащитъ свою жертву къ суду и совершаетъ документальную сдѣлку платежа чрезъ 6 напримѣръ мѣсяцевъ, стоимости деньгами уже 40 пудовъ. Такимъ образомъ, не разсчитавшійся по случайности въ срокъ бѣднякъ возвращаетъ, чрезъ 10 мѣсяцевъ отъ первой сдѣлки, ссуду въ самъ-пять. То же самое и при займахъ денегъ, съ тою особенностью, что съ богатаго ростовщикъ беретъ меньшій процентъ, чѣмъ съ бѣднаго, по тѣмъ конечно соображеніямъ, что первый пригодится и на будущее время, тогда какъ съ бѣдняка надо успѣвать содрать послѣднее. Такъ это и дѣлается. Простоватый сельскій землевладѣлецъ получаетъ отъ индійца на четыре мѣсяца, напримѣръ, 24 рубля подъ условіе платежа въ мѣсяцъ по 10 коп. съ рубля, т.-е. 120% [1]).

[1]) Въ пору общей потребности въ деньгахъ платятъ и по 15 коп. съ рубля, т.-е. 180%.

Заимодавецъ и ссудополучатель отправляются къ участковому казію, объявляютъ содержаніе сдѣлки и такъ какъ шаригатъ считаетъ проценты безусловно нечистымъ *(харамъ)* дѣломъ, оскверняющимъ и плательщиковъ и казіевъ, допускающихъ подобныя обязательства, то здѣсь, отъ временъ перваго мусульманскаго кодификатора (*муштафитъ*), муллы Шамендына, придумана довольно простенькая вылазка: правовѣрный объявляетъ въ судѣ, что онъ получилъ отъ заимодавца такую-то сумму подъ временное отчужденіе (баи джаисъ горау) своей недвижимости (домъ, садъ, земля пахатная), которую беретъ отъ залогопринимателя въ пользованіе на „такой-то“ срокъ, за „такую-то сумму“. Какъ видите, оборотная сторона сдѣлки весьма прозрачна: залогодавецъ-мусульманинъ пользуется заставленной недвижимостью, какъ разъ за выговоренный ростовщикомъ процентъ. Но самый благочестивый казій и муфтій, подыскиватель ривоятовъ, считаютъ такую софистическую редакцію сдѣлки вполнѣ отвѣчающею требованіямъ шаригата и совершаютъ закладную, получая за приложеніе печати отъ 2 руб. до 20 коп.

Въ случаѣ неуплаты въ срокъ по закладной, должникъ или опутывается новой сѣтью полученія на нѣсколько мѣсяцевъ отсрочки, подъ одинаковые съ первой ссудой проценты, подъ усиленную закладную, или же, въ случаѣ несостоятельности къ платежу, лишается залога.

Обыкновенно бываетъ такъ, что нѣсколько первыхъ послѣ выдачи ссуды мѣсяцевъ индіецъ предупредительно любезенъ съ должникомъ, напѣваетъ ему обѣщанія снисхожденія по займамъ на будущее время, получаетъ съ своей жертвы каждомѣсячные проценты безъ отмѣтокъ полученія, и когда дѣло дойдетъ до судебнаго разбирательства, взыскиваетъ капитальную сумму, а также вторые проценты. И такихъ несчастныхъ жертвъ нахальнаго обмана, уплачивающихъ, по простотѣ души и невѣдѣнію ст. 409 устава гражданскаго судопроизводства [2]),

[2]) Ст. 409 уст. гр. суд. свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы

240% на капиталъ, немало. У индійцевъ вошло также въ неизмѣнное правило залавливаніе кліентовъ полученіемъ, вмѣсто денежныхъ долей процентовъ, продуктовъ хозяйства, удешевляемыхъ въ такихъ случаяхъ на половину базарной стоимости ихъ.

Сплошь и рядомъ, окончательно простоватые должники, какихъ между узбеками не мало, уплачиваютъ съ аккуратностью помѣсячно не только проценты, но и части ссуды, и когда по разсчету подойдетъ погашеніе долга—простякъ выплачиваетъ за свою оплошность во второй разъ.

Каждый почти индіецъ, предъ оставленіемъ раіона своихъ подвиговъ, обыкновенно чрезъ 5—8 лѣтъ, систематически опутываетъ такими продѣлками своихъ должниковъ, предоставляя окончательный разсчетъ съ ними въ двойныхъ полученіяхъ ссуды и % своимъ преемникамъ, родственнику или вѣрному приказчику. Эти послѣдніе, получивъ отъ своего предмѣстника за ничтожное вознагражденіе давно оплаченныя росписки, предъявляютъ взысканія по нимъ, и такимъ образомъ въ короткое время изъ ничего составляютъ средства, на которыя залавливаютъ туземцевъ во всю ширь своего прирожденнаго и воспитаннаго нахальства.

Хотя, при отсутствіи какихъ бы то ни было мѣстныхъ положеній о ростовщикахъ и при совершенномъ пока игнорированіи вліянія такого грабительскаго кредита на благосостояніе населенія, у насъ ни въ одномъ управленіи не имѣется данныхъ къ уясненію размѣровъ зла по валовымъ доходамъ индійцевъ, тѣмъ не менѣе представляется и теперь возможность сдѣлать приблизительный учетъ общимъ оборотамъ ростовщиковъ. Правда, единственными данными къ этому служатъ для насъ поясненія самихъ туземцевъ и отчасти наблюденія за ростовщичествомъ во время двухгодичной судебной

доказательствомъ тѣхъ только событій, для которыхъ по закону не требуется письменнаго удостовѣренія".

Такіе случаи на судѣ у казія оканчиваются всегда или новой сдѣлкой тяжущихся, или предложеніемъ отвѣтчику присяги, которой обыкновенно не принимаютъ.

практики въ Туркестанѣ; но потому-то предлагаемые выводы и останутся только приблизительными, съ цифрами скорѣе уменьшенными по осторожности, чѣмъ увеличенными.

Принимая въ разсчетъ изъ многочисленныхъ объясненій туземцевъ и казіевъ, что всѣ индійцы, промышляющіе въ Зеравшанскомъ округѣ, среднимъ числомъ вырабатываютъ въ годъ чистой прибыли 1700 рублей каждый, получимъ на 266 индійцевъ, живущихъ въ Самаркандскомъ отдѣлѣ, 452200 руб. (на 68 человѣкъ катта-курганскихъ—115600 руб., на 9 человѣкъ проживающихъ въ Пенджекентѣ—15300 рублей, на 32 человѣка, промышляющихъ въ Ургутѣ—54400 р.), а всѣ 375 индійцевъ собираютъ съ населенія Зеравшанскаго округа 537500 рублей каждогодно. Въ шесть лѣтъ, послѣ которыхъ индійцы ликвидируютъ обыкновенно свои дѣла, это составитъ 3225000 рублей, безвозвратно уплывающихъ въ Индію во образѣ только лишь русскаго золота [1]).

Повторяемъ, что мы нисколько не страшимся за эту довольно аккуратную цифру, такъ какъ всѣ данныя и долголѣтнія наблюденія говорятъ намъ, что множитель вычисленій сравнительно весьма умѣренный.

Зная хорошо болѣе нежели скромный образъ жизни индійцевъ, обусловливающій возможность накопленія средствъ, имѣя въ виду, что индійцы не вывозятъ къ себѣ на родину изъ Туркестанскаго края никакихъ русскихъ и мѣстныхъ товаровъ—мы не колеблемся утверждать также, что все количество золота вывозится періодически исключительно въ Индію.

Для возможно яснаго освѣщенія дѣла, остается привести

[1]) Въ противуположность городамъ при-сыръ-дарьинскимъ, гдѣ кочевое населеніе обираютъ исключительно евреи, вырабатывающіе въ годъ чистой прибыли отъ 6 до 1 тысячи руб. каждый, въ долинѣ Зеравшана собираютъ дань одни индійцы. Евреи же, оставаясь съ давнихъ временъ при такихъ занятіяхъ, какъ приготовленіе шелковой пряжи, окраска бумажной и шелковой пряжи, торговля,—пользуются въ этой послѣдней промышленности довольно высокимъ процентомъ отъ продажи въ долгъ краснаго товара. Отпуская товаръ по мелочамъ, въ долгъ на 4 мѣсяца, лавочникъ еврей взимаетъ въ процентѣ на каждый аршинъ: съ ситца по—5 коп., съ тика по—10 к., съ каждой джуры адряса—60 к., съ одного куска канауса—80 коп.

здѣсь еще цифры годовой общей производительности Зеравшанскаго округа. Принимая изъ оффиціальныхъ данныхъ общее количество каждогодно обрабатываемой земли въ округѣ въ 150000 десятинъ и помножая эту цифру на 20 руб. чистой ренты, получаемъ 3000000 руб. годового поземельнаго дохода, плюсъ 450000 руб. дохода отъ скотоводства и кустарныхъ производствъ = 3.450000 руб. валовой доходности, безъ торговли, съ округа. Сбрасывая съ этой цифры 537500, собираемыхъ каждогодно индійцами, убѣждаемся, что кредитъ обходится населенію въ $15^1/_2{}^0/_0$ отъ общаго заработка.

Мы не станемъ загромождать эту замѣтку цифровыми выводами о вліяніи такого же совершенно кредита на благосостояніе кочевого населенія, но и не откажемся сказать, что среди этой части туземцевъ такой кредитъ еще губительнѣе для матеріальнаго и нравственнаго положенія мѣстнаго населенія. Доказательствами на эту тему распространяться здѣсь не будемъ, вѣруя въ нетрудность для каждаго придти къ такимъ поучительнымъ выводамъ собственнымъ ни мало не утомительнымъ наблюденіемъ.

Если бы, подъ вліяніемъ достовѣрныхъ цифръ, уяснившихъ нѣсколько значеніе современнаго кредита для благосостоянія населенія и интересовъ края, выработался когда-нибудь вопросъ о томъ, какъ помочь съ этой серьезной стороны дѣлу, мы поспѣшили бы отвѣтить самыми простыми доводами, доводами, нисколько не сложнѣе жизни туземцевъ, къ которой всякія экспериментальныя пробы прививаются, какъ для всѣхъ очевидно, весьма слабо. Иначе и быть не можетъ. Историческій ростъ среднеазіатскаго народа поднялся не вдругъ, а по извѣстнымъ фазамъ, обозначавшимся опредѣленными особенностями жизни общества, вырабатывавшимися подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ исключительныхъ условій. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, жизнь номадовъ и осѣдлыхъ туземцевъ Туркестанскаго края сложилась въ тѣ формы, въ какой мы видимъ ее теперь. Надъ этими типичными во всемъ формами неизмѣнно громоздится вліяніе природы, особенностей климата, отвѣчающихъ географическому положенію страны, и всякое ожиданіе скораго переформированія такой жизни, подъ дѣйствіемъ разныхъ иногда весьма дорогихъ экспериментовъ — совершенная иллюзія.

Исходя изъ этого положенія къ интересующему насъ предмету, не остановимся высказать, что вопросу о доставленіи туземцамъ такого кредита, который способствовалъ бы развитію народнаго благосостоянія, должны отвѣтить не западныя экономическія теоріи объ ассоціаціяхъ, отъ Société de resistance и ферейна до ссудо-сберегательныхъ товариществъ и потребительныхъ обществъ, а положенія нѣсколько иныя, примѣнительныя во всемъ къ дѣйствительнымъ потребностямъ и условіямъ соціальнаго быта туземнаго населенія.

Если на западѣ однѣ экономическія теоріи прививались, какъ у насъ въ Россіи ссудо-сберегательныя товарищества, вполнѣ успѣшно, другія же, какъ напр., потребительныя общества, оканчивали свое дѣйствіе въ самомъ началѣ, единственно по непринаровленности ихъ къ потребностямъ и развитію большинства, то востокъ можетъ оказаться еще менѣе воспріимчивъ къ несоотвѣтствующимъ ему теоріямъ, хотя бы съ очевидной ихъ заботливостью только о благѣ.

Намъ кажется поэтому, что для того, чтобы придти къ правильному разрѣшенію задачи о доставленіи населенію средствъ развитія благосостоянія, недостаточно еще сказать, что „требуется дешевый кредитъ“, а необходимо серьезное и точное изслѣдованіе экономическихъ условій труда и производства въ краѣ, необходимо выясненіе всѣхъ препятствій, встрѣчаемыхъ народомъ къ достиженію благосостоянія.

Встрѣчаясь, напримѣръ, съ такими явленіями, какъ періодическій голодъ, какъ прогрессирующее годъ отъ году раздробленіе поземельной собственности до крайняго минимума, съ котораго начинается скитальчество безземельныхъ туземцевъ, не скажемъ же мы, что единственнымъ средствомъ противъ этихъ явленій будетъ правильный кредитъ.

Никто также не станетъ утверждать, думаемъ, что только

одинъ доступный кредитъ и угодливый протекціонизмъ въ состояніи вызвать торговлю изъ застоя, обусловливаемаго, напримѣръ, причинами, не поддающимися ни дѣйствію кредита, ни вліянію протекціонизма. Голодающему, при общемъ голодѣ, деньги мало помогутъ; точно также не поможетъ кредитъ и торговцу, оторванному не скоро проходимой далью отъ рынковъ сбыта. И можно сказать, такимъ образомъ, что кредитъ, благодѣтельно дѣйствующій въ однихъ случаяхъ, теряетъ всякое полезное значеніе въ другихъ. Повторяемъ эту давно извѣданную аксіому, какъ вступленіе къ тѣмъ абрисамъ положенія о кредитѣ, которые мы попытаемся дать въ этомъ коротенькомъ очеркѣ, ни мало конечно не претендующемъ на законченность, на совершенную обработанность.

Въ первомъ отдѣлѣ настоящей замѣтки было отмѣчено, что туземцы Зеравшанской долины, при нуждѣ, встрѣчаютъ у индійцевъ кредитъ денежный и кредитъ хлѣбомъ. Было выяснено цифрами, что послѣдній кредитъ разорительнѣе для туземцевъ чѣмъ первый, что населеніе прибѣгаетъ къ ростовщикамъ и хлѣботорговцамъ за ссудами зерна, или при недостачѣ почему либо въ хозяйствѣ для посѣва, или въ случаяхъ общихъ неурожаевъ, застающихъ обыкновенно данный раіонъ врасплохъ, безъ всякихъ такихъ предсказаній, которыя дали бы возможность подготовиться къ бѣдствію путемъ сбереженій, путемъ заготовленій. Но естественно, что въ настоящее время, въ первомъ случаѣ, неимѣнія зерна на посѣвъ, туземцу приходится обращаться къ индійцу единственно потому, что для покупки зерна на базарѣ надо добыть денегъ отъ тѣхъ же ростовщиковъ на условіяхъ, столько же тяжелыхъ для бѣдняковъ, какъ и ссуда натурой. Отсюда слѣдуетъ, что правильный, дешевый кредитъ способенъ будетъ сослужить земледѣльцамъ первую службу въ этой, такъ часто встрѣчаемой населеніемъ, ординарной нуждѣ—недостачѣ почему либо къ началу сельско-хозяйственнаго года посѣвнаго зерна, нерѣдко вызывающей земледѣльца къ крайнему средству — продажѣ земли.

Какъ сказано было и выше, вліяніе дешеваго кредита въ годину бѣдствій отъ повсюднаго неурожая будетъ слабѣе, но все же благотворнѣе, чѣмъ зависимость отъ индійцевъ и оптовыхъ хлѣботорговцевъ.

Неспорно, конечно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ нужды, гораздо бо́льшую долю пользы могли бы принести хлѣбные запасы, амбары, но по этому вопросу мы теперь можемъ сказать только, что для такого дѣла существенно необходима полная подготовленность народа къ самоуправленію, которой нѣтъ пока и признаковъ.

Народъ, прожившій тысячелѣтія подъ давленіемъ рабства, подъ гнетомъ легальной зависимости отъ варварскихъ порядковъ прежнихъ олигархическихъ правительствъ, воспиталъ въ себѣ одну забитость и совершенную пока неспособность къ выполненію всѣхъ функцій самоуправленія, къ усвоенію и осуществленію принциповъ самопомощи путемъ группированія въ ассоціаціи.

Какъ въ формахъ семейной жизни зеравшанскихъ туземцевъ преобладаетъ начало личное, а не общинное, такъ во всѣхъ большихъ и малыхъ предпріятіяхъ туземцевъ ясно обозначается всегда полная разобщенность, неспособность къ труду на общинныхъ артельныхъ началахъ и отсутствіе всякаго стремленія къ улучшенію матеріальнаго положенія средствами, отличающимися отъ практикуемыхъ со временъ прадѣдовъ.

Словомъ, какъ для каждаго замѣтно, чрезъ всю жизнь земледѣльческихъ и промышленныхъ классовъ мѣстнаго населенія проходитъ непреодолимая, при настоящемъ уровнѣ умственнаго развитія народа, косность, отчасти апатія, притупленность.

Понятно, что при такихъ отличительныхъ особенностяхъ духовнаго развитія народа ожидать отъ него скораго перерожденія, лишь подъ дѣйствіемъ открытія права выбора старшинъ и судей, трудно, какъ нельзя надѣяться и на успѣхъ отъ теоретическаго ознакомленія массы съ самыми простыми формами ассоціацій, основанныхъ на началахъ самопомощи. Этого тѣмъ труднѣе ожидать, что такимъ пробамъ пришлось

бы встрѣтиться прежде всего съ упорнымъ недовѣріемъ туземцевъ, съ утвердившимся понятіемъ, что всякіе денежные сборы, какими бы успокоительными приказами они ни осуществлялись, поступаютъ исключительно на казенныя нужды.

Такимъ образомъ, разсчитывать въ дѣлѣ обезпеченія края правильнымъ кредитомъ на иниціативу самого населенія невозможно. Въ этомъ достаточно убѣждаетъ все, начиная отъ теоретическаго разбора характера туземцевъ, ихъ нравовъ, распорядковъ жизни, до совершенной неизвѣстности никому случаевъ вполнѣ самостоятельнаго почина туземца въ какомъ бы ни было большомъ общественномъ дѣлѣ, предпріятіи, исключая, впрочемъ, очень немногихъ примѣровъ лукаваго либеральничанья какого нибудь отжирѣвшаго подрядчика, готоваго предложить въ извѣстныхъ видахъ не только „реформу“, но и гораздо больше.

Словомъ, при настоящемъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія туземцевъ участіе ихъ въ дѣлѣ улучшенія экономическаго положенія можетъ существенно выразиться только неподдѣльнымъ объясненіемъ на вопросы о всѣхъ тѣхъ условіяхъ жизни, которыя составляютъ тормазъ свободному развитію благосостоянія.

На долю же администраціи должно выпасть установленіе самихъ средствъ экономической защиты населенія, средствъ, вполнѣ отвѣчающихъ дѣйствительнымъ потребностямъ и условіямъ жизни народа, средствъ настолько же простыхъ въ своей организаціи, насколько проста жизнь всѣхъ классовъ туземнаго населенія.

По отношенію къ Зеравшанскому округу, достаточно подробно изслѣдованному уже самою примѣнительною и самою простою формою экономической помощи туземцамъ, было бы, кажется, учрежденіе въ каждомъ изъ отдѣловъ *вспомогательной кассы* на слѣдующихъ началахъ:

Цѣль учрежденія.

Учрежденіе вспомогательной кассы имѣетъ цѣлью доставить какъ земледѣльческому, такъ и торговому туземному населенію дешевый и всегда доступный кредитъ въ видахъ развитія земледѣльческаго хозяйства, торговли и промысловъ, а главнымъ образомъ для обезпеченія земледѣльцевъ отъ тяжелыхъ послѣдствій случайности неурожая.

На этомъ основаніи вспомогательная касса, во всякое время, со дня открытія, доступна туземцамъ: а) собственникамъ земли, каждогодно обрабатывающимъ ее, и даже такимъ, которые подъ ручательствомъ состоятельныхъ односельцевъ обяжутся обрабатывать на взятую ссуду заброшенную свою землю; б) собственникамъ строительной недвижимости (мельницы, толчей, маслобойни, кожевеннаго завода, лавки, дома и сарая); в) купцамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ и ниже, а также и тѣмъ туземцамъ, которые одновременно съ выдачею ссуды возьмутъ документы на такого рода торговлю; г) туземцамъ безземельнымъ, предпринимающимъ артелью (не менѣе 10 человѣкъ) проведеніе на свободныхъ земляхъ, изъ свободныхъ водныхъ источниковъ, оросительныхъ каналовъ, если они представятъ: вполнѣ надежное удостовѣреніе 2—3 туземцевъ въ томъ, что начнутъ предпріятіе на полученную ссуду, а также ручательство состоятельнаго лица въ обезпеченіе ссуды.

Въ годы мѣстнаго неурожая, предсказанія котораго устанавливаются обыкновенно въ началѣ весны, ссуды выдаются преимущественно земледѣльцамъ, потерпѣвшимъ отъ неурожая, въ чемъ можно удостовѣриться чрезъ волостныхъ и другими средствами. Въ годы падежа скота классъ земледѣльческій также имѣетъ преимущественное предъ другими право на ссуду.

Фонды вспомогательной кассы.

Основнымъ капиталомъ вспомогательной кассы послужитъ добровольный вкладъ землевладѣльцами, въ теченіе трехъ лѣтъ,

по 6 копѣекъ съ танапа садовъ, виноградниковъ, клевера, по 5 коп. съ танапа промойной ирригаціонной земли, по 3 коп. съ танапа богарной земли дождевого орошенія.

Или же, вмѣсто этого поземельнаго сбора, привлечь къ учрежденію кассы оптовыхъ скототорговцевъ, освобожденныхъ съ 1875 года отъ всякихъ пошлинъ. Въ первомъ случаѣ, обложенія земли,— это дастъ въ Самаркандскомъ отдѣлѣ 20000 руб. въ годъ, во второмъ получится фондъ въ 10000 руб. или $6^1/_2{}^0/_0$ отъ годовыхъ оборотовъ гуртовой торговли скотомъ.

Право на ссуду.

Ссудой можетъ воспользоваться тотъ изъ туземцевъ, право имѣющій по § 31 устава, кто представитъ удостовѣреніе мѣстнаго казія въ количествѣ недвижимости ея и доходности, причемъ, для предупрежденія двойного полученія ссуды, казій ведетъ журналъ такихъ удостовѣреній. Не допускается кромѣ случая а) § 1-го, выдача ссудъ безъ ипотечныхъ удостовѣреній, подъ одно лишь поручительство, въ тѣхъ видахъ, главнымъ образомъ, чтобы выдача поручительствъ туземцами не сдѣлалась средствомъ спекулятивнымъ, къ чему туземцы имѣютъ наклонность.

Здѣсь принимается также во вниманіе, что неимѣющій собственности недвижимой не лишается возможности воспользоваться ссудой подъ удостовѣреніе владѣльцевъ недвижимости, родственниковъ или близкихъ людей.

Срокъ ссуды.

Ссуда можетъ быть выдана на срокъ отъ двухъ недѣль до одного года.

Отсрочка возвращенія ссуды.

Отсрочка возвращенія ссуды допускается до предѣльнаго срока; свыше же одного года отсрочка допускается не иначе какъ съ разрѣшенія начальника отдѣла, послѣ представленія надежнаго ручательства въ своевременномъ возвращеніи ссуды и процентовъ.

Размѣръ ссуды.

Ссуда можетъ быть выдана одному лицу въ размѣрѣ отъ трехъ рублей до 100 рублей, и артели, независимо отъ числа предпринимателей, до 200 рублей.

Размѣръ процентовъ.

Взявшій ссуду уплачиваетъ при возвращеніи оной, или при полученіи отсрочки, по 1-й копѣйкѣ съ рубля въ мѣсяцъ или $12^0/_0$ годовыхъ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ дѣлъ кассы, процентъ можетъ быть пониженъ до 8 коп. съ рубля годовыхъ.

Послѣдствія несвоевременнаго возвращенія ссуды.

Невозвращеніе въ срокъ ссуды и процентовъ влечетъ понудительное взысканіе оной, съ $^0/_0$ и пенею по $^1/_2$ коп. съ рубля за просроченный день [1]), а въ случаяхъ крайнихъ— обращеніе такого взысканія, чрезъ сношеніе съ администраціей, на имущество или самого ссудополучителя, или поручителей. При этомъ не подвергаются продажѣ только ежедневно носимая одежда, жизненные припасы, необходимые для дома на двѣ недѣли, орудія обработки земли, а также орудія кустарныхъ производствъ.

Отвѣтственность подставныхъ ссудополучателей.

Обнаруженное и доказанное полученіе ссуды для другихъ лицъ, не-туземцевъ, влечетъ немедленное возвращеніе ссуды съ $^0/_0$ по день пользованія и уплата пени по 2 копѣйки съ рубля за каждый день такого пользованія ссудой. При этомъ подставной ссудополучатель лишается права кредитоваться въ теченіе одного года.

Завѣдываніе кассою.

Завѣдываніе вспомогательной кассой въ отношеніи пріема вкладовъ, выдачи ссуды, учета процентовъ, пріема платежей,

[1]) Проценты поступаютъ на приращеніе капитала и содержаніе кассы, а пеня –въ пользу мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій.

отчетности, возлагается на одного изъ письмоводителей, подъ наблюденіемъ начальника отдѣла, какъ въ отношеніи исполненія устава, такъ и въ отношеніи каждомѣсячной ревизіи кассы совмѣстно съ старшимъ помощникомъ.

Впослѣдствіи, съ развитіемъ дѣлъ кассы, представится возможность, изъ части % отъ оборотовъ, отчислять опредѣленную сумму до 1300 руб. на содержаніе кассира съ канцеляріей. Въ первые же три года письмоводитель могъ бы получить добавочные 400 рублей изъ общественныхъ суммъ. Содержаніе переводчика въ 300 рублей также можно было бы отнести на суммы общественныя.

Время открытія дѣйствій вспомогательной кассы.

Выдача ссудъ и пріемъ платежей производится каждодневно, исключая среды и воскресенья, отъ 12-ти часовъ до 3-хъ часовъ дня.

Порядокъ завѣдыванія кассой.

Завѣдывающій кассою принимаетъ отъ волостныхъ управителей вклады кредитными билетами и серебромъ подъ квитанцію книги, которая, какъ и всѣ остальныя книги, выдается начальникомъ округа. На завѣдывающаго кассою возлагается: а) веденіе дѣлъ, книгъ и счетовъ, б) пріемъ, выдача и храненіе денежныхъ суммъ, в) выдача денежныхъ ссудъ, г) разрѣшеніе отсрочекъ по ссудамъ до одного года, д) принятіе мѣръ ко взысканію ссудъ съ неисправныхъ должниковъ.

Наличныя деньги хранятся при управленіи и подъ часовымъ.

Въ кассѣ обязательно вести слѣдующія книги:

а) главную приходную книгу для записыванія въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣхъ поступающихъ денегъ;

б) главную расходную книгу для записыванія въ послѣдовательномъ по времени порядкѣ расхода денегъ;

в) разсчетную книгу по оборотамъ ссудъ;

г) двѣ квитанціонныя книги пріема денегъ.

Счетный годъ кассы считается съ 1-го января по 31-е декабря.

Завѣдывающій кассой ежегодно 31 декабря заключаетъ всѣ счетныя книги, хранимыя затѣмъ при дѣлахъ управленія, и составляетъ изъ нихъ отчетъ, который представляется начальникомъ отдѣла на разсмотрѣніе начальника округа и ревизіи въ окружной канцеляріи.

Отчетъ долженъ содержать въ себѣ приходъ, расходъ и остатки по произведеннымъ въ теченіе года кассовымъ оборотамъ, а равно выводъ прибыли и убытковъ.

Мы рѣшились изложить въ этой замѣткѣ только общія начала къ установленію правильнаго дешеваго кредита для туземцевъ и, не считая этотъ трудъ нашъ непогрѣшимымъ, будемъ счастливы, если онъ откроетъ путь къ дальнѣйшему изученію этого важнаго для края вопроса.

Къ великому благу туркестанскаго туземца, эксплуатація его индѣйцами хищническимъ кредитомъ обратила на себя вниманіе и высшей администраціи края. 28 октября 1887 г. послѣдовалъ циркуляръ генералъ-губернатора фонъ-Кауфмана слѣдующаго содержанія:

„Считая необходимымъ устранить вредное вліяніе на тузумное населеніе, въ экономическомъ отношеніи, индѣйскихъ выходцевъ, которые, занимаясь ростовщичествомъ и взимая незаконнымъ образомъ громадные проценты, могутъ въ будущемъ, при настоящемъ порядкѣ вещей, довести небогатый земледѣльческій и ремесленный классъ населенія до совершеннаго разоренія и завладѣть значительною частью земель въ краѣ, я нашелся вынужденнымъ, примѣняясь къ существующимъ законоположеніямъ, ввести въ видѣ временной мѣры слѣдующія правила объ огражденіи населенія ввѣреннаго моему управленію края отъ эксплуатаціи индѣйцевъ.

1) Пріобрѣтеніе земельной собственности индѣйцами и отдача имъ таковой, хотя бы во временное пользованіе, по какимъ бы то ни было договорамъ, обязательствамъ и залоговымъ записямъ—не дозволяется.

2) Всякая земельная собственность, доставшаяся индѣйцамъ по наслѣдству, дареніемъ или другимъ какимъ родомъ, должна быть ими продана въ теченіе шести мѣсяцевъ.

3) Принимать въ залогъ земельные участки и брать таковые въ арендное содержаніе индѣйцамъ воспрещается.

4) Продажа недвижимыхъ имуществъ туземцевъ, по искамъ индѣйцевъ, съ аукціоннаго торга даже въ томъ случаѣ, если индѣйцы, при подачѣ ими взысканія на неисправныхъ должниковъ, указали на недвижимую собственность послѣднихъ, не допускается.

5) Въ замѣнъ же этой продажи, полагаемой ст. 653 вексельнаго устава, должники обязуются выплачивать заимодавцамъ-индѣйцамъ, чрезъ посредство полицейскихъ или замѣняющихъ ихъ властей, взятую у индѣйцевъ ссуду изъ дохода, получаемаго съ принадлежащихъ имъ недвижимыхъ имуществъ, не болѣе одной трети дохода ежегодно.

6) Личное задержаніе туземцевъ до окончанія этой уплаты не допускается.

7) Изъ движимаго же имущества не могутъ быть обращены въ продажу по аукціонному торгу слѣдующія: ежедневная одежда, домашняя утварь, земледѣльческія орудія, сѣмена для засѣва, съѣстные припасы, потребные для пропитанія, рабочій и вообще домашній скотъ, необходимый для полевыхъ работъ и пропитанія, если въ немъ нѣтъ явнаго излишества.

Послѣдній пунктъ долженъ быть соблюдаемъ не только по отношенію къ искамъ индѣйцевъ, но и при всѣхъ вообще искахъ, предъявленныхъ на земледѣльческое населеніе края.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для ограниченія притязаній богатыхъ сартовъ, изъ коихъ нѣкоторые, прельстившись легкой наживой, стали по примѣру индѣйцевъ также заниматься ростовщичествомъ, я призналъ необходимымъ распространить на земледѣльцевъ Туркестанскаго края льготу, предоставляемую государственнымъ крестьянамъ ст. 943 II ч. X т., по которой удовлетвореніе взысканія обращается сначала на доходъ, получаемый съ недвижимаго имущества, а затѣмъ уже и на

самыя имущества. Такимъ образомъ, при небольшихъ долгахъ, которые могутъ быть покрыты доходомъ съ недвижимыхъ имуществъ, аукціонная продажа самыхъ имуществъ устраняется.

Увѣдомляя объ этомъ ваше превосходительство, прошу васъ, милостивый государь, принять всѣ изложенныя правила къ свѣдѣнію и надлежащему руководству.“

Благотворное вліяніе этого распоряженія выразилось вскорѣ весьма существенными результатами: съ первыхъ же дней его дѣйствія индѣйцы прекратили выдачу туземцамъ ссудъ, исподоволь стали ликвидировать свои дѣла, возвращаясь на родину, и къ концу 1882 года изъ общаго числа 7000 этихъ ростовщиковъ въ Зеравшанскомъ округѣ оставалось только 20 человѣкъ, заканчивавшихъ свои дѣла по ссудѣ. Къ такимъ же послѣдствіямъ, какъ намъ извѣстно, привела эта благодѣтельная мѣра и въ другихъ частяхъ края. Туземецъ избавился отъ ростовщиковъ-піявокъ, и экономическая жизнь края пошла правильнѣе, потому что на смѣну хищническому кредиту явились доступныя дешевизною ссудныя кассы въ уѣздахъ. Не можетъ быть и сомнѣнія, что эти мѣры, сослуживъ великую службу населенію, реально дали ему почувствовать заботливость о немъ русскаго правительства, которую онъ не испытывалъ прежде. Въ Зеравшанскомъ округѣ ссудныя кассы образовались въ 1877 году изъ каждогоднаго платежа землепашцами, сверхъ государственныхъ податей, по 20 копѣекъ съ каждой десятины земли, обработанной подъ яровыми (богара) посѣвами дождевого орошенія. Приращаясь годъ отъ года, капиталъ этотъ накопился и теперь (въ 1884 году) составляетъ свыше 100000 рублей. По числу населенія округа въ 400000 душъ, по развитію промышленности, сумма эта не могла бы считаться достаточною для нуждъ всего народа, еслибы доступъ къ этому дешевому кредиту изъ 6% годовыхъ, не былъ ограниченъ предоставленіемъ ссуды, главнымъ образомъ, земледѣльцамъ.

Для облегченія населенію доступа къ ссудной кассѣ, примѣнительно къ его быту, изданъ слѣдующій уставъ:

§ 1. Ссудныя кассы въ отдѣлахъ учреждаются съ цѣлью вспомоществованія бѣднѣйшему туземному населенію, а равно для поддержанія развитія его хозяйства и промышленности, за исключеніемъ торговли посредствомъ выдачи ссудъ на опредѣленный срокъ подъ проценты.

Примѣчаніе. Чины туземной администраціи ни въ какомъ случаѣ не могутъ пользоваться ссудою.

§ 2. Оборотный капиталъ ссудныхъ кассъ составляется изъ свободныхъ остатковъ отъ общественныхъ и другихъ суммъ, образовавшихся изъ поступленій сельскаго населенія.

§ 3. Ссудныя кассы состоятъ при управленіяхъ начальниковъ отдѣловъ. Расходованіе суммъ, веденіе отчетности и вообще дѣлопроизводство возлагаются на одного изъ чиновъ управленій по назначенію начальниковъ отдѣловъ и непосредственномъ ихъ наблюденіемъ.

§ 4. Ежемѣсячная и внезапная ревизія капитала и документовъ лежитъ на обязанности начальниковъ отдѣловъ, которые приглашаютъ для этого, въ качествѣ депутатовъ, другихъ чиновъ управленій и двухъ почетныхъ туземцевъ.

§ 5. Книги кассы ведутся по прилагаемой формѣ. По истеченіи каждаго полугода, завѣдывающими кассами составляются подробные отчеты о движеніи капиталовъ и о количествѣ поступившихъ процентовъ и представляются начальникамъ отдѣловъ, которые, по сличеніи съ кассовыми книгами, утверждаютъ правильность отчетовъ. По истеченіи же года, общій годовой отчетъ представляется начальнику Зеравшанскаго округа съ заключеніемъ начальниковъ отдѣловъ и публикуется чрезъ напечатаніе въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ на русскомъ и туземномъ языкахъ.

§ 6. Такъ какъ цѣль выдачи ссудъ—вспомоществованіе бѣднымъ туземцамъ для поддержанія ихъ хозяйства, то ссуды производятся въ небольшомъ количествѣ, а именно до пятидесяти рублей одному лицу.

§ 7. Выдачи ссудъ производятся въ порядкѣ поступленія заявленій. Въ случаѣ же, если требованія превышаютъ средства кассы, то преимущества въ удовлетвореніи даются, по усмотрѣнію начальниковъ отдѣловъ, бѣднѣйшимъ и просящимъ ссуды въ меньшихъ размѣрахъ.

§ 8. Ссуды выдаются лицамъ, въ § 1-мъ указаннымъ, до 5 руб. безъ всякаго поручительства по одному лишь удостовѣренію въ благонадежности мѣстнаго волостного управителя; ссуда же на бо́льшую сумму должна быть обезпечена поручительствомъ однообщественниковъ: на сумму до 30 руб.—двухъ лицъ, а на сумму до 50 руб.—трехъ лицъ. Если же ссуду проситъ одновременно не менѣе половины однообщественниковъ, то таковая можетъ быть обезпечиваема приговоромъ общества за круговою порукою.

§ 9. Волостные управители, свидѣтельствуя благонадежность заемщиковъ, поручителей и правильность общественныхъ приговоровъ, должны вести списки лицамъ, получившимъ ссуду, съ обозначеніемъ сроковъ уплаты.

§ 10. Прошенія о ссудѣ, съ приложеніями поручительствъ, подаются начальникамъ отдѣловъ, которые, по полученіи отъ завѣдывающихъ кассами справки о наличномъ состояніи кассы, разрѣшаютъ или не разрѣшаютъ выдачу ссуды въ просимомъ или меньшемъ количествѣ, смотря по числу прошеній.

§ 11. Поручительства и заявленія должны быть, для единообразія, составлены и отпечатаны по прилагаемой формѣ, въ нужномъ числѣ экземпляровъ для выдачи въ потребномъ количествѣ аксакаламъ и аульнымъ старшинамъ.

§ 12. По полученіи разрѣшеній начальниковъ отдѣловъ, завѣдывающіе кассами выписываютъ разрѣшенную сумму въ расходъ по шнуровой книгѣ и подъ росписки въ ней выдаютъ просителямъ, или ихъ довѣреннымъ по довѣренностямъ, засвидѣтельствованнымъ мѣстными волостными управителями; за неграмотныхъ получателей расписываются постороннія лица по ихъ просьбѣ и довѣрію. Проценты же ссудъ уплачиваются при возвращеніи самыхъ ссудъ, а потому для учета % ведется особый алфавитъ заемщиковъ.

§ 13. Ссуда выдается не болѣе, какъ на срокъ до 1-го

января слѣдующаго года, за 6% годовыхъ съ рубля. Въ случаѣ удостовѣренія о такихъ народныхъ бѣдствіяхъ, какъ пожаръ, наводненіе, падежъ скота и т. п., ссуда можетъ быть отсрочена, съ разрѣшенія начальника округа, только на одинъ годъ.

§ 14. При наступленіи срока уплаты, взявшіе ссуду представляютъ деньги при объявленіи начальникамъ отдѣловъ, которые передаютъ ихъ завѣдывающимъ кассами для записки на приходъ въ шнуровыя книги, а плательщикамъ выдаютъ квитанціи. А такъ какъ волостные старшины ведутъ списки получающимъ ссуды съ обозначеніемъ сроковъ уплаты, то наблюденіе за своевременными взносами полученныхъ ссудъ вмѣняется въ ихъ обязанности.

§ 15. По истеченіи срока ссуды, если деньги не будутъ возвращены, завѣдывающіе кассами на другой же день докладываютъ начальникамъ отдѣловъ для распоряженій о взысканіи.

§ 16. Взысканіе обращается первоначально на имущество должника, а въ случаѣ недостаточности его—на поручителей; въ крайнемъ же случаѣ на имущество лица, засвидѣтельствовавшаго ихъ благонадежность.

§ 17. Не возбраняется вносить ссуды и ранѣе того срока, на который взята ссуда, съ уплатою процентовъ по день сдачи, причемъ проценты исчисляются за цѣлые мѣсяцы, и время менѣе 15 дней въ разсчетъ процентовъ не принимается.

§ 18. Изъ суммы годовой прибыли кассы 4% присчитывается къ капиталу для его увеличенія и 2% выдаются завѣдывающимъ кассами въ вознагражденіе и канцелярскіе расходы по веденію кассоваго дѣлопроизводства. Выдача вознагражденій производится по-полугодно.

§ 19. Суммы ссудныхъ кассъ хранятся въ кладовыхъ мѣстныхъ казначействъ, въ особомъ ящикѣ, за печатью и замкомъ завѣдывающаго ссудною кассою и начальника отдѣла. На рукахъ у завѣдывающихъ можетъ быть не болѣе 50 руб., и то только въ ожиданіи выдачи ссудъ.

Примѣчаніе. Впредь до открытія въ Пенджекентѣ кассы

министерства финансовъ, ссудный капиталъ нагорныхъ тюменей долженъ храниться въ самаркандскомъ казначействѣ депозитомъ управляющаго нагорными тюменями, причемъ пересылка денегъ должна относиться на проценты съ выдаваемыхъ ссудъ. Подлинный подписалъ правитель канцеляріи Несторовскій и дѣлопроизводитель Ивановъ.

Насколько населеніе нуждается въ кредитѣ, насколько доступенъ онъ для него по дѣйствующему уставу, насколько туземецъ исправенъ въ платежѣ долга, можно судить въ частности по оборотамъ ссудной кассы въ Самаркандскомъ уѣздѣ. Въ 1887 году самаркандской ссудной кассой, состоящей въ завѣдываніи секретаря уѣзднаго управленія, въ теченіе февраля —апрѣля (въ періодъ запашки полей), выдано 65000 рублей. Всѣхъ ссудополучателей было свыше четырехъ тысячъ. Къ концу года вся ссуда съ процентами поступила безнедоимочно.

По отчетамъ о дѣятельности ссудныхъ кассъ въ другихъ уѣздахъ края, каждогодно публикуемыхъ въ мѣстной газетѣ, можно судить, насколько оказались благодѣтельными распоряженія генерала Кауфмана относительно ростовщичества индѣйцевъ, послѣдовавшія вскорѣ послѣ вышедшаго изслѣдованія о кредитѣ у туземцевъ.

РОЛЬ НАСЕЛЕНІЯ ВЪ ДОВОЛЬСТВІИ ВОЙСКЪ [1]).

Всегдашнее стремленіе къ сокращенію той каждогодной приплаты въ четыре милліона изъ общегосударственныхъ доходовъ, которую вызываетъ, главнымъ образомъ, содержаніе въ Туркестанѣ войскъ, обратилось между прочимъ и къ удешевленію стоимости провіантскаго довольствія,—этой главной расходной статьи мѣстнаго интендантства. Первыя попытки къ этому начаты въ Зеравшанскомъ округѣ, по предложенію мѣстной администраціи.

Исходя изъ того основанія, что полученіе довольствія изъ рукъ самихъ производителей всегда удешевляетъ его и даетъ продукты лучшихъ качествъ, и въ виду, съ другой стороны, слишкомъ высокихъ цѣнъ, заявленныхъ подрядчиками на провіантъ въ 1878 году, когда въ Самаркандѣ былъ сосредоточенъ значительный отрядъ войскъ, администраціей отдѣла было предложено воспользоваться обиліемъ урожая яровой (богары) пшеницы и принять ее отъ населенія въ счетъ „*хараджа*“, т.-е. подати, по дешевымъ базарнымъ цѣнамъ. Интендантству такое предложеніе показалось тогда весьма выгоднымъ, какъ избавляющее его отъ дорогихъ услугъ подрядчиковъ; для администраціи же оказалось возможнымъ выполнить его, такъ какъ, во-первыхъ, въ Зеравшанскомъ округѣ осталась система вычисленія подати съ урожая продуктовъ дождевого орошенія (ляльми, богары), а во-вторыхъ, взиманіе податей зерномъ на

[1]) Напеч. 1885.

мѣстѣ практиковалось въ долинѣ Зеравшана еще во времена хановъ, слѣдовательно было дѣломъ не новымъ для земледѣльческаго населенія.

Въ то время, когда со введеніемъ въ Туркестанѣ положенія 1867 года, оставаясь при полной неизвѣстности о платежныхъ силахъ страны и размѣрахъ землевладѣнія, повсюду спѣшили перейти къ новой окладной системѣ податей,—предусмотрительная осторожность въ Зеравшанскомъ округѣ продолжала изученіе вѣковой системы податей, хараджной.

Подать съ урожая, дѣйствующая на востокѣ со временъ ассирійскихъ царей, а можетъ быть и ранѣе, имѣя въ основаніи своемъ идеальный экономическій принципъ выдѣленія въ пользу правителей, или же землесобственниковъ, извѣстнаго процента въ видѣ чистой ренты,—подъ вліяніемъ ханскаго произвола и злоупотребленій сборщиковъ, всегда подвергалась такимъ искаженіямъ, которыя значительно умаляли ея достоинство подоходной подати.

Въ первые годы послѣ занятія Зеравшанской долины, русской администраціи также пришлось испытать всѣ трудности практики хараджной системы, какъ открывавшей для сборщиковъ самое широкое, почти безконтрольное поле злоупотребленій. Испробовавъ всѣ средства борьбы съ такими злоупотребленіями преслѣдованіемъ виновныхъ и строгими наказаніями, денежными начетами и усиленіемъ надзора изъ чиновниковъ за дѣйствіями сборщиковъ, администрація все же скоро нашлась вынужденною усовершенствовать хараджную систему вычисленіемъ подати не съ умолота (хирманъ),—что давало возможность и самимъ земледѣльцамъ скрывать собранные продукты,—а опредѣленіемъ доходности каждаго земледѣльческаго хозяйства. Для этого приходилось, предъ наступленіемъ жатвы, измѣрять всѣ поля каждаго хозяйства, опредѣлять средній урожай для цѣлаго сельскаго раіона отъ каждаго засѣяннаго продукта и по современной базарной цѣнѣ вычислять стоимость одного танапа ($^1/_4$ десятины) всѣхъ продуктовъ; этимъ опредѣлялась доходность того или другого хозяйства, получивъ ко-

торую, нетрудно уже было осуществить денежный сборъ въ $^1/_{10}$ часть валового дохода.

Введеніе этихъ пріемовъ вычисленія хераджа, хотя и дало въ первые же годы лучшіе сравнительно результаты значительнымъ увеличеніемъ податей въ округѣ, тѣмъ не менѣе потребовало больше издержекъ на взиманіе податей, больше рабочихъ силъ на составленіе записей по всѣмъ продуктамъ каждаго хозяйства, больше времени на сборъ податей, такъ какъ записи всегда запаздывали, вслѣдствіе чего и накоплялись огромныя недоимки пятилѣтней давности. Тѣмъ не менѣе, при всей сложности этой видоизмѣненной хераджной системы, она все же была близка къ подоходной подати, оставаясь въ зависимости отъ правильности измѣренія засѣянныхъ площадей, отъ правильности вычисленія урожая, отъ соотвѣтствія цѣны, принятой для вычисленія дохода, базарной цѣнѣ.

Сослуживъ свою пятилѣтнюю службу доставленіемъ зеравшанской администраціи богатаго матеріала о размѣрахъ и видахъ землевладѣнія, объ урожайности, о характерѣ культуры, эта видоизмѣненная хераджная податная система была замѣнена въ 1876 году окладною поземельною податью, вычисленною, на основаніи вышесказанныхъ данныхъ, по средней доходности предшествовавшихъ лѣтъ.

Однако, устанавливая окладную податную систему для земель ирригаціонныхъ, въ Зеравшанскомъ округѣ не нашли возможнымъ распространить ее и на земли неорошаемыя, а признали болѣе основательнымъ оставить ихъ на прежнемъ положеніи платежа хераджа съ урожая. Къ такому рѣшенію склоняли слѣдующія соображенія: прежде введенія поземельнаго устройства и размежеванія всѣхъ земель, обширныя пространства неорошаемой земли не могутъ быть приписаны къ селеніямъ, пока право владѣнія ими не опредѣлено законоположеніемъ; земли не орошенныя засѣваются не каждогодно, даютъ урожай съ яровыхъ посѣвовъ (пшеница, ячмень, ленъ) крайне измѣнчивый, отъ самъ 80 до полнаго неурожая; слѣдовательно, установленіе для нихъ постояннаго оклада, хотя

бы въ значительно уменьшенномъ размѣрѣ, во всякомъ случаѣ весьма рисковано, потому что достаточно двухъ неурожайныхъ годовъ кряду, чтобы населеніе, получившее такой неблагодатный надѣлъ, оказалось не въ состояніи уплатить съ него окладъ; тогда ему ничего болѣе не останется, какъ отказаться отъ надѣла, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ равносильно переходу въ кочевое состояніе или же переселенію. Такимъ образомъ, въ силу этихъ вѣскихъ обстоятельствъ и дабы не терять значительный въ урожайные годы доходъ съ земель дождевого орошенія, неирригаціонныхъ, въ Зеравшанскомъ округѣ, для этихъ земель, рядомъ съ окладной системой, оставлена хераджная подать такого характера, посредствомъ составленія ежегодно танапныхъ записей каждаго посѣва, какъ сказано выше.

Продолжительная практика этой вѣковой системы податей, при хорошемъ подборѣ людей, даетъ каждогодно одинаково хорошіе результаты правильнаго вычисленія подати и исправнаго поступленія ея, при затратѣ всего 1000 рублей на танапныя измѣренія, посредствомъ командируемыхъ въ волости, въ началѣ лѣта, спеціалистовъ-танапчіевъ.

Для уясненія вопроса, въ какой степени колеблется доходность такъ-называемыхъ, *богарныхъ* полей (яроваго посѣва), остающихся въ зависимости отъ весеннихъ дождей, отъ направленія и силы вѣтра, отъ облачности неба, дѣйствующихъ на умолотъ, приведемъ свѣдѣнія за послѣднія семь лѣтъ о яровыхъ посѣвахъ въ Самаркандскомъ отдѣлѣ:

Въ году.	Измѣрено засѣянныхъ танаповъ.	Всего собрано пудовъ зерна.	Всего уплачено податей.
1878	100000	1.200000	50.680 руб.
1879	5204	15000	1.208 „
1880	100000	600000	32.206 „
1881	105000	400000	32.800 „
1882	140000	800000	47.000 „
1883	164000	1.000000	65.100 „
1884	164500	900000	45.000 „

Анализируя эти цифры, не трудно видѣть значительное колебаніе урожая отъ самъ 30 въ 1878 году до полнаго неурожая, какъ было въ 1879 году, когда изъ общей площади посѣва въ 120000 танаповъ, представилось возможнымъ внести въ записи только 5000 танаповъ, давшихъ урожай самъ 3.

Эти же цифры уясняютъ намъ также, что отчисляемый въ казну доходъ въ $^1/_{10}$ часть урожая, плюсъ дѣйствующій здѣсь общественный сборъ въ 25% съ государственнаго дохода, составляетъ по базарной стоимости продукта окладъ съ одного танапа въ 50 копѣекъ,—окладъ не малый для земель, дающихъ непостоянный доходъ, едва обезпечивающій земледѣльца въ годъ средняго урожая и заставляющій искать заработковъ на сторонѣ въ неурожайные годы.

Если затѣмъ принять въ разсчетъ, что съ ожидаемымъ положеніемъ, послѣ инструментальной съемки, количество яровой земли утроится, такъ какъ въ надѣлъ должна войти и земля, остающаяся подъ паромъ и цѣлина (майта), то при обложеніи каждаго танапа двадцатью-пятью копѣйками, по валовому исчисленію, на десятину *обрабатываемой* земли упадетъ окладъ государственной подати въ шесть рублей. Справится ли съ такимъ обложеніемъ неорошенной земли трудолюбивое и выносливое узбекское населеніе—покажетъ будущее. Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду, во-первыхъ, что урожай богарныхъ (яровыхъ) посѣвовъ подверженъ рѣзкимъ колебаніямъ; во-вторыхъ, что одинъ неурожайный годъ повлечетъ за собою тягостную недоимку на такой землѣ, а два неурожайные года кряду вызовутъ и болѣе серьезныя послѣдствія. Такъ говорятъ цифры.

Еще рѣзче колебанія приведенныхъ цифръ урожая въ южной, низменной части округа, гдѣ землевладѣлецъ разбрасываетъ свой батманъ высѣвнаго зерна на участкѣ въ 4—6 десятинъ „на авось“, такъ какъ въ низовьяхъ долины весенніе дожди бываютъ не обильны, а для богары обязательно требуется и вполнѣ достаточно два дождя въ мартѣ и четыре

дождя въ апрѣлѣ, какъ говорятъ землепашцы: „бу бураны хамяль, чаръ бураны сауръ“.

Только такое нагорье, какъ Магіянъ-Фарабъ въ Зеравшанскомъ округѣ, какъ Джизакскій и Ура-тюбинскій участки, вполнѣ остаются всегда спокойны за свои яровые посѣвы, дающіе тамъ урожай лучшей пшеницы въ самъ 40 и гораздо болѣе, причемъ сосѣднее джизакское населеніе получаетъ въ общемъ такую массу хлѣба, что снабжаетъ своимъ избыткомъ Самаркандъ, Бухару и отчасти Ташкентъ. Оно могло бы, казалось, снабжать дешевымъ зерномъ и интендантскіе магазины. Однако до сихъ поръ этотъ трудъ поставки пшеницы, не только для самаркандскихъ, но и для ташкентскихъ войскъ, ложится, вотъ уже семь лѣтъ, только на населеніе Зеравшанскаго округа, только на администрацію отдѣловъ.

Что трудъ этотъ не малый и, такъ сказать, не урочный, потому что въ законоположеніяхъ вовсе не предусмотрѣнъ такой видъ отбыванія податей, это не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ объ этомъ заявляетъ само населеніе и заявляетъ ближайшая къ землепашцу администрація.

Посмотримъ же, во что обходится туземному населенію система взиманія податей *натурою*, поставкою для интендантства зерна, принятая по предложенію начальника отдѣла въ 1878 году, какъ мѣра временная и чрезвычайная, въ виду большой потребности въ провіантѣ для войскъ и въ виду покушеній подрядчиковъ получить тройные барыши.

Получая въ началѣ года заказы отъ интендантства о поставкахъ въ мѣстные магазины пшеницы и ячменя, администрація выполняетъ ихъ привлеченіемъ къ этому дѣлу населенія въ томъ предположеніи, что для туземца рѣшительно все равно: везти ли свой хлѣбъ для продажи на базаръ, или же въ городъ для сдачи въ счетъ казенной подати.

Смотря по размѣру заказа, поставка выполняется или богарнымъ (яровымъ) зерномъ, вычисляемымъ по именнымъ записямъ податеплательщиковъ послѣ танапнаго измѣренія, вызывающаго провѣрку чрезъ чиновниковъ отдѣла,—или же ози-

мымъ (трамаи) зерномъ, которое приходится сдавать въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ счетъ окладной поземельной подати, собственникамъ ирригаціонной земли.

Сдача богарной пшеницы начинается обыкновенно въ половинѣ августа, причемъ очереди подвоза зерна къ магазину назначаются для волостей съ тѣмъ разсчетомъ, что интендантскій чиновникъ въ состояніи принять въ одинъ день (съ 10 до 5 часовъ) не болѣе 8000 пудовъ. Зерно подвозится каждымъ подательщикомъ въ исчисленномъ записями количествѣ, отъ $^1/_2$ пуда до 100 пудовъ, смотря по размѣру запашки, причемъ для дневнаго количества сдачи собираются такимъ образомъ на крѣпостной экспланадѣ Самарканда, предъ магазиномъ, тысячи узбековъ, оставляющихъ свое село, свой домъ, свое хозяйство на нѣсколько дней.

Какъ ни говорятъ иногда малосвѣдущія лица, что узбеки считаютъ для себя удовольствіемъ пожить день-два въ городѣ, что ускореніе сдачи зависитъ отъ распредѣленія очередей подвоза администраціей и отъ самихъ сдатчиковъ, но, конечно, такія разсужденія не серьезны, во-первыхъ, потому, что на счетъ „удовольствія“ надо спросить самихъ узбековъ, а на счетъ проволочекъ сдачи—надо сообразить, что узбеки не солдаты, строевой точности не знаютъ. Надо отрѣшиться отъ пристрастія и отнести всѣ проволочки не къ сдатчикамъ, а къ пріемщикамъ, или, правильнѣе опредѣляя, къ невыясненности весьма многихъ вопросовъ въ этомъ, не новомъ уже дѣлѣ и къ неподготовленности порою интендантства до того, что для ускоренія сдачи приходилось администраціи ссужать пріемщиковъ гирями, вѣсами, приходилось вести неудобные переговоры съ горожанами объ отводѣ мечетей для ссыпки казеннаго зерна, приходилось помогать въ пріисканіи мѣшковъ...

Всякій пойметъ, что при такой несовершенной постановкѣ этого важнаго дѣла со стороны самого интендантства, когда пріемку въ 150000 пудовъ приходится вести на однихъ вѣсахъ, съ количествомъ гирь всего въ 26 пудовъ, хлопотами

одного смотрителя магазина, который, какъ единственное отвѣтственное за храненіе лицо, старается принимать зерно лично и въ то же время отрывается выдачей въ войска довольствія, пріемкой какихъ-нибудь этапныхъ кошемъ, праздниками, и т. п. — всякій согласится, что при такихъ условіяхъ вина замедленности сдачи зерна падаетъ отнюдь не на узбековъ подвозителей, а еще менѣе на распоряженія администраціи, которая, неся такой огромный трудъ сверхъ своихъ узаконенныхъ обязанностей, все-таки всѣми силами содѣйствуетъ къ правильному ходу этого важнаго дѣла.

Кто же, въ самомъ дѣлѣ, нося въ душѣ хоть малую толику справедливости и порядочности, рѣшится заподозривать тормазъ дѣлу въ тѣхъ распорядителяхъ его, которые, во-первыхъ, предложили эту систему какъ мѣру чрезвычайную, а во-вторыхъ, удѣляютъ и праздничный досугъ на удовлетвореніе заказовъ интендантства, требующихъ отъ администраціи разъѣздовъ и усиленной дѣятельности въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Повторяемъ, на основаніи подробнаго знанія всего дѣла, что если система поставки населеніемъ пшеницы для войскъ не чужда и до сихъ поръ нѣкотораго несовершенства, то непосредственными распорядителями этого дѣла всегда и заявлялось объ этомъ интендантству. Слѣдовательно, если этой системѣ суждено утвердиться вообще въ краѣ надолго, потребуются обоюдныя усилія къ такой правильной постановкѣ ея, чтобы населеніе не чувствовало для себя тяготы въ ней, чтобы довольствіе войскъ обходилось дешевле подряднаго, чтобы непосредственные сдатчики зерна, чиновники уѣздныхъ управленій, посвящая на это дѣло поздніе часы холоднаго ноябрьскаго дня, получали бы соотвѣтственное трудамъ вознагражденіе, а не одни лишь тщетныя упованія на „канцелярскіе остатки“, отъ которыхъ никогда ничего не остается...

Суждено ли этой системѣ утвердиться—это вопросъ, которому слѣдуетъ помочь прежде всего правдивымъ вычисленіемъ: во что̀ обходится земледѣльческому населенію *этотъ новый видъ подати*, устранимы ли и каковы тѣ осложненія

практики этой системы, которыя тяжелы для населенія и вызываютъ заявленія его въ такой впрочемъ скромной формѣ, что крайніе оптимисты вообразили, будто и въ самомъ дѣлѣ для узбека составляетъ великое удовольствіе отбываніе подати натурою.

Посмотримъ же теперь, какъ идетъ вся эта операція погашенія подати натурою и во что̀ обращается при этой системѣ государственная подать въ $^1/_{10}$ часть дохода, какъ установлено § 281 положенія 1867 года.

Такъ какъ требованія интендантствомъ пшеницы на годовой періодъ превышаютъ всегда количество богарнаго зерна, исчисляемаго въ подать, то къ подвозу этой пшеницы привлекаются рѣшительно всѣ землепашцы богарныхъ полей; потому $^3/_4$ всего числа ихъ везутъ свой хлѣбъ къ назначенному числу въ городъ за 80—100 верстъ, дѣлая путь этотъ, съ вьюкомъ верблюжьимъ или лошадинымъ, въ *два дня*, потерявъ предварительно одинъ день или менѣе, смотря по количеству подвоза, на перечистку зерна у себя дома.

Расположившись въ городѣ, среди до крайности пыльной площади, гдѣ происходитъ пріемка, узбекъ принимается на другой день за провѣйку зерна, пуская въ ходъ рѣшето, лопату, сито, и наконецъ—собственные пальцы, когда надо отдѣлить легкія щетинистыя зерна сорной травы. Эта работа занимаетъ неизбѣжно и слѣдующій день, во-первыхъ, потому, что такая очистка среди тучи пыли, какую требуетъ пріемщикъ по кондиціямъ книги XII св. воен. пост., сама по себѣ весьма трудна, а во-вторыхъ и потому, что одновременно приходится старшинамъ сельскимъ сводить разсчетъ и уяснять, сколько каждому придется сдавать, причемъ конечно случается пополнять недостачу покупкой на базарѣ.

Такимъ образомъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, всякій подвозъ можетъ поступить на вѣсы только въ половинѣ третьяго дня, такъ какъ послѣ совершенной очистки не мало теряется времени на подробный осмотръ пшеницы пріемщикомъ, на выдачу казенныхъ мѣшковъ, на засыпаніе зерна, на

зашиваніе мѣшковъ, которое почему-то выполняется неумѣлыми руками самихъ сдатчиковъ, на подвозъ, наконецъ, къ вѣсамъ, гдѣ ведутъ отмѣтки по дневнымъ тетрадямъ и записямъ чиновника уѣзднаго управленія и волостнаго управителя.

Съ вѣсовъ тѣ же трудовыя руки, тѣ же выносливыя спины узбековъ тащутъ пятипудовые мѣшки за десятки саженъ и укладываютъ въ восьми-ярусные бунты, подъ раздражительную команду вахтеровъ, послѣ чего сдатчикъ освобождается, получая лишь напоминаніе старшины: поторопиться доставить денежный кипсень (общественный сборъ) въ 25% подати. Такъ, въ напряженномъ трудѣ, проходятъ эти три дня „для счастливыхъ“ сдатчиковъ; а если сдатчики прибыли не сразу, если ненастье или слишкомъ вѣтряные дни помѣшали очисткѣ зерна, если пріемщикъ увидитъ страшный сонъ и станетъ требовать упорно, чтобы пшеница была *„сухая, не лежалая, не затхлая, не подмоченная, чистая и безъ всякой примѣси не только пыли, земли, песку, горошковъ, но и зерна такъ называемой ярицы“* —тогда узбеку приходится провѣивать зерно всѣми способами 5—6 разъ и жить для этого въ городѣ, проводя холодныя ночи подъ небеснымъ сводомъ, не менѣе пяти дней, а случалось и всѣ восемь дней, когда пріемка задерживалась недостачей мѣшковъ, гирь, людей. Какое испытываетъ при этомъ удовольствіе сельскій узбекъ, отрываясь въ страдное время, для пятидневнаго проживанія въ городѣ, при самыхъ суровыхъ условіяхъ—пусть рѣшаютъ знатоки, а мы добавимъ отъ себя, что и для узбека всегда въ „гостяхъ хорошо, а дома лучше“, и что рѣшеніе вопроса объ „удовольствіи“ отбыванія подати натурою лучше предоставить самимъ землепашцамъ и людямъ, близко стоящимъ къ народу по своимъ обязанностямъ.

Продолжая наши изслѣдованія и вычисленія стоимости населенію отбыванія податей натурою и заявивъ предварительно, что при сдачѣ въ самаркандскіе интендантскіе склады пшеницы, пріемщики руководствуются тѣми самыми кондиціями, которыя установлены закономъ для поставокъ чрезъ подрядчи-

ковъ, получающихъ разумѣется барыши, скажемъ, что хотя въ кондиціяхъ вовсе не говорится ничего объ „усушкѣ“ будтобы зерна при храненіи, тѣмъ не менѣе населеніе покрываетъ такую гадательную усушку надбавкою трехъ фунтовъ на каждый батманъ, вѣсомъ въ восемь пудовъ.

Намъ сдается, что такъ какъ податное населеніе, доставляющее интендантству самую лучшую пшеницу по приказанію, а не по своему желанію, не можетъ быть приравниваемо къ подрядчикамъ, то вышесказанная трехфунтовая надбавка должна бы избавлять его отъ слишкомъ требовательной очистки зерна, какая установлена нормальными кондиціями. Намъ кажется, что это было бы тѣмъ болѣе справедливо, что вѣдь сдатчикъ узбекъ ничего не получаетъ съ интендантства за работы по зашиванію мѣшковъ и по укладкѣ ихъ въ бунты. Но, конечно, пока будетъ дѣйствовать эта система, принципы интендантства останутся вѣроятно при своихъ требованіяхъ, основанныхъ на кн. XII; сдатчики же будутъ нести на себѣ весь трудъ и потери, не оплаченные, какъ слѣдовало бы, соотвѣтственной платой, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, вполнѣ поддается вычисленію.

Зная, что въ осеннюю, рабочую пору каждый поденщикъ и жнецъ получаетъ до сорока копѣекъ дневныхъ, такъ и слѣдуетъ цѣнить каждый рабочій день узбека-сдатчика, проведенный имъ съ зерномъ въ дорогѣ и въ городѣ.

Зная, что траты узбека въ городѣ на довольствіе свое и коня достигаютъ двадцати копѣекъ въ сутки minimum, а наемъ вьючнаго животнаго обходится неимѣющимъ таковыхъ или же крупнымъ сдатчикамъ въ 50 копѣекъ дневныхъ, приходится имѣть это въ виду и считать чистую потерю узбека, чрезъ проживаніе въ городѣ, не менѣе 60 копѣекъ въ день, считая и стоимость рабочаго дня.

Принимая, что хлѣбные продукты, какъ базарные, такъ и предназначаемые хозяевами къ сдачѣ въ счетъ подати, даютъ сорнаго отброса 20 фунтовъ на каждый батманъ въ 8 пудовъ; прибавляя къ этому три фунта, накидываемые сдатчикомъ на

усушку, вычисляемъ стоимость потери въ зернѣ въ 20 копѣекъ, по современной цѣнѣ.

Соглашаясь не считать стоимость вьючной перевозки зерна изъ селенія въ городъ, въ томъ разсужденіи, что все равно, для уплаты подати пришлось бы везти этотъ же батманъ на ближайшій, впрочемъ, базаръ и оцѣнивая, во всякомъ случаѣ, каждый день отсутствія узбека изъ своего села въ 60 копѣекъ, мы наконецъ опредѣляемъ потери дальняго сдатчика такъ: четыре дня въ пути—2 р. 40 коп., три дня въ городѣ—1 р. 80 коп. и растрата зерна—30 копѣекъ, а всего 4 р. 50 коп.

Надѣюсь, что эти выводы возраженій не встрѣтятъ, такъ какъ нами взяты самыя умѣренныя цифры стоимости рабочаго дня въ 40 коп., стоимости довольствія съ лошадью въ 20 коп., а потому день сдатчика оцѣнивается въ 60 коп.; это, кажется, уяснилось заявленіемъ, что сдатчикъ работаетъ въ городѣ, при пріемныхъ вѣсахъ, болѣе чѣмъ въ своемъ хозяйствѣ.

Теперь ясно, слѣдовательно, какое удовольствіе испытываетъ узбекъ-сдатчикъ отъ проживанія въ городѣ; теперь убѣдительно для интендантскихъ пріемщиковъ, почему администрація отдѣла хлопочетъ не задерживать узбековъ болѣе двухъ дней.

Вѣдь нетрудно и каждому, послѣ приведенныхъ доводовъ, разсчитать, что та масса сдатчиковъ, которая была задержана въ городѣ восемь дней, по случаю неготовности мѣшковъ или хранилища, потеряла отъ этой проволочки около *восьми* рублей на каждаго человѣка! Развѣ это не крупная потеря для землепашца, весь годовой бюджетъ котораго въ 80 рублей, среднимъ счетомъ.

Такимъ образомъ, на основаніи приведеннаго достовѣрнаго разсчета, мы теперь знаемъ, во что обращается установленная § 281 поземельная подать, при взысканіи ея натурою; она обращается въ $^1/_5$ дохода плюсъ $25^0/_0$ общественнаго сбора.

Отсюда будетъ понятно, почему ближайшая къ народу администрація, всегда отвѣтственная и служебно и нравственно не только за настоящее, но и за будущее его спокойствіе и

благоденствіе, зная бытовые порядки народа, его нужды и экономическое положеніе, настойчиво доказываетъ, что система, дѣйствующая теперь регулярно, безспорно хороша была въ 1878 году, когда она сослужила безвозмездно важную службу, для которой населеніе и напредки всегда готово въ *чрезвычайныхъ* случаяхъ.

Но каждогодная практика такой податной системы, безъ справедливаго вознагражденія, размѣръ котораго мы намѣтили, поселяетъ въ населеніи недовѣріе къ нашимъ увѣреніямъ, что мы беремъ съ него въ подать всего $^1/_{10}$ часть дохода; развиваетъ конечно и бѣдность, потому что обложеніе въ $^1/_4$ дохода слишкомъ отяготительно.

Конечно, намъ могутъ на это сказать, что все же здѣшнее населеніе платитъ значительно менѣе, чѣмъ коренное населеніе имперіи, что туземецъ свободенъ отъ воинской повинности, отъ воинскаго постоя, отъ разорительнаго кабака. Да, это безспорно такъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, взамѣнъ косвенныхъ налоговъ, здѣшній земледѣлецъ несетъ огромный трудъ натуральной повинности [1]): арычной, дорожной, лѣсоводственной, что не Богъ вѣсть какая и зажиточность здѣшняго бережливаго туземца создается напряженнымъ трудомъ, не знающимъ дней праздничныхъ, создается разумной предпріимчивостью, какой можетъ позавидовать иной обездоленный русскій человѣкъ.

Но, во всякомъ случаѣ, кто же можетъ желать этому благоразумному, трудолюбивому населенію, создавшему съ единственнымъ руководителемъ—природнымъ соображеніемъ,—высоко интенсивную культуру, кто можетъ желать ему худшаго матеріальнаго положенія? Нѣтъ, мы съ своей стороны сердечно желаемъ этому достойному народу полнаго матеріальнаго и духовнаго благосостоянія, и да будетъ оно при немъ всегда.

А если хотите знать, какія явленія и настроенія населенія

[1]) У насъ, въ западной Россіи, повинности эти отбываютъ денежнымъ сборомъ; но зато чего же и стоитъ земству поддержаніе въ исправности дорогъ, борьба съ саранчей и кузькой?

вызываетъ отсутствіе необходимаго достатка, поѣзжайте на уборку риса по системѣ арыковъ Зеравшана.

Вотъ вы видите массы согнутыхъ, полуобнаженныхъ спинъ жнецовъ, торопливо снимающихъ созрѣвшій рисъ.

— Здравствуйте, почтенные люди! Откуда вы сюда пришли? Сколько взяли за жнитво?

— Мы зіатдинскіе, пришли на работы весною. Жнемъ вотъ артелью, вчетверомъ — на каждаго приходится 40 копѣекъ въ день и харчи хозяйскіе.

— Да развѣ у васъ нѣтъ своей земли?

— Какъ не быть! Есть, только очень ужъ много беретъ съ насъ *падша* (эмиръ), потому и нѣтъ возможности кормиться своей землей.

— А сколько онъ беретъ, поди не больше $^1/_4$?

— Ой, нѣтъ!—половину беретъ.

Вотъ какія явленія рождаетъ податная несправедливость, заставляя массы бросать землю, идти на заработки или бросать окончательно родину и переселяться въ лучшія мѣста.

Такихъ обездоленныхъ податною тяготой или разстройствомъ ирригаціи искателей заработковъ и выселенцевъ изъ сосѣднихъ бекствъ въ Зеравшанскомъ округѣ весьма много. Они составляютъ главный контингентъ поденщиковъ въ городахъ, они пополняютъ недостатокъ рабочей силы въ кишлакахъ, они же, эти искатели хлѣба (нанъ-талабъ), доставляютъ 20% населенія мѣстнымъ тюрьмамъ. Приливъ такихъ временныхъ переселенцевъ въ началѣ лѣта всегда обозначаетъ дурныя предсказанія въ бекствахъ: неурожай отъ безводья, отъ саранчи и другихъ бѣдствій, къ которымъ, какъ оказывается, добавляются еще и отяготительныя подати. Такія выселенія увеличиваются годъ отъ году, совершаются и массами, съ полнымъ фатальнымъ спокойствіемъ и упованіемъ на лучшее будущее, которое, конечно, сразу не дается. Эти выселенія нисколько не озабочиваютъ сосѣднее правительство, потому что система управленія его основана на стремленіи извлечь возможно большіе доходы, безъ всякой заботы о будущемъ

А вѣдь выселеніе даже 20% земледѣльцевъ ирригаціонныхъ раіоновъ способно превратить эти послѣдніе въ пустыни въ самое непродолжительное время. Вотъ чего и слѣдуетъ повсюду остерегаться пуще дефицитовъ.

Итакъ, уяснивъ себѣ значеніе для туземнаго населенія новой податной системы, дѣйствующей исключительно въ Зеравшанскомъ округѣ, мы конечно признаемъ за нею одно лишь несомнѣнное достоинство: значительнаго удешевленія и улучшенія довольствія войскъ, а слѣдовательно, и сокращеніе дефицита по русскому Туркестану.

Если насъ спросятъ: можетъ ли эта система установиться окончательно, мы отвѣтимъ: полагаемъ, что можетъ, если, во-первыхъ, сдатчики зерна будутъ получать базарную стоимость его плюсъ не менѣе двухъ рублей вознагражденія за каждый батманъ, а во-вторыхъ, если интендантство измѣнитъ кондиціи и усовершенствуетъ пріемку такъ, чтобы подвозители зерна не задерживались въ городѣ болѣе *двухъ* дней; въ-третьихъ, если размѣръ общественнаго сбора съ полей дождевого орошенія будетъ пониженъ, тамъ гдѣ онъ остается, до 10%. При такой постановкѣ дѣла, можно ручаться, что населеніе и не одного Зеравшанскаго округа само заявитъ желаніе сдавать свой яровой хлѣбъ, можетъ быть, и дешевле намѣченной стоимости. Озимаго же хлѣба и ячменя нечего и требовать съ него!

Какъ высказано выше, интендантству слѣдовало бы ограничивать свои требованія, а администраціи—свои предложенія только на то количество богарнаго зерна, которое даетъ данный податной годъ. Практиковавшаяся же до сихъ поръ сдача также и пшеницы озимой (трамаи) до крайности осложняла дѣло слишкомъ строгими требованіями пріемщиковъ. Эти строгости сводились къ тому, что населеніе ирригаціонныхъ земель, поставляя свой продуктъ въ счетъ окладной подати, по базарной цѣнѣ, вынуждалось опасеніями задержекъ въ городѣ сдавать, вмѣсто обыкновенной озимой, или богарную пшеницу, или посѣвное зерно трамаи, стоимость которыхъ выше открываемой интендантствомъ цѣны на 10%. Такимъ образомъ, поставка трамайной пшеницы для многихъ сдатчиковъ увеличиваетъ платимый ими окладъ вдвое, считая вычисленныя выше потери рабочихъ дней и отбросъ зерна.

Трудно рѣшить вопросъ: на комъ собственно остается отвѣтственность за строгость пріемки пшеницы озимой, которая поражаетъ всѣхъ своимъ темнымъ видомъ, сравнительно съ бѣлой пшеницей, богарной. Наши пріемщики, читая въ кондиціяхъ гоненія на ярицу и считая ее очень вредной, бракуютъ обыкновенную, хозяйственнаго обихода озимую пшеницу, предполагая, что темное зерно и есть ярица. Мы очень сомнѣваемся, чтобы такое предположеніе было вѣрно, пока оно не будетъ утверждено спеціалистами по агрономіи. Мы можемъ засвидѣтельствовать отъ себя, что обыкновенной, темноватой, трамайной пшеницей питается, какъ и всѣмъ извѣстно, 3/4 населенія Туркестанскаго края и не отравляется этой мнимой ярицей, пригорѣлымъ (джаугары) зерномъ, а напротивъ, совершенно правильно считаетъ озимую пшеницу питательнѣе яровой, чего вѣроятно не рѣшатся оспаривать и мѣстные врачи, если въ особенности они сдѣлаютъ анализъ того и другого продукта. Мы добавимъ еще, что поставка пшеницы озимой отяготительна для мѣстнаго земледѣльца и потому, что въ самое жаркое время поздняго жнитва она отвлекаетъ его отъ своего хозяйства.

Затруднительность для населенія поставлять ячмень сказывается сама собою потому, что въ Зеравшанской долинѣ ячменя засѣвается очень мало; онъ и при хорошемъ урожаѣ въ самъ-12 не покрываетъ всей мѣстной потребности, а подвозится на продажу изъ Карши и Джизака, причемъ мѣстный ячмень получается настолько тощій, нечистый, что дѣйствительно совершенно правильно бракуется пріемщиками; тогда сдатчикамъ, „во исполненіе приказаній“, приходится покупать этотъ продуктъ на базарѣ изъ привозовъ, а свой или сбывать за ничто, или же везти домой, за десятки верстъ.

Въ минувшемъ году населеніе было избавлено отъ поставки ячменя, но ему и до сихъ поръ памятенъ 1882 годъ, когда,

по первоначальному затребованію въ 63750 пудовъ, пришлось закупить, по дорогой цѣнѣ, джизакскій ячмень, чтобы чрезъ нѣсколько дней продать его по дешевой цѣнѣ, потому что требованіе ограничилось всего 19514 пудами. Всѣ эти фактическіе доводы даютъ тотъ выводъ, что если дѣлать обязательнымъ для населенія удовлетвореніе провіантскихъ нуждъ интендантства, то лишь такимъ продуктомъ, какой имѣетъ въ своемъ хозяйствѣ землепашецъ, а не базарнымъ.

Но я полагаю еще, что обязательная поставка легко можетъ быть замѣнена поставкою добровольной, если будетъ усовершенствована пріемка, если заблаговременно предупредить земледѣльцевъ о нормѣ вознагражденія на батманъ, въ томъ размѣрѣ, какой вычисленъ, или же въ уменьшенномъ размѣрѣ, по соглашенію съ производителями чрезъ администрацію.

При этомъ заказы поставокъ со стороны интендантства должны, во-первыхъ, быть заблаговременны, во-вторыхъ, должны быть такъ разсчитаны, чтобы самаркандскому населенію и администраціи не приходилось работать, какъ было до сихъ поръ, за сыръ-дарьинцевъ, потому что это крайне невыгодно для самого интендантства. Въ самомъ дѣлѣ, въ прошломъ году интендантство отправило изъ Самарканда въ Ташкентъ 11360 четвертей пшеницы, поставленной населеніемъ, причемъ путь перевозки шелъ разумѣется чрезъ тотъ самый хлѣбородный Джизакъ [1]), который загромождаетъ зеравшанскіе рынки своей прекрасной, дешевой пшеницей.

Казалось бы, почему не предложить джизакскому населенію сдавать свой хлѣбъ по базарной цѣнѣ плюсъ вознагражденіе, хотя бы даже въ два рубля на восемь пудовъ, въ джизакскіе интендантскіе склады, которые и могли бы снабжать дешевой пшеницей не только Ташкентъ, но даже Казалинскъ, если бы это потребовалось.

Скажутъ, что такая надбавка къ базарной стоимости продукта какъ разъ равняется подрядной цѣнѣ. Но если бы это было и вѣрно, то во всякомъ случаѣ поставка непосредственными производителями даетъ такой продуктъ, какого не дастъ конечно никакой подрядчикъ.

[1]) За перевозъ 1 пуда изъ Самарканда до Джизака (100 верстъ) берутъ 20 копѣекъ.

Предложивъ выше минимальный размѣръ вознагражденія сдатчиковъ, мы полагаемъ, что онъ никакъ не можетъ быть уменьшенъ безъ отягощенія населенія, такъ какъ эта надбавка въ 25 копѣекъ съ пуда оплачиваетъ только дорожные расходы туземца и потерю вѣса зерна отбросомъ.

А если положеніе поставки хлѣба для войскъ будетъ современемъ узаконено вмѣсто воинской и квартирной повинности, въ такомъ случаѣ вопросъ о вознагражденіи самъ собою упраздняется; но тогда это дѣло потребуетъ тщательной разработки для равномѣрнаго распредѣленія въ населеніи такой *продовольственной* повинности.

Заканчивая съ этимъ вопросомъ, продолжающимъ занимать и различные органы управленія, и печать, сообщимъ свѣдѣнія о количествѣ поставленной для интендантства, населеніемъ Самаркандскаго отдѣла, лучшей пшеницы въ счетъ податей:

Года	пуд.	цѣна	стоим.	одн. чет.
1878	72484	31892 руб.	3 руб.	30 коп.
1880	131500	71154 „	4 „	31 1/4 „
1881	38356	21096 „	4 „	12 1/2 „
1882	113992	65551 „	4 „	23 3/4 „
1884	227035	111786 „	3 „	52 1/2 „
Всего .	583367	300479 „	— „	—

Какія сбереженія далъ казнѣ этотъ исключительный способъ заготовленія, легко конечно разсчитать сопоставленіемъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ съ цѣнами, заявленными подрядчиками, и съ цифрами сравнительной стоимости подрядныхъ заготовленій за тѣ же года въ Джизакѣ, Ташкентѣ и Ферганѣ.

ЭКСПЛУАТАЦІЯ ГОРНАГО ЛѢСА ВЪ ЗЕРАВШАНСКОМЪ ОКРУГѢ [1]).

I.

Значеніе лѣсовъ въ климатологіи подтверждается научно и исторически. — Лѣса поддерживаютъ водные источники.—Разрушительное дѣйствіе потоковъ и ручьевъ въ Пенджекентѣ и въ верховьяхъ Зеравшана, какъ результатъ истребленія горной древесной растительности.—Борьба горца съ природой обозначилась на его физическомъ и духовномъ развитіи.

Бассейнъ Зеравшана, занимающій со всѣми притоками и хребтами площать земли въ 6540 квадр. верстъ [2]), представляетъ такую бѣдность лѣсной растительности горной и низменной, что въ интересѣ поступательнаго культурнаго развитія этой части Туркестанскаго края вопросъ лѣсной не долженъ оставаться послѣднимъ, что совершенно и признается администраціей. Значеніе вообще лѣсовъ въ климатологіи, какъ причины, охлаждающей воздухъ, защищающей данную мѣстность отъ вѣтровъ и поддерживающей источники, раздѣляется многими авторитетами науки, многими наблюденіями и историческими данными, подтверждающими, что чрезмѣрная вырубка лѣсовъ въ странѣ оставляетъ вліяніе на измѣненіи климата. По Бекрелю [3]), уничтоженіе лѣсовъ на всемъ протяженіи сѣверной Америки сдѣлало зимы менѣе жестокими и умѣрило лѣтніе жары, измѣнивъ и направленіе вѣтра западнаго на господствующее теперь восточное. Шлейденъ, приводя въ своемъ сочиненіи „Дерево и лѣсъ“ многія историческія данныя въ подтвержденіе губительнаго вліянія истребленія лѣсовъ на измѣненіе климата, говоритъ: „во внутренней Греціи сухость воздуха постоянно возрастаетъ, горные ручьи исчезаютъ, замѣна древесной растительности приземистыми кустарниками распространяется.

На многихъ горахъ выше 3000 фут. находятся еще слѣды прежняго растительнаго міра, даже замѣтны еще русла прежнихъ ручьевъ, но вода и многолѣтняя растительность уже исчезла. На страницѣ 40 того же сочиненія (Дерево и лѣсъ) мы читаемъ: „въ Египтѣ, отступая предъ болѣе и болѣе распалявшимся воздухомъ пустыни, исчезли знаменитые виноградники, восхваленные Атенеемъ, Страбономъ и даже Гораціемъ. Только въ Александріи выдѣлываютъ еще грубое и тяжелое черное вино“. Далѣе: „акаціи въ долинахъ пустыни, ростъ которыхъ превозносилъ Теофрастъ, стали корявѣть. Причину этихъ явленій легко сыскать, если вспомнить, что въ дельтѣ верхняго Египта, вслѣдствіе посадки Магометомъ-Али 20 милліоновъ деревъ, число дождливыхъ дней въ году поднялось съ 5 и 6 на 46. Также и въ построенной на песчаной пустынѣ Измаиліи, вслѣдствіе пропитанія почвы водою Суэзскаго канала, появились сами собою разнообразныя деревья, кусты и травы, а съ возрожденіемъ растительности сталъ измѣняться и климатъ: прежде дождь въ этой мѣстности былъ совершенно неизвѣстенъ, а теперь съ мая 1868 года по май 1869 г. дождь падалъ 14 разъ и однажды такой проливной, что арабы, никогда не видѣвшіе ничего подобнаго, были поражены ужасомъ! Геродотъ, въ 469 году до Р. Х. изображалъ Крымъ и Украйну цѣпенѣющими въ семимѣсячной суровой зимѣ, покрытыми на 2 сажени снѣгомъ, причемъ и въ остальные мѣсяцы было не тепло, а небо покрыто было туманомъ.“

Въ подтвержденіе того, что климаты способны измѣняться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, Араго, въ своемъ сочиненіи: „Sur

[1]) Напечатано въ 1877 г.

[2]) Г. А. Аминовъ: Туркестанскій Ежегодникъ, вып. III.

[3]) Des climats et de l'influence qu'exercent les sols boisés et non boisés; par Becquerel.

l'état thermometrique du Globe terrestre" указываетъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи въ настоящее время количество лѣтняго выпаденія дождя менѣе, чѣмъ въ прошлое время и это объясняется ничѣмъ инымъ, какъ истребленіемъ горныхъ лѣсовъ, вмѣщавшихъ въ себѣ множество озеръ, болотъ и прудовъ въ низовьяхъ, при огромномъ пространствѣ необработанной почвы.

Въ Америкѣ, по свидѣтельству Буссенго, не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что истребленіе въ большомъ размѣрѣ лѣсовъ всегда соединяется съ уменьшеніемъ количества выпадающаго дождя.

Извѣстный водоискатель, саксонскій горный инженеръ Генохъ, въ статьѣ: „отыскиваніе подземныхъ источниковъ" [1]), говоритъ: „въ какой мѣрѣ лѣса способствуютъ образованію воды, доказываютъ озеро Токаригуа въ Аррогуанской долинѣ Венецуэлы. Вслѣдствіе уничтоженія лѣсной растительности на окружающихъ высотахъ и распространившагося здѣсь земледѣлія, озеро менѣе чѣмъ въ 200 лѣтъ такъ обмелѣло, что множество бывшихъ на немъ островковъ обратились въ отдѣльно стоящіе холмы; это же самое озеро представляетъ другой поразительный фактъ въ обводнительномъ вопросѣ. Многолѣтнія политическія смуты новѣйшаго времени сильно уменьшили трудолюбивое населеніе и на запущенныхъ мѣстахъ, при благопріятномъ дѣйствіи тропическаго солнца, снова выросъ лѣсъ, благодаря которому озеро опять наполнилось водою, вытѣснивъ индиго и сахарный тростникъ, пріютившіеся на его изсушенныхъ берегахъ".

По мнѣнію Гумбольдта [2]), обнаженная и безплодная полоса земель, окружающая бассейны Средиземнаго, Каспійскаго и Аральскаго морей, можетъ служить типомъ явленій сухости воздуха, происходящей отъ уменьшенія величины водныхъ поверхностей, вслѣдствіе отсутствія лѣсовъ, которая, какъ причина охлаждающая, могутъ дѣйствовать троякимъ образомъ:

[1]) Туркестанскій Ежегодникъ, вып. III.

[2]) Asie centrale, т. III.

защищая почву отъ прямаго дѣйствія солнечныхъ лучей, производя довольно значительное испареніе листьями деревьевъ и, наконецъ, излучая тепло листьями по ночамъ. Касательно тѣни, отбрасываемой деревьями и охлаждающаго дѣйствія, производимаго ею, наблюдается наибольшее развитіе этого явленія въ умѣренномъ поясѣ весною и въ началѣ лѣта, когда снѣгъ лежитъ еще въ лѣсахъ даже во время повышенія средней температуры мѣсяца до 15°. Въ этомъ случаѣ тѣнь, бросаемая вершинами деревьевъ, мѣшая дѣйствію солнечныхъ лучей, дѣлается причиною, косвенно дѣйствующею на климатъ, а образующіеся застои воды служатъ естественными питомниками источниковъ. Испаренія воды, производимыя древесными листьями лѣсовъ экваторіальныхъ странъ, служатъ, по мнѣнію Гумбольдта, причиною, что небо этихъ странъ представляется покрытымъ густыми облаками и что между вершинами деревъ дѣвственныхъ лѣсовъ нерѣдко среди дня показываются перистыя облака (curis). Относительно излученія растеніями теплоты, наблюдаютъ, что деревья, охлаждая излученіемъ тепла атмосферу, окружающую ихъ вершины, заставляютъ охлажденный воздухъ стремиться къ почвѣ, который препятствуютъ излучать въ пространство теплоту густыя листья и вѣтви растущихъ на ней деревьевъ. Нѣсколько иное явленіе производятъ злаки, остающіяся погруженными въ той атмосферѣ, температура которой понижена ихъ собственнымъ теплоизлученіемъ. При этомъ наблюдаютъ, что перепончатые ланцетовидные и острые листья однодольныхъ растеній имѣютъ очень сильную излучающую способность, которая въ соединеніи съ уплотненіемъ пара, происходящимъ отъ излученія теплоты этими растеніями, производитъ то, что льяносы тропическаго пояса, въ теченіи самаго сухаго періода времени, остаются покрытыми свѣжею зеленью.

Въ наше время не можетъ быть болѣе мѣста существовавшему когда-то предположенію, что всѣ источники берутъ свою воду изъ подземныхъ хранилищъ, существующихъ отъ сотворенія міра. Сдѣлавшая большіе успѣхи въ послѣднія 20

лѣтъ физическая географія признаетъ, что источники не вытекаютъ изъ первобытныхъ водохранилищъ, но суть не болѣе какъ скопившаяся вода, принятая земною поверхностью изъ атмосферы, въ видѣ дождя и снѣга. Такимъ образомъ облѣсенныя горы, способствуя образованію водныхъ источниковъ, ручьевъ, рѣчекъ, рѣкъ [1]), составляютъ истинное благодѣяніе для окружающей мѣстности, служатъ кормилицей для низменности, которую они питаютъ и оберегаютъ отъ разрушенія наносами. Горныя высоты, лишенныя лѣсной растительности, хотя также извлекаютъ воду изъ проходящихъ надъ ихъ вершинами облаковъ, но вода эта, скатываясь по голымъ скаламъ стремительными потоками, не только не приноситъ никакой пользы равнинѣ, но нерѣдко причиняетъ ей страшныя бѣдствія разрушеніемъ жилищъ цѣлыхъ селеній, истребленіемъ навсегда пахотныхъ полей наносами щебня и камня, чему такъ часто подвергаются юго-восточныя провинціи Франціи, „единственно вслѣдствіе обнаженія вершинъ“, какъ свидѣтельствовали объ этомъ французскому правительству Лоренцъ и профессоръ Бланки.

Каждому, побывавшему въ горахъ бассейна Зеравшана, разрушительное дѣйствіе горныхъ потоковъ представляется по всему теченію рѣки совершенно явственнымъ. Уже въ самомъ Пенджекентѣ (3200 ф. надъ моремъ), разразившійся впервые въ 1873 году, и съ тѣхъ поръ каждогодно повторяющійся разливъ въ маѣ мѣсяцѣ ручья Чашма-Шурчасай (длина теченія 12 верстъ и паденіе 2,5 саженей на одну версту) далъ почувствовать мѣстнымъ жителямъ значеніе для потоковъ преградъ. Безводный въ теченіи всего лѣта, осени и зимы и едва замѣтный по своему каменистому руслу, ручей Шурча беретъ начало на юго-востокъ отъ Пенджекента, изъ горъ Зеравшанскаго кряжа, окончательно потерявшихъ въ этомъ мѣстѣ свою древесную растительность лѣтъ 10 тому назадъ, съ развитіемъ здѣсь углеобжиганія. Теперь мѣстные жители-туземцы и сами

[1]) У туземцевъ Зеравшанской долины этой номенклатурѣ соотвѣтствуютъ названія: чашма-оби, су, дарья.

озабочены поддержаніемъ растительности по теченію Шурчасай; но сознаніе этой необходимости досталось имъ чувствительнымъ, тяжелымъ опытомъ: въ 1873 году разливъ названнаго ручья причинилъ опустошеніе, оцѣненное въ 2000 рублей и навсегда отнялъ восемь десятинъ пахатной земли.

Подымаясь отъ Пенджекента вверхъ по Зеравшану, картины разрушительнаго дѣйствія горныхъ потоковъ, въ особенности по правому берегу, сопровождающемуся совершенно обнаженнымъ Туркестанскимъ кряжемъ, представляется глазу и ушамъ путника, отъ заявленій туземцевъ, все чаще и чаще. Въ селеніи *Іори* половина базарной площади загромождена громадными камнями, нанесенными потокомъ незначительнаго ручья *Ду-объ*, завладѣвшаго пятью десятинами хлѣбопахатнаго участка чакаронъ. Въ селеніи *Хожа-Хальваи* (въ 5-ти верстахъ выше Іори) жители плачутся каждому путнику на опустошенія пахотныхъ полей наносами щебня и песку каждовесеннимъ разливомъ ручья Хожа-Хальваи. Такое бѣдственное положеніе этихъ землевладѣльцевъ, каждый годъ затрачивающихъ напрасно трудъ и средства на обработку полей, вызывало даже освобожденіе ихъ отъ платежа податей съ той части посѣва, какая, по засвидѣтельствованію мѣстной власти, дѣйствительно оказывалась поглощенною нескромнымъ ручейкомъ. Съ 1873 года по 1877 годъ хожа-хольваинцы лишились отъ весеннихъ разливовъ этого ручья, проходящаго десятиверстнымъ теченіемъ известковыя породы, всего тридцать танаповъ земли, т.-е. 200 рублей ежегоднаго чистаго дохода. Удастся ли имъ огородиться отъ заноса полей возводимыми мѣстами баррикадами изъ крупнаго камня покажетъ будущее. Пока мы только замѣтили гигантскую борьбу этихъ настойчивыхъ земледѣльцевъ со стихіей ручья, поощренной на такой захватъ дорогой имъ земли уничтоженіемъ по отрогамъ его бассейна нѣкогда обильной хвойной и лиственной растительности.

Выше селенія Хоша-хальваи, въ кишлакахъ *Миндана* и *Вишистъ*, протоки Зеравшана, вытекающіе изъ обнаженныхъ здѣсь отроговъ горъ твердой породы Туркестанскаго кряжа, также

свирѣпствуютъ въ весеннее время борьбою съ землепашцемъ, но особенныхъ потерь не причиняютъ только потому, что опытъ заставилъ жителей отодвинуть свои пашни и клеверные посѣвы отъ затапливаемыхъ береговыхъ склоновъ рр. Минданаи, Вишистъ на возвышенные покатости. Тѣмъ не менѣе такой опытъ обошелся не даромъ; двѣ названныя рѣчки, имѣющія теченіе всего 12 верстъ, въ два года (1874—1875 г.) отвоевали у туземцевъ селеній *Миндана и Вишистъ* всего шесть десятинъ лучшей побережной земли, обработывавшейся подъ люцерной. Это составляетъ потерю въ 300 рублей каждогодно. Въ 10 верстахъ на востокъ отъ Вишиста, равнинная, весьма плодородная площадь Дашты-казы, въ 150 десятинъ, съ 1822 года отжила свой культурный вѣкъ, потеряла поселокъ въ 30 домовъ, не вслѣдствіе политическихъ причинъ, за что ручается изслѣдованіе, а съ одной стороны по причинѣ заноса разливомъ ручья *Рузи-обкобъ* 15 десятинъ пахоты въ западной части долины,—съ другой вслѣдствіе обнаружившагося 55 лѣтъ тому назадъ рызрыхленія породы той части хребта Туркестанскаго кряжа, по которой былъ проведенъ изъ рѣки *Кштудакъ* и дѣйствовалъ 13 лѣтъ по орошенію восточной части Дашты кара арыкъ Кштудакъ. Дорого цѣня всякій клочекъ земли, способный къ обработкѣ, горцы пытался не расъ реставрировать арыкъ Кштудакъ проложеніемъ на водопроницаемыхъ мѣстахъ пути деревянныхъ желобовъ *(нау)*; но полная неудача была слѣдствіемъ столько же геологическихъ законовъ, сколько и хищническаго истребленія въ этой части горъ даже кустарной растительности.

Три года трудолюбивые борцы за существованіе, землевладѣльцы Дашты-казы, отстаивали громадными усиліями, подкладываніями желобовъ и расчисткою арыка плодородный, удобный для обработки клочекъ земли, и наконецъ должны были уступить... Чему же?—осыпямъ *(ризъ)*, неудержимо заваливавшимъ и желоба, и грунтовый путь арыка. Не знаю, насколько вѣрно, но разсказываютъ, что въ послѣдній годъ, 55 лѣтъ тому назадъ, борьба горцевъ за спасеніе отъ безводья своей

пахоты въ долинѣ Дашты-казы, наканунѣ совершеннаго оставленія поселка *Иски-Дашты-казы* (здѣсь жили переселенцы изъ Каратигена, Фана, Кштута), жители, прочувствовавъ практически, мозолями своихъ рукъ, истинную причину усилившихся на этой покатости осыпей, разорили дома сосѣдняго узбекскаго кишлака Кштудакъ, истребившаго въ этой части горъ лѣсъ на углеобжиганіе и пастьбой скота. Я совершенно допускаю вѣроятность такого заключенія драмы, зная изъ бесѣдъ съ туземнымъ населеніемъ, что истребленіе лѣсовъ они считаютъ гибельнымъ для землепашества и признаютъ, что „лѣсъ есть мать воды“ (суны анасы дарахъ). Да и можетъ ли быть иначе въ той земледѣльческой странѣ, гдѣ лѣсамъ, по спорадическому расположенію ихъ, не можетъ быть поставлено въ укоръ осушеніе окружающей ихъ почвы [1]), гдѣ значеніе лѣсовъ, какъ регуляторовъ правильнаго, спокойнаго теченія ручьевъ, доказывается такими наглядными фактами грустныхъ послѣдствій оголенія горъ отъ древесной и кустарной растительности, какіе можно отмѣтить въ верхнемъ бассейнѣ Зеравшана.

Выше Дашты-казы, въ ущельѣ Фальгара, начинающемся въ 56 верстахъ отъ Пенджекента, картина разрушительнаго дѣйствія ручьевъ, притоковъ праваго берега Зеравшана, представляется еще болѣе наглядною. Въ этой тѣснинѣ, рѣзко опредѣляющейся отъ высокаго подъема Джанъ-чигаръ, при впаденіи многоводнаго притока Кштудакъ, горы праваго берега представляютъ крутые скаты, мѣстами съ вертикально стоящими пластами кремнистаго сланца, прорѣзываемаго незначительными ручьями и кое-гдѣ покрытаго хвойной растительностью, тянущеюся до Урмитана. Уже въ этой первой осѣдлости Фальгара, самимъ типомъ расположенія построекъ селенія выразительно обозначается борьба обитателей его со стихіей потоковъ. Селеніе *Урмитанъ* живописно разбросано на уступахъ довольно-обширной террасы, наибольшее протяженіе которой въ длину

[1]) Отечественныя Записки, мартъ мѣсяцъ, 1877 года, ст. Костычева стр. 21.

на востокъ занято сплошными садами абрикосовъ, персиковъ, тута (шелковичнаго дерева), черешни, вишни, орѣха, яблонь, грушъ, винограда и разныхъ дикихъ древесныхъ породъ, между которыми величаво выдается пирамидальный тополь и серебристая джида (лохъ). Подъ сѣнью этой растительности садовъ все лѣто поддерживается зеленый коверъ различныхъ травъ.

Всѣ сады обнесены невысокими стѣнками изъ булыжнаго камня, которымъ укрѣплены также уступы (берега) террасъ. Стѣны сакель и всѣхъ дворовыхъ построекъ прочно сложены изъ камня на глинѣ, а дворы обнесены высокими стѣнами, толщиною въ основаніи до двухъ аршинъ. Въ томъ мѣстѣ на сѣверо-востокѣ, откуда годами обильнаго выпаденія дождей устремлялся въ сады разливъ ручья *Лянгаръ*, выведены каменные траверсы, довольно сильной профили. Мѣстами эти предохранительныя стѣны имѣютъ двѣ сажени толщины въ основаніи и 2 аршина высоты. Такія приспособленія вызваны многолѣтнимъ, тяжелымъ опытомъ потерь отъ разлива бурнаго весенняго ручья Лянгаръ, и тѣмъ не менѣе поля Урмитана нерѣдко подвергаются затопленію, послѣ котораго требуются всякій разъ новыя, немалыя усилія на очищеніе ихъ отъ наноснаго щебня и глины. Въ послѣдніе три года, однако, урмитанцы прочно огородились со стороны, угрожавшей имъ частыми разливами и зато теперь спокойны за свои поля и сады.

Кишлаки *Дардаръ*, *Искандеръ*, въ 16-ти верстахъ выше Урмитана, послѣ продолжительной и усиленной борьбы съ періодическими разливами ручьевъ Искаденъ, Тогматъ, Дардаръ, питающихъ хлѣбопашество ихъ, испытавъ весною 1868 года разрушеніе сѣверной половины селенія (Дардаръ), обезпечили себя возведеніемъ мѣстами сильныхъ каменныхъ траверсовъ и укрѣпленіемъ брусьями и камнемъ береговъ той части горныхъ скатовъ (на сѣверной сторонѣ), съ которой поля подвергались часто заносамъ щебня. Въ огражденіе отъ напора потоковъ, селенію Искаденъ особенно помогло укрѣпленіе окраинъ горныхъ скатовъ густыми насажденіями тута и тополя, которое вызвало подраженіе и въ другихъ селеніяхъ. Кишлакъ *Хишкетъ*, расположенный въ 6-ти верстахъ отъ Искадера, на уступѣ горы, съ крутыми скатами глинистаго сланца, такъ часто подвергался затопленію и заносамъ во время сильныхъ весеннихъ дождей, что готовился къ перенесенію построекъ на другое мѣсто, ближе къ устью рѣки Хишкетъ, впадающей у селенія Варзиминоръ въ правый берегъ Зеравшана; но затѣмъ, по примѣру Дардара и Искадера, ограничился укрѣпленіемъ скатовъ частью траверсами, частью насажденіями садовыхъ деревьевъ, и остался на томъ же мѣстѣ, рѣже испытывая теперь разливы потоковъ. Сосѣдній съ Хишкетомъ кишлакъ *Варзиминоръ* занимаетъ своими садами и пахотными полями обширную площадь, настолько удаленную отъ горныхъ уступовъ, выгодно для него расположенныхъ, что совершенно обезпеченъ отъ затопленія даже при сильныхъ дождяхъ. Зато вышестоящіе по правому берегу Зеравшана селенія *Сенгистанъ* и *Засунь* помѣстились такъ близко къ крутымъ горнымъ скатамъ глинистаго сланца, что почти каждогодно испытываютъ весеннее затопленіе части полей, то отъ дождевыхъ потоковъ, устремляющихся по скатамъ горъ, то отъ разлива немноговодной въ обыкновенное время рѣки Сангистанъ. Къ счастью жителей этихъ селеній, глинистые наносы потоковъ не лишаютъ возможности вести землепашество и даже, какъ сказываютъ, способствуютъ удобренію полей.

Но въ 1872 году дождевой потокъ настолько былъ сильный и продолжительный, что всходы большинства полей погибли подъ толстымъ слоемъ наносной глины и жителямъ пришлось отправиться въ долину на отхожіе заработки и обычное попрошайство *(гадай-чилыкъ)*—этотъ якорь спасенія горцевъ въ трудные годы. Въ такихъ случаяхъ безнадежья на урожай хлѣба или фруктовъ (урюка и тута), которыми фальгарцы ведутъ значительную торговлю со всѣми городами Зеравшанской долины, съ Ура-тюбе и Ходжентомъ [1]), горецъ не

[1]) Всѣхъ сортовъ сушеный урюкъ, продающійся въ городахъ Зеравшанской долины и въ Ура-тюбе – произведеніе Фальгара, приготовляющаго также сушеный тутъ (ягода шелковица), называемый *тутъ маисъ*, и прессованную, очень сладкую муку изъ тута *(тутъ-талканъ)*.

долго задумывается: онъ оставляетъ дома, при хозяйствѣ, семейство — женщинъ съ дѣтьми и стариковъ, а все молодое мужское населеніе отправляется съ небольшимъ запасомъ сушенаго сыру (крутъ) и съ котомками на плечахъ одни на заработки поденными работами, жнитвой, другіе просто собираютъ милостыню и каждый возвращается чрезъ 3—4 мѣсяца съ 10—20 рублями. Нѣтъ такого населенія въ Фальгарѣ, которое не давало бы каждогодно извѣстнаго контингента на отхожіе заработки въ долинѣ, и чѣмъ условія землепашества даннаго кишлака труднѣе, тѣмъ болѣе онъ отпускаетъ гадаевъ (нищихъ). Такъ, селенія *Фатьми*, *Томинь*, *Испаганъ*, расположенныя въ сосѣдствѣ, по правому берегу Зеравшана, въ трехъ верстахъ выше селенія Сангистанъ, подвергаясь частымъ неурожаямъ, то отъ заноса полей щебнемъ разлива рѣкъ Испагань, Томинь, то отъ болѣзни злаковъ, называемой „зарды“ (родъ ржавы), высылаютъ въ долины Зеравшана и Сыръ-дарьи $^3/_4$ мужскаго населенія. Нѣсколько выше Фатьмы, кишлакъ *Рарзъ*, чаще другихъ испытывая бѣдствія отъ затопленія, не имѣетъ гадаевъ, будучи хорошо обезпеченъ весьма обширнымъ землепашествомъ въ ущельи Тогаби-Рарзъ, на лѣвомъ берегу Зеравшана. Однако значительныя потери этого кишлака отъ уничтоженія въ 1866 году построекъ и виноградниковъ, вынудили часть жителей перенести свои дома въ сторону отъ ручьевъ *Гариканъ* и *Нови-Сакиджанъ*, протекающихъ чрезъ этотъ многолюдный кишлакъ (380 дворовъ) на западной и восточной сторонѣ его. Послѣ затопленія, испытаннаго жителями Разря въ 1870 году, стоившаго жизни 13 горцамъ (6 мужчинъ, 2 женщины, 5 дѣтей) и сопровождавшагося значительной потерей скота и домашнихъ запасовъ, было предположено совершенно перенести отсюда кишлакъ; но затѣмъ, по неимѣнію болѣе удобнаго мѣста, ограничились искусственнымъ поднятіемъ береговъ наиболѣе опасной рѣчки Гориконъ и посадкою деревьевъ въ той сѣверной части горныхъ скатовъ, съ которой дождевые потоки безпокойны были для селенія. Въ тотъ несчастный годъ жители Разря

опредѣляли свои потери скота, запасовъ домашнихъ, винограда и посѣвовъ (затопленіе случилось въ маѣ мѣсяцѣ) въ 1600 рублей, что составляетъ для горцевъ большой капиталъ. Не меньшія потери пришлось испытать въ 1869 году и сосѣднему съ Рарземъ кишлаку *Пахутъ*, расположенному частью по берегу р. *Корутъ*, частью на уступахъ совершенно пологой горной покатости, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки. Вслѣдствіе своего положенія при рѣкѣ, имѣющей отлогіе берега, часть нижняго кишлака нерѣдко затапливается наводненіемъ, но вынуждена оставаться здѣсь по ограниченности мѣста въ верхнемъ кишлакѣ, совершенно неподвергающемся затопленію.

Въ 6 верстахъ выше Пахута, кишлакъ *Шабатки-паянъ* прислонился къ скалистымъ, крутымъ возвышеннымъ скатамъ, покрытымъ густою древесною растительностью и благоріятно расположенныхъ для этого селенія. Однако часть полей Шабатки, прилегающая къ правому пологому, берегу быстраго и многоводнаго ручья Шабатки, подвергается иногда затопленію, оставляющему огромные наносы щебня. На всѣхъ почти поляхъ и въ садахъ этого селенія сложенъ въ огромныя пирамиды этотъ наносный камень, отнявшій такимъ образомъ у жителей немалую часть пахотной земли. По словамъ жителей, этотъ камень, складываемый сначала на мѣстѣ собиранія, они время отъ времени перетаскиваютъ въ Зеравшанъ, за полверсты отъ селенія.

Такова нужда горца въ пахотной землѣ. Она сказывается впрочемъ во всей Зеравшанской долинѣ, гдѣ земельная собственность раздроблена до минимума [1]), съ котораго, въ силу экономическихъ законовъ, начинается скитальчество земледѣльческаго класса и прочія послѣдствія бездолья.

Отмѣченная выше типичность Шабатки-паянъ, какъ послѣдствіе наносовъ,—общая почти всѣмъ селеніямъ Фальгара, отъ Урмитана до Оббурдана (80 верстъ). Предшествующія этому послѣднему кишлаку, начальному пункту Матчи, селенія *Вишабъ* и

[1]) Въ горахъ на каждаго жителя приходится около 0,80 десятинъ земли, годной для запашки.

Самтичъ, картинно разбросанныя по обоимъ берегамъ многоводныхъ ручьевъ того же названія, также загромождены наноснымъ камнемъ, сложеннымъ въ прочныя стѣны, для огражденія садовъ и пахотныхъ полей. А самый кишлакъ Вишабъ, слишкомъ близко примкнувшій съ восточной стороны къ крутымъ скатамъ гребня обнаженныхъ сланцевыхъ горъ, нерѣдко затапливается дождевыми потоками, смывающими иногда (въ 1869, 1872 и 1875 годахъ) зыбкія постройки горцевъ, часто лишающихся при этомъ всего имущества. Жителямъ селенія Самтичъ, въ 6 верстахъ выше Вишаба, также памятно съ 1870 г. сильное весеннее наводненіе ручья, разрушившее 12 дворовъ, потерявшихъ тогда весь скотъ, (дѣло было ночью) домашніе запасы, 3 мужчинъ, 4 женщины и 2 дѣтей. Эта сѣверная часть селенія такъ и остается съ тѣхъ поръ брошенною, привлекая вниманіе посѣтителя неисчезнувшими еще слѣдами разрушенія.

И въ такой-то постоянной, упорной борьбѣ съ природой проходитъ вся придавленная нуждой жизнь горца, отражающая на большинствѣ особенности тѣлосложенія, типа, формы черепа, темперамента и духовнаго развитія.

II.

Разрушительное дѣйствіе потоковъ и ручьевъ въ Матчѣ и по системѣ рр. Ягнобъ, Фанъ, Кштутъ, Магіанъ.—Замѣтное оскудѣніе воды рр. Зеравшана, Кара-тюбе и другихъ отразилось на уменьшеніи землепашества въ Зеравшанской долинѣ.—Свѣжее преданіе о богатствѣ горной древесной растительности —Перечисленіе видовъ древесныхъ породъ, встрѣчающихся въ Зеравшанскихъ горахъ. — Характеръ потребности угля у туземцевъ.

Прослѣдивъ разрушительное дѣйствіе ручьевъ, рѣкъ, потоковъ, вытекающихъ изъ Туркестанскаго кряжа, сопровождающаго правый берегъ Зеравшана, остается сказать для полноты обзора, что выше Обурдана въ Матчѣ, изъ 23-хъ селеній, разбросанныхъ на пространствѣ 100 верстъ по подножью названнаго горнаго массива, чаще другихъ испытываетъ дѣйствіе

разливовъ только кишлакъ *Постигау* и примыкающій къ нему кишлакъ *Хоти-Шагаръ*. Оба эти селенія, экономничая пахотной землей, отдѣлили для полей и роскошныхъ садовъ огромную площадь, примыкающую къ Зеравшану, а постройки придвинули къ крутымъ, обнаженнымъ покатостямъ, съ которыхъ и устремляются въ селеніе дождевые потоки, никогда не причинявшіе впрочемъ такихъ бѣдствій, какія испытывали фальгарцы. Дальше Хоти-Шагарь, за Польдаракъ, горы, отступая отъ береговъ Зеравшана на 300—600 сажень, представляютъ на своемъ подножьи достаточно мѣста для удобнаго размѣщенія построекъ и пахотныхъ полей (предѣлъ садовъ—кишлакъ Исизь, 6500 фут. надъ моремъ), не испытывающихъ потому въ этой части Матчи ни затопленій, ни заносовъ. Въ такихъ же благопріятныхъ условіяхъ находятся почти всѣ селенія и поля Фальгара, расположенныя на лѣвомъ берегу Зеравшана. Сопровождающія этотъ берегъ Гиссарскій (въ Матчѣ) и Зеравшанскій кряжи, представляя въ $^2/_3$ своего протяженія породы известняковъ каменноугольной почвы, перерѣзаны рѣчками—притоками съ такими широкими лощинами, въ которыхъ открылось достаточно мѣста и для самихъ кишлаковъ съ садами и для пахотныхъ полей. Съ другой стороны, сохранившаяся на сѣверномъ склонѣ обѣихъ кряжей хвойная растительность обезпечиваетъ жителей селеній лѣваго берега топливомъ и кормомъ для скота, что въ общемъ поддерживаетъ благосостояніе этихъ горцевъ и даже ихъ зажиточность. То же самое можно сказать о горцахъ Фана, Кштута и Магіана, занявшихъ селеніями широкіе и богатые древесной растительностью лощины бассейна рр. *Нижній Ягнобъ* (отъ кишлака Анзобъ), *Искандеръ-су*, *Фанъ-дарья* (отъ сліянія ниже селенія Рабатъ рр. Ягноби и Искандеръ-су). *Парсутъ-су* (вливается близъ Сарводы въ рѣку Фанъ), *Артучъ*, *Кштутъ*, *Магіанъ*, *Шинъ*.

Большая относительно пологость склоновъ горъ Зеравшанскаго кряжа, при значительной ширинѣ и глубинѣ поперечныхъ долинъ, позволила развиться здѣсь землепашеству въ та-

кой степени, что въ урожайные годы жители Фана и Магіана отпускаютъ въ большомъ количествѣ хлѣбные продукты въ сосѣдній Фальгаръ, Ягнобъ и отчасти въ Кштутъ, гдѣ раздробленное до крайности землевладѣніе не вполнѣ удовлетворяетъ спросу густого населенія этой части горъ.

Изъ вышеприведенныхъ наблюденій надъ разрушительнымъ дѣйствіемъ въ горахъ потоковъ и разливовъ рѣкъ, по описанію положенія населенныхъ пунктовъ и угодій относительно береговъ водныхъ источниковъ и скатовъ горъ, безъ погрѣшимости можно заключить, что наибольшую борьбу съ разливами водъ испытываютъ мѣста, незащищенные отъ потоковъ древесной растительностью, и что одною изъ мѣръ противъ разлитія потоковъ, жители признаютъ и примѣняютъ насажденіе по склонамъ горъ деревьевъ (Искандеръ, Дардаръ, Хшикетъ), а также укрѣпленіе горныхъ скатовъ вертикальными брусьями (Дардаръ) и искусственное поднятіе береговъ рѣкъ (Пахутъ, Шабатки).

Не можетъ быть такимъ образомъ и сомнѣнія въ важномъ значеніи для горъ лѣсовъ, между прочимъ, какъ оплота отъ разрушительнаго дѣйствія потоковъ. Къ этой, самой существенной и наглядной услугѣ, оказываемой деревьями человѣку, присоединяется также вліяніе лѣсовъ на поддержаніе источниковъ, какъ естественныхъ питомниковъ рѣкъ.

Можно сказать, что то значительное уменьшеніе количества воды въ Зеравшанѣ, которое подтверждается столько же современнымъ положеніемъ русла этой рѣки, относительно береговъ, сколько и образовавшимися въ этой долинѣ пастбищными степями [1]), составляетъ прямое слѣдствіе совокупности трехъ причинъ: 1) значительной водопоглощаемости разрыхленными аллувіальными горными породами; 2) постепеннымъ сокращеніемъ верхнихъ ледниковъ; 3) значительнымъ уменьшеніемъ количества воды въ притокахъ Зеравшана вслѣдствіе уничтоженія въ горахъ лѣсовъ, способствовавшихъ прежде образованію источниковъ. Предполагаемое дѣйствіе этой послѣдней причины можно отчасти видѣть на другомъ примѣрѣ: вытекающая изъ сѣвернаго склона Зеравшанскаго кряжа, на меридіанѣ Самарканда, когда-то многоводная рѣка Кара-тюбе, текла за кишлакъ Кенегесъ, на пространствѣ 30 верстъ въ въ длину и 24 версты въ ширину. Въ то время, 26 лѣтъ тому назадъ, во время многоводья этой рѣки, берега истоковъ ея ручьевъ Шахакъ (восточный), Тахта-Карача, (западный) и весь сѣверный склонъ этой части Зеравшанскаго кряжа покрытъ былъ густою хвойною и лиственной растительностью, сберегавшею и источники, которыми питалась р. Кара-тюбе, и травяную растительность, прокармливавшую стада скотовладѣльцевъ. Съ вырубкою, 20 лѣтъ тому назадъ, лѣса до совершеннаго оголенія горъ, количество воды въ Кара-тюбе уменьшилось, по сказанію стариковъ-землепашцевъ, значительно, что обозначается и положеніемъ русла относительно береговъ и замѣтнымъ сокращеніемъ запашекъ, вызвавшимъ въ 1869 году переселеніе въ Самаркандскій отдѣлъ половины землепашцевъ изъ кишлаковъ: Илянли, Кара-найманъ и Кенегесъ, расположенныхъ въ низовьяхъ р. Кара-тюбе.

Мы не станемъ отрицать возможности доказать изслѣдованіемъ вліяніе вырубки лѣсовъ на уменьшеніе воды въ р. Кара-тюбе, а также и геологическаго закона разрыхленія горной породы, но столь явственная убыль воды одновременно съ вырубкою лѣса не можетъ также оставлять сомнѣнія въ преобладающемъ вліяніи этой послѣдней причины—оголенія сѣвернаго склона Зеравшанскаго кряжа.

Хотя гидрографическія изслѣдованія въ Зеравшанскомъ округѣ и не дали еще опредѣленныхъ выводовъ о количествѣ воды, приносимой главными притоками въ Зеравшанъ, во время наибольшаго поднятія уровня его, тѣмъ не менѣе разспросныя данныя и положеніе русла относительно береговъ до нѣкоторой степени подтверждаютъ наблюденіе уменьшенія въ нихъ количества воды, обусловливаемаго тою же главною причиною—

[1]) „Замѣтка объ Ирригаціи въ Зеравшанскомъ округѣ“ ст. 9 на 250 стр.

сильнаго истребленія горныхъ лѣсовъ, встрѣченнаго къ счастью мѣрами ограниченія, дѣйствующими уже шесть лѣтъ.

До какой степени быстро уничтожался горный лѣсъ, можно судить теперь по совершенно обнаженнымъ склонамъ Зеравшанскаго и Туркестанскаго кряжей, которые, по достовѣрнымъ разсказамъ старожиловъ-туземцевъ [1]), еще 20 лѣтъ тому назадъ были густо покрыты хвойными и лиственными деревьями на всемъ 140-верстномъ протяженіи отъ Парманъ-тюбе [2]) до Оббурдана въ Матчѣ по Туркестанскому кряжу и отъ селенія Анджили за Кара-тюбе до Фотьмаута въ Фальгарѣ, по Зеравшанскому кряжу.

По свидѣтельству многихъ туземцевъ, до развитія въ нагорномъ раіонѣ углепромышленности, растительность южнаго склона Туркестанскаго кряжа, противъ Пенджекента, покрывая густо покатости, спускалалась къ Зеравшану и занимала широкое побережье его богатыми лиственными породами, скрывавшими фазановъ (кызылъ-таукъ), зайцевъ, гусей и кабановъ. Здѣсь росла тогда въ ущельяхъ береза (муша), чинаръ, орѣхъ, миндаль горкій, зыркъ, фисташки, фаркъ, зарангъ, мальгомъ, иргай, шитанъ, загоса, хорча, шунгъ, можжевельникъ (арча) и другія мелкія породы деревьевъ, располагавшіяся одни тѣсной семьей (миндаль, фисташки, чинаръ) по ущельямъ, получившимъ потому и названія „жилище миндаля“ (уйбодамъ) „розсыпь фисташки“ (кони-фиста), другія, какъ береза, боярышникъ—въ сообществѣ хвойныхъ. И вотъ теперь, послѣ 20 лѣтъ хищничества, не только эта часть кряжа, на меридіанѣ Пенджекента, но и все пространство горъ до Урмитана совершенно оголено отъ всякой древесной и кустарной растительности. Кое-гдѣ лишь въ тѣснинахъ, на трудно доступныхъ скатахъ, укрывается еще отъ безпощаднаго топора отдѣльными

[1]) Разспросныя свѣдѣнія для этой статьи получены отъ пенджекентскаго волостнаго управителя, Кари-Аминя, жителя сел. Хожа-Паньшь-Шамси и отъ жителей Фальгара, Надфъ-Улла, Рахматъ-Улла, Акрамъ-Мира-Хуръ, жителя Фана. Давлетъ-токсаба.

[2]) Кишлакъ Самаркандскаго отдѣла у подошвы Туркестанскаго кряжа, на меридіанѣ Ургута.

группами можжевельникъ, но о березѣ и чинарахъ осталось только одно преданіе.

Теперь перечисленіе мѣстонахожденій лѣса, спорадически разбросанныхъ въ бассейнѣ Зеравшана, займетъ не много строкъ, даже какъ мы попытаемся это сдѣлать, при опредѣленіи видовъ древесныхъ породъ.

Начнемъ отъ истоковъ рѣкъ: верховье Зеравшана, начиная отъ ледниковъ, сопровождается верстъ на 20, до селенія Ди-Гиссаръ, горами съ достаточно пологими скатами, мягкой, мѣстами черноземной, влагообильной почвы, характеризующейся густыми побережными порослями корзинчатой ивы (Salix viminalis — бѣлоталъ), кустарныхъ ивъ: шелючи (S. acutifolia), песчаной (S. arenaria) и ломкой ивы (S. fragilis), а также кустарниками черной смородины и барбарису (Berberis vulgaris). Далѣе, внизъ на пути отъ селенія *Лянглифъ* до селенія *Диминора* (7800 фут. надъ моремъ), къ названной растительности присоединяются сережчатыя: осина (Populus tremula), бредина (Salix caprea), серебристый тополь (Populus alba), на нижнихъ склонахъ горъ и можжевельникъ или яловецъ (Juniperis communis) отдѣльными группами, въ верхнихъ скалистыхъ тѣснинахъ. Но изъ перечисленныхъ породъ только барбарисъ сопровождаетъ берега рѣки почти непрерывной лентой; остальные кустарники и представителя древесныхъ породъ располагаются отдѣльными экземплярами; можжевельникъ же совершенно не встрѣчается на скатахъ горъ, обращенныхъ къ Зеравшану, а прерываясь отъ *Мазари-Шарифъ* до Польдарака, попадается затѣмъ ниже *Мадрушката* густыми рощами, укрывшимися по ущельямъ горъ. Выше *Исазя*, почти до Оббурдана, склоны горъ обоихъ кряжей и самые берега Зеравшана носятъ крайне безжизненный характеръ съ полнымъ отсутствіемъ даже кустарной растительности; но поперечныя теплыя ущелья Арпахунъ, Гузунъ, Сурхкатъ на лѣвомъ берегу и Комаданъ на правомъ берегу, густо поросли березой (Betula verrucosa), серебристымъ тополемъ, осиной, козьей ивой (бредина), шиповникомъ, барбарисомъ, смородиной, костяной и синей жимо-

лостью (Lonicera), занимающими узкую полосу обоихъ береговъ рѣчекъ, и можжевельникомъ, растущимъ по скатамъ горъ твердаго сланца. Широкое ущелье Оббурдана, выходящее къ лѣвому берегу Зеравшана, также богато можжевельникомъ, тополью серебристой, барбарисомъ и иргаемъ, но зато ущелье этого кишлака, упирающееся въ правый берегъ, лишено всякой растительности. Отъ Оббурдана по Фальгару до самаго Урмитана Зеравшанъ идетъ въ такой тѣснинѣ, что по берегамъ его нѣтъ мѣста для растительности, и скаты горъ, обращенные къ этой рѣкѣ, на всемъ 80-верстномъ пути, также совершенно обнажены. Но въ поперечныхъ ущельяхъ обоихъ береговъ встрѣчаются обильныя поросли лиственныхъ породъ деревьевъ и кустарниковъ по берегамъ притоковъ Зеравшана, и можжевельника по скатамъ горъ. Особеннымъ обиліемъ хвойной растительности выдаются въ Фальгарѣ ущелья: Дархъ, Самтичъ, Фатьмаутъ, Тагоби, Рарзъ и Гузарибатъ — всѣ на лѣвомъ берегу Зеравшана. Туркестанскій кряжъ въ этой части бѣднѣе растительностью. Только въ Урмитанѣ ущелье Лянгаръ, упирающееся въ правый берегъ Зеравшана, богато можжевельникомъ, достигающимъ Санзарскаго перевала, на которомъ онъ очевидно входитъ въ связь съ хвойными порослями длиннаго ущелья Санзаръ, загроможденнаго крупными деревьями можжевельника и боярышника до затруднительности проѣзда этимъ путемъ верхомъ. Отъ Урмитана до Пенджекента склоны горъ, обращенные къ Зеравшану, носятъ, если всмотрѣться, только слѣды существовавшей недавно растительности, но въ перспективѣ представляются совершенно обнаженными отъ всякой, даже чахлой кустарной растительности, не пощаженной, какъ видно, топоромъ углеобжигателей.

Въ поперечныхъ ущельяхъ этой части горъ можжевельникъ, боярышникъ, дикая груша, глоговина, удерживаются еще, до поры до времени, только въ верхнихъ частяхъ склоновъ и то въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что, безъ охраны отъ хищныхъ угольщиковъ, этого запаса достанетъ не болѣе, какъ на три года, послѣ чего мѣстные жители обратятся къ

пріисканію топлива другого рода: фруктовыхъ деревьевъ (тараша), или хворосту отъ бурьяна (хасъ). Это время очень и очень близко.

Въ отдаленныхъ отъ городовъ горахъ Фана, нижняго Ягноба (отъ селенія Хршатокъ до Равата), Искандеръ-куля, Кули-Ал-утдинъ (иначе Кули-калянъ) [1]), куда не достигаетъ спросъ на уголь и строевой лѣсъ, древесная растительность держится хорошо. Скаты и ущелья горъ, сопровождающихъ названныя рѣки, помѣстили довольно густую, повсюду встрѣчающуюся хвойную растительность, а по берегу Искандеръ-дарьи и озера Кули-искандеръ растетъ въ большомъ количествѣ береза обыкновенная, береза кустарниковая (B. fruticosa), обыкновенная ясень (Fraxinus excelsior), серебристый тополь, ива, вязъ, и изъ кустарниковъ — барбарисъ, разные виды шиповниковъ и два вида жимолости.

Въ противоположность Фану и Ягнобу, горы Кштута и Магіана годъ отъ году замѣтно бѣднѣютъ дровесною растительностью, энергично вырубливаемой и мѣстными жителями, и пришлыми промышленниками на углеприготовленіе и для строительныхъ потребностей. Еще 20 лѣтъ тому назадъ сѣверные склоны хребта, составляющаго водораздѣлъ между Кштутомъ и Магіаномъ, были обильно покрыты можжевельникомъ (арча) и лиственными породами деревьевъ, а теперь приходится слышать сѣтованія угольщиковъ, что арча „бѣжала вверхъ, въ тѣснины“ и промыселъ сдѣлался труднѣе. Дѣйствительно, вся часть горъ лѣваго берега Зеравшана, отъ Пенджекента до ущелья Кштутъ, совершенно оголена до послѣдняго деревца и кустарника, а въ Кштутскомъ ущельѣ большія семейства арчи можно встрѣтить только на вершинахъ горъ и въ боковыхъ ущельяхъ: *Вару*, *Артучи*, *Гуйтанъ*, гдѣ попадаются также отдѣльными экземплярами: боярышникъ, миндальное де-

[1]) Правильное названіе этого озера Кули-калянъ (большое озеро), а не Кули-куланъ (озеро кулановъ), какъ до сихъ поръ называютъ. Степные куланы никоимъ образомъ не могли забраться на Кули-калянъ (9220 н. м.).

рево, фисташки, глоговина, и по берегамъ ручьевъ разная кустарная растительность.

Наглядным свидѣтельствомъ недавняго существованія въ горахъ Магіана густой хвои и листвы служатъ теперь сохранившіеся мѣстами пни деревьевъ на склонахъ скалистыхъ горъ, сопровождающихъ рѣку отъ селенія Суджина, гдѣ Магіанъ-су вливается въ лѣвый берегъ Зеравшана. Въ настоящее время, по системѣ Магіана, древесная растительность укрывается еще въ верховьяхъ ручьевъ: Шингъ, Кара-су, Фильмандаръ, Косоторачъ, причемъ распредѣленіе ея здѣсь такое же, какъ и по всѣмъ горамъ: нижніе склоны заняты боярышникомъ (тудоня), глоговиной (зараикъ), фисташковымъ деревомъ, верхніе можжевельникомъ, а по берегамъ растетъ въ изобиліи барбарисъ или джида, шиповникъ, лохъ (Eleagnus angustifolium), песчаная ива и тополь.

Часть Зеравшанскаго кряжа, отъ Магіана чрезъ Пенджекентъ, Ургутъ до Кара-тюбе, совершенно обнажена отъ всякой растительности и только по верховьямъ ручьевъ: Мисрекъ, Забанъ, да близъ Ургута, въ трудно доступныхъ ложбинахъ хребта, встрѣчается отдѣльными экземплярами можжевельникъ-арча, дикая яблонь (Pirus) и фисташки.

Глядя теперь изъ Пенджекента на эту ужасъ наводящую голь обоихъ хребтовъ, на эти солидные по размѣрамъ, но круглый годъ совершенно сухія русла ручьевъ Шурча, Зибанъ, Мисрекъ на западной и восточной сторонѣ города, живо почувствуешь значеніе лѣса для Зеравшанской долины и согласишься съ землевладѣльцемъ, что горный лѣсъ — мать (*ана*) водныхъ источниковъ. Вѣчному труженику-пахарю фактъ зависимости источниковъ отъ лѣсистости горныхъ вершинъ понятенъ безъ книжки, по оскудѣнію рѣкъ, по сокращающемуся оттого землепашеству, и онъ чувствуетъ, что чрезъ полсотни лѣтъ ему, и никому болѣе, придется дорого расплатиться за хищничество нѣсколькихъ десятковъ угольщиковъ и лѣсоторговцевъ, себя не обогатившихъ, а край разорившихъ въ конецъ.

Чтобы судить о размѣрахъ каждогоднаго уничтоженія горнаго лѣса, необходимо возвратиться къ главному предмету замѣтки и дополнить вышеизложенную иллюстрацію современнаго состоянія горной растительности свѣдѣніями о лѣсо- и углепромышленности.

Всѣмъ, полагаю, извѣстна стоическая, геройская способность туземца бороться со всевозможными нуждами, начиная отъ прародительныхъ нуждъ человѣчества — голода и холода. Пощипываетъ ли туземецъ лѣтомъ, сидя верхомъ на лошади, ягоды тута, растущаго по улицамъ, угрызетъ ли онъ до основанія арбузную корку, которую доканчиваетъ затѣмъ его корова, присмакиваетъ ли, проглатывая горьковатый дикій корешокъ та-торанъ, чмокаетъ ли испивая настой корня дикой клубники, замѣняющій чай, ежится ли онъ отъ холоду въ рубищахъ „ужаснаго вида“, спитъ ли онъ безъ всякой подстилки, прикрытый тѣми же „ужасными рубищами“,—все это, такъ часто встрѣчающаяся намъ геройская борьба съ прародительными нуждами, борьба, вызывающая на всевозможныя изворотливости. Матчинецъ, получающій зачастую вмѣсто посѣянной пшеницы рожь [1]) (робахунъ), а часто и ничего не получающій отъ посѣяннаго, откопалъ на высотѣ 11000 фут. надъ моремъ корень *та-торанъ*, замѣняющій хлѣбъ во всѣхъ его образахъ, твердыхъ и жидкихъ. Польдаракцы (7960 фут. надъ моремъ), не имѣющіе представленія о фруктахъ, овощахъ, дыняхъ, арбузахъ, отрываютъ весною на берегахъ верхняго Зеравшана и ѣдятъ съ наслажденіемъ какую-ту [2]) дикую, сладкую луковицу. Оббурданцы попиваютъ даровой чай изъ корня дикой клубники, фальгарцы сосутъ дикій кислый корень *ривачи*, бѣдняки долины все лѣто пробавляются только даровыми плодами растущихъ по улицамъ, при мечетяхъ и калындарь-хана тутовыхъ и урюковыхъ деревьевъ. А кто станетъ сомнѣваться, что тотъ же горецъ предпочтетъ, если дадутъ,

[1]) Это фактическое превращеніе случается съ озимою пшеницею въ безснѣжные, холодные (кара-саукъ) зимы. Въ кишлакѣ Сурхатъ засѣянная осенью пшеница всегда даетъ рожь робахунъ.

[2]) Луковицы эти отосланы, въ числѣ другихъ сельско-хозяйственныхъ предметовъ нагорнаго раіона, въ Ташкентскій музей и намъ обѣщано опредѣлить ихъ.

хлѣбъ та-торану, дыню луковицѣ самтичъ, вкусный чай фантастическому клубничному; что бѣднякъ долины охотнѣе поѣстъ хлѣба печенаго, чѣмъ приторнаго, обманно-сытнаго тута. Также и въ нуждѣ холодной: ягнобцы отъ селенія Ди-калянъ (8000 ф. надъ моремъ), матчинцы и польдаракцы замѣнили древесное и хворостовое топливо, по неимѣнію его, кизякомъ (чальма). Всѣ сельскіе жители долины довольствуются во всѣхъ случаяхъ топливомъ собираемаго въ полѣ хвороста (хосъ), по неимѣнію дровяного. Тоже и въ частныхъ случаяхъ: пока горы находились въ условіяхъ невозможности эксплуатировать растительность ихъ, кузнецы (ропьгеръ), чугуноплавильщики (дигрезь), самоварчи и хлѣбопеки обходились въ своихъ потребностяхъ топлива углемъ степнымъ, саксаульнымъ, доставлявшимся въ Самаркандъ нуратинскими кочевниками. Съ открытіемъ, 20 лѣтъ тому назадъ, горъ зеравшанскихъ для углепотребителей, дигрези настаиваютъ, что для ихъ производства годенъ только уголь изъ лиственныхъ, горныхъ породъ деревьевъ (миндаль, боярышникъ, фисташки, фаркъ); кузнецы бракуютъ саксаульный уголь, находя, что онъ медленной теплопроводности (сустъ) и работаютъ съ арчевымъ, можжевельнымъ углемъ; самоварчи, хлѣбопеки отказываются отъ арчеваго угля за выдѣленіе имъ копоти, отъ саксаульнаго—за быстрое сгораніе и жгутъ только уголь лиственныхъ породъ (манкаль). Въ противуположность борьбѣ съ нуждой, это привередничанье, оголившее горы Зеравшанскаго округа, развивается только потому, что спросъ находитъ большое предложеніе. Нѣтъ въ городахъ бухарскихъ владѣній угля арчеваго и лиственныхъ деревьевъ, и всѣ дигрези, кузнецы, самоварчи, хлѣбопеки, работаютъ съ углемъ саксаульнымъ, степнымъ. Тоже будетъ рано или поздно и съ самаркандскими углепотребителями, продолжающими пока привередничать на счетъ горнаго лѣсу, отдающаго, по нашему разсчету, ежегодно 340000 деревьевъ на углеобжиганіе.

III.

Давность углепромышленности въ горахъ.—Углепроизводители (кумыръ-чи) углескупщики (кумыръ-джалафъ) и углепотребители.—Распредѣленіе участковъ углеприготовленія.—Процессъ выжиганія угля сильной теплопроводности изъ лиственныхъ породъ деревьевъ (кумыръ-манкаль) и угля слабаго изъ хвойныхъ деревьевъ (арча-кумыръ).—Доходъ углепроизводителей и углескупщиковъ.—Типы безземельныхъ углепроизводителей: Бай-Магометъ Асатовъ (манкаль-чи) и Ашуръ Дурбишевъ (кумыръ-чи).

Немногихъ, всего до 300 человѣкъ, туземцевъ-углепромышленниковъ, по роду операцій ихъ въ этомъ занятіи, можно раздѣлить на двѣ категоріи: углеобжигатели и углеотправители-скупщики. Въ первой категоріи состоятъ преимущественно мѣстные туземцы нагорныхъ тюменей, ищущіе какого-либо посторонняго, хотя малодоходнаго занятія, по недостатку земельной собственности, не обезпечивающей даже скромное прозябаніе. Ко второй категоріи принадлежатъ преимущественно туземцы Самаркандскаго отдѣла, кишлаковъ Тайлякъ и Баги-заманъ, имѣющіе достаточно средствъ для покупки угля изъ первыхъ рукъ на мѣстѣ, въ горахъ или въ Пенджекентѣ, и для отвоза его на своихъ вьючныхъ животныхъ на базары Самарканда и Ургута. Такимъ образомъ, какъ во всякомъ торгово-промышленномъ предпріятіи у туземцевъ, и здѣсь нашлись посредники между производителями и потребителями, тайлякцы, которые и пользуются львиною долею въ этомъ истребленія лѣсовъ, оставляя производителямъ самый ничтожный процентъ за трудъ. Та же типичная неспособность туземца къ составленію для извѣстнаго предпріятія артелей, та же наклонность къ замкнутости, къ обособленности, обозначается вполнѣ и въ дѣлѣ углепромышленности: каждый работаетъ или въ одиночку, или же съ членами своего семейства, озабочиваясь не столько раздѣленіемъ труда, обусловливающимъ скорость работы, сколько стремленіемъ оставить у себя, хотя относительно ничтожный, но весь заработокъ. Словомъ, ни малѣйшей солидарности между углепроизводителями нѣтъ и быть не можетъ. Это народъ благодушный, почитающій

традиціи столько же, сколько и шаріатъ, и не преступающій ихъ ни въ какомъ случаѣ. Спросите горца-угольщика: зачѣмъ они не составляютъ изъ продуктовъ своего производства складовъ въ Самаркандѣ или въ Пенджекентѣ, а ограничиваются только самой трудной операціей углевыжиганія, чтобы взять за свой трудъ отъ скупщика-тайлякца 13 копѣекъ въ день, и вы услышите обычный, тупой отвѣтъ: „наше занятіе *(коспъ)* жечь, а ихъ занятіе возить и продавать“. И довольно. Никакой аргументаціей, никакими цифрами не сокрушите замкнутой преданности своему коспу (занятію, какъ вытекающему изъ поклоненія обычаю (*занъ-росимъ*), которому противиться туземецъ не рѣшится. И вотъ, въ силу этой косности, да еще незаботливости о будущемъ, да еще отчасти по лѣни и несообразительности, пріемы углеобжиганія остаются и до днесь такими же варварскими, какими были они въ первые года возникновенія этого дѣла, когда угольщикъ сваливалъ въ яму лѣсъ въ десяти шагахъ отъ своего дома.

Вотъ какъ ведется это дѣло: безземельный или малоземельный кишлачный людъ, отбывъ чужіе или свои полевыя работы, съ первыхъ дней сентября мѣсяца принимается за угольное дѣло. Стараясь приготовить уголь къ кануну пенджекентскаго базара (въ четвергъ, каждонедѣльно) *кумырчи* отправляется съ ишакомъ, топоромъ и провизіей изъ Пенджекента, или изъ своего кишлака, въ горы, верстъ за 10—35 въ пятницу, дней на шесть. Забравшись въ убѣжище лиственныхъ деревьевъ (*барчи*), кумырчи принимается рыть въ мягкой отлогости горы яму (*кура*) въ $2^1/_2$ аршина высоты и 4 аршина ширины, исполняя эту работу въ одинъ день. Нарубивъ и подтащивъ на ишакѣ къ ямѣ въ одинъ день до 10 большихъ (5 вершковъ въ діаметрѣ) или до 26 малыхъ, исключительно миндальныхъ (*бодамъ*), фисташковыхъ (*писта*), грушевыхъ, боярышниковыхъ (*дулона*) деревьевъ, угольщикъ обрубаетъ ихъ, насколько надо, и ставитъ въ ямѣ стоймя, до совершеннаго наполненія ямы. Затѣмъ прорубливается въ сводѣ ямы круглое отверстіе (*дутъ-бура*), діаметромъ въ 5 вершковъ, зажигаются

съ середины дрова, закрывается камнемъ и плотно замазывается входъ въ яму, и все подготовлено! Угольщику остается только посматривать, когда изъ верхняго отверстія ямы начнетъ пробиваться синій дымъ (*кукъ-дутъ*). Обыкновенно на третій день яму открываютъ и изъ 10 ишаковъ натасканныхъ въ вышепоказанной пропорціи деревьевъ только лиственныхъ породъ, получаютъ 2 батмана, т.-е. 16 пудовъ привилегированнаго угля, называемаго *манкаль*.

Да, уголь манкаль дѣйствительно привилегированный и по сравнительной дороговизнѣ его, и по спросу его спеціально чугуноплавильщиками, хлѣбопеками, въ чайхано, и по пріемамъ производства, весьма близкимъ къ нормальнымъ. Бѣдному, загнанному можжевельнику менѣе посчастливилось, чѣмъ листвѣ; съ нимъ такихъ церемоній откапыванія сводчатой ямы и установленія входной двери не наблюдаютъ, а просто-напросто выберутъ ложбинку, навалятъ въ нее крестообразно 4—6 крупныхъ экземпляровъ арчи, подожгутъ, бросятъ сверху, точно изъ вѣжливости, 10—15 лопатъ земли и къ вечеру того же дня получаютъ 2 капа или 4 пуда углей, называемыхъ *арча-кумыръ*. 4 пуда углей отъ 5 деревьевъ, вѣсомъ въ 120 пудовъ [1]). Это просто варварство, это глумленіе надъ растительной природой, надъ будущностью края! А каково же мы себя почувствуемъ, если скажемъ изъ точныхъ данныхъ, что въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году еженедѣльно, среднимъ числомъ, отправляется изъ Пенджекента и Кара-тюбе въ Самаркандъ 112 ишаковъ или 160 пудовъ угля манкаль и 176 ишаковъ или 880 пудовъ углей арчевыхъ. Въ годъ это составитъ 13440 пудовъ манкаля, 21120 пудовъ арчеваго угля, т.-е. отпуска или истребленія 16800 деревьевъ лиственныхъ породъ и 17000 экземпляровъ можжевельника [2]). Предъ этими цифрами обращаются въ ничто всякіе восклицательные

[1]) Мы взвѣсили одинъ экземпляръ можжевельника средней величины, съ полной кропой и получили 25 пудовъ вѣсу.

[2]) Мы сдѣлали это вычисленіе на цифрахъ совершенно умѣренныхъ, принимая порцію — закладку только въ 20 деревьевъ лиственныхъ и 8 деревьевъ можжевельника.

знаки, и намъ остается подойти поскорѣе къ окончательнымъ выводамъ объ углепромышленности, чтобы сказать затѣмъ кое что и о лѣсопромышленности въ тѣхъ же Зеравшанскихъ горахъ.

Опредѣлить въ точности, какъ было бы это желательно, какая цифра истребленія лѣса приходится на ту или другую часть горъ, пока невозможно для насъ, а потому ограничиваемся приблизительнымъ рѣшеніемъ этого вопроса по даннымъ о количествѣ пунктовъ углеприготовленія въ каждомъ изъ горныхъ кряжей и по числу углеобжигателей въ каждомъ изъ пунктовъ.

Въ Туркестанскомъ кряжѣ углеприготовленіемъ занимаются всего до 100 человѣкъ изъ селеній праваго берега Зеравшана: Хожа-паншь (противъ Пенджекента), Раджь, Амандара, Майката, Магилянъ, Іори, Миндана, Вишистъ, Даштыказы (46 верстъ отъ Пенджекента); изъ нихъ Раджь и Миндана приготовляютъ исключительно уголь манкаль (лиственныхъ породъ). Принимая изъ разспросовъ, что каждый человѣкъ приготовляетъ въ одну недѣлю 12 пудовъ манкали или 10 пудовъ арчевыхъ углей, получаемъ въ годъ среднимъ числомъ 9000 пудовъ [1]) манкаль отпуска, или 11200 деревьевъ уничтоженія и 2240 пудовъ арчевыхъ углей или 1800 деревьевъ уничтоженія. Остающееся количество истребляемыхъ деревьевъ безъ большой погрѣшности можно распредѣлить такъ: 7000 деревьевъ арчевыхъ и 2600 деревьевъ лиственныхъ на Кштутскія горы, гдѣ, при обиліи еще лѣса, занимается углеобжиганіемъ $^1/_5$ часть жителей всѣхъ селеній, расположенныхъ по ущелью, на пространствѣ 28 верстъ; 6200 экземпляровъ арчи и 2100 деревьевъ лиственныхъ на Магіанскія горы съ Шиномъ и на кишлаки Зеравшанскаго кряжа: Зибанъ, Шурча, Сауръ и Чинаръ Пенджекентской волости. Остальное количество—2000 экземпляровъ хвойныхъ и 1000 деревьевъ лиственныхъ—придется на Каратюбинскія горы, въ которыхъ

[1]) Цифра выведена по расчету 24 рабочихъ недѣль по 8 пудовъ среднимъ въ недѣлю на каждаго изъ 80 углепромышленниковъ-манкалы-чи.

занимаются углеобжиганіемъ 18 человѣкъ селеній Кызылъ-башъ, Винекъ, Хожа-духъ и Казычи.

Сопоставленныя съ цифрами уничтоженія деревьевъ цифры оборотовъ углепроизводителей, а равно и углескупщиковъ, представляются совершенно ничтожными, благодаря единственно все той же типичной чертѣ въ дѣятельности туземца—отсутствію солидарности интересовъ, отсутствію артельнаго начала въ предпріятіяхъ. На мѣстѣ, въ своемъ кишлакѣ, угольщикъ рѣдко продаетъ недѣльную добычу угля, а накапливаетъ и везетъ его въ Пенджекентъ, гдѣ получаетъ отъ скупщиковъ за 8 пудовъ арчевыхъ углей 80 коп., и за 8 пуд. углей манкаль 1 р. 20 к. Слѣдовательно, всѣ углепроизводители зарабатываютъ въ теченіе одного года 4152 р., что, по разсчету, основанному на разспросахъ, составитъ $7^1/_2$ коп. заработка въ день на одного человѣка, а при продажѣ на мѣстѣ въ своемъ селеніи, на 50% ниже противъ цѣнъ пенджекентскихъ, поденный заработокъ угольщика понижается до 4 коп. Выводы эти могутъ нагляднѣе уясниться слѣдующими двумя примѣрами: 1) безземельный пенджекентецъ *Бай-Магометъ-Асатовъ* занимается приготовленіемъ манкаля 6 лѣтъ, причемъ въ году онъ отдыхаетъ отъ этого занятія три мѣсяца (май, іюнь и іюль), во время уборки съ полей хлѣба, въ которой этотъ угольщикъ принимаетъ участіе, зарабатывая въ 3 мѣсяца 8 пудовъ пшеницы. Въ остальные 9 мѣсяцевъ въ году Бай-Магометъ отправляется каждонедѣльно, въ пятницу, съ ранняго утра въ ущелье кишлака Миндана, въ 26 верстахъ отъ Пенджекента, и на другой день съ своимъ сыномъ и съ тремя ишаками принимается за работу. Въ первый день оба угольщика рубятъ топоромъ на длинномъ топорищѣ *(табаръ)* деревья зарангъ (глоговина), миндаль (бодамъ), фаркъ (дикая груша), а на второй день подвозятъ нарубленное къ своей много мѣсяцевъ дѣйствующей уже *курѣ* (сводчатой ямѣ) и въ тотъ же день наполняютъ ее дровами и зажигаютъ. Въ среду, рано утромъ, уголь накладывается въ капы (мѣшки) и къ вечеру того же дня привозится въ Пенджекентъ. Бай-Магометъ

имѣетъ такимъ образомъ одинъ свободный день въ недѣлѣ для отдыха своего и ишаковъ. Изъ одной куры (ямы) онъ вырабатываетъ еженедѣльно, въ теченіе 6 дней, 16 пудовъ угля манкаль, за которые получаетъ отъ скупщиковъ 2 руб. 20 к., расходуя изъ нихъ 1 р. 9 к. на недѣльное продовольствіе такой пропорціи: 2 человѣка, отправляясь въ горы съ тремя ишаками на 6 дней, берутъ съ собою: 25 фунтовъ лепешекъ—22 к., $2^1/_2$ фунта мяса—15 к., $1^1/_2$ фунта сала бараньяго—15 к., 1 капъ саману — 10 к., $1^1/_2$ пуда ячменя — 35 к., для трехъ ишаковъ. Всего расхода 1 р. 9 к. и остатка на 5 человѣкъ семьи 1 р. 11 к. въ недѣлю. Общій годовой заработокъ Асатова съ сыномъ 52 рубля, т.-е. по 16 рублей на человѣка (20 р. годового расхода на трехъ ишаковъ исключены изъ цифры годового дохода) за 576 пудовъ угля манкаль или 935 уничтоженныхъ деревьевъ.

Примѣръ 2-й: горецъ *Ашуръ-Дурбишевъ*, наслѣдовавъ отъ своего отца одну неприкрытую бѣдность и ни аршина земли, ни одного домашняго животнаго, до 32-лѣтняго возраста проживалъ въ своемъ кишлакѣ Мазари-Шарифъ, въ работникахъ, съ годовою платою въ 10 руб., съ придачею одного поношеннаго хозяйскаго халата, одной пары такого же достоинства сапоговъ и одной пары бѣлья. Женившись на такой же голи, какъ и самъ, Дурбишевъ почувствовалъ необходимость увеличить свои средства и, извѣдавъ тяжелый трудъ мардекера-поденщика и жнеца, поселившись въ Пенджекентѣ, избралъ занятіемъ своимъ выжиганіе арчеваго угля, для чего предварительно пришлось запродать въ невѣсты малолѣтнюю дочь и купить 2 ишака. И вотъ уже шесть лѣтъ Дурбишевъ регулярно каждую недѣлю привозитъ изъ горъ Миндана въ Пенджекентъ, за 35 верстъ, 4 капа, т.-е. около 10 пудовъ арчевыхъ углей, за которые и получаетъ отъ скупщиковъ 80 коп., слѣдовательно въ мѣсяцъ 3 руб. 20 коп. или въ годъ среднимъ 34 руб., что̀ сравнительно съ 12 руб., работника *(итымъ)* составляетъ богатство. Этотъ угольщикъ, имѣя въ Пенджекентѣ семью изъ одной жены и 3-хъ малолѣтнихъ

дѣтей, работаетъ самъ. Каждую недѣлю, въ субботу съ ранняго утра, онъ отправляется съ двумя ишаками, съ двумя арканами, однимъ топоромъ и одной деревянной лопатой въ горы Миндана, имѣя на 4-хъ дневное довольствіе для себя только 20 фунтовъ лепешекъ (воду онъ добываетъ въ горахъ)—$17^1/_2$ к., а для двухъ ишаковъ 10 фунтовъ ячменя—$6^1/_4$ к., 1 снопъ клеверу—4 коп. и 1 капъ саману—5 коп.; весь расходъ его слѣдовательно простирается до $32^3/_4$ коп.

Нарубивъ въ воскресенье, сколько надо, арчи и очистивъ ее отъ коры (*посту*), которая не прогораетъ и портитъ потому уголь, Ашуръ выбираетъ ложбинку, отрываетъ въ ней на 3 вершка землю и къ вечеру подвозитъ на двухъ ишакахъ, въ 25 вьючекъ, приготовленную арчу, всего приблизительно 130 пудовъ. Рано утромъ, въ понедѣльникъ, угольщикъ наполняетъ яму, діаметромъ въ $3^1/_2$ аршина, арчей, подкладываетъ огонь, бросаетъ сверху отрытую изъ ямы землю для укрытія горящей арчи отъ вѣтра—и ждетъ результатовъ. При безвѣтріи, къ вечеру понедѣльника получается отъ 25 ишаковъ или отъ шести деревьевъ арчи, діаметромъ 5 верш., 4 капа или 10 пудовъ углей, съ которыми угольщикъ отправляется во вторникъ домой. Но въ вѣтреные дни случается и ничего не получить отъ сожженной такимъ способомъ арчи, и тогда Ашуръ остается въ горахъ еще на недѣлю, подкрѣпясь довольствіемъ изъ ближайшаго селенія. На спросъ: почему не сжигаютъ арчу въ закрытой ямѣ,—всѣ угольщики отвѣчаютъ, что по свойству рыхлой древесины этого дерева, въ закрытой ямѣ арча не даетъ вовсе угля, а превращается въ золу.

Кстати сообщимъ здѣсь инвентарь хозяйства спрошеннаго нами Ашура, о его прозябаніи, *тирчиликъ*. Своего дома у него нѣтъ, а приходится жить въ маленькой, дырявой саклѣ, уступленной однимъ пенджекентцемъ безвозмездно (*аманатъ*); сакля отапливается въ той мѣрѣ, сколько нужно топлива для приготовленія мучного супа (атала) даровыми дровами, доставляемыми Ашуромъ изъ горъ. Хозяйство состоитъ изъ двухъ

рабочихъ ишаковъ, трехъ куриць и одного пѣтуха; ни коровы, ни овцы, ни козы не имѣется, а двое малыхъ ребятъ довольствуются молокомъ матери. Вся утварь состоитъ изъ небольшого казана, двухъ деревянныхъ чашекъ, одной ложки и тыквеннаго ведра. Постелью служитъ плетенка изъ осоки, срываемой лѣтомъ на рисовыхъ поляхъ, и очень старой кошемки, также выполняющей, вмѣстѣ съ рисовой соломой *(похолъ)*, обязанность подушки; укрываются халатами, ежедневно носимыми. Вотъ обстановка жизни семейства Ашура. Самъ онъ спитъ дома всего три ночи въ недѣлю, а остальное время проводитъ въ горахъ, довольствуясь постелью изъ вѣтвей арчи. Вырабатывая среднимъ счетомъ 2 руб. 80 коп. въ мѣсяцъ, Ашуръ затрачиваетъ изъ нихъ 70 коп. лично на свой желудокъ, 61 коп. на двухъ ишаковъ, а остальные 1 руб. 49 коп. на пропитаніе семьи. Пропитаніе это состоитъ ежедневно изъ мучного супа (*атала)*, подкрашеннаго нѣсколькими каплями льняного масла *(зигирь-май)* и, разумѣется, крупицей соли. Для этого продовольствія затрачивается ежемѣсячно 2 пуда муки 70 коп., 5 фунтовъ соли $3^1/_4$ коп., 1 фунтъ льняного масла 7 коп., при счастливой добычѣ угля, 1 фун. мяса 6 коп., а всего на продовольствіе семьи $86^1/_4$ коп. $+ 2^3/_4$ коп. за 2 свѣчи $=$ 89 коп. ежемѣсячнаго расхода. На годовой остатокъ въ 7 р. 20 коп. необходимо надобно завести Ашуру 1 сапоги *(чирги)* 1 руб., рубашку со штанами изъ бязи 65 коп., тибетейку 5 коп., шерстяныя портянки 13 коп., простой шерстяной халатъ *(чакмень)* 1 руб. 20 коп., халатъ старый алачевый, исподній 67 коп., 4 капа для углей, на перемѣну старыхъ 1 руб. 50 коп., два аркана 20 коп., 1 лопату 10 коп., а всего расхода на внѣшность Ашура 5 руб. 50 коп. и въ остаткѣ 1 руб. 70 коп., которые всеполно идутъ на обновы женѣ и дѣтямъ, о внѣшности коихъ ничего сказать не можемъ, такъ какъ не удалось видѣть ихъ. Я готовъ однако вѣрить, что и семья Ашура имѣетъ кое какую одежду, такъ какъ къ 1 руб. 70 коп. годового остатка отъ заработка мужа прибавляется еще 3 рубля отъ заработка собственно жены, приготовленіемъ бумажной пряжи *(калава)*. Такова картина съ натуры того тиричилыка, имъ же нѣсть числа, который выпалъ на долю безземельныхъ.

Говоря безотносительно, на долю скупщика (*джалафъ*) приходится также не особенно большой процентъ за посредничество и провозъ: онъ получаетъ въ Самаркандѣ съ 4-хъ пудовъ (одного ишака) углей манкаль 30 коп. и съ того же количества углей арчевыхъ 60 коп. чистаго дохода, вознаграждающаго его за провозъ въ теченіе трехъ дней, слѣдовательно при одномъ рабочемъ ишакѣ по 16 коп. среднимъ въ день, что, сравнительно съ заработкомъ углепроизводителя, лазающаго цѣлыя недѣли по горнымъ утесамъ, достаточно. Не упустимъ сказать, что зимніе мѣсяцы, когда чугуноплавильщики прекращаютъ рыботы, по случаю холодовъ, цѣны на уголь измѣняются въ обратномъ отношеніи: арча-кумыръ продается по цѣнѣ манкаля и наоборотъ. Цѣнность же степного саксаула, употребляемаго исключительно на согрѣваніе сакель, постояннымъ подкладываніемъ въ яму, накрытую табуретомъ (*сандали*), остается отъ осени и до весны постоянною, 1 р. 60 к. за 8 пудовъ. Количество ввоза въ Самаркандъ этого угля изъ Джизакскихъ и Нуратинскихъ степей, намъ неизвѣстно.

Подводя валовой итогъ доходности отъ углепромышленности, существующей въ нагорныхъ тюменяхъ, получимъ всего 6916 р. ежегоднаго оборота, за 3400 древесныхъ жизней.

IV.

Лѣсопромышленность для строительныхъ потребностей — Лѣсодобыватели (чупъ-кашъ) и лѣсоскупщики (чупъ-джалафъ).—Порядокъ отправленія лѣсныхъ плотовъ въ низовые пункты. — Размѣры ежегодныхъ доходовъ отъ лѣсопромышленности и ежегоднаго уничтоженія древесной растительности. — Быстрое уничтоженіе горныхъ лѣсовъ есть результатъ недоразумѣнія мусульманскаго правительства.—Возможность искусственнаго лѣсоразведенія въ горахъ. — Необходимость отмѣны запрещенія сплава въ Бухару строевого садоваго лѣса. — Необходимость уменьшенія за горнымъ лѣсомъ лѣсоводственнаго значенія. — Настоятельная необходимость развитія въ Зеравшанской долинѣ ирригаціи.

Переходимъ теперь ко второму, не менѣе свирѣпому врагу горной древесной растительности — лѣсопромышленности. На-

блюдая эту отрасль занятія туземцевъ въ нагорныхъ тюменяхъ, мы встрѣчаемся и здѣсь съ тѣми же вызывающими ее факторами, какіе проходятъ чрезъ всѣ роды дѣятельности, предпріимчивости туземцевъ. То же безземелье и искательство посторонняго занятія для поддержанія существованія (*тиричилыкъ*) вызвало классъ производителей; то же поклоненіе этого класса традиціонному распорядку занятій и стремленію къ обособленности вызвало классъ посредниковъ между производителями и потребителями — скупщиковъ. Какъ въ углепромышленности, такъ и въ лѣсоторговлѣ, производители—круглые бѣдняки, добывающіе гигантскимъ трудомъ заработокъ, едва поддерживающій существованіе, полное самыхъ ужасныхъ лишеній; посредники—скупщики, городскіе капиталисты, унаслѣдовавшіе традиціонно это занятіе, не столько какъ средство къ жизни, вполнѣ обезпеченной хорошимъ хозяйствомъ, сколько изъ приверженности къ корпоративности, изъ какой-то мистической нерѣшимости оставить то дѣло, которымъ занимались предки. Отъ этого численное распредѣленіе производителей и посредниковъ поражаетъ крайностями: первыхъ насчитывается до 600 человѣкъ, вторыхъ 12 (въ Пенджекентѣ 8 и въ селеніи Суджина 4).

Наибольшее число, до 300 человѣкъ, лѣсопродавцевъ приходится на туземцевъ Кштутскихъ горъ, въ тѣснинахъ коихъ, на Турушъ-дара и по верховьямъ притоковъ Кштута, Вару, Паджрутъ, Завронъ, Зинтутъ, укрываются еще огромныя кущи крупной арчи-можжевельника, составляющаго главный предметъ лѣсной торговли. Остальная часть, 300 человѣкъ туземцевъ Магіана, эксплуатируютъ также только арчевый лѣсъ верховьевъ рр. Шингъ и Кара-су, вытекающихъ изъ Магіанскихъ горъ Такимъ образомъ все лѣсопользованіе для строительныхъ потребностей сосредоточивается въ горахъ Зеравшанскаго кряжа, по системѣ рѣкъ Кштута и Магіана, вливающихся въ лѣвый берегъ Зеравшана, первая—въ 45 верстахъ, вторая—въ семи верстахъ выше Пенджекента. Такъ какъ оба притока эти имѣютъ очень извилистое теченіе, проходятъ на

всемъ пути пороги, то лѣсоторговцамъ и не представляется никакой возможности воспользоваться ими для сплава лѣсу [1]), который подвозится потому на ишакахъ и лошадяхъ или прямо въ Пенджекентъ или въ селеніе Суджина при устьѣ Магіанъ-су. Въ этихъ двухъ пунктахъ на берегу Зеравшана существуютъ пристани и складъ—сарай, гдѣ горцы и сбываютъ привозный лѣсъ скупщикамъ, получая за двѣ большихъ лѣсины балочныхъ (*баларъ*) отъ 1 руб. 40 коп. зимою, до 2 руб. 40 коп. лѣтомъ; за двѣ лѣсины средней величины (4 аршина длины и 3 вершка толщины) для столбовъ (*сутунъ*) отъ 40 до 70 коп., за 4 штуки мелкой арчи (*калама*) для каркасныхъ стѣнъ, отъ 20 до 50 коп., причемъ продаваемый лѣсъ долженъ быть обтесанъ.

Принимая въ разсчетъ, что горцу Кштута на добычу, приготовленіе и на привозъ въ Пенджекентъ двухъ лѣсинъ на одномъ ишакѣ требуется шесть дней, находимъ, что дневной заработокъ его ограничивается среднимъ числомъ 30 коп., изъ которыхъ приходится удѣлять четыре коп. на кормъ ишака-спутника. Допуская, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, что усердный горецъ доставитъ въ Пенджекентъ въ теченіе полугода 25 паръ (*джура*) лѣсинъ, найдемъ maximum въ его годовомъ заработкѣ 50 руб., изъ которыхъ 16 руб. получаетъ лошадь или ишакъ, 2 руб. 40 коп. отходитъ въ подати [2]), а 31 руб. 60 коп. остается на годовое пропитаніе съ семьей. Въ чемъ состоитъ это пропитаніе горца, этотъ „тиричилыкъ“, пробирающій фибры наблюдателя—мы сообщимъ впослѣдствіи, а теперь прослѣдимъ за лѣсоскупщиками.

Подчиняясь тому же *зану-расму* (обычаю), тому же несознанію важности въ предпріятіи взаимопомощи, оставаясь съ

[1]) Въ 1870 году лѣсоторговецъ Бабаджанъ попытался пустить плоты по Зеравшану, отъ устья рѣки Кштутъ; но опытъ стоилъ потери трехъ плотовъ, разбившихся о пороги въ томъ мѣстѣ, гдѣ чрезъ Зеравшанъ перекинутъ мостъ Ду-пуля.

[2]) Собственно съ лѣсо- и углепромышленности пошлинъ никакихъ не взимается, а приведенная цифра подати есть окладъ такъ-называемаго хераджа-моазафъ (постоянный хараджъ), уплачиваемаго всѣми горцами съ незапамятныхъ временъ и съ 1876 года обратившагося въ „окладную подать“ (*ульпанъ*).

прирожденными наклонностями къ замкнутости, къ стремленію оставлять заработокъ лично для себя, лѣсоскупщики (*агачь-джалафъ*) не составляютъ товарищества по торговлѣ лѣсомъ, а дѣйствуютъ въ одиночку. Скупивъ въ теченіе зимы и весною достаточно лѣсу, джалавъ разсчитываетъ: въ какое количество плотовъ онъ можетъ связать его, и по разсчету этому нанимаетъ рабочихъ сплавщиковъ (*аматъ-чи*), по 2 человѣка на каждый плотъ. На обязанности рабочихъ-сплавщиковъ лежитъ, прежде всего, продырявленіе остроконечнымъ топорикомъ (*болта*) комля всѣхъ лѣсинъ, приготовленіе изъ тонкихъ побѣговъ (*чильпи*) растущей по берегамъ Зеравшана ивы крученыхъ веревокъ въ два пальца толщиною, увязываніе лѣсинъ въ плоты этими хворостовыми веревками и короткими крученками изъ вѣтвей можжевельника (*кирчинъ*).

Полный плотъ составляется всегда изъ шести звеньевъ (*чиликъ*), каждое въ два ряда лѣсинъ: нижній 25 штукъ, верхній 15 штукъ для крайнихъ звеньевъ и 20 и 12 штукъ крупныхъ лѣсинъ для двухъ среднихъ звеньевъ, которымъ приходится выдерживать и подъемъ тяжестей рабочихъ съ провизіей, и удары по пути о каменные выступы русла и береговъ. Въ этихъ среднихъ звеньяхъ, расположенныхъ въ одной линіи съ крайними, боковыя продольныя бревна-скрѣпленія (*аспкашъ*) значительно толще всегда, чѣмъ въ крайнихъ звеньяхъ. Головныя части каждаго звена, выступающія внаружу толстыми концами, крѣпко связываются съ продольными бревнами крученками изъ арчи (*кирчинъ*), пропущенными чрезъ дыры, выдолбленныя въ комляхъ каждаго бревна; внутренніе же тонкіе концы арчи привязываются къ продольному бревну арчевыми крученками на-крестъ. Всѣ звенья прикрѣпляются одно къ другому длиннымъ арканомъ изъ побѣговъ ивы (*чильпинъ*), пропущеннымъ въ каждое изъ четырехъ скрученныхъ изъ арчи колецъ (*галка*) звена. Этотъ арканъ обхватываетъ такимъ образомъ снаружи весь плотъ и потому разрывъ его въ пути, нерѣдко случающійся отъ ударовъ о берега, вслѣдствіе неумѣлаго управленія рабочими отталкивательными шестами (*пшанъ*),

всегда губителенъ для плота. Въ такихъ случаяхъ крушенія, рабочимъ остается привязать къ берегу уцѣлѣвшія звенья и, собравъ, насколько удастся, унесенный теченіемъ лѣсины, подтащить ихъ къ мѣсту остановки, для убранія вновь въ звенья. Умѣлый сплавщикъ (*сучи*), если онъ достаточно знакомъ съ фарватеромъ рѣки, осмотрительно управляетъ рулевыми (*хода*) шестами, имѣющимися на каждомъ углу плота, засвѣтло останавливается на ночлегъ, не допуститъ разрыва аркана и крушенія плота.

Такимъ образомъ каждый плотъ имѣетъ въ длину 16 арш., въ ширину 9 арш. и содержитъ 226 лѣсинъ, при отправленіи въ половодье (*лой-объ*), отъ начала мая до половины августа, 200 лѣсинъ для маловодья, въ теченіе сентября, марта и апрѣля мѣсяцевъ. Плоты тополеваго лѣса составляются также точно, какъ и арчевые, въ шесть звеньевъ въ 25 лѣсинъ каждое, пополамъ съ арчею въ половодье и по 18 штукъ въ маловодье [1]). По изготовленіи плота въ теченіе обыкновенно 8 дней, рабочіе получаютъ отъ хозяина въ путевое продовольствіе (*хураки*) 12 пудовъ лепешекъ, 2 пуда крупы машъ, 30 фунтовъ сала, 10 фунтовъ мяса, все на трехъ человѣкъ до Бухары и отправляются въ плаваніе, управляясь съ плотомъ на трудныхъ мѣстахъ у Бурлюша, противъ селенія Саразмъ и у Чапанъ-ата, при помощи длинныхъ шестовъ (*пшанъ*).

Во время половодья плоты приходятъ изъ Пенджекента въ Самаркандъ въ 4 дня, въ Катты-курганъ въ 8 дней и въ кишлакъ Гурбунъ, въ 8 верстахъ отъ Бухары, въ 25 дней. Въ маловодье же сроки плаванія измѣняются такъ: въ Самаркандъ въ 7 дней и въ Бухару въ 35 дней.

Добравшись до пристани на берегу большого арыка Шагрутъ, въ кишлакѣ Гурбунъ, рабочіе оставляютъ плоты или на отвѣтственности аксакала пристани, получающаго съ каждаго

[1]) Снаряженіе плота съ покупкою въ Пенджекентѣ и въ побережныхъ селеніяхъ тополей обходится съ доставкою въ Гурь-унь 155 руб., что при существующей теперь въ Бухарѣ цѣнѣ, 3 руб. за одну балку шести аршинъ длины и шести вершковъ толщины, составитъ чистаго дохода 85 руб. отъ каждаго плота или 55% на капиталъ.

плота по 40 коп. за мѣсто и храненіе, или же довѣренному, знакомому отправителя, извѣщенному заблаговременно объ условіяхъ продажи и разсчета съ рабочими. Не высоко оплачивается тяжелый, тридцатидневный трудъ этихъ бѣдняковъ-сплавщиковъ, поставляемыхъ преимущественно Бухарою. За снаряженіе и доставку плота въ Гурбунъ, откуда лѣсъ отправляется въ Бухару на арбахъ, они получаютъ: старшій (*су-чи*) 16 рублей и младшій 10 рублей, кромѣ провизіи, т.-е. отъ 50 до 30 коп. въ день на человѣка. При этомъ лѣсосплавщики-рабочіе не упускаютъ случая увеличить свой незначительный заработокъ доставкой въ Бухару на плотѣ или хлѣбныхъ продуктовъ, или подѣлочнаго мелкаго горнаго дерева (иргай, зарангъ, гуля). Но это удается только въ пору дешевизны (*арзанчилыкъ*) продуктовъ въ Бухарѣ, а въ годы неурожайные плотоотправители и сами сплавляютъ хлѣбные продукты въ низовья Зеравшана. Здѣсь мы должны сказать, что высказанное въ № 41 „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ за 1876 годъ сѣтованіе на неумѣнье горнаго населенія пользоваться Зеравшаномъ для сплава произведеній, мы раздѣлить не можемъ, зная, что въ той мѣрѣ, въ какой Зеравшанъ позволяетъ сплавъ на плотахъ, они пользуются имъ въ пору выгодности такого занятія. Такъ, напримѣръ, въ 1869 году, во время большого неурожая въ Бухарѣ, изъ Самарканда было отправлено къ границамъ Бухары очень много хлѣба.

Но собственно Пенджекенту, и въ это спорое, выгодное по спросу хлѣба время, пришлось играть пассивную роль, такъ какъ давно испытано, что плоты, обремененные тяжестью болѣе 16 пудовъ (трое рабочихъ и провизія) терпѣли всегда крушеніе въ тѣхъ мѣстахъ, Бай-биче-камаръ, Бурлюшъ, Санзаръ и Чапанъ-ата до Самарканда, гдѣ Зеравшанъ имѣетъ паденіе до трехъ саженей на одну версту. Уже это одно условіе упраздняетъ всякое стремленіе воспользоваться Зеравшаномъ для судоходства съ плоскодонными баржами, начиная отъ Суджины, выше Пенджекента.

Намъ остается закончить съ лѣсопромышленностью подведеніемъ цифръ дохода лѣсоскупщиковъ и вычисленіемъ общаго количества лѣса, ежегодно отправляемаго изъ Пенджекента въ города низовые.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лѣсопромышленниковъ и тщательно провѣреннымъ, доходы ихъ опредѣляются такимъ разсчетомъ:

Расходъ по отправленію одного плота:

За 25 большихъ лѣсинъ, для среднихъ звеньевъ	36 р. — к.
„ 200 обыкновенныхъ лѣсинъ	50 „ — „
„ одного вьючнаго ишака чильни (хворостовыя веревки)	— „ 40 „
„ 1000 штукъ арчевыхъ крученокъ (кирчинъ) .	2 „ [1]).
Двумъ рабочимъ плотосплавщикамъ.	26 „ — „
Одному проводнику до Самарканда	2 „ — „
Двумъ рабочимъ путевая провизія	11 „ 20 „
За сбереженіе плотовъ въ Гурбунѣ.	— „ 40 „
Всего расхода. .	128 р. — к.

Доходъ:

Отъ продажи 225 лѣсинъ, по 80 коп. за каждую лѣсину, всего . . . . . 180 р.

Слѣдовательно съ одного плота въ 225 лѣсинъ, скупщикъ получаетъ чистаго дохода 52 рубля или 40% на затраченный капиталъ.

Но конечно такой доходъ нельзя считать постояннымъ и, при большемъ переполненіи лѣсомъ бухарскихъ рынковъ, лѣсоотправители нерѣдко едва сводятъ концы съ концами [2]). Принимая норму дохода 40% и умножая 52 руб. дивиденда на 10 плотовъ, ежегодно отправляемыхъ каждымъ лѣсопромыш-

[1]) Кирчинъ привозятъ на продажу исключительно жители селеній: Андаръ, Гыждарва, Косторачъ изъ Магіанскихъ горъ. Эти крученки, въ $1^1/_2$ аршина длины и въ $1^1/_2$ дюйма толщиною, приготовляются изъ тонкихъ побѣговъ арчаможжевельника, очищаемыхъ отъ кожи и разогрѣваемыхъ на огнѣ для удобства крученія.

[2]) Въ 1876 году арча продана была въ Бухарѣ по 50 коп. за штуку и лѣсоотправители получили убытку 15 руб. съ каждаго плота.

ленникомъ, получимъ 520 руб. годового дохода на одного лѣсоскупщика, а весь оборотъ лѣсной торговли опредѣляется вышеприведенными цифрами въ 26000 рублей дохода лѣсопродавцевъ-горцевъ *(чупъ-кашъ)* и 6600 рублей дохода лѣсоскупщиковъ = 32600 руб.

Эти же цифры помогутъ подвести и окончательный итогъ лѣсоистребленію. Опредѣляя, на основаніи точныхъ свѣдѣній, все количество ежегодно сплавляемыхъ изъ Пенджекента и Суджины плотовъ въ 123 по 220 лѣсинъ въ каждомъ, получимъ 30000 деревьевъ арчевыхъ + 34000 экземпляровъ хвойныхъ и лиственныхъ, пожираемыхъ углепромышленностью, т.-е. 64000 древесныхъ жизней, погибающихъ ежегодно. Можно представить будущность горъ чрезъ 15—20 лѣтъ такой хищнической эксплуатаціи лѣсовъ, поддерживавшейся долгое время искусственно, въ силу крайняго заблужденія, защищавшаго прежде садовую древесную растительность, на счетъ истребленія горной!

До присоединенія къ Туркестанскому округу Самарканда, и отчасти въ наше время, въ Зеравшанской долинѣ дѣйствовалъ налогъ въ $^3/_{10}$ части со стоимости срубленнаго строевого садоваго лѣса. Въ бухарское время налогъ этотъ имѣлъ значеніе не столько охранительное, сколько финансовое, а у насъ онъ облекся въ первые годы его дѣйствія во всеоружіе протекціонизма, охраны отъ порубокъ садовыхъ деревьевъ. Мѣра эта вполнѣ достигла своей цѣли, такъ какъ продажа лѣсу съ немедленной уплатою въ казну 30% стоимости его, при условіи запрещенія сплава въ Бухару, подъ опасеніемъ конфискаціи, заставляла, конечно, владѣльцевъ садовъ воздерживаться отъ пользованія этою собственностію своей. Жителямъ культурной долины оставалось поглядывать съ завистью на горцевъ, зарабатывавшихъ тѣмъ временемъ кое-что отъ безпошлинной продажи арчи, спросъ на которую по всему низовью и въ Бухарѣ развился до того, что пришлось наложить запрещеніе на сплавъ горнаго лѣса за предѣлы Зеравшанскаго округа. Эта мѣра, стоившая разоренія тремъ-четыремъ бухарскимъ туземцамъ, лишившимся капитала отъ конфискаціи плотовъ, оказалась все-таки совершенно палліативною, такъ какъ стремленіе къ наживѣ немедленно выставило противодѣйе въ контрабандѣ, съ которой не было никакой справы, даже и послѣ установленія рѣчной стражи.

Надо было обратиться къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ охраненія горнаго лѣса, къ уменьшенію за нимъ лѣсоводственнаго значенія на счетъ свободной продажи низменнаго лѣса.

Исходя изъ того совершенно правильнаго основанія, что возобновленіе низменнаго лѣса совершается сравнительно легко, что охраненіе его налогомъ въ 30% достигаетъ отрицательныхъ результатовъ, удерживая жителей отъ заботливости насажденія строительнаго тополя, какъ неприносящаго никакого дохода, зеравшанская администрація достигла отмѣны охранительныхъ для низменнаго лѣса постановленій и тѣмъ спасла до нѣкоторой степени отъ совершеннаго истребленія горный лѣсъ.

Можно ручаться, что свободная торговля съ Бухарою низменнымъ лѣсомъ, на ряду съ установленіемъ положительныхъ и обязательныхъ для всѣхъ правилъ посадки 3—4 молодняковъ на мѣсто срубленнаго тополя, отзовется значительнымъ развитіемъ благосостоянія населенія долины [1]) и, понизивъ лѣсоводственное значеніе горнаго лѣса, послужитъ къ сбереженію его. А что горный лѣсъ нуждается въ такомъ абсолютномъ отдыхѣ на 15—25 лѣтъ, какой намѣрены дать ему воспрещеніемъ углепромышленности въ горахъ, въ этомъ сознаніи можно укрѣпиться, взглянувъ на оголенные повсюду хребты горъ, на результаты этого оголенія: оскудѣніе водныхъ источниковъ и разрушительное дѣйствіе ихъ на земледѣльческое хозяйство.

Опредѣлить въ точности все количество горнаго лѣса, имѣю-

---

[1]) Примѣромъ можетъ служить Ташкентъ, гдѣ чрезмѣрное развитіе спроса на строительный тополь расплодило очень много лѣсоводовъ и понизило стоимость тополевой балки съ 12 руб. (1867 г.) до 4 руб. (1876 г.). Надо также имѣть въ виду способность тополя производить обильные корневые отпрыски.

щагося въ Туркестанскомъ, Зеравшанскомъ и Гиссарскомъ кряжахъ, пока невозможно, а приблизительно слѣдуетъ считать 0,06 десятинъ на каждаго домовладѣльца Зеравшанскаго округа, что нельзя признать изобиліемъ.

Зная изъ теоріи, что представитель здѣшней хвойной породы—можжевельникъ или яловецъ (арча), при наклонности къ жизни обществомъ, лишенъ способности давать поросль изъ пня и корня [1]), растетъ очень медленно, хотя не имѣетъ особеннаго притязанія на плодородіе почвы; что изъ лиственныхъ горныхъ, однодомныхъ породъ боярышникъ (тудана), глоговина, дикая яблонь (Pyrus), дикая груша, рябина (Sorbus), миндаль, фисташки, бѣлый кленъ (Acer pseudoplatanus) растутъ чрезвычайно медленно, требуютъ питательной почвы, располагаются не группами, а единичными экземплярами, — нельзя ожидать скораго естественнаго возрожденія древесной растительности на мѣстахъ оголенныхъ, а слѣдуетъ приложить неотложную заботливость искусственнаго лѣсовозращенія. Выполненіе этой важной въ культурномъ отношеніи задачи мы признаемъ, по условіямъ мѣстности, свойству горной почвы и климату, вполнѣ возможнымъ. Рыхлыя, свѣжія почвы глинистыхъ и известковыхъ горныхъ породъ обоихъ кряжей могли бы пріютить невзыскательную, какъ извѣстно, ни къ почвеннымъ, ни къ климатическимъ условіямъ, обыкновенную сосну (Pinus silvestris), распространенную въ Крыму и въ горахъ Кавказа. Рядомъ съ этой, важной въ лѣсохозяйственномъ отношеніи представительницей семейства шишконосныхъ, могла бы помѣститься богатая смолой и скипидаромъ сосна-ерникъ или малорослая сосна (Pinus pimilio), оказывающая великую услугу задержаніемъ на крутыхъ склонахъ горъ массы тающаго снѣга.

Въ нижнихъ покатостяхъ горъ и по берегамъ ручьевъ можно было бы испробовать распространеніе существующей мѣстами въ горахъ, также мало притязательной къ почвѣ, обыкновенной березы (Betula verrucosa), не подвергающейся

[1]) Россмеслеръ: „Лѣсъ“, стр. 308.

болѣзнямъ, растущей быстро съ обильными порослями и имѣющей весьма важное лѣсохозяйственное значеніе. Изъ семейства сережчатыхъ могла бы также найти для себя почву во многихъ мѣстахъ кустарниковая береза (Betula fruticosa), встрѣчающаяся на высотѣ 9000 надъ моремъ, по верховью ручья Махшиватъ, вливающагося въ правый берегъ Искандеръ-су, въ горахъ Фана. Въ низовьяхъ, по берегу Зеравшана, и въ той части долины, ниже Пенджекента, гдѣ послѣднія 6—8 лѣтъ, подъ вліяніемъ обработки почвы и отчасти наносами, увеличились пески, слѣдовало бы испытать разведеніе черенками шелюги (Salix acutifolia) и песчаной ивы—S. arenaga, пріобрѣвшихъ и у насъ въ южной Россіи громкую извѣстность, какъ укрѣпители сыпучихъ песковъ.

Для укрѣпленія песковъ можно было бы воспользоваться также акаціей или робиніей, вывезенной въ Европу изъ Канады 275 лѣтъ тому назадъ Робиномъ, и китайскимъ ясенемъ Ailanthus, какъ деревьями, крайне непритязательными, быстро растущими и служащими къ успѣшному удобренію почвы обильно опадающимъ листомъ. Горы и Зеравшанская долина богаты всякими почвами и, принимаясь за лѣсоразведеніе, надо имѣть только прежде всего въ виду основное лѣсоводственное правило: выборъ для каждаго растенія соотвѣтствующей почвы.

Мы не откажемся повторить и еще разъ, что искусственное возвращеніе горамъ древесной растительности представляется, по нашему мнѣнію, вполнѣ возможнымъ и необходимымъ въ такой же степени, какъ и проведенныя уже администраціей мѣры охраненія существующаго горнаго лѣса, какъ предпринятое въ тѣхъ же видахъ уменьшеніе лѣсоводственнаго значенія горной растительности, геологическое изслѣдованіе Зеравшанскихъ горъ, имѣющее между прочимъ цѣлью открытіе залежей каменнаго угля, этого могучаго двигателя цивилизаціи [1]).

[1]) Богатыя, повидимому, залежи каменнаго угля, открытыя въ Фанѣ, близъ селенія Роватъ, по обоимъ берегамъ нижняго теченія рѣки Ягнъ-объ, не разрабатываются по дороговизнѣ доставки угля въ Пенджекентъ, за 120 верстъ отъ мѣста добычи. Произведенными опытами опредѣлена стоимость одного пуда угля съ доставкою въ Самаркандъ, въ 55 копѣекъ.

Съ этими лѣсоохранительными мѣрами должно идти въ точной послѣдовательности и возможное развитіе ирригаціи для возвращенія къ производительной жизни тѣхъ 80000 десятинъ земли долины Зеравшана [1]), которыя отжили свой культурный вѣкъ единственно вслѣдствіе оскудѣнія водныхъ источниковъ.

---

[1]) См. „Замѣтку объ ирригаціи“ въ № 51 Туркестанскихъ Вѣдомостей за 1876 годъ.

ВЪ ГОРАХЪ ДАРВАЗА-КАРАТЕГИНА.

(На верховьѣ Аму-Дарьи).

Въ началѣ 1882 года намъ представился случай посѣтить юго-восточныя бекства Бухарскаго ханства.

Выступивъ изъ Самарканда 20 марта, имѣя съ собою секретаря, г. Введенскаго, для оффиціальной переписки, переводчика Джалаль-Этдина Камалединова и 10 конныхъ джигитовъ изъ самаркандскихъ туземцевъ, я проѣхалъ чрезъ Китабъ и Шахрисябзъ въ Карши, гдѣ, послѣ личной аудіенціи, выяснивъ эмиру цѣль своей поѣздки и предположенный маршрутъ, окончательно заручился и согласіемъ Музафаръ-хана и обѣщаніемъ полнаго вездѣ содѣйствія, которымъ дѣйствительно пользовался и за которое приношу мою глубокую признательность эмиру. Мой путь шелъ изъ Каршишелъ, чрезъ Бухару, въ Чорджуи и отсюда вверхъ по Аму-дарьѣ, чрезъ бекства Наразымъ, Бордалыкъ, Керки, Келифъ, Ширабатъ, Кободіанъ, Курганъ-тюпе, Кулябъ, Бальджуанъ, Дарвазъ, Каратегинъ, Хисаръ, Бойсунъ и Гузаръ. При знаніи языковъ тюркскаго и персидскаго, при достаточномъ навыкѣ къ разспросамъ туземцевъ, имѣя опытныхъ развѣдчиковъ изъ самаркандцевъ и пользуясь содѣйствіемъ бухарскихъ властей, мнѣ удалось собрать весьма полныя этнографическія, статистическія и экономическія свѣдѣнія въ пройденныхъ бекствахъ. Занимаясь теперь разработкою этихъ свѣдѣній, для составленія описанія современнаго состоянія Бухарскаго ханства, я представляю пока вни-

манію общества описаніе наименѣе извѣстныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, восточныхъ странъ *Дарваза* и *Каратегина*, занимающихъ верховье рѣкъ Пянджа и Сурхъ-объ [1]). Не станемъ описывать здѣсь весь пройденный путь южной и восточной частей ханства, такъ какъ онъ извѣстенъ изъ прекраснаго очерка Н. А. Маева [2]), а ограничимся сообщеніемъ свѣдѣній о пути, ведущемъ изъ Куляба, чрезъ Бальджуанъ, въ Дарвазъ и Каратегинъ. Сдѣлавъ въ одинъ день, безъ привала, переходъ въ 80 верстъ отъ урочища Ташъ-рабатъ, черезъ горный кряжъ Джилоны-тау (змѣиная гора)—водораздѣлъ рр. Вахшъ и Кызылъ-су (Кчи-сурхъ-объ), съ роскошной пастьбой и рощами фисташковаго дерева, состоящими въ общественномъ пользованіи обширной промышленности добычей фисташекъ и красильнаго бузъ-гунчъ,—къ вечеру 12 мая мы добрались до селенія Гуль-багъ, на правомъ берегу Кызылъ-су. Этотъ переходъ былъ очень утомителенъ и для людей, и для лошадей, благодаря постояннымъ подъемамъ и спускамъ, отсутствію на всемъ пути воды, кромѣ глинистой рѣченки Топръ, пересѣкающей дорогу на сороковой верстѣ отъ Ташъ-рабата. Чувствовалась всѣми потребность въ отдыхѣ, и такъ какъ Гуль-багъ, разбросанный группами жилищъ по берегу рѣки, не представлялъ необходимыхъ удобствъ, то мы и оставили его на другое же утро, чтобы расположиться въ Кулябѣ—резиденціи бека, бывшей столицѣ самостоятельнаго хана Сорыхана. Переѣздъ до Куляба въ 22 версты, обойдя небольшой междурѣчный кряжъ Саръ-тизъ съ соляными ломками, представлялъ не мало затрудненій, потому что этотъ единственный путь въ Кулябъ пересѣкаетъ протоки рр. Кызылъ-су и Яхъ-су, которые, соединившись въ 15 верстахъ ниже Гуль-бага, у подошвы соляной горы Хожъ-муминъ, впадаютъ подъ именемъ Кызылъ-су въ Аму-дарью, близъ селенія Саятъ, въ южной части Кулябскаго бекства. Обѣ рѣки эти несутъ въ этомъ

[1]) Статья „Дарвазъ и Каратегинъ“ напечатана ниже на стр. 437.

[2]) См. „Ежегодникъ Туркестанскаго края“ за 1879 годъ.

мѣстѣ, противъ Куляба, весьма много воды и представлялись бы очень значительными, еслибъ природа не разбила ихъ на множество протоковъ съ пологими берегами, поросшими кустарникомъ, камышемъ и обильной травой, укрывающими лѣтомъ массы кабановъ и тигровъ, а зимою—кочевыя стойбища скотоводовъ корлыковъ и узбековъ, спускающихся сюда въ октябрѣ мѣсяцѣ съ горъ Куляба и Бальджуана. Переправившись на лѣвый берегъ Яхъ-су и пройдя нѣсколько небольшихъ поселковъ, живописно окутанныхъ зеленью плакучей ивы, вѣковыхъ чинаровъ, раскидистыхъ виноградниковъ и серебристой джигды, мы поднимались пологими низкими холмами величайшаго водораздѣльнаго хребта Имамъ-оскаръ. На этихъ холмахъ, въ 5-ти верстахъ отъ берега Яхъ-су, на горныхъ ключахъ Кулябъ-дарья, дающихъ цѣлую сѣть арыковъ, пріютился Кулябъ съ небольшою глиняною крѣпостью, съ роскошными фруктовыми садами и виноградниками, съ типичными постройками при двухскатныхъ камышевыхъ крышахъ, съ небольшимъ довольно грязнымъ базаромъ. Городъ, въ 460 дворовъ, весь разбросанъ въ садахъ, прорѣзанъ широкими улицами и арыками для поливки усадебныхъ пашень, которыхъ впрочемъ не особенно много, потому что главное занятіе кулябцевъ составляетъ шелководство, ткачество превосходной шелковой алачи для халатовъ, торгашество мѣновое и съ денежными знаками, въ которыхъ преобладаетъ издавна старинная мѣдная русская монета, неизвѣстно какъ и откуда забравшаяся только въ Кулябъ. Значительная часть кулябцевъ, какъ типичныхъ таджиковъ съ чисто персидскою рѣчью, такъ и узбековъ колѣна Кессемиръ, занимается также и скотоводствомъ, выселяясь на лѣто изъ лихорадочнаго городского и кишлачнаго побережья въ восточныя, ближайшія горы вѣчно снѣжнаго хребта Камарау-имамъ-оскаръ, тянущагося отъ верховьевъ лѣваго берега Яхъ-су до Аму-дарьи. Обиліе водныхъ ключей и роскошной травы на этихъ горахъ, съ постоянной прохладой, притягиваетъ сюда на лѣтовки и осѣдлыхъ, и кочевыхъ жителей долинъ Кызылъ-су и Яхъ-су, отличающихся крайне нездоровымъ климатомъ съ

сильной жарой, съ болотными испареніями отъ тогаевъ и рисовыхъ полей, порождающими злокачественныя ревматическія лихорадки и всякія болѣзни. Оттого лѣтомъ кулябскіе кишлаки изъ камышевыхъ коническихъ кибитокъ (каппа), вмѣсто построекъ, представляются совершенно безлюдными, и если встрѣчаются въ нихъ 5—10 человѣкъ мужчинъ, то это или рабочій людъ, остающійся для поливки рисовыхъ полей, или же недавніе переселенцы, не отвѣдавшіе еще табата ревматической лихорадки и съ жадностью набросившіеся на хлѣбопашественное приволье съ тучной, свободной для всѣхъ землей. Тотъ же характеръ безлюдья въ селеніяхъ носитъ и путь въ 64 версты отъ Куляба до Бальджуана, идущій сначала, верстъ 15, правымъ берегомъ Яхъ-су, по небольшой возвышенности Саръ-тизъ, пересѣкая на 35 верстѣ ручей Узунъ-ахуръ, вливающійся въ Яхъ-су на высотѣ Гуль-бага. Все это обширное нагорье въ 160 верстъ поперечника, съ горнымъ плато Довгора, благодаря близости подпочвенной воды, запахивается раннею весною и въ началѣ мая пшеницей, ячменемъ, льномъ, хлопкомъ, кунжутомъ и огородиной, дающими, при одной вспашкѣ послѣ высѣва, обильный урожай въ самъ 25—50. Свободной земли на этомъ нагорьѣ такъ много, однако, что она даетъ и прекрасныя пастьбы для овецъ, для рогатаго скота и для значительныхъ конскихъ табуновъ скотоводовъ-узбековъ обширнаго Бальджуанскаго бекства. Самый Бальджуанъ — резиденція бека—представляетъ горный поселокъ въ 300 дворовъ, съ небольшою цитаделью на правомъ берегу р. Кызылъ-су, при впаденіи въ нее значительной горной рѣчки Талхокъ [1]), берущей начало въ 30 верстахъ на сѣверъ отъ Бальджуана, при селеніи Муй-рокъ, жители котораго исключительно занимаются разработкою мѣстныхъ свинцовыхъ рудниковъ [2]).

Бальджуанцы, таджики и узбеки довольно зажиточны, по-

[1]) На 40-верстной картѣ Туркестанскаго воен. округа, Бальджуанъ показанъ на лѣвомъ берегу, а р. Талхокъ вовсе не обозначена.

[2]) Добываемый здѣсь прекрасныхъ качествъ свинецъ переливается въ плитки и везется въ Карши, гдѣ его продаютъ въ казну и частнымъ лицамъ по 4 р. 60 к. за пудъ.

тому что, имѣя свое значительное хлѣбопашество, занимаются также дешевою скупкою пшеницы, ячменя и льна, отправляемыхъ на продажу въ Карши, чрезъ Душанье, Миръ-шады, Дербентъ и Гузаръ (8 дней пути). Послѣ достаточнаго отдыха въ Кулябѣ, намъ незачѣмъ было оставаться долго въ нездоровомъ Бальджуанѣ, и мы, воспользовавшись два дня любезнымъ гостепріимствомъ бека, заслуженнаго генера (датха) Рахманкулъ-бека, и собравъ необходимыя свѣдѣнія о бекствѣ, отправили усталыхъ вьючковъ на отдыхъ въ Файзабатъ и рано утромъ выступили, совершенно на-легкѣ, безъ всякихъ ягтановъ (вьючные азіатскіе кожаные сундуки), для путешествія въ Дарвазъ, который рисовали намъ до крайности трудно проходимымъ въ этотъ періодъ, когда скалистыя горы сбрасываютъ снѣжные обвалы (тарна), закрывая окончательно путь на нѣсколько недѣль. Дорога въ Дарвазъ изъ Бальджуана считается все же лучшею, чѣмъ изъ Куляба, и намъ пришлось ее предпочесть, хотя послѣдній путь и короче.

Перейдя въ одной верстѣ отъ крѣпости три протока Кызылъ-су (кичикъ Сурхъ-объ), сопровождающійся на лѣвомъ берегу снѣжнымъ хребтомъ Дарвазіонъ, мы поднялись далѣе по ея притоку Хавалынгъ [1]), надъ которымъ громоздится съ юга нагорье Санджидыкакъ и Койку, отдѣляющее эту послѣднюю рѣку отъ Яхъ-су, съ сѣвера гряды Пишиты-дарвазіонъ. Довольно сносная для конниковъ дорога тянется частью по горамъ глинисто-песчаной почвы, достаточно обработанной, съ группами дико растущихъ чинаровъ, яблонь, дулона и карагача, а частью идетъ тропинкой по высокимъ берегамъ Хавалынга, занятымъ поселками въ 20—40 дворовъ, окутанными искусственными садами съ виноградникомъ, грушей, яблоней, миндальными и орѣховыми деревьями. До селенія Хавалынга въ 500 дворовъ, съ базаромъ и роскошной чинаровой рощей, гдѣ у насъ первый ночлегъ, сельскія постройки носятъ тотъ же типъ легкихъ сакель съ двухскатными крышами, какъ и

[1]) Заявленіе г. Маева на стр. 215 ст. „Очерки Гисарскаго края“ (Ежегодникъ 1889 г.), что р. Хавалынгъ не существуетъ—вполнѣ невѣрно.

въ Кулябѣ, а зажиточность населенія не уступаетъ Бальджуану, къ которому относится этотъ горный раіонъ верховьевъ рр. Хавалынга и Яхъ-су. Оставивъ рано утромъ Хавалынгъ съ его одноименной, семидесятиверстной рѣчкой, истокъ которой вѣнчается бѣлоснѣжной горой Хазреты-султанъ, и взявъ направленіе на юго-востокъ, мы поднимались 12 верстъ невысокимъ плоскогорьемъ Санджиды и вышли на правый берегъ Яхъ-су. Отсюда до поселка Соры-пуль, гдѣ назначенъ ночлегъ, 8 верстъ дорога вьется по крутому высокому берегу, чащей густого кустарника барбариса, шиповниковъ, боярышника и джигды, перемѣшанныхъ съ серебристымъ тополемъ и дулоной, поднимающимися отдѣльными рощицами до самыхъ высшихъ точекъ нагорья, по которому лѣпятся небольшіе кишлаки и пашни ихъ.

Весь восьмиверстный путь до Соры-пуля прорѣзывается частыми протоками Яхъ-су, которая сопровождается на югѣ чрезвычайно красивымъ снѣжнымъ гребнемъ Чиль-дохтеронъ, съ цѣлой группой величественныхъ образованій самыхъ причудливыхъ формъ. Назовемъ протоки верховьевъ Яхъ-су отъ Соры-пуля: Якунчъ, Кодара, Питауды, Пульдара, Хоргушъ, Фахтамаль, Шугнобъ, Ползакъ (лѣвый берегъ); далѣе: Руми, хочанокъ, Чондыронъ, Сырго, Дивлохъ, Которокъ, Софитъ-ойлянъ, Сіобъ, Дивдора, Тольваръ (правый берегъ). Въ селеніи Соры-пуль, въ 50 дворовъ, съ небольшою крѣпостью на берегу впадающей здѣсь въ Яхъ-су рѣки Якунчъ, надъ которой громоздится пикъ Повросъ, жизнь горца носитъ уже характеръ вполнѣ суровой, трудной борьбы съ дикой природой, съ малоземельемъ, по отсутствію удобныхъ мѣстъ для пахоты, и съ ужасающей нищетой. Поднимаясь вверхъ отъ Соры-пуля по лѣвому берегу Яхъ-су, имѣющей во многихъ мѣстностяхъ легкіе деревянные мосты, встрѣчаешь поселки хотя и частые, но видъ ихъ крайне жалкій, а бытъ горцевъ, удѣляющихъ въ своемъ жильѣ—плоскокрытой саклѣ—мѣсто для скота, вполнѣ дикій, чуждый намека на самыя скромныя удобства обыденной жизни, придавленной здѣсь нуждой, голодовкой, борьбой

съ суровой, многоснѣжной зимой. Немногіе лишь кишлаки имѣютъ кое-какое землепашество, обезпечены топливомъ, получаемымъ изъ густыхъ рощъ (орѣха, яблони, горькаго миндаля, дулона, арчи и зорнгъ клена), занимающихъ побережье и нагорье; верхніе же поселки отъ Калаихома (30 верстъ отъ Соры-пуля), гдѣ уже начинаются голыя скалы и морены истоковъ Яхъ-су, существуютъ только золото-добычею. Этимъ дѣломъ занимаются до 30 кишлаковъ верховьевъ Яхъ-су и самаго высшаго протока Шугнобъ, которые и теперь носятъ по берегамъ слѣды большихъ когда-то работъ золотопромыванія. Эти работы горцы ведутъ самымъ примитивнымъ способомъ, промывая лѣтомъ побережный песокъ надъ шерстяной подстилкою, прополаскиваемой потомъ, и зарываясь зимою въ шахты на глубину 20 аршинъ—не болѣе, причемъ никакихъ приспособленій для предупрежденія обваловъ не полагается, и, разумѣется, рабочіе гибнутъ частенько. Золотопромываніе, наружное и шахтовое, ведется обыкновенно артелью въ 6 человѣкъ, которая вырабатываетъ въ день не болѣе рубля, получая пластинки металла величиною не крупнѣе льняного зерна. Видя ужасную бѣдноту и полудикій образъ жизни этихъ тружениковъ, называющихъ себя давнишними выселенцами изъ Самарканда и Карши, не усумнишься, что они вырабатываютъ очень мало, иначе тольварецъ [1]) ѣлъ бы мясо не одинъ только разъ въ годъ, какъ теперь, и завелъ бы себѣ хотя вторую смѣну нижняго бѣлья. Отъ кишлака Шугнобъ мы поднимались полверсты на востокъ, по берегу истока Яхъ-су, которая, повернувъ подъ прямымъ угломъ на югъ, принимаетъ здѣсь въ лѣвый берегъ значительную вѣтвь Тальборъ-оби, вытекающую, какъ и Шугнобъ, изъ хребта, составляющаго водораздѣлъ рр. Яхъ-су и Хингобъ и отдѣляющаго дарвазскую провинцію Хулясъ отъ Больджуанскаго бекства. Чѣмъ больше приближаешься къ замыкающему нашъ путь на югѣ перевалу Ползакъ въ 12800 ф., тѣмъ труднѣе становится подъемъ на

[1]) Тольваръ—самый верхній кишлакъ на р. Яхъ-су.

первой $^1/_3$ дороги по мягкому, щебнистому грунту, а далѣе по залежамъ снѣга, который окончательно сходитъ, говорятъ, въ концѣ іюня; теперь же (20 мая) скрываетъ своей толщей норы бурыхъ сурковъ (сугуръ), доставляющихъ мѣстному населенію охоту на нихъ съ собаками и капканами. Южный склонъ перевала Полизакъ богаче сѣвернаго древесною растительностью березы (беруджь), клена, арчи, орѣха, тополя, дикой яблони и кустарниковъ, обильнѣе залежью снѣга, питающаго рѣчку Полизакъ, вливающуюся при селеніи Табль-дора въ р. Хингобъ. Спускъ по рѣкѣ Полизакъ въ Хулясъ, хотя довольно крутой, достаточно удобенъ мягкостью тропинки и отсутствіемъ частыхъ переходовъ въ бродъ, которые такъ затруднительны и опасны въ горахъ вслѣдствіе быстроты теченія рѣчекъ и массы камня отъ обрывовъ скалъ, загромождающаго русло. Для горца, впрочемъ, всякая дорога хороша. И верхомъ на своихъ маленькихъ, цѣпкихъ, неподкованныхъ коняхъ, и пѣшкомъ въ чорикахъ безъ каблуковъ, на тонкой подошвѣ, съ палкой за спиною, горецъ съ одинаковою ловкостью и неустрашимостью пробирается по козьимъ тропинкамъ, надъ пропастью, по льдамъ и снѣгамъ величайшихъ горныхъ хребтовъ. Но жители долины, какъ и ихъ лошади, попавъ въ горы верховьевъ хотя бы Зеравшана, долго испытываютъ борьбу съ головокруженіемъ и сильнымъ ощущеніемъ полной опасности на каждомъ шагу такого путешествія — прохожденія по карнизамъ и щебнистымъ осыпямъ (ризь) надъ рѣкою, съ берегомъ въ 10—30 сажень высоты. Табль-дора — селеніе въ 40 домовъ, съ небольшою глиняною крѣпостью, резиденціей правителя провинціи Хулясъ, расположено на берегу Хингоба, ширина котораго здѣсь около 30 сажень, у подошвы грандіознаго столовиднаго пика въ 16500 футовъ. Я предложилъ бы назвать эту вершину „пикъ Абрамовъ“, въ честь извѣстнаго завоевателя въ Средней Азіи и администратора, военнаго губернатора Ферганы, генерала А. К. Абрамова. Какъ и у всѣхъ кишлаковъ Дарваза, типъ построекъ Табль-дора не отличается ничѣмъ отъ другихъ горныхъ поселковъ. Единственная

особенность селеній Хуляса — сравнительная зажиточность туземцевъ, позволяющая имъ, при доставкѣ строевого лѣса, держать зимою скотъ въ отдѣльныхъ скотникахъ (огуль-хома), а лѣтомъ — во дворахъ, огороженныхъ плетнями, для которыхъ служитъ здѣсь талъ и обильно растущая по берегу Хингоба плакучая ива. Изъ долины Хингоба въ долину Пянджа и южный Дарвазъ путь въ 50 верстъ идетъ чрезъ водораздѣльный хребетъ Рубатъ, съ снѣжнымъ переваломъ Регокъ, выпускающимъ на сѣверо-востокъ р. Хорсонгъ, а на юго-востокъ р. Сагрыдаштъ, проходящую небольшое горное плато того же имени, съ шестью селеніями у подножья перевала Рубатъ, на высотѣ 10000 футовъ. Отъ Табль-дора до Согрыдашта подъемъ въ 12 верстъ и спускъ около 10 верстъ довольно затрудняются крутизнами оголенныхъ горъ съ снѣжными вершинами и съ частыми переправами въ бродъ быстрыхъ рѣчекъ, берега которыхъ носятъ слѣды значительныхъ когда-то давнихъ работъ золотопромыванія. Еще труднѣе тридцативерстный путь изъ Согрыдашта въ Колои-хумъ, первые пять верстъ чрезъ перевалъ Рубатъ и затѣмъ 25 верстъ узкимъ скалистымъ ущельемъ по берегу бьющей оглушительными каскадами рѣки Хумгау, вливающейся въ правый берегъ Пянджа въ самомъ Калои-хумѣ, которому предшествуютъ 10—12 другихъ поселковъ южнаго Дарваза, живописно расположенныхъ въ этомъ дикомъ ущельѣ и охваченныхъ зеленью искусственныхъ садовъ, чрезъ которую картинно проглядываютъ смазанныя бѣлой глиной сакли горцевъ. Утомившись до-нельзя эквилибристикой коннаго и пѣшаго хожденія въ этомъ узкомъ ущельѣ съ корридорами снѣжныхъ глыбъ, съ оглушительной рѣкой Хумгау, которую часто переходишь въ бродъ и по качающимся мостикамъ, мы въѣхали, наконецъ, въ Калои-хумъ, подъ звуки музыки парадирующаго бухарскаго баталіона сарбазовъ. Гостепріимный, распорядительный бекъ Мурадъ-бій и говорливый командиръ баталіона, генералъ Абдыкадыръ-датха, проѣхавъ съ нами единственную улицу этой горной столицы Дарваза, любезно предложили намъ расположиться въ роскошномъ, обширномъ бековъ-

скомъ саду съ обильною тѣнью абрикосовыхъ и тутовыхъ деревьевъ, съ верандой виноградной лозы, укрывающей здѣсь массы соловьевъ, пѣніе которыхъ — единственная услада для заброшенныхъ сюда служилыхъ бухарцевъ. Калои-хумъ, съ небольшою цитаделью, расположенъ на самомъ берегу р. Пянджъ, ширина которой здѣсь не болѣе двадцати сажень, а теченіе довольно ровное. Самая мѣстность Калои-хумъ, съ пятью ближайшими селеніями на западѣ, представляетъ котловину, замкнутую со всѣхъ сторонъ нависшими массивными обнаженными горами, усиливающими лѣтній удушливый зной и умѣряющими зимній холодъ, задерживая токъ вѣтра. Благодаря заботливости бека, записавъ нужныя свѣдѣнія по разспросу людей, собранныхъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей долины Пянджа, мы, послѣ трехдневнаго отдыха, двинулись обратно тѣмъ же путемъ по Хумгау, чрезъ Сагрыдаштъ и Табль-дора, въ Каратегинъ. Изъ Сагрыдашта мы взяли путь не чрезъ знакомый перевалъ Регокъ, а болѣе легкій, по берегу Хингоба, принимающаго здѣсь слѣва р. Сафидъ-сангъ. Послѣ ночлега въ Табль-дора, перейдя по солидному деревянному мосту на правый берегъ Хингоба, мы шли въ виду этой значительной рѣки до селенія Чиль-дора при впаденіи въ Хингобъ рѣки Шокау, вытекающей изъ хребта Каратегинъ-тау. Изъ Чиль-дора, почти крайней осѣдлости Хуляса, сорока-верстный путь въ Гармъ, столицу Каратегина, ведетъ по берегу Шокау, чрезъ густыя древесныя и кустарниковыя рощи, на перевалъ Шахъ-кондоги въ 12000 футовъ. Весь путь довольно трудный, съ крутыми уступами и скалистыми обнаженіями, на которыхъ устроены въ опасныхъ мѣстахъ карнизы (посхолтой) и помосты изъ арчи и хвороста. Зато сѣверный склонъ перевала, хотя и загражденъ снѣгомъ, но достаточно пологій, съ мягкимъ черноземомъ, всюду распаханнымъ земледѣльцами ближайшихъ къ нему осѣдлостей долины Сурхъ-оба, въ которую мы спустились 30 мая. Путь изъ Гарма чрезъ нижній Каратегинъ и Хисаръ мы не станемъ описывать здѣсь, такъ какъ онъ достаточно извѣстенъ изъ отчетовъ путешествія предшественниковъ нашихъ.

ДАРВАЗЪ И КАРАТЕГИНЪ.

(Этнографическій очеркъ).

Вѣчные ледники хребта Алай и выси Памира въ южной части горнаго массива *Тянь-шань* выдѣляютъ на юго-западъ значительныя рѣки Кызылъ-су или Сурхъ-объ (красная вода) и южнѣе ея *Пянджъ* (Пять), отъ слiянія которыхъ при поселкѣ Сарай-катагонъ, въ бекствѣ Курганъ-тюпе, получается величайшая рѣка Средней Азіи *Аму-Дарья* [1]), древній Оксъ (по гречески), или Джейхунъ (по арабски). Которая изъ двухъ названныхъ рѣкъ, Сурхъ-объ или Пянджъ, должна считаться началомъ Аму—для многихъ остается пока вопросомъ вслѣдствіе малоизвѣстности верхняго теченія ихъ, а туземное горное населеніе рѣкъ признаетъ верховьемъ Аму-Дарьи Пянджъ, какъ дающую бо́льшую массу воды, какъ сопровождающуюся болѣе значительными хребтами горъ, какъ имѣющую путь теченія въ полтора раза длиннѣе теченія Сурхъ-оба. Водораздѣлы этихъ двухъ рѣкъ, горный хребетъ *Петръ-Великій*, со

---

[1]) Г. Вамбери, въ своей книгѣ „Исторія Бухары“ (стр. 13), распространяясь доказательствами о раннемъ существованіи на берегахъ Окса туранскихъ элементовъ, говоритъ, между прочимъ, что Аму, какъ назывался будто бы Оксъ въ древности,—слово турецкое и означаетъ рѣку. Думаемъ, что объясненіе это произвольное. Во-первыхъ, турецкое слово Аму въ переводѣ значитъ дядя съ отцовской стороны (см. словарь г. Будагова), и откуда г. Вамбери заимствовалъ, что слово Аму означаетъ по-турецки рѣку—неизвѣстно. Почему же не считать Аму словомъ арабскимъ, означающимъ „заблудившійся въ пути“ (см. словарь арабско-персидскихъ нарѣчій Мунтахабиль-лѣгаты-шаги Джигани сост. Абдырашитомъ). Въ горахъ намъ приходилось слышать, что Аму есть искаженное въ долинѣ слово ау (объ—тоже), которое по-дарвазски означаетъ „вода“.

множествомъ развѣтвленій, имѣющихъ мѣстныя названія, на меридіанѣ Коканда составляетъ съ долиной Хингобъ поперечникъ въ 120 верстъ.

Такъ какъ по принятой у туземцевъ номенклатурѣ горные хребты и развѣтвленія ихъ носятъ названія рѣкъ, вытекающихъ изъ нихъ, то перечисленіе притоковъ системы Сурхъ-оба и Пянджа въ связи съ послѣдними географическими свѣдѣніями изъ путешествій на Алай, въ Каратегинъ и Дарвазъ естествоиспытателей гг. Ошанина, Смирнова и д-ра Регеля, имѣвшихъ при себѣ топографовъ, уяснитъ, надѣемся, и общій характеръ горнаго нагроможденія верхняго бассейна Аму-Дарьи.

1) Рѣка Кызылъ-су, принимая въ среднемъ Каратегинѣ названіе Сурхъ-оба и далѣе, отъ селенія Дюрткуль до сліянія съ Пянджемъ, называясь Вагишь (Вашъ), вытекаетъ изъ Алтайскихъ горъ и принимаетъ въ правый берегъ слѣдующіе притоки: Занку, Ковутъ-ясманъ, Хынчь, Соръ-бугъ, Тагаба, Пумбачи, Муджигароръ, Хакими, Лугуръ, Обигармъ. Въ лѣвый берегъ Кызылъ-су-Сурхъ-объ вливаются: Мукъ, Нушаръ, Фатхаботъ, Кугликъ, Хиджбаракъ, Рунау, Хингобъ, Зимонакъ, Роганъ, Хожа-валиша. Изъ перечисленныхъ притоковъ болѣе значительные по массѣ воды, по количеству вѣтвей считаются: Мукъ, Занку, Соръ-бугъ, Ковутъ и Хингобъ, вливающійся въ Сурхъ-объ при селеніи Пандаучи, пройдя Вахію и Хулясъ [1]).

2) Рѣка Пянджъ, на территоріи Дарваза, стѣсненная мѣстами до ширины десяти сажень вѣчно снѣжными хребтами горъ, принимаетъ, начиная сверху, слѣдующіе притоки: справа—Язгилонъ, Ванчь (100 верстъ длины), Пишхарвъ, Кыргаватъ, Вулхорукъ, Джарфъ, Джарфъ-пая, Химбау, Паткунау, Ягытъ,

[1]) Въ № 38 „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ за 1878 г. г. Ошанинъ, упоминая о рѣкѣ Хулясъ, вливающейся въ лѣвый берегъ Сурхъ-оба, поясняетъ, что верхнее теченіе ея, отъ селенія Тоби-дора (правильно Табль-дора) въ Дарвазѣ называется Вохія. Это не совсѣмъ такъ: упоминаемая г. Ошанинымъ рѣка носитъ названіе въ Дарвазѣ Хингобъ, а въ Каратегинѣ называется Хулясъ потому только, что проходитъ провинцію Вохію и Хулясъ съ 70-ю осѣдлостями.

Джокау, Загарау; слѣва: Джаштакъ, Маймой, Джаваху, Ходоръ, Гумай, Санлычъ, Фулонъ, Куфау (150 верстъ длины).

Все нагорье верхняго Пянджа съ притоками и вѣтвями ихъ занято селеніями крайняго восточнаго Бухарскаго бекства *Дарвазъ*, къ которому примыкаетъ на сѣверѣ, по системѣ Кызылъ-су—Сурхъ-объ, бекство *Каратегинъ*.

Упираясь южной границей въ горы Бадахшана, сѣверной—въ Каратегинъ, восточной—въ Раушанъ-Шугнонъ и западной—въ бекства Кулябъ и Бальджуанъ, территорія Дарваза имѣетъ общее протяженіе въ длину около 400 верстъ, въ ширину съ продольными хребтами отъ 120 до 60 верстъ.

Въ Дарвазѣ, наиболѣе широкія долины Пянджа и Хингоба, имѣя направленіе съ востока на юго-и сѣверо-западъ, прорѣзываютъ горы кремнистаго, глинистаго сланца, съ выходными мѣстами тальковаго сланца, то вертикальныхъ пластовъ, то опрокинутыхъ. Изъ кристаллическихъ породъ обнажается во многихъ мѣстахъ (по Хингобу, Хумбау, Сагрыдашту, Куфау) большими пространствами гранитъ, а также встрѣчаются известняки каменноугольной почвы. Наибольшее развитіе кристаллическихъ породъ замѣчается въ южной части Дарваза, причемъ наклоны сѣверныхъ пластовъ по системѣ Пянджа и Сурхъ-оба положе южныхъ, чѣмъ и объясняется, что лѣвые притоки этихъ рѣкъ и длиннѣе и многоводнѣе правыхъ. Такъ, въ Дарвазѣ наибольшій лѣвый притокъ Пянджа рѣка *Куфау*, въ 140 верстахъ ниже *Калонъ-хумъ*, имѣетъ 150 верстъ длины. Прорѣзывающій территорію Дарваза съ востока на сѣверо-западъ лѣвый притокъ Сурхъ-оба, рѣка Хингобъ, имѣетъ длины около 250 верстъ и 15 болѣе или менѣе значительныхъ вѣтвей, а именно: Арзунгъ, Лянгаръ, Равнау, Луги-харьи, Сабзы-хорфъ, Хома-пулатъ, Язганъ, Рибатъ-наль, Шуръ, Шокау—праваго берега; Гундара-согрыдашъ, Полизакъ, Хорсонгъ—лѣваго берега.

Почти всѣ верхніе притоки Пянджа и Сурхъ-оба питаются боковыми ледниками, залегающими въ ущельяхъ на высотѣ

12—15 тысячъ футовъ и сопровождающимися маренами изъ валуновъ различныхъ породъ.

Немногіе притоки (Хингобъ, Сагрыдаштъ, Язилонъ, Куфау) несутъ мелкія зерна и тонкія пластинки золота, промываемаго горцами изъ берегового конгломерата, отдѣляющаго этотъ минералъ. Кромѣ золота, какъ предмета разработки, встрѣчается въ Дарвазѣ сѣра (по Хингобу) и богатая желѣзная руда на рѣкѣ *Ванчъ* верховьевъ Пянджа.

Древесная и кустарная растительность какъ Дарваза, такъ и Каратегина весьма бѣдна для общей площади горъ. Деревья (арча, береза, кленъ, дикая яблонь, груши, орѣхъ, серебристый тополь, ива, ясень) нигдѣ не встрѣчаются сплошными рощами, а располагаются по склонамъ горъ и въ неприступныхъ трещинахъ отдѣльными экземплярами, довольно далеко другъ отъ друга. Изъ культурныхъ породъ деревьевъ имѣются въ садахъ: весьма сахаристая шелковица, абрикосы, вишни, сливы, груши, яблони, изрѣдка виноградъ.

Наибольшее количество кустарной растительности (барбарисъ, боярышникъ, миндаль колючій, можжевельникъ, иргай, разные шиповники, облепиха, гребенщикъ) залегаетъ по обоимъ берегамъ Хингоба и его притоковъ, но вообще недостатокъ древесной и кустарной растительности ощутителенъ для дарвазцевъ-каратегинцевъ въ потребностяхъ и строительныхъ, и даже топлива, для котораго во всѣхъ почти осѣдлостяхъ служитъ кизякъ.

Зато зона травъ горъ Каратегина и въ особенности системы Хингоба въ Дарвазѣ и обильная и разнообразная съ преобладаніемъ кипца мареновыхъ и полынныхъ, что притягиваетъ изъ Гисара, Бальджуона, Куляба, Бойсуна въ эти бекства, на лѣтнія пастьбы (съ половины мая до половины сентября) массы барановъ, рогатаго скота (по Хингобу) и лошадей (въ долинѣ Даштъ-бидона ниже впаденія Хингоба въ Сурхъ-объ) частью съ хозяевами-кочевниками, частью же съ одними пастухами. Крупные курдючные бараны, рослые, горбоносые, ширококостыя лошади гисарцевъ, разгуливая здѣсь

гуртами и табунами по берегамъ рѣкъ и на склонахъ горъ, скоро нагуливаютъ жиръ и привлекаютъ сюда скупщиковъ изъ Бухары, Самарканда, Уратюбе, получающихъ въ обмѣнъ на привозимые товары (ситцы, мата, алача, тикъ, коленкоръ, гребни, зеркальцы, простые браслеты и ожерелья) хорошаго барана за 4—6 руб., лошадь за 20—40 рублей, рогатый скотъ по 8—20 рублей за штуку. Гуртовая скупка существуетъ только на барановъ, козловъ, отчасти рогатый скотъ; лошадей же покупаютъ не болѣе десятка въ однѣ руки. Скупщики гонятъ свои гурты и табуны кратчайшими, давно проложенными путями, чрезъ горы, уплачивая въ установленныхъ пунктахъ (мостъ Нуракъ чрезъ р. Сурхъ-объ на трактѣ изъ Бальджуона въ Каратегинъ, Гисаръ, долину Сыръ-дарьи, степной пунктъ въ Гисаръ-Пиршадъ на трактъ въ Бухару) попутныхъ бекствъ правительственный сборъ (баджь) въ размѣрѣ 20 коп. съ лошади, 10 коп. съ рогатаго скота иословъ, 5 коп. съ мелкаго скота.

Хотя бухарскіе чиновники и увѣряютъ, что сборы баджа идутъ исключительно на починку мостовъ по пути прогона скота, но въ дѣйствительности вся сумма, около 60,000 руб. баджа съ двухъ пунктовъ, поступаетъ къ бекамъ или косвенно въ эмировскую казну, а дѣйствія сборщиковъ-баджгировъ внимательно контролируются не только беками, но и особыми чиновниками по порученію самого эмира.

Отсутствіе въ Дарвазѣ лѣсовъ, незначительность вообще древесной растительности, свойство климата съ продолжительной многоснѣжной зимой (съ 15 сентября по 1 мая), съ дневной температурой лѣта въ 16^0, съ зимнимъ холодомъ до 35^0 при частыхъ буряхъ,—все вмѣстѣ отразилось на царствѣ животныхъ, на образѣ жизни и характерѣ горца, какъ отмѣтимъ ниже. Изъ дикихъ животныхъ встрѣчаются въ горахъ Дарваза и Каратегина барсъ, бурый медвѣдь, волкъ, лисица, куница, дикій баранъ, горные козлы, сурки, кабаны и зайцы.

Въ семействѣ рыбъ преобладаетъ маринка.

Между домашними животными первое мѣсто занимаетъ до-

вольно мелкій рогатый скотъ, разводимый, благодаря обилію кормовъ, въ незначительномъ, впрочемъ, количествѣ, для продажи, для хозяйственныхъ нуждъ, для полученія кизяка-топлива; затѣмъ идетъ очень мелкая порода некурдючныхъ (гидыкъ) овецъ, козъ, отличающихся превосходнымъ пухомъ. Лошади и ослы имѣются въ самомъ незначительномъ количествѣ только у служилыхъ или очень зажиточныхъ горцевъ, и то не болѣе одной у домохозяина. Изъ птицъ встрѣчаются всюду въ горахъ каклыки, изрѣдка улары, альпійскія галки, горлица, голубь и проч., всѣ почти съ опереніемъ по закону мимитизма, рѣзко отличающимъ ихъ отъ пернатыхъ низовьевъ долины, какъ это замѣтно даже и по домашней обыкновенной курицѣ.

Изъ домашнихъ птицъ встрѣчается еще павлинъ, завезенный въ Дарвазъ изъ Индіи, какъ и собаки породы сетера, значительно, впрочемъ, выродившіяся, измельчавшія, но не утратившія способности къ охотѣ, которая широко практикуется горцами.

Намъ приходится говорить здѣсь одновременно о Дарвазѣ на верховьяхъ рѣкъ Пянджа, Хингоба и о Каратегинѣ, занимающемъ узкую долину Кызылъ-су-Сурхъ-объ въ 350 верстъ длины, вслѣдствіе тѣсной ихъ связи географической, политической, этнографической, вслѣдствіе близкаго сходства природы этихъ странъ, тождества строя жизни, міровоззрѣнія и этическихъ свойствъ народа, населяющаго ихъ.

Прежде чѣмъ говорить о жизни горцевъ, обычаяхъ, характерѣ, занятіяхъ и отношеніяхъ къ сосѣдямъ, отмѣтимъ, насколько возможно полнѣе, политическую судьбу этихъ странъ въ прошломъ и настоящемъ, познакомимъ съ административнымъ положеніемъ ихъ теперь, съ размѣрами производительности и видами дѣйствующихъ податей.

При отсутствіи какихъ бы то ни было историческихъ матеріаловъ о Дарвазѣ-Каратегинѣ, политическая прошлая жизнь ихъ можетъ быть очерчена только по однимъ преданіямъ, весьма достовѣрнымъ вслѣдствіе общей склонности замкнутаго

народа передавать поколѣніямъ разсказы о подвигахъ предковъ, о судьбѣ ихъ родной и сосѣднихъ странъ.

Географическое положеніе Дарваза-Каратегина, съ вѣчно снѣжными горами, опасными дорогами, замкнутость, отдаленность отъ арены степныхъ подвиговъ арабскихъ, монгольскихъ, турецкихъ, узбекскихъ завоевателей, вполнѣ опредѣляютъ его историческую судьбу, его ничтожество въ политическомъ отношеніи. По всѣмъ свѣдѣніямъ, можно утверждать, что Дарвазъ съ Каратегиномъ не участвовали въ общей исторіи Средней Азіи, имѣли на ея развитіе только косвенное вліяніе, укрывъ въ своихъ тѣснинахъ отъ разныхъ нашествій иноземцевъ, аборигеновъ долинъ Оксуса и Яксарта, древне-персидскія племена культа Зороастра и остатки полчищъ Александра Македонскаго, удерживающихъ о себѣ преданіе, обособленность господствовавшей нѣкогда иноземщины, оставившей имъ названіе Ша-Авлады-Искандеръ (правители потомковъ Александра).

Однако и при своей изолированности, вслѣдствіе крайней бѣдности земледѣльческаго производства, общей скудности средствъ къ жизни, какъ Дарвазъ, такъ отчасти и Каратегинъ всегда были связаны экономическими связями съ сосѣдними бухарскими, кокандскими бекствами, и это обстоятельство неотразимой жизненной зависимости издавна втягивало ихъ въ тѣ политическія колебанія, которыя были такъ часты въ Средней Азіи, которыя отражались, хотя и въ очень слабой степени и на ихъ судьбѣ.

Изъ отдаленнаго прошлаго извѣстно, что нѣсколько лѣтъ *Дарвазъ* состоялъ подъ управленіемъ намѣстника предпріимчиваго завоевателя и искуснаго администратора бухарскаго хана *Абдулла-хана* (1538—1597 г.), сроднаго сына его *Кыргизъ-хана*, который и назвалъ свою резиденцію-столицу (пайтахта) Калои-*Хумъ* (горшокъ) потому, вѣроятно, что засталъ въ ней сохраняющійся здѣсь и теперь огромный, выдѣланный изъ гранита горшокъ, работы, какъ увѣряютъ, сподвижниковъ Александра Македонскаго, нашедшихъ убѣжище въ зиндани (темницѣ) Хазреты-Сулеймана, какъ называютъ Дарвазъ

сами горцы за его недоступность и дикую природу. Дарвазъ, обманувшій ожиданія Абдула-хана найти въ немъ минеральныя богатства, проложить кратчайшій путь въ Индію, какъ стремился этотъ завоеватель, успѣвъ построить кирпичные караванъ сараи и на пути въ Бядахшанъ, скоро освободился отъ владычества бухарцевъ и до позднѣйшаго времени оставался подъ управленіемъ своихъ родовыхъ *ша* (шахъ—государь). Для дарвазцевъ это была самая блестящая, но и самая тревожная политическая эпоха. Эти родовые ша захватывали въ свои руки власть то открытымъ узурпаторствомъ и истребленіемъ, разумѣется, противниковъ, то интригами партій, междоусобицами и въ послѣднемъ случаѣ олигархія пировала на счетъ слабыхъ, пока партія новаго претендента не усилилась, не взобралась на командующую цитадель (аркъ) Колаи-хума гору Ношъ-ваминъ, чтобы прокричать правителю ультиматумъ: „выходи ша, мы тебя не желаемъ“.

Никогда въ періодъ управленія Дарвазомъ родовыхъ ша горцы не были спокойны, то вслѣдствіе междоусобицъ родственниковъ правителя, получавшихъ обыкновенно подъ свое управленіе отдѣльныя области страны (Хулясъ, Вахія, Ванчъ) и силившихся, въ свою очередь, захватить болѣе привлекательный Колаи-хумъ, то по случаю постоянныхъ стремленій, болѣе энергичныхъ, ша подчинить своей власти и сосѣднія владѣнія Шугнона съ Роушономъ, Каратегина, Бальджуона, гдѣ также господствовала всегда самая безпорядочная олигархія, облегчавшая выносливымъ дарвазцамъ выполненіе грабительскихъ плановъ ихъ неугомонныхъ правителей.

Обходя историческія подробности о Дарвазѣ послѣ *Кыргизъ-хана*, назовемъ только родовыхъ ша послѣдняго столѣтія. Самымъ мудрымъ правителемъ народная память считаетъ *Музрабъ-ша* (1812—1822 г.); затѣмъ управляютъ: Ша-Туркъ (1822—1830 г.), Ибрагимъ-ша (1830—1837 г.), Султанъ-ша (1837—1845 г.), Измаилъ-ша-Ибрагимъ-шаховъ (1845—1863 г.), Ша-Дарвазъ-Измаилъ-шаховъ (1863—1870 г.) и наконецъ *Сыраджидинъ*-султанъ-шаховъ (1870—1876 г.).

При Измаилѣ-ша дарвазцамъ посчастливилось не только обратить въ намѣстничество Каратегинъ съ Шугномомъ, но и сдѣлать своими данниками, хотя не надолго, Кулябу съ Гисаромъ. Однако, упоенный нѣсколькими удачными стычками съ кулябцами, *Измаилъ-ша*, стремившійся распространить свое владычество и далѣе на западъ, кончилъ тѣмъ, что былъ взятъ въ плѣнъ родовымъ правителемъ Куляба *Сарыханомъ*, и Дарвазъ лишился не только Каратегина, но и своихъ наилучшихъ областей по Хингобу (Вахія, Хулясъ). Послѣ такого сильнаго, чувствительнаго отпора со стороны неровнаго борца *Сарыхана*, успѣвшаго побѣдой надъ Дарвазомъ сплотить подъ свою власть и Гисаръ съ Бальджуаномъ и Каратегиномъ, преемники Измаилъ-ша, стараясь удержать за собою хотя центральный Дарвазъ, начинаютъ искать покровительства у эмира бухарскаго. Эта политика Сыраджидинъ-ша привела къ тому, что онъ обратился сначала въ вассала, являвшагося къ эмиру въ Шахрисябзъ съ приношеніями (тартуками), а впослѣдствіи утратилъ всякую самостоятельность, лишенъ *Музафаръ-ханомъ* званія ша, водворенъ на жительство въ бухарской цитадели, а самый Дарвазъ, какъ и Гисаръ съ Кулябомъ (въ 1868 г.) и Каратегинъ (въ 1869 г.), обращены въ Бухарское бекство, заняты зимою 1877 года, послѣ незначительнаго сопротивленія горцевъ, отрядомъ эмировскихъ войскъ генерала Худой-Назара-Парманачи.

Теперь Дарвазъ управляется эмировскимъ бекомъ, энергичнымъ *Муратъ-біемъ*, который живетъ постоянно въ *Колаи-хумѣ*, имѣя въ своемъ распоряженіи гарнизонъ изъ баталіона бухарскихъ пѣхотинцевъ (сарбазовъ), съ неудовольствіемъ отбывающихъ очередную трудную службу въ этой отдаленной горной „темницѣ“, лишенной въ теченіе полугода, по случаю снѣжныхъ заносовъ и высокихъ обваловъ, какого бы то ни было сообщенія даже съ ближайшимъ Каратегиномъ [1].

[1]) Назовемъ здѣсь горные перевалы, начиная сверху, связывающіе Дарвазъ съ Каратегиномъ и послѣдній съ Ферганой и долиной Зеравшана: 1) Агба (перевалъ), Кардони-кафтаръ изъ селенія Д. Жиланды (Каратегинъ) въ Лянгоръ (верх-

Устная исторія о Каратегинѣ гласитъ, что первые основатели обитаемости здѣсь были кокандскіе киргизы Кара и Тегинъ, по именамъ которыхъ и названа страна. Всѣ преданія о прошломъ этой горной области вполнѣ тождественно передаютъ, что до 1868 года владѣнія Каратегина были независимы и управлялись олигархіей потомственныхъ ша. Но какъ претендентовъ на такое властвованіе было всегда весьма много и въ самомъ Каратегинѣ, и въ Дарвазѣ, то каждый разъ, со смертью ша, возникали раздоры соискателей и междоусобія со всѣми оттѣнками. Это ослабило политическое существованіе Каратегина настолько, что самъ народъ почувствовалъ необходимость въ болѣе прочномъ правительствѣ. Въ свою очередь, и сильные сосѣди Бухары и Кокана не прочь были поживиться этимъ кускомъ территоріи въ 500 верстъ протяженія въ длину. Нынѣ властвующій въ Бухарѣ эмиръ *Музафаръ-ханъ* былъ счастливѣе въ этомъ своихъ предшественниковъ.

Въ 1868 году независимый правитель Куляба, *Сарыханъ*, оберегая свои владѣнія отъ обозначавшихся покушеній бухарскаго эмира, пытался заключить военный союзъ съ Каратегиномъ. Но тогдашній Ша, Музафаръ, счелъ рискованнымъ для себя принятіе такого предложенія и отправилъ письмо Сарыхана къ бухарскому эмиру. Возмущенный такимъ вѣроломнымъ поступкомъ своего тестя, Сарыханъ вторгнулся съ значительнымъ отрядомъ въ Каратегинъ и въ нѣсколько дней овладѣлъ имъ, взявъ въ плѣнъ Ша-Музафара. Однако, дѣла Куляба нисколько не поправились. Надо было торопиться возвращеніемъ, въ виду слуховъ о наступленіи войскъ эмира. Сарыхану пришлось отказаться отъ завоеваній и, заручившись уже обѣщаніемъ поддержки, оставить Каратегинъ подъ управленіемъ того же Музафара, своего родственника. Вскорѣ, почти одновременно, несговорчивымъ владѣтелямъ пришлось окончить свое властвованіе. Чрезъ полтора мѣсяца Каратегинъ былъ занятъ отрядомъ коканскихъ войскъ, подъ начальствомъ Ширъ-али-Пансата, а въ это же время войска бухарскаго эмира заняли, безъ особенныхъ усилій, Кулябъ. Сарыханъ успѣлъ бѣжать въ Кабулъ, а Музафаръ-ша былъ отправленъ военноплѣннымъ къ коканскому хану Худояру.

Но и Ширъ-али-Пансатъ оставался въ Каратегинѣ недолго. Съ приближеніемъ, послѣ занятія Куляба, войскъ эмира къ крѣпости *Оби-гармъ* на западной границѣ, Пансатъ бѣжалъ съ незначительнымъ своимъ отрядомъ въ Коканское ханство, тѣмъ же путемъ, чрезъ пограничный Кичи-карамукъ, какимъ прошелъ при наступленіи. Каратегинъ былъ занятъ бухарцами, и правителемъ сдѣлался, по назначенію эмира, Магометъ-Рахимъ-Пшукъ (курносый). Съ тѣхъ поръ эта значительная и сравнительно богатая часть Когистана остается въ полной фактической зависимости отъ Бухары.

Со времени фактическаго занятія бухарцами Дарваза, всѣ горцы Пянджа, Хингоба, Сурхъ-оба и даже шугнонцы, доставлявшіе набѣгами дарвазцевъ не мало рабовъ въ Бухару, зажили вполнѣ мирною, спокойною, трудовою жизнью. Эмировскій бекъ, контролируемый и системою шпіонства, столь развитого у бухарцевъ, и посылаемыми каждогодно какъ для войскъ, такъ и для самого бека контрольными чиновниками, зная уже примѣръ казни въ 1880 году его предмѣстника Давлетъ-бека, дѣйствуетъ осторожно, оберегая населеніе отъ обидъ и притѣсненій со стороны своихъ подчиненныхъ амлякдоровъ.

ная Вахія, 2) Агба-Агатай изъ селенія Уталь въ Аргонку (Вахія), 3) Аг. Саганаки изъ сел. Алмалыкъ въ Ляйрунъ (Вахія), 4) Аг. Люли-Харви изъ сел. Ганиша въ Иштіонъ (Вах.), 5) Аг. Фалума изъ сел. Фалума въ Сабзы-хоръ, 6) Аг. Душахаку изъ сел. Зигбитъ въ сел. Ду-ша-хану (Вах.), 7) Агба Шахъ-кондаги изъ сел. Махоля въ Шакау (Хулясь), 8) Аг. Ядучь изъ сел. Ядучь въ Посуунъ, 9) Аг. Тундакъ изъ сел. Яхакъ (Каратег.) въ сел. Гондара (Бальджуанъ), 10) Аг. Намокъ изъ сел. Рогонъ (Каратег.) въ сел. Шайдонъ (Бальджуанъ), 11) Аг. Хошхарфъ изъ сел. Талхкъ-Чашма въ сел. Кутдузъ-Заманъ (Бальджуанъ),—всѣ по лѣвому берегу Сурхъ-оба; 1) перевалъ Кичикъ-кара-мукъ въ селеніе Улугъ-кара мукъ (Маргеланскаго уѣзда), 2) Гадайли изъ сел. Питокуль (р. Занку) въ сел. Хазреты-Шаи-марданъ (Ферганъ), 3) Кумбель изъ сел. Танды-куль (рѣка Занку) въ сел. Сухъ (Ферганъ), 4) перев. Кара-кушъ-хана изъ сел. Шауръ въ сел. Зардоли, 5) пер. Тутакъ изъ сел. Ярхичъ въ Зардоли (Ферганъ), 6) пер. Матча изъ сел. Назаръ-айлякъ въ Хазретъ-Мусса (на верховьи Зеравшана), 8) пер. Пакширъ изъ сел. Гарифъ въ сел. Пакшифъ (Зерав.),—всѣ перевалы на правомъ берегу Сурхъ-оба.

Современное административное устройство Дэрваза и Каратегина такое же, какъ и въ другихъ бухарскихъ бекствахъ. Весь Дарвазъ раздѣляется на 6 амлякдарствъ—уѣздовъ, а Каратегинъ на 7 уѣздовъ съ однимъ амлякдаромъ въ каждомъ, назначаемыхъ изъ родственниковъ бека,—съ опредѣленнымъ числомъ наукеровъ, т.-е. конниковъ-милиціонеровъ, назначаемыхъ изъ именитыхъ мѣстныхъ жителей, не столько для какой бы то ни было службы, сколько для поддержанія чрезъ нихъ вліянія на все населеніе.

Въ наукеры причисляются горцы добровольной, а не принудительной вербовкой, причемъ болѣе родовитые, или же отличившіеся какой-либо услугою, получаютъ бухарскіе чины, жалованные халаты и соотвѣтственные чинамъ оклады годового содержанія отъ 100 батмановъ (400 пудовъ) хлѣбнаго зерна для полковника (бій), до 48 пудовъ зерна для аламана, т.-е. простого наукера.

Всѣхъ наукеровъ считается по спискамъ въ Дарвазѣ съ Вахіей и Хулясомъ 600 человѣкъ, въ Каратегинѣ 4000 человѣкъ, причемъ послѣдніе получаютъ содержаніе въ половину менѣе противъ дарвазцевъ и комплектъ ихъ постепенно сокращается вслѣдствіе происковъ каратегинскаго бека *Худой-Назара*-диванъ-беги (генералисимусъ), по личнымъ разсчетамъ изъ желанія увеличить доходы съ своего бекства. Конечно, система, принятая теперь въ Каратегинѣ въ отношеніи наукеровъ, вполнѣ оправдывается совершеннымъ замиреніемъ этой страны, отсутствіемъ для нихъ какой бы то ни было службы, ненадобностью болѣе ихъ вліянія на горцевъ, безполезною тратою на ихъ содержаніе $^3/_4$ доходовъ, но эмировское правительство не скоро еще однако рѣшится упразднить окончательно во всѣхъ бекствахъ этотъ многочисленный и малополезный-контингентъ „служилыхъ“, списочныхъ милиціонеровъ конниковъ, наслѣдіе завоевателя Чингизъ-хана. Тѣмъ болѣе не можетъ теперь еще послѣдовать примѣру Каратегина недавно покоренный Дарвазъ, гдѣ наукеры служатъ до нѣкоторой степени посредниками между населеніемъ и правительственными

властями, гдѣ сборъ податей только и возможенъ при содѣйствіи чиновниковъ изъ среды самихъ горцевъ.

Система податей въ Дарвазѣ и Каратегинѣ остается и теперь та же самая, какая дѣйствовала всегда ранѣе. Амлякдоръ, получая въ свое вѣдѣніе уѣздъ изъ нѣсколькихъ десятковъ или сотни селеній (кишлакъ), собираетъ чрезъ своихъ людей во время жатвы хераджъ въ $^1/_{10}$ часть съ урожая каждаго хлѣбнаго продукта и съ собираемыхъ плодовъ тута (шелковица), а также и по одному барану, независимо отъ ихъ количества въ хозяйствѣ, съ каждаго домовладѣльца (танха). Кромѣ этихъ прямыхъ, искони установленныхъ податей, каждый домохозяинъ обязанъ доставить къ зимѣ своему наукеру дровъ, соломы для скота, обязанъ еще дать 20 копѣекъ единовременно на путевые расходы при поѣздкѣ, если случится, за предѣлы Дарваза или Каратегина. Случается, конечно, что эти конные милиціонеры, и въ особенности чиновные (амальдары) наукеры, собирая непосредственно для себя хераджъ съ назначенныхъ имъ бекомъ селеній, злоупотребляютъ, вымогаютъ у своихъ подвластныхъ болѣе положеннаго, и эта система податей вообще тягостна для населенія, но теперь, по крайней мѣрѣ, простой народъ свободенъ отъ поденщины, которую онъ легально отбывалъ своимъ помѣщикамъ-наукерамъ, въ прежнее время управленія горцами, потомственными ша.

Собственно доходы правительства съ этихъ горныхъ бекствъ совершенно ничтожны, а сборы Дарваза не покрываютъ даже расходовъ на содержаніе въ Колаи-хумѣ одного баталіона.

Если къ вышепоименованнымъ двумъ видамъ податей хераджной поземельной и окладной (танха) закетной причислить еще сборъ по пяти рублей каждогодно съ домовладѣльцевъ, занимающихся постоянно отхожей промывкою золота по рр. Сурхъ-об-вагишь (Вахшъ), верхній Пянджъ, Яхъ-су,—то, по нашимъ свѣдѣніямъ, годовые доходы съ этихъ бекствъ выразятся въ цифрахъ такъ:

	Батмановъ.	Пудовъ.	Рублей.	
Хераджа съ пшеницы, ячменя. .	75,000	3.000,000	30,000	Въ Каратегинѣ.
Танха	10,740 козловъ	—	10,740	
(Окладной закетъ) сборъ съ промыванія золота	—	—	3,000	
	Всего.		43,700	
Хераджа съ пшеницы, ячменя. .	25,000	100,000	20,000	Въ Дарвазѣ.
Танха	6,000 козловъ	—	6,000	
Сборъ въ $^1/_{20}$ ч. съ тута	—	—	1,000	
Сборъ за промываніе золота . .	--	—	5,000	
	Всего.		31,000	

Исключивъ изъ общаго количества собираемыхъ податей $^3/_4$ хераджа и танха, отдаваемаго правительствомъ въ годовое содержаніе наукеровъ, вычитая также содержаніе амлякдоровъ съ прислугою ихъ, опредѣлимъ чистый валовой доходъ съ Каратегина въ 10000 рублей, съ Дарваза въ 6000 рублей наибольшее. Незначительные доходы эти поступаютъ въ безотчетное распоряженіе мѣстныхъ бековъ, которые покрываютъ огромные расходы на тартуки (приношенія) эмиру изъ другихъ источниковъ. Такъ, каратегинскій правитель завѣдываетъ сборомъ сороковаго закета со скота всѣхъ кочевниковъ Гиссара, Куляба, Бальджуона, Каратегина и, кромѣ того, собираетъ подати, чрезъ своего родственника, съ бывшаго когда-то бекства Курганъ-тюбе, обращеннаго эмиромъ въ амлякство спеціально для усиленія средствъ своего любимаго и заслуженнаго старшаго генерала Худой-Назара-диванъ-беги.

Въ общемъ, съ остатками отъ закета, который представляется съ отчетомъ эмиру въ количествѣ 300000 рублей каждогодно, доходы каратегинскаго бека настолько все-таки значительны, что позволяютъ ему представлять своему повелителю тартуки не хуже прочихъ бековъ. Эти каждогодния, установленныя, традиціонныя приношенія состоятъ обыкновенно изъ девяти узловъ съ халатами (въ каждомъ по десяти халатовъ разныхъ достоинствъ отъ 200 рублей до 10 рублей халатъ), изъ девяти лошадей съ богатой серебряной сбруей и вышитой подсѣдельной попоной, изъ 2 — 5 буйволовъ, или яковъ, изъ мѣшка съ бухарской серебряной монетой отъ

4000 до 10000 рублей. Общая цѣнность такого тартука въ 10000—15000 рублей часто колеблется, потому что бываютъ случаи приношенія такой доли эмиру и болѣе трехъ разъ въ годъ, но меньшими, конечно, порціями.

Доходы дарвазскаго бека настолько незначительны, что онъ избавленъ отъ представленія тартуковъ и самъ еще получаетъ отъ эмира небольшую прибавку къ своему содержанію, едва достаточному на продовольствіе себя, семьи и многочисленной дворни съ конными посыльными.

Теперь, послѣ выясненія размѣра податей, собираемыхъ бухарцами съ Каратегина и Дарваза, чтобы покончить съ описаніемъ административнаго устройства ихъ, скажемъ, что кромѣ амлякдоровъ, для полицейской службы, для приведенія въ исполненіе судебныхъ рѣшеній, въ каждомъ селеніи существуютъ подчиненные имъ выборные арбабы-старшины безъ опредѣленнаго содержанія, но съ правомъ пользоваться нѣкоторой подачкой отъ своихъ сельчанъ при продажѣ земли, при раздѣлѣ наслѣдства, при исполненіи домашнихъ праздниествъ. Въ сложности доходъ арбаба не болѣе 30 рублей въ годъ.

Для отправленія правосудія по шаригату существуетъ въ Дарвазѣ и Каратегинѣ по четыре *казія* (судья) съ назначенными ими же помощниками (наибъ) и муфтіями — законоподыскивателями.

Для наблюденія за народною нравственностью въ духѣ, разумѣется, корана, бухарцы завели *раисовъ*, которые успѣли уже утвердить и между горцами систему шпіонства и всѣ строгія обрядности мусульманства,—успѣли познакомить и дарвазокъ съ чашбаномъ (вуаль изъ чернаго конскаго волоса), никогда ранѣе не примѣнявшимся въ горахъ свободной жизни. Пока только этимъ и обозначилась миссія бухарцевъ въ Каратегинѣ и Дарвазѣ. Въ остальномъ жизнь горца остается такою же первобытною, какою она была тысячу лѣтъ тому назадъ.

Горецъ—дитя суровой, дикой природы. Его типъ, его ха-

рактеръ, міровоззрѣніе—все отражаетъ на себѣ вліяніе физическихъ особенностей страны, съ которыми приходится вести вѣчную борьбу, приходится и приспособляться. Заброшенные неизвѣстными историческими событіями, вѣроятно религіозными гоненіями, древніе аборигены Средней Азіи не утратили и теперь свою типичность древне-персидскихъ племенъ. Горца никакъ не слѣдуетъ считать такимъ же таджикомъ-метисомъ, представители которыхъ, горожане Ходжента, Ургута и друг. осѣдлостей Туркестана, рѣзко отличаются отъ каратегинцевъ, въ особенности отъ дарвазцевъ, какъ типомъ, такъ и строемъ рѣчи, обильной въ горахъ провинціализмомъ [1]) настолько, что

[1]) Въ виду того интереса, который представляетъ для лингвистики вопросъ о конструкціи рѣчи горныхъ племенъ верховьевъ Аму-дарьи, сохранившей отчасти характеръ древне-персидскаго нарѣчія, мы приводимъ образцы ея, записанные въ Дарвазѣ въ 1882 году:

Русскій.	*Персидскій.*	*Дарвазскій.*	*Язгеланскій.*
Селеніе	ободи	кишлакъ	дига
Домъ	хона	буна	кутъ
Дымъ	дутъ	ду	задъ
Вода	объ	ау	хахъ
Земля	заминъ	зуминъ	заминъ
Огонь	аташъ	алау	этисъ
День	рузь	резь	мись
Ночь	шовъ	шау	шугбъ
Вечеръ	шамъ	„	„
Утро	субхъ	сабхъ	рохондъ
Хлѣбъ	нанъ	нунъ	зуганъ
Молоко	ширъ	шаръ	датъ
Мясо	гуштъ	гыштъ	куфтъ
Мужчина	мардъ	мердъ	вахукъ
Женщина	занъ	зонъ	инджикъ
Отецъ	падоръ	баба	видъ
Мать	мадаръ	мума	нагнъ
Братъ	бродоръ	біеръ	вридъ
Сестра	хогоръ	хогоръ	форокъ
Сынъ	писарь	бача	потись
Дочь	духторъ	дихтаръ	агакъ
Гора	кугъ	когъ	горчукъ
Камень	сангъ	сангъ	гарръ
Рѣка	дарья	дарье	дарье
Годъ	соль	солъ	салъ
Мѣсяцъ	могъ	мугъ	митъ
Праздникъ	гидъ	годъ	гидъ

жители средняго Дарваза мало понимаютъ чисто персидскую рѣчь каратегинцевъ, затрудняются объясняться съ горцами Ванча, совершенно не понимаютъ рѣчь сосѣднихъ шугнонцевъ [1]).

Типъ дарвазцевъ и каратегинцевъ почти сходственный: кожа смуглая; волосы прямые, густые, черные, рыжіе и каштановые; глаза черные и свѣтло-каріе; лицо правильное, выразительное, съ открытымъ крутымъ или низкимъ лбомъ, съ крутымъ носомъ; ростъ выше средняго, тѣлосложеніе крѣпкое, съ развитой грудью, съ сильной мускулатурой, съ тонкими икрами; станъ стройный, чаще худощавый, но никогда не тучный.

Намъ случалось видѣть въ Дарвазѣ, Каратегинѣ также женщинъ, и между ними встрѣчалось не мало очень красивыхъ лицъ.

Характеръ природы, свойства горнаго климата, съ прохладнымъ лѣтомъ, съ очень холодной зимой, при обильномъ, глубиною въ восемь аршинъ, снѣгѣ, съ частыми дождями, пріучили горца къ жизни замкнутой, трудовой, которая выработала, въ свою очередь, сильную привязанность къ родинѣ

Гость	михманъ	мигмонъ	мусмусъ
Снѣгъ	барфъ	бурфъ	зоихъ
Дождь	боронъ	буронъ	баяда
Лошадь	аспъ	аспъ	варка
Баранъ	гусфондъ	мешь	муу.
Корова	мода гау	гау	гаю
Звѣрь	доронда	доронда	вуркъ
Дайте мнѣ пить	біоръ-манъ обихурдонъ	овумъ-бдіедъ	хахъ-минъ аджобъ-розикъ
Принеси дровъ	хизумъ-біеридъ	(тождествен.)	шопунъ-воритъ
Накормите мою лошадь	аспи-маро-ногары биди гиндъ	(тождествен.)	воркъ-моро-нагиръ бриди ой.
Въ вашихъ мѣстахъ очень холодно	деръ джоишумо бисіонеръ фунукъ	(тождествен.)	кочишумо бисіоръ яхой.

Счетъ дарвазскій тождественный съ перскидскимъ, а язгеланскій совершенно иной; 1—вукъ, 2—зу, 3—суй, 4—чиръ, 5—тинджь, 6—пу, 7—хутъ, 8—гуштъ, 9—ну и 10—дусъ.

[1]) Вполнѣ сохранившійся горецъ-таджикъ — первообразъ древне-иранца съ примѣсью, по мѣстностямъ, только крови бѣлокураго арійца, тогда какъ таджикъ долины—разновидность персидской народности, сильно перемѣшанной съ арабской и турецкой породой.

(вотонъ), терпѣливость, мрачность, но незлобивость характера, сильную волю, выносливость во всевозможныхъ лишеніяхъ, отважность, неутомимость въ ходьбѣ въ своихъ горахъ до способности дѣлать по 80—120 верстъ въ одинъ день пѣшкомъ съ кожанымъ мѣшкомъ на спинѣ для провизіи, или съ вьюкомъ за спиною въ три пуда. Читатель можетъ усомниться въ приведенныхъ сейчасъ свѣдѣніяхъ [1]), и я самъ не вѣрилъ въ такую способность горцевъ въ ходьбѣ, пока не посѣтилъ Дарвазъ, гдѣ дѣлалъ дневные переѣзды съ пѣшими горцами въ 80 верстъ, чрезъ снѣжные перевалы въ 14000 футовъ, гдѣ мнѣ представили знаменитаго ходока *Боби*-Караульбеги, 36 л., который, будучи посланъ своимъ бекомъ, умудрился пройти, въ половинѣ мая, изъ *Калои-хума* въ *Ховалынгъ* (на р. Яхсу), сдѣлавъ безъ отдыха съ трехъ часовъ утра до семи часовъ вечера 140 верстъ чрезъ перевалы Рубатъ, Ригонъ, Полизакъ въ 13500 футовъ каждый. *Боби* сознается, впрочемъ, что то былъ въ 1880 году единственный случай въ его жизни такой ходьбы по службѣ и онъ долго чувствовалъ боль сухожилій своихъ тонкихъ икръ, но готовъ всегда повторить такой опытъ, причемъ поясняетъ, что въ ходьбѣ по горамъ главное условіе не садиться для отдыха, что подыматься вверхъ, заложивъ руки на тонкую трость за спиною, гораздо легче, чѣмъ спускаться съ перевала внизъ, въ чемъ, впрочемъ, пришлось убѣдиться и мнѣ самому.

Сила привычки и способность къ ходьбѣ горцевъ выработались, конечно, необходимостью взбираться на подоблачныя крутизны для посѣва хлѣба, необходимостью скитаться по недѣлямъ въ скалистыхъ хребтахъ на охотѣ за дикими баранами, горными козами, медвѣдями, необходимостью уходить на зимній періодъ, за сотни верстъ, въ Кулябъ, въ Гисаръ, въ Коканъ

[1]) Кстати ужъ мы сообщимъ, что та же сила привычки и условія жизни вырабатываютъ и въ насъ, русскихъ колонистахъ Туркестана, такую же выносливость въ ходьбѣ и верховой ѣздѣ. Мнѣ самому приходилось дѣлать пѣшкомъ переходы въ горахъ Зеравшана въ 40 верстъ, приходилось дѣлать, по экстренной надобности, переѣзды верхомъ въ 260 верстъ въ одни сутки на перемѣнныхъ коняхъ, въ 120 верстъ въ день на одной степной лошади.—*Авт.*

и даже въ Бухару для заработка въ 20—40 рублей, на которые горецъ купитъ своей семьѣ бязи для рубахъ, платокъ женѣ, муки, соли, но ничего больше, потому что въ такой суровой жизни, при маломъ достаткѣ вообще, излишество не полагается.

Спросите же побывавшаго въ Бухарѣ, почему онъ не перетащитъ свою семью туда, гдѣ людямъ лучше живется, гдѣ легче зарабатывать,—вы получите такой отвѣтъ: „знаемъ, что въ Бухарѣ и въ Самаркандѣ лучше живется: есть тамъ пахатная земля, есть рисъ, бараны крупнѣе нашихъ, но для насъ дорогъ нашъ сладкій (ширинъ) „вотанъ“ родина, и когда случается жить въ Бухарѣ, мы скучаемъ, какъ въ зиндонѣ—темницѣ, спѣшимъ вернуться“.

Прежде чѣмъ сообщать о домашней жизни дарвазца-каратегинца, о ихъ бытѣ, характерѣ, міровоззрѣніи, понятіяхъ и обычаяхъ, скажемъ, что и въ горахъ *земледѣліе* составляетъ главное занятіе населенія.

Повсемѣстно въ Дарвазѣ и Каратегинѣ пахатная арычная и дождевого орошенія (ляльми) земля состоитъ на правѣ полной собственности владѣльца, пастбищная земля въ опредѣленномъ раіонѣ считается собственностью всего селенія. Хотя переходъ земли къ наслѣдникамъ и покупателямъ совершается всегда безъ всякихъ документовъ, простой словесной сдѣлкой при двухъ-трехъ свидѣтеляхъ, тѣмъ не менѣе случаи поземельныхъ споровъ весьма рѣдки и всегда оканчиваются не судебнымъ понужденіемъ, а посредничествомъ сельскихъ стариковъ.

Густота населенія какъ въ Дарвазѣ, такъ и въ Каратегинѣ, доказывающая давность здѣсь культурной жизни, настолько значительна, что землепашество заняло все, что только можно поднять сохой (джуфтъ) въ низинѣ, на покатостяхъ, на высотѣ 9000 фут., и тѣмъ не менѣе крупныхъ собственниковъ не встрѣчается, а владѣлецъ 400 танаповъ (100 десятинъ) пахоты считается уже богачемъ.

Въ особенности ощущается недостатокъ земли въ южномъ

Дарвазѣ, по Пянджу. Землепашество здѣсь настолько ничтожно, что не покрываетъ потребностей сельчанъ, и горецъ замѣняетъ муку пшеничную и ячменную мукою изъ ягодъ шелковицы, изъ корня дикорастущаго татарока (семейства крестоцвѣтныхъ), вкусомъ напоминающаго брюкву, а бухарскій баталіонъ, квартирующій въ *Калои-хумѣ*, получаетъ хлѣбное зерно изъ Вахіи или Каратегина, гдѣ запашки сравнительно больше, сбытъ же такой ничтожный, что батманъ въ четыре пуда, доставленный за 140 верстъ труднаго горнаго пути, чрезъ снѣжные перевалы Шахъ-кондаги, Рогонъ, Руботъ, продается едва по пяти рублей.

Какъ въ Каратегинѣ, такъ и въ Дарвазѣ землепашество исключительно весеннее, съ атмосферическимъ орошеніемъ, безъ арыковъ, которые встрѣчаются только въ садахъ нижнихъ селеній, гдѣ въ очень маломъ размѣрѣ обрабатываютъ огородину (огурцы, тыквы, морковь, лукъ) и люцерну, дающую только двѣ жатвы въ лѣто, а не шесть, какъ на Зеравшанѣ.

Горецъ привыкъ къ своему дѣлу и не считаетъ для себя труднымъ подыматься на крутизну въ 6000—10000 футовъ высоты съ легкой сохой, съ мѣшкомъ сѣмянъ за спиною, съ парой быковъ или ишаковъ (ословъ) для распашки и засѣва въ половинѣ мая, для жатвы затѣмъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ [1]). Пашутъ только одинъ разъ послѣ высѣва, а въ Каратегинѣ два раза—до и послѣ посѣва зерна. Преобладающій посѣвъ—пшеница и ячмень, но въ Хулясѣ, Вахіи и на Ванчѣ сѣютъ также просо, просянку (кунокъ), бобы (бскали) и даже мелкій хлопокъ, получая урожай отъ самъ-10 до самъ-40, смотря по количеству дождей. Въ Каратегинѣ же урожайность въ половину слабѣе, вслѣдствіе запашекъ безъ отдыха земли, безъ удобренія, вслѣдствіе также частаго бездождія лѣтомъ, въ особенности въ нижней части этого бекства, начиная отъ *Гарма*, резиденціи бека.

Какъ и подобаетъ столицѣ бухарскаго бекства, въ *Гармѣ*

[1]) Въ Каратегинѣ высѣваютъ въ періодъ съ октября по мартъ и снимаютъ въ іюлѣ, августѣ.

имѣется базаръ (по четвергамъ), единственный во всемъ Каратегинѣ и Дарвазѣ. Какъ на базарѣ, такъ и въ селеніяхъ, при случаяхъ, торговыя сдѣлки совершаются преимущественно обмѣномъ мѣстныхъ продуктовъ хозяйства и охотничей добычи на товары (бязь, алача-крашенина, ситцы, кисея индѣйская, жевательный сакычь, нюхательный табакъ, перецъ, лекарства). По расцѣнкѣ товаровъ на базарѣ Гарма, лѣтомъ 1882 года стояли такія цѣны: корова—отъ 10 до 15 руб., быкъ—отъ 10 до 30 руб., лошадь—отъ 20 до 40 руб., баранъ—отъ 2 до 1 руб., козелъ—отъ 1 руб. до 60 коп., пшеница 20 коп. за пудъ, ячмень 1 руб. за четыре пуда, мулькъ (чечевица) 60 к. за четыре пуда, ленъ (для масла) 1 р. 60 к. за 4 пуда.

Земля продается въ Каратегинѣ по 20 руб. за десятину ляльми, по 40 руб. за десятину арычной; въ Дарвазѣ южномъ нѣсколько дороже, а цѣнность садовъ зависитъ отъ количества тутовыхъ (шелковичныхъ) деревьевъ; такъ, въ Дарвазѣ садъ въ 20 деревьевъ продается за 100 кусковъ (1200 аршинъ) бязи или за 40 рублей.

Такъ какъ горцамъ вовсе невѣдома ни мѣра длины, ни мѣра емкости и вѣса, ни денежные знаки, то, какъ и сказано выше, при мѣновыхъ сдѣлкахъ единицей мѣры вѣса служитъ головная ермолка (калятушъ), а единицей разсчета принимается кусокъ *бязи* (карбазь) въ 12 аршинъ, сколько идетъ на одну пару нижняго бѣлья. На деньги же такой кусокъ бязи стоитъ въ Дарвазѣ 40 копѣекъ, кусокъ алачи, бумажной крашенины (на халатъ) 60 копѣекъ, чулки шерстяные (джулябъ) 20 коп. за пару, сапоги изъ сыромяти 40 коп. за пару.

Если мы добавимъ, что запашка и уборка жатвы въ значительныхъ хозяйствахъ выполняется подмогой родственниковъ за дневные харчи только, что за перемолъ зерна или тута на водяной, самой примитивной мельницѣ уплачиваютъ $^1/_{20}$ часть, что для освѣщенія служитъ льняное или орѣховое масло, что садоводство (шелковица, яблони, сливы, вишни, абрикосы) [1])

[1]) Шелковица созрѣваетъ въ половинѣ іюня.

въ Каратегинѣ, и въ особенности въ Дарвазѣ, весьма ничтожно,— то о *земледѣліи* болѣе ничего не останется сказать.

Размѣры же земледѣльческаго производства мы приблизительно вычислимъ такъ: принимая населенность въ Каратегинѣ въ 512 селеній, въ 10740 домовъ, въ 60000 душъ обоего пола, а въ Дарвазѣ—въ 350 селеній, въ 6000 домовъ, въ 40000 душъ [1]), и считая запашку среднимъ въ 60 пудовъ на хозяйство (домъ) для перваго, въ 20 пудовъ для второго, при урожаѣ въ самъ-5 и въ самъ-10, опредѣляемъ валовой сборъ зерна въ Каратегинѣ въ 3.000,000 пудовъ, въ Дарвазѣ съ Вахіей, Хулясомъ и Ванчемъ въ 1.000,000 пудовъ. *Скотоводство*, стѣсненное главнымъ образомъ условіями продолжительной, многоснѣжной зимы, недостаткомъ зимнихъ подножныхъ и заготовительныхъ кормовъ, совершенно незначительное въ Дарвазѣ и весьма ограниченное въ Каратегинѣ, гдѣ киргизамъ на верховьѣ Сурхъ-оба (Кызылъ-су), свободномъ и зимою отъ снѣга вслѣдствіе постоянныхъ бурь, удается заводить не только барановъ, но и верблюдовъ, и рогатый скотъ. Въ общемъ, по Сурхъ-обу, на одно хозяйство приходится среднимъ числомъ по 20 барановъ или козловъ, по четыре штуки рогатаго скота, по одной лошади на 40 дворовъ; въ Дарвазѣ же самый зажиточный горецъ имѣетъ только четыре коровы, двѣ пары быковъ, лошадь, 20 барановъ, 30 козловъ; большинство же, кромѣ коровы и одного-двухъ быковъ, собственно для навозатоплива, другого скота не держитъ, потому что заготовленіе травы хлопотливо, а строить большіе зимніе скотники еще труднѣе, вслѣдствіе общаго недостатка лѣса въ горахъ.

При ограниченности, такимъ образомъ, самыхъ насущныхъ

[1]) Принятая въ Средней Азіи, для вычисленія населенности, формула помноженія числа дворовъ на пять „душъ“ даетъ не вполнѣ правильныя показанія. Изъ долговременныхъ наблюденій мы рѣшаемся утверждать, что этотъ множитель колеблется, по мѣстностямъ, между *тремя* и *семью*, въ зависимости отъ зажиточности населенія, которая даетъ возможность держать домохозяину двухъ-трехъ женъ, въ зависимости отъ общихъ санитарныхъ условій, вліяющихъ на приростъ населенія, въ зависимости, наконецъ, отъ бытовыхъ порядковъ или раздробляющихъ домохозяйства выдѣлами или же удерживающихъ общій семейный союзъ (тирокъ) нѣсколько поколѣній.

средствъ къ жизни въ недостаткѣ земледѣлія и скотоводства, дарвазцамъ приходится пополнять ихъ или отхожими заработками, промывкою золота на верховьѣ Пянджа, дающею 4—8 р. не болѣе на одного человѣка въ два мѣсяца, или разработкой желѣзной руды на рѣкѣ Ванчъ, или тканіемъ бязи [1]), или, наконецъ, охотою на лисицъ, куницъ, медвѣдей, дикихъ барановъ и козъ.

Охота, сопряженная въ горахъ съ физическими трудностями, съ лишеніями вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ, недоступности мѣстъ, для горца составляетъ тѣмъ не менѣе такое же любимое, увлекающее занятіе, какъ и для каждаго истаго охотника степной долины. У горцевъ охота на звѣрей составляется или облавой (халкъ-шикоръ), или въ одиночку скрытою (дузы-шикоръ). Первый видъ охоты въ раіонѣ горъ, ближайшемъ къ селенію, практикуется тогда, когда достаточно убѣдятся въ появленіи стада дикихъ барановъ или козловъ. Въ этомъ случаѣ, разсчитывая возможно больше принесть домой добычи, собираются на облаву всѣ старые и малые одного селенія или нѣсколькихъ кишлаковъ, распредѣляются на партіи и, подъ руководствомъ старыхъ, опытныхъ охотниковъ, оцѣпляютъ съ своими собаками нѣсколько возвышенностей, стараясь направить дичь по указанному пути на засаду стрѣлковъ (мергень), роль которыхъ выжидать на своей позиціи и бить изъ фитильныхъ ружей въ разстояніи 40 — 80 шаговъ. Такая охота, если оканчивается, какъ бываетъ часто, добычей въ день 5—6 штукъ дичи, вызываетъ всегда пиръ не только участниковъ охоты, но всѣхъ сельчанъ, а разговоровъ послѣ облавы остается на нѣсколько мѣсяцевъ. Этотъ способъ охоты не такъ утомителенъ, потому что облава оканчивается обыкновенно въ одинъ день, начинаясь съ разсвѣтомъ. Гораздо рискованнѣе, не говоря о трудностяхъ, охота въ одиночку, воровская охота (дузы-шикаръ), какъ выражаются горцы. Для такой охоты одиночка-стрѣлокъ (мергенчи), прикрѣпивъ на спинѣ

[1]) Одинъ человѣкъ ткетъ въ зиму (шесть мѣсяцевъ) отъ 40 до 60 кусковъ бязи изъ ваты, покупаемой въ Кулябѣ и Гисарѣ.

небольшой кожаный мѣшокъ съ хлѣбомъ, съ нѣсколькими комками тутовой муки, съ запасомъ сѣрныхъ спичекъ для разведенія, гдѣ придется, огня, пристроивъ сбоку своеобразныя лыжи-кружки изъ лозы по размѣрамъ ступни, взявъ палку и ружье, углубляется, несмотря на время года, на погоду, въ самыя недоступныя ближайшія или отдаленныя на сотню верстъ горы и, выслѣживая медвѣдя, барса или барановъ, бьетъ ихъ навѣрняка, близко подкравшись. При скоромъ успѣхѣ охотникъ волокетъ свою добычу домой, а если въ два-три дня удается свалить нѣсколько штукъ козловъ или барановъ, охотникъ зарываетъ ихъ, приводитъ изъ дому людей и затѣмъ уже оканчиваетъ охоту.

При неудачѣ же, охотникъ-горецъ пропадаетъ въ горахъ, бродитъ въ глубокихъ снѣгахъ, ночуя въ норѣ или подъ камнемъ, недѣлю и больше, пока не истощится провизія.

Серьезной опасности охотникъ-горецъ подвергается, если наткнется неудачно на медвѣдя, не приготовивши свой фитильный мултукъ, если промахнется выстрѣломъ въ барса, который настолько отважный (гайрятъ) звѣрь, что бросается въ такомъ случаѣ на грудь охотнику и, ошеломивъ ударами своего длиннаго хвоста по головѣ жертвы, кончаетъ съ нею, какъ это нерѣдко и бываетъ.

Весьма распространенная въ Каратегинѣ охота на лисицъ производится обыкновенно въ осеннее и зимнее время, съ собаками, облавой и оканчивается всегда успѣшно, а куницъ залавливаютъ на приманку въ особые капканы, устроенные изъ камней или сѣтей.

Охотничья добыча продается или на мѣстѣ разъѣзжающимъ скупщикамъ изъ Бухары, Самарканда, или же отвозомъ, при случаѣ, въ Кулябъ, Гисаръ. Обмѣномъ на товары шкура медвѣдя сбывается за 5 руб., лисица за 80 к., куница за 3 руб., барсъ за 2 руб.

Въ теченіе года въ горахъ Дарваза и Каратегина убивается приблизительно до 3000 лисицъ, до тысячи куницъ, до ста медвѣдей, до сорока барсовъ, до тысячи дикихъ козъ

и барановъ. Охота на горныхъ куропатокъ съ палками, на утокъ съ ястребами по берегамъ рѣкъ, также довольно развитая, составляетъ любимое занятіе горцевъ, въ особенности въ Каратегинѣ и въ Хулясѣ по р. Хингобу. Распространенная охота съ собаками ищейками на сурковъ (сугуръ), живущихъ большими семействами въ норахъ на границѣ вѣчнаго снѣга, доставляетъ массу шкурокъ, скупаемыхъ по пяти копѣекъ, для ковровъ и шубъ.

Вообще же охота для горцевъ составляетъ столько же потребность духовную, какъ развлеченіе въ однообразной жизни, сколько и подспорье въ очень ужъ ограниченныхъ средствахъ къ существованію, вслѣдствіе замкнутости и недостатка рынковъ для сбыта своихъ произведеній земледѣлія по такимъ цѣнамъ, которыя позволяли бы пополнять хотя скромный домашній инвентарь съ одеждой и постелью.

Подъ вліяніемъ дикой природы, суроваго климата, неподдающейся бѣдности—и жизнь горца столько же дикая, чуждая намека на излишество, полная упорной, энергичной борьбы за существованіе не съ людьми однако, а съ самой природой, скудною древесною растительностью, но зато обильной снѣгомъ и весенними ливнями (сили), снѣжными обвалами (тарна), подъ которыми гибнутъ иногда люди не только въ одиночку, но цѣлыми селеніями (Ляхчъ, Буной, Марумъ, Моридіанъ).

Сообразно этимъ неумолимымъ требованіямъ природы устроены и осѣдлости, и жилища горцевъ.

Селенія въ Дарвазѣ и Каратегинѣ располагаются одни внизу, по берегамъ главныхъ рѣкъ и ихъ вѣтвей; другія—почти на высотѣ вѣчнаго снѣга, всегда на такой покатости, которая представляетъ менѣе опасности отъ дождевого силя (ливня), отъ снѣжныхъ обваловъ (тарна), несущихъ цѣлыя скалы. По количеству домовъ селенія не велики (отъ 10 до 100 домовъ), но зато многолюдны, потому что у горцевъ совершенно не практикуется выдѣлъ изъ хозяйства женившихся сыновей, не практикуется и раздѣлъ наслѣдства, а дѣйствуетъ кооперативный законъ.

Типъ селеній горныхъ нѣсколько иной, чѣмъ въ долинѣ, потому что не имѣется дворовъ (въ особенности въ Дарвазѣ), а постройки связаны въ одно не только въ отдѣльномъ хозяйствѣ, но почти въ цѣломъ селѣ. Самыя постройки для людей и скота своеобразны, каркасныя съ толстыми стѣнами, низенькія, тѣсныя, съ одной общей плоской земляной крышей, съ окномъ въ потолкѣ сакли для выхода дыма.

Зайдемте же въ комнату-саклю (шаитъ) и поглядимъ обстановку жизни горца, его убожество матеріальное, посидимъ и посмотримъ, что̀ кушаетъ дарвазецъ, прислушаемся къ его міровоззрѣнію, къ его радостямъ и горю.

Насъ провели къ дому „зажиточнаго“ чиновнаго дарвазца *Сафаръ-Карауль-беги*, поспѣшившаго спровадить своихъ женъ, невѣстокъ, дочерей къ сосѣду, откуда и заглядываетъ съ испугомъ, съ удивленіемъ весь прекрасный полъ села. Усердно пригнувшись, чтобы не стукнуться о косякъ двери, входимъ въ жилище; оно расположено такъ: налѣво стойло для лошади или коровы, направо загородка для барановъ и клѣтка для домашней птицы, а прямо противъ входной двери, подъ общей крышей, „комната“ для семьи, отдѣленная отъ животныхъ тонкой полустѣнкой. Эта общая семейная комната съ земляным поломъ на аршинъ выше отъ предкомнатника—скотника, такъ что размѣры ея представляютъ пять квадратныхъ аршинъ, а высота $2^1/_4$ аршина. Если же изъ общаго пространства комнаты исключить столько, сколько занимаетъ въ углу очагъ, дѣтская глиняная люлька и съ боковъ глиняные шкафы—съ мукою и всякимъ скарбомъ, то для людей остается полъ-аршина на человѣка. Глиняныя стѣны сакли, толстый потолокъ, поддерживаемый въ каждомъ домѣ крѣпкими столбами, прокопчены дымомъ, оставившимъ изрядный слой маслянистой копоти по всѣмъ щелямъ. Сырость, рѣзкій дурной запахъ держится и лѣтомъ, слѣдовательно зимою, когда въ эту общесемейную комнату ставятъ и скотъ, никакой европейскій носъ не въ состояніи выдержать этой дарвазской атмосферы. Въ такой-то маленькой комнатѣ живетъ семейство

Карауль-беги изъ шести душъ разныхъ возрастовъ. Днемъ лѣтомъ гнѣздятся здѣсь обыкновенно однѣ женщины, мужчины же въ полѣ на работѣ, а дѣти на привольѣ (улицъ нѣтъ и дворовъ нѣтъ) играютъ съ собаками, валяются въ навозѣ, бѣгаютъ въ-запуски по скаламъ; на ночь же всѣ устраиваются плотно въ повалку, ложась одни прямо на солому, другіе на кожаную или изорванную кошемную подстилку, всѣ прикрываясь ежедневно носимыми халатами и ватнымъ тряпьемъ, остатками кое-какихъ одѣялъ.

Запасовъ одежды въ домѣ никакихъ, потому что она состоитъ у каждаго горца изъ одной пары нижняго бѣлья, шерстяныхъ портковъ, или чулокъ, одной пары сапогъ, ермолки головной съ тряпкой бязевой вмѣсто чалмы, верхняго шерстяного халата (чекмень) съ шерстяными же штанами, все на одинъ годъ для мужчины; а для женщины—изъ одной пары нижняго бязеваго же бѣлья, изъ платка бязеваго, изъ шерстяной верхней рубахи (ягта) и калошъ. При такомъ несложномъ гардеробѣ перемѣнъ бѣлья, разумѣется, не полагается, а стирка выполняется въ годъ три раза, и тогда горецъ и горянка или жмутся гдѣ нибудь въ углу голыми, закрывшись, конечно, тряпками, или же, какъ это бываетъ, впрочемъ весьма рѣдко, выпрашиваютъ лишнюю рубаху у сосѣда.

Домашняя утварь дарвазца-каратегинца состоитъ неизбѣжно изъ чугуннаго котла, такого же кунгона (родъ чайника) для кипяченія воды, изъ нѣсколькихъ разной величины глиняныхъ горшковъ для воды, для прокисшаго молока, для разной незатѣйливой стряпни, изъ 2—3 глиняныхъ самодѣльныхъ чашекъ, изъ мѣшечковъ съ съѣдобными [1]) и лѣкарственными травами, изъ небольшого запаса самодѣльнаго мыла, изъ сыромятной кожи, на которой заправляютъ тѣсто, крошатъ лапшу, изъ кожанаго продовольственнаго мѣшка, неразлучнаго спутника

[1]) Травъ, употребляемыхъ горцами въ пищу, имѣется 15 видовъ, а именно: коревшъ, галалятичь, зиркъ, пои-пурмишь, мушундъ, гурусокъ, турумаки-агу, зиркъ-сурхъ, гишимъ-тухмакъ, пишумъ, тазъ-куги, гульбуй, матаръ, самтичь, сагоса, човоры, камаръ, корикъ, таронъ, татаронъ, гуларъ, котъ, зубудъ, зифи.

горца при всѣхъ продолжительныхъ отлучкахъ изъ своего дома. Въ домѣ и клѣтушкахъ горца можете встрѣтить еще фитильное ружье, саблю, нѣсколько тонкихъ палокъ для ходьбы чрезъ перевалы, кольцеобразныя лыжи изъ тальника и высокіе деревянные галоши для зимы, первобытный небольшой ткацкій станокъ, прилѣпленный въ углу сакли надъ ямой для сидѣнья ткача, запасъ въ 5—6 свѣтильныхъ лучинъ, но больше ужъ ничего не найдете.

Съ обстановкой гармонируетъ и матеріальная, и духовная жизнь горца.

Нѣсколько лучше живутъ каратегинцы, благодаря достатку хлѣба, сбываемаго даже въ Матчу верховьевъ Зеравшана, благодаря отчасти близкому сосѣдству съ кокандскими осѣдлостями и съ Гиссаромъ, но жизнь дарвазцевъ Пянджа, остающихся часто и безъ хлѣба, который замѣняется мукой изъ шелковицы, и безъ соли, безъ мяса и молока, безъ достаточнаго зимняго отопленія, безъ одежды,—истинно трагическое прозябаніе, полное мученій для старыхъ и малыхъ, полное терпѣливой борьбы съ суровой природой. Однако горецъ переноситъ все, и только полный неурожай хлѣба и тута (шелковицы), дающаго 15 фунтовъ муки съ одного большого дерева, вынуждаетъ его бросить съ семьей свой кишлакъ, чтобы, поправившись средствами гдѣ нибудь въ Гиссарѣ, Кулябѣ, Маргеланѣ на счетъ заработковъ, снова вернуться въ свой притягательный, но непривѣтливый вотонъ (родина), къ которому горецъ чувствуетъ такую же инстинктивную привязанность, какъ тигръ къ камышамъ, какъ барсъ къ горамъ.

Несмотря однако на такія тяжелыя условія жизни, на отсутствіе у горцевъ правильной, хотя бы туземной, какъ въ долинѣ, врачебной помощи отъ губительныхъ, въ особенности эпидемій оспы, тифа, отъ злокачественной упорной лихорадки съ тобетомъ—лихорадочной водянкой, заболѣваемость, смертность въ горахъ слабѣе заболѣваемости и смертности въ долинѣ, а средняя жизнепродолжительность такова, что въ Каратегинѣ въ каждомъ селеніи на 100 дворовъ встрѣчается

3—4 старика свыше 100 лѣтъ, а въ возрастѣ 60—80 лѣтъ встрѣчается много и въ Дарвазѣ, какъ между мужчинами, такъ и между женщинами. Впрочемъ, мы должны оговорить, что эти свѣдѣнія о жизнепродолжительности приблизительныя, потому что горцы не умѣютъ опредѣлять свои лѣта.

Особенно здоровый видъ носятъ каратегинцы селеній, ближайшихъ къ *Оби-Гарму*, гдѣ всѣ, съ малыхъ лѣтъ, пользуются каждодневнымъ и зимою цѣлебнымъ купаньемъ въ открытыхъ ваннахъ (хаузи) горячаго (температура 28—32° Реомюра) сѣрнаго источника, привлекающаго лѣтомъ массу больныхъ изъ разныхъ мѣстностей Бухарскаго ханства, Самарканда и Ферганы.

Разнообразіе жизни горца опредѣляется только лишь лѣтними полевыми занятіями, да для мужчинъ охотою отчасти; зимою же у горца нѣтъ другого дѣла, кромѣ постояннаго отгребанія отъ сакли снѣга,—время идетъ однообразно, а все же полудикій дарвазецъ не скажетъ, что ему дома скучно: онъ вполнѣ счастливъ своей судьбой, если сытъ, если имѣетъ дѣтей.

Дни горца проходятъ такъ: семья встаетъ въ 4—5 часовъ утра, хозяйка разогрѣваетъ на тлѣвшихъ всю ночь угольяхъ небольшого очага бульонъ (ширъ) изъ горсти муки съ небольшимъ количествомъ горнаго луку, моркови, а мужчины провѣдаютъ скотъ, подложатъ ему корму, выпустятъ изъ клѣтушекъ птицу и барановъ, причемъ не обходится безъ затрещинъ малышамъ за баловство. Управившись, сколько требовалось, всѣ усаживаются въ саклѣ въ кружокъ и, передавая ложку одинъ другому, завтракаютъ этой постной похлебкой съ лепешкой изъ пшеничной или ячменной муки, выпеченной кое-какъ въ котлѣ и часто съ примѣсью къ злаковой мукѣ шелковицы или муки корня дикаго растенія татинъ, очень распространеннаго, очень употребительнаго по своей питательности, очень любимаго горцами, хотя и горьковатаго. Въ полдень дарвазцу приходится съѣсть ту же лепешку въ 1/4 фунта не болѣе для взрослаго, а вечеромъ—или тотъ же пустой

бульонъ, или лапшу (аши-ардъ) съ кислымъ молокомъ и травами, или просто комокъ тутовой муки, какъ довольствуется большинство бѣдняковъ [1]). Мясо скотское или баранье, или отъ дичи, дарвазцу приходится ѣсть умѣренно, не болѣе двухъ разъ въ году у себя дома, не болѣе пяти разъ у сосѣдей по случаю празднествъ свадебныхъ, поминальныхъ, обрѣзальныхъ.

Эти три основные акта жизни каждаго магометанина совершаются и въ горахъ почти тѣмъ же въ сущности порядкомъ, какъ и у другихъ осѣдлыхъ туземцевъ долины.

Горецъ женится обыкновенно въ возрастѣ отъ 16 лѣтъ, выдаетъ дочерей когда исполнится 12 лѣтъ, что̀ для горъ, съ суровымъ относительно климатомъ, нѣсколько рановато, потому что женщины позднѣе развиваются, чѣмъ на равнинѣ, но и позднѣе старѣются, несмотря на слишкомъ трудныя условія жизни. Невѣсть просватываютъ родители или въ дѣтскомъ возрастѣ (говоро-бахшъ), и это служитъ часто поводомъ къ тяжбамъ по сватовству, если дѣвица отказывается выйти замужъ за назначеннаго ей отцомъ жениха (даматъ), или же сватовство совершается по достиженіи дочерью совершеннолѣтія, безъ всякаго принужденія родителей, и такой брачный союзъ всегда почти устанавливаетъ правильную семейную жизнь. Въ первомъ случаѣ, за обѣщанную въ невѣсты калымъ уплачивается женихомъ будущему тестю постепенно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, во второмъ—сватовство сопровождается предварительными справками, иногда секретными свиданіями сватающагося съ своимъ предметомъ, переговорами съ родителями невѣсты.

Заручившись свѣдѣніями о сговорчивости родителей невѣсты, посылаютъ къ нимъ 2—3 близкихъ родственниковъ въ качествѣ сватовъ (заучи—по каратегински, гобросонь—по дарвазски).

Если родители намѣченной въ невѣсты изъявятъ согласіе, сваты приглашаются остаться въ мигманханѣ (внѣшняя ком-

[1]) Въ Дарвазѣ, зажиточная семья изъ шести ѣдоковъ потребляетъ въ годъ около 100 пудовъ хлѣба.

ната для гостей) и угощаются разными яствами, отвѣчающими, конечно, зажиточности хозяина. По объявленіи довѣрителямъ согласія другой стороны, этимъ же сватамъ предстоитъ, чрезъ 3—4 дня, пристроиться къ посольству уже 8—10 человѣкъ сосѣдей, отправляемыхъ въ домъ невѣсты съ блюдами лепешекъ, каши молочной (ширъ-брюнчъ), пилава, сушеныхъ фруктовъ и проч. съѣдобнаго. Всѣ гости усаживаются въ саклѣ, читаютъ предварительно про себя коротенькое благодареніе Аллаху, съ символическимъ поглаживаніемъ бороды, и затѣмъ уже залномъ привѣтствуютъ хозяина дома поздравленіемъ. Поднесенные дары отправляются на женскую половину, чтобы, послѣ нѣкотораго переформированія, явиться снова въ ту же мигманхану для угощенія посланцевъ, которые, не вдаваясь въ отвлеченности, вступаютъ въ переговоры относительно размѣровъ калынга (калымъ), т.-е. платы женихомъ родителямъ невѣсты. Обыкновенно соглашеніе устанавливается довольно скоро, и того же дня родители жениха узнаютъ отъ довѣренныхъ (гуавокалъ) размѣры предстоящихъ на свадьбѣ расходовъ. Они не особенно велики; у людей средняго состоянія въ колынгъ уплачиваютъ: одну лошадь, два быка, одну корову, ружье, три куска алачи, три куска бязи, три батмана (12 пудовъ) муки, одного быка для зарѣза, да подарки невѣстѣ изъ нѣсколькихъ аршинъ ситцу на рубаху и штаны, изъ четырехъ аршинъ тику на верхнюю надевку, называемую кальтча, изъ двухъ бумажныхъ или простыхъ шелковыхъ платковъ (румаль), изъ двухъ паръ галошъ. Къ вечеру дня, назначеннаго для вѣнчанія (никохъ), собираются въ домъ родителей невѣсты сосѣди или всѣ кишлачные, пріѣзжаетъ женихъ съ своими товарищами, всѣ усаживаются, кое о чемъ потолкуютъ, а затѣмъ мулла спрашиваетъ невѣсту, чрезъ двухъ довѣренныхъ отъ нея (подаръ-вокиль), по своей ли волѣ рѣшается выходить замужъ за „такого-то“, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, спрашиваетъ также жениха: беретъ-ли онъ въ жены „такую-то“ и сколько уплатилъ въ мохръ (обезпеченіе жены). Составивъ вѣнчальный актъ (никохъ-хатъ), со

включеніемъ въ него свѣдѣній о сдѣланныхъ женихомъ издержкахъ, мулла читаетъ молитву (худба)—и обрядъ вѣнчанія надъ отсутствующей въ другой саклѣ невѣстой совершенъ. Этотъ вечеръ гости мужской и женской половины обильно угощаются лапшей (угра) въ кисломъ молокѣ съ зеленью, молочной кашей и въ заключеніе пилавомъ. Къ 10 часамъ вечера, пиръ, обозначающійся только жеваньемъ и разговорами, оканчивается, женихъ получаетъ отъ родителей невѣсты халатъ и отправляется въ свой домъ, подъ звуки пѣсней товарищей, получасомъ раньше выступленія изъ дома родителей процессіи кишлачныхъ женщинъ, сопровождающихъ „молодую“ въ домъ жениха при факельномъ освѣщеніи. Здѣсь, въ отдѣльной комнатѣ, перегороженной на этотъ случай занавѣской, „молодой“, въ первый разъ, наскоро привѣтствуетъ свою жену и предоставляетъ ей оставаться эту ночь съ своими подругами, угощающимися отъ всего усердія и достатка домохозяина. На другой день изъ дома невѣсты доставляется приданое, за которое „молодые“ отплачиваютъ родителямъ скромными подарками. Чрезъ 15—20 дней молодые навѣщаютъ родителей невѣсты съ приношеніемъ барана, 100 лепешекъ, сладостей и получаютъ въ отвѣтъ корову, одного козла, пять барановъ, одинъ платокъ, галоши. Далѣе жизнь идетъ проторенной вѣками колеей со всевозможными поворотами къ радостямъ и къ огорченіямъ, стоющимъ при всѣхъ случаяхъ опредѣленныхъ издержекъ.

Разводы (талонь) между горцами бываютъ очень рѣдко, если жена злая, плохая работница, неуживчива съ другими женами своего мужа. Получившая разводъ судейскимъ, казіевскимъ актомъ (хаты-талокъ), пользуется правомъ полной свободы выхода замужъ за другого, какъ это всегда и бываетъ, потому что разведенная стоитъ дешевле, да и разводъ подготовляется тайнымъ вліяніемъ какого нибудь возлюбленнаго, хотя, надо сказать, случаи нарушенія супружеской вѣрности вообще очень рѣдки между горцами.

Убѣганіе молодыхъ женъ въ домъ родителей своихъ, вслѣдствіе неуживчивости, практикуется также и въ горахъ, но чаще оканчивается примиреніемъ безъ всякихъ судебныхъ понужденій, которыхъ вообще избѣгаютъ дарвазцы, какъ народъ незлобивый, хотя и очень вспыльчивый до самозабвенія.

Въ жизни горца, какъ у всѣхъ правовѣрныхъ, наиболѣе торжественное событіе составляетъ празднество *обрѣзанія сына* (той хаты насырь), совершаемое надъ подростками въ 8—10 лѣтъ. По заведенному обычаю, на этотъ праздникъ приглашаются не только односельцы, но и всѣ жители ближайшихъ селеній. Къ богатымъ собираются такимъ образомъ иногда до 500 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и всѣ угощаются въ продолженіе трехъ сутокъ разными лучшими яствами съ пловомъ, въ размѣрѣ, смотря по достатку домохозяина. На такомъ праздникѣ, въ то время, когда на женской половинѣ идетъ трескотня о разныхъ обыденныхъ дѣлишкахъ, мужчины, отъ стараго до малаго, ристаютъ верхами на классической игрѣ разрыванія козла, называемой копъ-коры-улакъ. Въ Дарвазѣ этой забавой терзанія козла занимаются пѣшіе любители-мужчины. Къ вечеру третьяго дня празднество кончается, гости расходятся и разъѣзжаются по домамъ, а на слѣдующій день, въ тишинѣ, цирюльникъ (сартарашъ) дѣлаетъ надъ мальчикомъ свое дѣло. Хозяинъ сводитъ тщательно счеты издержкамъ и благодаритъ Аллаха, что празднество обошлось только въ 20 барановъ, 2 батмана рисовой крупы, 12 козловъ, 2 батмана лепешекъ и проч., всего на 140 руб. для средняго состоянія, на 10 рублей для бѣдняка.

Поминки погребальныя, съ раздачею на кладбищѣ по одному аршину алачи, или бязи на память (иртышъ), съ угощеніемъ чрезъ три дня сосѣдей, также вызываютъ расходъ отъ 30 до 60 рублей для средняго состоянія и въ пять разъ больше для богатыхъ, раздающихъ въ поминальный иртышъ адрясъ или ситецъ. На такія поминки и народа является, конечно, больше, и угощеніе обильнѣе.

Поминки продолжаются въ теченіе года, выражаясь жертвованіемъ имаму и молящимся прихожанамъ большой чашки супу

и десяти лепешекъ каждую пятницу. Горцы Дарваза-Каратегина всѣ мусульмане, сунитскаго толка, не особенно однако религіозны,—мало заботливы о своихъ молитвенныхъ домахъ (мечетяхъ), плохо устроенныхъ, о своихъ имамахъ, получающихъ крайне скудное вознагражденіе отъ прихожанъ за исполненіе требъ вѣнчанія, погребенія, за обученіе мальчиковъ грамотѣ. Весь годовой доходъ имама съ приношеніями (фитириузъ) въ постъ *уразы* по одной чайной чашкѣ хлѣбнаго зерна съ каждой души прихода, по одной шкурѣ барана, козла, убиваемыхъ жертвоприношеніемъ въ годовой праздникъ *Курвонъ-бойрамъ*, едва составляетъ на деньги 20 рублей. Имаму прихожане помогаютъ, однако, въ обработкѣ земли, въ уборкѣ жатвы, въ заготовленіи топлива на зиму, съ большимъ трудомъ добываемаго въ скалистыхъ высочайшихъ горахъ, за три-четыре перехода отъ селенія.

Приходская мечеть каждаго селенія въ Дарвазѣ и Каратегинѣ служитъ также и сборищемъ молодежи на вечеринки (гоштакъ) для собесѣдничества и затѣмъ для ночлега.

Обыкновенно, по установившемуся издавна обычаю,—вслѣдствіе тѣсноты домашнихъ помѣщеній горцевъ, въ которыхъ часто бокъ-о-бокъ раздѣляютъ супружеское ложе 2—3 семьи,—всѣ подростки съ 10-ти лѣтъ и вся холостежь вообще съ вечера отправляется съ кое-какой подстилкой, съ горстью топлива (поочередно), съ одной лепешкой въ сельскую мечеть, гдѣ весело по своему проводятъ время въ разговорахъ, шуткахъ и пѣніи, засыпая въ повалку на полу предъ общимъ костромъ и удаляясь на разсвѣтѣ къ себѣ домой, чтобы освободить мечеть для молящихся стариковъ.

Въ горахъ эти вечеринки въ мечетяхъ во время продолжительной зимы замѣняютъ тѣ очередныя сборища (гоштакъ), которыя устраиваются любителями во всѣхъ городахъ и большихъ селеніяхъ Средней Азіи на артельныхъ началахъ съ непремѣннымъ участіемъ танцоровъ-батчей, пригожихъ мальчиковъ, которые служатъ у сартовъ и для увеселеній, и какъ

предметъ страстнаго ухаживанія поклонниковъ и соревнователей-батчабазовъ.

Обыкновенныя же забавы горцевъ состоятъ въ бѣганьи по горамъ съ терзаніемъ прирѣзаннаго козла, въ борьбѣ (гушти) силачей, въ плаваніи съ пѣснями на кожанныхъ турсукахъ (мѣшкахъ) на Пянджѣ, Хингобѣ и Сурхъ-обѣ. Другихъ развлеченій у горцевъ нѣтъ, а для горянокъ и еще меньше этихъ развлеченій, потому что съ 12-ти-лѣтняго возраста, сдѣлавшись женами, онѣ поглощены заботами о семьѣ, о домашнемъ хозяйствѣ, о призрѣніи стариковъ, къ которымъ относятся всѣ вообще съ большимъ уваженіемъ.

Для полноты этнографическаго очерка Дарваза и Каратегина необходимо сказать, сколько извѣстно намъ изъ знакомства на мѣстѣ, объ отличительныхъ чертахъ характера горцевъ, о міровоззрѣніи ихъ, о духовномъ творчествѣ.

Какъ и у всѣхъ первобытныхъ, неиспорченныхъ народовъ, въ характерѣ горцевъ особенно выдается добродушіе съ общественнымъ призрѣніемъ сиротъ, вспыльчивость, кровомщеніе (хундоръ), уваженіе къ старшимъ, къ чужой собственности, правдивость, твердость въ словѣ, отважность на всѣ случаи опасности съ полнымъ презрѣніемъ трусовъ, терпѣливость, стоическая выносливость всяческихъ лишеній въ борьбѣ съ природой, съ соціальными явленіями, расположеніе къ гостепріимству до готовности каждаго подѣлиться, хотя бы и съ случайнымъ гостемъ, послѣдними крохами домашняго хозяйства.

Умственныя способности горцевъ выражаются большою понятливостью, наклонностью къ наблюденіямъ, обширною памятью, которою отличаются дарвазцы-каратегинцы и въ знаніи своей генеалогіи, преданій, легендъ и въ изученіи восточныхъ наукъ, привлекающихъ въ бухарскія и самаркандскія медрессе множество молодыхъ людей, оканчивающихъ полный курсъ наукъ и скорѣе и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ ихъ товарищи изъ туземцевъ долины, просиживающіе обыкновенно въ медрессе надъ зубреніемъ богословія, законовѣдѣнія, восточной философіи 16—25 лѣтъ.

Міровоззрѣніе горцевъ, отвѣчая полной замкнутости ихъ жизни, отсутствію правильныхъ понятій о естественныхъ законахъ природы, исполнено суевѣрія и боязни злого духа, „мстительнаго“ (лятгоръ) и „покровительственнаго“ (патохгорь).

Въ Дарвазѣ не знаютъ ни года магометанской эры, ни названія мѣсяцевъ, ни названія странъ свѣта. Въ мірѣ свѣтилъ солнце (афтобъ) считаютъ источникомъ жизни, свѣта; луну—убѣжищемъ усопшихъ; полярную звѣзду (куторъ)—указательницей пути. Молнію и громъ приписываютъ попыткѣ чорта подняться на небо, причемъ ангелы бросаютъ въ него огненосные камни. Весна и лѣто посылается Богомъ изъ отдѣленія рая, а осень и зима изъ ада. Землетрясеніе, часто причиняющее своею продолжительностью (5—10 минутъ) горные обвалы и гибель цѣлыхъ селеній (муминъ-абатъ), приписываютъ вздрагиванію ада отъ мукъ грѣшниковъ.

Умственное творчество дарвазцевъ отражаетъ въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ угнетеніе матеріальное, отчасти зависть къ живущимъ въ довольствіи и стремленіе освободиться отъ вліянія тяжелыхъ условій жизни и несправедливостей судьбы. Вотъ наиболѣе любимыя пѣсни горцевъ въ четыре стиха:

Потомки благородныхъ семействъ, чистыхъ, какъ серебро, теперь хуже заржавленнаго желѣза.

Нищій, бродившій изъ дома въ домъ, превратился въ богача и ѣстъ сахарныя лакомства.

Старая лисица была ничтожнѣе ишака и собаки,—посмотришь, превратилась теперь въ тигра.

Пользовавшійся когда-то объѣдками сдѣлался важнымъ гордымъ шахомъ.

Щедрый человѣкъ, раздававшій всегда хлѣбъ нуждающимся, самъ сдѣлался нищимъ и не встрѣчаетъ помощи; въ это время нѣтъ ни совѣсти, ни стыда.

У лошадей завязаны рты и они не ржутъ, а откормленный быкъ реветъ во все горло.

Кромѣ этихъ морализующихъ пѣсенъ, есть не мало и веселыхъ куплетовъ, воспѣвающихъ о жизни цвѣтовъ, о прелести голоса влюбленнаго соловья, о семейной заботливости голубя.

СПИСОКЪ

населенныхъ мѣстъ Дарваза и Каратегина.

1. Бекство Дарвазъ.

НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число домовъ.	На какой рѣкѣ.
Амлякдарство Верхняя Вахія.		
1. Санги-Воръ	30	На лѣвомъ берегу рѣки Хигноб.
Рехчь	12	
Дорон-кельнъ	30	
Рого	26	
Сикотъ	18	
Хухъ	50	
Арзунгъ	29	
Пашимгеръ	48	
Ляджиркъ	30	
10. Дарахтанъ	25	На правомъ берегу рѣки Хигноб.
Рогола	27	
Найгуфъ	30	
Нисай	20	
Хазреты-бурхъ	25	
Писада	28	
Урфотъ	30	
Ситарха	36	
18. Сара-сангъ	33	
	527	
Амлякдарство Нижняя Вахія.		
Лянгаръ	40	Правый берегъ р. Хигноб.
Али-Сурханъ	30	
Ляйрокъ	30	
Арганконъ	22	
Ушгіонъ	28	
Шинорвагъ	32	
Сабзыхоръ	22	
Саятъ	40	
Хуръ	33	
28. Лянгаръ	26	Лѣвый берегъ Хигноба.
Гау	28	
Джуръ	30	
Зувай	22	
Міоно	23	
Хайронъ	32	
Гуны	19	
Коскаронъ	27	
Пишторогъ	36	
Постырогъ	28	
Дашты-ширъ	32	
39. Якъ-боро	22	
	592	

НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число домовъ.	На какой рѣкѣ.
Амлякдарство Хулясъ.		
Язгонъ	28	Правый берегъ Хигноба.
Рибодналь	24	
Шуръ	27	
Чиль-дара	22	
Сирхау	29	
Шокау	30	
Розокъ	18	
Посіаби Талхъ	30	
48. Дашты-Гири	32	
Тавиль-дара	40	
Колпакъ	22	Лѣвый берегъ рѣки Хигноба.
Джирогъ	42	
Зигора	28	
Хасангъ	32	
Шаабды	27	
Хамборо	22	
Пашоръ	32	
Хожа-Хулясъ	22	
Гафиты-Чирогъ	23	
Коса Гордонъ	27	
Нурунгъ	30	
Диболяндъ	36	
Шоронъ	36	Лѣвый притокъ Хигноба р. Полизакъ.
Бигингъ	27	
Диколянъ	30	
Тавиль-дара-баля	26	
Сары джанги	28	
67. Коранакъ	30	
	800	

Протяженіе территоріи трехъ провинцій 250 верстъ въ длину.

Амлякдарство Сагры-дашт.		
Килумба	26	На р. Сагрыдашт (прит. лѣваго берега Хигноба).
Сейдона	23	
Агонгоронъ	30	
Азуни	28	
Дора-Мило	22	
Ляхчь	30	
Камчакъ	36	
Чарканъ	23	
Шоколяндоръ	32	
Сафидарунъ	29	
Гирдоро	24	
Зороко	27	

	Гульбанъ	36	На р. Сагра-дашт, лѣвый приток Хир-гоба).
	Софитсонтъ	26	
	Миродіонъ	35	
	Содыко	30	
84.	Посты-илянъ	22	
		469	

Протяженіе провинціи въ длину 25 верстъ

Юго-восточный Дярвазъ.

85.	Пои-мазаръ	28	Правый приг. Пянджа рѣки Ванчъ.
	Мудыхоръ	29	
	Будобъ	32	
	Рихоръ	26	
	Харговатъ	27	
	Буной	24	
	Гишхуръ	28	
92.	Гамой	22	Лѣвый берегъ Пянджа.
	Язгылёнъ	34	
	Омыръ	27	
	Джумарчъ	40	
	Ворфоя	20	
	Джостокъ	28	
	Маймой	24	
	Ризвоякъ	32	
	Джумарчъ	26	
	Убогнъ	27	
	Ширіонъ	29	
	Джовой	26	
	Насой	34	
	Мунау	23	
106.	Вотхудъ	40	Правый берегъ Пянджа.
	Пишхарфъ	27	
	Корчавазъ	30	
	Тазмай	28	
	Вусхоръ	22	
	Вичхарфъ	24	
	Джорфъ	30	
	Кевронъ	22	
	Рузвой	36	
116.	Калан-Хумъ	33	
		920	

Протяженіе верхняго Дарваза въ длину 120 верстъ.

Юго-Западный Дарвазъ.

	Ходоро	28	Лѣвый берегъ Пянджа.
	Гумай	30	
	Санглычъ	29	
	Моймалякъ	34	
	Арзынчкъ	27	
	Шипазмъ	29	
	Филаль	36	Лѣвый берегъ Пянджа.
	Убонгъ	36	
125.	Ларумъ	38	
	Умарокъ	29	
	Зингъ	22	Правый берегъ Пянджа.
	Сангеу	30	
	Дуравакъ	38	
	Пашкунау	30	
	Ширговодъ	27	
	Ягытъ	28	
	Шкепъ	27	
	Сонги	33	
	Вшихоръ	46	
	Джаръ	26	
	Гудунъ	29	
	Хостау	30	
139.	Зигоръ	22	
		704	

Протяженіе отъ к. Хулмъ до Зигора 140 верстъ.

Нижній Дарвазъ.

	Кулдара	30	На лѣвомъ берегу Пянджа.
	Ногонъ	26	
	Пармиханъ	28	
	Хонбитугъ	22	
	Номучь-пастъ	28	
145.	Хульдузъ	32	
	Фи	49	Лѣвый притокъ Пянджа рѣки Куфау Курь.
	Нукторъ	23	
	Пошогоръ	27	
	Корнау	27	
	Бохоръ	23	
	Чидныу	39	
	Умхарь	32	
	Дорожь	20	
	Поимозаръ	28	
	Хырчь	34	
	Лугордокъ	34	
	Имжь	38	
	Ниширь	32	
159.	Пидыу	29	

Всего въ Дарвазѣ. 4523 [1]).

2. Каратегинъ.

I.

Амлякдарство Киргизское.

1.	Кичикъ-карамукъ	18	На верховьи Кызыль-Су и притоковъ.
	Сарыгуй	23	
	Ачикъ-алма	19	
	Дувана	32	
	Сарынуль-Шаніязъ	18	

[1]) Въ этомъ спискѣ не поименованы селенія съ числомъ домовъ менѣе десятн; такихъ селеній насчитывается до 200, такъ что въ Дарвазѣ общее число селеній до 360 съ 6,000 домовъ.

	Дамбурачи	36	На верховьи Кызыль-Су и притоковъ его.
	Шильбуль	18	
	Кушъ-огба	13	
	Кошка-тирекъ	18	
	Яны-мазаръ	30	
	Питаукуль	19	
	Кушой	19	
	Кальта-булакъ	20	
	Джирготоль	17	
	Зонку	26	
	Чубой	30	
	Пильдонъ	28	
	Таджики Пильдонъ	20	
	Пильдонъ Чингакъ	18	
	Ярошъ	32	
	Сарынъ	20	
	Гылалго	20	
	Мукуръ	30	
	Джалганъ	32	
	Кара-шура	18	
	Сорыхъ-кендже	21	
	Кара-кендже	28	
	Джумшугонъ	18	
	Хожа-таворъ	27	
	Мукъ	12	
	Мынъ-булакъ	30	
	Кошъ-тигерманъ	18	
	Гирдокъ	32	
	Юсуфъ Доротоль	18	
	Суготъ	16	
	Джикянды	22	
37.	Хушь-халь	18	
		834	

II.

Амлякдарство Калан-Ляби-овъ.

	Объ-чака	19	На лѣвомъ берегу Сурхъ-оба.
	Сары-намакъ	16	
	Утоль	10	
	Камишбекъ	26	
	Утоль-боля	19	
	Кичикъ-зи	28	
	Конджбетъ	17	
	Новабатъ	12	
	Шаврыкуюнъ	18	
	Мулла-Кендже	13	
	Мулла-Тимуръ	21	
	Нушалъ	18	
	Кудукокъ	27	
	Нушаль-баля	10	
	Мертаніянъ	24	
	Кара-Шагоръ	23	
	Шингъ	36	
	Полизакъ	40	
	Тарбулукъ	18	
	Спрынай	30	
	Тарбулукъ-боля	19	
	Каирма	24	
	Алмалы	30	
	Ганиша	26	На лѣвомъ берегу Сурхъ-оба.
	Моргъ	18	
	Сафиди-объ	13	
	Кули-Мирзанчи	27	
	Назорокъ	19	
	Миргазіонъ	14	
	Фатхъ-Абатъ	31	
	Колдоріонъ	30	
	Каналы	17	
	Кара-Сагыръ	26	
	Коналы-баля	18	
	Келынъ-баки	14	
	Дегъ-деги	32	
	Горгынчь	18	
	Ди-Гильманъ	27	
	Бе-овакъ	18	
	Ди-Гильмонъ-баля	25	
	Конджрого	20	
	Гукъ-лыкъ	34	
	Ди-ишанъ	18	
	Лангаръ-ша	20	
	Дара-мазаръ	12	
	Лангаръ-ша-баля	28	
	Дора Мазаръ-баля	18	
	Кули Соры Гури	24	
	Кули Хучакъ	22	
	Кули Калянъ	36	
	Шамара	20	
	Кырчинъ	13	
	Уштурпасъ	16	
	Хылокъ	22	
	Колаи Зоронгонъ	18	
93.	Евги	26	На правомъ берегу Сурхъ-оба.
	Хантъ	27	
	Яркычъ	24	
	Ди Сія	28	
	Пуркъ	18	
	Игелы	20	
	Пуркъ-баля	19	
	Макгорыкъ	18	
	Шауръ	13	
	Яркичь	23	
	Турды-оваль	18	
	Яркичь міона	36	
	Диво-Сухъ	7	
	Каракатъ	52	
	Ди-баляндъ	24	
	Дашты Могожанъ	19	
	Кызылъ	22	
	Курумъ	17	
	Нурунъ	20	
	Мазаръ	28	
	Назарі-айлякъ	16	
	Ба-Дюмлюкъ	20	
	Хисоракъ	28	
	Тахтъ	23	
	Митаніонъ	17	
	Ходжи Кіонъ	22	
	Даурьенъ	18	
	Ворынгъ	23	
	Уталакъ	36	

На правомъ берегу Сурхъ-оба.

	Шульдуръ	27
	Синолынгъ	30
	Шульдуръ баля	28
	Сіобъ-Дара	20
	Кара-Шааръ	17
	Чанкыльдыкъ	20
	Кара Шагоръ баля.	22
	Чонкильдыкъ міонъ	50
	Чонкыльдыкъ баля	20
	Новабатъ	26
	Сафидъ-объ	17
	Мазаръ	18
	Морхуно	36
	Мазаръ-баля	30
	Мусафитъ	26
	Аличаюкъ	18
	Ходжи Кишлакъ	36
	Биды-тока	32
	Койля мостъ	27
	Будоного	32
	Кыдынокъ	18
	Хястфага	26
	Буль-калыме	32
	Санги-Гучь	24
	Дуоба	30
	Хизь дара	18
	Лигдозь	24
	Чусоль	27
	Миртопъ	30
151.	Гонджикъ	29
		2622

III.

Амлякдарство Гармъ.

На правомъ берегу Сурхъ-оба.

	Нумичь	16
	Нумичакъ	20
	Нумичь-боле	32
	Джафръ	27
	Янгылыкъ	30
	Хуфакъ	22
	Каланакъ	18
	Харбокъ	30
	Каланакъ-мона	30
	Мурутакъ	27
	Да-оба	30
	Харбокъ	20
	Калон-учакъ	27
	Керки	20
	Шамиръ Заунъ	20
	Наубатъ	28
	Бельги	19
	Яль Домычь	20
	Куля	23
	Куля Саигокъ	18
	Калан-Шейхъ	24
	Науды	32
	Когакъ	27
	Когакъ-паянъ	20
	Нижераіонъ	12
	Халь-карфъ	18

На правомъ берегу Сурхъ-оба.

	Лаякъ	24
	Бидотъ	22
	Чаръ-шоха	20
	Махсутъ	18
	Гармъ	70
	Шуль	22
	Кознокъ	18
	Чашма козы	12
	Калон Мина	20
	Хавасіянъ	12
	Вордычь	18
	Кызрокъ	20
	Мошкунокъ	20
	Кочаманды	20
	Каралыкъ	20
	Лой-оба	16
	Буни Софіянъ	20
	Сангъ Мальки	22
	Шильмакъ	26
	Куртынгъ	22
	Хурюзіанъ	30
	Саедіонъ	18
	Яшмъ	24
	Шагендора	20
	Подже	22
	Даштъ Сіокъ	20
204.	Поджи-баля	18
	Гарифъ	32
	Оба Хильфъ	26
	Номнарутъ	18
	Насрутъ	16
	Ду-бурса	22
	Диди-баня	15
	Зія Джангаль	18
	Диди-Паянъ	12
	Ходжа-Губокъ	18
	Шингличъ	23
	Таврокъ	15
	Ходжа-Али	27
	Сангсурохъ	13
	Куль	20
	Носкокъ	19
	Кутерма	16
	Сурху	27
	Нова-батъ	20
	Шанды	27
	Руи хонвары	18
	Соръ-бугь	27
	Джинганъ	26
	Шахи	22
	Рубось	16
	Кшинбагъ	20
	Явокъ	24
	Хунъ-дора	18
	Туда	26
	Корамонды	30
	Цингонъ	28
	Салтъ	26
	Дора-Раватъ	28
	Руи-Рабатъ	24
	Нугболь баля	22

На правомъ прит. Сурхъ-оба р. Коарау и Соръ-Бугь.

На лѣвомъ берегу Сурхъ-оба.

	Нугболь паянъ	15
	Форкока	16
	Конобокъ	19
	Сиби Ногары	10
	Би-объ	20
	Комарау	22
	Курвалъ	10
	Хококъ	8
	Ди-клычь	10
	Ди-Ша	15
	Ди-мулла	18
	Дорои Понгокъ	28
	Пагомдара	10
	Джангаль Сухта	18
	Гури дивана	16
	Джорока	12
255.	Хирсонгъ	26
	Даштъ Сіокъ	18
	Яполоки	20
	Санги коръ	26
	Хуфъ	18
	Огонгаронъ	16
	Сіокъ-паянъ	18
	Сіокъ-міона	12
	Сіокъ-баля	19
	Иртемчи	15
	Ди-паянъ	22
	Зарифи	10
	Хиштыракъ	26
	Гильконъ	18
	Хильноны	25
	Парво	22
	Хожь-Шамсидинъ	18
	Шамсидинъ баля	20
	Шиль-хазаръ	12
	Горапго	27
	Покишпаги	23
	Коляндокъ	18
	Турконъ	20
	Давтоны	16
	Кыргизакъ	26
	Шашканаго	20
	Ду-обо	18
	Потканы-машъ	27
	Чуштонъ	13
	Хазретъ ходжа Абдулъ	27
	Догони-Гунышъ	20
	Мулла Бадаль	20
	Ляля Зорунъ	27
	Хури-хомъ	23
	Ишана	27
	Гуджь-мотъ	18
	Догоно	25
	Шалы	24
	Косогордунъ	15
	Баля Шагоръ	20
	Шагоръ Міона	27
	Шагоръ Паянъ	23
	Соры Пичунгъ	24
	Нашма Саигокъ	19

На лѣвомъ берегу Сурхъ-оба.

	Гулямонъ	12
	Самсакалъ	20
	Зордо	15
	Шихо	18
	Пондаучи	30
	Пита	25
	Пондаучи-баля	12
	Торгокъ	24
	Фолома	19
	Гузаръ Чашма-баля.	15
	Гузаръ Чашма-паянъ	26
	Толхокъ	19
	Хиджборокъ	26
	Сіобу-Сурхобъ	18
	Бодровекъ	23
	Учокъ	16
	Ангуръ	15
	Ярхобъ	18
	Хидріонъ	16
	Хидріонъ баля	20
	Кызылъ-лой	17
	Яхокпостъ	22
	Комолистанъ	12
	Зигибетъ	18
	Комолистанъ баля	20
	Куль	20
	Шорхо	16
	Куль-баля	26
	Шорхо-баля	24
	Сары-Шохоръ	16
	Азколянъ	18
	Додо-Бохшъ	22
	Дукуны Сонгъ	18
	Булькосъ	24
	Сафитындакъ	20
	Тугокъ	15
	Рунау	26
	Чоки-хобъ	18
	Сары-пуль	18
	Сары-намакъ	22
	Пасы-хомъ	15
	Бабашой	18
	Махоля-паянъ	24
	Махаля-баля	20
	Сайданъ	18
	Каблоха	10
	Софидъ-ха	26
	Лянгаръ	18
	Чоръ-чирокъ	20
	Домау	17
	Офтобъ	24
	Гугомъ	20
	Шуробъ	18
	Гуюмъ-баля	27
	Сорыхаулъ	18
	Сонги-хо	22
	Чигдобіонъ	15
	Лянгаракъ	28
	Кодоро	30
	Кулябо	22

Сырхдора	19	На лѣвомъ берегу Сурхъ-оба.
Сорбонди	27	
Колаи-казы	22	
Шулонокъ	32	
Аличакъ	26	
Ди-амирьякъ	28	
364. Комборіанъ	12	
	4453	

IV.

Амлякдарство Намдонакъ.

Ниширіонъ	22	На лѣвомъ берегу Сурхъ-оба.
Намдонакъ	27	
Геваръ	23	
Войдара	19	
Шильхау	24	
Чикдара	18	
Нигово	20	
Турмышъ	24	
Сіе-объ	15	
Ніазъ-бегіумъ	20	
Сары-кошъ	14	
Хуфакъ	20	
Учь-Тургель	27	
Калюи-Сухтъ	29	
Новоботъ	10	
Ковляха	18	
Бини Рубогумъ	17	
Тохчи	22	
Джавчи	20	
Джавчи-баля	20	
Аулуртъ	26	
Тон-куль	18	
Ди-Магомедъ-Зіа	22	
Хундунъ	15	
Хумдунъ-баля	20	
Гордонго	18	
Махзори-Сиръ	22	
Наудунъ	20	
Ляби-джаръ	23	
Іонуръ	28	
Казакунъ	12	
Тиргерь	27	
Душамби	20	
Муро	28	
Ди-та	14	На берегу Хингоба при впаденіи его въ Сурхъ-объ.
Боргочь	23	
Кафтаргузаръ	28	
Гызы	25	
404. Яфучь	12	
	810	

V.

Амлякдарство Оби-Гармъ.

Лянгаръ	24	На правомъ берегу Сурхъ-оба.
Тегирми	17	
Тутхоръ	27	
Душа хазминъ	15	
Дигоги	18	
Шахундозъ	15	
Помбачи	28	
Чинаръ	12	
Диль вахокъ	27	
Ди-комборъ	17	
Шамдуны	15	
Дарвишъ-баля	24	
Дикдона	18	
Оби-Гармъ	20	
Сабзы-кодомъ	25	
Соры-мазоръ	28	
Худясъ	25	
Новобадъ	20	
Диболяндъ	27	
Колонокъ	12	
Казакунъ	18	
Чормаязокъ	27	
Муджигореръ	15	
Зорунъ	20	
Сіяглакъ	13	
Тон-комаръ	18	
Соры-зокъ	26	На правомъ берегу Сурхъ-оба отъ паденія въ него Хингоба.
Лайхолъ	25	
Килякъ	18	
Джоучи	29	
Косконъ	20	
Хосондоро	24	
Шохтутъ	27	
Хакими	18	
Лугуръ	30	
Ди-Бустунъ	26	
Пуштаи Халифа	18	
Соры-кары-Шарифъ	20	
Сонги-бурхъ	19	
Сіу-но	25	
Колякунъ	32	
Зуріонъ	20	
Лиджокъ	15	
Дильва-хакъ	27	
Абдылвахіонъ	20	
Дигнунъ	15	
Лаякъ	20	
Кокабулакъ	18	
Чорхона	17	
Дилошкаръ	25	
Ишинушъ	29	
Кольтаго	18	
Димирза	20	
Бозарокъ	27	
Хундора	12	

Гармово (теплый источникъ)	18	По правому берегу Сурхъ-оба.
Мулла-шейхъ	27	
Сива	12	
Джованы	18	
Софидорунъ	15	
Прыдора	23	
Чарокуль	19	
Пучаги	10	
Конджбетъ	27	
Шоидонъ	20	
Гуло-Сурхи	15	
Соврокъ	28	
Годумакъ	19	
Восогіонъ	24	
Хингон	20	
Чормокзы	10	
Пору	22	
Новободъ	27	
Форухъ	12	
Сонгова	18	
Бидокъ	13	
Пичокзоръ	15	
Зоркожоръ	10	
Комары-могуль	12	
Майданъ	10	
Сары-Камышъ	12	
Паси-Маграго	20	
Курвичь	13	
Аръ-аракъ	16	По правому берегу Сурхъ-оба.
Оби-луліякъ	10	
Коджбетъ	12	
Тутъ-челма	10	
Ковакъ-дора	16	
Писта-Мазаръ	20	
Чушунъ	12	По лѣвому берегу Сурхъ оба.
Дильвакъ	18	
Оби-Гармъ	80	
Мурдонъ	10	
Рогонъ-баля	12	
Рогонъ-аянъ	13	
Бидиха	20	
Ляби-дора	10	
Ходжа-Вали-ша	18	
Тан-комаръ	10	
Седжь	12	
Тахта-чашма	10	
Тан-огба	15	
Кишра	12	
Наро	8	
Джуручь	12	
Ходжа-хореръ	10	
512. Ходжа-баля	12	
	2022	

Всего въ Каратегинѣ. 10741

АФГАНСКІЙ ТУРКЕСТАНЪ ВЪ 1878—1880 ГОДАХЪ [1]).

(Очеркъ политическихъ событій) [2]).

I.

Задача очерка—подробное изложеніе политическихъ событій въ Афганскомъ Туркестанѣ за послѣднее трехлѣтіе. — Краткія историческія свѣдѣнія о странѣ за Аму-дарьею, носившей греческое названіе Трансоксанія (до Р. Х.), затѣмъ Хоразанъ (III в.), Чаръ-Вилайятъ (XVII в.) и, наконецъ, Афганскій Туркестанъ (XVIII в.). —Исторія образованія въ XVII вѣкѣ Афганскаго ханства. — Первый афганскій эмиръ Ахметъ-ханъ и распри послѣдующихъ эмировъ.—Узурпаторъ Достъ-Магометъ-ханъ дѣлается афганскимъ эмиромъ послѣ продолжительныхъ междоусобныхъ войнъ племенныхъ вождей. — Первое военное вмѣшательство англичанъ въ дѣла Афганистана. — Вступленіе англійскаго отряда въ Кабулъ и обращеніе Достъ-Магомета въ пенсіонера.—Истребленіе афганцами англійскаго отряда и вторичное занятіе Кабула англичанами.—Признаніе англичанами Достъ-Магометъ-хана эмиромъ Афганистана.

Въ этомъ очеркѣ намѣреваемся сообщить о событіяхъ за послѣдніе три года въ той части Афганистана, которая знакома съ политическими невзгодами, опредѣлявшими такъ или иначе ея судьбу, съ весьма отдаленнаго времени.

Не углубляясь за подробностями въ исторію, которая одна можетъ отвѣтить на вопросъ: почему Афганскій Туркестанъ—этотъ ключъ Турана—несъ всегда самую тяжелую отвѣтственность за свое географическое положеніе на путяхъ въ Индію,

[1]) Напечатано въ 1881 г.

[2]) При чтеніи этой статьи удобнымъ указателемъ географическаго положенія страны можетъ служить сорокаверстная карта Туркестанскаго военнаго округа, изд. 1877 года, а также карта театра войны (1878—1879 г.) въ Афганистанѣ, изданная топ. отд. Главнаго Штаба.

Персію, Туркестанъ, Китай, отмѣтимъ кратко главные періоды въ жизни этой страны, чтобы сообщить болѣе подробно о событіяхъ послѣдняго трехлѣтія, какъ сосредоточившихъ на себѣ всеобщее вниманіе и въ Средней Азіи, и въ Европѣ.

Благодаря такимъ восточнымъ историческимъ источникамъ, какъ Наршахи, Зафернамахъ, Тарихи-Джиганкуша, Шейбанинамахъ, Мекимъ-хана, которые послужили для г. Вамбери матеріаломъ къ составленной имъ „Исторіи Бухары", извѣстно, что та значительная территорія между лѣвымъ берегомъ Аму-дарьи (Оксъ) и подножіемъ Гиндукуша, которая вмѣщаетъ въ себѣ теперь округа Чарджуй, Норазымъ, Керки, Келифъ—Бухарскаго ханства и собственно Афганскій Туркестанъ—съ Балхомъ, Ахча, Кундузомъ, составляла съ полтора вѣка до Р. Х. часть имперіи Александра Македонскаго (Зуль Кернойль), называвшуюся Трансоксанія. Уже въ то время эта страна выдавалась своею густою населенностью въ округахъ Тахаристанъ (Балхъ), Земъ (Керки), Амуль (Чарджуй),—выдавалась своей привлекательной культурой и играла значительную роль въ торговлѣ Средней Азіи и западнаго Китая съ Индіей. А позднѣе, когда окончилось владычество грековъ, и этотъ клочокъ Великой имперіи зажилъ самостоятельною политическою жизнью. Его новое названіе „Хоразанъ" повторяется въ исторіи Средней Азіи все чаще, по характеру той роли, которую приходилось занять этой странѣ подъ вліяніемъ вторженія въ 666 г. по Р. Х. арабовъ, утвердившихъ здѣсь, въ теченіе слишкомъ двухсотлѣтняго господства въ Средней Азіи, религію Магомета, вмѣсто ученія Зороастра, которому поклонялось все иранское населеніе Хоразана.

Распространеніе арабами новаго культа религіи по всей Средней Азіи, гдѣ, начиная отъ Бухары, рядомъ съ нарызмомъ, укрѣпился еще за два вѣка до Р. Х. тибетскій буддизмъ, рѣзко измѣняетъ и политическую судьбу Хоразана.

Войдя въ составъ владѣній арабской династіи Зіодъ-бини-суфіанъ, простиравшихся чрезъ весь Туркестанъ и Фергану за Кашгаръ, Хоразанъ, оставаясь подъ управленіемъ намѣстни-

ковъ, рано принимаетъ и самъ участіе въ распространеніи ислама въ странѣ туранцевъ и монголовъ. Эта миссіонерская роль Хоразана, реализируясь неумолкавшими войнами съ сосѣдями на правомъ берегу Окса, рано устанавливаетъ и политическое преобладаніе его надъ Бухарой, которое продолжалось при династіяхъ Кутейбе (874 — 907) и саманидахъ (874—907) до тѣхъ поръ, пока волна завоеваній разливалась съ юга, пока Балхъ [1]) державъ пальму исламитскаго превосходства (Кубекуль-Исламъ) надъ всею западною Азіею.

Появленіе затѣмъ кочевыхъ турокъ съ сѣверо-востока (907) и съ запада (1004 г.), нанеся сильный ударъ древне-иранской культурѣ на берегахъ Согда (Зеравшанъ) и Окса (Амударья), разрушаетъ на нѣкоторое время политическую связь Хоразана, Бухары и Хорезма (Хива), какъ составныхъ частей обширной имперіи послѣдней иранской династіи саманидовъ.

Начавшійся династіей сельджукидовъ турецко-татарскій періодъ (1004—1218), продолженіемъ котораго былъ монгольскій періодъ (1218 — 1363) съ знаменитымъ завоевателемъ Чингизомъ (1218—1226), измѣнили не только политическій, но и общественный строй среднеазіатскихъ государствъ, истребивъ послѣдніе слѣды иранской народности и древней культуры.

Такъ какъ турецкіе и монгольскіе ханы этихъ періодовъ считали всегда своею резиденціею городъ Бухару, то Самаркандъ —эти двѣ жемчужины восточно-магометанскаго міра, то остальныя провинціи ихъ гигантскихъ имперій, охватывавшихъ окраинами долины Волги, Евфрата, Инда и Персидскаго залива, оставались вассальными данниками подъ управленіемъ ханскихъ родственниковъ и любимцевъ.

Такимъ образомъ при сельджукидахъ (1004 — 1133) и чингизовичахъ (1226—1363), несмотря на оплотъ, встрѣченный Чингизомъ сильной до монголовъ династіи хорезмійцевъ,

[1]) Уже двѣсти лѣтъ древній городъ Балхъ представляетъ одни развалины. Все населеніе его перешло въ Мазари-Шерифъ и Ташкурганъ, навсегда покинувъ крайне нездоровый Балхъ.

вынудившей этого завоевателя проникнуть въ 1221 году чрезъ Балхъ и Кабулъ на Индъ, Хоразанъ окончательно уступилъ свое политическое первенство Бухарѣ, соперничавшей уже тогда своей наукой и культурой съ Балхомъ, Нишабуромъ и Мервомъ.

Сорокадвухлѣтнее, побѣдоносное, славное царствованіе эмира Тимура (1333—1405), выдвинувъ снова на историческую арену турецкій элементъ, положивъ конецъ господству монголовъ, возстановило порядокъ въ потрясенной чингизовичами странѣ и опредѣлило политическую роль Бухары, Хоразана и друг., какъ олигархическихъ провинцій государства, простиравшагося отъ Иртыша до Ганга и отъ пустыни Гоби до Мраморнаго моря.

Наслѣдовавшій царство Тимура, сынъ его, намѣстникъ въ Индіи, Пиръ-Магометъ-ханъ, и послѣдующіе потомки этого дома не только не выполнили предсмертнаго плана геніальнаго завоевателя, собиравшагося сдѣлать данникомъ своимъ и Китай, но были безсильными свидѣтелями превращенія, въ теченіе столѣтія, огромнаго гасударства въ ханство Бухарское съ его олигархіей вмѣсто государственнаго единства.

Этотъ закатъ счастливой звѣзды азіатскихъ завоевателей надъ оканчивавшимся въ Европѣ бурнымъ періодомъ среднихъ вѣковъ не удалось поддержать и знаменитому Шейбани-Магометъ-хану (1500 — 1510), вождю татарскаго племени узбековъ, населявшаго область Голубой орды, между Волгой и Аральскимъ моремъ.

Хлынувъ съ запада на масульманское царство послѣ окончательнаго разоренія Золотой орды, узбеки Эбулхаиръ-хана скитались скромно по пустынѣ Средней Азіи, пока внукъ этого вождя, Шейбани-Магометъ-ханъ, не вступилъ въ борьбу съ тимуридами, которая привела къ смѣнѣ этой династіи и къ сильному поднятію политическаго значенія Персіи. Послѣднія побѣды персидскаго шаха Измаила надъ Шейбани привели также къ отпаденію отъ Бухары земель лѣваго берега Аму-дарьи и къ прекращенію навсегда этнографическихъ переворотовъ въ

Средней Азіи, гдѣ узбеки остались единственнымъ господствующимъ племенемъ.

Ближайшіе воинственные потомки Шейбани, Обейдуллахъ-ханъ, Кючкендже и знаменитый своими военными и государственными способностями Абдулла-ханъ, хотя отмѣтили въ исторіи свое царствованіе успѣшными войнами съ Персіей, возвращеніемъ всѣхъ отпавшихъ провинцій включительно съ Кундузомъ, Балхомъ, Хивою и Мешхедомъ, но это случайное величіе продолжалось не долго.

Частыя войны съ Персіей, столкновенія съ геніальнымъ Баберомъ, основателемъ монгольской имперіи въ Индіи, довели царство шейбанидовъ до такого истощенія, что наслѣдовавшіе имъ аштарханиды изъ монгольскаго племени, занимавшаго низовье Волги, въ первый же годъ царствованія Динъ-Магомета (1597), потерпѣвъ страшное пораженіе отъ Аббаса шаха персидскаго, лишились вассальнаго Хорезма.

Затѣмъ, въ періодъ царствованія послѣднихъ аштарханидовъ Иманкулы-хана, Абдулъ-Азисъ-хана, Субханкуллы-хана, южная часть Бухарскаго ханства за Аму-дарьей хотя выносила удары персіянъ и вторженіе изъ Индіи полчищъ наслѣдниковъ Бабера-мирзы, Джигангира и Шахъ-Джигана (1650 г.), но весь Хоразанъ съ полувассальнымъ горнымъ Бадахшаномъ былъ составною частью ханства, и Бухара все еще пользовалась такимъ уваженіемъ и почетомъ, что и ко двору Субханкуллы-хана (1680) являлись посольства съ дорогими приношеніями отъ владѣтелей Кашгара, Индіи, Крыма.

Вражда, возникшая послѣ смерти Субханкуллы-хана между его сыновьями Мукимъ-ханомъ, управлявшимъ Балхомъ, и Абейдулла-ханомъ, дѣйствовавшимъ изъ Бухары подъ вліяніемъ своего визиря Рахимъ-бія-Аталыпа изъ племени Мангитъ, привела къ раздробленію ханства (1717 г.), чѣмъ воспользовался Надиръ-шахъ персидскій. Этотъ послѣдній азіатскій всемірный боецъ, успѣшно сразившись съ арміей въ Грузіи и Арабистанѣ, раскинувъ границы своего государства до береговъ Инда, не только завладѣлъ всѣмъ лѣвымъ берегомъ Аму-дарьи, но, придвинувшись (1740) за своей арміей къ самой Бухарѣ, заставилъ явиться въ свой лагерь Эбулфеизъ-хана, чѣмъ былъ нанесенъ чувствительный ударъ верховной власти этого эмира, послѣдняго царственнаго представителя изъ дома аштарханидовъ.

Послѣ насильственной смерти Эбулфеизъ-хана и его сыновей, въ Бухарѣ открылись междуцарствіе, внутренніе раздоры многочисленныхъ партій, которыми и воспользовался самый выдающійся представитель узбекскаго племени Мангитъ, Беги-Джанъ (принцъ) Шахмурадъ, сынъ Даніаръ-бія, внукъ визиря Рахимъ-Аталыпа. Сначала приглашенный быть визиремъ, этотъ „благочестивый“ узбекъ, скрывавшійся до того времени въ медрессе и мечетяхъ подъ рубищами дервиша, устраняетъ на покой своего государя Абулгази-хана и, поддерживаемый сильной партіей одноплеменниковъ, провозглашаетъ себя эмиромъ (1784 г.).

Какъ и ожидали всѣ отъ набожнаго владѣтельнаго сунита, эмиръ Шахмурадъ-Махзумъ, вскорѣ по вступленіи на царство, начинаетъ войну съ Персіей во имя вѣры (газа) и для возстановленія бывшей границы своего ханства за Аму-дарьей.

Наэлектризированные фанатической непріязнью къ шіитамъ-персіянамъ, давно уже наполнявшимъ рынки Бухары своими невольниками, узбеки съ успѣхомъ овладѣли Мервомъ (1787), все населеніе котораго было тогда же переселено насильно въ Бухару.

Предпринятый Махзумомъ въ слѣдующемъ году походъ противъ Мешхеда хотя и не удался, но поощрилъ узбековъ къ грабежу восточныхъ границъ Персіи настолько, что такое систематическое опустошеніе владѣній шаха Ага-Мебаммедъ-хана продолжалось почти десять лѣтъ, до 1797 года.

Однако, несмотря на всѣ усилія эмира Махзума и послѣдующихъ эмировъ изъ этой же династіи, имъ не удавались замыслы присоединить къ своимъ владѣніямъ отнятый Надиръ-шахомъ въ 1736 году Хоразанъ, который и оставался съ тѣхъ поръ подъ управленіемъ персидскихъ князей, переимено-

вавшихъ эту провинцію въ Чаръ-Вилайятъ по числу отдѣльныхъ округовъ Меймене, Ахча, Балхъ, Кундузъ.

Но главнымъ образомъ осуществленію этихъ плановъ бухарцевъ возстановить южную границу помѣшало образованіе смежнаго Афганскаго ханства.

Незначительное въ семнадцатомъ вѣкѣ племя афганцевъ арійскаго происхожденія, занимая вначалѣ территорію въ горной Сулеймановой цѣпи, на пути прохожденія въ Индію монгольскихъ и турецкихъ завоевателей, до начала восемнадцатаго вѣка платило дань и поставляло контингентъ воиновъ то Индіи, то Персіи. Распаденіе монархіи послѣдняго могола въ Индіи, Магометъ-шаха (1742 г.), съ одной стороны, и ослабленіе узбекскаго правленія на Оксѣ—съ другой, помогаетъ афганцамъ образовать самостоятельное владѣніе съ олигархіей изъ множества вождей четырехсотъ племенъ, на которыя дѣлятся афганцы и теперь. Со смертію же, въ 1747 году, персидскаго завоевателя Надиръ-шаха, боевому спутнику его, афганцу изъ племени Дурани Ахмедъ-хану (1747—1778 г.), удается сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ всего Афганистана съ Чаръ-Вилайятомъ на сѣверѣ, Мешхедомъ и Астрабадомъ на западѣ и Пенджабомъ на югѣ.

Пока эмирствовалъ энергичный, дѣятельный основатель Афганскаго ханства, оно и держалось въ тѣхъ предѣлахъ, какими опредѣлилъ его Ахмедъ-ханъ; но уже сыну его Тимуръ-шаху, сдѣлавшемуся эмиромъ въ 1778 году, пришлось испытать и борьбу съ врагами внѣшними, пытавшимися возвратить (эмиръ Махзумъ) отпавшія провинціи (Балхъ), и такую же опасную борьбу съ внутренней олигархіей, всегда раздиравшей Афганистанъ, и въ мирное время, и въ самые трудные для него годы распри съ сосѣдями на югѣ.

Въ 1793 году, послѣ смерти Тимуръ-хана, интриги болѣе сильнаго племени боракзіевъ передали власть эмира младшему его сыну Заманъ-шаху. Оставаясь подъ вліяніемъ вожаковъ своей партіи, этотъ юный эмиръ, мечтая о завоеваніи Индіи, вторгается въ Пенджабъ, отдѣлившійся еще при Ахмедъ-ханѣ,

но, по интригамъ англичанъ, кончаетъ тѣмъ, что, послѣ неудачнаго столкновенія съ Персіей, потерялъ престолъ и былъ ослѣпленъ.

Наслѣдовавшій Заманъ-шаху, его всегдашній соперникъ, старшій братъ Махмудъ-ханъ эмирствовалъ только одинъ годъ и, оставивъ Афганистанъ, вынужденъ былъ укрываться въ Бухарѣ отъ преслѣдованій своего соперника Шахъ-Шуджи, сдѣлавшагося эмиромъ при содѣйствіи партіи единоутробнаго брата своего Заманъ-хана. Малоспособный, вялый эмиръ этотъ въ первое же время сдѣлался орудіемъ англійской политики въ Индіи, склонившей тогда Афганистанъ и Персію къ дружественному союзу противъ предполагавшагося вторженія въ Индію арміи Наполеона. Но такое покровительство англичанъ, предусматривавшее въ договорѣ неприкосновенность Дуранійской монархіи, не помогло Шахъ-Шуджѣ въ домашнихъ раздорахъ, и въ 1809 году, вытѣсненный своимъ братомъ Махмудомъ, онъ послѣ долгаго и полнаго лишеній скитальчества принимаетъ въ Лудіанѣ покровительство англичанъ съ ежегодной пенсіей въ 120.000 рублей.

Возвращеніе изъ Бухары бывшаго эмира Махмуда внесло въ Афганистанъ внутреннюю неурядицу, распаденіе ханства на удѣлы по племенамъ и междоусобныя распри соперничавшихъ за первенство племенныхъ вождей, которыя продолжались почти двадцать лѣтъ, пока въ 1828 году не утвердился на кабульскомъ престолѣ узурпаторъ изъ племени боракзіевъ Достъ-Магометъ-ханъ.

Въ этотъ-то почти сорокалѣтній періодъ внутреннихъ безпорядковъ въ Афганистанѣ, его сѣверная провинція, названная Туркестаномъ, дѣлается автономною подъ управленіемъ своихъ племенныхъ старшинъ-бековъ, скоро превратившихся въ вассаловъ Бухары и Персіи (Меймене), которымъ они дѣлали подарки (тортуки) вмѣсто дани и поставляли воиновъ. Для эмира Насрулла-хана (1826—1860 г.) не составило бы труда тогда же присоединить къ бухарскимъ владѣніямъ весь Чаръ-Вилайятъ, но совершенно опустошенная страна эта мало

представляла привлекательнаго, и бухарцы ограничились удержаніемъ своего управленія только по одному лѣвому берегу Аму-дарьи, отъ Чарджуя до Келифа, никогда не принадлежавшему афганцамъ ни раньше, ни послѣ. Вниманіе войнолюбиваго эмира Насрулла-хана отрывалось еще отъ южной границы ханства и частыми походами его противъ Коканда, и постепеннымъ движеніемъ русскихъ аванпостовъ къ Сыръ-дарьѣ, откуда до Бухары всего шестнадцать дней удобнаго караваннаго пути въ 700 верстъ [1]).

Не долго однако продолжалась и вассальная зависимость Чаръ-Вилайята отъ Бухары. Энергичный, искусный столько-же въ войнѣ и политикѣ, сколько и въ государственныхъ дѣлахъ, Достъ-Магометъ-ханъ правильно считалъ Чаръ-Вилайятъ кормильцемъ бѣднаго горнаго Афганистана и скоро съумѣлъ возстановить надъ нимъ свое право эмира. Съ тѣхъ поръ Чаръ-Вилайятъ или, какъ его начали называть, Афганскій Туркестанъ всегда былъ исправнымъ данникомъ дому бараксіевъ, которые и управляли имъ чрезъ намѣстниковъ (наибы), ближайшихъ родственниковъ царствующаго эмира.

Насколько для Достъ-Магометъ-хана было безопасно непосредственное сосѣдство бухарскаго эмира, охотно обмѣнившагося посольствами, на столько же становилось безпокойнымъ сосѣдство съ англо-индійскими владѣніями, которое довело его въ 1837 году къ потерѣ ханства и къ бѣгству въ Бухару. Извѣстны послѣдствія для англичанъ этого активнаго вмѣшательства въ дѣла Афганистана подъ предлогомъ грозившихъ, будто-бы, отъ афганскаго эмира старинному союзнику британцевъ Ренджитъ-Сингу, магараджѣ Пешаура. Соперникомъ Достъ-Магометъ-хана былъ выставленъ пенсіонеръ, старый Шахъ-Шуджа, который и занялъ въ началѣ 1838 года Кандагаръ при содѣйствіи англійскаго отряда и безъ всякаго сопротив-

[1]) Путь этотъ идетъ отъ Казалинска слѣдующими колодцами: Боскуль, Утебашъ, Ишбергень, Джабага, Аксубатъ, Яманъ-Чагатакъ, Апритау, Аккудукъ, Чаголокъ, Яны-дарья, Тулегень, Буканъ, Юзъ-кудукъ, Капка-ташъ, Джаманъ-кизылъ, Джанги-кудукъ, Амантай, Коранъ, Агитма, Шурна, Хатунъ, Коготанъ, Бухара.

ленія. Англійская двадцатипятитысячная армія прошла побѣдоносно однимъ отрядомъ въ теченіе лѣта чрезъ Газни, павшій въ одни сутки отъ взрыва верковъ, разсѣяла подъ Кабуломъ двадцатитысячное скопище Достъ-Магометъ-хана, не принявшее боя, бросившее свою артиллерію, и 7-го того же августа заняла Кабулъ. Потерпѣвъ въ то же лѣто полное пораженіе отъ англичанъ за Баміаномъ, Достъ-Магометъ-ханъ бѣжалъ сначала въ Бухару, но, не встрѣтивъ должнаго гостепріимства отъ эмира Насрулла-хана, вынужденъ былъ вернуться въ горы, гдѣ все дышало ненавистью къ новому эмиру Шахъ-Шуджѣ и къ его союзникамъ-англичанамъ. Попытавшись неудачно еще сразиться съ англо-индійскими войсками, Достъ-Магометъ-ханъ отдался, въ концѣ 1840 года, подъ покровительство англичанъ и былъ отосланъ въ Индію съ пенсіономъ въ 120,000 рублей ежегодныхъ.

Такое удачное упраздненіе одного опаснаго борца за эмировскій тронъ не успокоиваетъ Афганистана, не упрочиваетъ нисколько положеніе Шахъ-Шуджи, котораго афганцы считали эмиромъ несчастья. Горцы рѣшительно не признавали насильно установленное англичанами правительство и все время вели совѣщанія свергнуть это нашествіе. Неосторожное оставленіе англійскимъ гарнизономъ форта Бала-Гисаръ, командующаго надъ городомъ Кабуломъ, и рядъ ошибокъ англійскихъ военачальниковъ помогли афганцамъ освободиться отъ нежеланнаго „эмира несчастья“ и его покровителей.

Въ теченіе всего лѣта 1841 года, испытавъ въ стычкахъ съ смѣлыми партизанами-горцами всѣ невыгодныя послѣдствія выбора слабой позиціи внѣ города, лишившись въ ноябрѣ мѣсяцѣ интендантскихъ складовъ и всего продовольствія, захваченныхъ афганцами, укрѣпившими городъ, войскамъ англійскимъ оставалось, какъ считалъ генералъ Эльфинстонъ, только отступить.

По уговору съ предводителемъ возстанія, сыномъ Достъ-Магометъ-хана, Акберъ-ханомъ, англичане, оставшись безъ своихъ политическихъ агентовъ Борнса и Мекнэхтена, изруб-

ленныхъ чернью, обязывались вывести свои войска, убрать Шахъ-Шуджу и возвратить эмира Достъ-Магометъ-хана. Было условлено также, что артиллерія, кромѣ шести пушекъ, и всѣ женатые люди съ женами и дѣтьми останутся въ Кабулѣ, въ качествѣ заложниковъ, до возвращенія Достъ-Магометъ-хана.

Остатки англійскаго отряда, въ числѣ 4500 человѣкъ войска и 12,000 человѣкъ разной прислуги, начали отступленіе 6-го января 1842 года. Едва отрядъ вытянулся на третій день въ тѣсномъ ущельѣ Хурдъ, на пути въ Пешауръ, какъ былъ окруженъ огромными скопищами афганцевъ изъ племени Гильджаи и потерялъ значительное число людей. Давъ пройти впередъ обезсилѣвшей колоннѣ, 9-го января, афганцы напали на нее въ глубокой тѣснинѣ Тангитаръ, всего въ десять футовъ шириною, и залпами ружей, каменьевъ, окончательно истребили отрядъ. Тринадцатаго числа осталось отъ всего войска 20 офицеровъ и сорокъ пять нижнихъ чиновъ, но имъ не удалось добраться въ Джалалабадъ, гдѣ съ трудомъ держался небольшой отрядъ генерала Сэль.

Точно также былъ истребленъ отрядъ полковника Пальмера въ Газни.

Послѣ такого бѣдственнаго исхода этой кампаніи, преемникъ лорда Окленда, генералъ-губернатора Индіи, лордъ Эленборо рѣшилъ возстановить честь англійскаго оружія новой экспедиціей. На этотъ разъ двадцати-тысячный отрядъ генерала Поллока исполнилъ задачу легко, разбилъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, афганскія скопища Акбаръ-хана и 12-го октября окончательно оставилъ Кабулъ, добравшись благополучно въ свои владѣнія.

Отпущенный послѣ этого съ притворными пожеланіями, виновникъ всѣхъ бѣдствій и пораженій англичанъ, Достъ-Магометъ-ханъ восторженно былъ принятъ афганцами вновь.

Вся магометанская Азія ликовала такому громкому пораженію невѣрныхъ англичанъ, и эта ненависть къ ференги отдала въ Бухарѣ въ руки рѣзника англійскихъ посланниковъ Стоддарта и Конолли, явившихся въ 1838 году къ эмиру

Насрулла-хану съ увѣреніями, что ему вовсе нечего бояться вліянія британцевъ въ Афганистанѣ, а слѣдуетъ обратить взоры на завоевательные въ Азіи планы Россіи.

Этотъ второй періодъ царствованія Достъ-Магометъ-хана (1842—1863 г.) прошелъ для Афганистана вполнѣ спокойно.

Наученные весьма чувствительнымъ урокомъ, англичане воздерживались тринадцать лѣтъ отъ всякихъ дипломатическихъ сношеній съ эмиромъ и только въ 1855 году сложныя политическія обстоятельства заставили ихъ заключить денежную сдѣлку съ Достъ-Магометомъ [1]), которая избавила Пенджабъ отъ афганскаго вторженія во время возстанія сипаевъ въ 1857 году.

II.

Вторичное воцареніе Достъ-Магомета упрочиваетъ его значеніе извнѣ и въ ханствѣ.—Послѣ семимѣсячной успѣшной блокады Герата, Достъ-Магометъ-ханъ умираетъ, назначивъ эмиромъ Ширъ-Али-хана.—Шестилѣтнія войны Ширъ-Али-хана съ своими братьями и племянникомъ Абдъ-Уль-Рахманъ-ханомъ приводятъ къ бѣгству мятежныхъ претендентовъ и къ возстановленію въ Афганистанѣ внутренняго спокойствія.—Свѣдѣнія о главныхъ событіяхъ въ Афганистанѣ въ періодъ съ 1869 года по 1879 годъ.—Кровавыя событія въ Афганскомъ Туркестанѣ послѣ смерти Ширъ-Али-хана. – Провозглашеніе эмиромъ Якубъ-хана.—Прибытіе въ Чаръ-Вилайятъ намѣстника Гулямъ-Гайдаръ-хана.

Вполнѣ мирныя внѣшнія отношенія, установившіяся послѣ вторичнаго воцаренія Достъ-Магометъ-хана, позволили этому эмиру укрѣпить свой авторитетъ главы ханства и надъ своевольными племенами горцевъ, не перестававшими время отъ времени заявлять свои кровожадные инстинкты, и надъ вассалами въ Туркестанѣ, которыхъ пришлось замѣнить намѣстничествомъ. по примѣру тому, какъ управлялись западныя провинціи ханства—Кандагаръ и Гератъ. Такимъ намѣстникомъ въ Чаръ-Вилайятѣ былъ назначенъ сынъ эмира Афзаль-ханъ, по матери изъ племени Мамази.

Въ 1863 году престарѣлый Достъ-Магометъ-ханъ, истом-

[1]) Англичане платили Достъ-Магометъ-хану ежегодную субсидію въ 700,000 рублей.

ленный десятимѣсячной осадой Герата, умирая въ этомъ городѣ, чрезъ семь дней послѣ его паденія, которому предшествовала смерть мятежнаго защитника Султанъ-Джана, передалъ свою шашку, чалму и съ ними Афганское ханство своему любимому сыну Ширъ-Али-хану, по матери изъ племени Вазири. Выборъ палъ на Ширъ-Али-хана и потому, что онъ единоутробный братъ знаменитаго Акберъ-хана, виновника пораженія англичанъ, и потому, что опытный эмиръ вѣрилъ въ его дѣйствительныя способности. Не такъ однако разсуждали всѣ его наличные взрослые братья: Афзаль-ханъ, Азимъ-ханъ, Асламъ-ханъ, Хусейнъ-ханъ, Аминъ-ханъ и Магометъ-Шерифъ-ханъ [1]). Съ свойственной всѣмъ афганцамъ завистью, вѣроломствомъ, властолюбіемъ, они единодушно протестовали противъ безповоротнаго рѣшенія отца и отказались признать Ширъ-Али-хана эмиромъ, въ тѣхъ разсчетахъ, конечно, какіе таилъ каждый изъ нихъ, чтобы, проглотивъ соперниковъ, самому сдѣлаться эмиромъ.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ назначенія Ширъ-Али-хана эмиромъ, обойдя старшаго изъ сыновей, Афзаль-хана, было немедленное бѣгство изъ Герата всѣхъ братьевъ, которые усѣлись въ разныхъ округахъ ханства и объявили, что не признаютъ Ширъ-Али-хана эмиромъ.

Имѣя все-таки достаточно приверженцевъ, Ширъ-Али-ханъ оставляетъ въ Гератѣ своего младшаго сына, юнаго Якубъ-хана, и двигается въ Курумъ противъ Азимъ-хана, единоутробнаго брата Афзаль-хана, захватившаго Чаръ-Вилайятъ (Туркестанъ). Чувствуя себя безсильнымъ сопротивляться, Азимъ-ханъ просилъ, чрезъ своего сына Серверъ-хана, примиренія съ эмиромъ, но лично не являлся, обѣщая пріѣхать въ Кабулъ, занятый тогда же Ширъ-Али-ханомъ.

Подготовившись въ теченіе зимы, Азимъ-ханъ угрожаетъ наступленіемъ совмѣстно съ Серверъ-ханомъ, успѣвшимъ бѣжать изъ Кабула. Однако войска Ширъ-Али-хана, дѣйствуя подъ

[1]) Дост-Магометъ-ханъ оставилъ всего шестнадцать сыновей.

командой сердаря Рафика, успѣли разбить въ Курумѣ азимхановцевъ какъ разъ въ то время, когда самъ эмиръ, съ опытнымъ военачальникомъ сердаремъ Фати-Магометомъ, разбилъ скопища старшаго своего брата Афзаль-хана при Боджго, недалеко отъ Баміана, куда и явился этотъ смирившійся претендентъ для примиренія и присяги законному эмиру.

Помирились. Ширъ-Али-ханъ объявилъ брату, что распредѣлитъ округа между братьями по своему усмотрѣнію, и вмѣстѣ съ Афзаль-ханомъ, отправился въ Чаръ-Вилайятъ.

Пробывъ въ Ташкурганѣ недѣлю, Ширъ-Али-ханъ поѣхалъ въ Мазари-шерифъ—поклониться гробницѣ Али и пожелалъ видѣть Абдъ-Уль-Рахманъ-хана, который, сидя съ гарнизономъ въ Тахтапулѣ, и не догадывался явиться къ дядѣ эмиру. Принужденно представившись затѣмъ Ширъ-Али-хану, племянникъ получилъ отъ него жестокое замѣчаніе за то, что явился къ нему, противъ этикета, во всеоружіи, и, конечно, обидѣлся по-афгански.

Не видя искренности ни въ братѣ, ни въ племянникѣ, эмиръ тогда же взялъ съ собою въ Кабулъ Афзаль-хана, но Абдъ-Уль-Рахманъ-ханъ успѣлъ бѣжать въ Бухару. Намѣстникомъ въ Туркестанѣ оставленъ сердарь Фати-Магометъ, о которомъ было уже говорено.

Прошло два года. Весною открылись военныя дѣйствія эмира противъ Кандагара, гдѣ упорно сопротивлялись единоутробные братья Магометъ-Аминъ-ханъ и Магометъ-Шерифъ-ханъ. Въ теченіе пятидесяти дней здѣсь была ужасная по своему ожесточенію битва, какой не запомнятъ горцы, битва, въ которой пали защитникъ города Магометъ-Аминъ-ханъ, братъ Ширъ-Али-хана отъ другой матери, и старшій сынъ эмира, Магометъ-Али-ханъ.

Кандагаръ былъ наконецъ взятъ эмиромъ, но потеря любимаго сына такъ тяжело подѣйствовала на Ширъ-Али-хана, что онъ впалъ въ уныніе и хотѣлъ отказаться отъ ханства. Подмѣтивъ такое настроеніе эмира, единоутробные братья Вали-Магометъ-ханъ, сидѣвшій въ Кабулѣ, и Файзи-Магометъ-ханъ,

управлявшій округомъ Ахча, вызвали изъ Бухары Абдъ-Уль-Рахманъ-хана, который и явился въ Чаръ-Вилайятъ, легко выгнавъ оттуда намѣстника Фати-Магомета, такъ какъ контингентъ войскъ у него оставался афзальхановскій.

Услыхавъ объ успѣхѣ Абдъ-Уль-Рахманъ-хана, Азимъ-ханъ, проживавшій до того въ Суатѣ, на англійской пенсіи, явился въ Чаръ-Вилайятъ. Племянникъ и дядя двинулись немедленно, среди зимы, изъ Ташкургана чрезъ Баміанъ и безъ труда заняли Кабулъ, такъ какъ Ширъ-Али-ханъ не имѣлъ никакой возможности подать помощь изъ Кандагара, разобщеннаго съ долиной Кабула снѣжными заносами.

Исполнилось три съ половиною года безпокойнаго все еще эмирства Ширъ-Али-хана, заболѣвшаго, оказалось, только временнымъ унынiемъ. Не теряя времени, ранней весною эмиръ пришелъ съ войсками, между Газни и Кабуломъ, въ Сеидъ-Абадъ и, потерпѣвъ здѣсь, вслѣдствіе измѣны войскъ, сильное пораженіе отъ скопищъ Афзаль-хана и Абдъ-Уль-Рахманъ-хана, вернулся въ Кандагаръ. Чрезъ шесть мѣсяцевъ, начавъ снова наступательныя военныя дѣйствія и будучи разбитъ вторично Абдъ-Уль-Рахманъ-ханомъ при Келатѣ, Ширъ-Али-ханъ долженъ былъ возвратиться теперь въ Гератъ.

Такимъ образомъ, въ четвертый годъ эмирствованія Ширъ-Али-хана, Кабуломъ и Туркестаномъ владѣетъ Афзаль-ханъ съ братомъ Азимъ-ханомъ и сыномъ Абдъ-Уль-Рахманъ-ханомъ. Но это не успокаиваетъ Афганистанъ. Оставшійся въ Чаръ-Вилайятѣ, одинъ изъ братьевъ эмира, Файзи-Магометъ-ханъ, узнавъ объ арестованіи въ Кабулѣ брата его Вали-Магометъ-хана, отложился отъ Афзаль-хана, разбилъ два раза высланные противъ него отряды Серверъ-хана и пригласилъ изъ Герата Ширъ-Али-хана, который не замедлилъ прибыть, чрезъ Меймене, въ Ташкурганъ.

Приготовившись въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, Ширъ-Али-ханъ двинулся съ войсками за Гиндукушъ, но, лишившись въ битвѣ при Черикерѣ храбраго Файзи-Магомета, принужденъ былъ возвратиться въ Чаръ-Вилайятъ, гдѣ узналъ о смерти главнаго

претендента Афзаль-хана, скончавшагося въ Кабулѣ отъ холеры въ самый день битвы Абдъ-Уль-Рахманъ-хана при Черикерѣ.

Смерть Афзаль-хана нисколько однако не разрѣшала смуты: претендентомъ выступилъ Азимъ-ханъ, который остался въ Кабулѣ, отправивъ въ Чаръ-Вилайятъ Абдъ-Уль-Рахманъ-хана, лишь только Ширъ-Али-ханъ удалился въ Гератъ.

Законный эмиръ вовсе не былъ расположенъ смириться предъ братьями-измѣнниками, не разъ заклеймившими уже себя клятвопреступленіемъ, и, въ то время, когда Абдъ-Уль-Рахманъ-ханъ осаждалъ безуспѣшно Меймене, отправилъ свои войска съ сыномъ Якубъ-ханомъ и сердаремъ Фати-Магометомъ противъ Кандагара, гдѣ усѣлись сыновья Азимъ-хана, Серверъ-ханъ и Абдулъ-Азизъ-ханъ, которые безъ труда были изгнаны отсюда и удалились въ Кабулъ.

Оставивъ сына своего Ибрагимъ-хана управлять Гератомъ, Ширъ-Али-ханъ поспѣшилъ въ Кандагаръ, собралъ здѣсь войска, напомнилъ имъ завѣтъ ихъ бывшаго вождя Достъ-Магометъ-хана не щадить жизни для своего законнаго эмира и двинулся противъ Кабула. Близъ Газни, на мѣстности Мурсалъ, скопища Азимъ-хана были разбиты, самъ онъ удалился въ Чаръ-Вилайятъ, и Кабулъ открылъ свои ворота Ширъ-Али-хану.

Второй претендентъ не успокоивался однако. Азимъ-ханъ вновь собралъ скопища въ Туркестанѣ и повелъ ихъ вмѣстѣ съ Абдъ-Уль-Рахманъ-ханомъ противъ Кабула. На этотъ разъ счастье отвернулось отъ маленькаго Тимура, побѣждавшаго больше свойствомъ войскъ, готовыхъ измѣнять въ день по десяти разъ, и, потерпѣвъ не далеко отъ Газни полное пораженіе, Абдъ-Уль-Рахманъ-ханъ вмѣстѣ съ Азимъ-ханомъ и многими другими сердарями удалился въ Персію, откуда явился въ 1870 году чрезъ бухарскія владѣнія въ Самаркандъ.

Годомъ позже бѣгства Абдъ-Уль-Рахманъ-хана въ Персію, изгнанный безъ труда изъ Чаръ-Вилайята, сердарь Исакъ-ханъ, сынъ Азимъ-хана, пріютился въ Бухарѣ, уступивъ на-

мѣстничество въ Туркестанѣ Магометъ-Аглямъ-хану, посланному Ширъ-Али-ханомъ.

Мы разсказали подробно исторію воцаренія Ширъ-Али-хана послѣ шестилѣтней войны съ братьями, для того, чтобы освѣтить тѣ стороны характера афганцевъ, которыми опредѣляется уровень нравственнаго развитія этого народа, степень пониманія имъ своего долга, степень политическаго самопознанія, указывающаго каждой націи путь коллективнаго согласія, путь твердой преданности интересамъ своего отечества,—тотъ путь, на который трудно стать полудикому народу со всѣми нравственными недостатками и съ очень немногими достоинствами.

Обходя подробности хорошо всѣмъ извѣстныхъ политическихъ перипетій, склонившихъ Ширъ-Али-хана, силою подкуповъ, къ притворной покорности англичанамъ, кончившейся оставленіемъ эмиромъ Кабула, отмѣтимъ кратко главныя событія его царствованія.

Въ 1869 году войска Ширъ-Али-хана занимаютъ Бадахшанъ, никогда фактически не принадлежавшій Афганистану.

Въ 1872 году, по соглашенію Россіи съ Англіей, Афганистанъ включенъ въ охранительный нейтральный поясъ, ширина котораго: изъ Ферганы чрезъ Памиръ 300 верстъ, изъ Самарканда чрезъ Баміанъ и Кабулъ въ Пешауръ 1000 верстъ, отъ Оша чрезъ Кашгаръ въ Ладакъ 1200 верстъ и отъ устья Атрека (Чикишляръ) чрезъ Мешхедъ—900 верстъ.

Въ 1874 году, послѣ четырехмѣсячной блокады, афганскій отрядъ удачно штурмуетъ верки крѣпости Меймене, и эта самостоятельная до того времени провинція дѣлается составною частью Афганистана.

Въ 1875 году часть нейтральнаго пояса, Квета и Келатъ, отходятъ къ англичанамъ.

Въ исходѣ 1878 года, послѣ отказа Ширъ-Али-хана принять англійское посольство генерала Чэмберлена, англичане переходятъ 9-го ноября афганскую границу, а Ширъ-Али-ханъ, никогда не пользовавшійся популярностью народа за

свою жестокость, несправедливость и безграничную жадность, приведшую населеніе къ нищетѣ, удаляется въ Ташкурганъ, гдѣ умираетъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1879 года отъ гангрены.

Въ азіатскихъ магометанскихъ государствахъ смерть владѣтеля всегда почти вызываетъ одинаковыя временныя явленія: анархію, грабежъ государственной казны (ханъ-талау), борьбу претендентовъ ханскихъ сыновей и, наконецъ, истребленіе соперниковъ съ ихъ родственниками болѣе ловкимъ борцомъ, достигнувшимъ монархической власти.

Эти явленія смѣны деспотическаго режима самой разнузданной анархіей, охватывающей съ одинаковой интенсивностью всѣ классы азіатскаго общества, суть прямыя послѣдствія, съ одной стороны, историческихъ привычекъ народа, какъ дѣятельнаго фактора въ борьбѣ правителей, съ другой—послѣдствія правительственной системы, не имѣющей ни малѣйшаго представленія о государственномъ благѣ, а поглощенной всецѣло девизомъ après nous le deluge. Это правило есть культъ и не однихъ азіатскихъ деспотовъ, но всѣхъ мусульманъ вообще, такъ какъ оно вразумительно проповѣдуется священнымъ кораномъ и мусульманскимъ законоположеніемъ (шаригатъ). Если священныя магометанскія книги ходисса-шерифъ приписываютъ самому пророку поучительные стихи:

Атдунія дорулъ фоно,
валь ахирату даруль боко;
атдунія джигфатунъ
во талибуга киляиъ,

т.-е въ переводѣ съ арабскаго:

Міръ существующій—проходящій,
Міръ загробный—вѣчный;
Міръ земной—погапый,
А цѣнители его—собаки,

то восточные философы (Азизларъ) идутъ въ своихъ комментаріяхъ послѣдовательно и считаютъ міръ дѣйствительный навознымъ шарикомъ, а суетность людскую уподобляютъ тщетнымъ усиліямъ чернаго жука втащить этотъ шарикъ въ свою обитель.

Этотъ-то узко понятый но усердно пропагандируемый духовенствомъ девизъ есть источникъ умственной, духовной, соціальной, политической косности, есть та разрушительная сила, которая привела мусульманскія государства къ распаденію, продолжая свое дѣйствіе и теперь.

Отсюда совершенно понятно, почему государственный строй азіатскихъ ханствъ остается и теперь такимъ, какимъ онъ былъ тысячу лѣтъ назадъ, почему политическая, гражданская жизнь магометанскаго народа, будучи скована доктриной священной книги, идетъ тѣмъ же путемъ регресса, какимъ буддизмъ ведетъ индусовъ, какимъ идутъ всѣ одряхлѣвшіе народы.

Изъ всего вышесказаннаго здѣсь дѣлается понятнымъ и ходъ событій въ Афганистанѣ непосредственно послѣ смерти въ Чаръ-Вилайятѣ Ширъ-Али-хана.

Какъ извѣстно, вынужденно оставляя Кабулъ съ тремя палтанами (баталіоны)—охранителями, афганскій эмиръ предоставилъ вѣдать всѣми дѣлами ханства своему старшему сыну Якубъ-хану. Этотъ принцъ, стремившійся въ 1870 году въ Гератѣ къ независимости, испытавшій зато на себѣ и вѣроломство отца, нарушившаго клятвенное обѣщаніе не карать его, и продолжительное тюремное заключеніе, всегда пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свои способности и справедливость, какъ утверждаютъ, за свое мученичество, опозорившее отца клятвопреступленіемъ. Естественно было поэтому и разсчитывать, что народъ останется на сторонѣ Якубъ-хана, какъ намѣстника и впослѣдствіи эмира. Этого ожидали всѣ за Гиндукушемъ, но къ этому, очевидно, не были приготовлены въ Чаръ-Вилайятѣ ни обнищалый узбекскій народъ, ненавидящій афганцевъ, какъ самыхъ злыхъ тирановъ, ни афганскія войска, проклинавшія свое правительство за то, что оно удерживало ихъ здѣсь безсмѣнно двѣнадцать лѣтъ. Вотъ почему провозглашеніе солдатами, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1879 года, Якубъ-хана эмиромъ Афганистана, хотя и было санкціонировано народной волей въ Кабулѣ, Гератѣ, Кандагарѣ, но встрѣтило протестъ и временное замѣшательство въ Афганскомъ Туркестанѣ.

Вотъ что происходило здѣсь послѣ смерти Ширъ-Али-хана. Восьмаго февраля 1879 года, чувствовавшій приближеніе смерти, эмиръ потребовалъ къ себѣ намѣстника Туркестана, Хушдильхана-Ширдали-ханова, племянника своего зятя Хашимъ-Хожа-Магометъ-Шерифъ-ханова, Нейкъ-Магомета, младшаго сына Достъ-Магометъ-хана и другихъ, объявивъ, что онъ передалъ свою эмировскую шапку сыну своему, Якубъ-хану, еще въ Кабулѣ. Въ этомъ и выражалась воля умиравшаго передать ханство тому самому нелюбимому сыну, который просидѣлъ въ заточеніи и даже въ цѣпяхъ восемь лѣтъ, до самаго отъѣзда Ширъ-Али-хана изъ Кабула, когда на совѣтѣ (дурбаръ) о мѣрахъ противъ угрозъ англичанъ ему было объявлено единогласно всѣми вождями, что съ нимъ народъ не станетъ дѣлить защиту своей родины, что бы тамъ ее ни постигло.

Но слова Ширъ-Али-хана давно уже потеряли свое значеніе, и самъ онъ, какъ извѣстно, былъ восемь лѣтъ въ Кабулѣ въ такомъ положеніи, что никогда не рѣшался сдѣлать изъ цитадели (аркъ) и восьми верстъ, а въ Мазари-шерифѣ его охраняли двѣ тысячи человѣкъ преданныхъ родственниковъ, занимая сильные караулы вокругъ всей ставки эмировской и даже на крышѣ.

Поэтому завѣщанію умиравшаго ненавидимаго эмира не придали ровно никакого значенія, и несчастному тирану досталось отходить въ вѣчность подъ звукъ пушечныхъ выстрѣловъ, раздававшихся изъ Тахтапуля. Этими салютами въ пространство солдаты крѣпости заявляли всенародно, что настало ихъ время распоряжаться дѣлами ханства, и первое, что они сдѣлали, лишь узнали о безнадежномъ положеніи эмира—арестовали своего коменданта Юсуфъ-хана Борката, ограбили имущество всѣхъ своихъ старшихъ начальниковъ за то какъ будто бы, что они позволили себѣ побить и прогнать старшаго сына эмировскаго, Ибрагимъ-хана косноязычнаго

(гунъ), который еще до смерти Ширъ-Али-хана прибѣжалъ въ Тахтапуль подъ защиту отъ намѣреній Хашимъ-хана уничтожить его.

Какъ только узнали въ Тахтапулѣ окончательно, что Ширъ-Али-ханъ умеръ, солдаты выбрали изъ своей среды вожаковъ (маликъ) и объявили, что они намѣрены поддерживать Якубъ-хана и никого болѣе. Для большей убѣдительности въ своихъ намѣреніяхъ, часть гарнизона съ орудіями двинулась противъ Мазари-шерифа, ограбила лавки, дома войсковыхъ начальниковъ, домъ умершаго эмира и объявила, что не признаетъ эмиромъ Хашимъ-хана, провозглашеннаго въ Мазари-шерифѣ, такъ какъ его отецъ Магометъ-шерифъ служитъ англичанамъ, получая отъ нихъ пенсію. Обѣимъ сторонамъ, вступавшимъ уже между собою въ драку, пришлось избрать посредника. Такимъ примирителемъ явился Нейкъ-Магометъ, сынъ Дост-Магометъ-хана, весьма разумный и положительный молодой человѣкъ. Своимъ умѣреннымъ, разсудительнымъ образомъ дѣйствій Нейкъ-Магометъ дѣйствительно успѣлъ отчасти унять солдатскую диктатуру, хотя и съ нѣкоторыми жертвами.

Тахтапульцы, приписывая продолжительное упорство мазари-шерифцевъ интригамъ потерявшаго всякое значеніе намѣстника Хушдиль-хана, хотѣли его убить, но приняли компромиссъ Нейкъ-Магомета и ограничились только ограбленіемъ дома намѣстника и изгнаніемъ его въ Кабулъ.

Тѣ же тахтапульцы заявили, что они не получили жалованья за восемь мѣсяцевъ, и намѣревались броситься грабить казну, но были въ тотъ разъ кое-какъ удержаны раздачею Нейкъ-Магометомъ трехмѣсячнаго жалованья, причемъ почти каждый подходилъ за своей долей нѣсколько разъ, такъ что грабившіе чрезъ нѣсколько дней ту же злосчастную казну солдаты мазари-шерифскіе мало поживились.

При такой полной анархіи нельзя было и ждать повиновенія кому бы то ни было, и когда Нейкъ-Магометъ сталъ уговаривать солдатъ удѣлить 500 человѣкъ для возстановленія порядка въ Сарыпулѣ, которымъ завладѣлъ Магометъ-ханъ,

бывшій когда-то здѣсь бекомъ, ему отвѣчали: „мы не раздѣлимся и тебя слушать не станемъ, а подавай намъ сына Якубъ-хана, Мусса-хана, котораго мы назначаемъ наслѣдникомъ (валіятъ), чтобы ему повиноваться здѣсь“.

Находившійся къ Чаръ-Вилайятѣ двѣнадцатилѣтній Мусса-ханъ былъ представленъ солдатамъ, которые присягнули ему, какъ наслѣднику, и окружили крѣпкимъ карауломъ, охраняя его жизнь.

Для большей безопасности и упроченія дѣла Якубъ-хана, изгнали изъ Чаръ-Вилайята Хашимъ-хана, разграбивъ предварительно его домъ.

Послали Якубъ-хану заявленіе подданства отъ войскъ Туркестана и жителей и скоро получили отвѣтъ благодарности, съ признаніемъ, что эмиръ обязанъ во всемъ тахтапульцамъ.

Войска Чаръ-Вилайята считали достаточнымъ для себя одной эмировской признательности и рѣшительно отказывались исполнять что требовалось отъ нихъ для интересовъ ханства. Такъ, когда изгнанные изъ Бадахшана Баба-ханомъ безоружные палтаны вошли въ Туркестанъ, чтобы прямо направиться по домамъ въ Кабулъ, и попытались послать въ Бадахшанъ тахтапульцевъ, то они на-отрѣзъ отказались, объявивъ, что имъ надо оберегать наслѣдника, Мусса-хана. Обратились къ другимъ частямъ войскъ, но они, сформировавъ отрядъ, выторговавъ себѣ двухмѣсячное содержаніе вмѣсто Бадахшана, направились самовольно въ Гератъ, уведя съ собою и гарнизонъ попутной крѣпости Меймене, которая такимъ образомъ возстановила свою самостоятельность, потерянную въ 1874 году, послѣ пятимѣсячной осады войсками Ширъ-Али-хана.

Таково было положеніе дѣлъ въ Афганскомъ Туркестанѣ, когда, послѣ отозванія въ Кабулъ Якубъ-ханомъ своего сына Мусса-хана, въ качествѣ намѣстника (наибъ) прибылъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, съ однимъ баталіономъ, джарнайль (генералъ) Гулямъ-Гайдаръ-ханъ, изъ племени Вордакъ.

III.

Свѣдѣнія объ организаціи войскъ, принятыхъ Гулямъ-Гайдаръ-ханомъ. — Полная распущенность афганскихъ войскъ и недобросовѣстность самого намѣстника порождаютъ сразу внутреннюю неурядицу и нелады съ сосѣдями.—Кундузъ и Меймене отложились отъ Афганистана и Чаръ-Вилайяту угрожаютъ изъ Баміана отрядомъ Нуръ-Магометъ-хана.—Намѣстникъ то замышляетъ удалиться въ Гератъ, то напрасно поджидаетъ занятіе Чаръ-Вилайята бухарскимъ эмиромъ.—Первые слухи въ Афганскомъ Туркестанѣ объ Абдъ-Уль-Рахманъ-ханѣ тревожатъ намѣстника. — Искандеръ-ханъ и Абдъ-Уль-Рахманъ-ханъ — первые афганскіе гости въ Русскомъ Туркестанѣ.

Новый наибъ засталъ въ Туркестанѣ до десяти тысячъ всѣхъ афганскихъ войскъ, но, разумѣется, не нашелъ въ нихъ ни дисциплины, ни знанія военнаго дѣла, ни понятій о долгѣ воина. Эти качества и трудно было найти въ войскахъ не учившихся, голодныхъ, не одѣтыхъ, привыкшихъ уже кормиться реквизиціей на счетъ обѣднѣвшаго населенія, которую поощряли сами начальники палтановъ, потому что реквизиція была источникомъ и ихъ личнаго существованія.

Безъ опасенія отвлечься далеко отъ предмета этого очерка, мы беремся передать здѣсь свѣдѣнія объ организаціи афганскихъ войскъ, принятыхъ въ свое вѣдомство Гулямъ-Гайдаръ-ханомъ въ Туркестанѣ.

Подробности будутъ далеко не лишними, потому что они разъяснятъ намъ дальнѣйшій ходъ политическихъ событій въ Афганистанѣ, опиравшихся, какъ и вездѣ, на вооруженную силу.

Вся десятитысячная афганская армія въ Туркестанѣ дѣлилась на отдѣльные баталіоны пѣхоты (палтаны), каждый въ 600 человѣкъ. Всѣ баталіоны шестиротнаго (кифтанъ) состава имѣли отдѣленія (говолодоръ) въ ротахъ, по семи человѣкъ въ каждомъ. Палтанами командуютъ корнайли (полковники), а каждыми тремя баталіонами завѣдываетъ, только въ командномъ отношеніи, джарнайль (генералъ), имѣющій въ своемъ вѣдѣніи и шесть горныхъ орудій (пушекъ), а также нѣсколько штукъ ракетъ (котыръ).

Вся артиллерія въ Афганскомъ Туркестанѣ состояла въ 1879—1880 годахъ изъ двадцати мѣдныхъ большихъ орудій (два—заряжающіяся съ казны, на тяжелыхъ лафетахъ для запряжки восемью лошадьми), изъ двѣнадцати горныхъ мѣдныхъ орудій для вьючки и изъ полсотни ракетъ. Большія пушки служили обыкновенно для обороны крѣпостей. Горныя, съ вьючкой тѣла орудія и лафета, употреблялись въ передвиженіи войскъ.

Система формированія войскъ—принудительная вербовка, введенная Ширъ-Али-ханомъ. Кавалерія же (риссали) формируется изъ пѣхотныхъ нижнихъ чиновъ, получающихъ первые чины (амальдары) за служебныя отличія.

По своему назначенію — состоять по 200 конныхъ при каждой бригадѣ джарнайля—кавалерія дѣлится на эскадроны (турумъ), въ 200 человѣкъ каждый, подъ командой корнайля или же баркита (бригадиръ). Всѣхъ эскадроновъ было въ Туркестанѣ три.

Вся пѣхота вооружена старыми гладкоствольными ударными ружьями съ штыками, съ круглой и конической пулей. Кавалерія имѣетъ ударныя ружья и шашки. Вооруженіе командировъ состоитъ изъ шашки, пистолета и кинжала (пишкобзъ).

Форма нижнихъ чиновъ (аламады) пѣхоты составляетъ: китель однобортный изъ бязи, окрашенный въ синій, красный, желтый, зеленый цвѣтъ—по-баталіонно, мелкія калоши (ковсора) изъ сыромятной кожи, штаны (чамбары) бязевые крашеные, красная суконная шапка съ султаномъ, поясъ кожаный съ патронташными сумками. Командиры и чиновники-рисалинцы замѣняютъ для себя въ этой формѣ шапку на англійскую войлочную каску, а калоши, оставляющія ноги голыми, на сапоги (муза).

Оружіе, форма, лошадь для каждаго рисалинца, одинъ верблюдъ на 7 человѣкъ для похода, въ пѣхотѣ выдаются казенные, но сроки службы этихъ предметовъ не опредѣляются, и, при недостаткахъ системы довольствія, не мало встрѣчается солдатъ полунагихъ или одѣвающихся на свои средства.

Содержаніе каждаго пѣхотинца-палтаніяра заключается въ восьми рупіяхъ (5 рублей монетой) ежемѣсячныхъ и въ 6 батманахъ (64 пуда) пшеницы въ годъ, за которую, однако, удерживаютъ изъ опредѣленнаго жалованья, по стоимости продукта. Это уже легальное ухищреніе баталіонныхъ командировъ, систему обирательства которыми нижнихъ чиновъ поддерживаютъ и джарнайли, и самъ намѣстникъ, аккуратно ставящіе въ двойной счетъ каждую лепешку и даже чашку воды, отпускаемыя въ ихъ домѣ вѣстовымъ палтаніярамъ, смѣняющимся съ дежурства чрезъ каждые семь дней.

На содержаніе каждаго рисалинца-кавалериста съ лошадью отпускается 20 рублей въ мѣсяцъ (12 рублей металломъ).

Командиры баталіоновъ получаютъ 60 рублей въ мѣсяцъ и болѣе, а джарнайли пользуются содержаніемъ 100 рублей въ мѣсяцъ и имѣютъ также, какъ и намѣстникъ, по 20—50 тѣлохранителей-эрдали изъ палтаніяровъ, бѣгающихъ всегда за своимъ начальникомъ пѣшкомъ.

Внутренній бытъ войскъ крайне жалкій. Солдаты живутъ или въ наемныхъ квартирахъ, или въ шалашахъ и палаткахъ, которыя должны завести сами, какъ должны сами же и заботиться о топливѣ. Только въ Тахтапулѣ, какъ новой и довольно сильной крѣпости, устроены для гарнизона казармы. Но этою благодатью пользуются только 800 человѣкъ, а остальные страшно бѣдствуютъ, живя на пять рублей въ мѣсяцъ впроголодь, полунагіе даже въ зиму двадцатиградуснаго мороза, жертвою котораго сдѣлались въ прошломъ году триста пѣхотинцевъ Ташкургана.

При системѣ формированія принудительной безсрочной службой, при распущенной военной организаціи, оставляющей провинціальныя войска десятки лѣтъ, безсмѣнно, оторванными отъ родного очага, отъ семьи, при общей развращенности, начиная съ намѣстника, старшихъ военачальниковъ, чисто афганскою алчностью къ наживѣ на счетъ кармана своихъ подчиненныхъ, при совершенной незаботливости всѣхъ о войскахъ— какая могла быть въ нихъ дисциплина, какое могло быть уваженіе къ службѣ, къ начальникамъ, откуда могло родиться представленіе о долгѣ воина защищать свое „законное“ правительство, защищать свою, хотя бы родину, но ужъ никакъ не отечество, націю, потому что національность есть фактъ нравственный, а не зоологическій. И дѣйствительно, кромѣ трехъ узбекскихъ баталіоновъ, всѣ афганскія войска Чаръ-Вилайята были давно уже деморализованы. Они были глухи къ приказаніямъ джарнайлевъ, они были дерзки съ начальниками, которые не командовали своими баталіонами, а упрашивали, умаливали ихъ, когда требовалось сдѣлать ученіе или же военное передвиженіе.

Примѣръ полнаго неповиновенія старшимъ подавали солдатамъ сами же начальники, какъ это, кромѣ множества мелкихъ случаевъ, выразилось еще и самовольнымъ уходомъ, лѣтомъ 1879 года, въ Баміанъ изъ Чаръ-Вилайята бригадныхъ джарнайлевъ Парвисъ-ша-хана и Каусъ-ша-хана съ тремя своими палтанами. То же самое продѣлалъ и комендантъ крѣпости Меймене Джамаль-ханъ, уведшій весь свой гарнизонъ въ Гератъ.

Новый наибъ Гулямъ-Гайдаръ-ханъ, носившій тотъ же чинъ генерала, какъ и названные бригадные, не могъ остановить ихъ своеволія и остался съ небольшимъ числомъ войска, пока не были высланы Якубъ-ханомъ изъ Кабула тѣ три баталіона съ Гуль-Ахметомъ, которыми начальствовалъ не задолго самъ намѣстникъ.

Подобные случаи открытаго неповиновенія намѣстнику бригадныхъ и баталіонныхъ командировъ подрывали его значеніе въ глазахъ войскъ до того, что наиба прогоняли солдаты съ ученья, бросали каменьями въ его домъ, когда приходилось слышать объ отсрочкѣ платежа жалованья, преслѣдовали его однажды изъ крѣпости Сарыпуль, такъ что онъ едва укрылся подъ защитой узбекскаго баталіона, стрѣляли, наконецъ, въ него, загнавъ всякими устрашеніями на женскую половину, неприкосновенную, разумѣется, даже для бунтующихъ мусульманъ.

Много виноватъ былъ въ такой полной деморализаціи войскъ и самъ намѣстникъ, Гулямъ-Гайдаръ-ханъ. Въ этомъ высокомъ званіи, съ полномочіями совершенно ханскими, наибъ остался съ своими природными афганскими недостатками: жадностью къ наживѣ, нечестностью. Онъ заботился, съ самаго прибытія въ Туркестанъ и до конца своей дѣятельности тамъ, не о войскахъ, не о населеніи, а только о себѣ и о своихъ родственникахъ, нападавшихъ, по слѣдамъ наиба, какъ стая коршуновъ на трупный запасъ.

Чаръ-Вилайятъ дѣйствительно представлялъ собою и въ 1879 году живой трупъ обнищалаго населенія,—трупъ истощеннаго лишеніями войска, котораго не кормили, не удовлетворяли содержаніемъ, а натравливали на жителей, доведенныхъ къ концу 1879 года до того, что бѣдняги питались отваромъ коробочекъ хлопчатника и умирали голодною смертью. А наибъ тѣмъ временемъ собиралъ, съ кого было возможно, налоги за годъ впередъ, конфисковалъ капиталы, товары у всѣхъ, къ кому можно было только придраться, и все это складывалъ въ свои яхтаны (вьючные ящики) и зарывалъ въ сакляхъ.

Еслибы Гулямъ-Гайдаръ-ханъ не былъ безсовѣстно алчнымъ афганцемъ, не отдающимъ себѣ отчета въ томъ, зачѣмъ ему богатство для скаредной полунищенской жизни, онъ обернулся бы въ правильномъ довольствіи войскъ тѣмъ годовымъ источникомъ, какой находилъ въ податныхъ сборахъ съ узбекскаго населенія и въ огромныхъ (до полутора милліона рублей) таможенныхъ пошлинахъ,—онъ сберегъ бы населеніе отъ ужаснаго раззоренія, онъ удержалъ бы Туркестанъ для своего законнаго правительства.

Но уполномоченный Якубъ-ханомъ, наибъ не оправдалъ довѣрія своего эмира; онъ только воровалъ, молился на мнимой гробницѣ великаго мусульманскаго святого Али, въ Мазари-шерифѣ, и часто униженно снималъ предъ войсками свою чалму, увѣряя присягою, что денегъ у него нѣтъ, что надѣется выдать „тогда-то“ сразу все содержаніе за четыре, за шесть мѣсяцевъ недополучки.

Но войска не могли оставаться сытыми одними лживыми обѣщаніями намѣстника, его комедіантствомъ, заправленнымъ иногда притворными слезами, и бунтовали, грабили жителей, били прикладами своихъ генераловъ (Махмутъ-ша, Мухидинъ), когда ихъ пытались посылать военнымъ походомъ противъ враговъ, угрожавшихъ Афганскому Туркестану изъ Баміана, Кундуза, Меймене и съ Аму-дарьи. А враги, конечно, усилили свою настойчивость и подъ вліяніемъ разныхъ политическихъ стимуловъ, разсчетовъ, и по мѣрѣ видимаго ослабленія сопротивленія. Такими врагами, со второй половины 1879 года, наибъ считалъ англичанъ, потому что онъ оставался вѣренъ династіи Якубъ-хана,—Кундузъ, потому что правитель этого бекства, Султанъ-Мурадъ, отложился отъ Чаръ-Вилайята вслѣдствіе подстрекательствъ англичанами чрезъ бывшаго кулябскаго бека Сарыхана и сердаря Кутдузъ-хана, доставившаго названному султану грамоты изъ Кабула.

Очерченный нами нравственный уровень войскъ намѣстника опредѣляетъ, съ этой стороны, въ какой степени онъ былъ готовъ къ отраженію враговъ, ожиданіе которыхъ поддерживало и въ жителяхъ надежду на лучшее будущее, поддерживало готовность протянуть руки всякому правительству, кромѣ афганскаго, какъ худшаго, по убѣжденію узбековъ, изъ всѣхъ правительствъ, существующихъ на земномъ шарѣ.

Посмотримъ же, какъ были распредѣлены наибомъ войска для встрѣчи противника.

Какъ мы сказали выше, въ составѣ десятитысячной арміи числились три баталіона изъ мѣстныхъ узбековъ подъ командою узбекскихъ же начальниковъ, но съ прибавкою въ каждомъ баталіонѣ 100 афганцевъ. Это были лучшія части арміи во всѣхъ отношеніяхъ, и наибъ держалъ поближе ихъ къ себѣ: 2 баталіона квартировали въ Ташкурганѣ, 1 баталіонъ стоялъ въ Мазари-шерифѣ, постоянной резиденціи намѣстника.

Собственно афганскія войска распредѣлялись такъ: въ Шибурганѣ — 400 человѣкъ, въ Сарыпулѣ — 500 человѣкъ, въ Ахча—1000 человѣкъ, въ Мазари-шерифѣ—2000 человѣкъ,

въ Тахтапулѣ—800 человѣкъ; Андхой оставался безъ гарнизона; остальные квартировали въ Ташкурганѣ, какъ въ пунктѣ стратегическомъ для дѣйствій по всѣмъ направленіямъ.

Но что значило для обороны огромной территоріи съ недовольнымъ узбекскимъ населеніемъ и такое распредѣленіе плохихъ войскъ, поддававшихся на всякія искушенія, обѣщавшія сколько-нибудь улучшить ихъ, по-истинѣ, отчаянное положеніе?

Гулямъ-Гайдаръ-ханъ отлично понималъ самъ, что онъ не въ состояніи бороться съ самымъ слабымъ противникомъ. Онъ подчинился поэтому приказанію изъ Кабула остановиться въ Туркестанѣ до новыхъ распоряженій, онъ смиренно терпѣлъ угрозы изъ Баміана, которыя не были доведены до конца, понятно, потому только, что дальнѣйшія событія въ Чаръ-Вилайятѣ располагались такъ, какъ и требовалось англичанамъ.

Уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда въ Меймене явился изъ Герата прежній самостоятельный правитель этого округа, Дилаваръ-ханъ, когда угрозы Султанъ-Мурада кундузскаго отъ словъ перешли къ дѣлу и онъ напалъ на округа Гури и Баглень, обѣщая двинуться и въ Ташкурганъ, наибъ чувствовалъ свое критическое положеніе. Онъ попытался-было пригрозить султану кундузскому шумными приготовленіями отряда въ Ташкурганѣ, но это оказало обратное дѣйствіе, потому что солдаты отказались даже готовиться къ походу, настойчиво требуя заслуженное шестимѣсячное жалованье. Онъ попытался было искать союзника противъ Кундуза въ эмирѣ бухарскомъ, но этотъ отклонился, хотя и былъ озабоченъ сепаратизмомъ Султанъ-Мурада, потому что онъ держалъ при себѣ опаснаго для бухарцевъ мятежника Сарыхана и грозилъ напустить на Бухарское ханство извѣстнаго Катта-тюре, мятежнаго эмировскаго сына Абдулъ-Малика, пріютившагося въ Кабулѣ на страхъ Музаффаръ-хану.

При такихъ обстоятельствахъ, тревожимый постоянными слухами о томъ, что англичане пришлютъ въ Чаръ-Вилайятъ бывшаго наиба Нуръ-Магометъ-хана, Гулямъ-Гайдаръ-ханъ не

находитъ ничего лучшаго, какъ предложить бухарскому эмиру Музаффаръ-хану присоединить къ своимъ владѣніямъ Чаръ-Вилайятъ, населеніе котораго дѣйствительно непритворно желаетъ такой перемѣны, посылая въ Бухару и челобитныя, и умоляющія депутаціи отъ всѣхъ городовъ.

Но всегда благоразумный и осторожный, эмиръ Музаффаръ-ханъ счелъ нужнымъ отклониться отъ представлявшагося случая расширить свои владѣнія до Гиндукуша, и только отвѣчалъ пожеланіями народу благополучія, да поощрялъ дешевый сбытъ хлѣба за Аму-дарью изъ прибрежныхъ бекствъ. Послѣ этого, какъ ни трудно было положеніе Гулямъ-Гайдаръ-хана въ Чаръ-Вилайятѣ, но онъ все-таки оставался тамъ, въ ожиданіи, что ему пришлютъ изъ Герата преемника, какъ онъ просилъ о томъ Аюпъ-хана уже въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Преемника, однако, не присылали, и хотя султанъ кундузскій нѣсколько успокоился,ославъ даже тортукъ (подарокъ) наибу въ знакъ примиренія, но зато съ сѣвера надвигалась новая туча, которую всѣ считали грозною и не для одного Чаръ-Вилайята. Эта туча была — старинный претендентъ на Афганистанъ, говорливый, интеллигентный, какъ похвалила англійская газета Daily News, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, о которомъ мы уже выше говорили.

Намъ остается теперь опредѣлить, насколько возможно правильно, какого свойства была эта туча, каковы были вибраціи ея движенія на югъ и чѣмъ они окончились. Мы возвратимся для этого къ недавнему прошедшему и припомнимъ, что Россія начала принимать афганскихъ гостей съ 1867 года.

Первый нашъ кабульскій гость въ Туркестанѣ былъ гонимый, извѣстною уже распрею съ Ширъ-Али-ханомъ, племянникъ его Искандеръ-ханъ, сынъ Султанъ-Джана. Этотъ принцъ, сердарь изъ племени Вазири, пріютился сначала въ Бухарскомъ ханствѣ, былъ обласканъ эмиромъ, принялъ въ командованіе незначительный отрядъ и, въ концѣ-концовъ, отблагодарилъ Музаффаръ-хана чисто по-афгански: получивъ порученіе оставаться съ своими афганцами въ пограничной съ рус-

скими владѣніями бухарской крѣпости Нурата, онъ разладилъ почему-то съ начальникомъ этого округа, Абдыджалиль-бекомъ, приказалъ его убить, и тогда бѣжалъ чрезъ степь въ Джизакъ, захвативъ и два бухарскихъ орудія.

Искандеръ-ханъ былъ принятъ въ русскомъ лагерѣ съ тѣмъ самымъ національнымъ вниманіемъ, на которое мы такъ щедры предъ всѣми иностранцами, получилъ приличное содержаніе и очень скоро сдѣлался въ общественномъ русскомъ мнѣніи „прекраснѣйшимъ человѣкомъ“, а его свита, увѣшанная оружіемъ, считалась „идеаломъ ловкости, отваги“ и проч. Говорили даже, что эти афганцы и самъ принцъ оказали чудеса храбрости при штурмѣ, 1-го мая 1868 года, русскими войсками чапанатинскихъ высотъ подъ Самаркандомъ, но въ чемъ состояли подвиги афганцевъ—не удалось узнать. Знаемъ только что Искандеръ-ханъ былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ подполковника, служилъ года два въ кавалерійскомъ полку въ Петербургѣ, отсидѣлъ на гауптвахтѣ за какую-то ссору съ офицеромъ и, обиженный, удалился въ Англію, оставивъ русскую службу. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, этотъ первый нашъ гость-афганецъ живетъ въ Тегеранѣ, получая пенсію отъ персидскаго шаха.

Второй нашъ гость, сердарь Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, явился въ Самаркандъ изъ Мешхеда съ сотней афганцевъ въ 1870 году. Нечего и говорить, что онъ былъ принятъ у насъ съ особенною ласковостью, вниманіемъ, предупредительностью такою, о которой этотъ очень смышленый афганецъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія въ своихъ дикихъ горахъ, слегка провѣтриваемыхъ очень слабымъ токомъ цивилизаціи. Всѣ видѣли тогда въ представительномъ молодомъ сердарѣ жертву коварства Ширъ-Али хана, отнявшаго будто-бы у него тронъ, и никто не удивлялся его надменному отношенію къ русскимъ офицерамъ, которымъ онъ не подавалъ даже руки.

Справедливость требуетъ сказать, что этотъ второй весьма важный гость былъ много благоразумнѣе, тактичнѣе, терпѣливѣе и настойчивѣе, чѣмъ гость первый. Абдъ-уль-Рахманъ-

ханъ не стремился къ русскимъ чинамъ, не просился никогда въ походы, хотя также считался „храбрымъ“, довольствовался значительной пенсіей, изъ которой удѣлялъ очень незначительные крохи своей на $^3/_4$ убавившейся свитѣ, жилъ довольно скромно, проводилъ время на охотѣ и никогда не отрѣшался отъ надежды сдѣлаться эмиромъ Афганистана, хотя достаточно привыкъ къ русскимъ сапогамъ и, какъ говорится, обабился, въ чемъ винитъ не себя, а туркестанскій климатъ.

Нельзя сказать однако, что энергія къ проведенію своихъ завѣтныхъ плановъ когда-либо оставляла Абдъ-уль-Рахманъ-хана; она была съ нимъ, когда онъ вступилъ въ 1871 году, не безъ особенныхъ цѣлей, въ родство съ бадахшанскимъ владѣтельнымъ эмиромъ Джагандаръ-ша женитьбою на его дочери; она несвоевременно подталкивала его бѣжать изъ русскихъ предѣловъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ о кончинѣ Ширъ-Али-хана, она осталась при этомъ сердарѣ-претендентѣ, когда онъ удалился изъ Ташкента и появился на верховьяхъ Амударьи, какъ разъ одновременно съ отбытіемъ изъ Самарканда двоюродныхъ братьевъ его, Исакъ-хана, Серверъ-хана, Абдулъ-Азизъ-хана и Кутдузъ-хана, о которомъ мы уже упоминали.

IV.

Отбытіе сердаря Абдъ-уль-Рахманъ-хана изъ Ташкента и сердаря Исакъ-хана изъ Самарканда. — Оба сердаря, пройдя благополучно бухарскія владѣнія, появляются на флангахъ Афганскаго Туркестана.—Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ приближается къ Бадахшану.—Краткая исторія этой горной страны Пянджа.—Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ безъ труда расположилъ къ себѣ бековъ Бадахшана и занялъ Рустекъ. — Сопротивленіе фейзабадскаго бека Шахъ-Заде-хана успѣшно побѣждается и весь Бадахшанъ во власти сердаря. — Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ приглашаетъ Гулямъ-Гайдаръ-хана сдать Чаръ-Вилайятъ и вступаетъ въ сношенія съ англичанами.—Отвѣты намѣстника Туркестана и султана кундузскаго неблагопріятны, отвѣтъ англичанъ—обнадеживающій. — Начальныя дѣйствія Исакъ-хана за Аму-дарьей не обѣщаютъ успѣха. — Прогнанный отрядомъ намѣстника изъ Ахчи Исакъ-ханъ удалился въ степь Андхоя.—Взятый въ плѣнъ, братъ Исакъ-хана, сердарь Терверъ-ханъ казненъ въ Мазари-шерифѣ.

Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, отправившись изъ Ташкента 5-го декабря, направился чрезъ Ходжентъ, Ура-тюбе, перешелъ съ

большимъ трудомъ, потерею шести человѣкъ поморозившихся, чрезъ перевалъ Вишабъ въ 11,000 футовъ, спустился въ долину верхняго Зеравшана и 26-го декабря достигъ бухарскихъ владѣній.

Отдохнувъ дня три въ окрестностяхъ Китаба, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ двинулся дальше чрезъ Якобакъ, Ярты-тюбе, Дербентъ, Динау, Курганъ-тюбе, имѣя 160 человѣкъ вооруженныхъ конныхъ афганцевъ и вьючный обозъ въ 30 лошадей. Значительная партія эта прошла скромно 400 верстъ въ двѣнадцать дней, по бухарскимъ владѣніямъ, завѣдомо, разумѣется, для всѣхъ властей, такъ какъ многіе афганскіе наемники бросили службу въ бухарскихъ баталіонахъ и дезертировали къ сердарю, который охотно принималъ ихъ, выдавая немедленно лошадь, кое-какое оружіе и 60 копѣекъ каждому конному на продовольствіе съ лошадью.

Все ликовало ожиданіемъ успѣховъ, такъ какъ претендентъ намѣренно распространялъ слухъ, что онъ имѣетъ съ собою огромныя богатства, а по слѣдамъ его двигается „какой-то“ отрядъ изъ 4000 конныхъ къ сторонѣ Бадахшана и изъ 3000 конныхъ же къ сторонѣ Чаръ-Вилайята, на поддержку Исакъ-хана. Этотъ сердарь, скрывшись 25-го декабря изъ Самарканда съ партіей въ 70 конныхъ афганцевъ, направился чрезъ Джамъ, Касанъ, Урта-чуль и, пройдя 280 верстъ въ семь дней, переправился на лѣвый берегъ Аму-дарьи, близъ крѣпости Керки бухарскихъ владѣній.

Мы прослѣдимъ сначала дѣйствія Абдъ-уль-Рахманъ-хана.

Итакъ, 8-го января 1880 года, мы видимъ Абдъ-уль-Рахманъ-хана спокойно приближающимся къ границамъ Бадахшана. Эта горная страна на верховьяхъ рѣкъ Пянджа, Кукча и Шахъ-дарьи съ таджикскимъ, древне-иранскимъ населеніемъ въ тѣснинахъ (тагибъ) рѣкъ и съ узбекскими полукочевниками на югѣ, въ Рустекскомъ бекствѣ, управлялась въ послѣднее время олигархіей и не чаяла замысловъ афганскаго искателя царства.

Историческая судьба Бадахшана совершенно тождественна

съ судьбою всѣхъ горныхъ странъ средней и, пожалуй, южной Азіи. Трудно доступныя для завоеваній, малопривлекательныя бѣдностью природы, до столкновенія съ европейскою силою, съ разсчетливымъ европейскимъ вліяніемъ, они чужды были событій, терзавшихъ долину, чужды были этнографическихъ переворотовъ, они сохраняли свою независимость удѣльнаго начала, они имѣли изрѣдка счеты и потасовки только между собою. Такъ сохраняли свою независимость, подъ управленіемъ наслѣдственныхъ или узурпаторскихъ ша, міровъ, бековъ, горныя гнѣздилища Кулябъ, Бальджуанъ съ Кафирниганомъ, Дарвазъ, Шугнанъ, Каратегинъ, Матча, Фанъ, Фальгаръ, Киттутъ, Магіанъ, занимающія горный водораздѣлъ бассейновъ Аму-дарьи и Зеравшана.

Хотя политическій конгломератъ этотъ и занималъ порою вниманіе болѣе могущественныхъ сосѣдей Бухары и Кокана, но, случалось, онъ не надолго подпадалъ ихъ фактическому вліянію и легко отдѣлывался отъ него, возстановлялъ свою независимость. Еще съ бо́льшею стойкостью удерживалъ свою политическую самостоятельность географически уединенный Бадахшанъ. Управляясь изъ главнаго пункта, Файзабата, своими наслѣдственными мирами, назначавшими въ другіе важные пункты (Рустегъ, Рогъ, Джурумъ) своихъ ближайшихъ родственниковъ, страна эта хотя и не была чужда пассивныхъ посягательствъ со стороны чрезполосныхъ сосѣдей-афганцевъ, но попытки первыхъ афганскихъ эмировъ кончились неудачами.

Въ 1868 году дѣла въ Бадахшанѣ принимаютъ другой оборотъ. Жестокій, ненасытный обирательствомъ своего народа, міръ Джагандарь-ша довелъ горцевъ своимъ притѣснительнымъ управленіемъ до того, что они начали искать средствъ освободиться отъ его тиранства. Средства эти представились въ интригахъ афганцевъ противъ Бадахшана, и когда палтаны Ширъ-Али-хана подошли къ Файзабату, городъ этотъ скоро палъ измѣною ненавистниковъ своего мира. Такимъ образомъ, съ 1869 года Бадахшанъ лишился своей независимости, окон-

чательно подпалъ подъ власть Афганистана, вошелъ въ составъ такъ-называемой нейтральной зоны.

Влача десять лѣтъ подневольное существованіе, подвергаясь поруганіямъ, прямымъ и утонченнымъ поборамъ [1]) горсти несимпатичныхъ, грубыхъ пришельцевъ, горцы только и помышляли о томъ, какъ бы избавиться отъ ихъ невыносимаго ига. Бадахшанцы заводили даже сношенія съ бухарскимъ правительствомъ, мечтавшимъ успокоить на этой горной странѣ свой аппетитъ, по примѣру присоединенія Каратегина (1878 г.) и Дарваза (1879 г.). Дѣла, однако, располагались иначе. Претендентомъ на Бадахшанъ считалъ себя и сердарь Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ. Окончательно уже чуждый Бадахшану, этотъ афганскій принцъ хлопотливо поддерживаетъ все время сношенія съ оставшимися тамъ родственниками по женѣ (султанъ Ибрагимъ), приманиваетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ, выдавая имъ въ теченіе пяти лѣтъ значительное содержаніе (Умаръ-ханъ, двоюродный братъ Джагандарь-ша), словомъ — ведетъ тонкую интригу воспользоваться случаемъ и поханствовать.

Въ трудную для Афганистана годину, за полгода до переѣзда Ширъ-Али-хана въ Мазари-шерифъ, бадахшанцы усиливаютъ свои сношенія съ интриганами чрезъ султана Ибрагима (родственникъ Джагандарь-ша), проживавшаго въ это время въ Кулябѣ. Этотъ султанъ Ибрагимъ сносится, въ свою очередь, съ Абдъ-уль-Рахманъ-ханомъ, пріѣзжаетъ къ нему на двѣ недѣли и возвращается въ Тарнабъ рустекскій, какъ разъ одновременно съ прибытіемъ въ Мазари-шерифъ Ширъ-Али-хана.

Открывшееся затѣмъ со смертью Ширъ-Али-хана (въ февралѣ 1879 года) междоусобіе въ сѣверномъ Афганистанѣ способствуетъ планамъ узурпаторовъ. Подготовивъ между бадахшанцами значительный контингентъ приверженцевъ, Ибрагимъ-ханъ удачно обманываетъ бадахшанскихъ афганцевъ обѣщаніемъ имъ скораго прибытія Абдъ-уль-Рахманъ-хана, одновременно вызываетъ главныхъ военныхъ лицъ въ Тарнабъ на совѣщаніе, обезоруживаетъ ихъ, занимаетъ послѣ незначительнаго сопротивленія Рогъ, и усилившись здѣсь, двигается на Файзабатъ. Бекъ файзабатскій и начальникъ афганскихъ войскъ въ Бадахшанѣ, Сеидъ-Ахметъ-ханъ, выступивъ противъ инсургентовъ съ незначительнымъ отрядомъ, проигрываетъ сраженіе и запирается въ Файзабатѣ, осажденный скопищами Ибрагимъ-хана.

[1]) Афганцы не постыдились даже установить налогъ *курне-джума* (пятничное одѣяло), за исполненіе супружескаго акта съ четверга на пятницу, какъ принято у азіатскаго осѣдлаго народа.

Провѣдавъ о такихъ успѣхахъ бадахшанцевъ, нѣкій Баба-ханъ (родственникъ Джагандарь-ша) бѣжалъ изъ Балха и присоединился къ Ибрагимъ-хану. Дѣйствуя своимъ знакомствомъ съ Сеидъ-Ахметомъ, Баба-хану удается уговорить его бѣжать изъ Файзабата, послѣ чего афганцы окончательно изгоняются, и Баба-ханъ остается правителемъ этого бекства, предоставивъ Султанъ-Ибрагиму управленіе бекствомъ Рогъ.

Вслѣдъ за этими легкими успѣхами первыхъ авантюристовъ, изъ Учъ-кургана ферганскаго являются въ Бадахшанъ претенденты на наслѣдство Джагандарь-ша: младшій братъ его Шахъ-Заде-Хасанъ и вышеназванный Умаръ-ханъ. Не имѣя желанія дѣлить съ ними власть, Баба-ханъ оказалъ имъ сопротивленіе; но такъ какъ въ Рустекѣ правилъ, по назначенію Баба-хана же, братъ Умаръ-хана, Султанъ-ша, то учъ-курганскимъ претендентамъ и удается занять Рустекъ. Послѣ этого Баба-ханъ двигается противъ Рустека, проигрываетъ столкновеніе въ мѣстности Дашты-мазукъ и, оставивъ Файзабатъ, укрывается въ курганѣ Кишмъ. Съ этого времени управленіе Бадахшаномъ переходитъ къ Шахъ-Заде-Хасану (въ Файзабатѣ), Султанъ-Ибрагиму (въ Рогѣ) и Умаръ-хану (въ Рустекѣ). Узурпаторы распредѣлили между собою бекства такъ, какъ сидѣли ихъ предки.

8-го января Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ переправился безпрепятственно чрезъ рѣку Пянджъ и вошелъ въ крѣпостцу Янги-кала, въ сѣверо-западномъ Бадахшанѣ. Горцы никакъ

не допускали, чтобы ихъ небогатая страна входила въ планы сердаря, такъ какъ сторонники его, миры Умаръ-ханъ и Баба-ханъ, увѣряли, что Абдъ-уль-Рахманъ-хана придется принять какъ гостя. Одинъ только старшій миръ, Шахъ-Заде-Хасанъ, правитель Файзабата, не скрывалъ предъ жителями опасности въ замыслахъ афганцевъ на Бадахшанъ и поспѣшно подготовлялъ оборону центральныхъ осѣдлостей,ославъ Абдъ-уль-Рахманъ-хану заявленіе, что онъ не намѣренъ признать его главою и подчиниться, такъ какъ утвержденъ въ своемъ званіи владѣтеля Бадахшана грамотой, полученной отъ самихъ англичанъ. Не такъ дѣйствовали всѣ остальные миры, представители олигархіи, не извѣдавшіе раньше на себѣ угнетеній афганцевъ и налога за пятничное одѣяло.

Увѣряя бадахшанцевъ, что Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ остановился въ ихъ горахъ только временно и двинется въ Балхъ, Баба-ханъ явился первымъ, отдалъ униженно почести сердарю и одиннадцатаго января посадилъ его въ Рустекѣ. Вскорѣ явился и Умаръ-ханъ, маневрировавшій бѣгствомъ въ Кулябъ собственно для обмана горцевъ, а въ сущности служившій претенденту. Оставалось только раздѣлаться съ Шахъ-Заде-Хасаномъ. Дѣйствуя въ началѣ на этого мира уговариваніемъ, обѣщаніемъ предоставить и ему нѣкоторую власть надъ частью Бадахшана, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ нашелся затѣмъ вынужденнымъ предупредить, что дальнѣйшее сопротивленіе заставитъ дѣйствовать силою. Шахъ-Заде-Хасанъ игнорировалъ угрозы, подготовлялъ оборону Файзабата, воодушевлялъ жителей напоминаніемъ о прошломъ афганскомъ игѣ.

Въ первые дни предъявленныхъ сердаремъ требованій файзабатцы дѣйствительно храбрились общимъ намѣреніемъ не допускать афганскаго правительства, противопоставить оборону и вооруженное сопротивленіе. Затѣмъ популярность сердаря начинаетъ распространяться и въ окрестномъ Бадахшанѣ. Какъ будто на запахъ бараньяго сала большихъ каждодневныхъ народныхъ угощеній, къ нему время отъ времени заявляются въ Рустекъ старшины (арбабы, казіи, раисы) не-

покорившихся еще кургановъ и большихъ селеній. Всѣ видятъ хорошій, ласковый, задобривающій пріемъ, которымъ нейтрализуется всякое воспоминаніе объ афганскомъ игѣ, всѣ разносятъ вѣсть, что ханъ—„пріятный“, ласковый, добрый. Популярность растетъ, расширяется и окончательно устанавливается прибытіемъ къ сердарю почетнаго, всѣми уважаемаго файзабатца Наиба Абды-Шагима, который считался помощникомъ мира-правителя. Шахъ-Заде-Хасанъ сознаетъ свое безсиліе, свою маловліятельность, сознаетъ возможность для претендента провести надъ Бадахшаномъ свой планъ такъ же легко, какъ легко было ему самому подчинить горцевъ, и приготовляется къ отбытію въ Шугнанъ какъ разъ наканунѣ появленія въ окрестностяхъ Файзабата партіи Баба-хана въ полтораста вооруженныхъ конниковъ. Оставшіеся безъ мира, безъ наиба, безъ предводителя, наслышавшіеся о сердарѣ и перебѣжчикахъ Баба-ханѣ и Умаръ-ханѣ, жители Файзабата встрѣчаютъ посланныхъ сердаря салямомъ, отворяютъ городскія ворота и сдаютъ опустѣлую цитадель (аркъ) Баба-хану.

Такъ совершился 15-го января мирнымъ настояніемъ актъ подчиненія Бадахшана афганскому правительству сердаря Абдъ-уль-Рахманъ-хана, отъ котораго ожидаютъ благъ и справедливости, а не тѣхъ обирательскихъ ухищреній съ началомъ курне-джума (пятничное одѣяло), которыми оставило по себѣ недобрую память правительство Ширъ-Али-хана.

Занятіемъ Файзабата рабски-преданный сердарю Баба-ханъ не ограничивается: онъ посылаетъ немедленно партію конниковъ съ родственникомъ своимъ Хожа-куломъ на югъ, для занятія кургана (крѣпостца при рѣкѣ Машатъ) Кишимъ, что и удается послѣ нѣкотораго сопротивленія бека Султанъ-ша (родственникъ Шахъ-Заде-Хасана), удалившагося затѣмъ въ Шугнанъ, это горное убѣжище всѣхъ авантюристовъ, домогавшихся разновременно владѣть драгоцѣнными минералами нагорьевъ Пянджа. Черезъ нѣсколько дней Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, побывавъ въ Файзабатѣ, возвратился въ Рустекъ, высказавъ свои предположенія оставить Бадахшанъ подъ управ-

леніемъ Умаръ-хана и Баба-хана и самому начать дѣйствовать противъ Чаръ-Вилайята.

Оставаясь въ Рустекѣ съ 11-го января почти два мѣсяца, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ дѣйствительно и дѣйствовалъ, обдуманно подготовляя, такъ-сказать, удобную почву. За Бадахшанъ онъ оставался покоенъ: здѣсь управляли, по его назначенію, Баба-ханъ—въ Файзабатѣ, Умаръ-ханъ—въ Рустекѣ, Султанъ-ша—въ Кишимѣ, и всѣ они старались выслужиться доставленіемъ продовольствія на 400 человѣкъ разнаго абдъ-уль-рахмановскаго сброда, въ полной увѣренности, что, по отбытіи сердаря дальше, они останутся хозяевами полноправными. Но претендентъ сидѣлъ, приласкивалъ, миловалъ бадахшанскихъ старшинъ, начинавшихъ чувствовать—какого они приняли гостя, вербовалъ очень медленно скопища изъ стрѣлковъ (мергеней) горцевъ и разъѣзжалъ время отъ времени по окрестнымъ осѣдлостямъ подъ видомъ любимой охоты.

Всего этого было, конечно, недостаточно для широкихъ плановъ претендента, и при фактическомъ отсутствіи силы оружія, силы богатства, силы какой бы то ни было поддержки извнѣ, сердарь нашелъ благоразумнымъ пустить въ ходъ дипломатію.

Не теряя времени, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ приглашаетъ чарвилайятскаго намѣстника самыми любезными письмами сдать ему Туркестанъ. Гулямъ-Гайдаръ-ханъ отвѣчаетъ, что онъ признаетъ только правительство Якубъ-хана и исполнить требованіе претендента не можетъ.

Одновременно, уже въ концѣ января мѣсяца, идутъ посланія Абдъ-уль-Рахманъ-хана владѣтелю Кундуза Султанъ-Мураду и англичанамъ въ Кабулъ. Султану напоминались добрыя къ нему отношенія Абдъ-уль-Рахманъ-хана, когда онъ правилъ Туркестаномъ, высказывалась надежда, что онъ пропуститъ его чрезъ свои владѣнія; англичанамъ пояснялось, вѣроятно, многое, и все въ заискивающемъ безъ сомнѣнія тонѣ.

Не замедлили послѣдовать и отвѣты. Султанъ кундузскій заявлялъ категорически, что онъ служитъ англичанамъ и будетъ дѣйствовать такъ, какъ прикажутъ ему изъ Кабула, а до полученія приказаній не позволитъ сердарю вступить въ свои владѣнія. Отъ англичанъ было получено Абдъ-уль-Рахманъ-ханомъ, въ началѣ февраля мѣсяца, ободряющее приказаніе: „ждите тамъ, куда пришли“, съ поясненіемъ при этомъ, что „Ширъ-Али-ханъ и Якубъ-ханъ обманывали британское правительство, за что и лишены эмирства“. Достаточно было ловкому Абдъ-уль-Рахманъ-хану и такого документа, чтобы, при отчетливомъ сознаніи безсилія афганскаго народа побороть англичанъ, считать его золотымъ ключемъ къ воротамъ ханства.

Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, вѣровавшій въ благотворительность для своего дѣла сношеній съ англичанами больше, чѣмъ въ матеріальную силу своего жалкаго сброда въ 600 человѣкъ, кое-чѣмъ вооруженныхъ, больше чѣмъ въ способность своихъ двоюродныхъ братьевъ, слонявшихся въ туркестанской степи безъ людей, безъ денегъ, видѣлъ всю опору для себя въ продолженіи такихъ же сношеній. Благоразумный претендентъ можетъ быть и ограничился бы ожиданіемъ въ Рустекѣ, да продолжавшеюся перепискою съ англичанами афганскихъ племенъ, но дѣло съ Чаръ-Вилайятомъ зашло уже такъ далеко, что приходилось дѣйствовать и одновременно увѣрять англичанъ въ своей благонамѣренности.

Посмотримъ теперь, въ чемъ состояли дѣйствія Исакъ-хана съ братьями на западѣ Афганскаго Туркестана. Этотъ причудливый сердарь, всегда поражавшій всѣхъ больше своею набожностью и суетливостью, чѣмъ благоразуміемъ, появился на лѣвомъ берегу Аму-дарьи, близъ Керкина, 2-го января. Первымъ дѣломъ его было пустить между туркменами-эрсаринцами слухъ о томъ, что онъ привезъ съ собою огромныя богатства, ожидаетъ поддержки съ сѣвера пятитысячнымъ отрядомъ и дѣйствуетъ въ пользу своего брата Абдъ-уль-Рахманъ-хана, законнаго эмира. Этотъ слухъ прошелъ, разумѣется, въ Чаръ-Вилайятъ, и стоустною молвою, и письмами братьевъ сердарей къ разнымъ знакомымъ войсковымъ начальникамъ—

афганцамъ и персіянамъ (кизылъ-баши)—чаръ-вилайятцы приглашались принять Абдъ-уль-Рахманъ-хана, какъ дѣйствительнаго эмира всего афганскаго народа.

Все прислушивалось къ словамъ: „эмиръ“, „богатство“, „пятитысячный отрядъ“, но не много нашлось легковѣрныхъ. Въ первыя полторы недѣли ожиданій сердарей на Аму-дарьѣ, они не встрѣчали, какъ надѣялись, всеобщаго отклика въ афганскихъ войскахъ, а туркмены-эрсаринцы увеличили контингентъ ихъ всего на 300 конныхъ, почти безоружныхъ, пригодныхъ слѣдовательно только для грабежа, которымъ они и занимались все время съ отмѣннымъ усердіемъ, поощрявшимся и сердарями, такъ какъ денегъ оказалось у нихъ всего-навсего 3000 рублей металломъ.

Положеніе было незавидное. Приходилось дѣйствовать обманомъ, увѣряя, что богатства, на которыя очень надѣялись туркмены, придутъ съ отрядомъ,—приходилось пустить въ ходъ священный атрибутъ—коранъ.

8-го января почти тысячное скопище конныхъ слабо-вооруженныхъ туркменовъ двинулось съ сердарями по направленію къ крѣпости Ахча, чрезъ туркменскія осѣдлости Буссаго и Сеидъ-Абадъ, гдѣ ихъ приняли хорошо, сочувственно. Дальше приходилось уже разсчитывать на оружіе, такъ какъ получилось свѣдѣніе, что крѣпость Ахча прикрыта сильнымъ отрядомъ. Дѣйствительно, здѣсь стояли посланные наибомъ изъ Мазари-шерифа карнайль Мухамедъ-ша и сарыпульскій окружный начальникъ Мухидинъ-ханъ, съ отрядомъ изъ двухъ баталіоновъ, одного эскадрона кавалеріи персіянина Казы-Мухамедъ-джана и восьми орудій. Въ составъ отряда вошли исключительно тѣ баталіоны изъ одноплеменниковъ намѣстника (вордаки), которыми онъ самъ командовалъ раньше въ Кабулѣ. Зато кавалерія не была достаточно надежною. Отрядъ занималъ довольно выгодную позицію при аулѣ Хамъ-ябѣ.

Исакъ-ханъ, руководимый весьма благоразумнымъ братомъ своимъ, Серверъ-ханомъ, хотя и приблизился на двухверстное разстояніе, но нападать не рѣшился, а считалъ нужнымъ войти

въ сношеніе съ войсками противодѣйствующаго отряда. И вотъ ночью, по предварительнымъ переговорамъ чрезъ своихъ людей, сердарь отправляется съ пятью слугами въ лагерь рисалинцевъ, имѣя въ рукахъ книгу „коранъ“, какъ почтенное въ распрѣ съ мусульманами оружіе обороны. Кавалеристы приняли Исакъ-хана, выслушали его предложенія и обѣщанія, и тогда же самъ командиръ Казы-Магомедъ-джанъ проектировалъ для слѣдующаго дня съ предполагавшимся боемъ такой тактическій маневръ: Исакъ-ханъ долженъ былъ выставить свои „войска“ противъ баталіоновъ, а рисалинцы немедленно сдѣлаютъ ему салямъ, т.-е. сдадутся.

Торжествующій Исакъ-ханъ вернулся къ себѣ въ ставку и на утро готовилъ къ полевому маневру свой сбродъ. Вѣрный своему наибу, Мухамедъ-ша также выстроилъ свои палтаны и, готовый подать барабанами сигналъ къ бою, замѣтилъ, что человѣкъ 30 рисалинцевъ, выскакавъ изъ рядовъ, присоединились къ скопищу сердарей, которое только топталось на мѣстѣ и громко кричало, чего-то ожидая еще. Тогда Мухамедъ-ша, сообразивъ опасность поголовной измѣны, сошелъ съ коня, снялъ чалму и обратился къ своему отряду съ такимъ увѣщеваніемъ: „братья, если Исакъ-ханъ дѣйствительно явился съ богатствами, мы не выдержимъ, и не выдержитъ наибъ, мой дядя; но вѣдь одно изъ двухъ: или онъ привезъ богатства, или убѣжалъ отъ русскихъ; я утверждаю, что богатства у него нѣтъ:—идемъ впередъ!“ Баталіоны двинулись, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій и скоро пріостановились, потому что исакхановцы весьма поспѣшно ускакали на своихъ лихихъ коняхъ по направленію въ степь Андхоя, на западъ отъ театра первой боевой встрѣчи.

Неудача. Исакъ-ханъ, оставленный туркменами, производившими въ окрестности Ахча генеральный грабежъ, сѣлъ въ степномъ поселкѣ Хожа-духъ и не помышлялъ уже о дѣйствіяхъ противъ крѣпости Ахча, такъ какъ она оставалась прикрытою тѣмъ же отрядомъ, расположившимся на Хамъ-ябѣ. Наибъ торжествовалъ разумѣется такую легкую, блиста-

тельную побѣду съ трофеями изъ нѣсколькихъ попонокъ и переметныхъ сумокъ (куржумъ), брошенныхъ исакхановцами, и возвелъ своего храбраго, краснорѣчиваго племянника Мухамедъ-ша въ званіе главнокомандующаго (лошкаръ-баши).

А сердари горевали, слонялись напрасно въ кочевьяхъ туркменовъ Андхоя, помышляя даже удалиться въ Гератъ. Къ ахчинскому пораженію прибавилось чрезъ четыре дня и еще несчастье: сердарь Серверъ-ханъ попался въ плѣнъ и отправленъ къ намѣстнику въ Мазари-шерифъ. Этотъ несчастный неудачникъ, родной братъ Исакъ-хана, только за годъ предъ тѣмъ освободившійся изъ ширъ-али-хановской тюрьмы, удрученный, какъ и всѣ исакхановцы, неуспѣхами, рѣшилъ испробовать послѣднее афганское средство — „принести стыдъ врагу“, т.-е. просить у него пощады и помощи.

По совѣту съ братьями, Серверъ-ханъ, взявъ съ собою четырехъ своихъ, отправился ночью въ крѣпость Шубурганъ, разсчитывая найти полное сочувствіе и въ гарнизонѣ, и въ комендантѣ Абдулъ-Керимъ-ханѣ, который служилъ когда-то Серверъ-хану.

Сердарь однако жестоко ошибся: сказавъ свое традиціонное „нанкъ овордамъ — стыдъ приношу“, онъ не получилъ жданнаго отвѣта, и собравшіеся къ коменданту офицеры упрекнули помощеискателя, что Исакъ-ханъ обманываетъ, денегъ не имѣетъ, а бѣжалъ изъ русскихъ предѣловъ, чтобы мутить войска наиба и народъ въ такое время, когда и безъ того горя домашняго много. Рѣшено было отправить знатнаго плѣнника „въ подарокъ намѣстнику“.

Несчастнаго сердаря Серверъ-хана доставили подъ конвоемъ 15-го января въ Мазари-шерифъ, гдѣ онъ и былъ обезглавленъ на четвертый день бывшимъ слугою Абдъ-уль-Рахманъ-хана, иранцемъ Алладатъ-ханомъ и сарыпульскимъ комендантомъ Мухидинъ-ханомъ, по приказанію наиба и по совѣту всѣхъ старшихъ войсковыхъ афганцевъ, находившихъ, что только этою мѣрою и можно удержать войска отъ измѣны, а претендентовъ отъ дальнѣйшихъ домогательствъ.

V.

Неудачи Исакъ-хана и смерть Серверъ-хана ободрили Гулямъ-Гайдаръ-хана не надолго.—Давно развращенныя афганскія войска угрожаютъ сдѣлать coup d'état.—Намѣстникъ хлопочетъ выслать отрядъ въ Кундузъ, а самъ помышляетъ удалиться въ Гератъ.—Вскорѣ послѣ отправленія отряда въ Кундузъ, 21-го февраля тахтапульцы начали мятежъ.—Обложивъ Тахтапуль свободными войсками, но замѣтивъ и въ нихъ измѣну, Гулямъ-Гайдаръ-ханъ удаляется поспѣшно въ Бухару.—Въ Тахтапулѣ провозгласили Абдъ-уль-Рахманъ-хана, признавъ временнымъ наибомъ Кундузъ-хана.—4-го марта Исакъ-ханъ явился въ Мазари-шерифъ.—Новое правительство Чаръ-Вилайята пріискиваетъ деньги насиліемъ, пытками, казнями.—Исакъ-ханъ посылаетъ бухарскому эмиру дерзкое требованіе выдать Гулямъ-Гайдаръ-хана.—Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ прибылъ въ Ханабатъ и, завязавъ дѣятельныя сношенія съ Кабуломъ, поджидаетъ англійское посольство.

Послѣ трагическаго событія—казни Серверъ-хана въ Мазари-шерифѣ,—претенденты дѣйствительно пріуныли. Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ держался очень скромно и терпѣливо въ Рустекѣ, жалуясь уже на безденежье; Исакъ-ханъ съ сотней своихъ конниковъ ушелъ въ Давлетъ-абатъ подъ защиту отдѣлившагося правителя округа Меймене, а можетъ быть, и съ намѣреніемъ пробраться въ Гератъ.

Но дѣла принимали въ Чаръ-Вилайятѣ день-ото-дня такой ходъ, который могъ еще обнадеживать претендентовъ.

Мы уже раньше говорили о томъ, до какой деморализаціи были доведены афганскія войска Чаръ-Вилайята разными погрѣшностями самого намѣстника. Положеніе этихъ войскъ все время не улучшалось, а становилось положительно критическимъ, потому что содержанія имъ не выдавали, утѣшая обѣщаніями, а жизненные продукты и даже фуражъ и топливо совершенно истощились у жителей до того, что въ февралѣ мѣсяцѣ пудъ муки покупался по три рублей на металлъ, а лошадей приходилось кормить кореньями травъ и древесными сучьями.

При такомъ всеобщемъ бѣдствіи, какой преданности „законному“ дѣлу могъ ожидать наибъ отъ своихъ до-нельзя распущенныхъ войскъ, нисколько не утѣшавшихся постоянною раздачею „по заслугамъ“ чиновъ, а требовавшихъ или хлѣба, одежды и топлива, или же жалованья?

Намѣстникъ самъ понималъ безъисходность такого положенія, самъ предчувствовалъ непродолжительность своего режима и все-таки оставался на своемъ посту, поджидая преемника, развлекая солдатъ пушечными салютами, иллюминаціей по случаю утѣшительныхъ будто-бы извѣстій изъ Кабула, которыя самъ же придумывалъ и сочинялъ, облекая въ письма.

Наконецъ, какъ послѣднее средство къ поддержанію порядка, Гулямъ-Гайдаръ-ханъ задумалъ выполнить экспедицію въ Кундузъ, какъ для наказанія Султанъ-Мурада, угрожавшаго своими скопищами изъ Гури, такъ и для поощренія войскъ грабежемъ, который все же могъ прокормить всѣ пал-таны въ теченіе даже нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ такъ узбекское населеніе Кундуза извѣстно полной своей зажиточностью.

Но выполнить давно задуманный походъ было не такъ уже легко. Выставленные на позицію близъ Ташкургана три палтана афганцевъ, два баталіона узбековъ-рисалинцевъ и 18 орудій съ ракетами и прислугой, получивъ въ главнокомандующіе наибовскаго племянника Магометъ-ша, отказались ему подчиняться, прогнали главнокомандующаго и нѣсколькихъ генераловъ и потребовали къ себѣ наиба. Пришлось выдать предварительно за два мѣсяца жалованье, а потомъ уже явиться къ бунтующимъ солдатамъ. Гулямъ-Гайдаръ-ханъ и въ этотъ разъ снималъ предъ войсками чалму, присягалъ на коранѣ, что денегъ больше не имѣетъ, но недополученное содержаніе выдастъ по возвращеніи изъ похода, который считалъ крайне и неотложно нужнымъ для спасенія ихъ же, солдатъ.

На другой день, 17-го февраля, отрядъ выступилъ по направленію въ Кундузъ чрезъ Башъ-абаданъ, подъ общимъ начальствомъ персіянина генерала Гуль-Ахмета, приверженнаго наибу. Гулямъ-Гайдаръ-ханъ почувствовалъ себя легко, но очень не надолго. Оставшіеся въ центральномъ Чаръ-Вилайятѣ палтаны надѣлали ему хлопотъ, какихъ онъ, очевидно, не ожидалъ.

Было уже отмѣчено, что единственная самая сильная

крѣпость, ключъ Чаръ-Вилайята, Тахтапулъ, въ семи верстахъ отъ Мазари-шерифа, резиденціи намѣстника, была занята гарнизономъ въ 800 пѣхотныхъ афганцевъ съ комендантомъ Хуссеинъ-ханомъ. Матеріальное положеніе тахтапульскихъ солдатъ оставалось все время ничѣмъ не лучше, какъ и остальныхъ. Разница была только въ томъ, что они меньше терпѣли отъ чрезвычайно холодной зимы и постоянныхъ бурановъ, потому что жили въ казармахъ, а не въ шалашахъ и дырявыхъ бязевыхъ палаткахъ. Пожалуй, тахтапульцы еще больше другихъ и голодали, потому что въ этой крѣпости совершенно нѣтъ частныхъ обывателей.

Понятно, что при такомъ положеніи, угрожавшемъ голодною смертью, отъ солдата нельзя и ждать преданности долгу службы, которому афганцы и по природѣ своей были до сихъ поръ чужды. Понятно, что деморализованныхъ до послѣдней степени солдатъ, потерявшихъ окончательно всякую вѣру въ своего намѣстника, легче было привлечь на свою сторону всякими новыми заманчивыми обѣщаніями, чѣмъ сто разъ слышаннымъ уже увѣреніемъ, что денегъ нѣтъ, но они будутъ. Такъ дѣйствительно и случилось.

Тахтапульцы давно уже получили письма Абдъ-уль-Рахманъ-хана, приглашавшія дѣйствовать за него, обѣщавшія шестимѣсячное жалованье и награды; они умалчивали объ этихъ прокламаціяхъ, совѣтовались, но не рѣшались, поджидая также, не явится ли изъ Баміана, какъ давно пугали, бывшій наибъ Нуръ-Магометъ-ханъ, который казался гораздо интереснѣе, потому что онъ служилъ англичанамъ. Но Нуръ-Магометъ-ханъ оказался горный миѳъ, подъѣзжавшій къ границѣ Чаръ-Вилайята съ небольшой конной партіей только для развѣдки. Тахтапульцы рѣшили передаться Абдъ-уль-Рахманъ-хану.

Завязавъ сношенія съ Исакъ-ханомъ, дружелюбно принятымъ 10-го февраля въ Андхоѣ, гарнизонъ только и ждалъ, когда выступитъ отрядъ въ Кундузъ, чтобы дѣйствовать свободнѣе, такъ-сказать, безъ осѣчки.

Какъ мы пояснили, отрядъ выступилъ 17-го февраля, а на четвертый день въ Мазари-шерифѣ услышали орудійные выстрѣлы изъ крѣпостныхъ верковъ Тахтапуля. Народъ забѣгалъ, вопилъ, зарывая достатки въ ожиданіи грабежа, а намѣстникъ распорядился приготовлять свои вьюки.

Пальба въ пространство усиливалась.

Доложили Гулямъ-Гайдаръ-хану, что Тахтапуль бунтуется, но еще не все потеряно.

Наибъ собралъ совѣтъ старшихъ начальниковъ, заклиналъ ихъ остаться вѣрными, и хотя не получилъ ни единаго обѣщанія, но утромъ 22 февраля повелъ лично противъ бунтовавшихъ 3 баталіона при шести орудіяхъ, оставшіеся въ Мазари-шерифѣ.

Выдѣливъ изъ атакующаго своего отряда 2 баталіона съ орудіями, подъ командой брата своего, Магометъ-Рахима, наибъ приказалъ ему обложить крѣпость съ юга, а самъ оставался съ остальными афганцами въ приличномъ отдаленіи на сѣверной сторонѣ.

Полчаса слышалась орудійная перестрѣлка тахтапульцевъ съ войсками наиба безъ потерь, а затѣмъ въ отрядѣ Магометъ-Рахима раздался какой-то очевидно условленный сигналъ, которому отвѣчали изъ крѣпости такимъ же сигналомъ и дружной вылазкой. Въ одно мгновеніе начальникъ отряда былъ стащенъ съ лошади тѣмъ же самымъ Алладатъ-ханомъ, который снялъ голову Серверъ-хану, орудія были заклепаны заговорщиками и окруженный такимъ образомъ отрядъ этотъ побратался съ тахтапульцами, направившись вмѣстѣ въ крѣпость, куда увели и командира со всѣми старшими начальниками. Гулямъ-Гайдаръ-ханъ самъ попытался еще двинуться впередъ, но, замѣтивъ развѣвавшіяся на крѣпостныхъ барбетахъ знамена приведенныхъ имъ войскъ, ясно убѣдившись въ нерасположеніи къ нему и послѣдней горсти его же соплеменниковъ-вордаковъ, сказалъ имъ: „дѣлайте что хотите“, и самъ съ тридцатью приверженцами-родственниками поспѣшилъ въ Мазари-шерифъ, провожаемый салютами изъ Тахтапуля подъ звуки

измѣнниковъ „дауръ, дауръ Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ—да здравствуетъ эмиръ Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ“.

Кончившему такимъ характернымъ исходомъ свое дѣло намѣстнику нѣ-зачѣмъ уже было заѣзжать въ Мазари-шерифъ, гдѣ въ его домѣ хозяйничали надъ имуществомъ и жалкою казною опередившія всѣхъ части осаждавшаго отряда и тотъ баталіонъ, который охранялъ резиденцію наиба. Въ этотъ день досталось отъ грабителей и не однимъ придворнымъ Гулямъ-Гайдаръ-хана, но и жителямъ, стонавшимъ отъ насилій тахтапульцевъ три дня, пока не явился изъ отряда Исакъ-хана сердарь Кутдузъ-ханъ, который отвлекъ нѣсколько грабителей, принявъ на себя званіе временного наиба и увѣряя всѣхъ, что при Исакъ-ханѣ имѣются и богатства, и 4000 человѣкъ разнаго войска.

Прежде чѣмъ говорить о тріумфѣ Исакъ-хана, пояснимъ, что упразднившійся 22-го февраля туркестанскій намѣстникъ Гулямъ-ханъ тогда же поспѣшно направился съ своими вьюками и тридцатью слугами на сѣверъ и, преслѣдуемый все-таки конной партіей, отбившей у него четыре вьюка съ серебряной монетой, переправился чрезъ Аму-дарью противъ Ширъ-абата, пославъ бухарскому эмиру письмо. Въ этой челобитной Гулямъ-Гайдаръ-ханъ, называя себя ничтожной соринкой и величая Музаффаръ-хана царемъ могущественнымъ, украшеннымъ солнечной короной, имѣющимъ войскъ столько же, сколько на небѣ звѣздъ, просилъ въ заключеніе разрѣшить ему пріютиться въ Бухарѣ.

Эмиръ бухарскій не отказалъ въ просьбѣ бывшему наибу, какъ не отказывалъ когда-то въ гостепріимствѣ Абдъ-уль-Рахманъ-хану (1865 г.) съ Исакъ-ханомъ (1867 г.), и тѣмъ нажилъ себѣ непріятности, получивъ вскорѣ дерзкое письмо отъ Исакъ-хана, требовавшее выдачи Гулямъ-Гайдаръ-хана, какъ отвѣтчика за кровь Серверъ-хана, подъ угрозою надѣлать большихъ непріятностей эмиру въ случаѣ неисполненія этого требованія.

Музаффаръ-ханъ не исполнилъ, разумѣется, слишкомъ без-

тактно заявленнаго желанія Исакъ-хана, хотя и смирился передъ фактомъ задержанія новымъ наибомъ бухарскаго посланца Касымъ-хана; но, какъ смежный съ Афганистаномъ сосѣдъ и владѣтель всего лѣваго берега Аму-дарьи отъ Чарджуя до Келифа, боязливо смотрѣлъ въ будущее такихъ рѣзкихъ въ началѣ отношеній къ новому афганскому правительству.

Не лучшее впечатлѣніе произвелъ Исакъ-ханъ и въ самомъ Чаръ-Вилайятѣ, куда онъ прибылъ 4-го марта, проѣхавъ предварительно чрезъ крѣпости Ахча и Шубурганъ, гдѣ его и приняли, когда узнали о тахтапульской исторіи и о бѣгствѣ Гулямъ-Гайдаръ-хана.

Въѣздъ въ Мазари-шерифъ новаго наиба не былъ особенно тріумфальный, какъ ни хлопоталъ о томъ Кутдузъ-ханъ. Встрѣченный за городомъ толпою жителей и войскъ, отдавшею селямъ и прокричавшей „дауръ, дауръ Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ“, Исакъ-ханъ вступилъ въ городъ днемъ, имѣя на шеѣ книгу корана, какъ реальную, казалось ему, силу, дополняющую впечатлѣніе слабой обстановки при ничтожномъ конвоѣ въ 300 конныхъ вмѣсто четырехъ-тысячнаго отряда.

Жадно посматривали разумѣется афганцы и на Исакъ-хановскіе вьюки, но они оказались совершенно пустыми, а потому новому наибу пришлось съ первыхъ же дней разыскивать богатства своего предмѣстника, для чего были пущены въ ходъ пытки, и когда нашли только 20000 рупій, зарытыхъ въ саклѣ, пришлось изобрѣтать прямой источникъ къ пріобрѣтенію денегъ, существенно необходимыхъ для удержанія власти. Это оказалось дѣломъ нелегкимъ, потому что Гулямъ-Гайдаръ-ханъ собралъ съ народа подати за два года впередъ, а купцы, которые обыкновенно въ такихъ случаяхъ привлекаются къ сочувствію интересамъ государства, совершенно обѣднѣли еще тогда, когда бывшій намѣстникъ собиралъ съ нихъ на устройство поминокъ о покойномъ эмирѣ Ширъ-Али-ханѣ.

Однако Исакъ-хану, какъ афганцу ханской къ тому же крови, требовалось не увѣренія земледѣльцевъ и купцовъ въ

своемъ наглядномъ обнищаніи, а металлъ, которымъ онъ долженъ былъ закрыть рты, недавно кричавшіе „дауръ“ его двоюродному брату, а теперь шепчущіе о даурѣ Нуръ-Магометъ-хану, угрожающему изъ Баміана. Пришлось поэтому раздать прежде всего тахтапульцамъ по двадцати рупій, остальнымъ войскамъ по десяти рупій, и обратиться все-таки къ налогамъ „на дѣло газы“ (священная война), отъ которыхъ не увернулся и послѣдній нищій.

Практикуя, рядомъ съ такимъ властвующимъ грабежомъ, самыя ужасныя пытки надъ слугами бывшаго наиба, самыя жестокія казни надъ афганцами (Мухидинъ-Рахимъ-ханъ и другіе 20 человѣкъ) — виновниками такъ или иначе смерти сердаря Серверъ-хана, прикрываясь одновременно ханжествомъ съ безтактнымъ, какъ считается у туземцевъ, посѣщеніемъ мѣстныхъ шейховъ-духовныхъ безъ ихъ приглашенія, суетливый Исакъ-ханъ скоро получилъ титулъ „странный“ и потерялъ всякое обаяніе до того, что тахтапульцы не пускали его въ крѣпость, замышляя подстрекательствами изъ Кабула что-то недоброе.

VI.

При затруднительности положенія Абдъ-уль-Рахманъ-хана въ Кундузѣ, недостаткомъ средствъ денежныхъ и боевыхъ, нежеланіемъ афганскаго отряда подчиниться ему, признаки ожиданія миссіи англійской обозначались наглядно заявленіемъ самого сердаря. — Въ Ханабатъ прибыло англійское посольство. — Войска чаръ вилайятскія сосредоточиваются въ Гури. — Пріискивая средства, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ сдѣлалъ принудительный заемъ у проходящихъ купцовъ и продалъ пешаурскій караванъ. — 15 іюня Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ направился изъ Ханабата въ Кабулъ чрезъ Хонджанъ. — Шугнанъ присоединенъ къ Бадахшану. — Какъ разсуждалъ приблизительно ташкентскій сердарь, переправляясь за Гиндукушъ. — Англичане объявили Абдъ-уль-Рахманъ хана эмиромъ Афганистана и вывели изъ Ширпура свои войска. — Въ Афганскомъ Туркестанѣ семидневное празднество привѣтствуетъ вступленіе Абдъ-уль-Рахманъ-хана 15-го іюля въ Кабулъ.

Не въ лучшемъ положеніи былъ въ мартѣ мѣсяцѣ и провозглашенный тахтапульцами эмиръ Абдъу-ль-Рахманъ-ханъ. Хотя сердарю этому и удалось 28-го февраля вступить съ разнымъ сбродомъ изъ бадахшанцевъ и афганцевъ въ Ханабатъ,

гдѣ его принялъ самъ султанъ Муратъ кундузскій, искавшій уже защиты новаго эмира отъ тиранніи надъ жителями отряда Гуль-Ахмета, бросившагося изъ Ташкургана, какъ стая голодныхъ шакаловъ, но онъ все же чувствовалъ подъ собою нетвердую почву.

Видя, что афганцы Гуль-Ахмета, расположившись въ Кундузѣ, вовсе и не помышляютъ о его ханскомъ величіи, Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ посылаетъ къ нимъ, въ половинѣ марта мѣсяца, для переговоровъ своего вѣрнаго слугу, расходчика-казначея, какъ его звали въ Ташкентѣ, Абдулла-Джана, возведеннаго теперь въ званіе сердаря.

Напрасно Абдулла-Джанъ обращался въ Кундузѣ отъ имени ех-эмира къ патріотизму этихъ войскъ, къ увѣреніямъ на всевозможные лады; его настойчиво спрашивали „имѣетъ ли Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ богатства“ и, получивъ отрицательный, откровенный и справедливый отвѣтъ, попросили оратора удалиться, категорически заявивъ, что они выступили изъ Ташкургана въ Кундузъ съ твердымъ намѣреніемъ награбить и уйти въ Кабулъ къ семействамъ, которымъ въ противномъ случаѣ угрожаетъ опасность отъ англичанъ.

Ничего болѣе не оставалось Абдъ-уль-Рахманъ-хану, какъ терпѣливо ждать теплаго южнаго пешаурскаго вѣтерка, который постепенно принималъ свойство благотворнаго воднаго гольфстрема, по мѣрѣ сговорчивости этого афганца, проявившейся въ немъ давно и очень давно.

Очевидно было уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, что Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ видѣлъ всю свою опору въ Кабулѣ, въ англичанахъ; что онъ протягиваетъ туда не только руки обѣщанія унять буйный народъ отъ рѣзни за газа и противъ газа, какъ раздѣлились тогда афганцы, но готовъ идти на всѣ уступки, чтобы добраться только до Кабула и быть признаннымъ англичанами эмиромъ.

Лишь только открылись горные перевалы Гиндукуша, плоды давнишнихъ переговоровъ Абдъ-уль-Рахманъ-хана съ англичанами чрезъ своего дядю Магометъ-Юсуфъ-хана, давно

сидѣвшаго въ Кабулѣ, не замедлили проявиться: въ половинѣ апрѣля прекращаются всякія угрожающія интриги изъ Баміана; въ Ханабатъ скачутъ сторонники сердаря изъ Кабула, Кандагара и даже изъ Тегерана чрезъ мервскую степь, всегда наполненную туркменскими разбойниками; чаръ-вилайятскія и кундузскія войска ведутъ себя скромно, какъ бы забывъ свое намѣреніе возвратиться къ семействамъ; начинаютъ поговаривать о возможности скораго прибытія въ Ханабатъ изъ Кабула англійскаго посольства.

Признаки ожиданія англійской миссіи были на лицо: ех-эмиръ вовсе не помышлялъ о враждѣ къ англичанамъ; онъ увѣрялъ собравшихся къ нему тысячами сторонниковъ въ невозможности побороть англичанъ; онъ озабочивался набрать военныхъ припасовъ для другихъ цѣлей, скорѣе мистификаціонныхъ, чѣмъ положительныхъ; онъ подготовлялся къ движенію за Гиндукушъ мирному, а не боевому; онъ желалъ скорѣе этого движенія, бросаясь по всѣмъ направленіямъ для пріисканія денегъ, съ цѣлью продовольствія всей массы накопившихся въ Ханабатѣ горцевъ.

И вотъ, уже въ первой половинѣ мая въ Ханабатъ явилась англійская миссія изъ четырехъ членовъ.

Посольство кабульское проѣхало чрезъ Кутель-Гиндукушъ, Ханджанъ, Гури и было принято въ Ханабатѣ съ большими почестями, съ тѣмъ всеобщимъ восторгомъ, который давалъ сразу чувствовать, что дѣло пойдетъ на ладъ, что неутвержденнаго эмира окружаютъ все люди мира, люди, желающіе посадить поскорѣе Абдъ-уль-Рахманъ-хана въ Кабулъ и зажить спокойной жизнью.

Это всеобщее анти-воинственное настроеніе рекомендовало, конечно, въ Абдъ-уль-Рахманъ-ханѣ силу вліянія на своихъ единомышленниковъ, силу умѣнья говорить, убѣждать, заговаривать, чѣмъ дѣйствительно онъ всегда и отличался.

Тактичный, разсудительный, достаточно привѣтливый внѣшними пріемами, сердарь Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ произвелъ на миссію самое пріятное впечатлѣніе. Всѣ были въ восторгѣ отъ

будущаго эмира и поспѣшили засвидѣтельствовать, что интеллигентный, образованный Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, хорошо понявъ положеніе дѣлъ, принимаетъ предложенныя условія. Въ чемъ состояли эти условія—разъяснится ниже, а пока можно отмѣтить, что непосредственно послѣ появленія въ Ханабатѣ англійской миссіи, вожди афганскіе получили письма будущаго эмира, изъявляющія удовольствіе, что, „наконецъ, для него открылись врата дружбы съ англичанами".

Было ли это непритворно искреннее признаніе — предоставляемъ сказать времени, отмѣчая здѣсь, что часть миссіи англійской вернулась въ Кабулъ съ посланцемъ отъ ex-эмира въ концѣ мая и что вскорѣ затѣмъ въ Кабулѣ начата Магометъ-Юсуфомъ чеканка рупій имени Абдъ-уль-Рахманъ-хана изъ англійскаго, разумѣется, серебра, а въ Чаръ-Вилайятѣ засуетились военными приготовленіями и раздобычей денегъ, которая была очень затруднительна.

Пришлось обратиться къ чисто афганскимъ средствамъ, чтобы подкрѣпиться сколько-нибудь продовольствіемъ, требовавшимся ежедневно въ большихъ размѣрахъ для окружавшаго Абдъ-уль-Рахманъ-хана трехъ-тысячнаго отряда, чтобы добыть такую сумму серебра, какая по разсчету нужна была на первое время для дальнѣйшаго выполненія плановъ.

Начали съ того, что за нерадивость въ доставленіи въ Ханабатъ хлѣба и барановъ замѣнили бадахшанскаго правителя Баба-хана Умаръ-ханомъ, чѣмъ вызвали небольшое волненіе въ бадахшанцахъ, любившихъ своего мира и знавшихъ, какую онъ оказалъ услугу Абдъ-уль-Рахманъ-хану въ первое время появленія его на Пенджѣ.

Принялись затѣмъ за пешаурскихъ и кабульскихъ афганскихъ купцовъ, товары которыхъ на пятистахъ верблюдахъ, слѣдовавшіе въ Бухару чрезъ Баміанъ [1]), были удерживаемы

[1]) Кабульскіе караваны проходятъ на верблюдахъ и лошадяхъ вьючныхъ чрезъ Ташъ-курганъ круглый годъ и зимою слѣдующимъ путемъ изъ Кабула: Калаи-казы—8 верстъ, Куши-Ашру—24 вер., Саръ-чашма—18 вер., Горданъ-Диворъ—26 вер., Калю—26 вер., Тупчи—24 вер., Баміанъ—24 вер., Сурхдара—8 вер., Акъ-рабатъ — 16 вер., Сейганъ — 24 вер., Когмартъ—24 вер., Мадръ—26 вер., Дау-объ—26 вер., Руи—24 вер., Хурамъ—30 вер., Сарбагъ—16 вер., Айбанъ—24 вер., Хозретъ-султанъ—26 вер., Газни-гакъ—16 вер., Саятъ—18 вер., Ташкурганъ—16 вер. Всего 21 переходъ 436 верстъ.

въ Ташъ-курганѣ уже съ марта мѣсяца. Хозяева этого каравана съ кисеей, кашемирскими шалями, индійской парчей, цѣнностью въ полтора милліона рублей, сначала уговорили дать Абдъ-уль-Рахманъ-хану одинъ лякъ рупій (60,000 рубл.) въ займы на четыре мѣсяца, а когда они принесли эту сумму, имъ объявили, что заемъ дѣлается безсрочно.

Обманутые соотечественники будущаго афганскаго повелителя потащились искать справедливости у него самого, но Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ отвѣтилъ имъ, что нуждается въ деньгахъ для общаго народнаго дѣла, а потому займомъ не ограничится, а прикажетъ конфисковать и продать товары. Такъ дѣйствительно и сдѣлали, распродавъ въ іюнѣ—іюлѣ мѣсяцѣ въ Ташъ-курганѣ караванъ въ 450 верблюдовъ.

Разумѣется, потерпѣвшіе купцы-афганцы нигдѣ не могли найти затѣмъ правосудія и только молились, вмѣстѣ съ бухарцами, чтобы это былъ послѣдній случай насилія, чтобы дали возможность пройти свободно остальной массѣ товаровъ каравана въ шесть тысячъ верблюдовъ, давно уже выжидавшаго въ Кабулѣ и Баміанѣ.

Добывъ такимъ азіатскимъ способомъ значительный кушъ денегъ, начали формировать приготовленія.

Съ шестого іюня палтаны отправлялись по ночамъ изъ Ташъ-кургана въ Гури, гдѣ поступали подъ временное завѣдываніе уже извѣстнаго намъ Абдулла-Джана и Нейкъ-Магомета, присоединившагося къ Абдъ-уль-Рахманъ-хану въ концѣ мая мѣсяца.

Къ чему старались скрывать сосредоточеніе войскъ на пути чрезъ перевалъ Гиндукуша—объяснить трудно. Но стараніе скрываться, конечно, ни къ чему не привело, такъ какъ всѣ видѣли, что затѣвается, по размѣрамъ заготовленій продовольствія и обоза, большой походъ, который считали въ полной зависимости отъ послѣдовавшаго въ Ханабатѣ согла-

шенія съ англичанами, соглашенія, призывавшаго Абдъ-уль-Рахманъ-хана въ Кабулъ эмирствовать, о чемъ онъ самъ говорилъ своимъ приближеннымъ, умалчивая разумѣется о подробностяхъ сдѣлки.

По характеру приготовленій къ походу въ Ханабатѣ, которыя обозначились съ перваго іюня приказаніемъ султану кундузскому доставить двадцать тысячъ барановъ и сто тысячъ пудовъ муки, обозначались также постепенной отсылкою частей наличныхъ войскъ въ Гури, всѣ чувствовали скорое отбытіе сердаря за Гиндукушъ, для рукоположенія въ эмиры, а никакъ не для войны съ англичанами.

Однохарактерныя повсюду ожиданія совершенно сбылись. 19-го іюня въ Ташъ-курганѣ и Марази-шерифѣ было получено приказаніе самого Абдъ-уль-Рахманъ-хана собрать въ главную мечеть ханака (соборъ) весь народъ, войска и объявить прокламацію, что эмиръ Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, по волѣ Всемогущаго Аллаха, вошелъ въ полное во всемъ соглашеніе съ англичанами и отправляется въ Кабулъ. При этомъ объявлялось, что въ Чаръ-Вилайятѣ остается управлять сердарь Исакъ-ханъ, въ Кундузѣ сердарь Абдулла-Джанъ, въ Бадахшанѣ рабъ (Гулямъ) Умаръ-ханъ.

Согласно волѣ Абдъ-уль-Рахманъ-хана, наибъ Исакъ-ханъ лично прочелъ воззваніе въ Мазари-шерифѣ, Кундузъ-ханъ прочелъ въ Ташъ-курганѣ и каждый пригвоздилъ этотъ историческій документъ въ соборной мечети.

День выступленія сердаря хорошо знали, разумѣется, за Гиндукушемъ и за двое сутокъ толпы афганцевъ лились волною въ Ханабатъ, всѣ изъявляя восторгъ, желаніе, чтобы сердарь шелъ въ Кабулъ скорѣе.

Къ пятнадцатому іюня на берегу Пенджа собралось народа до десяти тысячъ и тогда Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ, получивъ напутственное благословеніе (фатифа) духовенства, сѣлъ въ 5 часовъ пополудни на своего походнаго коня, ближайшія горы приняли эхо, какое не раздавалось на берегахъ Амударьи со временъ Тамерлана.

Въ этомъ возгласѣ неподдѣльнаго энтузіазма массы горцевъ сливалось все, и постороннему наблюдателю, не посвященному въ тайны всѣхъ предшествовавшихъ перипетій, не мудрено было ошибиться и допустить, что сердарь Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ отправился искать полнаго эмирства оружіемъ, а не дипломатіей. Да оно было отчасти и справедливо, потому что одновременно съ выступленіемъ изъ Ханабата оружіе Абдъ-уль-Рахманъ-хана дѣйствовало рукою Умаръ-хана въ другой части горъ, на востокѣ, въ жалкомъ бѣдностью, но быть можетъ значительномъ въ другомъ отношеніи Шугнанѣ.

На географическихъ картахъ эта крошечная страна испещрена обильными подробностями; но мы сильно склонны думать, что всѣ онѣ сомнительнаго достоинства.

Какъ бы ни было, разскажемъ, что горное владѣніе Шугнанъ лежитъ на верховьяхъ рѣкъ Пенджабай, Аксу, граничитъ съ Памиромъ, Дарвазомъ-бухарскимъ, Чатраломъ и Бадахшаномъ, населено исключительно таджиками древне-иранской народности, бѣдно растительной, лѣсной природой и производительностью почвы, но изобилуетъ, какъ сказываютъ, минеральными богатствами.

Чѣмъ обратила на себя такъ рано вниманіе Абдъ-уль-Рахманъ-хана эта страна—рѣшительно не знаемъ; но достовѣрно освѣдомились, что предлогомъ къ занятію ея 26-го іюля Умаръ-ханомъ изъ Бадахшана послужило неисполненіе самостоятельнымъ ея владѣтелемъ Юсуфъ-Али-ша сдѣланнаго ему требованія: выдать укрывавшагося въ Шугнанѣ извѣстнаго уже намъ Шахъ-Заде-Хасана, претендента на Бадахшанъ.

Не трудно было занять Шугнанъ даже скопищемъ бадахшанскихъ стрѣлковъ (мергеней), потерявшихъ въ стычкѣ всего три человѣка убитыми и 15 человѣкъ ранеными.

Съ такими-то незначительными, пятидневными усиліями цѣль была достигнута; владѣтель Юсуфъ-Али-ша взятъ въ плѣнъ; Шахъ-Заде-Хасанъ бѣжалъ въ сосѣдній Чатралъ; Шугнанъ присоединенъ къ Афганистану, чему радовались, салютовали, праздновали въ Ханабатѣ, Чаръ-Вилайятѣ и въ Хонд-

жанѣ, гдѣ догнала эта пріятная вѣсть самого полу-эмира, который могъ теперь уже сказать: „я дѣйствую такъ, какъ требуютъ мои собственные интересы: гдѣ нужно оружіемъ, гдѣ возможно дипломатіей самаго тонкаго пошиба; я знаю общее политическое положеніе дѣлъ, знаю свойства афганскаго народа, знаю самого себя“.

Такъ приблизительно разсуждалъ, догадываемся мы, бѣжавшій изъ Ташкента нашъ бывшій гость сердарь Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ послѣ выступленія изъ Ханабата, поспѣшно направляясь къ грозному перевалу Гиндукуша, чрезъ Шуръдара, Джалоды, Акъ-булакъ, Норынъ, Бузъ-дара, Ходжа-бала и на шестой день въ Хонджанъ.

Въ этой хазаринской осѣдлости, у подножія Кутели Гиндукушъ, пришлось полу-эмиру пріостановиться.

Требовалось отправить въ Кабулъ еще посланца съ предупрежденіемъ о своемъ движеніи; требовалось приготовить людей отдыхомъ къ переходу чрезъ высочайшій снѣжный перевалъ; требовалось самое главное—испробовать почву за Гиндукушемъ, потому что были получены неблагопріятныя предупрежденія.

Съ этою послѣднею цѣлью изъ Хонджана пришлось отправить за Гиндукушъ авангардъ въ двѣ тысячи вооруженныхъ афганцевъ, съ сердарями Нейкъ-Магометъ и Абдулъ-Азизъ-ханомъ, которымъ поручалось также задобривать вліятельныхъ людей Чарикера и бека этого округа раздачею халатовъ, отпущенныхъ имъ въ количествѣ восьми тысячъ штукъ.

Давно небывалое за Гиндукушемъ такое широкое поощреніе горцевъ національнымъ аттрибутомъ, оставляющимъ то же впечатлѣніе на самолюбіе и честолюбіе азіатцевъ, какое производятъ въ Европѣ ордена, произвело разумѣется свое полезное дѣйствіе: оно расположило къ Абдъ-уль-Рахманъ-хану и этихъ загорныхъ афганцевъ. А тѣмъ временемъ было получено изъ Кабула отвѣтное посланіе, условившее окончательно подробности всего эпилога, къ которому такъ нетерпѣливо, такъ искренне стремились въ Кабулѣ, стараясь утѣшить кабинетъ Гладстона скорѣйшей развязкой всей этой афганской шарады, стоившей пораженія Биконсфильду и большой тревоги, большихъ затратъ для всей англійской націи.

Развязка не замедлила послѣдовать: 2-го іюля Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ перешелъ чрезъ Гиндукушъ въ Сухта-чинарь и Чарикеръ, повсюду привѣтствуемый восторгомъ народа, видѣвшаго въ сердарѣ умиротворителя страны, избавителя ея отъ англійскаго нашествія.

Англичане конечно очень хорошо чувствуютъ, что въ понятіяхъ всего горнаго населенія отнынѣ они хундоры (отвѣтчики за кровь) афганцевъ, всегда готовыхъ такъ или иначе дать реваншъ, и, безъ сомнѣнія, имѣли это въ виду при заключеніи окончательной сдѣлки съ бывшимъ нашимъ гостемъ Абдъ-уль-Рахманъ-ханомъ, признаннымъ одиннадцатаго іюля королевой Викторіей полноправнымъ эмиромъ Афганистана.

По заключенному договору, 11 іюля англійскія войска удалились спокойно изъ Ширпура въ Пудхакъ, а 15-го числа эмиръ Абдъ-уль-Рахманъ-ханъ сынъ Афзаль-хана совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Кабулъ, гдѣ въ тотъ же день обычные намазы кончились молитвой о здравіи и долгоденствіи сагибъ-эмира Абдъ-уль-Рахманъ-хана.

Радостное извѣстіе о полномъ успѣхѣ Абдъ-уль-Рахманъ-хана получилось въ Ханабатѣ восемнадцатаго іюля, въ Чаръ-Вилайятѣ 21-го числа того же мѣсяца и было празднуемо семь дней пушечными салютами, вечерней иллюминаціей во всѣхъ городахъ и туземными забавами съ неизбѣжной пляскою афганскихъ батчей среди народа, между которымъ появлялся въ паланкинѣ, подобно раджѣ, сердарь Исакъ-ханъ, нынѣшній чаръ-вилайятскій наибъ.

БУХАРСКІЯ ВОЙСКА ВЪ 1880 Г.

Блестящее ирджарское сраженіе 8-го мая 1866 года, прославившее въ Средней Азіи русское оружіе и пошатнувшее въ глазахъ всѣхъ магометанъ значеніе бухарскаго эмира, какъ верховнаго главы мусульманства, впервые ознакомило русскихъ съ военными боевыми качествами бухарской арміи. Рядъ послѣдующихъ затѣмъ побѣдъ надъ бухарцами, сопровождавшихся отобраніемъ крѣпостей *Ходжента*, *Уратюбе*, *Джизака*, *Яны-кургана* и паденіемъ 1-го мая 1868 года города *Самарканда*, вынужденно заставили перенести границу русскаго Туркестана на *Зёрыбулакскіе* холмы, въ 150 верстахъ отъ Бухары, чѣмъ окончательно и разсѣяны политическія иллюзіи эмира Музафаръ-хана и ослабленъ военный пылъ его узбекскаго народа.

Будучи вызваны политическою необходимостью принять военныя мѣры, въ концѣ 1868 года, изъ Самарканда, противъ инсуррекціи, поднятой въ Карши старшимъ сыномъ эмира *Абдъ-уль-Малакомъ-Катта-Тюре* съ цѣлью низложенія своего отца, мы, разсѣявъ мятежниковъ, доказали бухарцамъ и наше желаніе мирныхъ отношеній, и безразсудство мечты юнаго наслѣдника ханства объ истребленіи русскихъ.

Всѣ эти еще не очень давнія военныя и политическія событія на бывшей территоріи значительнаго и сильнаго, по убѣжденіямъ азіатцевъ, Бухарскаго ханства, при обмѣнѣ съ 1869 года частыхъ сношеній туркестанскаго управленія съ эмиромъ, упрочили русское вліяніе на бухарцевъ, установили правильныя торговыя отношенія, способствовали также накопленію научныхъ свѣдѣній о сосѣдней странѣ и теперь дали возможность собрать путемъ разспросовъ и личныхъ наблюденій нѣкоторыя данныя о бухарскихъ войскахъ.

Составляя эти краткія замѣтки въ Бухарѣ, мы не имѣли никакой возможности пользоваться книжными и оффиціальными пособіями для справокъ и уясненія вопросовъ о послѣдовательномъ развитіи военнаго искусства у бухарцевъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, о тактическихъ боевыхъ пріемахъ войскъ въ ихъ постепенномъ развитіи, начиная хотя бы со временъ походовъ Тамерлана (1363—1405), какъ перваго лучшаго азіатскаго полководца. Сгруппировать такія свѣдѣнія было бы трудно, полагаемъ, и для спеціалистовъ военнаго дѣла, потому что мусульманскіе лѣтописцы и историки минувшихъ эпохъ о сраженіяхъ не разсказывали подробно, а о военномъ дѣлѣ никогда не писали.

По мусульманской азіатской литературѣ можно только освѣдомиться, что „распри извѣстны человѣчеству съ того времени, какъ люди познали, что̀ такое хлѣбъ“, что война (мукадыма) была орудіемъ распространенія религіи восточнаго пророка, что священная война (газа) обязательна для каждаго правовѣрнаго, какъ завѣщанная Магометомъ въ коранѣ.

По Наршахи, Тарихи Джиганкуши можно узнать еще, что всѣ арабскіе (666), турецкіе (1004 — 1113), монгольскіе (1226—1363), татарскіе (1363— 1405), узбекскіе (1405 — 1800) завоеватели совершали свои вторженія въ страны Средней Азіи и свои боевые подвиги за обладаніе ханствами съ ордами, полчищами (аламанъ) преданныхъ общему дѣлу людей, не знавшихъ въ началѣ іерархіи, занесенной въ Азію завоевателями Чингизомъ и въ особенности Тимуромъ изъ странъ запада.

Тѣ же восточные историки отмѣчаютъ, что орды Чингизъ-хана, полчища Тамерлана, Бабера и другихъ завоевателей были всегда почти конныя, частью вооруженныя холоднымъ оружіемъ и стрѣлами, дѣлились на отряды (оскоръ), имѣли предводителей (лашкарбаши), безпощадно истребляли враговъ

и покоренное населеніе, обращая въ пустыни тѣ страны, въ которыхъ они дѣлались полными хозяевами.

Затѣмъ вопросы о выдѣленіи изъ нахлынувшей въ Среднюю Азію монгольской лавы особаго класса служилыхъ (сипа) военныхъ людей, о введеніи впервые, до Тамерлана, огнестрѣльнаго оружія и о вліяніи его на азіатскую тактику, о давности организаціи въ Бухарскомъ ханствѣ войска (лашкаръ), какъ отдѣльнаго функціонирующаго элемента въ политической жизни страны, остаются совершенно открытыми по книжнымъ источникамъ, и мы должны спѣшить записать по крайней мѣрѣ то, что̀ сохранило народное преданіе по разсказамъ современниковъ.

Всѣ утверждаютъ, что отъ временъ эмира Тимура (Тамерланъ) азіатскій народъ сохранилъ преданіемъ представленіе о войскѣ, имѣвшемъ общаго начальника (лашкаръ баши), отрядныхъ начальниковъ (соркарди) надъ десятью тысячами конниковъ, отдѣльныхъ командировъ въ отрядѣ тысячныхъ, сотенныхъ, десяточныхъ.

Войско Тимура было исключительно конное, занималось военными упражненіями по выработаннымъ знаменитымъ полководцемъ правиламъ, которыя примѣнялись и къ бою.

Вооруженіе состояло изъ пикъ, шашекъ, луковъ, батиковъ-дубинъ съ булавою и ружей фитильныхъ съ рогатками для вѣрности прицѣливанія. Были также чугунныя пушки и тяжелыя длинныя большого калибра ружья (джазаиль), которыя возились вьючкою на коней и требовали въ бою для дѣйствія не менѣе четырехъ человѣкъ. Военные припасы приготовлялись въ мастерскихъ эмира разными знатоками, приведенными изъ Ирана и другихъ западныхъ странъ. Войско дѣлилось на кавалерію (атчапаръ) съ холоднымъ оружіемъ (яракъ) и на конниковъ-застрѣльщиковъ (мергень) съ фальконетными ружьями, а пушки служили только для обороны верковъ въ крѣпостяхъ, типъ которыхъ былъ тотъ самый, какой мы видимъ и теперь въ Бухарѣ, окруженной одной трехсаженной зубчатой стѣной

съ барбетами чрезъ каждыя четыре сажени, но безъ оборонительнаго рва [1]).

Все войско Тимура составляло такимъ образомъ служилый (сипа) классъ въ государствѣ, получавшій различное денежное, натуральное довольствіе и добычу, какую давала постоянно война.

Такимъ образомъ, начавшись выдѣленіемъ изъ ордъ и полчищъ отдѣльныхъ частей подъ командой выдававшихся способностью храбрецовъ (богадуръ), военная организація получила при Тимурѣ настолько опредѣленности, что уже различала нижнихъ чиновъ (аламаны) и чиновниковъ (амалидары), назначавшихся ярлыкомъ эмира, по представленіямъ начальниковъ, изъ рядовыхъ, отличившихся въ бою и усердіемъ на службѣ. Амальдары-чиновники получали соотвѣтственныя начальническія права въ своихъ войсковыхъ частяхъ, назначались также къ разнымъ должностямъ по гражданскому управленію и получали какъ соотвѣтствующее опредѣленное содержаніе, такъ и награжденіе халатами (тунъ), пожалованіемъ аренды, денежными выдачами. Всѣ повышенія въ чинахъ (амаль), всѣ награжденія и опредѣленія къ должностямъ дѣлались грамотою самого эмира или по его личному усмотрѣнію или же по представленіямъ войсковыхъ начальниковъ и бековъ, какъ окружныхъ начальниковъ.

Контингентъ войскъ формировался и пополнялся вольнымъ поступленіемъ въ ряды конницы всѣхъ изъявлявшихъ желаніе служить и получавшихъ на то разрѣшеніе эмира съ зачисленіемъ въ списки соотвѣтствующей части, гдѣ каждый такой ратникъ и обязанъ оставаться до самой смерти, подчиняясь всѣмъ военнымъ требованіямъ.

Для удобства содержанія, войска жили по квартирамъ и являлись по первому призыву для похода и другихъ надобностей.

---

[1]) За десятилѣтіе вполнѣ мирной жизни бухарцевъ всѣ крѣпости Бухарскаго ханства, оставаясь, по безпечности правительства, безъ всякаго ремонта, дошли уже до полнаго разрушенія.

При затруднительности содержать на опредѣленномъ жалованьи постоянный значительный военный контингентъ, эмиры послѣ тамерлановскаго времени, значительно сокративъ оный, въ необходимыхъ случаяхъ войны обращались къ повременному призыву ратниковъ (нау-кары — новички) изъ подвластнаго населенія, выдавая имъ вооруженіе и соотвѣтствующее вознагражденіе изъ военной добычи.

Такіе наукары, составляя въ бою и на походѣ нестройный, чуждый военнаго дѣла сбродъ, только обременявшій армію, превращались послѣ войны или похода въ обыкновенныхъ мирныхъ обывателей, но такъ, что каждый удерживалъ за собою названіе наукара и являлся въ ряды наукаріи своего округа по первому говору о новой войнѣ. Отсюда начало постоянныхъ войскъ (лашкаръ) и призываемыхъ (талобгаръ) по мѣрѣ надобности (наукары).

Сорокалѣтнее царствованіе эмира Тимура, раздвинувъ постоянными войнами государство его до Ганга, Мраморнаго моря и Гоби, хотя не обезпечило политическую крѣпость этой монархіи, но дало все же нѣкоторое устройство гражданское и оставило вообще сильное впечатлѣніе какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ.

Авторитетъ Тамерлана, какъ знаменитаго полководца и завоевателя, держался въ Средней Азіи цѣлыя три столѣтія такъ сильно, что предъ нимъ склонялись всѣ послѣдующіе полководцы, всѣ правительственныя династіи въ царствѣ Тимура, его принимали за образецъ въ искусствѣ вести войны, его считали одареннымъ свыше, ему поклонялись съ мистическимъ страхомъ, слѣдуя во всемъ тамерлановской тактикѣ, тамерлановской системѣ организаціи войскъ. Такова была сила обаянія сорокалѣтнихъ дѣяній этого замѣчательнаго азіатскаго завоевателя, создавшаго себѣ надолго всемірную извѣстность не родовитостью, не происхожденіемъ своимъ отъ простого родоправителя Тургай, изъ Шахрисябзя, а своимъ выдающимся умомъ, желѣзною волею и чрезвычайной энергіей.

Зато наслѣдники обширнаго государства, сыновья Тимура,

не только не развивали созданнаго ихъ отцомъ военнаго дѣла, какъ самаго прочнаго, по тому времени, щита отъ всякихъ политическихъ бурь и опасностей извнѣ, но своею неумѣлостью довели государство до постепеннаго раздробленія, кончившагося образованіемъ незначительнаго Бухарскаго ханства.

Позднѣйшія правительственныя династіи Шейбанида, Аштархана-ды и, наконецъ, Монгиты, по преданію слѣдовали тамерлановской военной системѣ безотчетно слѣпо, нисколько не соображаясь съ требованіемъ своего времени, почему и терпѣли всегда пораженія отъ Ирана, бывшаго когда-то въ составѣ монархіи эмира Тимура.

Однако наиболѣе сметливый бухарскій эмиръ Шахмурадъ-Махзумъ (1784—1803), выдержавъ при помощи своихъ нафанатизированныхъ тогда узбековъ нѣсколько удачныхъ битвъ съ войсками персидскаго государя Абассъ-шаха, первый почувствовалъ необходимость въ военныхъ преобразованіяхъ, первый завелъ полевую артиллерію и весьма ограниченное число пѣхоты.

Внукъ Шахмурада, войнолюбивый эмиръ Насрулла-ханъ (1826—1860), хотя не воевалъ съ Персіей, а изрѣдка праздновалъ только побѣды надъ своими мятежными вассалами и Коканомъ, но, чувствуя приближеніе грозы съ запада, еще болѣе усиленно хлопоталъ о военныхъ усовершенствованіяхъ во всей арміи, гдѣ вольница — наукарія все-таки имѣла значительный численный перевѣсъ надъ списочными войсками [1]).

При Насрулла-ханѣ улучшается значительно полевая артиллерія, для которой вводится артиллеристами-афганцами искаженный англійскій уставъ, усиливается контингентъ тяжелой кавалеріи — хасабордаровъ съ фальконетами, нѣсколько увеличивается количество пѣхоты, которую начинаютъ примѣнять для прикрытія въ бою артиллеріи и для штурма крѣпостныхъ верковъ (уратюбе).

Всѣми этими преобразованіями, включительно съ придачею

[1]) Наукарія изъ узбековъ существуетъ и теперь въ Бухарскомъ ханствѣ, безъ опредѣленнаго, впрочемъ, назначенія и только по спискамъ.

артиллеріи ѣздовыхъ нумеровъ и орудійныхъ лошадей, вмѣсто быковъ, какъ было до того времени, эмиръ Насрулла-ханъ обязанъ былъ нѣкоему проходимцу, персіянину Абдъ-Самату, который, побывавъ предварительно въ Индіи и въ Афганистанѣ, съумѣлъ настолько блеснуть въ Бухарѣ своими военными способностями, что мечтавшій всегда о титулѣ шаги-шаганъ (царя царей) Насрулла-ханъ сдѣлалъ его генералиссимусомъ и всегда ввѣрялъ ему свои войска во всѣхъ походахъ противъ Кокана. Наибъ Абдъ-Саматъ, хотя и былъ счастливъ въ военныхъ дѣлахъ противъ коканцевъ, хивинцевъ и шахрисябцевъ, но кончилъ все-таки тѣмъ, что заподозрѣнный Насрулла-ханомъ въ заговорѣ противъ него, былъ казненъ на девятомъ году своей дѣятельности въ Бухарскомъ ханствѣ.

Преемникъ *Насрулла-хана*, единственный сынъ его, нынѣ эмирствующій *Музаффаръ-ханъ* (съ 1860 г.), въ началѣ своего царствованія не только велъ частыя экспедиціи противъ Кокана и Шахрисябзя, но и мечталъ возстановить славу предковъ расширеніемъ могущества своего государства на счетъ русскихъ завоеваній въ Средней Азіи.

Молодому, ничего не извѣдавшему еще эмиру, всегда остававшемуся подъ нелѣпымъ вліяніемъ своихъ приближенныхъ сановниковъ, льстецовъ и обманщиковъ, казалась посильною борьба съ русскими туркестанскими войсками, тогда очень немногочисленными, и мечта стала реализироваться въ задорной политикѣ, враждебной уступчивости и въ постепенныхъ значительныхъ военныхъ приготовленіяхъ, для которыхъ потребовалось обратиться отчасти и къ Персіи.

Такимъ образомъ, уже въ первое пятилѣтіе царствованія *Музаффаръ-хана*, въ его арміи сразу увеличивается контингентъ пѣхоты до *шести тысячъ*, усиливаются полки (доста) фальконетчиковъ-хасабардаровъ, полевая артиллерія доводится до пятнадцати взводовъ четырехъ-орудійнаго состава при усиленномъ комплектѣ прислуги.

Рядомъ съ этими преобразованіями арміи въ ея числительномъ составѣ, велись улучшенія въ правильномъ довольствіи

выдачею пѣхотинцамъ опредѣленнаго жалованья, вознагражденіемъ начальниковъ разными поощреніями, назначеніемъ кавалеристамъ, артиллеристамъ и хасабордамъ постояннаго списочнаго состава опредѣленнаго натуральнаго довольствія изъ хераджно-поземельной подати, уплачиваемой бухарскимъ населеніемъ соотвѣтствующими земледѣльческими продуктами.

Тогда же бухарцы начали озабочиваться о литейномъ, пороховомъ, оружейномъ производствѣ и о введеніи въ пѣхотѣ точнаго военнаго устава.

Какъ для перваго, такъ и для второго дѣла скоро подъискались изъ Персіи и кое-какіе знатоки, которымъ ничего несвѣдущіе бухарцы были разумѣется очень рады, серьезно воображая, что при помощи своихъ различныхъ боевыхъ запасовъ и военнаго образованія имъ удастся побѣдить русскихъ безъ труда.

Такимъ внушителемъ для Музаффаръ-хана относительно силы его арміи былъ персидскій выходецъ мирза *Шахрухъ*, который командовалъ всей пѣхотой, имъ же обученной по уставу, принятому въ персидскихъ войскахъ, но съ немалой прибавкою и фантазіи вмѣсто знанія, которымъ не обладалъ этотъ инструкторъ.

Дѣйствительно, плоды усилій Шахруха надъ обученіемъ сарбазовъ и надъ преобразованіемъ вообще въ бухарскихъ войскахъ не замедлили обрисоваться наглядно на Ирджарѣ, близъ лѣваго берега Сыръ-Дарьи, гдѣ двухъ-тысячный отрядъ генерала Романовскаго разбилъ сорокатысячную армію Музаффаръ-хана, захвативъ укрѣпленную батарею въ 46 орудій и весь лагерь включительно съ ставкой самого эмира, едва успѣвшаго ускакать, не подобравъ даже донесеній съ поля битвы своихъ военачальниковъ объ успѣхахъ будто бы бухарскаго оружія и обѣщавшихъ „перевязать всѣхъ русскихъ цѣликомъ“.

Ирджарская неудача бухарцевъ стоила Шахруху головы и выдвинула на военное поприще бѣглаго сибирскаго казака, татарина *Османа*. Этотъ смѣлый и изворотливый русскій дезертиръ, съ первыхъ же мѣсяцевъ своего приближенія къ эмиру

и со времени командованія на Ирджарѣ небольшою пѣхотною частью, съумѣлъ убѣдить Музаффаръ-хана и всѣхъ его приближенныхъ, что вся суть неудачи была въ непригодномъ персидскомъ уставѣ, который надо замѣнить русскимъ уставомъ, вооруживъ также пѣхоту пистонными ружьями со штыками, вмѣсто кремневыхъ и фитильныхъ ружей, преобладавшихъ въ то время въ бухарскихъ войскахъ.

Эмиръ радъ былъ конечно слушать „знатока“ военнаго дѣла, и, не теряя надежды дать русскимъ реваншъ, предоставилъ *Осману* вводить въ его арміи преобразованія, какъ онъ самъ знаетъ. Бѣглому сибиряку, никогда не видѣвшему пѣхотнаго строя, трудно было и приступить къ дѣлу, а потому пришлось начать преобразованія съ постепенной замѣны оружія, съ обмундированія пѣхоты по европейскому образцу, а затѣмъ, когда разными усиліями ряды сарбазовъ начали значительно пополняться бѣглыми русскими солдатами изъ магометанъ, военный реформаторъ развернулъ свои природныя способности, насколько позволяла бухарская косность, подозрительность и недовѣріе вмѣстѣ съ природными качествами бухарцевъ: трусостью и неспособностью къ военному дѣлу.

Въ результатѣ всѣхъ усилій *Османа* по преобразованію бухарской арміи, котораго онъ все-таки замѣтно достигъ, была уже значительная стойкость бухарской пѣхоты при защитѣ Чапанатинскихъ высотъ предъ Самаркандомъ, равно какъ и отчетливость маневрированія баталіоновъ на Зерыбулакскихъ холмахъ за Катта-Курганомъ была лучше прежняго, хотя дѣло и кончилось все-таки пораженіемъ бухарцевъ четырьмя туркестанскими баталіонами съ двумя батареями и шестью сотнями кавалеріи.

Окончательное разочарованіе бухарцевъ въ своей военной силѣ послѣ Зерыбулака, заставившее эмира *Музаффаръ-хана* искать мира, было также причиной недовольства новой военной системой.

Османъ былъ обвиненъ въ томъ, что дѣйствовалъ на Зерыбулакѣ развернутыми баталіонами, не подчинялся командамъ

главнаго начальника войскъ *Тактамышъ-бека* изъ бухарцевъ, не поддержалъ, когда требовалось, баталіона нѣкоего турецкаго выходца *Хаджи*, обучавшаго свой баталіонъ по турецкому уставу, и за все это дезертиръ-инструкторъ сложилъ свою голову подъ ножемъ палача въ 1868 году, на пять лѣтъ раньше казни его соперниковъ, *Тактамышъ-бека* и турка *Хаджи*. Такова участь всѣхъ новаторовъ въ странѣ дикаго невѣжества, всеобщей развращенности, считающей лесть, шпіонство, обманъ, коварное предательство высшими людскими добродѣтелями, которымъ самый благочестивый (суфи) мулла способенъ подыскать въ священной книгѣ фетву (оправданіе), лишь бы выслужиться предъ своимъ повелителемъ, управляющимъ ханствомъ посредствомъ шпіоновъ и палачей.

Какъ бы ни было, Османъ все же принесъ бухарцамъ значительную пользу, давъ пѣхотѣ нѣкоторую опредѣленную организацію и дисциплину, насколько оказался способенъ къ ней забитый вѣковымъ деспотизмомъ узбекскій народъ и иранцы, попавшіе массою въ ряды бухарскихъ войскъ изъ невольничьихъ цѣпей.

Этотъ послѣдній элементъ—шіиты—и теперь считается въ Бухарѣ надежнѣйшимъ оплотомъ для своего правительства, настолько, что иранцы занимаютъ высшія должности по управленію, по командованію войсками и составляютъ въ преобладающемъ числѣ личную гвардію (сарбазы Джиляу) эмира Музаффаръ-хана, потому и получившую названіе кулъ-батча—дѣти-невольники, что набраны преимущественно куплею на невольничьихъ рынкахъ и отъ хозяевъ-бухарцевъ.

Переходя теперь къ сообщенію свѣдѣній о современномъ состояніи бухарскихъ войскъ, насколько намъ удалось познакомиться съ ними при недавнемъ личномъ наблюденіи и посредствомъ разспросовъ въ Бухарѣ, скажемъ сначала о пѣхотѣ, какъ о такомъ родѣ оружія, который получилъ настоящую оцѣнку боевой пригодности только съ шестидесятыхъ годовъ, и притомъ подъ руководствомъ чужестранныхъ инструкторовъ,

а главнымъ образомъ *Османа*, по уставу котораго пѣхота бухарская учится и теперь.

Отмѣтивъ уже раньше, что назначеніе первыхъ Насрулла-хановскихъ еще пѣхотинцевъ было охраненіе орудій и штурмъ крѣпостей, скажемъ, что какъ войска остальныя, такъ и народъ смотритъ на своихъ *сарбазовъ* съ полнымъ уваженіемъ, какъ на такихъ защитниковъ родины, которые всегда готовы сложить свои головы (соръ) съ великимъ наслажденіемъ (базъ).

Въ мирное время такихъ охотниковъ выискивается всегда много, и это даетъ возможность правительству формировать и пополнять не только пѣхоту, но и кавалерію, и артиллерію вольнымъ призывомъ. Обыкновенно, желающій служить въ войскахъ, узнавъ о существующей гдѣ-либо вакансіи, обращается къ соотвѣтствующему начальнику части, который и получаетъ приказъ (мубаратъ-нома) эмира внести его въ подлежащій списокъ „такого-то“ баталіона, „такой-то“ роты. Новичекъ получаетъ казенное ружье съ патронными сумками на кожаномъ поясѣ, красную суконную однобортную коротенькую куртку (ключа) безъ всякой пригонки, одни штаны (чальваръ), желтые изъ бараньей кожи—годовые, какъ и куртка, и 4 рубля монетою въ годъ единовременной выдачей на сапоги съ длинными голенищами (таштабанъ), въ которые запускаются штанины чальваръ. Если еще скажемъ, что каждый рядовой пѣхотинецъ получаетъ въ годъ одну черную баранью мерлушку (каракуль), изъ которой самъ шьетъ себѣ низкую татарскую шапку, то этимъ и познакомимъ читателя съ полной обмундировкою бухарскаго сарбаза-пѣхотинца.

Сдѣлавшись пѣхотинцемъ рядовымъ (аламанъ), каждый новобранецъ обязанъ вѣчной службою въ войскахъ, не взирая ни на какія обстоятельства и подвергаясь жестокимъ палкамъ за каждый побѣгъ, какъ и за уклоненіе отъ службы. Единственный выходъ изъ такой добровольной кабалы—побѣгъ подальше, чтобы не розыскали, или же сдѣлка съ ротнымъ командиромъ, который, подъ страхомъ лишиться головы и подъ вліяніемъ, съ другой стороны, денежнаго соблазна, рѣшается нерѣдко

показать подчиненнаго аламана умершимъ или же замѣнить его другимъ добровольцемъ, принимающимъ въ такомъ случаѣ имя аламана, освободившаго вакансію. Прежде эти ухищренія въ пѣхотѣ практиковались весьма часто, но когда въ 1878 г. эмиръ обнаружилъ такое злоупотребленіе и уморилъ въ тюрьмѣ голодною смертью своего молочнаго брата *Баратбека*, получавшаго семь лѣтъ жалованье на тысячу сарбазовъ своего корпуса, въ дѣйствительности не существовавшихъ, доходы (пара) ротныхъ и баталіонныхъ командировъ значительно сократились и извлекаются исключительно изъ такихъ сарбазовъ, которые по какимъ-либо причинамъ не могутъ являться всякій разъ на ученье.

Пѣхотная служба сарбазовъ не велика; она состоитъ въ трехъ-часовомъ ученіи всѣхъ баталіоновъ каждодневно, кромѣ среды и пятницы, въ лагерной жизни во время обычныхъ походовъ съ эмиромъ въ Карши и Шахрисябзь на лѣтнее время — и только; караульной службы не существуетъ.

Бухарскій солдатъ, привычный къ домовитости, къ занятію земледѣльческому и промысловому, тяготится однако и такою службою; онъ неохотно тащится съ ранняго утра изъ своего дома верхомъ на ослѣ на военный плацъ въ самой Бухарѣ; онъ не любитъ своего, все-таки стѣснительнаго, пѣхотнаго костюма, надѣвая его предъ самымъ фронтомъ; онъ положительно ворчитъ, когда главнокомандующій войсками *Тупчи-баши* вздумаетъ,—что бываетъ весьма рѣдко,—оставить баталіоны на лишніе полчаса для пріученія къ выстрѣламъ пошереножно холостыми патронами. Зато съ какою довольною торопливостью, неся подъ мышкою и куртку, и штаны, съ ружьемъ за плечомъ или на сѣдлѣ, возвращается сарбазъ съ ученья въ свой домъ, подталкивая ишака штыкомъ. Особенно не нравится пѣхотинцамъ походная и съ нею лагерная жизнь, когда приходится отрываться отъ семьи на 3 — 4 мѣсяца, нести лишній денежный расходъ на наемъ для переѣзда ишака или лошади, безъ чего сарбазъ не можетъ совершить походъ и на 20 верстъ, мерзнуть иногда въ лагерѣ, потому что сар-

базамъ выдается только на всѣ сезоны одна бязевая круглая палатка на 10 челов., да плохая подстилочная кошма и котелокъ чугунный, которые и возятся на наемномъ отъ казны же верблюдѣ или на арбѣ.

Вяло выступаютъ баталіоны, послѣ списочной переклички (карукъ) изъ Бухары въ походъ, посылая самую отборную, секретную, конечно, ругань самому эмиру, какъ единственному виновнику такихъ передвиженій.

Уныло плетутся сарбазы въ-разсыпную, безъ всякаго строя и порядка, безъ всякихъ признаковъ военнаго костюма, по степямъ походнаго пути, останавливаясь на пунктахъ привала и ночлега, гдѣ и какъ кому вздумается, но больше въ зависимости отъ хозяина наемнаго осла, который также плетется за своими животными, наблюдая, чтобы солдаты не садились бы по-двое, не вьючили бы больше двухъ ружей съ военнымъ скарбомъ одного человѣка.

Одни бухарцы солдатскіе маркитанты (урдо базарчи) испытываютъ удовольствіе, сопровождая баталіоны, видя, что, сколько бы походъ ни продлился, торговля все же будетъ, потому что на получаемыя отъ казны, сверхъ обыкновеннаго жалованья, 10 коп. ежедневнаго порціона, каждый сарбазъ обязательно съѣстъ три лепешки, чашку гороха и запьетъ сорока-копѣечнымъ (за фунтъ) чаемъ, купивъ, пожалуй, еще и дыню, арбузъ или виноградъ и жевательный табакъ (насъ), употребляемый всѣми бухарцами. Маркитанты и располагаются потому съ своими походными лавченками-шалашами о бокъ съ лагеремъ, похожимъ на цыганскій или караванный таборъ, потому что хотя пѣхота становится по-баталіонно, но палатки разставляются не рядами, а какъ придется, мѣстами скученно до тѣсноты, мѣстами съ большими промежутками, занятыми лошадьми, арбами, верблюдами, ишаками ротныхъ, баталіонныхъ командировъ и офицеровъ (амальдары). Всѣ признаки военнаго лагеря обозначаются только кое-гдѣ валяющимися, огромными какъ бочки, турецкими барабанами, да подвѣшенными на колу палатки ружьями. Къ вечеру однако лагерь даетъ о

себѣ знать, потому что предъ закатомъ солнца всѣ баталіонные командиры щеголяютъ съ полчаса предъ дворцомъ эмира своей нестройной музыкой, а вечеромъ, послѣ девяти часовъ (гуфтанъ), какъ и передъ восходомъ солнца, трубачъ играетъ обычную зорю такого же почти мотива, какъ и зоря въ русской пѣхотѣ.

Лагерная походная жизнь солдатъ безъ всякихъ занятій, кромѣ обычныхъ ротныхъ, баталіонныхъ ученій съ ружейными пріемами, фехтовальнымъ упражненіемъ, построеніемъ колоннъ, церемоніальнымъ маршемъ и маневрированіемъ съ перекатной цѣпью, крайне монотонна подавляющимъ однообразіемъ. Эта жизнь зимою исполнена также и физическихъ страданій, потому что топлива не отпускаютъ, а согрѣть палатку никакъ невозможно иначе, какъ поддерживая жаръ углями, которые очень дороги, или дровами-хвороста, которыя не безъ риска добываются солдатами въ ближайшихъ обывательскихъ садахъ, или же недешевою покупкою болѣе зажиточною артелью. Не удивительно поэтому, что какъ только сарбазы провѣдаютъ о скоромъ возвращеніи эмира въ Бухару, всѣ ждутъ не дождутся, когда назначатъ выступленіе, а какъ только объявили день, солдаты забываютъ всякую подчиненность, зависимость отъ начальника и тащутся безпорядочной вереницей, и пѣшіе, и конные, дѣлая на этотъ разъ по шестидесяти верстъ и болѣе въ сутки. Одна артиллерія, сопровождающая всегда эмира, въ количествѣ шести небольшихъ мѣдныхъ орудій [1]), оставшихся послѣ пораженій, сохраняетъ какъ будто бы свое военное достоинство и при обратномъ походѣ. Пушки эти, на невообразимо безобразныхъ тяжелыхъ лафетахъ, всегда стоятъ при ставкѣ эмира и караулятся рослыми, здоровыми артиллеристами изъ персіянъ, одѣтыхъ въ зеленые, длинные, однообразные кафтаны, подпоясанные кожаной портупеей шашки — единственнаго ихъ оружія. Артиллеристы эти составляютъ отдѣльную роту въ 300 челов., хотя предназначенную быть

[1]) Такихъ же 6 орудій полевыхъ имѣется еще у Гисарскаго бека, сына эмира.

орудійной прислугой, но въ сущности умѣющей только запрягать въ каждое орудіе двѣ пары коней уносомъ и ѣздить при этой гладкоствольной батареѣ, но ужъ никакъ не дѣйствовать, потому что за послѣднія двѣнадцать лѣтъ бухарская батарея не сдѣлала ни одного, даже холостого выстрѣла. Нечего и спрашивать, слѣдовательно, у „завѣдывающаго“ артиллеріей *тупчи-баши*, по какому уставу обучены артиллеристы, потому что этотъ старшій генералъ бухарскій не задумается соврать, отвѣтивъ вамъ: „наша артиллерія учится по уставу англійской артиллеріи“, завезенному сюда—надо припомнить—инструкторомъ *Абды-Саматомъ*.

Чтобы покончить съ артиллеріей, мы должны сказать, что, кромѣ подвижной батареи, еще имѣются сложенными при бухарской цитадели (аркъ) до двадцати большихъ мѣдныхъ единороговъ, до сорока мѣдныхъ и чугунныхъ вьючныхъ орудій, до пятнадцати мортиръ мѣдныхъ, разнаго калибра. Все это лежитъ безъ стелажей и наводится глянцемъ (подъ завѣдываніемъ особаго цитадельнаго тупчи-баши—коменданта) только въ тѣ дни, когда эмиръ въѣзжаетъ въ крѣпость, возвращаясь изъ своей поѣздки.

Если мы скажемъ еще, что рота артиллеріи знаетъ лишь двухъ-шереножное построеніе и отданіе чести шашками „на краулъ!“, что батарея опредѣленнаго комплекта не имѣетъ, а пушки возятся лошадьми, доставляемыми по мѣрѣ надобности зіаветдинскимъ бекомъ, завѣдывающимъ также чрезъ своихъ людей и довольствіемъ коней во все время похода, то этимъ будетъ сказано о бухарской артиллеріи все, что только можно сказать, и остается замѣтить лишь, что эта артиллерія безъ разрывныхъ снарядовъ очень слабаго достоинства.

Служба въ бухарской артиллеріи тоже считается почетною, хотя солдатъ получаетъ одинаковое съ пѣхотинцемъ содержаніе и одинаковое количество палокъ въ случаѣ побѣга со службы.

Привлекательно для бухарца служить въ артиллеріи только потому, что внѣ похода время остается совершенное свободное,

а передвиженія приходится совершать верхомъ на казенныхъ лошадяхъ, которыхъ доставляетъ всякій разъ со сбруею и сѣдлами тотъ же зіаветдинскій бекъ. Это все же составляетъ разсчетъ, потому что за осла отъ Бухары до Карши (150 верстъ) пѣхотинцу приходится платить особымъ извощикамъ (кирокеши) два рубля монетой, которые достаются бѣдному бухарцу очень трудно, вслѣдствіе крайне низкой заработной платы, оцѣнивающей обыкновенно трудъ поденщика только десятью копѣйками.

Такъ какъ пѣхотинцу-сарбазу трудно жить на *четыре рубля*, уплачиваемые ему эмировской казною каждомѣсячно, то солдаты, не имѣющіе по близости Бухары своей собственности, зарабатываютъ еще деньги кое-какимъ мастерствомъ, мелкимъ торгашествомъ, услугами въ караванъ-сараяхъ, а многіе кончаютъ и тѣмъ, что, взявъ себѣ двѣ законныя жены, везутъ ихъ въ Ташкентъ и устраиваются въ домахъ терпимости, послѣ чего ужъ, конечно, не возвращаются въ Бухару.

Положеніе бухарскихъ пѣхотинцевъ дѣйствительно таково, что условій къ улучшенію своего быта на службѣ представляется весьма мало. Счастливымъ можетъ считать себя тотъ рядовой сарбазъ-аламанъ, который получилъ эмировскій ярлыкъ (грамату), хотя на первый чинъ *чурагасы*, открывающій иногда дорогу для дальнѣйшихъ повышеній въ слѣдующіе чины: мирзабаши, дживачи, караулбеги, мирахуръ (капитанъ), токсоба, ишикъ-ага-баши, бій, датха (генералъ), парманачи, диванъ-беги,—всѣ установленные еще Тимуромъ и дающіеся въ наши дни какъ служилымъ войсковымъ, такъ и не-войсковымъ бухарцамъ. Но выслужиться удается только протекціей ротнаго предъ баталіоннымъ, баталіоннаго предъ тупчи-башіемъ, и то весьма немногимъ, потому что въ ротахъ полагается только по девяти офицеровъ (амальдары), а также оттого, что протекція покупается всегда недешево и на перебой, лишь только смерть амальдара или призывъ къ другой должности откроютъ вакансію.

Вакансіи чиновниковъ-амальдаровъ занимаютъ обыкновенно

родственники ротныхъ и баталіонныхъ или дальніе родственники бековъ и приближенныхъ эмира, вообще люди, за которыхъ есть кому не только замолвить словечко, но и заплатить. Точно также и дальнѣйшія повышенія въ чины идутъ не безъ вліянія постороннихъ близкихъ людей, не безъ подкуповъ, искательствъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ личной пронырливостью въ услугѣ самому эмиру какимъ нибудь выдающимся шпіонствомъ.

Трудно добраться, говорятъ бухарцы, изъ первыхъ чиновъ до *караулбеги*, а тамъ уже можно отличиться предъ своимъ повелителемъ и получить или должность ротнаго, пожалуй, баталіоннаго командира, или мѣсто по управленію.

Четвертый чинъ важенъ для бухарцевъ и потому еще, что онъ даетъ имъ своего рода дворянское достоинство и жалуемые аттрибуты—ножъ въ золотой оправѣ и кушакъ кашемировой шали. Караулбеги гордятся своимъ званіемъ, получая отъ самого эмира грамоты съ титулованіемъ „мубаризатъ-пона“—„воинственному“, а жена его называется уже *бика*—дворянка и сыновья *беги-джанъ* — дворянчикъ. Для дикихъ узбековъ и сартовъ все это, разумѣется, настолько заманчиво, что каждый служилый — сипай — только и думаетъ, какъ бы ему добраться до караулбеги, а тамъ и выше, до ишикъ-агабаши, титулуемаго уже въ граматахъ „амиротъ-пана“—„властвующему“. Такими баловнями счастья бываютъ обыкновенно сыновья любимыхъ бековъ, казіевъ, старшихъ должностныхъ, получающіе всегда почти сразу чинъ караулбеги, мирахура и даже токсаба независимо отъ своихъ иногда очень юныхъ лѣтъ. Этимъ же привилегированнымъ предоставляются, усмотрѣніемъ самого эмира, и вакансіи баталіонныхъ командировъ, хотя бы они никогда и не видѣли пѣхотнаго строя.

Только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ баталіоны получаютъ ротные командиры изъ числа отличнѣйшихъ, усерднѣйшихъ, преданнѣйшихъ и непремѣнно благонадежныхъ, какъ иначе и быть не можетъ, потому что неблагонадежные спускаются безъ промедленій въ подземную тюрьму (зинданъ), а то и дальше.

Зато роты достаются исключительно лучшимъ по знаніямъ и поведенію баталіоннымъ офицерамъ и чаще всего помощникамъ (могалимъ) ротныхъ—или же особымъ инструкторамъ, палочникамъ (эсаулы), назначеніе которыхъ (всего 5 человѣкъ), при баталіонныхъ командирахъ, ходить съ палкою во время ученья по фронту и выравнивать шеренги, или передавать приказанія командира, отдающаго всѣ команды сигналами трубача (корнойчи), неотлучно бѣгающаго за своимъ баталіоннымъ начальникомъ, хотя бы онъ скакалъ на лошади, какъ это и полагается ему.

Всѣ эти амальдары-офицеры [1]), палочники-эсаулы, трубачи и даже музыканты (боджа), которыхъ полагается въ каждомъ баталіонѣ 16 человѣкъ съ двумя барабанами, флейтами, валторнами, тарелками, треугольниками, пользуются, разумѣется, нѣкоторымъ значеніемъ у рядовыхъ, но внѣ фронта акуратно обращаются въ лепешечниковъ, пельменщиковъ, маскорабазовъ-шутовъ, а мальчишки-музыканты всѣ дѣлаются предметомъ обожанія не только солдатъ, но и самыхъ простыхъ сартовъ.

Наружныя отличія всѣхъ названныхъ не-рядовыхъ довольно рельефныя: новичекъ-солдатъ, обучаясь въ одиночку три мѣсяца военной мудрости, ходитъ въ своемъ домашнемъ костюмѣ; назначенный ротнымъ командиромъ изъ лучшихъ рядовыхъ *десяточный-догбаши* выдѣляется во фронтѣ нашивками (на обыкновенной красной курткѣ) продольныхъ бѣлыхъ тесемокъ на спинѣ, на плечахъ и на груди; ротные фронтовые офицеры, альмадары, одѣваются въ длинные, бѣлые бязевые кафтаны и имѣютъ только сабли, которыми салютуютъ и дѣлаютъ пріемы, становясь всегда одной шеренгой въ четырехъ шагахъ впереди фронта своей роты; палочники-эсаулы бѣгаютъ по фронту въ своихъ обыкновенныхъ халатахъ съ длинными тонкими палками; трубачъ, одѣтый въ синій камзолъ, имѣетъ русскіе оберъ-офицерскіе эполеты; музыканты стоятъ на лѣвомъ флангѣ баталіона въ кафтанахъ синяго сукна и въ ба-

[1]) Составъ бухарскаго баталіона такой: 1000 нижнихъ чиновъ, 56 офицеровъ, 5 эсауловъ, 1 горнистъ-адъютантъ, 16 музыкантовъ.

рашковыхъ низкихъ шапкахъ; ротные командиры щеголяютъ, въ рядахъ, при построеніяхъ, или впереди фронта на церемоніалѣ, въ длинныхъ суконныхъ сѣрыхъ, черныхъ, коричневыхъ, однобортныхъ кафтанахъ съ русскими штабъ-офицерскими, преимущественно докторскими эполетами, въ высокой барашковой шапкѣ, въ широчайшихъ кожаныхъ штанахъ на выпускъ и съ шапкою, жалуемою каждому самимъ эмиромъ; баталіоннымъ командирамъ полагается быть на ученіяхъ въ длинныхъ бархатныхъ яркихъ камзолахъ съ золотымъ шитьемъ на рукавахъ и на груди, но безъ эполетъ, въ суконныхъ штанахъ на выпускъ, въ низкой бобровой шапкѣ и съ саблею на поясной портупеѣ; наконецъ, самъ *тупча-баши*, командующій всею пѣхотою и артиллеріею, украшенъ золотымъ шитьемъ по бархатному камзолу съ пуговицами и шестью нашитыми на груди въ два ряда генеральскими звѣздами, при генеральскихъ эполетахъ бухарскаго издѣлія, жалуемыхъ каждогодно, вмѣстѣ съ золотою шапкою и золотымъ поясомъ, самимъ эмиромъ.

Вся эта форма, начиная отъ рядовыхъ сарбазовъ и кончая главнокомандующимъ, введена послѣ Ирджарской битвы и съ тѣхъ поръ къ ней только прибавились въ 1880 году по двѣ серебряныхъ генеральскихъ звѣзды у каждаго ротнаго командира, придуманныхъ самимъ эмиромъ не какъ служебное отличіе, а неизвѣстно для чего.

Падкіе до всяческихъ украшеній, бухарцы еще болѣе падки на денежные оклады, которые такъ соображены въ военной іерархіи, что дѣйствительно дѣлаютъ службу въ чинахъ привлекательною и заманчивою.

Какъ мы сказали уже выше, рядовой аламанъ получаетъ въ мѣсяцъ *четыре рубля* на мѣстѣ и *семь рублей* въ походѣ при казенной обмундировкѣ; такое же содержаніе десяточныхъ догбашей, палочниковъ-эсауловъ, трубачей и музыкантовъ. Но съ перваго же чина амальдаровъ жалованье выдается по-полугодно, согласно издавна дѣйствующимъ годовымъ окладамъ: чурагасы 48 рублей и 144 пуда пшеницы; мирза-баши—56 рублей и 192 пуда пшеницы; джи-вачи—72 руб. и 240 пудовъ пшеницы; караул-

беги—96 руб. и 400 пудовъ пшеницы; мирахуръ—120 руб. и 480 пудовъ пшеницы; токсаба—280 руб. и 640 пудовъ пшеницы; ишикъ-ага-баши—400 руб. и 640 пудовъ пшеницы; бій—400 руб. и 800 пудовъ пшеницы; датха—800 руб. и 1500 пудовъ пшеницы [1]).

Такимъ образомъ, ротные и баталіонные командиры получаютъ жалованье, соотвѣтствующее ихъ чинамъ, а въ походѣ, кромѣ жалованья, имъ выдаются еще суточные въ размѣрѣ 60 рублей ротному, 100 рублей баталіонному въ мѣсяцъ.

Денежная выдача чистой серебряной монетой, называемая *танабъ-ана*, дѣлается въ установленные сроки, а для сарбазовъ ежемѣсячно, самимъ визиремъ, *кушбеги*, вмѣстѣ съ казначеемъ ханства, *дурбиномъ*, а натуральное довольствіе (галля) получается каждымъ отъ зіаветдинскаго бека, по утверждаемымъ каждогодно эмиромъ спискамъ, или зерномъ изъ хераджной подати, или же деньгами по соглашенію.

Въ высшихъ чинахъ, начиная съ мирахура (капитанъ), по особому благоволенію эмира, вмѣсто галля, назначается аренда —*танха*, въ количествѣ въ пять разъ большемъ размѣра натуральнаго довольствія, а вмѣсто танабъ-ана въ распоряженіе заслужившаго отдается казенная мельница, приносящая доходъ втрое большій денежнаго оклада.

Вступающій въ право аренды, по выдаваемому всякій разъ за печатью эмира ярлыку, пользуется съ назначеннаго „въ такой-то мѣстности, „такого-то“ участка, орошенной и обрабатываемой каждогодно обывательской земли, хераджной или танапной поземельной податью въ размѣрѣ $^{3}/_{10}$ со всѣхъ собираемыхъ жатвою продуктовъ, или по 3 руб. 60 коп. за каждый танапъ ($^{3}/_{4}$ десятины) фруктовыхъ садовъ, виноградни-

[1]) На основаніи точныхъ разспросныхъ свѣдѣній, мы принимаемъ среднимъ годовое содержаніе ротныхъ командировъ въ 800 рублей каждому, баталіонныхъ въ 3000 руб. каждому, сотенныхъ командировъ въ 600 руб. каждому, полковыхъ командировъ въ 4000 рублей, главнокомандующаго въ 12000 руб., строевыхъ офицеровъ въ 300 руб. каждому. Независимо этого содержанія, въ походѣ нижніе чины и строевые офицеры получаютъ 3 руб. суточныхъ, ротный командиръ 60 руб. суточныхъ, баталіонный командиръ 100 руб суточныхъ, ежемѣсячно. Все содержаніе выдается серебряной и золотой бухарской монетой.

ковъ, и по 1 р. 20 к. за танапъ клеверныхъ полей. Такая аренда или сдается владѣльцемъ ея на откупъ, или же управляется лично чрезъ своихъ людей, и жалобъ на притѣсненія никогда не возникаетъ, потому что злоупотребленія строго преслѣдуются съ немедленнымъ лишеніемъ аренды.

Кромѣ этого опредѣленнаго годового содержанія, солдатамъ выдается по 4 р. годовыхъ за труды въ походѣ, а чиновные получаютъ единовременныя наградныя отъ 8 р. для чурагасы, до 60 р. для бія и такъ-называемые *досторханъ-пуль* (карманныя) при производствѣ въ слѣдующій чинъ. Деньги эти, въ размѣрѣ 12 р. чурагасы, 40 р. караулбеги, 80 р. токсабѣ (штабъ-офицеръ), 100 р. бію, 200 р. дахтѣ, полностью тогда же истрачиваются, во-первыхъ, на обязательную узаконенную подачку двумъ эмировскимъ флигель-адъютантамъ, *удайчи*, получающимъ съ каждаго пожалованнаго сообразно его чину, во-вторыхъ, на угощеніе яствами съ неизбѣжнымъ подношеніемъ коробки леденца и головки сахару всѣмъ являющимся, какъ принято, съ поздравленіемъ къ произведенному въ чинъ. Если разсчитать, что къ получившему чинъ мирахура обязательно-служебно должны являться съ поздравленіемъ всѣ чины отъ чурагасы до диванъ-беги включительно, то не трудно подвести итогъ громадныхъ расходовъ на угощеніе и леденцы, плюсъ 40 руб., отпускаемыхъ мирахурамъ удайчіямъ за эмировскій ярлыкъ.

Мирахуры въ свою очередь также изворачиваются, и если это ротный командиръ, то онъ неупустительно и легально удержитъ съ каждаго солдата по пяти копѣекъ въ мѣсяцъ на ротное знамя, представляющее изъ себя кусокъ бумажной ткани на длинномъ деревянномъ древкѣ.

По числу пяти ротъ (юза) въ баталіонѣ съ обязательнымъ комплектомъ въ тысячу рядовыхъ, каждый баталіонъ, кромѣ баталіоннаго знамени, выдаваемаго эмиромъ и всегда хранящагося у командира безъ особаго караула, имѣетъ еще пять значковъ разныхъ цвѣтовъ, а именно: въ 1-й правофланговой ротѣ бѣлый, во 2-й—красный, въ 3-й—голубой, въ 4-й—желтый,

въ 5-й лѣвофланговой—черный съ желтымъ и краснымъ. Значки эти или знамена (тугъ), какъ здѣсь называютъ, хранятся у ротныхъ командировъ, а въ строю становятся на правомъ флангѣ своей роты, тогда какъ баталіонное знамя съ надписями изъ корана выносится только въ сраженіяхъ.

Походный бытъ пѣхотныхъ солдатъ въ военное время совершенно тотъ же, какъ и въ мирное: на десятокъ полагается одна бязевая палатка, одна кошма подстилочная, одинъ кетмень, и для возки всего этого и солдатскаго скарба одинъ верблюдъ наемный, получающій 20 копѣекъ за каждыя восемь верстъ пройденнаго пути, а на мѣстѣ на стоянкѣ ничего, хотя бы наемныя животныя и арбы были удержаны и цѣлый годъ.

Ноша десяточнаго верблюда въ походѣ обыкновенно бываетъ тяжелая, потому что солдаты навьючиваютъ на нихъ и свои ружья, свою обмундировку, оставаясь сами въ изорванныхъ домашнихъ алачевыхъ халатахъ, да въ барашковой шапкѣ, рѣзко выдѣляющей сарбазовъ изъ пестрой толпы чалмоносцевъ, горожанъ и сельчанъ.

Относительно вооруженія пѣхоты мы можемъ передать совершенно достовѣрно, что оно все однообразно, однокачественно и состоитъ изъ гладкоствольнаго курковаго ружья съ плохо пригнаннымъ ножемъ-штыкомъ, изъ шашекъ и револьверовъ для офицеровъ.

Ружья пѣхотныя приготовляются въ самой Бухарѣ въ частныхъ туземныхъ мастерскихъ и покупаются правительствомъ по 4 рубля за штуку, а круглыя или коническія пули для нихъ, пистоны и также порохъ, бухарскаго же приготовленія, хранятся въ крѣпостномъ арсеналѣ и солдатамъ не раздаются на руки, такъ какъ ученій прицѣльной стрѣльбы никогда не бываетъ, а лишь въ годъ два раза баталіоны дѣлаютъ по нѣсколько выстрѣловъ холостыми патронами.

Если мы пояснимъ еще, что обмундировка для солдатъ приготовляется въ частныхъ мастерскихъ заботами самого визиря, а офицеры и командиры шьютъ себѣ кафтаны на свои

средства, то о внутренней организаціи въ бухарской пѣхотѣ ничего не останется недосказаннаго.

Затѣмъ, прежде чѣмъ говорить о фронтовомъ образованіи бухарской пѣхоты, о числительности ея и стоимости содержанія всѣхъ войскъ вообще, считаемъ полезнымъ познакомить читателя съ другимъ родомъ оружія—съ бухарской *кавалеріей*.

Наши свѣдѣнія о кавалеріи хотя также вполнѣ точны, но займутъ, полагаемъ, очень немного страницъ описанія, потому что этотъ родъ оружія, потерявъ свое значеніе уже послѣ Ирджара, остается во всѣхъ отношеніяхъ въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ былъ и при *Тамерланѣ*. Какъ и тогда, кавалерію составляютъ теперь *галабатыри* и *хасабардары* постоянной службы и *наукары*—вольница, являющаяся по призыву войны и продовольствующаяся вмѣстѣ съ конемъ на собственныя средства или тѣмъ, что̀ пошлетъ война.

Постоянная кавалерія формируется и пополняется пріемомъ, по приказаніямъ эмира, всѣхъ конныхъ туземцевъ, преимущественно узбековъ, заявляющихъ желаніе служить и являющихся въ ряды съ собственнымъ конемъ, пикою и шашкою для галабатыровъ, одѣвающихся и на службѣ въ свой обыкновенный домашній костюмъ изъ халата, кожаныхъ штановъ на выпускъ, узбекскихъ сапоговъ съ острыми каблуками и чалмой или бараньей шапкой. *Хасабардары* же, также не имѣющіе опредѣленной военной формы, но обязанные являться съ своимъ конемъ, получаютъ казенный чугунный фитильный *фальконетъ*, вѣсомъ въ 50 фунтовъ, на двоихъ человѣкъ одинъ; съ такимъ числомъ прислуги и полагается дѣйствовать изъ этого тяжелаго огнестрѣльнаго оружія, съ точнымъ однако прицѣломъ на подставкѣ для наибольшей дистанціи въ 300 сажень. Кромѣ казенныхъ фальконетовъ, хасабардары имѣютъ еще собственныя шашки или тяжеловѣсные батики съ желѣзной булавой.

Принимаемый въ галабатыри или хасабардары туземецъ вносится въ списокъ, зачисляется въ соотвѣтствующую часть письменнымъ коротенькимъ приказаніемъ подлежащему коман-

диру и обязанъ служить до конца своей жизни, исполняя всѣ требованія службы.

Такъ было до занятія въ 1868 году отрядомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана города Самарканда, но съ тѣхъ поръ десятилѣтнія, вполнѣ мирныя отношенія Россіи къ Бухарѣ, приведя эмира Музаффаръ-хана къ полному сознанію, что ему слѣдуетъ искать всегда только довѣрія къ себѣ въ русско-правительственной власти въ Туркестанѣ, что пора разныхъ до-ирджаровскихъ иллюзій безвозвратно прошла, съ тѣхъ поръ эти отношенія и сознаніе безсилія убѣдили эмира въ ненадобности содержать тотъ постоянный контингентъ галабатыровъ и хасабардаровъ, какой былъ раньше.

Распустивъ поэтому, лѣтъ восемь назадъ, значительную часть постоянной кавалеріи, бухарскій эмиръ приказалъ прекратить и пополненіе ея въ случаѣ освобожденія вакансій по какимъ-нибудь причинамъ. Эти мѣры были совершенно цѣлесообразны, потому что въ мирное время кавалерія бухарская была всегда дармоѣдкой, не знавшей ни строя, ни службы, даже внутренней, и было бы странно продолжать платить узбекамъ жалованье за то только, что они попали въ военные списки, а въ дѣйствительности сидятъ безвыѣздно въ своихъ селеніяхъ, занимаясь земледѣліемъ.

Прекрасно зная духъ своего народа, эмиръ, и при сознаніи анахронизма кавалеріи своей, не рѣшился упразднить ее сразу всю, дабы не возбудить ропотъ въ той вооруженной все-таки массѣ, которая долго кормилась на счетъ казны, а сокращалъ ее исподоволь, продолжая ту же систему и теперь. Такимъ образомъ, въ данное время въ бухарскихъ владѣніяхъ насчитывается 10000 всадниковъ галабатыровъ, 4000 всадниковъ хасабардаровъ, а всего 14000 человѣкъ постоянной конницы, занимающей незначительною частью по очереди охранительные посты въ укрѣпленіяхъ по Аму-Дарьѣ [1]), въ Карши, Кермине, Зіотдинѣ, въ Нуратѣ и въ Каршинской степи, на

[1]) Въ Чарджуѣ, резиденціи бека эмировскаго сына, квартируетъ постоянно 5000 галабатыровъ.

караванномъ трактѣ, подвергающемся частымъ набѣгамъ туркменскихъ шаекъ.

И галабатыри и хасабардары никакого строя, никакихъ военныхъ упражненій не знаютъ, и въ общей массѣ туземнаго населенія совершенно не замѣтны и ничѣмъ не выдаются; даже и на охранительномъ посту бываетъ трудно отличить въ халатникѣ и чалмоносцѣ служилаго воина, называющаго себя „царскій галабатырь-воякa“, такой же, несомнѣнно, трусливой породы, какъ и всѣ эмировскіе узбеки.

Составляя каждый отдѣльный видъ оружія, галабатыри и хасабардары группируются въ полки (дости) пяти-сотеннаго состава (500 конниковъ). Каждый полкъ состоитъ подъ завѣдываніемъ *саркарды*, назначаемаго эмиромъ изъ преданныхъ, заслуженныхъ людей, имѣющихъ высшіе чины, по степени которыхъ эти полковые командиры получаютъ опредѣленное годовое содержаніе и наградные парчевые, шалевые халаты, замѣняющіе вмѣстѣ съ обыкновенной чалмою военную форму.

Вся обязанность саркарды состоитъ въ храненіи списка своимъ конникамъ, да въ отданіи приказаній сотеннымъ командирамъ (юза-баши) вести въ наступающую очередь, свою сотню, куда будетъ приказано.

Отбывая чрезъ два мѣсяца очереди пограничной службы трехмѣсячной стоянкой въ назначенномъ пунктѣ, каждый галабатыръ и хасабардаръ получаетъ въ годъ на свое содержаніе съ лошадью 12 батмановъ [1]) пшеницы (60 руб. монетой) и 30 руб. монетой за павшую лошадь (аспъ-мурды), которыя, въ большей части случаевъ, поступаютъ въ карманы сотенныхъ командировъ, получающихъ содержаніе, соотвѣтственное младшимъ чинамъ, полученнымъ при прежнихъ военныхъ отличіяхъ.

Говорить о строевомъ образованіи бухарскихъ войскъ составляетъ для насъ самую трудную задачу, — трудную потому, что впечатлѣніе смотра пѣхоты, представленнаго намъ однажды

[1]) Бухарскій батманъ равенъ по вѣсу восьми пудамъ.

главнокомандующимъ *тупчи-башею*, неизгладимо оставляетъ въ памяти представленіе о такой военной комедіи, которая своей неподдѣльной оригинальностью способна вызвать улыбку самаго серьезнаго наблюдателя.

Постараемся быть объективнымъ и передадимъ здѣсь только сущность изъ того, что̀ намъ удалось видѣть въ Бухарѣ на ученіи четырехъ баталіоновъ.

Строй двухшереножный. Роты располагаются въ баталіонномъ строю по порядку нумеровъ, начиная отъ перваго. Ранжиръ довольно правильный, идетъ отъ праваго фланга, замыкающагося ротнымъ командиромъ. Ружейные пріемы „на плечо“, „на краулъ“, „ружья вольно“, „къ ногѣ“, „на руку“, „на перевѣсъ“, также какъ и повороты, дѣлаются довольно согласно по старой русской системѣ обученія. Построеніе ротныхъ колоннъ, развертываніе фронта командой „строй фронтъ“, разсыпаніе „кучекъ“, наступленіе перекатной цѣпью, проходящей по-шереножно, на тѣсныхъ интервалахъ, чрезъ переднюю шеренгу, становящуюся на колѣни, — составляютъ всѣ построенія въ бухарской пѣхотѣ, продѣлываемыя, по сигналамъ, крайне вяло, неотчетливо и безъ всякаго сознанія ихъ значенія. Не станемъ этого и доказывать, а пояснимъ лишь, что съ 1866 года все ученіе въ бухарской пѣхотѣ производится по русской командѣ устава шестидесятыхъ годовъ и предоставимъ читателю судить самому о строевомъ образованіи бухарскихъ баталіоновъ по уставу, пріобрѣтенному нами отъ самого эмира; къ этому уставу и обратимся теперь.

„Бухарская пѣхота, такъ начинаетъ этотъ замѣчательный артикулъ, составляется изъ порядочныхъ людей, знающихъ намазы-молитвы и шаригатъ. Обязательно требуется, чтобы сарбасы были разставлены въ своихъ частяхъ по росту такъ, чтобы одинъ другого не превышалъ и на маковое зернышко. Когда командиръ (муальлимъ) скомандуетъ „*становись*“, всѣ занимаютъ свои мѣста въ строю и по командѣ „*глаза направо*“ выравниваются какъ стѣна. По командѣ „*смирно*“, сарбазъ смотритъ на 16 шаговъ впереди себя и предается такому вни-

манію ушами и глазами, что не долженъ шевельнуться и въ томъ случаѣ, если къ нему въ носъ полѣзетъ змѣя. Это — священная обязанность сарбаза, потому что подъ ружьемъ голова его принадлежитъ государю, приказаніе котораго есть *воджибъ*, какъ слово Божіе оно есть фарзъ—священно, а потому не исполняющій воджиба подвергается смертной казни. Когда послѣ установки строя скомандуютъ „*становись*“, сарбазы провѣряютъ разгонъ между кончиками носковъ прикладомъ ружья, стараясь, чтобы каблуки приходились бы вплотную. По командѣ „*на плечо*“, сарбазъ, приподнявъ ружье правой рукой, по счету „*разъ-два*“ вскидываетъ его на правое плечо. Для отданіи чести, по командѣ командира баталіона, „*унтеръ-офицеры, шашки вонъ, два шага впередъ*“, всѣ амальдары, держа шашки отвѣсно, выходятъ два шага предъ фронтъ, а ротные командиры въ четырехъ шагахъ отъ своихъ ротъ, и когда раздается команда „*на краулъ*“, сарбазы, по счету про себя „разъ-два“, держатъ ружье отвѣсно по разрѣзу бровей, какъ бы въ обозначеніе, что каждый жертвуетъ свою грудь и голову государю. Отданіе чести требуетъ и отъ баталіоннаго командира наклонить къ землѣ шашку и лѣвую руку поднять къ уху, причемъ музыка должна играть „честь“ (табли-салямъ). Затѣмъ, послѣ отданія на краулъ, по командѣ „*унтеръ-офицеры, шашки въ ножны*“, исполняется это приказаніе, а по командѣ „*унтеръ-офицеры, приступи*“ — они поворачиваются кругомъ и становятся на свои мѣста. Обученіе сарбазовъ требуетъ упражнять ихъ два часа ежедневно, кромѣ пятницы. Сначала учить поворотамъ „*направо*“, „*налѣво*“, „*полъ-поворотъ направо*“, „*кругомъ*“, при этой послѣдней командѣ сарбазы поворачиваются одновременно слѣва направо. Затѣмъ для маршировки дается команда „*тихимъ шагомъ*“, по которой всѣ обучающіеся по слову „*разъ*“ выносятъ лѣвую ногу, а по слову „*два*“ приставляютъ правую ногу, и т. д. Это упражненіе полезно весьма для укрѣпленія ножныхъ жилъ и слѣдовательно, развиваетъ выносливость ходить пѣшкомъ. Для обучившихся уже тихій шагъ не требуется, а имъ просто ко-

мандуютъ „*шагомъ маршъ*“, наблюдая, чтобы всѣ шли ровно въ тактъ „*лѣвый*“ — „*правый*“; если же пожелаютъ усилить шагъ, то даютъ команду „*длиннымъ* (?) *шагомъ маршъ*“, по которой счетъ такта „разъ-два-три“ — идетъ непрерывный, и только по командѣ „*на мѣстъ*“ военная часть, убавляя сразу шагъ, машетъ, пріостанавливаясь, лѣвой ногой, пока не послѣдуетъ команда „*стой*“ или же „*прямо*“, если надо продвинуть дальше. Для быстраго передвиженія строя командуютъ „*бѣгомъ! шагомъ маршъ*“, а когда часть станетъ приближаться къ противнику, ей скомандуютъ „*маршъ-маршъ*“, причемъ командиръ неупустительно смотритъ въ сторону непріятеля и, замѣтивъ орудійный дымъ, немедленно командуетъ своимъ сарбазамъ „*ложись маршъ*“, дабы избѣгнуть такимъ образомъ напрасной преждевременной потери людей, которые всячески должны стараться одолѣть противника.

Общій командиръ долженъ поэтому соблюдать правило вводить въ бой части не сразу, а постепенно, посылая на поддержку баталіоны по мѣрѣ надобности. Существенно также требуется слѣдить, чтобы сарбазы не обращались въ бѣгство, и какъ учащійся отнюдь не долженъ быть запугиваемъ, наказываемъ за ошибки, такъ трусъ сарбазъ можетъ быть убитъ на мѣстѣ каждымъ офицеромъ и десяточнымъ. Чтобы успѣшно бить непріятеля, надо выучить построенія и захожденія. Если послѣдуетъ команда „справа по одному“, заходятъ по одиночкѣ въ затылокъ одинъ другому, если скомандуютъ „справа по два“, становятся по два, а по командѣ „подъ линію маршъ“ — выстраиваютъ шеренгу фронта, заходя слѣва. Команда — „по полувзводно“, „по взводно“, исполняется захожденіемъ слѣва четырехъ и восьми рядовъ, которые и присоединяются къ стоящимъ на мѣстѣ. Самое главное въ обученіи ружейнымъ пріемамъ—заряженіе, на которое обучающій долженъ обратить все свое вниманіе. Слушая команду „заряженіе по командѣ по первому заряду“, сарбазъ ставитъ ружье свое ложею между носковъ и исполняетъ послѣдующія команды: „вынимай патронъ“, „откусинъ патронъ“, „патронъ въ дуло“,

„вынимай шумпулъ“, „шумпулъ бей“, „шумпулъ вложь“. По командѣ „обруть [1]) ружье“, берутъ ружье подъ мышку, ожидая дальнѣйшихъ командъ: „позаводи курокъ“, „вынимай капсуль“, „надѣнь капсуль“, а когда скомандуютъ „разведи пустуль“—осторожно спускаютъ курокъ и берутъ на плечо. Если послѣдуетъ команда „шеренга туфсь“, берутъ ружье предъ собою, а когда скажутъ „шеренга кладсь“ — вытягиваютъ ружье и по командѣ „пли“ стрѣляютъ, исполняя затѣмъ команду „отстафь“, прекращающую стрѣльбу.

Очень важно также пріучить сарбазовъ къ фехтованію (нойза пичь). Для этого по командѣ „бою — товсь“ сарбазъ хватаетъ ружье правой рукой, выкидываетъ большой шагъ лѣвой ногой и ружье держитъ за середину лѣвой рукой, за ложу правой—по направленію лѣвой ноги. Пріемы фехтованья весьма необходимы при атакѣ, а потому сарбазъ долженъ усовершенствоваться такъ, чтобы онъ въ состояніи былъ отбиться штыкомъ хотя бы и отъ десяти нападающихъ. Поэтому фехтовальное ученіе сложное, и не всякій можетъ передать его правильно, а кто выучится хорошо — всегда уцѣлѣетъ при атакѣ и выбьетъ противника. По командѣ „прямо коли“ сарбазъ колетъ впередъ; команда „отбей—право—лѣво - прямо—коли“ вызываетъ ударъ направо, налѣво и прямо. По командѣ „кругомъ прямо коли“—быстро поворачиваются и колятъ.

Если опасность внезапна и велика, приходится строить *каре*. Для этого по командѣ „баталіонъ строй ротное каре“, 1-я рота остается на мѣстѣ, 2-я пройдетъ съ правой стороны, 3-я съ лѣвой, а 4-я сзади; такимъ образомъ составится курганъ—крѣпостца съ четырьмя пушками по угламъ [2]). Если приходится стрѣлять изъ орудія, то фасъ нѣсколько раздается, смыкаясь немедленно послѣ каждаго выстрѣла, чтобы закрыть пушку, такъ какъ непріятель можетъ навести свой выстрѣлъ прямо въ нее. Вообще пушки надо очень беречь, памятуя, что сила одной пушки равняется силѣ одной тысячи сарбазовъ.

[1]) Какъ здѣсь, такъ и далѣе на словахъ встрѣчаются искаженія русскихъ уставныхъ выраженій и командъ.

[2]) Куда пристроится 5-я рота—уставъ не объясняетъ.

При возможности, каре даетъ залпы ружейныхъ выстрѣловъ изъ всѣхъ фасовъ и въ случаѣ надобности дѣйствуетъ развернутымъ фронтомъ по командѣ „головной разверти — справа — по одному начинай“, послѣ чего роты заходятъ на свои мѣста и, раздавшись звеньями, съ промежутками въ три шага, открываютъ очередной огонь. Если наступающій такимъ образомъ въ развернутомъ фронтѣ баталіонъ будетъ застигнутъ противникомъ врасплохъ, то по командѣ „головной первый нумеръ, правый, лѣвый, плечо, строй *кучки*“, звенья собираются по нѣскольку одно къ другому и открываютъ огонь какъ придется, продолжая стрѣлять, пока не получатъ команду „второй нумеръ правый, лѣвый плечо во фронтъ маршъ“, послѣ которой строятъ развернутый фронтъ ротами.

Послѣ успѣшнаго боя командиръ можетъ сказать своимъ сарбазамъ „хорошо, ребята“, а поощренные такой похвалой должны отвѣтить „раздавайся“.

Уставъ очень не великъ, и мы передали его здѣсь съ точнымъ переводомъ безъ всякихъ измѣненій и даже поправокъ искаженныхъ командныхъ русскихъ выраженій, которыми командиры дресируютъ бухарскихъ сарбазовъ съ нѣкоторымъ сознаніемъ своей военной образованности.

Сознаетъ ли военныя достоинства за своей пѣхотой и самъ эмиръ—сильно сомнѣваюсь, зная положительно, что самъ его высокостепенство (Джаноби-али) никакого понятія о военномъ дѣлѣ не имѣетъ и смотровъ войскамъ никогда не дѣлаетъ, довольствуясь созерцаніемъ, когда по пятницамъ всѣ баталіонные и ротные командиры, всѣ серкерды и министры, подогнувъ по бухарски животы, отвѣшиваютъ ему низкій праздничный салямъ, послѣ котораго получаютъ дворцовое угощеніе.

Теперь, въ заключеніе этого очерка, намъ остается сказать, что вся пѣхота бухарская состоитъ изъ 13 баталіоновъ и расквартирована такъ: въ Шахрисябзѣ два баталіона, въ Больджуанѣ и Дарвазѣ одинъ баталіонъ, въ Кулябѣ, Гисарѣ полубаталіонъ, остальные $9\frac{1}{2}$ баталіоновъ квартируютъ въ

Бухарѣ, участвуя, по шести баталіоновъ, въ каждогодныхъ путешествіяхъ эмира въ Карши и Шахрисябзъ.

При всей таинственности бухарской финансовой системы, столько же простой, сколько полной разныхъ лазеекъ для злоупотребленій министровъ, бековъ, сборщиковъ податей, для насъ будетъ не трудно все же подвести точный итогъ всѣмъ издержкамъ, какія несетъ каждогодно правительство бухарское на содержаніе всѣхъ своихъ войскъ.

Мы уже знаемъ, какіе получаютъ оклады нижніе чины пѣхоты и кавалеріи, строевые офицеры и командиры ротъ и баталіоновъ, серкерды полковые и командиры сотенъ галабатыровъ и хасабардаровъ. Остается для удобства и правильности вычисленій принять оклады содержанія офицеровъ фронтовыхъ по чину дживачи, ротныхъ и сотенныхъ командировъ по чину мирахура, баталіонныхъ командировъ по чину бія, серкерды по чину датхи, хотя случается, что полками командуютъ и парманачи — полные генералы.

При такихъ данныхъ, припоминая всѣ цифры, приведенныя выше, годовое содержаніе баталіона въ 1000 штыковъ съ 22-мя нестроевыми обходится: жалованье солдатъ 48000 руб., обмундировка нижнихъ чиновъ 5000 руб., ремонтъ палатокъ и кошемъ 1000 руб., жалованье 50-ти офицеровъ 15000 руб., имъ единовременныя выдачи 1000 руб., жалованье пяти ротнымъ командирамъ 4000 руб., имъ единовременныя выдачи и наградныя 400 руб., жалованье баталіоннаго командира съ наградными 3600 руб., на ремонтъ ружей 200 руб, а всего содержаніе одного баталіона въ годъ обходится 78200 руб. Содержаніе же всей бухарской пѣхоты въ 14000 чел. поглощаетъ 1,064,600 руб. металлическихъ въ годъ.

По числу 14000 нижнихъ чиновъ постоянной кавалеріи (галабатыри и хасабардары) на содержаніе ихъ отпускается ежегодно 840000 руб. плюсъ 6000 руб. за павшихъ лошадей. Годовое содержаніе 140 сотенныхъ командировъ 84000 руб., а 28 полковыхъ командировъ 112000, плюсъ 14000 руб. единовременныхъ наградныхъ выдачъ всѣмъ серкардамъ. Слѣдовательно, все годовое содержаніе кавалеріи составитъ 1,056,000 руб.

На годовое содержаніе трехсотъ артиллеристовъ затрачивается 14400 руб. на жалованье, 1500 руб. обмундировочныхъ, 1200 руб. наградныхъ, 16000 руб. прокормленіе 360 лошадей, 800 руб. содержаніе ротнаго командира съ наградными его, а всего артиллерія стоитъ 33980 руб.

По числу трехсотъ нижнихъ чиновъ гвардіи (джиляу) жалованье ея составляетъ, съ суточными за походъ, 18000 руб., обмундировка 2000 руб. [1]), единовременныя наградныя выдачи 1800 руб., содержаніе двадцати офицеровъ 6000 руб., содержаніе двухъ ротныхъ командировъ 2600 руб. съ наградными, а всего 30400 руб.

Годовое содержаніе главнокомандующаго обходится въ 13000 рублей.

Слѣдовательно, ординарное годовое содержаніе всѣхъ бухарскихъ войскъ стоитъ казнѣ 2,197,980 руб. плюсъ 120000 руб. расхода, вызываемаго каждогоднымъ передвиженіемъ, на пять мѣсяцевъ, изъ Бухары въ Карши и обратно, шести баталіоновъ пѣхоты всей гвардія и шести орудій.

Если спросить, для какой цѣли затрачивается эмиромъ Муззафаръ-ханомъ такая солидная цифра денегъ изъ шестимилліоннаго бюджета Бухарскаго ханства [2]), то должно отвѣтить, что значительная часть войскъ содержится временно только для внутренней обороны, подъ впечатлѣніемъ каршинскаго мятежа въ 1868 году, едва не кончившаго успѣхомъ наслѣдника Абдъ-уль-Малика и его дѣятельнаго сторонника Джурабая (бывшій бегъ Китаба), задумавшихъ тогда свергнуть эмира, чтобы снова начать безплодную борьбу съ Россіей.

---

[1]) Обмундировка гвардейцевъ, одѣтыхъ въ длинные красные суконные кафтаны, въ кожаные штаны и бобровыя шапки, стоитъ въ годъ 6 рублей на каждаго.

[2]) Тѣхъ, коимъ приведенная цифра бюджета покажется слишкомъ высокою, мы можемъ увѣрить, что она выведена изъ точныхъ данныхъ, которыя мы намѣрены сообщить въ своемъ описаніи Бухарскаго ханства, къ изданію коего приступимъ не ранѣе, какъ собравъ необходимыя свѣдѣнія о южной и восточной окраинахъ бухарскихъ владѣній, не посѣщенныхъ еще нами.

Однако, этимъ выводомъ мы вовсе не желаемъ сказать, что и на будущее время намъ слѣдуетъ смотрѣть на Бухару съ точки зрѣнія безупречныхъ отношеній ея къ намъ въ періодъ минувшаго десятилѣтія. Напротивъ, изъ близкаго знанія всего строя жизни бухарскаго населенія и правительства, мы готовы утверждать, что бухарская искренность, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, останется прямо пропорціональною нашему военному положенію на Зеравшанѣ и обратно пропорціональною близости къ ней военной силы. Этого никакимъ образомъ не слѣдуетъ забывать, имѣя въ виду примѣры исторіи политической жизни Бухарскаго ханства, издавна претерпѣвавшаго правительственные перевороты, отпаденіе вассальныхъ владѣній безъ всякаго предвидѣнія, безъ всякихъ даже предварительныхъ симптомовъ, въ силу единственно историческаго воспитанія народа, способнаго, подъ лукавой преданностью, расположеніемъ, дружбой, таить самое ярое недоброжелательство, измѣну, готовность проявить по отношенію къ друзьямъ ненависть и мщеніе при первомъ удобномъ случаѣ.

ЛѢСНОЙ ВОПРОСЪ [1]).

Многія новѣйшія научныя изслѣдованія неопровержимо доказали огромное значеніе лѣсовъ, не только лѣсо-хозяйственное, но и общее—въ климатологіи. Наука выяснила, что съ поднятіемъ мѣстности надъ уровнемъ моря возрастаетъ вліяніе лѣса на количество выпадающихъ дождей; что лѣсъ умѣряетъ испареніе воды изъ ручейковъ и служитъ главнымъ резервуаромъ для водяныхъ ключей; что лѣсъ, представляя собою механическую преграду, замедляетъ таяніе снѣговъ, сдерживаетъ опустошительное наводненіе и пр.

„Чрезвычайно важно для существованія плодородныхъ оазисовъ, говоритъ *Миддендорфъ*, чтобы вода ручьевъ и рѣчекъ не низвергалась бурно и рѣшительно, не стекала черезчуръ быстро, а потому и безполезно. Всемірная исторія предостерегаетъ насъ, указывая примѣры древнихъ культурныхъ странъ съ колыбели человѣчества. Евфратскія долины, наши Кавказскія плоскогорья, Персія, Греція, плоскія возвышенности Испаніи пришли въ упадокъ вслѣдствіе обезлѣсенія“.

Словомъ—многообразное вліяніе лѣса на климатъ, на почву, на состояніе проточныхъ водъ считается уже неоспоримымъ. Если это вліяніе, по словамъ *Марша*, ничтожно для общаго климата земного шара, то мѣстныя климатическія условія, какъ доказано, находятся въ прямой зависимости отъ физическихъ свойствъ лѣса, и въ силу этого обезлѣсеніе страны необходимо влечетъ за собою неравномѣрность въ распредѣленіи атмосфе-

[1]) Напечатано въ 1886 г.

рическихъ осадковъ, изсяканіе ключей, ручьевъ, обмелѣніе большихъ рѣкъ, ухудшеніе климата.

Какъ метеорологическій факторъ, нагорный лѣсъ имѣетъ, конечно, преобладающее значеніе предъ лѣсомъ низменнымъ, относительно котораго онъ играетъ роль кормильца. Нагорный лѣсъ—это бережливая рука, надѣляющая равнину водою, по мѣрѣ надобности и спасающая ее какъ отъ недостатка, такъ и отъ избытка воды (Россмеслеръ).

Наблюденія, сдѣланныя во всѣхъ частяхъ свѣта, давно подтверждали, что изобиліе постоянныхъ водныхъ источниковъ зависитъ непосредственно отъ лѣсистости горныхъ вершинъ и многими примѣрами доказано, что по расчисткѣ лѣсовъ источники изсякали, а нѣкоторые и совершенно закрылись Такіе факты можно также наблюдать и въ горахъ бассейна Зеравшана, въ особенности въ раіонѣ Фальгара и Фана.

Признавая такимъ образомъ за горнымъ лѣсомъ значеніе посредствующее и постоянное, какъ законъ природы, считаютъ, что онъ долженъ быть оберегаемъ отъ истребленія съ большею заботливостью, чѣмъ лѣсъ низменный, возобновленіе котораго совершается легко, тогда какъ возобновленіе горнаго лѣса часто оказывается невозможнымъ вслѣдствіе дождевыхъ наносовъ щебня и камня или вслѣдствіе размыва почвы, въ особенности въ такихъ горахъ, гдѣ склоны круты.

Въ силу признаннаго значенія за горными лѣсами, охраненіе ихъ, возобновленіе и разведеніе вновь на высотахъ, въ нѣкоторыхъ странахъ (Франція, Испанія) сдѣлалось важнымъ государственнымъ вопросомъ и тамъ, за послѣдніе тридцать лѣтъ, раціональной постановкою дѣла, искусственное облѣсеніе сдѣлало громадные успѣхи.

Однако по отношенію къ Туркестану слѣдуетъ признать не малое значеніе и за степнымъ лѣсомъ, какъ умѣряющимъ крайности температуры, какъ охраняющимъ культурные оазисы отъ поглощенія ихъ переносными песками и какъ обусловливающимъ распространеніе въ пескахъ травяной растительности, поддерживающей степное скотоводство.

Степной лѣсъ, уцѣлѣвшій отъ окончательнаго истребленія въ немногихъ отдаленныхъ отъ городовъ мѣстностяхъ бассейна Сыръ-дарьи, заслуживаетъ заботливаго охраненія и потому, что искусственное возстановленіе его въ безводной, песчаной пустынѣ разумѣется совершенно невозможно, а степныя породы деревьевъ (саксаулъ, туранга) даютъ поросли отъ корней очень туго, такъ что естественное лѣсовозобновленіе въ пескахъ требуетъ многихъ десятковъ лѣтъ, и то при условіи охраны такихъ участковъ отъ пастьбы скота. Такое подтвержденіе затруднительности естественнаго лѣсовозобновленія можно наблюдать во многихъ мѣстностяхъ по правому берегу рѣки Сыръ-дарьи, лишившихся саксаула на отопленіе фортовъ и, главнымъ образомъ, на поддержаніе рейсовъ бывшей Аральской флотиліи, поглощавшей, съ своими ползучими пароходами и съ своими мастерскими, до 300000 пудовъ топлива въ годъ.

Еще тридцать лѣтъ назадъ саксаулъ плотно окружалъ всѣ сыръ-дарьинскіе форты, тянулся густыми зарослями по тракту, упираясь съ юга въ Сыръ-дарью и раскинувшись на сѣверъ по отдаленнымъ пескамъ; теперь же о бывшей здѣсь когда-то древесной растительности напоминаютъ только кое-гдѣ попадающіеся высохшіе пни, да разсказы старожиловъ. Самая же мѣстность бывшихъ когда-то степныхъ лѣсовъ представляетъ собою мрачную пустыню безъ всякихъ указаній на естественное лѣсовозстановленіе, которое задерживается и физическими особенностями степи, и перекочевками киргизовъ со своими многочисленными стадами, и крайне медленнымъ ростомъ саксаула и сопровождающихъ его породъ. Вслѣдствіе этихъ естественныхъ причинъ, трудно ожидать, чтобы оголенныя отъ всякой древесной и кустарной растительности солончаковатыя и песчаныя степи при-сырдарьинскія, включительно съ Ферганой и при-амударьинскія, включительно съ Бухарою, возвратили бы когда нибудь свое утраченное лѣсное богатство. Напротивъ, возрастающая населенность края, прогрессивно развивающаяся кустарная и заводская промышленность предъявляютъ и теперь, какъ въ Туркестанѣ, такъ и въ Бухарѣ, такія огром-

ныя требованія на топливо, что и остатковъ саксаула песчанаго междурѣчья Кизылъ-кумъ хватитъ не на долго; а съ истребленіемъ и этихъ остатковъ культурному оазису придется бороться съ переносными песками и съ горячимъ вѣтромъ (гармсиль), одинаково чувствительнымъ для растительной и животной природы.

Дабы уяснить, что при всемъ сознаніи, и правительствомъ и населеніемъ, важности всякой древесной растительности въ краѣ, истребленіе ея годъ отъ года усиливается отнюдь не враждою къ ней, а самой насущной экономической потребностью, мы должны вычислить, хотя приблизительно, размѣры ея, должны указать, какимъ образомъ покрывается теперь эта потребность. Мы сдѣлаемъ это вычисленіе только для Самарканда, въ которомъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, числится въ туземномъ городѣ 4545 домовъ, 4 винокуренныхъ завода, 1 пивоваренный заводъ, 20 чугуноплавильныхъ заводовъ, 130 кузницъ, 30 мѣдниковъ, 15 серебрянниковъ, 30 хлѣбопекарень, 10 кирпичныхъ заводовъ — главныхъ потребителей топлива, а въ русскомъ городѣ насчитывается 66 казенныхъ зданій, 410 частныхъ домовъ и 1 пивоваренный заводъ. Эти двѣ смежныя части города Самарканда, рѣзко отличаясь типомъ и характеромъ своихъ построекъ—изъ каркаса у туземцевъ, изъ сырца у русскихъ—употребляютъ и различное топливо; первые преимущественно древесный уголь, вторые исключительно дрова.

Для вычисленія размѣра потребленія того и другого топлива, мы должны принять, во-первыхъ, дѣйствующій періодъ отопленія съ 1-го октября по 1-е марта; во-вторыхъ, должны имѣть въ виду изъ разспросовъ, что въ среднемъ на отопленіе каждаго частнаго дома въ русской части города затрачивается 20 сажень за весь періодъ, а на казенныя зданія расходуется 10000 саж. въ годъ. На согрѣваніе сакель открытыми жаровнями (нанкалданъ) и жаровнями, покрываемыми табуретомъ съ одѣялами (сандали) выходитъ въ среднемъ 60 пудовъ древеснаго угля на каждый домъ. Переумноженіемъ цифръ мы

вычисляемъ годовую затрату русскимъ городомъ около 20000 сажень дровъ и туземнымъ городомъ около 300.000 пудовъ угля, которые, по переводѣ на таловые дрова, составляютъ 37000 саж. Для полученія же полнаго итога годового расхода отопленія, слѣдуетъ прибавить 500 саженей дровъ, сжигаемыхъ пятью винокуренными заводами, и около 100,000 пудовъ древеснаго угля, расходуемыхъ въ туземномъ городѣ кузнецами, чугуноплавильнями, хлѣбопеками, самоварами, серебряками и мѣдниками.

Вотъ каковъ размѣръ годового потребленія топлива сорокатысячнымъ городскимъ населеніемъ! Столько же навѣрнее расходуется угля въ 860-ти селеніяхъ Самаркандскаго отдѣла, имѣющихъ тѣ же хлѣбопекарни, тѣ же чайныя лавки, кузницы, такихъ же зажиточныхъ домовладѣльцевъ, которые благодушествуютъ подъ сандали и въ наружной (ташкары) половинѣ, съ гостями, и на женской половинѣ дома (ичкаре), съ семьей. Нельзя считать большимъ этотъ годовой расходъ угля въ 600,000 пудовъ для населенія въ 45,000 домовъ и въ 300,000 душъ. Такая совершенная умѣренность траты этого цѣннаго топлива, а равно и дровъ, объясняется умѣньемъ туземцевъ обращать въ топливо всякій хворостъ, собираемый въ садахъ и поступающій на кухню, а у сельчанъ и на согрѣваніе сакли годенъ всякій навозъ, идущій прямо съ улицы на отопленіе бань, гончарныхъ мастерскихъ, всякая болотная трава (чушкаяль), сжигаемая въ хлѣбопекарняхъ. Не будь этого подспорья подъ руками бережливаго и практичнаго туземца, обращающаго даже древесныя листья на топливо и на кормъ барановъ, размѣры общаго потребленія угля и дровъ дошли бы до громадныхъ цифръ и древесная растительность должна была бы уничтожиться въ 3—4 года.

Когда вспомнить бывшія когда-то попытки на Сыръ-дарьѣ и отчасти въ Зеравшанскомъ округѣ къ пріученію туземцевъ строить для себя дома изъ сырца съ русскою печью, попытки, имѣвшія, конечно, цѣлью скорѣйшее асимилированіе сарта, узбека и киргиза,—порадуешься, что они скоро были оставлены

за отсутствіемъ подражателей; иначе въ краѣ не достало бы топлива не только для печей, но и для кухни. Теперь туземецъ поражаетъ насъ своею относительною выносливостью къ мѣстному холоду, а тогда онъ скоро усвоилъ бы себѣ русскую поговорку: „паръ костей не ломитъ“, скоро изнѣжился бы, пользуясь постояннымъ тепломъ своего дома, а это способствовало бы къ нѣкоторому измѣненію быта и къ ухудшенію гигіеническихъ условій жизни, потому что, привыкнувъ къ регулярной, комнатной температурѣ, и старый, и малый не сталъ бы проводить, какъ теперь, большую часть зимнихъ дней на воздухѣ, у себя, во дворѣ или на улицѣ. Этимъ мы хотимъ сказать, что бытъ здѣшняго населенія, отвѣчая физическимъ и экономическимъ особенностямъ страны, не поддается никакому искусственному вліянію до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся эти физическія особенности края, заставляющія и колонистовъ проводить полгода на воздухѣ.

Выяснивъ приблизительно годовой размѣръ потребленія топлива мѣстнымъ населеніемъ, мы обратимся теперь къ указаніямъ: откуда, кѣмъ и какимъ образомъ оно добывается.

Какъ дровяное, такъ и угольное дѣло представляютъ въ Самаркандѣ весьма значительную промышленность и находятся преимущественно въ рукахъ туземцевъ, кромѣ поставки дровъ въ войска, переданной долгосрочнымъ контрактомъ отставному инженерному капитану, исполняющему эти операціи также при посредствѣ туземцевъ.

Дровопромышленники, имѣя своихъ агентовъ между сельчанами, заторговываютъ чрезъ нихъ деревья на корню въ окрестностяхъ города и въ кишлакахъ. Благодаря разработанности всѣхъ сельскихъ дорогъ въ отдѣлѣ, арбы, ишаки и верблюды дровопромышленниковъ пробираются въ самыя отдаленныя осѣдлости, и приготовляемыя тамъ скупщиками деревьевъ дрова везутся въ городъ, случается, за сорокъ верстъ. Благодаря также весьма достаточному пока количеству древесныхъ насажденій во всѣхъ волостяхъ, кромѣ подгорныхъ, не имѣющихъ арычнаго орошенія, дровопромышленникамъ удается скупать деревья по очень низкой цѣнѣ, по 80 коп. за сажень, такъ что на мѣстѣ одна сажень таловыхъ дровъ обходится имъ, съ платою дровосѣкамъ 1 руб. 60 коп., да перевозка въ городъ и укладка стоитъ 2 рубля; слѣдовательно при продажной цѣнѣ, какъ теперь, по 4 рубля за сажень таловыхъ дровъ и 5 рублей за сажень фруктовыхъ, лучшихъ дровъ, предприниматель получаетъ чистой прибыли до шестидесяти копѣекъ съ каждой сажени. Всего больше, разумѣется, расходятся въ продажѣ и поставкой въ войска таловыя дрова, какъ дешевыя и весьма пригодныя для топлива, если они въ особенности вылежали на воздухѣ три-четыре лѣтнихъ мѣсяца. Къ таловымъ дровамъ прибавляютъ также и тополевыя, получаемыя отъ сучьевъ, при рубкѣ тополя на строительныя надобности; но эти дрова считаются хуже таловыхъ.

Къ великому бѣдствію въ будущемъ для садоводства, топоръ дровопромышленниковъ не щадитъ также и фруктовыхъ деревьевъ, потому что наши привиллегированные хозяева требуютъ часто одни фруктовые дрова, или смѣшанные съ таловыми. Дроворубы рады, разумѣется, удовлетворить такому выгодному для нихъ спросу, а нужда садовладѣльцевъ побуждаетъ ихъ продавать на срубъ и такія фруктовыя деревья, которымъ жить бы, да жить и кормить бы своихъ хозяевъ плодами урюка, тута или орѣха. Въ особенности достается садамъ въ послѣднія шесть лѣтъ, по причинамъ, которыя выяснятся ниже, отъ углепромышленниковъ. Вынужденные удовлетворять спросу на уголь изъ *фруктовыхъ* породъ деревьевъ, со стороны чугуноплавильщиковъ (дигрезь) и чайныхъ заведеній (самоварчи), которые прежде работали съ углемъ арчевымъ, они дѣятельно приготовляютъ его изъ абрикосовыхъ, тутовыхъ и грушевыхъ деревьевъ не только окрестныхъ, но и кишлачныхъ садовъ. При продажной цѣнѣ городской въ три рубля за батманъ (8 пудовъ) углей фруктовыхъ деревьевъ (кураги), углепромышленникъ наживаетъ, за всѣми расходами на рабочихъ и на перевозку, 40 коп. чистой пользы съ каждаго батмана, что составитъ на каждаго около сорока рублей годового заработка.

Продажная же цѣна на фруктовыя деревья самая низкая: до двухъ рублей тридцати копѣекъ за абрикосовое дерево.

Чтобы судить приблизительно, какая масса деревьевъ сваливается каждогодно въ долинѣ топоромъ углепромышленника и дровопромышленника, отмѣтимъ, что шестнадцать пудовъ (2 батмана) угля получается изъ одного тридцатилѣтняго фруктоваго дерева, а одна сажень дровъ выходитъ изъ двухъ пятнадцатилѣтнихъ таловъ. По размѣрамъ годового потребленія въ Самаркандѣ 20000 сажень дровъ и 40000 пудовъ углей изъ фруктовыхъ деревьевъ, количество деревьевъ искусственнаго насажденія, сжигаемыхъ на топливо, будетъ около 40000 тала и тополя и 13000 деревьевъ фруктовыхъ породъ, затрачиваемыхъ угольщиками и дровоторговцами. Эти цифры весьма близки къ дѣйствительности и, разумѣется, ихъ нельзя не считать весьма грозными признаками для будущаго древесной растительности долины Зеравшана. Къ счастью, теперь еще туземцы очень довѣрчивы ко всякимъ благоразумнымъ совѣтамъ руководящей ихъ администраціи и, отдавая на срубъ свои сады и всякія межевыя, арычныя насажденія, стараются возстановлять посадки. Дѣйствительно, проѣзжая окрестности Самарканда, равно и всю долину Зеравшана, вы замѣтите массу насажденій тополя, тала, а если попадется вамъ оголенный садъ, то увидите навѣрное въ немъ молодыя посадки фруктовыхъ деревьевъ.

Этимъ правильнымъ пониманіемъ городскимъ и сельскимъ населеніемъ важности древесныхъ посадковъ, широко выполняемыхъ ими въ своихъ хозяйствахъ безъ особенныхъ подталкиваній, только и можно объяснить сравнительную дешевизну дровъ и устойчивость цѣны на нихъ въ теченіе вотъ уже десяти лѣтъ, причемъ въ послѣдніе два года цѣна даже пала на 40 копѣекъ съ сажени въ частной продажѣ.

Отнесись населеніе иначе къ этому важному дѣлу, оставляй оно безъ подсадокъ вырубленные участки—въ 5—6 лѣтъ Зеравшанская долина была бы совершенно оголена и цѣны на топливо поднялись бы въ нѣсколько разъ. Однако, какъ мы

ни вѣримъ въ хозяйственный смыслъ мѣстнаго туземца, тѣмъ не менѣе вполнѣ соглашаемся съ сдѣланными въ послѣдніе мѣсяцы настойчивыми совѣтами мѣстной администраціи не истреблять для углеобжиганія деревьевъ тута, какъ въ высшей степени необходимаго въ шелководствѣ, которое здѣсь годъ отъ года расширяется. Намъ даже думается, что эту мѣру слѣдовало бы установить и не для одного самаркандскаго населенія, а вездѣ, гдѣ замѣчается усиленная работа топора надъ шелковицей, годной еще, по своему возрасту, на добываніе изъ нея листьевъ для выкормки червей.

Вычисливъ выше годовое потребленіе всякаго древеснаго угля въ 500000 пудовъ и опредѣливъ, что изъ этого количества 40000 пудовъ приготовляются на мѣстѣ, въ Самаркандскомъ отдѣлѣ, изъ фруктовыхъ деревьевъ, мы затѣмъ должны отвѣтить на вопросъ: откуда же, кѣмъ доставляется остальная громадная масса древеснаго угля? Этотъ важный вопросъ необходимо выяснить, и мы постараемся это выполнить здѣсь и въ слѣдующей статьѣ возможно точными свѣдѣніями. Дѣло въ томъ, что со времени безусловнаго воспрещенія, въ 1879 году, приготовленія угля изъ горнаго лѣса, неизбѣжная потребность на это топливо повсюду въ Зеравшанскомъ округѣ перенесла углепромышленность изъ горъ Зеравшана въ песчаную степь Кызылъ-кумъ, Джизакскаго раіона Сыръ-дарьинской области. Какъ прежде углепромышленность давала занятіе и не особенно значительныя выгоды горцамъ Пенджекента, Кштута, Магіяна, такъ теперь, съ 1879 года, ею довольствуются джизакскіе кочевники, для которыхъ, разумѣется, такая даровая эксплоатація степного саксаула очень прибыльна, такъ какъ они имѣютъ значительное количество верблюдовъ.

Дѣйствительно, по точнымъ разспроснымъ свѣдѣніямъ, оказывается, что въ теченіе года, преимущественно осенью и зимою, въ Самаркандъ, включительно съ кишлаками, доставляется киргизами изъ Кызылъ-кумовъ 50000 верблюдовъ или 400000 пудовъ саксаульнаго угля. По разсказамъ этихъ

степныхъ углепромышленниковъ и возчиковъ, уголь выжигается изъ саксаула, начиная съ августа и до декабря, причемъ, по разсчету, изъ пятидесяти деревьевъ средней величины добывается восемь пудовъ чистаго угля, а на приготовленіе пяти верблюдовъ угля двумя работниками требуется всего одинъ день, такъ какъ обжиганіе производится въ неглубокой ямѣ. Углеобжиганіемъ занимаются почти всѣ киргизы, кочующіе вблизи лѣсовъ саксаула, отстоящаго теперь въ 250 верстахъ отъ Самарканда, въ 80 верстахъ отъ Джизака и въ 200 верстахъ отъ Бухары, куда также привозится каждогодно не менѣе 200000 верблюдовъ степного угля. Углеобжигатели, не имѣющіе своихъ перевозочныхъ средствъ, сбываютъ добытый уголь на мѣстѣ по двадцати копѣекъ за верблюда (8 пуд.), а скупщики отправляютъ его на своихъ или наемныхъ верблюдахъ въ города всей долины Зеравшана и продаютъ въ Самаркандѣ по два рубля за верблюжій вьюкъ, а въ Бухарѣ по три рубля за 8 пудовъ.

Обыкновенно степные угледоставители распродаютъ уголь очень быстро, не позже слѣдующаго дня, и закупивъ, въ свою очередь, джугару, (сорго), просо, муку и ячмень, для продажи киргизамъ, возвращаются въ свои кочевья. По числу пятнадцати верблюжьихъ переходовъ до Самарканда и обратно, нѣкоторые углепродавцы успѣваютъ въ теченіе года сдѣлать четыре рейса съ своими верблюдами и такимъ образомъ, при барышѣ въ $1^1/_2$ рубля съ одного вьюка углей, да столько же съ вьюка самаркандскихъ продуктовъ, каждый верблюдъ выработаетъ до пятнадцати рублей въ годъ, а это для киргиза составляетъ большой заработокъ.

Но вѣдь такое широкое и примитивное хозяйничанье киргизовъ надъ саксауломъ, который возобновляется чрезъ сотни лѣтъ, поведетъ къ быстрому истребленію остатковъ степного лѣса и повлечетъ за собою лишеніе песковъ травяного корма, развитіе въ долинѣ Сыръ-дарьи и Зеравшана палящаго нездороваго вѣтра (гармсиль), движеніе на востокъ песковъ,

сдѣлавшихъ уже большіе успѣхи въ самой Бухарѣ и въ западной провинціи этого ханства, Каракулѣ.

Что въ случаѣ непрекращенія соотвѣтствующими мѣрами углеобжиганія въ пескахъ Кызылъ-кумъ, саксаулъ не долго тамъ продержится, можно разсчитать, принявъ въ соображеніе, что одинъ Самаркандъ съ его селеніями сжигаетъ ежегодно два съ половиною милліона деревьевъ саксаула въ 400000 пудахъ угля, привозимаго киргизами. А если къ этой цифрѣ прибавить годовую порцію саксаула или угля, добываемаго для Бухары и осѣдлосгей Сыръ-дарьинской области, если провѣрить заявленіе киргизовъ, что кызылъ-кумскій саксаулъ „бѣжалъ“ (катты) въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ на 100 верстъ отъ своей границы, если сообразить, что потребленіе топлива населеніемъ Самарканда и Бухары никакимъ образомъ не можетъ быть сокращено, такъ какъ оно расходуется дѣйствительно экономно, то вопросъ истребленія степного лѣса является въ самомъ дѣлѣ весьма серьезнымъ вопросомъ для всего края. Это-то повидимому, какъ мы выяснимъ ниже, и не имѣли въ виду, устанавливая циркуляромъ 1879 года общее воспрещеніе пользоваться горнымъ лѣсомъ.

Теперь, чтобы покончить съ вопросомъ о количествѣ расходуемой въ долинѣ Зеравшана древесной растительности, мы должны сказать еще *о лѣсной промышленности*. Въ Самаркандѣ эта выгодная промышленность находится исключительно въ рукахъ туземцевъ и распадается на поставку строительнаго матеріала для казенныхъ и частныхъ построекъ, для мебельныхъ мастерскихъ, и на поставку этого матеріала для Бухары. Собственно самаркандская каждогодная потребность въ строительномъ матеріалѣ, которымъ, главнымъ образомъ, служитъ тополь, покрывается добычею его изъ садовъ не далѣе десяти верстъ отъ города, причемъ для перевозки его служатъ бухарскія арбы (джаудары). Въ туземной части Самарканда лѣсоторговцы имѣютъ свои лѣсные склады, изъ которыхъ, по разсказамъ ихъ, выпускается въ продажу строевого матеріала не менѣе какъ 20000 тополей, карагача, тала, да столько

же, вѣроятно, покупается потребителями-строителями, главнымъ образомъ, непосредственно въ садахъ. По приблизительнымъ свѣдѣніямъ, отпускъ строевого матеріала изъ Самаркандскаго отдѣла въ Бухару заключается ежегодно не менѣе какъ изъ 20000 тополей, 10000 таловыхъ и 3000 тутовыхъ деревьевъ. Этому спросу лѣсопромышленниковъ удовлетворяютъ главнымъ образомъ селенія, сидящія недалеко отъ береговъ Зеравшана, по которому лѣсъ гонится, въ теченіе весны и лѣта, плотами въ 140 штукъ большихъ лѣсинъ, причемъ плоты проходятъ этотъ путь въ 25 дней. Вся Бухара снабжается строительнымъ матеріаломъ главнымъ образомъ изъ Зеравшанскаго округа и бекства Хатырчинскаго. Общій расходъ лѣса въ столицѣ ханства весьма значительный, потому что дома строятся тамъ не иначе, какъ съ деревяннымъ фундаментомъ и такой же обвязкой. Вотъ почему лѣсная пристань въ селеніи *Гурбунъ*, на арыкѣ Шахъ-рудъ (царскій каналъ), въ восьми верстахъ отъ Бухары, тянется на пять верстъ и всегда бываетъ загромождена лѣсомъ, плотами. Такимъ образомъ въ общемъ итогѣ и лѣсная промышленность въ Самаркандскомъ отдѣлѣ вызываетъ огромное истребленіе древесныхъ насажденій, какъ садовыхъ, такъ и другихъ участковъ частной земельной собственности.

Тѣмъ не менѣе благоразумная сельско-хозяйственная система туземцевъ уравновѣшиваетъ постоянными подсадками спросъ съ предложеніемъ настолько, что цѣны на топливо остаются и теперь тѣ же, какія были въ 1874 году; цѣны же на строительный матеріалъ увеличились почти вдвое, вслѣдствіе значительнаго отправленія строевого лѣса въ города Бухарскаго ханства.

Выяснивъ, съ доступною правильностью, размѣръ и характеръ потребленія древесной растительности, мы обратимся теперь къ двумъ очень существеннымъ вопросамъ: 1) въ какомъ отношеніи стоитъ въ данное время предложеніе къ спросу, и 2) можетъ ли покрываться потребность углепромышленности и лѣсопромышленности мѣстнымъ предложеніемъ на счетъ древесной растительности долины и горъ? Такіе вопросы не-

избѣжно возникаютъ потому, что, предвидя близкую гибель кызылъ-кумскаго саксаула и раздѣляя вытекающую отсюда необходимость спасти хотя остатки его, мы глубоко убѣждены, что этого невозможно достигнуть однимъ распоряженіемъ „запрещаю“, такъ какъ вѣками сложившуюся потребность жизни населенія насиловать не приходится, а слѣдуетъ пройти эту *Сциллу* и *Харибду* лѣсного вопроса съ приличною ему осторожностью, безъ увлеченій, безъ того пагубнаго самомнѣнія, которое когда-то привело однихъ къ затѣямъ по устройству въ краѣ дорогихъ и несвоевременныхъ ярмарокъ, а другихъ— къ закритикованнымъ проектамъ укрѣпленія ферганскихъ песковъ растеніями изъ приморскихъ французскихъ ландовъ. Вотъ что говоритъ по этому послѣднему предмету г. *Миддендорфъ* на страницѣ 61 Очерковъ Ферганской долины: „съ особенною настойчивостью укажемъ на то, что необходимо совершенно отказаться отъ попытки укрѣпленія переносныхъ песковъ посѣвомъ какихъ-либо европейскихъ растеній. Такого рода предложеніе можетъ исходить развѣ отъ непризнанныхъ псевдоботаниковъ, не имѣющихъ никакого понятія о растительной жизни. Правда, Pinus maritima на дюнахъ ландовъ дала превосходные результаты, но для этого необходима близость моря и влажность воздуха. Развѣ на средне-азіатскихъ барханахъ встрѣчаются гдѣ либо сосновые лѣса? А между тѣмъ иные были не прочь смѣлою рукою, словно волшебствомъ, вызвать къ жизни лѣса приморской сосны въ центрѣ Ферганы“.

Конечно, къ цитированной сейчасъ страницѣ, отъ себя мы можемъ прибавить не много. Мы позволимъ себѣ только поставить вопросъ: къ чему было тратить тысячи рублей на эти безплодныя знакомства съ французскими пріемами укрѣпленія приморскихъ песковъ, когда можно было выписать за 5 рублей прекрасное сочиненіе *Россмеслера* „*Лѣсъ*“ и на страницѣ 643 приложенія прочесть по этому предмету слѣдующее: „укрѣпленіе сыпучихъ песковъ, когда они среди *материка*, производится *преимущественно* разведеніемъ шелюги —ивы (Salix acutifolia), чернаго тополя или осокори, пріобрѣв-

шихъ громкую извѣстность по укрѣпленію песковъ на югѣ Россіи. Работа эта вовсе не представляетъ столь огромныхъ затрудненій, какъ многіе воображаютъ. Въ этомъ дѣлѣ общій ходъ работъ слѣдующій: на мѣстѣ, предназначенномъ для укрѣпленія, проводятъ борозды плугомъ. Обыкновенно дѣйствуютъ нѣсколькими плугами разомъ: первый плугъ дѣлаетъ борозду для кладки черенковъ, второй плугъ засыпаетъ первую борозду и производитъ возлѣ новую борозду для положенія черенковъ; третій плугъ засыпаетъ вторую борозду. Въ борозды кладутъ шелюговыя и осокоровыя вѣтви горизонтально, на самое дно борозды, такъ чтобы онѣ были засыпаны пескомъ совершенно. Вся эта работа производится весною или осенью. Рабочей силы на подобное укрѣпленіе песковъ шелюгою требуется слѣдующее количество: на 100 десятинъ песка нужно имѣть: 125 кубическихъ сажень черенковъ, 545 пѣшихъ рабочихъ, 60 рабочихъ дней для двухъ паръ воловъ (стр. 643). Если этотъ разсчетъ соотвѣтствуетъ и для мѣстныхъ песковъ, то, по туркестанскимъ цѣнамъ, стоимость облѣсенія ихъ шелюгою и осокорью, встрѣчающеюся и на берегахъ Зеревшана, будетъ всего около 300 рублей за 100 десятинъ.

Воздержимся однако отъ дальнѣйшаго разбора упомянутаго проекта укрѣпленія ферганскихъ песковъ, а будемъ говорить только о лѣсоохранительныхъ и лѣсоводственныхъ мѣрахъ Зеравшанской долины, по возможности объективно, имѣя въ виду лишь цѣль правдиваго изложенія дѣйствительности въ интересахъ края.

Къ сожалѣнію, намъ приходится начать съ поясненія, что у насъ нѣтъ достаточно данныхъ къ опредѣленію отношенія лѣсной площади къ общей площади долины Зеравшана. А между тѣмъ эти данныя должны имѣть громадное вліяніе на рѣшеніе второго вопроса, потому что, разъ ставъ на точку зрѣнія необходимости поддержанія лѣса, какъ метеорологическаго фактора, слѣдуетъ имѣть въ виду тотъ полученный выводъ, что для благотворнаго дѣйствія лѣса на текучія воды и климатъ онъ долженъ занимать площадь отъ 17% до 33%

всей территоріи, распредѣляясь по всей площади равномѣрно. Нельзя сказать, чтобы точное изслѣдованіе этого отношенія для Зеравшанскаго округа, занимающаго всего съ горами 24000 квадр. верстъ, было невозможно. Оно, вѣроятно, и будетъ выполнено со временемъ имѣющимся въ Самаркандѣ чиновникомъ по лѣсной части. Теперь же мы руководствуемся весьма поверхностными данными о естественныхъ горныхъ лѣсахъ, собранными нами только разспросами и прошлогодней поѣздкой въ горы Магіяна и Кштута, въ среднемъ теченіи Зеравшана.

Такъ какъ пока весь вопросъ сводится къ тому: можетъ ли и въ какой мѣрѣ быть разрѣшена эксплоатація населеніемъ горнаго лѣса для цѣлей строительныхъ и, главное, углепромышленности, то, полагаю, будетъ достаточно заглянуть только въ ближайшія къ Пенджекенту горы по обоимъ берегамъ Зеравшана, принявъ лишь къ свѣдѣнію, что далѣе, въ горахъ верхняго теченія этой рѣки, естественный лѣсъ скрывается въ глубокихъ ущельяхъ Фальгара, Ягноба, Фана и отчасти Матчи, распредѣляясь крайне неравномѣрно, то густыми зарослями на десятки верстъ (ущелье Фатмаутъ, Урмитанъ, Дархъ, Аббурданы и др.), то очень рѣдкими и чахлыми подлѣсками. Такимъ образомъ, говоря лишь о лѣсѣ средняго теченія Зеравшана, приходится отмѣтить, что вся часть горъ Туркестанскаго кряжа до Урмитана носитъ весьма слабые признаки бывшихъ здѣсь лѣсовъ, истребленныхъ углепромышленниками, и только теперь, абсолютнымъ семилѣтнимъ отдыхомъ отъ топора, она замѣтно подаетъ надежды къ возстановленію своего благодѣтельнаго растительнаго покрова.

Съ особенною душевною радостью мы имѣли возможность лично прослѣдить въ прошлое лѣто значительный успѣхъ естественнаго лѣсовозстановленія, какъ на южномъ склонѣ горъ праваго берега Зеравшана, такъ въ особенности по системѣ рѣкъ Магіяна, Пасрута, Вору. Эту послѣднюю часть горъ Зеравшанскаго кряжа намъ удалось осмотрѣть въ прошломъ году довольно подробно и мы считаемъ возможнымъ ска-

зать, что воспользовавшійся также семилѣтнимъ отдыхомъ лѣсной раіонъ бассейна Кштута занимаетъ теперь сплошную площадь горной арчи, перемѣшанной съ деревьями миндаля, клена и фисташекъ не менѣе 800 квадратныхъ верстъ, причемъ этотъ лѣсъ повсюду доступенъ для эксплоатаціи его привычнымъ, неутомимымъ въ трудѣ горцамъ, замѣтно обѣднѣвшимъ съ тѣхъ поръ, какъ имъ безусловно воспретили пользоваться арчею.

Сколько удалось замѣтить изъ разговоровъ съ гальчей, въ горахъ это воспрещеніе съ 1879 года, о которомъ намъ придется еще говорить подробно, дѣйствуетъ такъ устрашительно, благодаря, слѣдовательно, сильной авторитетности власти, что жители одного селенія (Артучъ) спрашивали моего разрѣшенія срубить четыре дерева арчи, чтобы исправить свою мечеть, остающуюся поэтому безъ крыши уже четыре года. Я порадовался, конечно, этому факту такого сильнаго вліянія нашихъ требованій на полудикое населеніе, но и удивился такому черезчуръ буквальному примѣненію мѣръ къ охраненію арчи, которая всегда служила горцамъ какъ топливо и какъ единственный строительный матеріалъ, расходуемый притомъ въ самомъ ничтожномъ количествѣ, потому что сакли гальчей устраиваются въ большинствѣ безъ каркаса, съ самой легкой крышей.

Еще болѣе достойно удивленія, что этотъ огромный лѣсной раіонъ Кштута, а въ особенности обширная лѣсная заросль *Арчамайданъ*, положительно переполнена валежникомъ, перестомъ арчи, который гніетъ и превращается въ трухлякъ или поджигается, забавы ради, пастухами, пропадая такимъ образомъ за ничто, только потому кажется, что распредѣленіе горнаго Зеравшанскаго лѣса остается совершенно неизвѣстно, а добываніе угля изъ арчи воспрещено безъ того исключенія, какое слѣдовало бы сдѣлать для лѣсныхъ раіоновъ, изобилующихъ валежникомъ.

Вѣдь еслибы, въ самомъ дѣлѣ, горный лѣсъ былъ бы изслѣдованъ своевременно и подробно спеціалистами, они обязаны были бы примѣнить къ нему совѣтъ стр. 644 книги „Лѣсъ“ соч. *Госсмеслера*: „много заботъ требуется отъ лѣсничаго, чтобы спасти лѣсъ отъ мелкихъ, но сильныхъ враговъ—отъ насѣкомыхъ. Въ этомъ отношеніи весьма важно, чтобы въ лѣсахъ былъ убранъ *валежникъ*, чтобы въ насажденіяхъ не были оставляемы заглохлыя и *перегнойныя* деревья, чтобы въ дачѣ не оставался долго срубленный лѣсной матеріалъ, ибо все это представляетъ самыя удобныя мѣста для гнѣздилищъ опаснѣйшихъ насѣкомыхъ“.

Правильной организаціею углеобжиганія, о которой придется говорить ниже, по моему, необходимо открыть пользованіе валежникомъ, какъ въ видахъ сохраненія степного саксаула, такъ и потому еще, что забавы пастуховъ надъ этимъ даровымъ топливомъ могутъ распространить гибельный лѣсной пожаръ. Уже и теперь можно наблюдать во многихъ мѣстахъ густой заросли арчи свѣже выжженныя площади валежника и опаленныя вѣковыя деревья-гиганты, о которыхъ сложилось почему-то въ горахъ повѣрье, что въ тысячелѣтнемъ возрастѣ они кончаютъ жизнь самосожиганіемъ. Но такъ какъ о бокъ съ такими искалѣченными старцами арчи сплошь попадаются и молодыя деревья съ выпаленнымъ дупломъ, то сопутствующій васъ горецъ не уклонится разъяснить, что въ этомъ уже виновато не тысячелѣтіе, а шалости пастуховъ, какъ своихъ кишлачныхъ, такъ и приходящихъ въ теченіе лѣта въ Самаркандъ, съ многочисленными стадами овецъ, гисарцевъ и кулябцевъ, которые портятъ горныя дороги, мосты, пользуются кормами, топливомъ и уже давно не платятъ никакихъ пошлинъ, тогда какъ бухарской казнѣ тѣ же скотопригонщики вносятъ каждогодно до 20000 рублей баджа.

Кстати уже скажемъ, что вообще скотопромышленность пользуется свободой отъ всякихъ пошлинъ съ изданія положенія 1867 года, а между тѣмъ, она могла бы приносить въ округѣ не менѣе 200000 рублей годовыхъ сборовъ отъ скотопрогонщиковъ и отъ продажи скота на базарахъ, которые теперь доставляютъ доходъ городамъ только обложеніемъ вѣсовой

пошлиной продуктовъ сельскаго хозяйства, достающихся земледѣльцу не такъ легко, какъ легко богатѣютъ мѣстные скотопромышленники, въ особенности ургутцы.

Опредѣливъ весьма приблизительно лѣсную площадь горъ Кштута, снабжавшую до 1879 года всю долину Зеравшана углемъ и строительною арчею, остается сказать, что склоны западнаго Туркестанскаго кряжа, а также сѣверные склоны Зеравшанскаго кряжа почти совершенно оголены и только въ верхнихъ, трудно доступныхъ частяхъ хребта и въ скалистыхъ ущельяхъ кое-гдѣ удержалась еще рѣдкая заросль арчи. Впрочемъ, пользуясь отдыхомъ, и эти части горъ подаютъ надежду на возстановленіе своей древесной растительности, если такой отдыхъ продолжится лѣтъ 20, не менѣе. То же самое приходится сказать о восточныхъ склонахъ *Нуратинскаго* хребта, носящихъ мѣстное названіе Карача-тау и отдѣляющихъ на западѣ Самаркандскій отдѣлъ отъ Джизакскаго раіона.

Такимъ образомъ, въ общемъ, горная лѣсная площадь представляется очень незначительною по отношенію ко всей территоріи округа; а какое именно это отношеніе, какъ распредѣляются лѣса въ горахъ, на сколько возможно пользоваться ими хотя для углеобжиганія — эти важные вопросы оставались до сихъ поръ открытыми и ждутъ выясненія чрезъ лицъ, спеціально вѣдающихъ лѣсною частью.

По личнымъ воспоминаніямъ о частыхъ и повсюдныхъ поѣздкахъ въ горахъ верховьевъ Зеравшана, отъ ледниковъ до истоковъ Ягноба и Искандеръ-куля, полагаемъ, что такое подробное ознакомленіе съ горнымъ лѣсомъ можетъ быть легко исполнено трехмѣсячнымъ объѣздомъ, при участіи мѣстной администраціи, слишкомъ заинтересованной этимъ вопросомъ.

Когда будетъ сдѣлано такое правильное и точное изслѣдованіе, тогда и выяснится, въ какой мѣрѣ придется послѣдовать указаніямъ *Миддендорфа*: „необходимо начать съ запрещенія свободнаго пользованія тѣми лѣсными участками, которымъ угрожаетъ дѣйствительная опасность; общаго же запрета быть не должно. Постепенно распространяя опеку надъ

лѣсомъ, навѣрно придутъ къ убѣжденію, что онъ въ наибольшей части своего протяженія можетъ и даже долженъ быть предоставленъ въ свободное пользованіе“ (стр. 321 соч. Очерки Ферганской долины).

Если бы уважаемому ученому было извѣстно въ подробности, какая участь ожидаетъ степной саксаулъ, защищающій на западѣ культурный оазисъ отъ песковъ и гармсилей, онъ навѣрное добавилъ бы еще нѣсколько убѣдительныхъ страницъ къ высказанному предложенію, съ которымъ разумѣется нельзя не согласиться.

Перенося нашъ обзоръ существующей древесной растительности изъ горъ въ долину, мы должны сказать, что здѣсь есть чѣмъ полюбоваться. Вся береговая часть Зеравшана, отъ Пенджекента за Катта-курганъ, протяженіемъ въ двѣсти верстъ, съ поперечникомъ въ 30 верстъ, представляетъ сплошной коверъ зелени искусственныхъ древесныхъ насажденій, какъ садовыхъ, такъ и пашенныхъ. Проѣзжая десятки верстъ островной частью долины, между вѣтвями Зеравшана — Кара-дарьей и Акъ-дарьей, въ жаркое лѣтнее время вы испытываете удовольствіе ѣхать въ тѣни пріятной зелени, какъ бы громаднымъ паркомъ.

По трактовымъ дорогамъ древесныя насажденія тянутся толстой лентой всюду, гдѣ только есть доступъ арычному орошенію. То же самое представляютъ собою всѣ мелкія и большія сельскія дороги, а ихъ протяженіе въ Самаркандскомъ отдѣлѣ =1200 верстъ. Такія же частыя насажденія замѣчаются по всѣмъ арыкамъ, по окраинамъ пашень, въ садахъ, въ особенности въ раіонахъ долины, ближайшихъ къ берегамъ Зеравшана, которымъ пользуются для сплава лѣсныхъ плотовъ.

Обозрѣвая внимательно низменную, многоводную часть долины, видимъ даже какъ будто бы избытокъ древесныхъ насажденій, въ ущербъ хлѣбопашеству. мѣстами дѣйствительно испытывающему дурное вліяніе на посѣвы отъ близости тѣнистой древесной чащи. Конечно, предусмотрительный, опытный хозяинъ такъ и распоряжается въ пользованіи своими насажденіями, чтобы они не затѣняли хлѣбныхъ посѣвовъ, а вино-

градниковъ въ особенности; но все же приходится многимъ, и для себя и для сосѣдей, подчинять насажденія требованіямъ полеводства, потому что сая (тѣнь) тополей и тала дѣйствуетъ на огородину, на рисовыя плантаціи и на виноградники очень вредно.

Нѣсколько слабѣе древесная растительность—какъ садовая, такъ и полевая—въ южной, подгорной части долины, имѣющей степной характеръ вслѣдствіе недостатка арычнаго орошенія, вполнѣ развившагося здѣсь только въ послѣднія восемь лѣтъ. Но и въ этомъ раіонѣ древней культуры Ангара молодыя насажденія замѣчаются по арыкамъ и на пашняхъ въ такомъ количествѣ, какое только въ состояніи было принять хозяйство узбековъ и арабовъ.

Равнымъ образомъ и русская часть города Самарканда, съ прекраснымъ, широкимъ Абрамовскимъ бульваромъ, съ двумя огромными городскими садами, съ своими широкими шоссированными улицами, окаймленными тополями, бѣлой акаціей, айлантусами и красивыми карагачами, вмѣщаетъ массу древесныхъ насажденій, которыя должны давать городу лѣтъ чрезъ пять изрядный, постоянный доходъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ, всѣ искусственныя насажденія Самаркандскаго отдѣла, по ирригаціонной системѣ Зеравшана, занимаютъ, полагаемъ, площадь не менѣе 1500 квадратныхъ верстъ, т.-е. $^1/_6$ часть культурнаго оазиса. Этимъ-то и объясняется вышеприведенная нами пятнадцатилѣтняя устойчивость въ Самаркандѣ цѣны на топливо и строительный матеріалъ, несмотря на развивающійся годъ-отъ-году спросъ.

Такое отрадное мѣстное явленіе поддержанія туземцами древесныхъ насажденій совершенно аналогично съ такимъ же явленіемъ въ Ташкентѣ, отмѣченнымъ г. Миддендорфомъ. Вотъ что находимъ на стр. 325 соч. Очерки Ферганской долины: „что касается посадки деревьевъ въ культивированныхъ мѣстностяхъ, то побѣдителямъ есть чему поучиться у побѣжденныхъ и отрадно упомянуть—они уже многому научились. Большой спросъ на лѣсъ всякаго рода тоже, конечно, не остался

безъ вліянія; я былъ не мало удивленъ, увидѣвъ уже въ разстояніи свыше мили до Ташкента густо стоящіе саженцы и тычины вблизи поселеній. Мнѣ указывали на то, что эти посадки были сдѣланы сартами, которые удовлетворяли большому спросу со стороны города на *саженцы* мягкихъ древесныхъ породъ и фруктовыхъ деревъ и *что это приноситъ имъ значительную выгоду*. На обратномъ пути мое удивленіе превратилось въ изумленіе, когда я, на переѣздѣ отъ Ташкента чрезъ безлѣсную степь, встрѣтилъ въ 60-верстномъ разстояніи отъ этого города не только довольно хорошо засаженную киргизскую деревню, но и древесную школу у одного киргиза, для продажи изъ нея деревцовъ“.

Мы, съ своей стороны, можемъ добавить къ сдѣланному нами сопоставленію, что, судя по возрасту деревьевъ, искусственныя насажденія начали усиленно развиваться въ Зеравшанской долинѣ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, изъ чего мы въ правѣ заключить, что главный толчекъ этому дѣлу былъ данъ „побѣдителями же“, какъ въ Ташкентѣ, такъ и въ другихъ городахъ Туркестана, спросомъ на строительный матеріалъ; въ этомъ намъ придется убѣдиться и послѣдующими выводами, которые мы подкрѣпимъ болѣе полными доказательствами. Теперь же попытаемся перечислить существующія при арычномъ орошеніи главныя породы деревьевъ и отмѣтимъ предназначеніе каждой изъ нихъ въ мѣстномъ хозяйствѣ.

Количествомъ деревьевъ и разнообразіемъ примѣненія въ хозяйствѣ, *талъ* (ива, Salix) занимаетъ въ ряду другихъ породъ безспорно первое мѣсто въ культурномъ оазисѣ. Это, гонимое здѣсь европейцами за свою „нечистоплотность“, сравнительно невзрачное дерево, хотя и не занимаетъ почетнаго мѣста у туземцевъ, тѣмъ не менѣе преобладаетъ надъ другими за свои прекрасныя качества: быстрый ростъ, непритязательность къ почвѣ и къ поливкѣ, а главное—за свою, такъ сказать, продуктивность. Дѣйствительно, ни одно дерево, какъ мѣстныхъ породъ, такъ и вводимыхъ здѣсь европейскихъ деревьевъ, не даетъ съ такою быстротою той массы отростковъ,

послѣ весенняго съема вершины, какую даетъ талъ. Посаженный кое-какъ, кольями, по арыкамъ, на пахатной межѣ, талъ представляетъ собою чрезъ 15 лѣтъ солидное дерево, въ 2 аршина въ обхватѣ съ большой тѣнистой кроной, которая въ теченіе тридцати лѣтъ жизни дерева можетъ быть снята 10 разъ, давая въ каждый съемъ достаточно кольевъ для разсадки, нѣкоторое количество дровъ и хворостъ, употребляемый на корзинки, имѣющія такое широкое примѣненіе въ хозяйствѣ земледѣльцевъ.

У сельскаго населенія талъ служитъ также и для постройки сакель, конюшенъ, скотниковъ, амбаровъ и для разныхъ незначительныхъ въ хозяйствѣ подѣлокъ. Изъ того же все тала выжигаются угли, имѣющіе примѣненіе только у кузнецовъ, мѣдниковъ. Тотъ же талъ отлично служитъ, какъ фашинникъ, для возведенія арычныхъ плотинъ, для укрѣпленія береговъ, для водопроводныхъ желобовъ. Главная же роль тала, какъ было выяснено и раньше — въ отопленіи. Уступая, конечно, по своимъ горючимъ свойствамъ, другимъ породамъ деревьевъ, талъ беретъ количествомъ и дешевизною, а потому ему и первое мѣсто въ спросѣ, какъ русскимъ населеніемъ, такъ и туземнымъ.

Второе мѣсто послѣ тала занимаетъ *тополь* (терекъ, Populus), также не любимый здѣсь, какъ будетъ видно ниже, нѣкоторыми европейцами. Въ долинѣ Зеравшана преобладаетъ тополь кукъ-терекъ, какъ отличающійся лучшими качествами древесины сравнительно съ красивымъ пирамидальнымъ тополемъ (аръ-аръ), весьма быстро растущимъ, но зато меньше дающимъ матеріала. Оба вида тополя или разсаживаются черенками (каламча), или развиваются отъ корней срубленныхъ деревьевъ, или сѣянцами и саженцами, и въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ даютъ бревна до двѣнадцати аршинъ длины, до двадцати двухъ вершковъ толщины, а изъ вѣтвей получаются также балки для сакель и значительное количество дровъ. Равнымъ образомъ, и до своего полнаго возраста тополь даетъ не мало топлива каждогодной очисткой отъ лишнихъ вѣтвей. Это топливо служитъ, впрочемъ, исключительно для туземцевъ и главнымъ образомъ—для кухни и для кирпичныхъ заводовъ. Какъ строительный матеріалъ, тополь пока единственное дерево въ краѣ—и для капитальныхъ построекъ, и для подѣлокъ простой дешевой мебели, и для потребностей туземнаго хозяйства. Для строительнаго дѣла тополь годенъ только до тридцатипятилѣтняго возраста, а затѣмъ онъ дѣлается дуплистымъ и быстро гніетъ, отживая свой вѣкъ.

Красивый туркестанскій шапковидный *карагачъ-чинны* (Ulmus campestris, var.), какъ и обыкновенный *карагачъ-нароки*, пользуется спросомъ исключительно для подѣлокъ, для досокъ и рѣдко для другихъ строительныхъ потребностей, хотя, по своей крѣпчайшей древесинѣ, онъ годенъ для балокъ и для каркаса туземныхъ сакель. Особенно широкое употребленіе нароки-карагача—для постройки арбъ и экипажныхъ колесъ. По своей роскошной, густой кронѣ, дающей значительную тѣнь уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ, чинны-карагачъ находитъ для себя въ каждомъ хозяйствѣ лучшее мѣсто во дворѣ, по берегамъ прудовъ, при мечети; такія деревья переживаютъ обыкновенно нѣсколько людскихъ поколѣній. Карагачъ не особенно требователенъ къ водѣ; но выращенный хотя бы десятки лѣтъ при постоянной водѣ, онъ затѣмъ быстро гибнетъ, если лишится ея. Карагачъ-чинны растетъ и съ орошеніемъ довольно медленно, достигая въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ до 26 футовъ высоты и 18 вершковъ толщины. Напротивъ, нароки-карагачъ растетъ очень быстро, вытягиваясь въ десятилѣтнемъ возрастѣ до тридцати футовъ. Этотъ видъ карачага доставляетъ лучшіе ободья для колесъ, какъ арбяныхъ, такъ и экипажныхъ. Оба вида карагача достаточно распространены какъ въ низменной, такъ и въ возвышенной, безводной части долины.

Какъ о строительномъ и главнымъ образомъ подѣлочномъ деревѣ, упомянемъ также о грецкомъ орѣхѣ, принадлежащемъ главнымъ образомъ садамъ, и о джигдѣ (Eleagnus hortensis), растущей преимущественно по сторонамъ дорогъ и по окраи-

намъ пашень. Оба названныя дерева растутъ сравнительно медленно, причемъ въ возрастѣ сорока лѣтъ орѣхъ обильно раскидываетъ свои вѣтви и даетъ до 6000 плодовъ съ одного дерева, а серебристая джигда въ этомъ же возрастѣ уже клонится къ старости, но все даетъ съ одного дерева до 8 пудовъ мучнистыхъ плодовъ, очень питательныхъ и очень любимыхъ мѣстнымъ населеніемъ. Въ противоположность орѣху, джигда мало прихотлива къ почвѣ и встрѣчается какъ въ мѣстности солончаковатой, суглинистой, такъ и на песчаныхъ мѣстахъ. При случаѣ, дерево джигды также служитъ для узбековъ строительнымъ матеріаломъ, но вообще этимъ деревомъ дорожатъ за его плодоносность и легкую распространяемость отъ тоненькихъ черенковъ, втыкаемыхъ какъ придется, по обочинамъ дорогъ.

Чинаръ (Platanus orientalis), пользующійся въ Самаркандѣ, какъ и повсюду въ Средней Азіи, большимъ почитаніемъ со стороны правовѣрныхъ, въ особенности тамъ, гдѣ онъ хранитъ подъ своей грандіозной кроной могилу какого-нибудь хазрета, святого, распространенъ въ немногихъ низменныхъ, многоводныхъ мѣстахъ долины и, по праву священнаго дерева, живетъ нѣсколько вѣковъ, служа иногда квартирой какому нибудь дервишу, муллѣ и его дѣтской школѣ, уютно устраиваемой въ дуплѣ такого гиганта, который подъ сѣтью своихъ вѣтвей можетъ укрыть отъ палящаго солнца сотни людей. Въ силу такого исключительнаго уваженія къ чинару, это дерево, при своемъ быстромъ ростѣ изъ черенковъ и не особенной притязательности къ почвѣ, распространено слабо, такъ какъ туземецъ не очень склоненъ удѣлять на своей землѣ мѣсто такому мертвому капиталу. Дѣйствительно, чинаръ даетъ прекрасный подѣлочный матеріалъ только отъ своихъ вѣтвей и очень рѣдко рубится самое дерево какимъ-нибудь окончательно обѣднѣвшимъ хозяиномъ, причемъ ему не мало приходится выслушать отъ сосѣдей всякой укоризны. Оттого матеріалъ изъ чинара встрѣчается въ продажѣ весьма рѣдко и цѣнится сравнительно дорого, отъ двухъ рублей за доску въ три аршина длины и

1,5 вершка толщины. Въ Зеравшанской долинѣ наибольшее количество чинаровъ группируется въ Дагбитѣ, въ окрестностяхъ Самарканда, при могилѣ магометанскаго святого Ходжа-Ахрара и въ Ургутѣ. Въ этихъ чинаровыхъ рощахъ имѣются вѣковые экземпляры 26 аршинъ въ обхватѣ нижней части ствола, съ вѣтвями въ шесть аршинъ въ обхватѣ. Конечно, эти старцы, служащіе теперь пріютомъ калѣкамъ-нищимъ, укрывающіе въ своей тѣнистой кронѣ массы птицъ, проживутъ еще долго, пока, можетъ быть, ихъ не свалитъ вѣтеръ; но ужъ никакой дерзновенный топоръ не коснется ихъ, безмолвныхъ свидѣтелей погребенія здѣсь чтимыхъ мусульманъ, превратившихся въ великихъ святыхъ, на поклоненіе которымъ стекаются отовсюду толпы странниковъ и мѣстныхъ почитателей.

Мы не можемъ окончить съ перечисленіемъ существующихъ въ долинѣ Зеравшана породъ деревьевъ, не сказавъ о шелковицѣ (тутъ, Morgus nigra и alba), пользующейся, какъ извѣстно, такимъ громаднымъ значеніемъ въ производствѣ шелководства, служащей также своими плодами важнымъ суррогатомъ хлѣба, въ особенности у горцевъ верховьевъ Зеравшана, доставляющей и хорошій подѣлочный матеріалъ. Но подробныя свѣдѣнія о шелковицѣ придется дать въ заключеніи настоящихъ замѣтокъ, гдѣ мы намѣрены разобрать сопоставленіями достоинство пріемовъ лѣсоводства, практикуемыхъ въ Самаркандѣ съ 1879 года, подъ руководствомъ спеціалистовъ, отъ которыхъ (пріемовъ) ожидается столько великихъ благъ для нашего безлѣснаго Туркестанскаго края.

Прежде исполненія нашего обѣщанія,—разобрать значеніе для Зеравшанскаго округа мѣръ по лѣсоразведенію, установленныхъ въ послѣднія пять лѣтъ,—необходимо сказать, въ какомъ положеніи былъ этотъ лѣсной вопросъ въ первое десятилѣтіе управленія краемъ. Исполнить эту задачу не представляется затруднительнымъ, потому что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи и разспросныя свѣдѣнія, и письменныя данныя, и личное, продолжительное наблюденіе за ходомъ этого дѣла, и наконецъ достаточно полное изслѣдованіе лѣсного вопроса

въ статьѣ „Эксплоатація горнаго лѣса въ Зеравшанскомъ округѣ“, напечатанной въ №№ 13, 15, 16 и 19 Туркестанскихъ Вѣдомостей за 1877 годъ. По совокупности всѣхъ этихъ данныхъ, для насъ представляется возможность засвидѣтельствовать, что уже въ первые годы послѣ присоединенія къ имперіи Самарканда, вопросъ лѣсной началъ озабочивать мѣстную администрацію въ самой высокой степени.

Заставъ въ первый годъ довольно умѣренныя цѣны на топливо (8 рублей за однополѣнную сажень) и на строительный матеріалъ, не замѣчая повышенія цѣнъ и въ слѣдующіе года, новые распорядители судьбами края не обольщались этимъ очевиднымъ избыткомъ предложенія надъ спросомъ, а сочли нужнымъ предложить населенію дѣлать подсадки деревьевъ, гдѣ только окажется возможнымъ, и въ особенности обязательно пополнять подсадками сдѣланныя порубки въ садахъ или въ полѣ. Разумѣется, въ первые три года, пока населеніе не достаточно еще ознакомилось съ нашими требованіями и вообще съ русскими властями, эта мѣра проводилась осторожно, больше совѣтомъ, чѣмъ приказаніемъ; но все же она навѣрное сдѣлала свое дѣло, такъ какъ туземецъ и самъ замѣчалъ возраставшій годъ отъ года спросъ на лѣсной матеріалъ. Вскорѣ совѣты превратились въ приказанія, съ которыми и открылась, подъ контролемъ ближайшей администраціи, усиленная посадка деревьевъ тала и тополя по арыкамъ, на полевыхъ межахъ, въ садахъ, въ городахъ и въ селахъ.

Особенно сильный, вразумительный толчокъ данъ дѣлу распространенія насажденій распоряженіемъ 1872 года объ обязательной посадкѣ деревьевъ по обочинамъ дорогъ, не только почтовыхъ, но и всѣхъ сельскихъ. Населеніе сразу поняло, что посадка деревьевъ не только требуется отъ частныхъ лицъ, но производится личными заботами властей и не только на городскихъ улицахъ, для благоустройства города, но и повсюду, гдѣ оказывается возможнымъ.

Такимъ образомъ, уже съ 1872 года дѣйствовало въ Зеравшанскомъ округѣ въ высшей степени предусмотрительное и

настойчивое требованіе посадки деревьевъ вездѣ, гдѣ оказывалось возможнымъ по условіямъ мѣстнаго, ирригаціоннаго хозяйства, причемъ норма требованія опредѣлялась для каждаго хозяйства не количествомъ, а возможностью, и этого было совершенно достаточно. Земледѣльческое населеніе не видѣло для себя тогда стѣсненія въ этомъ требованіи, потому что оно нисколько не нарушало его исконной системы полеводства, не оставляло его полей безъ воды, такъ какъ и по дорогамъ посадка дѣлалась только тамъ, гдѣ это позволялъ избытокъ воды-но отнюдь безъ лишенія смежныхъ полей необходимаго орошенія и безъ всякой экспропріаціи даже богарныхъ земель.

Въ первые годы одновременная повсюдная посадка деревьевъ по дорогамъ потребовала, правда, напряженной работы населенія, исполнявшаго эту повинность безъ вознагражденія, и администраціи, привлекшей къ этому дѣлу даже туземныхъ судей, казіевъ; но всякій чувствовалъ, что такія посадки дѣлаются не для одной декораціи, а и для увеличенія количества деревьевъ, для удовлетворенія въ будущемъ нуждъ населенія.

Благодаря быстрому росту тала, преобладавшаго въ посадкахъ по дорогамъ, уже на третій годъ населеніе убѣдилось въ практичности этой мѣры, потому что посадки эти давали и даютъ нуждающимся не только колья для дальнѣйшихъ насажденій, но также строительный матеріалъ и фашинникъ для арыковъ и даже даровое топливо изъ каждогодной рубки вѣтвей этого невзрачнаго, но полезнаго, по мѣстнымъ условіямъ, дерева.

Каждый можетъ сказать, что, только благодаря преобладанію тала въ долинѣ надъ остальными породами деревьевъ, эта долина представляется сплошь залитою такой значительной растительностью, которая снабжала до сихъ поръ не только Зеравшанскій округъ, но и Бухару, топливомъ и строительнымъ матеріаломъ безъ повышенія цѣнъ.

Можно смѣло сказать, что цѣны на топливо и при настоящемъ спросѣ въ 20000 сажень годовыхъ для русскаго

города, стояли бы еще ниже, если бы посадки по дорогамъ не истреблялись преждевременно, въ годичномъ возрастѣ, самими туземцами, всего чаще людьми, ѣдущими на базары и вообще проѣзжающими, которые ничуть не стѣсняются срубить или сломать молодое дерево для обращенія въ палку или для топлива гдѣ нибудь на путевомъ ночлегѣ.

Это хищеніе молодняковъ такъ вкоренилось въ мѣстномъ населеніи, что однимъ вразумленіемъ бороться съ нимъ невозможно, а приходится прибѣгать къ охраненію посадокъ временными караулами, которые оказываются вполнѣ дѣйствительными настолько, по крайней мѣрѣ, что удается довести до трехлѣтняго возраста $^4/_5$ всего количества дорожныхъ саженцевъ. Такая мѣра окарауливанія извѣстнаго участка дорогъ, наиболѣе подверженнаго истребленію посадокъ вслѣдствіе близкаго сосѣдства кишлаковъ и частнаго проѣзда базарчіевъ, оказывается менѣе обременительною для населенія, чѣмъ каждогодный трудъ и затраты таловыхъ кольевъ на возобновленіе посадокъ. Сельское населеніе въ особенности охотно приняло такую мѣру, разсчитавъ болѣе выгоднымъ для себя потрудиться выставленіемъ карауловъ въ теченіе двухъ лѣтъ, въ дни базаровъ, чтобы затѣмъ, когда деревья окрѣпнутъ настолько, что ломать ихъ будетъ невозможно для проѣзжающихъ,—освободиться отъ всякихъ заботъ и напротивъ начать пользоваться вѣтвями тала для различныхъ хозяйственныхъ надобностей.

И въ этомъ отношеніи облегченія труда населенія по посадкѣ кольями и быстротою роста на всякой почти почвѣ, талъ недаромъ пользуется въ хозяйствѣ разсчетливыхъ туземцевъ предпочтеніемъ предъ всѣми другими культурными деревьями.

Второе мѣсто послѣ тала въ насажденіяхъ, собственно по дорогамъ, принадлежитъ шелковицѣ (тутъ), хотя медленно растущей, но весьма соотвѣтствующей для такихъ посадокъ. Дѣло въ томъ, что шелковица, какъ дерево плодовое и притомъ дающее листья для питанія шелковичныхъ червей, искони

пользуется у туземцевъ подобающимъ почетомъ, охраняющимъ его отъ истребленія и всякой порчи, гдѣ бы оно ни росло. О распространеніи этого, безспорно полезнаго дерева, настойчиво заботились еще ханы и беки, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ многія вѣковыя аллеи шелковицы въ окрестностяхъ Самарканда. Въ подраженіе своимъ правителямъ, находились и частныя лица, дѣлавшія такія же насажденія, съ благотворительною цѣлью (худаи), при мечетяхъ, странноприимныхъ домахъ (календаръ-хана) и по дорогамъ; и вотъ такія тѣнистыя аллеи и сады тута, составляя общее достояніе, даютъ въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ своими сахаристыми, свѣжими плодами пропитаніе значительной части бѣдняковъ и, въ особенности, пришлымъ поденщикамъ, для которыхъ ягоды тута съ лепешкой замѣняютъ и супъ и мясо. Зная такія благодѣтельныя свойства шелковицы, туземецъ рѣшается срубить дерево въ своемъ саду только въ крайности, а растущія по дорогамъ деревья остаются положительно неприкосновенными, достигая трехсотлѣтняго возраста (въ селеніи Дагбитъ).

Въ особенности огромное значеніе имѣетъ шелковица въ хозяйствѣ горцевъ. Благодаря свойствамъ мергелевой почвы и теплому климату, въ горахъ шелковица растетъ скорѣе, разбрасываетъ свою крону шире, даетъ плоды крупнѣе и сахаристѣе. А такъ какъ землепашество горныхъ селеній самое ограниченное, не болѣе двухъ десятинъ на семью въ среднемъ распредѣленіи, то высушенный тутъ (тутъ-маизъ) и приготовленная изъ него мука (тутъ-талканъ) положительно составляютъ для мѣстныхъ жителей суррогатъ хлѣба и цѣнится въ 50 копѣекъ за пудъ такой муки изъ ягодъ шелковицы, причемъ одно сорокалѣтнее дерево въ урожайный годъ даетъ до 160 фунтовъ сушеныхъ ягодъ. При такихъ условіяхъ, усиливающихся еще значительнымъ развитіемъ въ горныхъ осѣдлостяхъ шелководства, тутовыя деревья, гдѣ бы они ни росли, составляютъ въ горахъ личную, а не общественную собственность и весьма часто бываютъ въ отдѣльности предметомъ продажи, аренды, завѣщанія или наслѣдства, какъ это замѣчается

и въ Бухарѣ, гдѣ всякое дерево, растущее и на дорогѣ, имѣетъ собственника.

При своей непритязательности къ водѣ, шелковица встрѣчается въ Самаркандскомъ отдѣлѣ повсюду, не исключая и маловодныхъ нагорныхъ селеній, а въ волостяхъ, ближайшихъ къ Самарканду, какъ имѣющихъ въ каждомъ селеніи исконное значительное шелководство, она мѣстами преобладаетъ количествомъ надъ всѣми другими породами деревьевъ, причемъ во многихъ хозяйствахъ ягоды тута также собираются, высушиваются и поѣдаются какъ лакомство.

Къ этимъ отличительнымъ свойствамъ шелковицы, поддерживающимъ постоянный спросъ на нее, присоединяются также и прекрасныя качества прочной, не поддающейся сырости и гніенію древесины ея, имѣющей не малое примѣненіе въ строительномъ дѣлѣ, въ особенности для фундамента и связей сакель, мечетей, для мостовыхъ устоевъ и свай, для укрѣпленія береговъ общественныхъ цистернъ и для разныхъ подѣлокъ.

Естественно, что такое широкое и разнообразное примѣненіе этого дерева, вѣками окрѣпшее, издавна пріучило туземцевъ цѣнить его, пріучило и разводить различныя породы тута.

Изъ многихъ породъ шелковицы въ Самаркандскомъ отдѣлѣ наиболѣе распространены: *хассакъ-тутъ* — дикая шелковица, разводимая посѣвомъ и служащая для прививки къ ней другихъ видовъ; *балхи-тутъ* прививная, дающая крупныя ягоды и отличающаяся густой кроной съ толстыми, глянцевитыми листьями; *марваритакъ*, выдающійся высокимъ стволомъ, мелкими листьями, продолговатыми ягодами, и *ша-тутъ*, царская шелковица, приземистая, густолиственная, съ темно-красными кисловатыми ягодами, употребляемыми туземцами какъ лѣкарство и также для окраски пряжи въ синій цвѣтъ. Послѣдній видъ тута, какъ имѣющій ограниченное примѣненіе, встрѣчается очень рѣдко, отдѣльными экземплярами въ садахъ, при мечетяхъ. Изъ прочихъ породъ тута наиболѣе распространенъ

балхи и затѣмъ хассакъ-тутъ, какъ дающій мелкіе листья, наиболѣе любимые шелковичными червями.

По своему значительному спросу, хассакъ-тутъ разводится каждогодно въ огромномъ количествѣ туземцами селеній, ближайшихъ къ Самарканду, остающемуся и теперь главнымъ рынкомъ для сбыта молодняковъ различныхъ породъ деревьевъ.

Деревца хассакъ-тута, служащія дичками для прививки другихъ породъ, получаются посѣвомъ сѣмянъ шелковицы. Обыкновенно для такихъ питомниковъ выбираютъ въ саду участокъ о-бокъ съ виноградникомъ, не затѣняемый деревьями. Съ февраля мѣсяца, унавозивъ землю, пропахавъ ее пять—восемь разъ, разбивъ пятикратной бороною или кетменемъ оставшіеся комья, приготовляютъ параллельныя низкія грядки (собзы, джуя), проводятъ по окраинамъ ихъ борозды и въ концѣ марта высѣваютъ прошлогоднія сѣмена шелковицы, предварительно выдержавъ ихъ одни сутки въ водѣ. На неистощенной землѣ, достаточно воздѣланной удобреніемъ и многократной вспашкой, всходы показываются обыкновенно чрезъ три недѣли и, при частой поливкѣ, чрезъ каждые 10 дней, сѣянцы достигаютъ къ концу году роста около одного фута, причемъ требуется выпалываніе сорныхъ растеній по крайней мѣрѣ восемъ разъ въ теченіе лѣта. Эти годовые сѣянцы оставляются еще на годъ, а затѣмъ выкапываются въ мартѣ мѣсяцѣ изъ чащи, для посадки въ отдѣльный питомникъ, изъ котораго они продаются рѣдко въ двухлѣтнемъ, чаще въ трехлѣтнемъ и нерѣдко въ пятилѣтнемъ возрастѣ. Этотъ послѣдній питомникъ, съ двухлѣтними саженцами особенной обработки не требуетъ, но рядовая посадка саженцевъ дѣлается на разстоянія одного фута одинъ отъ другого, а поливка и очищеніе сорныхъ растеній требуется значительно рѣже.

Такой же совершенно пріемъ культуры дѣйствуетъ и въ питомникахъ съ сѣянцами и саженцами фруктовыхъ породъ деревьевъ, съ тою только разницею, что посѣвъ ихъ значи-

тельно рѣже посѣва шелковицы, дающей до *одного милліона* годичныхъ и двухгодичныхъ сѣянцевъ съ одного танапа земли и до пятнадцати тысячъ трехлѣтнихъ саженцевъ съ такого же участка въ 1/4 десятины.

Хотя большинство владѣльцевъ такихъ питомниковъ обрабатываютъ ихъ сами, при содѣйствіи своихъ домашнихъ, не исключая и малолѣтнихъ дѣтей и женщинъ, тѣмъ не менѣе изъ разсказовъ ихъ намъ представляется полная возможность выяснить количество затрачиваемой рабочей силы и размѣръ валового дохода отъ такихъ плантацій. Для *одного танапа* сѣянцевъ расходъ будетъ слѣдующій: 100 каповъ (50 пудовъ) навоза—8 руб., пятикратная вспашка и бороновка—10 руб., приготовленіе грядокъ (20 рабочихъ) 6 рублей, высѣвъ пяти фунтовъ сѣмянъ (5 рабочихъ) 2 руб., пятикратная полотьба (100 рабочихъ) 30 рублей, выкопка двухлѣтнихъ сѣянцевъ для посадки ихъ (20 рабочихъ) 5 руб., всего 60 рублей. Для трехлѣтнихъ саженцевъ къ исчисленному расходу прибавляется только расходъ въ 100 рублей для одного танапа на пятикратную вспашку, на приготовленіе грядокъ (20 рабочихъ), на посадку (40 рабочихъ) и выкопку 15000 саженцевъ (250 рабочихъ), такъ какъ воспитаніе двухлѣтокъ въ такомъ питомникѣ не требуется ни частой поливки, ни какой-либо полотьбы.

Изъ этого разсчета видно, что въ *туземномъ* хозяйствѣ одинъ милліонъ *однолѣтнихъ* сѣянцевъ помѣщается на одномъ танапѣ и обходится въ 60 рублей, а такое же количество *трехлѣтнихъ* саженцевъ требуетъ уже для себя шестьдесятъ танаповъ земли и вызываетъ всего расхода около *десяти тысячъ* рублей.

Сообразно стоимости воздѣлыванія плодовыхъ породъ деревьевъ, цѣны на нихъ стоятъ въ Самаркандѣ слѣдующія:

Саженцы:	3-хъ лѣт.		6-ти лѣт.	
Тутъ	1— 2	руб.	10—15	руб.
Абрикосы	3— 5	„	12—20	„
Вишни	1— 3	„	5—10	„
Персики	3— 5	„	8—10	„
Миндаль	20—30	„	50—60	„
Орѣхъ	15—20	„	30—40	„
Яблок.-гранаты .	3— 5	„	12—20	„
Винныя ягоды . .	6—10	„	15—20	„
Груша	30—40	„	60—80	„
Айва	6—10	„	15—20	„
Черешня	20—30	„	50—60	„

(За 100 штукъ. / За 100 штукъ.)

Однолѣтніе же саженцы на базары вовсе не вывозятся, а если случается для кого-либо изъ хозяевъ спросъ на нихъ, то сотня однолѣтнихъ сѣянцевъ продается не дороже пяти копѣекъ.

Мы намѣренно, для послѣдующихъ сравненій и выводовъ, привели здѣсь полныя свѣдѣнія о существующихъ издавна у туземцевъ пріемахъ разведенія культурныхъ породъ деревьевъ, о стоимости обработки и содержанія такихъ питомниковъ, о доходности ихъ. Ручаясь за полную достовѣрность приведенныхъ свѣдѣній, мы считаемъ ихъ весьма цѣнными и поучительными для тѣхъ господъ, которые, распоряжаясь спеціальными кредитами, обладая теоретическими знаніями, работая въ питомникахъ по приготовленію саженцевъ руками такихъ же мардекеровъ-поденщиковъ, получаютъ, какъ мы увидимъ ниже, совсѣмъ иные результаты, и количественные и качественные. Но прежде, чѣмъ перейти къ этому очень серьезному и, признаюсь, нѣсколько щекотливому вопросу о спеціальныхъ пріемахъ лѣсоразведенія за послѣднія шесть лѣтъ, намъ придется возвратиться къ обзору всѣхъ предшествовавшихъ мѣръ по лѣсоводству.

Достаточно очертивъ полную интенсивность дѣятельности мѣстной администраціи по распространенію древесныхъ насажденій въ культурномъ оазисѣ, и отмѣтивъ, что населеніе было

всегда отзывчиво къ этимъ требованіямъ, такъ какъ его не стѣсняли въ выборѣ тѣхъ породъ деревьевъ, съ которыми оно прожило много вѣковъ, мы однако не возьмемъ на себя смѣлость выразить эти не малые результаты работы десятка лѣтъ въ общихъ цифрахъ, потому что тогда никому не приходило въ голову слѣдить за количествомъ посадокъ въ каждомъ хозяйствѣ. Можемъ повторить только, что теперь вся долина Зеравшана представляется непрерывнымъ садомъ; можемъ заявить, что на протяженіи тысячи верстъ большихъ и малыхъ дорогъ Самаркандскаго отдѣла насчитывается, приблизительно, около полутора милліона деревьевъ преимущественно тала; можемъ засвидѣтельствовать, что туземцы отлично понимаютъ потребность въ древесныхъ насажденіяхъ и уже давно обходятся безъ напоминаній, по крайней мѣрѣ касательно подсадокъ на собственной землѣ. Это сознаніе установилось въ населеніи прежде всего наглядным доказательствомъ пользы отъ такихъ насажденій, вслѣдствіе возрастающаго спроса на лѣсъ, на топливо, вслѣдствіе раціональной постановки дѣла со стороны администраціи, постоянно разъясняющей населенію, что посадки принесутъ въ будущемъ большую пользу; что насажденія не требуется распространять на пашняхъ въ ущербъ полеводству, что по дорогамъ слѣдуетъ дѣлать подсадки только тамъ, гдѣ они не гибнутъ отъ свойства почвы или слишкомъ каменистой, или слишкомъ сырой (захъ-кешъ); что посадки по дорогамъ отнюдь не должны пользоваться поливкою въ ущербъ поливки сосѣднимъ пашнямъ. Населеніе чувствуетъ, что ему совѣтуютъ дѣло и относится къ совѣтамъ и требованіямъ довѣрчиво.

Напротивъ, прислушайтесь къ толкамъ узбековъ такихъ раіоновъ, гдѣ какой нибудь угодничающій дѣятель выводитъ въ струну степную дорогу, безполезно открывая боковыя канавы, разсаживаетъ страшными усиліями пахаря акаціи и бегоніи на безводныхъ, возвышенныхъ участкахъ дороги или въ такихъ мѣстахъ, гдѣ сама природа противится такимъ посадкамъ—и, разумѣется, услышите отъ населенія очень вѣрную

и очень нелестную аттестацію такому „золотому“ усерднику и его требованіямъ, нерѣдко гоняющимся за декораціями во что бы то ни стало, безъ малѣйшей заботы о существенномъ благѣ трудолюбиваго, трезваго, покорнаго земледѣльца.

Насколько оказались успѣшными въ Зеравшанскомъ округѣ мѣры распространенія древесныхъ насажденій, настолько же были раціональными и плодотворными первоначальныя мѣры лѣсоохранительныя.

Хотя въ первые годы послѣ занятія края и присоединенія горныхъ бекствъ администрація имѣла весьма приблизительное представленіе о лѣсахъ, составленное бѣглымъ обзоромъ горъ во время военной экспедиціи, тѣмъ не менѣе она уже въ началѣ стала пристально слѣдить за лѣсопромышленностью и углепромышленностью горцевъ, поставлявшихъ тогда и строительный матеріалъ и древесный уголь для всей долины Зеравшана, включительно съ Бухарою. Тогда уже было сочтено необходимымъ ограничить въ нѣкоторыхъ горныхъ раіонахъ рубку арчи и время отъ времени періодически устанавливалось воспрещеніе сплава этого дерева за предѣлы округа, а плоты, посылавшіеся горцами для Самарканда, облагались незначительной пошлиной съ тою же цѣлью уменьшенія размѣра рубки арчи для строительнаго дѣла. Эти временныя, мѣстныя мѣры принесли, разумѣется, свою долю пользы, но онѣ все же были недостаточными, потому что спросъ не стѣснялся пошлиной и сплавъ арчи продолжался съ частыми случаями контрабаднаго отправленія для Бухары.

Такому усиленному спросу на арчу для строительнаго дѣла много способствовало долго державшееся обложеніе высокой пошлиной, въ 30% стоимости, строевого тополя въ долинѣ. Эта пошлина, оставшаяся намъ въ наслѣдство отъ ханскаго правительства, давала самый незначительный доходъ округу и заставляла населеніе чувствовать эту охранительную мѣру для низменнаго лѣса настолько, что разведеніе его въ долинѣ казалось вполнѣ невыгоднымъ и потому значительно сократилось. Только чрезъ семь лѣтъ такого старательнаго охраненія

искусственныхъ насажденій, администрація убѣдилась, что эта мѣра даетъ отрицательный результатъ для лѣсоводства долины, легко и скоро возобновляемаго, влечетъ усиленное истребленіе медленно растущей арчи для строительныхъ потребностей, прогрессивно возвышаетъ цѣны на строительный матеріалъ и угрожаетъ совершенному прекращенію разведенія тополя для промышленныхъ цѣлей. Этихъ данныхъ было достаточно, чтобы въ 1877 году отмѣнить окончательно пошлину съ продаваемаго лѣса долины и обратить болѣе тщательное вниманіе на горный лѣсъ, все еще составлявшій для насъ terra incognita, остающійся и теперь мало изслѣдованнымъ, почти неизвѣстнымъ для спеціалистовъ, вѣдающихъ лѣсное дѣло въ округѣ.

Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что наиболѣе существенное вниманіе горному лѣсу со стороны мѣстной администраціи начало обозначаться непосредственно послѣ напечатаннаго въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ, въ 1877 году, весьма подробнаго изслѣдованія объ эксплоатаціи горнаго лѣса. До появленія этихъ статей, съ убѣдительными цифровыми данными, съ приблизительными свѣдѣніями о количествѣ лѣса, никто не имѣлъ представленія о томъ, что главный врагъ горной арчи не лѣсопромышленникъ, а топоръ угольщиковъ, оголившій ближайшія къ Самарканду горы и неудержимо пробирающійся, силою потребности, въ отдаленныя горы, въ трудно доступныя, скалистыя выси.

Выяснивъ размѣръ каждогодной порубки горнаго лѣса для плотовъ и для углепромышленности, опредѣливъ ближайшія гибельныя послѣдствія такого хищническаго лѣсоистребленія, намѣтивъ необходимость отмѣны пошлины съ продаваемаго низменнаго, искусственнаго лѣса, вышеупомянутое изслѣдованіе предложило вмѣстѣ съ тѣмъ дать отдыхъ горному лѣсу, начать изысканія къ примѣненію минеральнаго отопленія и начать опыты лѣсоразведенія, обративъ вниманіе на соотвѣтствующія климату породы деревьевъ: акаціи, айлантуса и шелюги для укрѣпленія песковъ.

Не станемъ разбирать недостатковъ названнаго изслѣдованія, не станемъ предугадывать, какое оно имѣло вліяніе на послѣдовавшія въ 1879 году общія для всего Туркестана мѣропріятія по лѣсоохраненію, но и не откажемся заявить, что въ изслѣдованіи этомъ просвѣчиваютъ такіе выводы, которыхъ до сихъ поръ никто не опровергалъ, хотя лѣсному вопросу посвящено не мало страницъ и въ капитальномъ сочиненіи г. Миддендорфа: „Очерки Ферганской долины“

Чтобы не возвращаться къ названной статьѣ „*Эксплоатація горнаго лѣса въ Зеравшанскомъ округѣ*“, въ дальнѣйшей нашей работѣ по этому вопросу мы позволимъ себѣ цитировать здѣсь тотъ столбецъ № 15 Туркестанскихъ Вѣдомостей за 1877 годъ, въ которомъ сгруппированы доказательства вліянія истребленія лѣса на уменьшеніе количества воды въ рѣкахъ бассейна Зеравшана. Вотъ что мы встрѣчаемъ тамъ въ защиту лѣсовъ:

„Не можетъ быть такимъ образомъ и сомнѣнія въ важномъ значеніи для горъ лѣсовъ, между прочимъ, какъ оплота отъ разрушительнаго дѣйствія потоковъ. Къ этой, самой существенной и наглядной услугѣ, оказываемой деревьями человѣку, присоединяется также вліяніе лѣсовъ на поддержаніе источниковъ, какъ естественныхъ питомниковъ рѣкъ. Можно сказать, что значительное уменьшеніе количества воды въ Зеравшанѣ, которое подтверждается столько же современнымъ положеніемъ русла этой рѣки относительно береговъ, сколько и образовавшимися въ этой долинѣ пастбищными степями, составляетъ прямое слѣдствіе совокупности трехъ причинъ: 1) значительной водопоглощаемости разрыхленными горными породами; 2) постепеннымъ сокращеніемъ верхнихъ ледниковъ; 3) значительнымъ уменьшеніемъ количества воды въ Зеравшанѣ, вслѣдствіе уничтоженія въ горахъ лѣсовъ, способствовавшихъ прежде образованію источниковъ. Предполагаемое дѣйствіе этой послѣдней причины можно отчасти видѣть на другомъ примѣрѣ: вытекающая изъ сѣвернаго склона Зеравшанскаго кряжа, на меридіанѣ Самарканда, когда-то многоводная рѣка *Кара-тюбе* текла за кишлакъ Кенегесъ, на

пространствѣ тридцати верстъ въ длину и полверсты въ ширину. Въ то время, 26 лѣтъ тому назадъ, берега истоковъ ея ручьевъ: Шахакъ (восточный), Тахта-карача (западный) и весь сѣверный склонъ этой части Зеравшанскаго кряжа покрытъ былъ густою древесною растительностью, сберегавшею и источники, которыми питалась рѣка Кара-тюбе, и травяную растительность, прокармливавшую стада скотовладѣльцевъ. Съ вырубкою, 20 лѣтъ назадъ, лѣса, до совершеннаго оголенія горъ, количество воды въ Кара-тюбе уменьшилось, по сказанію стариковъ-землепашцевъ, значительно, что обозначается положеніемъ русла относительно береговъ и замѣтнымъ сокращеніемъ запашекъ".

Предоставляя судить спеціалистамъ, насколько правиленъ цитированный выводъ въ общемъ и въ частности, обратимся въ слѣдующей статьѣ къ разсмотрѣнію лѣсоохранительныхъ и лѣсоводственныхъ мѣръ позднѣйшаго времени.

Намъ приходится теперь разобрать значеніе для Зеравшанской долины лѣсоводственныхъ и лѣсоохранительныхъ мѣръ позднѣйшихъ, начавшихся, по предложенію мѣстной администраціи, вскорѣ послѣ подробныхъ сообщеній о гибели горнаго лѣса, напечатанныхъ въ статьяхъ Туркестанскихъ Вѣдомостей за 1877 годъ. Для болѣе правильнаго выполненія этой задачи приходится напомнить прежде всего, что зеравшанскій туземецъ давно оцѣнилъ значеніе спроса на топливо и на строительный матеріалъ, давно постигъ, что спросъ этотъ будетъ развиваться и что предложеніе не должно отставать отъ спроса. Подъ вліяніемъ такого сознательнаго стимула, какъ говорилось и раньше, мѣстный земледѣлецъ сталъ заботиться о насажденіи деревьевъ въ ирригаціонныхъ раіонахъ уже въ первые годы послѣ присоединенія къ Туркестану Зеравшанской долины. Въ этомъ отношеніи онъ не нуждался въ сильныхъ побужденіяхъ, и ближайшей администраціи приходилось только ограничиваться совѣтами, да требованіемъ, въ интересахъ общаго блага, распространенія насажденій по дорогамъ, въ чемъ и удалось сдѣлать огромные успѣхи до 1879 года.

Плоды такого правильнаго пониманія народной жизни, ея свойствъ и ея потребностей обозначились весьма наглядно, еще до позднѣйшихъ мѣръ, громаднымъ развитіемъ искусственнаго лѣсонасажденія въ долинѣ.

Не связанный придирчивыми требованіями или контролемъ, каждый земледѣлецъ стремился воспользоваться свободнымъ клочкомъ землицы по арыкамъ, по окраинѣ пашни, въ саду, чтобы посадить нѣсколько штукъ или десятковъ такихъ деревьевъ, какія болѣе ко двору ему; разумѣется, въ насажденіяхъ отводилось первое мѣсто высокоприбыльному талу, а затѣмъ и тополю. Когда черезъ пять лѣтъ таловыя насажденія начали приносить доходъ добычей дровъ и угля, туземецъ принялся за насажденія еще настойчивѣе и такимъ образомъ замѣтно было каждому, что къ 1879 году почти не оставалось въ долинѣ свободнаго, безлѣснаго пространства, а напротивъ, являлось сомнѣніе: не уступаетъ ли полевая культура свое почетное мѣсто лѣсоводству? Но ближайшее знакомство съ сельскою жизнью убѣждало, что полевой культурѣ никакая опасность не грозитъ, что туземецъ распоряжается насажденіями весьма благоразумно, стараясь не обременить ими не только своихъ, но и сосѣдскихъ пашень. Иначе, впрочемъ, и быть не могло: мѣстные руководители хорошо сознавали, что сельское хозяйство не забава праздныхъ людей, а такая почтенная промышленность, которая не легко можетъ усвоивать бюрократическіе рецепты, если они не отвѣчаютъ законамъ и потребностямъ жизни. Просвѣщенные распорядители понимали, что не только въ Азіи, но и на западѣ, несмотря на успѣхи промышленной цивилизаціи, со всѣхъ сторонъ напирающей, такъ сказать, на современный бытовой строй народной жизни, онъ остается прежнимъ и громадное большинство земледѣльческаго общества продолжаетъ тяготѣть къ своимъ традиціоннымъ порядкамъ, сознательно отстаивая свои исконные соціальные и экономическіе идеалы.

Земледѣлецъ, съ своей стороны, чувствовалъ себя свободнымъ отъ административной опеки надъ его хозяйствомъ и

продолжалъ вести его тѣмъ правильнымъ путемъ, которымъ давно уже выработана и закрѣплена высоко интенсивная полевая культура съ плодоперемѣнной системой, съ разнообразнымъ удобреніемъ, съ такою артистическою обработкою почвы, которая даетъ урожаи въ самъ-пятьдесятъ, а мѣстами—и двойную жатву.

Проявлялись, разумѣется, и въ тѣ давно минувшіе годы такіе наѣзжіе благожелатели, которые, считая туземцевъ тупыми лѣнтяями, принимались прописывать имъ рецепты, въ родѣ введенія въ хозяйство картофеля и кукурузы вмѣсто ячменя и пшеницы, въ родѣ замѣны существующихъ лучшихъ породъ риса такъ-называемымъ суходольнымъ (правильнѣе мокродольнымъ) рисомъ; но ихъ предложенія не пошли дальше опытовъ на казенныя суммы, дальше толстыхъ отчетовъ и дальше похвальбы предъ начальствомъ.

На туземное хозяйство такіе эксперименты псевдо-спеціалистовъ ровно никакого вліянія не оставили, потому что предложенія нисколько не отвѣчали мѣстнымъ условіямъ хозяйства и жизненной потребности. Туземецъ только подсмѣивался надъ усиліями чиновника получить высшій урожай риса посѣвомъ его по клеверу, съ уменьшенной поливкою, и если получалъ даровыя сѣмена этого суходольнаго риса, то исправно съѣдалъ ихъ, потому что онъ уразумѣлъ непригодность ихъ для своего хозяйства.

Много лѣтъ, много средствъ, много чернилъ въ отчетности было потрачено на такіе опыты улучшенія полевой культуры, а въ результатѣ получилось позднее сознаніе несостоятельности рецептовъ, упраздненіе казенныхъ плантацій и, разумѣется—плохой урокъ для тѣхъ самыхъ туземцевъ, которыхъ третировали какъ незнаекъ и лѣнтяевъ.

И послѣ такихъ неудачъ, превратившихъ учителей въ учениковъ, какъ смѣшно и обидно слышать часто самодовольную похвальбу нѣкоторыхъ заправителей этимъ дѣломъ, что туземецъ позаимствовалъ отъ нихъ „то-то“ и „это“. Одинъ, напримѣръ, любитель проектовъ и всяческихъ услугъ увѣряетъ,

не краснѣя, своего патрона, что туземцы отъ него выучились дѣлать веревки изъ пеньки; другой разсказываетъ, что до опытовъ на казенной плантаціи туземцы не знали полезнаго примѣненія кунжутныхъ жмыховъ на кормъ скота, не знали потребности вымочки сѣмянъ предъ посѣвомъ. На повѣрку же оказывается, что пеньковыя веревки приготовляютъ уже лѣтъ двѣсти, а жмыхи (кунджала) скармливаются скотомъ у туземцевъ съ незапамятныхъ временъ... И по этой части имъ совсѣмъ не приходится у насъ учиться, такъ какъ мѣстный пахарь дѣйствительно знаетъ „языкъ земли“, знаетъ „языкъ воды“ (орошенія); большинство же нашихъ рецептаріусовъ отъ агрономіи знаетъ, можетъ быть, свои книжки, но не знаетъ мѣстной сельско-хозяйственной жизни и ея требованій. Нечего и удивляться поэтому, что не соотвѣтствующіе совѣты, не соотвѣтствующія требованія нѣкоторыхъ циркуляровъ, при полномъ усердіи исполнительныхъ органовъ, ровно никакого вліянія на жизнь не оставляютъ, вызывая въ туземцахъ лишь одно удивленіе нашей щедрости на дорогіе опыты и нашей непрактичности.

Наоборотъ, склонный къ подражанію туземецъ охотно вводитъ въ систему полевого хозяйства новые продукты, новые пріемы обработки почвы, если онъ увидѣлъ, хотя на частномъ примѣрѣ, ихъ удобопримѣнимость, ихъ полезность. Никто вѣдь не училъ туземцевъ воздѣлывать огородныя овощи, начиная отъ салата исключительно до спаржи, введенныя въ край европейцами, воздѣлывать табакъ, разводить домашнихъ утокъ и гусей, а между тѣмъ всѣ большіе города Туркестана получаютъ теперь эти продукты исключительно отъ туземцевъ, потому что эта промышленность оказалась для нихъ весьма прибыльною. Никто не навязывался къ сельскимъ узбекамъ съ совѣтами и съ тѣмъ паче требованіямъ испытать посѣвъ ячменевиднаго риса, такъ-называемаго, *арпа-шалы*, а между тѣмъ этотъ родъ риса, впервые завезенный сюда лѣтъ двадцать назадъ какимъ-то странникомъ муллой, распространенъ теперь по всей долинѣ и вытѣсняетъ исконныя породы этого злака,

красный рисъ и бѣлый рисъ, потому что арпа-шалы даетъ постоянно прекрасный урожай и отличается хорошими качествами зерна, тогда какъ суходольный рисъ не выдерживаетъ гармсиля и плохо обдирается на туземномъ абджуазѣ. Также точно развилась здѣсь, всего лѣтъ тридцать тому назадъ, и культура табаку, требующая отъ земледѣльца много труда, много удобренія, но и дающая за то доходъ бо́льшій, чѣмъ огороды, чѣмъ рисъ и джугара.

Словомъ, бережливый, практичный мѣстный земледѣлецъ хотя и консервативенъ по самому характеру его занятія, тѣмъ не менѣе онъ достаточно чутокъ, достаточно воспріимчивъ ко всему дѣйствительно полезному для хозяйства, дѣйствительно выгодному и главное—доступному для его скромнаго бюджета. Послѣднее обстоятельство—ограниченность средствъ мѣстнаго земледѣльца, крайняя раздробленность землевладѣнія, считающая крупнымъ собственникомъ владѣльца двадцати десятинъ орошенной земли, часто вовсе не принимается въ разсчетъ такими авторами проектовъ, которые, привыкнувъ производить опыты на казенныя суммы, не могутъ понять, что туземецъ не въ состояніи вводить улучшенія въ хозяйственномъ инвентарѣ, не въ состояніи отдать какимъ-нибудь непроизводительнымъ затѣямъ и клочка земли своего небольшого поля, иначе ему пришлось бы голодать.

Разумѣется, судьба такихъ кабинетныхъ затѣй, преслѣдующихъ не столько благо страны и населенія, сколько декоративность, побужденія тщеславія и потребность чѣмъ нибудь заняться, чѣмъ нибудь заявить себя,—полная безрезультатность и скорое забвеніе ихъ, или же разрушительное вліяніе на частное хозяйство и продолжительное, заслуженное порицаніе.

Наоборотъ, мѣра практическая, основанная на знаніи соціальной, экономической жизни населенія и ея требованій, сразу прививается, достигаетъ искомой цѣли, даетъ блестящій результатъ и надолго остается въ памяти общества. Какъ примѣръ, мы можемъ вспомнить изданіе въ 1878 году мѣръ противъ денежной эксплоатаціи туземнаго населенія пришлыми

индійцами. Правильно сдѣланныя въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ за 1877 годъ разоблаченія этой хищнической дѣятельности горсти индійцевъ, вывозившихъ изъ края въ золотѣ трудовыя сбереженія мѣстнаго населенія, обратили вниманіе высшей власти и установленныя циркуляромъ ограничительныя правила для этихъ процентеровъ-сосуновъ (сутхуры) привели къ тому, что въ настоящее время въ Зеравшанскомъ округѣ остаются только четыре индійца, оканчивающіе свои дѣла по денежнымъ займамъ; а лѣтъ восемь тому назадъ ихъ числилось до 4000 человѣкъ! Такое же благотворное вліяніе на жизнь этой части Туркестана оказало, нѣсколько лѣтъ спустя, открытіе для населенія ссудныхъ кассъ, доставляющихъ теперь нуждающимся дешевый, доступный и главное—своевременный кредитъ раздачею денегъ предъ наступленіемъ полевыхъ работъ.

Несомнѣнно, что и общія лѣсоохранительныя мѣры, изданныя для всего края въ 1879 году, оставили замѣтный уже и теперь слѣдъ увеличеніемъ древесной и кустарной растительности въ горахъ; но они же способствовали значительному опустошенію степного лѣса, на возстановленіе котораго едвали можно надѣяться.

Давъ толчекъ еще большему развитію искусственныхъ насажденій въ низменной части долины, вмѣстѣ съ тѣмъ эти мѣры абсолютнаго воспрещенія рубки горнаго лѣса заставили туземцевъ приняться за углеобжиганіе въ долинѣ, на счетъ фруктовыхъ деревьевъ; заставили бухарцевъ замѣнять при своихъ постройкахъ арчу, служившую для фундамента и обвязи, тутовымъ деревомъ, съ истребленіемъ котораго неизбѣжно сократится и процвѣтавшее до сихъ поръ во всемъ Зеравшанскомъ оазисѣ шелководство.

Когда взвѣсишь такимъ образомъ отрицательное значеніе этой лѣсоохранительной мѣры, когда вспомнишь, что площадь, занимаемая горнымъ лѣсомъ, остается неизслѣдованною, что многіе участки лѣса переполнены валежникомъ и переростомъ, гибнущими и распложивающими вредныхъ насѣкомыхъ,—неиз-

бѣжно встрѣчаемся съ вопросомъ: не полезнѣе ли было бы, вмѣсто общаго воспрещенія рубки горнаго лѣса, установить правильное лѣсопользованіе, безъ всякой таксы и пошлинъ, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ въ лѣсѣ для строительнаго дѣла и для углеобжиганія.

Оставляя этотъ важный вопросъ для дальнѣйшей разработки спеціалистамъ и тѣмъ распорядителямъ, въ вѣдѣніи которыхъ остается горный лѣсъ, мы приведемъ къ ихъ свѣдѣнію и мнѣніе по этому же предмету г. Миддендорфа. Вотъ что говорится на страницѣ 321 книги „Очерки Ферганской долины“: „необходимо начать съ запрещенія свободнаго пользованія тѣми лѣсными участками, которымъ угрожаетъ *дѣйствительная* опасность; общаго же запрета быть не должно. Постоянно распространяя опеку надъ лѣсомъ, навѣрное придутъ къ убѣжденію, что онъ въ наибольшей части своего протяженія можетъ и долженъ быть предоставленъ въ свободное пользованіе. На что главнымъ образомъ расходуется лѣсъ? На углеобжиганіе, въ виду стародавней привычки употреблять древесный уголь для различныхъ надобностей. Мы сдѣлали очень пріятное открытіе: до настоящаго времени въ обычаѣ было пережигать на уголь лишь мелкій лѣсъ. Не говоря уже о рынкахъ, я въ Наманганскомъ уѣздѣ осматривалъ вьюки лошадей, спускавшихся съ горъ, и къ удивленію моему нашелъ, что обугленныя полѣнья были не толще двухъ дюймовъ въ діаметрѣ. Теперь только, мнѣ кажется, я отгадалъ въ чемъ дѣло: наибольшимъ спросомъ пользуется превосходный уголь изъ фисташковаго дерева, которое не образуетъ толстыхъ стволовъ. Сдача въ аренду плодовыхъ деревьевъ этого рода, конечно, должна ставить препятствіе такому, изстари заведенному хозяйничанью; но повсюду такъ *много* годнаго для углеобжиганія *валежника*, повсюду такъ много безполезно торчащихъ на стволахъ сухихъ сучьевъ, что во многихъ мѣстахъ еще не малый рядъ лѣтъ можетъ быть допущено и *даже поощряемо* исключительное пережиганіе плодовыхъ деревьевъ на уголь. Установленіе запрещенія было бы

ошибкою. Рѣчь можетъ идти лишь о руководящемъ надзорѣ. Затѣмъ, кромѣ повалившихся стволовъ, надлежало бы срубить *перестойныя*, сухоподстойныя и порочныя деревья, *освободить молодникъ* отъ заглушающихъ его деревъ и *прорѣдить* лѣсъ, въ видахъ болѣе быстраго подростанія его; *сдѣлать все это чрезвычайно необходимо*, ибо повсемѣстно торчатъ засохшіе стволы. Тогда было бы добыто нужное количество топлива, туземцы получили бы занятія и заработокъ, лѣсъ былъ бы приведенъ въ надлежащій порядокъ, а потребность въ немъ была бы въ будущемъ гораздо болѣе обезпечена, нежели въ случаѣ запрета пользованія лѣсомъ. Слѣдовало бы переходить постепенно отъ лѣсосѣки къ лѣсосѣкѣ“.

Теперь, обращаясь къ обзору позднѣйшихъ мѣръ лѣсоводственныхъ, мы должны сказать, что и они были предметомъ заботъ мѣстной администраціи еще въ первые годы присоединенія къ Туркестану Зеравшанской долины. Но, какъ было говорено уже, тогда, при сознаніи всей важности лѣсного вопроса, задавались цѣлью облѣсенія только раіоновъ искусственнаго орошенія, стараясь вести дѣло безъ денежныхъ затратъ и примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, какъ физическимъ, такъ и сельско-хозяйственнымъ, причемъ нисколько не заботились, правда, о распространеніи европейскихъ породъ деревьевъ на счетъ мѣстныхъ.

Но вотъ, съ 1879 года, подъ вліяніемъ „спеціальныхъ“ докладовъ, вопросъ лѣсной вступаетъ на совершенно новый путь, съ такой широкой научной, какъ тогда считали, постановкой, которая обѣщала краю очень многое. Прежде всего, населенію поставлена была въ обязательство посадка деревьевъ на орошаемыхъ поляхъ и вдоль арыковъ, „причемъ установлено“, чтобы каждымъ землевладѣльцемъ было посажено на десятинѣ не менѣе ста деревьевъ по окраинамъ полей, безъ стѣсненія, впрочемъ, жителей величиною участковъ, но съ тѣмъ, чтобы таковые, если они будутъ больше противъ указанныхъ размѣровъ, заключали и пропорціонально большее число деревьевъ. Такъ, напримѣръ, если бы земледѣльцу, по

какимъ либо причинамъ, необходимо было оставить открытымъ участокъ въ 10000—12000 квадр. сажень, то соотвѣтствующіе величинѣ этого участка 400 деревьевъ онъ можетъ посадить какъ ему вздумается. Такъ какъ это требованіе было обставлено, съ одной стороны, совѣтами и указаніями туземцамъ въ какихъ мѣстахъ можно садить талъ, а въ какихъ его слѣдуетъ замѣнить посадкою карагача, джигды, боярышника и т. д., а съ другой—обѣщаніями строгаго контроля съ наложеніемъ денежныхъ штрафовъ, то разумѣется оно повліяло на туземцевъ весьма сильно. Къ сожалѣнію, это требованіе рѣшительно не принесло ожидаемой пользы, потому что, какъ мы позволимъ себѣ высказать, оно не отвѣчало дѣйствительной потребности оазиса, переполненнаго древесными насажденіями и воздѣланнаго полеводствомъ до послѣдняго клочка земли.

Хотя ближайшая къ населенію администрація и приложила все стараніе къ растолкованію землепашцамъ пользы этой мѣры и легчайшихъ способовъ выполненія ея, тѣмъ не менѣе результаты нисколько не оправдали ни заботъ, ни ожиданій. Вполнѣ сознавая важность предложенной мѣры, выполняя посадки изъ года въ годъ собственными заботами, безъ особенныхъ понужденій, населеніе отнеслось къ этому предложенію только какъ къ приказанію. Кто не въ состояніи былъ обсадить свое поле требуемымъ количествомъ деревьевъ, потому что оно было и безъ того закрыто сосѣдними насажденіями. тотъ и не принимался за посадку, какъ будто чувствуя, что никакіе циркуляры не въ состояніи выполнить обѣщанный контроль, чрезъ сельскихъ старшинъ, у 10000 хозяевъ. А хозяева, болѣе усердные по части исполненія начальническихъ требованій, собственной догадливостью нашли для себя такой выходъ: сдѣлавъ складчину, они покупали прилегающій къ большой дорогѣ какой ни на есть клочекъ земли и, натыкавъ такое количество кольевъ, какое требовалось, считали себя свободными отъ контроля и штрафовъ, радуясь, конечно, что начальство видитъ „лѣсныя“ рощи. Большинство такихъ таловыхъ рощъ, оставаясь безъ должнаго присмотра отъ поѣданія скотомъ, безъ надлежащей поливки, погибли въ первый же годъ, а нѣкоторая часть ихъ, „во исполненіе приказанія“, дошла уже до пятилѣтняго возраста и представляетъ собою крайне жалкій видъ, никакъ ни деревьевъ, а только лозы, какъ это всегда и бываетъ съ таломъ въ густыхъ насажденіяхъ, остающихся безъ подчистки.

Такіе плоды требованій, изданныхъ въ 1878 году, намъ приходилось встрѣчать и въ средней части долины Зеравшана и въ особенности въ маловодной подгорной части округа, навлекшей на себя вниманіе услужливыхъ прожектеровъ.

Когда населенію подгорной части долины Зеравшана было поставлено въ обязанность обсаживать непремѣнно свои арыки и свои пашни деревьями какъ мѣстныхъ, такъ и европейскихъ породъ, оно приходило въ Самаркандъ просить избавленія его отъ этой повинности или представленія, по крайней мѣрѣ, права выполнить посадку соотвѣтствующаго обрабатываемой площади числа саженцевъ рощами, а не по арыкамъ, какъ требовалось. Полную основательность просьбы земледѣльцевъ этихъ подгорныхъ селеній мы совершенно раздѣляемъ, зная что такія коллективныя возраженія противъ непрошенныхъ опытовъ надъ сельскимъ хозяйствомъ являются только тогда, когда они дѣйствительно угрожаютъ ему своимъ гнетомъ со всѣми признаками разоренія. Въ самомъ дѣлѣ, разсуждая о великой пользѣ древесныхъ насажденій, какъ для климата, такъ для хозяйства и для укрѣпленія будто бы береговъ арыковъ, даже тамъ, какъ напр. въ горахъ, гдѣ это вовсе не требуется, кабинетныя распоряженія упустили изъ вида одно немаловажное обстоятельство: отсутствіе въ этой части оазиса арычной воды не только для поливки деревьевъ, но и для тощихъ пашень и даже для питья. Весьма скудное хлѣбопашество въ этихъ подгорныхъ селеніяхъ, ограничивающееся посѣвами проса, да яровой пшеницы, совершенно недостаточное для поддержанія самаго скромнаго быта этого населенія, издавна вынуждало его держать въ каждомъ хозяйствѣ мелкій

скотъ и главнымъ образомъ козъ, доставляющихъ узбеку и молоко, и пухъ, и шерсть, которая идетъ на выдѣлку сукна, ковровъ и каповъ, какими славится Катартальское подгорье. Такъ какъ этотъ сельскій скотъ подгорныхъ кишлаковъ большую часть года находитъ для себя пастьбу только по берегамъ арыковъ и на поляхъ, причемъ онъ все-таки живетъ впроголодь, то понятно, какимъ стѣсненіемъ для этихъ, кое какъ перебивающихся узбековъ должно было показаться требованіе посадки по арыкамъ деревьевъ.

Если бы эта теоретически прекрасная мѣра лѣсонасажденія проводилась въ жизнь только путемъ совѣта, она, разумѣется, не дала бы никакого результата тамъ, гдѣ она не отвѣчаетъ мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ; но облекаясь въ требованіе, обставленное контролемъ и штрафами, мѣра эта неизбѣжно влечетъ за собою разстройство сельско-хозяйственнаго быта, со всѣми тяжкими послѣдствіями для населенія и для страны.

Вотъ почему намъ всегда казалось, что всякіе благожелательные опыты среди сельскаго населенія слѣдуетъ производить съ крайнею осторожностью и вовсе не чрезъ такихъ дѣятелей, которые съ одинаковою готовностью предлагаютъ свои услуги пиротехническія, строительскія, гидротехническія, лѣсоводственныя, агрономическія и всякія другія; иначе, путемъ ошибокъ въ воздѣйствіи на сельско-хозяйственный бытъ, край можетъ постигнуть такой же регрессъ ирригаціи и земледѣльческой культуры, какъ постигъ другія, ближайшія къ Туркестану окраины, только вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ вліяній.

Это, безъ сомнѣнія, и имѣла въ виду глубокая предусмотрительность главнаго начальника края, разъяснившаго въ циркулярѣ 1879 года, чтобы требованіе посадки туземцами деревьевъ на своихъ поляхъ отнюдь не было бы во вредъ полевой культурѣ.

И дѣйствительно, ни въ какой другой отрасли людской дѣятельности, имѣющей въ виду матеріальные интересы народа, не настоитъ, читаемъ мы въ соч. *Россмеслера*, такой

крайней необходимости въ строго обдуманной предусмотрительности, какъ въ лѣсоводствѣ. Казалось бы, это положеніе должно быть руководительнымъ и въ распространеніи искусственныхъ древесныхъ насажденій обязательною повинностью населенія, а также въ развитіи искусственнаго лѣсоводства на спеціальныя средства. Казалось бы, самое простое благоразуміе должно бы склонять каждаго къ тому сознанію, что лѣсоводство никакъ не можетъ преслѣдовать показныя, декоративныя цѣли въ краѣ, небогатомъ ни лѣсомъ, ни доходами. Не должно быть также стремленія показать возможность обращенія въ лѣсныя рощи безводныхъ степей. Отнюдь не должно быть усердствованія въ изгнаніи изъ оазиса существующихъ вѣка мѣстныхъ породъ деревьевъ, хотя бы съ замѣной ихъ излюбленными экспериментаторами, но сомнительными еще въ достоинствахъ, акаціей, гледичіей, айлантусомъ, бегоніей, прекрасными на своемъ мѣстѣ, на бульварахъ, въ садахъ, но не въ мелкомъ хозяйствѣ сельскаго земледѣльца, который въ правѣ сомнѣваться, чтобы сравнительно медленно растущія акація и айлантусъ могли замѣнить ему талъ и тополь.

Въ дѣйствительности, за послѣднія шесть лѣтъ ясно обозначилось повсюдное увлеченіе именно такой реформатскою, лѣсоводственною дѣятельностью. Благодаря прекраснымъ качествамъ туркестанскаго леса или желтозема, какъ называетъ этотъ мергелевый суглинокъ г. Миддендорфъ, для любителей садоводства и растеній представилась полнѣйшая возможность получить отличные результаты опытовъ культивированія въ краѣ различныхъ европейскихъ породъ деревьевъ, какъ лиственныхъ, такъ и хвойныхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно пройтись въ такъ-называемомъ опытномъ саду въ Самаркандѣ, гдѣ можно встрѣтить двухъ-трехъ-лѣтніе крошечные экземпляры Pinus nigra austriaca, Pinus alba, Pinus virhiniana, Picea orientalis, Larix sibirica, Pinus cemra, Thuja aurea, Abies sibirica, кипарисы, полученные при самомъ обыкновенномъ, недорогомъ вѣроятно уходѣ.

Однако дальше питомника и казеннаго сада хвойныя по-

роды деревьевъ пока не распространялись; зато акація, гледичія, айлантусъ, бегнонія, бѣлый кленъ украшаютъ теперь и улицы, и сады не только русскаго, но и туземнаго города, почти вытѣснивъ нелюбимый талъ и тополь. Эти лиственныя породы деревьевъ, впервые привезенныя въ Самаркандъ частными лицами въ 1875 году, отлично выдерживаютъ мѣстныя почвенныя и климатическія условія и растутъ довольно успѣшно, хотя и медленнѣе, чѣмъ туземныя породы, причемъ акація и айлантусъ получаютъ видъ строевыхъ деревьевъ только при тщательномъ уходѣ, поливкою и подсѣчкою лишнихъ побѣговъ, которая возможна или въ очень мизерномъ хозяйствѣ, или при веденіи этого дѣла на казенныя средства.

Если объ акаціи, кленѣ и айлантусѣ можно сказать, что они, отличаясь прекрасной древесиной, могутъ имѣть соотвѣтствующее примѣненіе въ хозяйствѣ, то нельзя высказать того же о коряговидной бегноніи и о колючей гледиціи, также посягающихъ съ нѣкотораго времени на существованіе тала, которому они уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Отдавая такимъ образомъ должную справедливость достигнутымъ въ Самаркандскомъ казенномъ питомникѣ результатамъ распространенія въ городѣ европейскихъ породъ деревьевъ, какъ лиственныхъ, некультурныхъ, такъ и фруктовыхъ, которыми очень охотно пользуются и туземцы-садоводы, мы тѣмъ не менѣе нисколько не раздѣляемъ стремленій нѣкоторыхъ лицъ замѣнить акаціей и айлантусомъ существующія въ краѣ породы деревьевъ. Что именно такое стремленіе зародилось шесть лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ держалось въ долинѣ Зеравшана, мы въ правѣ заключить еще по тому усердію, съ какимъ раздаются туземцамъ безплатно и каждогодно, начиная съ 1882 года, милліоны саженцевъ айлантуса, гледичіи, акаціи, бегноніи и клена. Эти милліоны заготовлялись подъ руководствомъ особаго спеціалиста, на казенной плантаціи въ пять десятинъ и раздавались туземному населенію при содѣйствіи администраціи, которая, вѣря вначалѣ въ цѣлесообразность этого дѣла, не щадила ни словъ, ни чернилъ для вразумленія сельчанъ въ необходимости пользоваться этими деревьями-саженцами.

Вотъ какое, напримѣръ, воззваніе начальника отдѣла намъ довелось прочесть въ одномъ селеніи Зеравшанской долины: „заботимся вообще о томъ, чтобы народу хорошо жилось, чтобы жители богатѣли. Заботимся, чтобы побольше засѣвалось хлѣба —раздаемъ въ долгъ деньги; заботимся, чтобы не было недостатка въ дровахъ, въ углѣхъ—раздаемъ даромъ саженцы для разведенія лѣса, отъ котораго ожидается огромная польза въ скоромъ будущемъ. Съ этою цѣлью посылается въ волость двѣсти тысячъ такихъ деревцевъ, которыя могутъ расти и на богарныхъ земляхъ, безъ поливки. Посадите на сухихъ мѣстахъ эти деревья такъ: вспахайте получше землю, разсадите саженцы рядами, по грядкамъ, на полтора аршина одинъ отъ другого и каждый мѣсяцъ, или по мѣрѣ надобности, очищайте такую рощу отъ сорной травы, разрыхляя, по возможности, землю“.

Въ другомъ посланіи начальникъ отдѣла обращается къ волостнымъ: „приступаемъ къ посадкамъ лѣса въ волостяхъ— къ исполненію того важнаго дѣла, о которомъ заботятся всѣ начальствующія лица въ краѣ. Требуется для этого вразумленіе жителей о пользѣ лѣсонасажденія, требуется полное усердіе волостныхъ и аксакаловъ въ исполненіе слѣдующаго: растолкуйте населенію, что о лѣсонасажденіи всѣ заботятся для ихъ пользы; каждый видитъ, что всѣ заботы направлены къ тому, чтобы народу жилось хорошо, чтобы земледѣльцы богатѣли, и т. д.“. Посланіе заканчивается предложеніемъ пригласить жителей и слѣдовать *совѣту* разсадить рощами посылаемые саженцы, раздавъ листки съ наставленіями объ уходѣ за такими насажденіями.

Эти воззванія и наставленія администраціи не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: населеніе, очевидно, привыкло вѣрить своимъ руководителямъ и охотно рѣшилось воспользоваться даровыми саженцами, которыхъ и выпущено казеннымъ

питомникомъ въ Самаркандскій отдѣлъ три милліона за 1882—1884 года.

Разумѣется, если бы предположенія спеціальныхъ проектовъ о раздачѣ населенію десяти милліоновъ даровыхъ саженцевъ акаціи, гледичіи и айлантуса осуществилось бы, хотя съ потерею десяти процентовъ изъ положеннаго количества, такое явленіе оказало бы уже въ три года весьма замѣтное вліяніе на мѣстную флору. Но такого вліянія пока никто не замѣтилъ, потому что питомникомъ выпущено, какъ оказывается, не десять милліоновъ, а только *четыре милліона*. Объ этой остающейся за питомникомъ *недоимкѣ* не слѣдуетъ особенно сожалѣть, такъ какъ пристроить ее въ долинѣ Зеравшана было бы весьма трудно, и трудно главнымъ образомъ потому, что туземцы потеряли въ первый же годъ опытовъ всякую вѣру въ начальническія посланія и тѣ благодѣянія, которыя обѣщались ими отъ посадки даровыхъ саженцевъ.

Какъ ни грустно, но приходится сознаться, что населеніе было совершенно право въ своемъ недовѣріи, которое раздѣлилъ на второй же годъ и авторъ воззваній, издавъ въ 1884 г. такое предложеніе: каждогодно раздаются населенію изъ казеннаго питомника *полезныя породы* деревьевъ; *но пользы* отъ этой раздачи было мало, потому что *саженцы выдавались однолѣтніе*. Признавая, что деревья эти могутъ оказаться полезными для посадки по дорогамъ и для хозяйства, если ихъ садить въ возрастѣ 2—3 лѣтъ, я поручаю волостнымъ управителямъ предложить обществу: не пожелаетъ ли оно завести въ волостяхъ питомники, которые могли бы отпускать безплатно пригодные для дѣла саженцы".

Итакъ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ къ поддержанію спеціальныхъ проектовъ привлеченіемъ земледѣльческаго населенія къ распространенію насажденій европейскихъ породъ деревьевъ, администраціи пришлось убѣдиться въ несостоятельности своихъ предложеній.

Да, грустное это явленіе — какой-то фатумъ надъ хозяйствомъ съ спеціальнымъ кредитомъ; но оно дѣйствительный

фактъ, о которомъ не слѣдуетъ умалчивать во имя правды, во имя общественныхъ интересовъ и для предупрежденія дорогихъ ошибокъ въ будущемъ! Кто не въ правѣ спросить: во что обошлись спеціальному фонду тѣ четыре милліона древесныхъ саженцевъ, которые выпущены въ теченіе четырехъ лѣтъ изъ казеннаго питомника? Сколько посажено такихъ саженцевъ населеніемъ въ различныхъ мѣстностяхъ долины и какой процентъ погибшихъ? На второй вопросъ, изъ тщательныхъ наблюденій, мы отвѣчаемъ простымъ заявленіемъ, что количество погибшихъ саженцевъ, розданныхъ населенію, слѣдуетъ считать въ 94%, т.-е. изъ отпущенныхъ, напримѣръ, для Самаркандскаго отдѣла трехъ милліоновъ саженцевъ уцѣлѣло всего не болѣе 180,000, имѣющихся въ особыхъ питомникахъ.

Если эти цифры вѣрны, то они прямо говорятъ о полномъ неуспѣхѣ дѣла и о безполезности дальнѣйшей раздачи населенію даровыхъ саженцевъ. Мы, съ своей стороны, утверждаемъ, что эти цифры вѣрны, и неуспѣхъ дѣла приписываемъ слишкомъ большому самомнѣнію тѣхъ распорядителей раздачи саженцевъ, которые не желали слышать никакихъ возраженій и продолжали до послѣдняго года выпускать изъ питомника *травовидные* однолѣтніе сѣянцы, непригодность которыхъ для туземнаго хозяйства не могла подлежать сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, какое довѣріе могли имѣть туземцы къ наставленіямъ о посадкѣ раздаваемыхъ имъ саженцевъ, когда непригодность ихъ для мѣстнаго хозяйства была для нихъ очевидною, ничѣмъ неопровержимою. Прежде всего населеніе предназначало даровые саженцы для посадки по арыкамъ, на свободныхъ полевыхъ участкахъ, по окраинамъ дорогъ; но едва были посажены эти крошечныя деревца, какъ они послужили лакомымъ кормомъ для домашняго скота, который съ голодухи радъ былъ такой благодати. Если въ массѣ съѣдобныхъ саженцевъ попадались и деревца айлантуса, нелюбимаго скотомъ, то они, разумѣется, погибали подъ ногами голодныхъ животныхъ, и такимъ образомъ уже къ концу весны перваго же опытнаго года

значительная часть такихъ никогда не виданныхъ посадокъ была истреблена.

Предупредить такую гибель саженцевъ,—иголокъ, какъ назвали ихъ туземцы,—разумѣется, нѣтъ никакой возможности, потому что, ради достиженія результатовъ такихъ непрактическихъ опытовъ, населеніе не можетъ же принести въ жертву свое хозяйство, не можетъ преждевременно удерживать свой скотъ отъ пастьбы на пахотѣ до 15-го марта, какъ принято въ долинѣ Зеравшана. Могутъ сказать, что въ такомъ случаѣ слѣдовало дѣлать посадки послѣ 15-го марта, когда скотъ выгоняется на пастьбу подъ наблюденіемъ пастуховъ. Но, во-первыхъ, какъ извѣстно, въ Зеравшанской долинѣ, не имѣющей луговъ, голодающій домашній скотъ пасется лѣтомъ по арыкамъ, находя тамъ кое-какой кормъ, а во-вторыхъ, допуская даже, что саженцы по-арычные уцѣлѣютъ отъ пожиранія ихъ въ первую весну, надо ожидать, что, поднявшись къ концу второго лѣта до полутора фута, они непремѣнно будутъ съѣдены въ первую же осень свободной пастьбы скота въ полѣ.

Значитъ, по условіямъ туземнаго хозяйства оградить травовидные саженцы отъ истребленія скотомъ чрезъ поѣданіе и вытаптываніе — рѣшительно невозможно, если насажденія не огорожены стѣною.

Могутъ сдѣлать вопросъ: почему же туземцы не дѣлаютъ посадки даровыхъ саженцевъ дачами, съ огораживаніемъ стѣною? На это можно отвѣтить такими доводами: во-первыхъ, потому что у туземцевъ нѣтъ лишней ирригаціонной земли для обращенія въ лѣсныя дачи, приносящія ренту не каждогодную; во-вторыхъ, потому, что такія деревья, какъ акація, гледичія, бегнонія, кленъ туземцу совершенно не нужны и, какъ всякій осторожный хозяинъ, узбекъ относится къ раздаваемымъ саженцамъ скептически; въ-третьихъ, потому что при массѣ дѣла по обработкѣ полей, туземецъ рѣшительно не въ состояніи заняться тѣмъ уходомъ за лѣсною рощею изъ травовидныхъ саженцевъ, какой несомнѣнно требуется.

Отсутствіе-то такого ухода, невозможнаго, повторяю, для туземцевъ, и ведетъ къ тому, что травовидные саженцы, гдѣ бы они ни были посажены, уцѣлѣвъ отъ истребленія животными, неизбѣжно погибаютъ въ первое же лѣто отъ *сорныхъ растеній*. Это-то послѣднее, главное обстоятельство, разрушающее всякія попытки къ развитію такимъ страннымъ путемъ лѣсоводства въ краѣ, очевидно, совершенно не было принято въ соображеніе и составителями проектовъ снабженія населенія даровыми саженцами, и непосредственными распорядителями этого дѣла. Напротивъ, эти послѣдніе съ какимъ-то особеннымъ упорствомъ и настойчивостью до послѣдняго времени продолжаютъ еще настаивать, что однолѣтніе, т.-е. травовидные саженцы болѣе соотвѣтствуютъ цѣли раздачи населенію, такъ какъ они-де, „имѣя несложную и необширную корневую систему, могутъ быть выкопаны изъ питомника *безъ всякаго поврежденія корней* и такимъ образомъ у пересаженныхъ саженцевъ, при дальнѣйшемъ ихъ ростѣ, не нарушается равновѣсіе въ физіологическихъ отправленіяхъ между корневой и подземной частями“. На это мы можемъ отвѣтить прежде всего, что въ лѣсоводствѣ требуется особенная предусмотрительность и обдуманность плана; что для этого требуется многосторонняя, основательная научная и практическая подготовка.

Какимъ образомъ распорядители отпуска населенію однолѣтнихъ саженцевъ могли ожидать успѣшнаго результата, зная, что земледѣльцы не въ состояніи очищать такія посадки отъ сорныхъ травъ, всегда убивающихъ крошечныя деревца? Если такіе однолѣтніе саженцы могли оказаться пригодными для посадки въ казенной лѣсной дачѣ, то это понятно, потому что тамъ они пользуются регулярнымъ, необходимымъ уходомъ, не только очищеніемъ отъ сорныхъ растеній, но и окучиваніемъ по всѣмъ правиламъ, указаннымъ въ руководствахъ и давно практикуемымъ при лѣсоводствѣ въ южныхъ степяхъ Россіи. А что такой именно уходъ требовался и для саженцевъ, поступавшихъ на поля и арыки туземцевъ, несомнѣнно

и изъ практики, и изъ сочиненія *Россмеслера*, гдѣ сказано: *„содержаніе почвы въ совершенной чистотѣ отъ сорныхъ растеній и частое взрыхленіе земли между рядами разведеннаго лѣса есть необходимое условіе для успѣха лѣсонасажденія въ степи“*, а также и въ долинѣ, гдѣ по арыкамъ и полямъ сорныя растенія развиваются еще сильнѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ степныхъ, неирригаціонныхъ.

Въ нарушеніе основного правила въ лѣсоводствѣ—примѣнять въ каждой мѣстности пріемы культуры, ей соотвѣтствующіе, какъ мы достаточно выяснили, совершенно упускалось изъ вида, что лѣсоводство имѣетъ здѣсь дѣло съ такимъ сказочно-плодороднымъ лѣсомъ, который отлично принимаетъ саженцы даже въ возрастѣ семи лѣтъ, съ самымъ ничтожнымъ количествомъ корневыхъ мочекъ, съ двумя - тремя корнями вмѣсто десятка ихъ, но зато и даетъ такую массу сорныхъ растеній, которая быстро губитъ молодыя деревца, обязательно требуя пятикратной очистки въ лѣто, которую никакой хозяинъ дать рѣшительно не въ состояніи, потому—опять повторяю —что высоко интенсивное полевое хозяйство въ долинѣ Зеравшана привлекаетъ къ себѣ всѣ взрослыя и даже дѣтскія руки.

Намъ рѣшительно непонятно, какимъ образомъ эти мѣстныя физическія и экономическія условія упускались изъ вида настолько, что и послѣ продолжительной практики по лѣсоводству руководители продолжали снабжать населеніе однолѣтними сѣянцами, доказывая упорно рѣшительное превосходство ихъ предъ трехлѣтними, въ особенности, какъ они утверждали, для разсадки въ 20—30 верстахъ отъ мѣста выкапыванія ихъ, потому что при перевозкѣ такія деревья будто бы погибаютъ, по крайней мѣрѣ, въ количествѣ 50%.

Съ такими доводами относительно малой пригодности трехлѣтнихъ саженцевъ согласиться мы не можемъ. Во-первыхъ, въ спеціальномъ сочиненіи *Россмеслера* „Лѣсъ“, на многихъ страницахъ (171, 571) мы встрѣчаемъ указанія возможности пересаживать сѣянцы въ возрастѣ трехъ—пяти лѣтъ и нигдѣ

не находимъ требованія пользоваться для лѣсоводства однолѣтними саженцами, обязательно, конечно, погибающими отъ сорныхъ растеній во всякой мѣстности. Во-вторыхъ, каждый знаетъ, что у туземцевъ весною (съ 15-го февраля по 15-е марта), обращаются въ продажѣ и потребленіи, для посадокъ, саженцы не только простыхъ, но и фруктовыхъ породъ деревьевъ въ возрастѣ отъ трехъ до шести лѣтъ, весьма рѣдко двухлѣтніе (персики, сливы) и никогда однолѣтніе, причемъ, зная свойство благодатной почвы, туземецъ вовсе не заботится о сохраненіи всѣхъ корней и мочекъ, везетъ деревца вьючной перевозкой за десятки верстъ и теряетъ никакъ не болѣе трехъ процентовъ, но ужъ никакимъ образомъ не 50%, какъ утверждаютъ раздаватели саженцевъ изъ казеннаго питомника.

Такимъ образомъ, ни наука, ни практика, ни мѣстныя условія не оправдываютъ той системы снабженія населенія травовидными сѣянцами, которая до сихъ поръ дѣйствовала, давъ 94% гибели, за которую руководители дѣла бросаютъ упреки по адресу населенію и, разумѣется, мѣстной администраціи.

Эти новаторы упускаютъ совершенно изъ вида, что повсюду въ Туркестанскомъ краѣ туземное садоводство и лѣсоводство заводилось и держится на счетъ питомниковъ хозяевъ-туземцевъ, не слушавшихъ курса лѣсоводства, подготовившихся преемственно практикою, что во многихъ уѣздахъ лѣсоводство ведется съ успѣхомъ самой администраціей, безъ указаній спеціалистовъ, что введеніе въ мѣстную культуру акаціи, айлантуса, безъ которыхъ туземное хозяйство можетъ всегда обойтись, составляетъ заслугу частныхъ лицъ.

Въ особенности не слѣдовало бы упускать изъ вида, что правильно и сильно развитая въ краѣ промышленность продажи древесныхъ саженцевъ составляетъ отрасль хозяйства весьма доходную, потому, разумѣется, что частные питомники свободны отъ тѣхъ расходовъ, какіе выноситъ теперь единственный въ Самаркандѣ казенный питомникъ, издержавшій уже 10000 рублей на свое трехлѣтнее существованіе съ 1882 года.

Вотъ эта-то, вѣроятно, воздержность отъ усиленныхъ расходовъ спеціальнаго кредита и была главнымъ основаніемъ отпуска населенію однолѣтнихъ, травовидныхъ саженцевъ, была существенною причиною полнаго неуспѣха этого дѣла. Мы въ правѣ думать такъ, потому что на требованіе нѣкоторыми трехлѣтнихъ саженцевъ изъ казеннаго питомника, для раздачи населенію, приходилось только выслушивать возраженія, что „и посадка на мѣсто, и воспитаніе такого плохого въ сущности матеріала трехлѣтнихъ-то обойдется много разъ дороже, а для передвиженія его изъ питомника на мѣсто посадки потребуются огромныя перевозочныя средства, такъ какъ *на одну арбу укладывается не болье пятидесяти* штукъ трехлѣтнихъ деревьевъ, а слѣдовательно перевозка на 25 верстъ одного милліона такихъ саженцевъ обойдется до *сорока тысячъ* рублей.

„Я взялъ бы на себя большую *нравственную* отвѣтственность, — продолжаетъ далѣе распорядитель питомника, — если бы отпустилъ населенію *трехлѣтніе* саженцы безъ особаго предписанія. Хотя, въ видахъ опыта, можно отпустить по сто штукъ акаціи и айлантуса, но при этомъ требуется прислать четыре арбы и *опытныхъ садовниковъ*-туземцевъ, чтобы выкопку деревьевъ сдѣлать со всею осторожностью“.

Ясно, слѣдовательно, что настойчивый отпускъ населенію въ теченіе четырехъ лѣтъ однолѣтнихъ сѣянцевъ былъ основанъ въ дѣйствительности единственно на стараніи избѣгнуть расходовъ по уходу за ними въ питомникѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, расходовъ по выкапыванію деревьевъ и перевозкѣ ихъ, которая выполняется, впрочемъ, туземцами на свои средства. Но тогда не правильнѣе ли было бы выпустить изъ питомника, за потраченныя 10000 рублей, вмѣсто четырехъ милліоновъ, фигурирующихъ въ отчетахъ и справкахъ, половину или $^1/_3$ этого количества саженцевъ, которые и заняли бы площадь насажденія въ нѣсколько сотъ десятинъ, вполнѣ оправдавъ сдѣланныя затраты и усилія вытѣсненія тала и тополя новыми въ Туркестанѣ породами деревьевъ.

Еще правильнѣе было бы, въ виду затруднительности вообще

вести какое бы то ни было хозяйство на спеціальный, казенный кредитъ, обставленный смѣтами, ассигновками, отчетами, сильнымъ инвентаремъ и широкимъ штатомъ служащихъ, предоставить поставку саженцевъ акаціи и айлантуса для населенія и для казеннаго лѣсоводства. тѣмъ многочисленнымъ знатокамъ этого дѣла, туземцамъ, которые снабжаютъ населеніе изъ своихъ питомниковъ саженцами мѣстныхъ породъ деревьевъ.

Если теперь встрѣчаются въ продажѣ трехлѣтніе саженцы шелковицы по полтора рубля за сотню, а тополь по два рубля за сто штукъ и содержаніе такихъ питомниковъ считается дѣломъ весьма выгоднымъ, несмотря на неизвѣстность размѣра спроса, опредѣляющаго цѣну товара, то нѣтъ сомнѣнія, что предварительнымъ условіемъ съ предпринимателями удалось бы уполовинить стоимость трехлѣтнихъ саженцевъ акаціи и айлантуса при поставкѣ для населенія, для казеннаго лѣсоводства. А между тѣмъ такая система, кромѣ доставленія положительнаго результата раздачею сѣянцевъ, пригодныхъ для насажденія, исподволь подготовила бы сельскихъ хозяевъ къ расширенію такихъ питомниковъ съ этой спеціальной цѣлью, вовсе, какъ оказывается, не требующей никакого школьнаго аттестата, не нуждающейся въ частномъ хозяйствѣ, въ смѣтахъ съ пояснительными записками, которыя нерѣдко обѣщаютъ много, а даютъ мало, вслѣдствіе разныхъ „непредвидѣнныхъ“ обстоятельствъ, вызывающихъ обыкновенно дополнительныя смѣты со всѣми варіантами.

Намъ, напримѣръ, извѣстенъ спеціальный проектъ, въ которомъ послѣ многословныхъ доказательствъ благодѣтельнаго вліянія лѣсовъ на увеличеніе атмосферическихъ осадковъ, послѣ приведеннаго примѣра о посадкѣ египетскимъ хедивомъ *Магометъ-Али* двадцати милліоновъ деревьевъ въ долинѣ *Нила*, которыя увеличили количество дождей съ шести дней на 46 дней, вычислено какимъ-то образомъ существующее количество деревьевъ въ округѣ въ шесть милліоновъ и предложено посадить еще десять милліоновъ, сколько позволяетъ, будто бы, общая площадь округа.

Можетъ быть все это и осуществилось бы, занеся въ лѣтопись примѣръ удачнаго подражанія египетскому хедиву и на берегахъ Зеравшана, но на бѣду *Магометъ-Али* не оставилъ автору никакихъ указаній: какимъ образомъ ему удалось выполнить посадку двадцати милліоновъ, а проектъ отнесся къ цифровымъ выводамъ слишкомъ легко. Указывая необходимость посадить въ округѣ еще десять милліоновъ деревьевъ, проектъ опредѣлилъ почему-то стоимость ихъ, пріобрѣтеніемъ отъ частныхъ лицъ, въ одинъ милліонъ рублей, *по десяти копѣекъ съ черенка*, и сдѣлалъ слишкомъ заманчивое предложеніе дать населенію тѣ-же десять милліоновъ всего за 100,000 р. Въ результатѣ оказалось, что за эту сумму населеніе получило, по отчетамъ, всего *четыре милліона* такихъ саженцевъ, о горькой участи которыхъ мы говорили выше.

Къ счастью для культурнаго оазиса, независимо отъ упомянутаго проекта съ отрицательнымъ результатомъ, само населеніе, подталкиваемое сознаніемъ пользы отъ лѣсонасажденія и заботами ближайшей администраціи, продолжало себѣ ежегодно дѣлать посадки тала и тополя съ единственною затратою кольевъ, черенковъ и своего личнаго труда, но безъ всякихъ денежныхъ расходовъ.

Обыкновенно авторы докладовъ объ улучшеніи хозяйства населенія раздачею на казенныя средства даровыхъ саженцевъ, встрѣчая съ наивнымъ удивленіемъ каждое заявленіе о полной почти гибели ихъ, сваливаютъ, разумѣется, неуспѣхъ дѣла на халатность самихъ хозяевъ и волостныхъ управителей, приводя въ доказательство успѣшность роста такихъ же однолѣтнихъ сѣянцевъ на казенной лѣсной плантаціи въ Каратюбинскомъ подгорьѣ. Но эти господа упускаютъ совершенно изъ вида, что казенныя лѣсныя плантаціи, о которыхъ намъ придется говорить въ слѣдующей статьѣ, пользуются такими средствами и такимъ уходомъ, какихъ частные хозяева дать никогда не могутъ.

А чтобы составить себѣ хотя приблизительное представленіе о томъ, насколько разнится стоимость мѣстнаго казеннаго лѣснаго хозяйства отъ частнаго, мы пока дадимъ только свѣдѣнія о томъ, во что̀ обходятся плантаторамъ-туземцамъ трехлѣтніе сѣянцы, преобладающіе въ продажѣ.

По разсчету мѣстныхъ хозяевъ, *Асата*, *Мурада*, *Бабаджана*, одинъ танапъ (1/4 десятины) питомника съ сѣянцами тута требуетъ: навознаго удобренія 50 пудовъ—8 р., для вспашки и бороньбы 10 плуговъ (кашъ)—10 руб., для приготовленія грядокъ, проведенія арыковъ и высѣва сѣмянъ 25 рабочихъ—7 р., для выкопки двухлѣтнихъ саженцевъ 20 рабочихъ — 5 руб., для очищенія питомника отъ сорныхъ растеній 100 рабочихъ—30 руб., а всего 60 руб. Такъ какъ съ одного танапа получается 15000 трехлѣтнихъ деревьевъ, то по разсчету, сообщенному раньше, общая стоимость ихъ въ обработкѣ будетъ 160 рублей, а въ продажѣ около 300 рублей и дороже.

На основаніи этого разсчета легко придти къ заключенію, что если бы казенный питомникъ велъ свое хозяйство такъ, какъ ведутъ его частные плантаторы, онъ могъ бы дать за 10000 рублей minimum полтора милліона трехлѣтнихъ саженцевъ, принимая въ соображеніе, что фруктовыя породы деревьевъ не требуютъ того значительнаго расхода, какой исчисленъ для тута, и не менѣе *ста пятидесяти милліоновъ* однолѣтнихъ или двухлѣтнихъ сѣянцевъ, вызывающихъ расходъ только на вспашку, удобреніе, приготовленіе грядъ, полотьбу чрезъ дѣтей и на весьма легкое выкапываніе ихъ.

Несомнѣнно, слѣдовательно, что въ силу обстоятельствъ, казенный питомникъ несетъ такіе расходы, какихъ совершенно не знаетъ ни одинъ хозяинъ. И если эти расходы построены по тому же разсчету, по которому перевозка пятидесяти трехлѣтнихъ деревьевъ требуетъ одной арбы, а перевозка одного милліона такихъ же деревьевъ на разстояніи 25-ти верстъ требуетъ 40000 рублей, то остается только удивляться такой незначительной стоимости тѣхъ четырехъ милліоновъ крошекъ акаціи, айлантуса и др., которыя выпустилъ Самаркандскій питомникъ съ 1882 года.

Но дѣло-то въ томъ, что разсчетъ о стоимости перевозки

наводитъ на размышленія совсѣмъ иныя, потому что разсчетливые хозяева-туземцы перевозятъ на одной арбѣ, за десятки верстъ, не 50, а 100 штукъ трехлѣтнихъ деревьевъ, слѣдовательно, для нихъ перевозка одного милліона такихъ деревьевъ на разстояніи тридцати верстъ обходится maximum 2000 р.

Въ защиту туземцевъ и практикуемыхъ ими дешевыхъ пріемовъ лѣсоводства, мы *вынужденно* позволимъ себѣ сдѣлать вопросъ: какой доходъ приноситъ спеціальному депозиту Самаркандскій питомникъ съ оранжереей и его огородъ, продающій клубнику, малину, лучшіе фрукты европейскихъ сортовъ деревьевъ, артишоки, спаржу, цвѣтную капусту, редиску и прочія овощи и цвѣты. Пока разъяснится этотъ живой, интересный вопросъ для удовлетворенія общаго любопытства о рентѣ, приносимой спеціальному фонду „научными“ пріемами садоводства, цвѣтоводства и огородничества, мы позволимъ себѣ засвидѣтельствовать, что упрощенная, но разумная и бережливая туземная система хозяйства приноситъ съ такого участка сада и огорода (32 танапа или 8 десятинъ), какой занятъ казеннымъ питомникомъ и огородомъ, никакъ не менѣе шестисотъ рублей чистаго годового дохода отъ продажи фруктовъ и овощей по цѣнамъ, значительно ниже дѣйствующихъ въ названномъ казенномъ хозяйствѣ.

Намъ могутъ, разумѣется, возразить, что туземецъ ведетъ свое хозяйство первобытнымъ способомъ, при помощи членовъ своей семьи, съ самымъ необходимымъ количествомъ скота; но такое возраженіе, конечно, не серьезно. Вѣдь если „примитивный туземецъ, съ слабыми средствами, безъ научныхъ познаній, но съ добрыми практическими свѣдѣніями, ведетъ свое полевое, огородное, садоводническое хозяйство съ болѣе блестящими результатами, чѣмъ получаемые какимъ-нибудь ученымъ заправителемъ, то во всякомъ случаѣ предпочтеніе приходится отдавать туземцу, который, по справедливости, и долженъ въ такомъ случаѣ стать въ роль учителя.

Могутъ сказать еще, что вѣдь мѣстный питомникъ и называется „опытный“, потому что въ немъ исподволь практикуется культура европейскихъ породъ деревьевъ, плодовыхъ и обыкновенныхъ, почему и доходы такого хозяйства не могутъ быть нормальными. На такое возраженіе отвѣчать невозможно, потому что, повторяю, доходы казеннаго питомника намъ неизвѣстны. Но все же мы позволимъ себѣ высказать, что распространеніе въ населеніи европейскихъ плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ производится и могло бы производиться съ полнымъ успѣхомъ также и чрезъ частныхъ лицъ, какъ это широко практикуется въ Ташкентѣ, считаясь дѣломъ весьма прибыльнымъ для производителей и для потребителей.

Во-вторыхъ, мы можемъ заявить, что въ Самаркандѣ же имѣются и частныя хозяйства русскихъ обывателей, возникшія одновременно съ казеннымъ опытнымъ питомникомъ и приносящія весьма значительный доходъ отъ продажи овощей, акклиматизированныхъ растеній и фруктовъ европейскихъ породъ деревьевъ.

Если бы намъ сказали, что частныя хозяйства съ питомниками европейскихъ породъ деревьевъ никогда не были бы въ состояніи удовлетворить этой общей потребности туземнаго населенія, мы отвѣтили бы рѣшительнымъ сомнѣніемъ, зная очень хорошо, что въ казенномъ питомникѣ всѣ прививки выполняются туземцами по три рубля съ сотни съ ихъ матеріаломъ; что туземцы весьма хорошіе садоводы; что тѣ сношенія съ Гамбургомъ, Ревелемъ, Ригой, которыя дали выписныя сѣмена и деревца для питомника казеннаго, совершенно доступны и для всѣхъ частныхъ лицъ и даже для туземцевъ, при добромъ содѣйствіи русскихъ хозяевъ, съ тою лишь разницею, что, конечно, они не стали бы посылать въ Варшаву чиновника за такимъ добромъ, которое пришлось выбросить отъ несвоевременнаго доставленія.

Когда всмотрѣться въ ходъ дѣла распространенія въ населеніи европейскихъ породъ деревьевъ путемъ раздачи прививокъ и непригодныхъ къ дѣлу сѣянцевъ; когда разобрать достоинства тѣхъ пріемовъ казеннаго хозяйства, которые дали за 10000 рублей всего четыре милліона однолѣтнихъ сажен-

цевъ вмѣсто обѣщанныхъ десяти милліоновъ, невольно остановившься вниманіемъ раздумья на той страницѣ сочиненія „Очерки Ферганской долины“, гдѣ Миддендорфъ совѣтуетъ „не предпринимать посадки лѣсовъ, такъ какъ для выращиванія лѣсовъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, или гдѣ они изведены, потребовалось бы много денегъ, времени и рабочихъ силъ“. Въ какой мѣрѣ этотъ совѣтъ правильно предусмотригеленъ для настоящаго и будущаго лѣсного дѣла, мы сейчасъ увидимъ.

Послѣ многочисленныхъ данныхъ предшествовавшихъ статей, констатировавшихъ, во-первыхъ, полнѣйшій отрицательный результатъ отъ раздачи населенію травовидныхъ сѣянцевъ, не соотвѣтствующихъ условіямъ мѣстнаго хозяйства, во-вторыхъ, доказавшихъ, что у туземцевъ милліонъ годичныхъ сѣянцевъ обходится въ шестьдесятъ рублей, а такое же количество трехлѣтнихъ саженцевъ фруктовыхъ деревьевъ обходится около 10000 рублей, мы ожидаемъ рядъ такихъ существенныхъ вопросовъ, которые не могутъ быть оставлены безъ самаго обстоятельнаго разъясненія, необходимаго въ интересахъ истины и дѣла.

Прежде всего намъ могутъ возразить: почему же такіе же одногодичные сѣянцы гледичіи, окаймляющіе городской бульваръ, вырастаютъ въ большія деревья, хотя, впрочемъ, самыя аллеи Абрамовскаго бульвара получались изъ трехлѣтнихъ саженцевъ? Потому, думается намъ, что годичное содержаніе этого одноверстнаго бульвара обходится въ 425 рублей, при полной возможности охранять и такія крошечныя деревца отъ сорныхъ растеній и отъ городского скота, который ведетъ себя настолько чинно, что бульваръ даже не требуетъ постояннаго окарауливанія, столь необходимаго для двухъ другихъ городскихъ садовъ, получающихъ на свое содержаніе 1300 руб. въ годъ и пользующихся достаточнымъ присмотромъ.

Конечно, никакому туземному хозяйству недоступны ни такіе расходы на содержаніе ихъ садовъ, ни та обстановка, которою пользуется въ Самаркандѣ заведеніе лѣсоводства, а потому туземецъ и не можетъ практиковать такіе лѣсоводственные пріемы, какіе выдерживаетъ спеціальный кредитъ.

При мѣстномъ малоземеліи туземецъ не позволитъ себѣ отвести на своемъ участкѣ мѣсто для такихъ крошечныхъ деревьевъ, будущность которыхъ ему неизвѣстна, не позволитъ себѣ и малаго даже расхода на ихъ дальнѣйшее воспитаніе, иначе ему придется голодать, такъ какъ воспитаніе такое обходится совсѣмъ не дешево.

Могутъ спросить: а развѣ туземцы не обращаютъ свои ирригаціонные участки въ лѣсныя рощи? Да, съ тѣхъ поръ, какъ съ низменнаго лѣса сняли тяжкую охранительную пошлину, при громадномъ спросѣ на строительный матеріалъ для Бухары, берега Зеравшана дѣйствительно покрылись такими искусственными рощами; но въ этихъ рощахъ (чоколакъ) разводится исключительно тополь, искони извѣстный населенію и своими удовлетворительными качествами и простотой культуры.

Въ среднихъ хозяйствахъ, ближайшихъ къ сплавному пути, для такихъ рощъ отводится не болѣе одного танапа земли. Послѣ удобренія и пятикратной вспашки, по окраинамъ грядокъ тополь разводится преимущественно черенками (коломча), отъ которыхъ получаютъ чрезъ пятнадцать лѣтъ до четырехъ тысячъ строевыхъ деревьевъ, на сумму не менѣе 7000 рублей съ одного танапа. Если сообразить, что такая роща тополя требуетъ только обнесенія глинобитной стѣной и возможно частой поливки, съ очисткою въ первые два года отъ сорныхъ растеній и лишнихъ побѣговъ, при валовомъ расходѣ въ 65 рублей,—если разсчитать, что въ теченіе 15-ти лѣтъ одинъ танапъ земли можетъ дать валового дохода всего 150 рублей, то будетъ ясно, насколько выгоднѣе для туземца выдѣлить подъ лѣсъ одинъ танапъ изъ десяти танаповъ, поддерживающихъ существованіе его семьи непрерывнымъ доходомъ въ 120 рублей. Какъ ни соблазнительно было бы для такого хозяина обратить всю землю въ лѣсную рощу, но сдѣлать этого онъ никакъ не можетъ, потому что земля его кормитъ, земля платитъ подати, а лѣсъ—слишкомъ долгосрочная культура.

Если спросятъ: почему снабжали туземцевъ три года къ ряду такими саженцами, которые видимо были непригодны, мы

должны сказать: потому что, несмотря на постоянное заявленіе объ этомъ ближайшей къ населенію администраціи, несмотря на то, что и русское населеніе снабжалось изъ питомника двухъ-трехъ лѣтними саженцами, но никогда не однолѣтними, заправители считали возможными такіе эксперименты надъ убогимъ узбекскимъ хозяйствомъ.

Можно ли удивляться, что узбеки, получавшіе изъ питомника, по „приглашенію“ начальства, пучки травы вмѣсто древесныхъ саженцевъ, за которыми они проѣхали десятки верстъ, возвращались съ крайне невыгоднымъ впечатлѣніемъ для распорядителей, причемъ бывали случаи, что такіе саженцы обращали въ фашинникъ для арычныхъ плотинъ.

Только послѣ трехлѣтнихъ, тщетныхъ усилій борьбы противъ раздачи населенію несоотвѣтствующихъ сѣянцевъ, мѣстная администрація нашлась, наконецъ, вынужденною испытать иной способъ развитія лѣсоразведенія на счетъ привозныхъ породъ деревьевъ, и обратилась къ земледѣльцамъ съ слѣдующимъ признаніемъ и предложеніемъ:

„Каждогодно раздаются населенію полезныя породы деревьевъ, но пользы отъ такой раздачи было до сихъ поръ мало, потому что саженцы выдавались однолѣтніе. Признавая, что деревья эти (айлантусъ) дѣйствительно полезны и для посадки на дорогахъ, и для хозяйства, если ихъ сажать въ возрастѣ трехъ лѣтъ, поручаю волостнымъ управителямъ спросить общество: не пожелаетъ ли оно купить въ волости участокъ въ пять танаповъ для устройства питомника изъ однолѣтнихъ самаркандскихъ сѣянцевъ, которые и могутъ быть раздаваемы желающимъ, когда исполнится саженцамъ три года“. На такое приглашеніе отозвалось 8 маловодныхъ волостей изъ двадцати, причемъ нѣкоторые рѣшили завести по два питомника, пользуясь дешевизной земли и разсчитывая, что поливка потребуется самая ограниченная.

Въ общей сложности устройство такихъ *девяти* питомниковъ, по пяти танапозъ каждый, съ покупкой земли, съ постановкой глинобитной стѣны, съ годовымъ караульщикомъ-

поливальщикомъ, обошлась населенію Самаркандскаго отдѣла въ 1430 рублей, причемъ пятикратная полотьба выполнялась, съ согласія общества, жителями ближайшихъ селеній. Въ первый годъ питомники эти понесли потери погибшими около десяти процентовъ, и двухлѣтніе саженцы, вслѣдствіе малаго роста, спросомъ туземцевъ не пользовались; но есть надежда, что еще чрезъ годъ они окажутся пригодными по крайней мѣрѣ для посадки по обочинамъ дорогъ; а пригодность ихъ (акація, гледичія, бегонія, айлантусъ) для мѣстнаго хозяйства предоставятъ вѣроятно рѣшить самому узбеку, и отъ такого добровольнаго рѣшенія будетъ зависѣть дальнѣйшее существованіе этихъ питомниковъ или же закрытіе ихъ.

Во всякомъ случаѣ, было бы большой ошибкой навязывать туземцамъ во что бы то ни стало изъ этихъ питомниковъ, хотя бы и трехлѣтніе саженцы такихъ породъ деревьевъ (бегонія, акація, гледичія), въ примѣнимости которыхъ для хозяйства позволительно сомнѣваться и нетуземцу. Если эти породы деревьевъ, включительно съ айлантусомъ, которому и теперь уже дается бо́льшее предпочтеніе узбекомъ, дѣйствительно окажутся соотвѣтствующими мѣстнымъ физическимъ и хозяйственнымъ условіямъ, то для дальнѣйшаго распространенія ихъ окажется достаточнымъ и того количества, которое занимаетъ часть сельскихъ дорогъ и улицъ русскаго города.

Но во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что заправители дѣла должны умѣрить свою антипатію къ талу, изъ уваженія къ бо́льшей примѣнимости его въ хозяйствѣ и въ гидро-техническихъ работахъ, которую признаетъ и Россмеслеръ (стр. 489) и изъ уваженія къ такимъ качествамъ его (непритязательности къ почвѣ, быстротѣ роста, обилію побѣговъ), которыя въ нашемъ безлѣсномъ краѣ заслуживаютъ бо́льшаго предпочтенія, чѣмъ прочность древесины айлантуса и акаціи, на которую любятъ ссылаться новаторы лѣсного дѣла, упуская изъ вида одно, что въ Туркестанѣ никогда не придется строить ни кораблей, ни доковъ; а для большихъ сооруженій до сихъ поръ

оказывались пригодными и мѣстныя породы тута, карагача и тополя.

Въ Зеравшанскомъ оазисѣ, съ его широко развитой ирригаціей, которою держится благосостояніе страны, талъ не только не можетъ быть изгоняемъ, но долженъ пользоваться даже охраной, гдѣ это требуется, напримѣръ, въ верховьяхъ большихъ оросительныхъ каналовъ, каждогодно требующихъ для своихъ плотинъ огромное количество фашинника.

Такихъ большихъ арыковъ въ Самаркандскомъ отдѣлѣ весьма много и правильное дѣйствіе ихъ было бы совершенно невозможно, если бы ближайшія селенія не имѣли на своихъ поляхъ и мелкихъ арыкахъ того же тала.

Въ этомъ дѣлѣ обезпеченія ирригаціи необходимымъ матеріаломъ, заслуживаетъ вниманія распространеніе такихъ общественныхъ лѣсныхъ дачъ изъ тала, въ головѣ главныхъ арыковъ, какая разведена въ послѣдній годъ на берегу Зеравшана, въ верховьѣ арыка *Даргамъ*. Этотъ оросительный каналъ, имѣющій длины до 150 верстъ, при ширинѣ въ 10 саженъ, снабжая водою Самаркандъ съ его садами въ шесть волостей, съ культурной площадью въ 50000 десятинъ, требуетъ каждогодно на свою плотину и на укрѣпленіе рыхлыхъ, глинистыхъ береговъ такую массу хвороста, кольевъ, бревенъ, что ближайшая Джумабазарская волость, въ 47 селеній, преимущественно отбывающая эту повинность, въ послѣдніе годы начала уже чувствовать недостатокъ въ этомъ матеріалѣ изъ тала; а такъ какъ подвозъ его за десятки верстъ сталъ затруднять земледѣльцевъ, то и рѣшено развести рощу изъ тала въ одной верстѣ отъ плотины Даргама. Для этого потребовалось, съ согласія общества, купить 50 танаповъ пахотной земли за 1125 рублей, потребовалось привлечь къ работѣ земледѣльцевъ, работа же заключалась въ трехкратной вспашкѣ участка 150 плугами въ теченіи двухъ дней, въ подвозкѣ 16000 таловыхъ кольевъ, добытыхъ съ деревьевъ почтовыхъ дорогъ, на что потребовалось 2000 одноконниковъ, въ посадкѣ этихъ кольевъ, вызвавшей расходъ 1200 рабочихъ, въ проведеніи, наконецъ, послѣ посадки, оросительныхъ каналовъ между рядами, для чего привлечено 2200 рабочихъ. Такимъ образомъ, съ общимъ расходомъ работы 300 плуговъ (кошей) на 400 рублей и 5400 рабочихъ, оцѣниваемыхъ, по качеству этой вольной работы, въ 600 рублей, съ 26-го февраля, въ теченіи девяти дней, получилась таловая роща въ 16000 саженцевъ, занимающихъ площадь въ тринадцать десятинъ. Какъ дѣло, дѣйствительно разумное своей настоятельной потребностью, оно и выполнено обществомъ добровольнымъ денежнымъ пожертвованіемъ, добровольнымъ представленіемъ рабочихъ,—оно и обѣщаетъ благіе результаты избавленія отдаленныхъ селеній волости отъ утомительнаго и постояннаго подвоза хвороста для Даргама, который въ послѣдніе годы началъ наконецъ истощаться. Полагаютъ, что при надлежащемъ охраненіи этой рощи отъ порчи врагами тала, домашними козами, семифутовые колья, правильно посаженные, обратятся чрезъ три года въ такія деревья, которыя въ состояніи будутъ снабжать регулярно плотину главнаго канала хворостомъ и вообще матеріаломъ.

Позволимъ же себѣ спросить нашихъ новаторовъ лѣсного дѣла: какое изъ вводимыхъ ими деревьевъ могло бы замѣнить на этомъ мѣстѣ талъ и притомъ съ такою быстротою и съ ничтожными сравнительно расходами?

Думается намъ, господа новаторы, что замѣнить талъ, какъ матеріалъ для плотинъ, невозможно; что вытѣсненіе тала въ ирригаціонныхъ раіонахъ должно отозваться весьма пагубно на всемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ; что наша задача по лѣсоводству должна состоять вовсе не въ диковинныхъ дорогихъ затѣяхъ, не удивляющихъ даже и туземцевъ,—а въ возможно широкомъ распространеніи посадокъ, хотя бы мѣстныхъ породъ деревьевъ, однимъ лишь напоминаніемъ туземцамъ и, гдѣ надо, какъ на верховьѣ оросительныхъ каналовъ, настойчивой и разумной иниціативой ближайшей къ населенію власти, успѣвшей заслужить его довѣріе.

Не обольщайтесь, господа новаторы, и вѣрьте, что если

вамъ принадлежитъ заслуга украшенія городскихъ скверовъ и бульваровъ акаціей, бегоніей, айлантусомъ, кленомъ, заслуга распространенія въ населеніи четырехъ милліоновъ сѣянцевъ, погибшихъ „по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ“, то мѣстному землепашцу безспорно принадлежитъ великая заслуга въ той усердной отзывчивости на исконныя, не перестающія приглашенія ближайшей администраціи, которая въ 15 лѣтъ управленія краемъ заполнила древесными посадками Зеравшанскую долину и помогла естественному возстановленію погибавшаго горнаго лѣса. Разница только въ томъ, что „старая“ система лѣсоразведенія никакихъ денежныхъ затратъ изъ спеціальнаго фонда не вызывала и не будетъ, вѣроятно, вызывать; „новая“ же система успѣла поглотить уже съ 1879 года изъ кредита 46000 рублей и едва ли обойдется и въ будущемъ безъ солидныхъ денежныхъ расходовъ.

Справедливость однако требуетъ сказать, что старая система далеко не проявила того искусства въ лѣсоразведеніи, какое показали въ долинѣ Зеравшана спеціалисты дѣла, подготовившіеся, разумѣется, и теоретически и на практикѣ.

Господа новаторы-спеціалисты показали „невѣжественному“, какъ они считаютъ, туземцу, что при помощи знаній и, разумѣется, денегъ, есть полная возможность превратить нагорье и самыя горы въ лѣсныя рощи. Для этого достаточно было, во-первыхъ, сообразить, что горы лишились естественнаго лѣса всего нѣсколько десятковъ лѣтъ, что почвенный слой нагорья, съ тучнымъ перегноемъ, всегда удерживаетъ обильную влагу, что и теперь у подножья Шахрисябзскихъ горъ встрѣчаются группы сорокалѣтней шелковицы, не имѣющей орошенія; во-вторыхъ, достаточно было познакомиться съ пріемомъ лѣсоразведенія въ херсонскихъ степяхъ. Для большей же увѣренности, вполнѣ достаточно было усвоить себѣ изъ книги *Россмеслера* (стр. 642) слѣдующія наставленія: „разнообразіе и непостоянство климатическихъ вліяній въ степяхъ требуютъ, чтобы за ходомъ ихъ постоянно наблюдать и чтобы при лѣсоразведеніи были приняты всѣ предосторожности; иначе трудъ

лѣсничаго и издержки уничтожаются разомъ, однимъ неблагопріятнымъ климатическимъ вліяніемъ. Почва въ нашихъ южныхъ (русскихъ) степяхъ во время засухъ глубоко и сильно высыхаетъ, трескаясь по поверхности и становится твердою, какъ камень. Только *глубокою* и *тщательною обработкою* почвы возможно достигнуть успѣха въ лѣсоразведеніи. Содержаніе почвы въ совершенной чистотѣ отъ сорныхъ растеній и *частое взрыхленіе земли между рядами разведеннаго лѣса, есть необходимое условіе успѣха лѣсоразведенія въ степи*“.

Хотя, такимъ образомъ, мѣстные спеціалисты лѣснаго дѣла повѣдали намъ въ своихъ опытахъ разведенія лѣса на горахъ и въ подгорьи близъ Кара-тюбе и Самарканда то самое, что уже практикуется въ южной Россіи, чему учатъ и всѣ руководства, причемъ суглинистый лесъ несравненно благопріятнѣе для такихъ опытовъ, чѣмъ почва Херсонской степи, тѣмъ не менѣе разведеніе лѣса на мѣстахъ, совершенно не имѣющихъ арычнаго орошенія, такая новинка, которую и теперь еще иные скептики обозрѣваютъ съ недовѣріемъ за будущее этого искусственнаго лѣса.

Какъ бы ни было, мы встрѣчаемъ въ Зеравшанскомъ округѣ фактъ существованія безъ орошенія шестилѣтняго искусственнаго лѣса изъ акацій, гледичій, айлантуса, занимающихъ, какъ утверждаютъ, площадь въ 430 десятинъ такъ-называемой богарной земли, взятой безвозмездно у жителей Ура-тюбинской волости. Честь такого успѣха въ лѣсоразведеніи принадлежитъ прежде всего руководителямъ дѣла, затѣмъ кара-тюбинскому и ургутскому населенію, оказавшему большое содѣйствіе рабочими и плугами, а затѣмъ уже спеціальному кредиту въ 46,000 рублей, при ежегодномъ пока ассигнованіи 5,500 р. на очищеніе этой лѣсной плантаціи отъ сорныхъ растеній и взрыхленіе почвы, которые успѣшно выполняютъ, какъ намъ приходилось наблюдать, четыре конные скобеля съ восемью рабочими. Въ послѣдніе, впрочемъ, два года распорядитель этого лѣсоводства долженъ былъ сознать недостаточность однихъ скобелей и ввелъ, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, разрых-

леніе почвы между рядами посадокъ обыкновенными туземными плугами.

Какъ намъ удалось узнать на мѣстѣ, въ селеніи *Багринь*, въ лѣто этого года такая обработка лѣсной плантаціи производилась въ концѣ апрѣля и въ іюнѣ двадцатитрехдневной работой отъ 20-ти до 10-ти плуговъ, съ общимъ расходомъ на это дѣло до 800 плуговъ въ оба раза. Независимо отъ этой работы плугами, плантація очищается также отъ растеній постояннымъ дѣйствіемъ двухъ конныхъ скобелей. Во что обходится спеціальному кредиту такая работа дальнѣйшаго поддержанія лѣсной рощи близъ селенія Багринь, сказать не можемъ, но изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей, превратившихся, съ отчужденіемъ ихъ земли подъ лѣсную плантацію, въ рабочихъ при ней, знаемъ, что за дневную работу каждаго плуга, съ двумя быками и съ однимъ рабочимъ они получаютъ 60 копѣекъ, а отдѣльный поденщикъ для какой либо работы на хуторѣ плантаціи получаетъ 20 и 25 копѣекъ въ день. Разумѣется, если багринцы останутся, какъ теперь, малоземельными, а отчасти безземельными и на послѣдующее время, то уходъ за этой лѣсной плантаціей въ 135 десятинъ, судя по дѣйствующей теперь платѣ, обойдется, включительно съ досмотромъ, вѣроятно никакъ не дороже 1000 р. въ годъ. Такой уходъ потребуется, сказываютъ, еще въ теченіе по крайней мѣрѣ десяти лѣтъ, потому что почва этой подгорной мѣстности не такъ влажна и не такъ тучна, какъ почва горнаго участка Аманъ-кутанъ, гдѣ представилось возможнымъ прекратить разрыхленіе и очистку лѣсной плантаціи уже на пятый годъ послѣ посадки.

Что работа плугомъ въ послѣднія два лѣта въ лѣсной рощѣ близъ Багриня оказала огромную услугу — это замѣтно по свѣжести деревьевъ, по росту ихъ; это признаютъ и туземцы. Не можемъ не отмѣтить все же, что всѣ акаціи этой плантаціи мало подаютъ надежды быть деревьями, а вѣроятно, въ благопріятномъ случаѣ, будутъ прозябать въ видѣ кустарниковъ; айлантусы же въ большинствѣ растутъ хорошо, съ

небольшимъ процентомъ гибели отъ засухи и отъ сорныхъ растеній. Можно опасаться, однако, что такіе продолжительные гармсили, какіе разгуливали въ Зеравшанской долинѣ въ 1878 году, погубятъ и взрослыя деревья этой плантаціи, не пользующейся орошеніемъ. Во всякомъ же случаѣ багринская лѣсная роща едва ли можетъ быть оставлена преждевременно безъ дѣйствующаго теперь ухода, иначе она погибнетъ такъ же быстро и безъ остатка, какъ погибла отъ неподдержанія такая же роща въ нѣсколько десятинъ айлантуса, въ Пенджекентѣ и какъ погибли вслѣдствіе той же причины на безводьѣ посадки изъ этихъ же породъ деревьевъ по трактовой дорогѣ въ нагорномъ раіонѣ, на которыя очевидно много потрачено было усилій мѣстнымъ населеніемъ и много возлагалось упованій мѣстной администраціей.

Практика указываетъ, что акація наименѣе пригодна для посадки на безводной мѣстности, потому что, пуская корни не слишкомъ глубоко, она извлекаетъ для себя недостаточно питанія, прозябаетъ, имѣя видъ кустарника, и быстро погибаетъ, если остается безъ ухода, тогда какъ экземпляры акаціи, растущіе тамъ же, въ Багринѣ, съ обильною поливкою, поднялись въ четыре года до пятнадцати футовъ и дали густую крону.

Какъ намъ пришлось лично убѣдиться, такая же участь полнѣйшей гибели отъ неухода постигла также и тѣ посадки крошечныхъ однолѣтнихъ айлантусовъ, акаціи, гледичіи, которыя были сдѣланы весною этого года по всѣмъ арыкамъ того же Кара-тюбинскаго подгорья. Въ гибели этихъ молодняковъ чрезъ два мѣсяца послѣ посадки, на глазахъ распорядителей этого дѣла, руководившихъ лично посадкою и отвѣчавшихъ равнодушнымъ *„майли“* (все равно!) на возраженія жителей, что все это погибнетъ отъ сорныхъ растеній и отъ скота, наши оптимисты должны видѣть и приговоръ своему увлеченію, съ несправедливымъ порицаніемъ апатичности туземца, и аттестатъ въ незнаніи мѣстныхъ условій края и, наконецъ, поучительное указаніе на необходимость воздержи-

ваться отъ такихъ необдуманныхъ затѣй, которыя вызываютъ напрасно громадный расходъ даровой рабочей силы, а въ результатахъ даютъ *„майле“* и насмѣшки третируемаго туземца надъ нашею непрактичностью, за которую расплачивается населеніе своими руками и своими средствами.

Это разбираемое нами увлеченіе посадками айлантуса и акаціи по берегамъ арыковъ маловоднаго степного оазиса достойно удивленія тѣмъ болѣе, что такой же опытъ, сдѣланный три года тому назадъ на арыкѣ селенія *Багринъ*, совершенно не удался, несмотря даже на то, что эта часть посадокъ находится о-бокъ съ хуторомъ лѣсовода и подъ постояннымъ надзоромъ штатныхъ караульщиковъ, которые не могли однако спасти деревца отъ козъ и отъ сорныхъ растеній.

Тамъ же, въ Багринѣ посѣтителю встрѣчается и другой видъ „майли“, то есть, неудавшейся затѣи: это такъ-называемыя *„жительскія“* лѣсныя плантаціи, возникшія очевидно по „приглашенію“ и въ ожиданіи, что смежная казенная лѣсная плантація послужитъ населенію прекрасной школой для болѣе широкаго развитія частнаго лѣсоводства. Не тутъ-то было! Казенная лѣсная плантація съ айлантусомъ носитъ и теперь уже видъ подлѣска потому разумѣется, что она обильно питается казенными суммами; „жительскія“ же насажденія, оставаясь безъ всякаго ухода, представляютъ чахнущія и въ большинствѣ совершенно погибшія деревца, едва поднявшіяся, за три года прозябанія, на одинъ футъ отъ земли. Когда мы спросили: почему же бишкольцы и багринцы, хозяева насажденій, не поддерживаютъ ихъ вспашкой и очисткой отъ сорныхъ растеній, намъ отвѣчали туземцы весьма основательными доводами:

„На богарной, безводной землѣ никогда раньше никому не приходило въ голову дѣлать посадки деревьевъ. Народъ темный и теперь сомнѣвается, чтобы багринская казенная плантація дала бы годныя строевыя деревья; а если эти деревья окажутся годными только на дрова, то какая же будетъ польза для казны отъ этого лѣса при дешевизнѣ дровъ и въ

настоящее время? Для нашего хозяйства этотъ лѣсъ и вовсе не нуженъ, потому что мы строимъ сакли изъ тала, а для топлива служитъ колючка (янтакъ), всякій бурьянъ и хворостъ. Какъ же намъ вѣрить разнымъ совѣтамъ садить такой же лѣсъ, когда мы ясно видимъ, что казна много расходуетъ на такой лѣсъ денегъ, а что изъ него выйдетъ—никто не скажетъ! Намъ и совсѣмъ нельзя заняться такой посадкой деревьевъ, потому что мы стѣснимъ хлѣбопашество и должны будемъ лишиться скота, который насъ прокармливаетъ. Притомъ, нѣтъ разсчета возиться цѣлый вѣкъ свой, 50 лѣтъ какъ сказываютъ, съ этимъ лѣсомъ, а хлопотъ съ нимъ, мы видимъ, не мало: и пропахать, и всполоть надо, и караулить надо, иначе скотъ попортитъ всѣ деревья. Положимъ, я могъ бы отдѣлить изъ своего поля одинъ танапъ подъ лѣсъ; но поле далеко отъ жилья, значитъ уходъ и присмотръ труденъ. Сказывалъ намъ агачъ-тюре (вѣроятно лѣсоводъ), что послѣ посадки надо непремѣнно пропахивать всю рощу не меньше четырехъ разъ въ годъ двойной вспашкой; значитъ на одинъ танапъ пойдетъ 5 плуговъ за восемь вспашекъ, а намъ и на пашнѣ есть дѣло“.

Другой побѣднѣе и такъ разсуждаетъ: „зачѣмъ мнѣ лѣсъ, зачѣмъ я пущу свой единственный плугъ, съ тощими волами, на эту работу, когда 8 вспашекъ одного танапа моимъ плугомъ требуютъ четыре дня, значитъ обойдутся въ 5 рублей, а танапъ богарной земли, съ одной только вспашкой, можетъ дать шесть пудовъ пшеницы, а безъ вспашки даетъ ежегодно сто сноповъ колючки (янтакъ), которые можно продать въ Самаркандѣ на топливо за шесть рублей. Вѣдь вотъ, вы видите наше бѣдное житье, знаете какъ стѣснила насъ эта казенная лѣсная роща въ 600 танаповъ; а что же было бы, еслибы каждый землепашецъ принялся разводить такой же лѣсъ среди богарнаго поля,—мы лишились бы тогда скота, развилась бы вражда, и стали бы мы втихомолку уничтожать посадки тамъ, гдѣ по нашему не слѣдъ имъ быть“.

Столько практическихъ соображеній намъ пришлось вы-

слушать на-дняхъ отъ одного зажиточнаго старика изъ селенія *Багринь*. Какъ мы выше сказали, это селеніе, лишившись значительной доли своей богарной земли, вынуждено бѣдностью давать дешевыхъ рабочихъ для казеннаго лѣсоводства; но все же багринцы не увлекаются подражаніемъ ему, хотя, повидимому, роща айлантуса и подаетъ надежду быть строевымъ лѣсомъ.

Воздавъ такимъ образомъ должное спеціалистамъ въ достиженіи удовлетворительнаго результата съ блестящими средствами и такимъ же содѣйствіемъ мѣстнаго населенія, мы позволимъ себѣ выразить надежду, что такіе опыты лѣсоразведенія въ въ степи и на горахъ дальше не пойдутъ, такъ какъ поучительнаго для населенія они ничего не представляютъ, а обходятся кажется не дешево при стоимости шестилѣтней десятины въ 108 рублей и при большихъ ежегодныхъ затратахъ на поддержаніе этого лѣса въ должномъ порядкѣ.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, назиданіе можетъ извлечь изъ этихъ опытовъ туземецъ-пахарь, узнавъ, что на даровой богарной землѣ, при его весьма значительномъ содѣйствіи, явился „казенный лѣсъ“, хотя бы самыхъ лучшихъ строевыхъ деревьевъ, стоимостью около *трехъ сотъ тысячъ рублей*, какъ будетъ вѣроятно къ началу эксплоатаціи, которая наступитъ, сказываютъ, чрезъ сорокъ лѣтъ, если не позже, судя по росту деревьевъ теперь, и то при совершенно благопріятныхъ условіяхъ? Какъ отнесутся къ этой „новой“ системѣ лѣсоразведенія настоящіе хозяева, вычисливъ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, что каждое дерево акаціи кара-тюбинской рощи, годной лишь на дрова, обошлось около рубля, какъ придется, вѣроятно, по размѣру каждогодныхъ затратъ, съ процентами на капиталъ и съ содержаніемъ лѣсной администраціи?

Вотъ вопросы, достаточно уясняющіе намъ, что подобная система лѣсоразведенія достойна можетъ быть удивленія, но отнюдь не подражанія, которое до сихъ поръ не проявлялось въ мѣстномъ населеніи и, смѣемъ засвидѣтельствовать, никогда не проявится, потому что туземецъ слишкомъ практиченъ,

слишкомъ остороженъ, слишкомъ разсчетливъ и слишкомъ небогатъ.

Защитники этой системы могутъ, пожалуй, сказать, что для туземца все же было бы выгоднѣе отвести часть своей богарной земли подъ лѣсъ и сумма такихъ частныхъ дачъ составила бы громадную площадь лѣса въ краѣ, а это повліяло бы благопріятно на климатъ и слѣдовательно — на земледѣльческое хозяйство. Легко разговаривать, писать доклады, да не легко вѣроятно разсудить, что такой рецептъ никуда не годится! Вѣдь надо же вѣрить, что возиться съ обработкой поля, даже при искусственномъ орошеніи, на солнцепекѣ въ 70^0 Ц., не такъ легко, какъ писать утопическіе проекты, сидя на мягкой мебели роскошной квартиры, съ закрытыми днемъ ставнями, съ разставленными по угламъ комнатъ водяными холодильниками.

Какимъ образомъ можетъ туземецъ разводить на богарномъ полѣ лѣсъ, когда поле такое за нѣсколько верстъ отъ его жилья, отъ воды, а лѣсоводственная работа обходится, какъ мы выше вычислили, очень дорого, требуя постоянной вспашки, для которой нѣтъ хорошихъ воловъ и скобелей, требуя рабочихъ, которые нужны для уборки той же яровой жатвы. Вѣдь если казнѣ, при усовершенствованныхъ пріемахъ воздѣлыванія, десятина шестилѣтняго лѣса обошлась уже въ 108 рублей, не считая не малой стоимости содержанія заправителей этого дѣла, — то и туземцу, въ переводѣ работы на деньги, она обошлась бы не менѣе семидесяти рублей; а эта сумма для земледѣльца немалая и онъ, по своей разсчетливости, не рѣшится сдѣлать затрату такую, хотя бы она выражалась въ рабочей силѣ, избытокъ которой всегда найдетъ для себя дѣло, если не въ своемъ хозяйствѣ, то по уборкѣ жатвы ирригаціонныхъ полей.

Какимъ образомъ можетъ туземецъ затѣять лѣсоразведеніе на богарныхъ поляхъ, когда они не даютъ постояннаго урожая хлѣба, заставляя иногда пахаря оставлять на время свой кишлакъ и искать съ семьей пропитанія часто въ другомъ

уѣздѣ? Что же станется, въ отсутствіи хозяина, съ такой лѣсной рощей, которая требуетъ постояннаго ухода и наблюденія? Разумѣется, оставленная безъ полотьбы и взрыхленія почвы между рядами, хотя бы на одно лѣто, такая роща молодняка непремѣнно погибла бы безъ остатка.

Затѣмъ, надо же имѣть въ виду, что богарныя—степныя поля служатъ для пастьбы всякаго скота, отъ верблюдовъ и лошадей до коровъ и козъ, которые разумѣется не пощадятъ молодняковъ; а стѣны становить невозможно, потому что нѣтъ воды.

Вѣдь если въ самомъ дѣлѣ лѣсоразведеніе на богарныхъ, не орошенныхъ земляхъ такъ легко и выгодно для туземцевъ, по толкованію заправителей, то почему же мы не встрѣчаемъ примѣра подражанія со стороны самихъ русскихъ предпринимателей, не только въ Самаркандѣ, но и нигдѣ въ краѣ? Помнится, что одинъ изъ заправителей выражалъ когда-то горячее намѣреніе заняться такого рода фантастическихъ лѣсоразведеніемъ въ Даргамской степи, на свои *личныя* средства. Но такія намѣренія, имѣвшія быть можетъ цѣлью найти подражателей, дальше словъ не пошли потому вѣроятно, что трехлѣтней практики надъ лѣснымъ дѣломъ съ казеннымъ депозитомъ оказалось недостаточнымъ для такой химерической затѣи, несомнѣнно требующей много усилій, много средствъ, много терпѣнія въ ожиданіи результатовъ развѣ только чрезъ полсотни лѣтъ.

Могутъ сказать, что въ русскомъ населеніи Туркестана до сихъ поръ не нашлось подражателей такого лѣсоразведенія, потому что администрація не имѣетъ въ своемъ распоряженіи богарной земли для надѣла такимъ предпринимателямъ и что ожидаемое утвержденіе проекта и признаніе всѣхъ неорошенныхъ земель края собственностью государства обязательно дастъ толчекъ развитію русской колонизаціи, съ весьма благодѣтельными послѣдствіями, включительно съ облѣсеніемъ. Но, во-первыхъ, еслибы такое лѣсоводство представлялось дѣйствительно выгоднымъ, существующее пока status quo земельной собственности не остановило бы предпринимателей, потому что

стоимость неорошенной земли, какъ нагорной, такъ и степной, самая ничтожная, отъ четырехъ рублей до десяти рублей за десятину. Во-вторыхъ, найдись только желающіе скоблить безводную степь для разведенія лѣсовъ на подрядныхъ началахъ, хотя бы съ казенными средствами, но уменьшенной стоимостью, или же субсидіей, или же съ ссудою, администрація всегда нашла бы возможнымъ оказать содѣйствіе къ пріобрѣтенію земли по самой дешевой цѣнѣ, вслѣдствіе полнѣйшей сговорчивости туземцевъ.

Мы твердо убѣждены все же, что и съ такой постановкой дѣла, съ надѣлами земли, лѣсоводство на безводныхъ мѣстахъ не встрѣтитъ подражателей.

Мы твердо вѣримъ въ невозможность вести и казенное лѣсоразведеніе съ экспропріаціей богарныхъ земель, хотя не имѣющихъ орошенія, но считающихся частною собственностью завѣщательной, купленной или дарственной, потому что ни магометанское законодательство, ни юридическія теоріи европейскихъ ученыхъ (баронъ Торнау) не отвергаютъ въ Средней Азіи института частной земельной собственности, а въ народномъ сознаніи право пользованія землею освящается только трудомъ.

Легко представить себѣ, въ какое положеніе долженъ тогда стать тотъ земледѣльческій классъ, для котораго единственнымъ источникомъ существованія служитъ богарная земля! Легко и сообразить, какая постигла бы участь тѣ лѣсныя рощи, если бы онѣ дѣйствительно распространились въ краѣ, для которыхъ рѣшились бы сдѣлать принудительное отчужденіе земель у туземцевъ. Въ особенности заслуживаетъ вниманія въ этомъ отношеніи будущность такихъ лѣсныхъ рощъ, которыя пріютились на богарной землѣ вблизи узбекскаго селенія, потому что и по теоріи (кн. Гидаэ), и въ сознаніи населенія, земли неорошенныя, находящіяся отъ селенія въ разстояніи человѣческаго голоса (селеніе Багринь), не могутъ почитаться землями *мертвыми* (авторъ Кудури), то есть такими, которыя не приносятъ пользы по причинѣ недостатка воды на нихъ.

Словомъ, мы глубоко вѣримъ, на основаніи не разъ ци-

тированныхъ страницъ соч. *Россмеслера*, въ возможность облѣсенія нагорья и даже подходящихъ степныхъ мѣстностей, но и твердо убѣждены, на основаніи вышеизложенныхъ изслѣдованій, что это дѣло не можетъ пойти дальше опытовъ насчетъ спеціальныхъ фондовъ и всяческихъ „содѣйствій“ населенія.

Такого рода лѣсоразведеніе могло бы найти, пожалуй, подражателей только тогда, если бы стоимость лѣсной десятины была бы удешевлена до *двадцати рублей*, а стоимость лѣса возросла бы, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ противъ современныхъ цѣнъ на топливо и на строительный матеріалъ. Но мы разъяснили, что въ дѣйствительности обработка лѣсной дачи безъ орошенія обходится весьма дорого, а цѣны на лѣсной матеріалъ скорѣе понижались, но не повышались въ теченіе послѣдняго двѣнадцатилѣтія, давшаго громадную массу древесныхъ насажденій въ ирригаціонномъ раіонѣ.

Обратное явленіе—повышеніе цѣнъ на лѣсной матеріалъ и топливо можетъ послѣдовать только или съ общимъ упадкомъ земледѣльческой культуры, или съ чрезмѣрнымъ спросомъ, или же съ настойчивымъ преслѣдованіемъ мѣстныхъ, скоро растущихъ породъ деревьевъ, и продолженіемъ попытокъ дорогого лѣсоразведенія въ безводной степи. Все это, кажется, такъ ясно, а между тѣмъ требуетъ еще и еще подробнаго истолкованія для тѣхъ утопистовъ, которые думаютъ, что можно схватить журавля въ небѣ. Пожалуй, можно, но для этого нуженъ спеціальный кредитъ, а когда этотъ кредитъ начинаетъ стонать и слезно просить, чтобы лѣсоводы сняли съ него руки, чтобы хотя малую частицу его удѣлили бы на *поддержаніе скотоводства и коневодства*, жалкое положеніе котораго обстоятельно засвидѣтельствовано въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ за 1880 годъ, тогда слѣдуетъ подумать—не лучше ли удовольствоваться синицей, а журавля оставить въ покоѣ.

Смѣемъ думать, что и лѣсоводство съ спеціальнымъ кредитомъ, съ умѣренными, никакъ ни стотысячными затратами, могло бы сдѣлать громадный шагъ, если бы, не задаваясь планомъ облѣсенія безводныхъ степей, оно ограничилось съ самаго начала ирригаціоннымъ раіономъ. Съ правильной постановкой дѣла намъ удалось бы превратить въ лѣсныя рощи громадныя, теперь обнаженныя, городскія и сельскія кладбища; удалось бы облѣсить такія маловодныя мѣстности (сѣверо-западъ долины и др.), въ которыхъ десятина хорошей, ирригаціонной земли продается по пяти рублей; удалось бы облѣсить и берега Зеравшана, гдѣ они еще не разработаны пашней. При такой постановкѣ дѣла безъ большихъ расходовъ мы получили бы громадную площадь такого лѣса, который приносилъ бы не малый доходъ обязательно чрезъ пятнадцать лѣтъ, а не черезъ сорокъ лѣтъ, какъ обѣщаютъ кара-тюбинскія рощи.

Скептики, слышавшіе повѣсть о казенномъ воробьѣ, могутъ сказать на это, что и такое лѣсоразведеніе обошлось бы дорого, а доходы лѣсные подвергались бы вліяніямъ климата періодическимъ „усушкѣ“ и „утечкѣ“; но мы твердо убѣждены, что у хорошаго хозяина такія метаморфозы не случились бы.

Какъ на примѣръ возможности дешеваго, доходнаго лѣсоразведенія въ раіонахъ ирригаціонныхъ, мы укажемъ на городской такъ-называемый Абдурахмановскій садъ въ Самаркандѣ. Этотъ садъ, въ 22 танапа, приносившій аренды отъ стараго виноградника и клевера едва 200 рублей въ лѣто, съ расходомъ зимнимъ на караульщика, продавъ 980 тополей за 1750 рублей, обращенъ въ рощу изъ тополей, которыя занимаютъ въ сложности 8 танаповъ. Приведеніе этого сада въ порядокъ, выкорчевка виноградной лозы, распашка и посадка на грядкахъ 18000 трехлѣтнихъ, частью покупныхъ тополей и кое-гдѣ фруктовыхъ деревьевъ, вызвало всего расхода 138 рублей изъ вырученныхъ отъ продажи корней виноградника. Уходъ же за тополями и охраненіе сада съ 1881 года никакихъ денежныхъ расходовъ не вызываетъ, потому что вольно-наемный садовникъ-туземецъ исполняетъ это дѣло съ своей семьей, довольствуясь доходомъ въ 70 рублей отъ клевера, и отъ посѣва огородины на свободныхъ клочкахъ сада. Разумѣется, произведенный расходъ на улучшеніе этого загороднаго сада обращеніемъ его въ лѣсную дачу обставленъ отчетами, съ актами, какъ о посадкѣ деревьевъ, такъ и о періодической

вырубкѣ и продажѣ такихъ перестойныхъ экземпляровъ, какіе встрѣчаются и въ двухъ другихъ городскихъ садахъ Самарканда. Вѣдающая непосредственно этимъ Абдурахмановскимъ садомъ мѣстная администрація разсчитываетъ, что если и на все послѣдующее время удастся избѣгнуть расходовъ на охраненіе его, то еще чрезъ 12 лѣтъ имѣющіеся 25000 тополей дадутъ чистую выручку, по крайней мѣрѣ, въ сорокъ тысячъ рублей. Можемъ добавить, что эта *„старая“* система хозяйства въ Абдурахмановскомъ саду близко подходитъ, по результатамъ расхода и дохода, къ системѣ туземной, справедливо поражающейся пріемами той новой спеціальной системы, которая вычисляетъ стоимость перевозки за 25 верстъ одного милліона трехлѣтнихъ саженцевъ въ сорокъ тысячъ руб.

Пора бы намъ и покончить съ этимъ лѣснымъ вопросомъ, а между тѣмъ чувствуется, что онъ не вполнѣ еще исчерпанъ, что могутъ предложить резюмировать высказанные взгляды. Но мы считаемъ достаточнымъ ограничиться напоминаніемъ, что мѣры по лѣсоразведенію и лѣсоохраненію должны быть свободны отъ увлеченій, граничащихъ нерѣдко съ самообманомъ; что вообще лѣсной вопросъ въ краѣ заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія и такой постановки, которая отвѣчала бы физическимъ и экономическимъ особенностямъ страны.

При этомъ не можемъ не высказать пожеланія, чтобы городскія училища передавали бы учащимся хотя краткія познанія о лѣсѣ и чтобы мѣстныя тюрьмы, съ праздными арестантами, завели бы у себя, какъ это установлено въ Самаркандѣ, древесные питомники для продажи населенію, по дешевой цѣнѣ, полезныхъ породъ деревьевъ.

Кончаемъ этотъ безпритязательный трудъ съ пріятною увѣренностью, что мы исполнили нашъ долгъ по мѣрѣ досуга, опыта и знаній, съ единственною цѣлью выясненія истиннаго положенія этого важнаго дѣла въ настоящемъ, для возможнаго улучшенія его въ будущемъ.

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ НА ОЗЕРѢ КУРЧУКЪ-АТА.

Лѣтомъ, въ прошломъ году, мнѣ представилась необходимость посѣтить *минеральныя грязи*, имѣющіяся въ степи Джизакскаго уѣзда, о цѣлебномъ дѣйствіи которыхъ такъ много приходилось мнѣ слышать отъ туземцевъ, пользовавшихся этими грязями. Путь нашъ шелъ отъ Самарканда на сѣверо-западъ. Выѣхавъ за Пайкабакскія ворота—единственныя уцѣлѣвшія изъ числа шести городскихъ воротъ ханскаго времени—оставивъ роскошные сады селенія Матридъ, служащіе дачами для зажиточныхъ горожанъ и представляющіе поэтому значительную стоимость, въ 600 рублей за десятину, спустились мы съ возвышенности Кундузъ-суфи къ Зеравшану. Въ половинѣ іюня прибыль воды въ рѣкѣ была еще незначительная и переправа верхомъ не представляла никакого затрудненія. Проѣхали мы селеніе Дагбитъ, которое справедливо считается современникомъ древняго Мараканда [1]). Этотъ кишлакъ, съ населеніемъ въ 500 дворовъ, имѣетъ красивый мавзолей, съ большой мечетью, на гробницѣ Махдумъ-Аазама, благочестиваго ученика извѣстнаго во времена тимуридовъ мистика, Ходжа-Ахрара. Присутствіе въ Дагбитѣ могилы высокочтимаго правовѣрными святого привлекло сюда не мало ходжей и шейховъ, составляющихъ теперь $^2/_3$ населенія. Ходжи усердно наблюдаютъ за могилой святого, но еще усерднѣе собираютъ отъ богомольцевъ огромныя приношенія, независимо отъ прямыхъ доходовъ съ

[1]) Такъ назывался Самаркандъ во времена Александра Македонскаго.

вакуфныхъ земель и угодій, приносящихъ до 4000 рублей въ годъ.

Если прослѣдить, какъ много встрѣчается въ Туркестанѣ „святыхъ мѣстъ“, въ родѣ Тахта-Сулейманъ, Хааретъ-Султанъ, Хазретъ-Али, Маріямъ и другихъ, привлекающихъ массы богомольцевъ и непремѣнно обставленныхъ извѣстнымъ штатомъ шейховъ, нельзя не заподозрить и не признать, что многіе „аульэ“ суть или произведеніе больного воображенія кого-либо изъ правовѣрныхъ, или же плоды усердія ходжей, которымъ святыя мѣста доставляютъ доходы—источникъ къ существованію. Позволю себѣ разсказать очень недавній случай возникнонія новаго аульэ въ долинѣ Зеравшана. Возвращаясь въ прошломъ году изъ отдаленныхъ горъ, мы обратили вниманіе въ селеніи Іори, въ 25 верстахъ отъ Пенджекента, на свѣжій, роскошный могильный памятникъ, поставленный на самой дорогѣ, при въѣздѣ въ кишлакъ. На разспросы намъ объяснили, что памятникъ поставленъ недавно мѣстнымъ жителемъ Сафаромъ, а по какому случаю—это онъ самъ знаетъ. Приглашенный Сафаръ разсказалъ намъ, что ему явился во снѣ ишанъ Кабутъ-Пушъ и сказалъ: „позаботься, чтобы по мнѣ не ходили; я лежу тамъ-то“. И вотъ, на другой день Сафаръ держитъ совѣтъ съ своимъ имамомъ; духовникъ-ходжа предлагаетъ прежде всего принести въ жертву одного барана, добрая половина котораго достается, разумѣется, имаму, а затѣмъ поставить поскорѣе „тамъ-то“ ограду и памятникъ ишану Кабутъ, никогда не существовавшему. Теперь іоринцы съ благоговѣніемъ проходятъ мимо этого „святого мѣста“, украшеннаго большимъ тугомъ, а еще чрезъ нѣсколько лѣтъ, при усердіи ходжей, здѣсь возникнетъ ханака—молельня, съ приличнымъ штатомъ жертвособирателей и мусульмане понесутъ свою лепту, нисколько не подозрѣвая о характерѣ происхожденія этого „аульэ“.

Какъ въ древней, значительной осѣдлости, въ Дагбитѣ болѣе нежели гдѣ-либо имѣется школъ-мектебовъ и одно каменное медрессе въ 30 худжрей, всегда переполненныхъ учащимися. Невдалекѣ отъ медрессе, на главной, шоссированной улицѣ этого селенія, красуется также большое зданіе русско-туземной школы, устроенной и открытой въ 1887 году. Со временемъ предполагается устроить въ Дагбитѣ и пріемный больничный покой, который несомнѣнно могъ бы сослужить великую службу туземному населенію, такъ сильно нуждающемуся въ правильной врачебной помощи. Весь кишлакъ съ своими садами прорѣзанъ широкой улицей, шоссированной на средства населенія. На западной сторонѣ Дагбита устроенъ правильный базаръ, въ 12 шоссированныхъ улицъ, съ массой лавокъ и хлѣбныхъ навѣсовъ.

Отъ Дагбита, послѣ переправы чрезъ рукавъ Зеравшана, Акъ-дарью, дорога идетъ въ виду селеній Уклянъ, Ишимъ-аксакъ, Тамбурьятъ, Дуборэкъ, тонущихъ, какъ и самый путь, въ зелени древесныхъ насажденій тала, тополя и джиды. По обѣимъ сторонамъ тридцативерстнаго пути, до селенія Челека, вся мѣстность прекрасно обработана подъ различными, свойственными долинѣ Зеравшана продуктами, съ преобладаніемъ посѣвовъ риса. Вообще сельско-хозяйственная дѣятельность такъ развита въ этомъ многоводномъ, густо-населенномъ оазисѣ, что, проѣзжая десятки верстъ, почти не встрѣчаешь невоздѣланной или отдыхающей земли: все обработано тщательно плодосмѣнной системой хозяйства, трезвымъ трудолюбивымъ туземцемъ, искусно управляющимся съ ирригаціей и получающимъ двѣ жатвы въ лѣто при обильномъ удобреніи. Давно обозначилось, что со времени упраздненія хераджной системы податей, сельско-хозяйственная культура значительно расширилась и продолжаетъ развиваться.

Приближаясь къ Челеку, переѣхавъ значительный многоводный арыкъ Булунгуръ, замѣчаемъ рѣзкую разницу въ характерѣ культуры. Челекская волость, бывшее бекство не особенно многоводна, но имѣетъ богатую лѣсовую почву, дающую прекрасный урожай злаковъ и въ особенности джугары (сорго) и хлопка. Въ послѣдніе три года здѣсь увеличились также и посѣвы американскаго хлопка, дающіе сборы въ 50 пу-

довъ съ десятины, при свободномъ сбытѣ продукта скупщикамъ, число которыхъ увеличилось съ открытіемъ желѣзной дороги.

Въѣзжая въ Челекъ, бывшій когда-то резиденціей бека, не вѣришь, чтобы это былъ кишлакъ въ 600 дворовъ. Челеку посчастливилось въ послѣдніе четыре года: онъ такъ хорошо устроился, что ему могли бы позавидовать и наши уѣздные города. Расположенный въ болотистой котловинѣ, еще недавно Челекъ былъ грязнымъ селомъ, съ непроѣздными, узкими улицами, съ такой неустроенной базарной площадью, которая зимою превращалась въ мѣсиво грязи, невылазной и непроѣздной до того, что базаръ перекочевывалъ съ одного пункта на другой. Подъѣздныя къ Челеку дороги изъ Самарканда, Яны-кургана и Джизака, благодаря глинистому грунту, были таковы, что въ зимніе мѣсяцы ими невозможно было пользоваться, а приходилось пробираться садами и пашнями, съ большими трудностями. Долго, сотни лѣтъ, Челекъ оставался важнымъ военнымъ пунктомъ у бухарцевъ, но какъ военное, такъ и торговое значеніе нисколько не помогло ему тогда прилично устроиться. Только нѣсколько лѣтъ назадъ Челекъ превратился въ привѣтливый, вполнѣ устроенный уголокъ, съ шоссированными дорогами, улицами, съ общественнымъ садомъ, съ обширнымъ шоссированнымъ базаромъ, на которомъ располагается до 1000 лавокъ, 30 навѣсовъ для склада хлѣбныхъ продуктовъ и 6 караванъ-сараевъ. Вся болотистая окрестность осушена и пересѣчена подъѣздными, шоссированными дорогами. Общее протяженіе шоссировки въ Челекѣ 5 верстъ. Стоимость такого устройства этого значительнаго торговаго пункта 8000 руб. Благодаря своему транзитному положенію на прямомъ пути въ Бухару изъ хлѣбороднаго Джизакскаго уѣзда, Челекъ и самъ началъ дѣлаться пунктомъ оптовой торговли и значительнаго отпуска хлѣба и риса въ Бухарское ханство.

Отъ Челека по долинѣ, въ 15 верстъ шириною, между горами Гудунъ-тау и Карача-тау, хорошая колесная дорога идетъ чрезъ селенія Ташъ-рабатъ, Хоча, Туркъ, Джорбулакъ

до пограничнаго съ Самаркандскимъ уѣздомъ селенія Кара-абдалъ, Джизакскаго уѣзда, всего 50 верстъ. Вся долина и сопровождающія ее горы сплошь обработаны подъ яровыми посѣвами, дающими урожай отъ самъ 6 до самъ 50, смотря по количеству дождей и по характеру весны. При отсутствіи у джизакцевъ хераджной системы податей, они имѣютъ возможность увеличивать свои запашки богары, а потому населеніе Джизакскаго уѣзда вырабатываетъ такую массу хлѣба, которая не только покрываетъ мѣстную потребность, но и расходится на сосѣдніе рынки и въ Бухару. Еще 15 лѣтъ тому назадъ горы Кара-абдала, Саурука, Накрута, Горошана имѣли много свободной земли, на которой паслись стада скота; теперь же все распахано, вся земля получила собственниковъ и поднялась въ цѣнѣ до 20 рублей за десятину, а скотоводство исчезло.

Изъ Кара-абдала, большого разбросаннаго узбекскаго селенія, дорога идетъ чрезъ поселокъ Хосанъ-ата на перевалъ въ 5000 футовъ. Восьмиверстный подъемъ этотъ довольно пологій, вовсе не каменистый и вообще удобный какъ вьючный путь; нѣсколько хуже сѣверный, крутой склонъ горъ, гдѣ узкая тропинка вьется по скаламъ до самаго спуска на протяженіи четырехъ верстъ, а далѣе до Яны-кишлака, всего 8 верстъ, дорога вполнѣ разработана. Яны-кишлакъ селеніе въ 240 дворовъ при небольшомъ, горномъ ручьѣ Акъ-булакъ, орошающемъ только лишь клеверныя поля и очень бѣдные растительностью сады. Окружающія его горы совершенно безлѣсны, но сплошь заняты богарными пашнями. Во всѣхъ пунктахъ, отъ Самарканда до Яны-кишлака, Реомюръ показывалъ въ половинѣ іюня, въ 12 часовъ дня, 29° въ тѣни и въ 4 часа утра 17°.

Изъ Яны-кишлака мы выѣхали въ 5 часовъ утра, чтобы прослѣдовать тридцативерстный переходъ на соленое озеро до жары, которая давала уже себя чувствовать въ 10 часовъ дня. Степной путь этотъ прерывается въ 10 верстахъ отъ Яны-кишлака невысокой грядой горъ, носящей мѣстное названіе

Кальменты. Гряда эта тянется съ востока на западъ, параллельно главному хребту Кара-тау, всего 10 верстъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходитъ путь къ соленому озеру, имѣетъ скалистое ущелье, перегороженное каменной стѣною, высотою въ 2 сажени, длиною около двадцати саженей, толщиною въ основаніи два аршина. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, стѣна эта называется Ханъ-бонда и была возведена по приказанію эмира Абдулла-хана для удержанія дождевыхъ потоковъ на южной сторонѣ этой гряды, съ цѣлью поддержанія здѣсь искусственнаго орошенія, слѣды котораго дѣйствительно остались и теперь. У подножія гряды Кальменты, на южной сторонѣ ея, имѣется искусственная, очевидно, котловина, въ которой, благодаря запрудѣ Ханъ-бондъ, вода держится до августа мѣсяца. Несомнѣнно, что когда-то запруда Ханъ-бондъ выполняла свое назначеніе, и скоплявшаяся въ устроенныхъ резервуарахъ дождевая вода служила для орошенія значительнаго раіона. Реставрировать запруду и дать орошеніе этой части долины вполнѣ возможно и теперь.

Перейдя гряду Кельменты по очень каменистой, извилистой тропинкѣ, далѣе дорога идетъ равниной, обильно поросшей полынью, колючимъ ковылемъ, ассафетидой, газаръ-испандъ и метлицей. Обиліемъ травъ и близостью прѣсной подпочвенной воды, а также соленыхъ озеръ, степь эта представляетъ весьма благопріятныя условія для скотоводства, а потому кочевники стоятъ здѣсь съ своими аулами круглый годъ.

Отъ Ханъ-бенды, пройдя урочище Итъ-рабатъ съ колодцемъ прѣсной воды, путь упирается въ западную оконечность второй невысокой гряды Пистали-тау, которая начинается отъ Караулъ-сенгира на востокѣ и тянется 25 верстъ до урочища Биръ-ишекъ. Какъ самое названіе этой гряды, такъ и разсказы туземцевъ разъясняютъ, что лѣтъ тридцать назадъ она была покрыта сплошь лѣсомъ фисташковаго дерева. Утверждаютъ, что прежде Пистали-тау давала громадный сборъ фисташекъ и бузгунча, караваны съ которымъ направлялись отсюда въ Бухару, Ташкентъ и Хиву. Теперь же на всемъ

двадцатипятиверстномъ протяженіи этой невысокой гряды не найдется ни одного деревца, ни одного куста: все оголено уже давно, вслѣдствіе полной незаботливости ханскаго правительства о сбереженіи лѣсовъ. Въ настоящее время гряда Пистали-тау служитъ лѣтовкою для киргизовъ Писталитаусской волости Джизакскаго уѣзда. Постоянное пребываніе здѣсь кочевниковъ съ своимъ скотомъ не можетъ, конечно, способствовать естественному лѣсообсѣмененію Пистали-тау; но несомнѣнно, что оно развилось бы, если бы предоставить и этой грядѣ такой отдыхъ, какой данъ горамъ Пенджекентскимъ, обильно поросшимъ въ послѣднія десять лѣтъ лѣсомъ и кустарникомъ.

Мы позволимъ себѣ высказать также предположеніе возможности культивировать на прекрасной, мергелевой почвѣ Пистали-тау не только фисташковое дерево, но и чайный кустъ, такъ какъ и почва, и климатъ вполнѣ благопріятствуютъ этому. Если бы намъ возразили, что такой культивировкѣ индійскаго чайнаго куста могутъ помѣшать зимніе морозы, достигающіе въ этой части степи до десяти градусовъ, то можемъ сказать, что если такіе же холода не губятъ на горахъ Шахрисябзя и въ Бухарѣ гранатовые кусты и анжиръ (фиги), тщательно укутываемые на зиму, то не погубили бы они и чайный кустъ. Въ особенности культура чайнаго куста могла бы пойти съ успѣхомъ въ теплыхъ ущельяхъ Хальгара и Магіяна, гдѣ на низшихъ склонахъ горъ снѣгъ почти не держится, а малоземелье заставляетъ горцевъ вести садоводческое хозяйство. По разсказамъ, въ прежнее время Пистали-тау была охраняема отъ кочевниковъ и углепромышленниковъ, пока сборъ фисташекъ составлялъ казенную монополію, но затѣмъ, въ болѣе поздній періодъ времени, кочевники остались безъ контроля, и углеобжиганіе довершило полное истребленіе фисташковаго лѣса.

Вообще, лѣтъ сто тому назадъ, весь этотъ степной раіонъ, съ своими солеными озерами, пользовался не малымъ значеніемъ. Здѣсь, въ шести верстахъ на сѣверъ отъ Пистали-тау,

и до сихъ поръ уцѣлѣли огромныя каменныя постройки временъ Абдулла-хана, которыя служили кажется караванъ-сараями на трактѣ изъ Коканда въ Хиву. Теперь постройки Кошъ-рабатъ стоятъ полуразрушенными, давно уже никакого назначенія не имѣютъ и служатъ лишь киргизамъ для добыванія жженаго кирпича, изъ котораго они дѣлаютъ могильные памятники. Ужъ если это громадное сооруженіе дѣйствительно отжило спеціальное свое назначеніе, не лучше ли было бы воспользоваться имъ для устройства на берегу Курчукъ-ата помѣщенія-пріюта для съѣзжающихся сюда, въ теченіе каждаго лѣта, массами больныхъ туземцевъ. Насколько это дѣйствительно необходимо и вполнѣ возможно—скажемъ ниже.

Итакъ, 15 іюня мы добрались до солепаго озера, проѣхавъ отъ Самарканда верхомъ 130 верстъ. Благодаря присутствію киргизскихъ ауловъ всего въ трехъ верстахъ отъ озера, представилась возможность нанять юрты, а лошадей пришлось отправить въ Яны-кишлакъ, за 30 верстъ, такъ какъ было затруднительно продовольствовать ихъ въ теченіе шести дней, которые предстояло пробыть здѣсь. Пришлось оставить только одну вьючную лошадь, для подвоза въ турсукахъ воды изъ ближайшихъ колодцевъ, въ трехъ верстахъ отъ ставки.

Показанное на картѣ Туркестанскаго военнаго округа между 40—41° восточной долготы и 37—38° сѣверной широты, озеро *Тузъ-канъ* или въ переводѣ — соленая копь, носитъ у туземцевъ названіе *Курчукъ-ата* (пустынникъ), по имени какого-то магометанскаго отшельника, болѣе чѣмъ скромная могила котораго, съ неизбѣжнымъ тугомъ и массой лоскутковъ, оставленныхъ посѣтителями, расположена на песчаномъ холмѣ западнаго берега озера. Холмъ этотъ, въ три квадратныхъ версты, служитъ сборнымъ пунктомъ для пользующихся грязями, такъ какъ отъ него до грязевыхъ ваннъ приходится пройти всего сто шаговъ. Соленое озеро *Курчукъ-ата*, начинаясь отъ Кокъ-тепе на востокѣ, тянется на западъ 26 верстъ, до урочища Кара-мулла; на югѣ оно подходитъ къ

самому подножью гряды Пистали-тау, а на сѣверѣ замыкается песчаными холмами. Въ теченіе лѣта озеро остается покрытымъ сплошной корой кристаллической соли, толщиною отъ ½ до трехъ вершковъ. На западномъ берегу озера воды очень немного и купанье затруднительно. Вода озера прозрачная, очень соленая, съ незначительной горечью. Подъ слоемъ соли залегаетъ толстый слой черной, очень липкой грязи, въ которой содержатся, кромѣ соли, и продукты растительныхъ и животныхъ веществъ. Грязь отзывается запахомъ сѣрнистаго водорода, быстро сохнетъ на воздухѣ и трудно смывается. На разстояніи ста шаговъ отъ берега толщина слоя грязи доходитъ до 2,5 аршинъ, а ниже слѣдуетъ слой глины съ пескомъ. Окружающая озеро мѣстность слегка волнистая, песчаная, съ бѣлесоватымъ налетомъ соли, совершенно обнаженная отъ всякой древесной или кустарной растительности и богато покрытая вышеперечисленными травами. Животныя и птицы совершенно отсутствуютъ. Въ сухихъ мѣстахъ на берегу озера встрѣчаются фаланги и скорпіоны. Господствующій восточный вѣтеръ всегда почти жаркій (гармсиль) и, напротивъ, западный—прохладный. Въ теченіи четырехъ дней, въ половинѣ іюня, при гармсилѣ Реомюръ показывалъ въ 12 часовъ дня 36° въ тѣни, 48°—на солнцѣ, 42° —въ озерной водѣ; температура тѣла 38° Цельзія. При такомъ горячемъ вѣтрѣ, почью въ 3 часа, Реомюръ показывалъ 34°. При западномъ вѣтрѣ полдневная температура 29° въ тѣни и 17° ночью.

Грязь, отрытая въ 6 часовъ утра, нагрѣвается въ 9 часовъ до 26°, въ 10 часовъ—до 32°, въ 12½ часовъ—до 50°. Послѣ ванны въ 33°, температура тѣла была 38,5 С., а пульсъ 105 ударовъ въ минуту.

Грязевыя ванны принимаются такимъ порядкомъ: съ шести часовъ утра, шагахъ въ тридцати отъ берега озера, отрывается ровикъ глубиною въ одинъ футъ, длиною въ 2,5 аршина, шириною полъ-аршина, причемъ вынутую грязь кладутъ по краямъ ровика. По близости такого ровика-ванны вырываютъ еще неглубокую яму, въ которую быстро накопляется со-

леная вода (рапа), необходимая для обмыванія. Когда грязь нагрѣется до требуемой температуры, больной, раздѣвшись, ложится въ ванну и обкладывается до шеи приготовленной нагрѣтой грязью, причемъ на грудь кладется слой не толще полвершка. Если больной чувствуетъ въ ваннѣ головокруженіе, кладутъ на голову холодные компрессы изъ прѣсной воды. Въ ваннѣ больной остается отъ двадцати минутъ до часу, смотря по выносливости субъекта, причемъ надъ головой держатъ все время зонтикъ. Поднявшись изъ ванны, больной окачивается согрѣтой до 30° рапой и, хорошо укутавшись, отправляется въ юрту, гдѣ немедленно ложится въ постель, подъ теплое одѣяло, причемъ юрта должна быть плотно закрыта со всѣхъ сторонъ, дабы не проникалъ ни малѣйшій вѣтеръ. Въ постели прогрессъ потѣнія продолжается часа три, послѣ чего больной можетъ встать, но долженъ оставаться въ юртѣ, гдѣ слѣдуетъ поливать почаще полъ, а ночью отнюдь не спать на воздухѣ. Смотря по выносливости больного, ванны можно принимать подрядъ нѣсколько дней, или же чрезъ день. При лѣченіи рекомендуютъ держать діэту, ѣсть умѣренно, избѣгать спиртнаго, кислаго, соленаго и сладкаго. Во все время пріема ваннъ и дней девять спустя послѣ такого лѣченія не слѣдуетъ омываться прѣсной водой и требуется беречься простуды. Смотря по роду болѣзни, принимаютъ отъ одной до десяти ваннъ, не болѣе. Дѣйствіе ваннъ выражается въ первые дни сильной слабостью, упадкомъ духа, раздражительностью и такое состояніе продолжается недѣли двѣ послѣ лѣченія, а затѣмъ, если ванны оказали надлежащее дѣйстзіе, организмъ начинаетъ укрѣпляться и выздоровленіе наступаетъ быстро. Нѣкоторые больные принимаютъ однѣ лишь рапныя ванны, отъ одной до пяти,—другіе же послѣ грязевыхъ ваннъ заканчиваютъ лѣченіе песочной ванной изъ нагрѣтаго до сорока градусовъ песку, которая, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, дѣйствуетъ еще сильнѣе грязевыхъ ваннъ.

Мы привели здѣсь свѣдѣнія о ходѣ такого лѣченія минеральными грязями, которымъ пользуются очень немногіе.

Большинство больныхъ ѣдетъ на озеро Курчукъ-ата, заранѣе напуганные разсказами о затрудненіяхъ тамъ въ водѣ, въ продовольствіи, въ неспокойствіи отъ воровства и проходятъ курсъ лѣченія, какъ намъ пришлось наблюдать, такъ: добравшись до озера, отдохнувъ не болѣе двухъ часовъ, больной принимаетъ въ 12 часовъ ванну, нагрѣтую съ утра до 40°, оставаясь въ ней въ бѣльѣ часъ или полтора; выйдя изъ ванны, омывшись рапой, одѣвшись въ 2—3 халата и укутавъ голову, больной садится на лошадь, чтобы ѣхать обратно, въ сопровожденіи 2—3 спутниковъ своихъ. Можно представить, какія мученія испытываетъ несчастный больной, вынужденный проѣхать верхомъ, непосредственно послѣ ванны, 20—30 верстъ до ближайшаго аула, вмѣсто того, чтобы расположиться на отдыхъ и продолжать лѣченіе. Такой пріемъ лѣченія, вынужденный совершеннымъ отсутствіемъ на озерѣ какого бы то ни было помѣщенія, весьма часто влечетъ за собою не улучшеніе, а совершенное разстройство здоровья. Тѣмъ не менѣе, въ теченіи трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ конца мая мѣсяца ежегодно на озеро пріѣзжаетъ не менѣе 1000 человѣкъ больныхъ мужчинъ и женщинъ. Самое главное лишеніе для пріѣзжающихъ—отсутствіе какого бы то ни было помѣщенія для тѣхъ, которые не имѣютъ средствъ нанять юрту изъ ближайшаго аула, а такихъ неимущихъ посѣтителей $^9/_{10}$. Бѣдняки вынуждены располагаться прямо на берегу озера, подъ палящимъ зноемъ. Имѣется на холмѣ крошечная мазанка, едва достаточная для двухъ человѣкъ; но она служитъ жильемъ караульщику-киргизу, который прислуживаетъ больнымъ за получаемыя съ нихъ копѣйки. Въ отношеніи воды и продовольствія, для состоятельныхъ больныхъ не можетъ быть особеннаго затрудненія, такъ какъ прѣсную воду можно возить въ турсукахъ изъ ближайшихъ колодцевъ, а барановъ, хлѣбъ и кумысъ можно покупать въ ближайшихъ аулахъ. Лошадей необходимо отправлять въ ближайшій кишлакъ, Яны-кишлакъ, такъ какъ фуражъ найти трудно, а подножный кормъ встрѣчается не ближе 3—4 верстъ отъ озера.

При ограниченности въ краѣ медицинской помощи для туземцевъ, соленыя озера съ минеральными грязями будутъ и впредь привлекать массы больныхъ всевозможными болѣзнями.

Въ видахъ доставленія нуждающимся возможности правильнаго пользованія минеральными грязями соленыхъ озеръ, имѣющихся во многихъ мѣстахъ края, слѣдовало бы: 1) распространить въ населеніи краткія печатныя наставленія о главныхъ пріемахъ лѣченія грязевыми ваннами и купаньемъ отъ тѣхъ или другихъ болѣзней, дабы предупредить поѣздки такихъ больныхъ, которымъ грязевыя и соленыя ванны положительно вредны; 2) произвести изслѣдованіе соленыхъ озеръ и характеръ дѣйствія мѣстнаго лѣченія минеральными грязями, составъ которыхъ неизвѣстенъ пока; 3) устроить при озерахъ достаточныя помѣщенія, квартиры, для пріѣзжающихъ пользоваться купаньемъ и грязями; 4) если возможно, посылать одного врача и фельдшера на время лѣчебнаго сезона; 5) имѣть при помѣщеніи двухъ постоянныхъ караульщиковъ, съ достаточнымъ числомъ кожаныхъ турсуковъ и кувшиновъ, для доставленія больнымъ воды изъ колодцевъ; 6) имѣть при помѣщеніи достаточное количество дарового топлива (кизякъ, бурьянъ), которое такъ необходимо пріѣзжающимъ, для приготовленія пищи и согрѣванія чайниковъ. Содержаніе двухъ постоянныхъ караульщиковъ, 3—4 человѣка прислуги и поставка, въ нужномъ количествѣ, топлива, могли бы быть приняты на себя киргизами Пистали-таусской волости. Такая повинность нисколько не можетъ быть тягостною для киргизовъ и будетъ вполнѣ справедлива, потому что киргизы исключительно пользуются даровой добычей, въ теченіи лѣта, озерной соли, приносящей имъ значительный доходъ; они пользуются, также даромъ, степнымъ саксауломъ, добывая изъ него каждогодно не менѣе полмилліона пудовъ угля, на сумму до ста тысячъ рублей.

Устройство удобнаго помѣщенія на томъ холмѣ при озерѣ Курчукъ-ата, гдѣ его замѣняетъ теперь мазанка въ 2,5 квадратныхъ аршина, вполнѣ выполнимо, пока можно еще воспользоваться жженымъ кирпичемъ отъ громадныхъ сводчатыхъ построекъ Кошъ-рабата. Постройка можетъ быть выполнена опытными, туземными мастерами или въ видѣ сводчатыхъ комнатъ въ одну линію съ общей террасой при нихъ, или же такая постройка изъ жженаго кирпича можетъ быть сдѣлана подъ земляной крышей. Конечно, помѣщеніе должно быть устроено незатѣйливо, но такъ, чтобы оно вполнѣ удовлетворяло гигіеническимъ требованіямъ и условіямъ климата. Невдалекѣ, отдѣльно, долженъ быть устроенъ поднавѣсъ для лошадей. Кухня должна быть приспособлена для согрѣванія чайниковъ, хлѣбопеченія и приготовленія пищи. Комнаты должны имѣть размѣры на три кровати. Все помѣщеніе должно быть разсчитано на 60 человѣкъ. Съ увѣренностью можно сказать, что если осуществится устройство на Курчукъ-ата такого пріюта для пріѣзжающихъ больныхъ, населеніе поблагодаритъ за эту заботливость о немъ и, конечно, будетъ пользоваться грязевымъ лѣченіемъ въ большемъ противъ настоящаго числѣ и съ большей пользой, чѣмъ теперь. Въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія, ибо кто же станетъ отрицать, что туземецъ очень нуждается въ правильной медицинской помощи. Если лѣчебная станція получитъ достаточно правильную организацію, безъ всякихъ разумѣется денежныхъ сборовъ съ посѣтителей, явятся навѣрное маркитанты-туземцы и тогда больному бѣдняку не трудно будетъ пройти весь курсъ лѣченія, а не бѣжать, какъ теперь, послѣ первой же ванны, по невозможности укрыться отъ солнца и воспользоваться какъ слѣдуетъ Божьей благодатью цѣлебнаго мѣста.

Зная, какая масса въ средѣ туземнаго населенія больныхъ ревматизмомъ, сифилисомъ, накожными страданіями, надо ожидать, что съ устройствомъ пріюта на Курчукъ-ата съѣздъ больныхъ будетъ громадный, такъ какъ пути къ озеру весьма удобны: изъ Самарканда вышеописанный, кратчайшій путь верховой, а изъ Джизака—прекрасный колесный, степной путь, чрезъ Клы, въ 65 верстъ только.

Насмотрѣвшись въ шесть дней своего пребыванія на озерѣ Курчукъ-ата, какія лишенія и страданія терпятъ бѣдняки-туземцы, пріѣзжая верхомъ, иные за сотни верстъ, съ серьезными болѣзнями, пожелаю отъ души, чтобы въ скоромъ времени больной встрѣтилъ бы тамъ лѣчебный пріютъ и заботу.

Поживемъ—услышимъ.

Р. К. Т. У. Ц.
10/XII-32